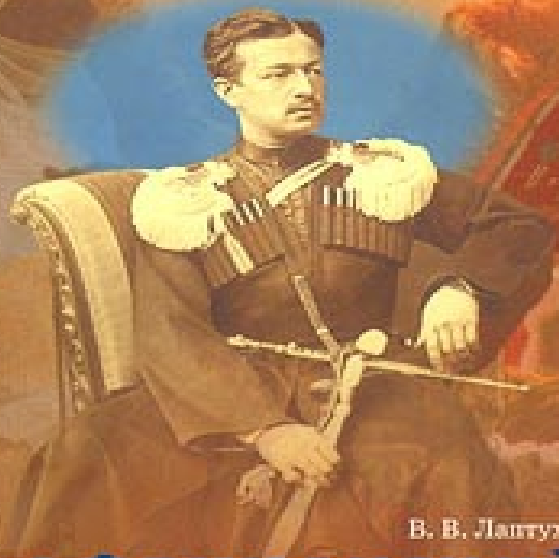

ТЕРА

КАЗАНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. В. Лаптухин

АФРИКАНСКИЙ КАЗАК

ВЕС

Annotation

Автор этой книги — В. В. Лаптухин — писатель, журналист-международник, более восьми лет проработавший в странах Западной и Южной Африки.

Действие романа происходит в конце XIX— начале XX в. Герой — казачий офицер Дмитрий Есаулов — отправляется на военно-дипломатическую службу в Египет. Здесь и начинаются его головокружительные приключения, которые забрасывают его в страны Тропической Африки.

- [В. В. Лаптухин](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
-

В. В. Лаптухин
Африканский казак

— В седле не спать, не зевать! Миронов, повод мертвой рукой держишь! Голову жеребцу подними, баловать не давай! Крюков, смени ногу! Правую шпору приложить, пошли на новый круг! Миронов, деревня ты сиволапая, слушай команду! Проснись!

Спать и в самом деле стало невозможно. Хорошо еще, что после ночного дежурства удалось почти два часа поспать на лавке в канцелярии при манеже. Надо думать, что за это время Сидорыч, лучший шорник во всей императорской конной гвардии, уже успел подогнать Орлику новую сбрую. Конечно, такую работу очень просто можно сделать и самому, но навести столичный шик может только мастер своего дела. Седло и сбруя на коне под хорунжим лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка не должны вызывать ничьих замечаний.

— Слушай мою команду! Сабли вон! Сабли к атаке! Марш-марш! — За стеной начальственный бас заглушал топот копыт и храп лошадей. — Руби пехоту налево! Закройся назад направо! Крюков, не маши саблями как веником! Так коню и ухо срубишь!

Дмитрий вышел из канцелярии. Утро было ясное, прохладное, последние листья деревьев золотились под осенним солнцем. Рыжеусый вахмистр воспользовался такой хорошей погодой и вывел на учения гусарский молодец. Гонял их парами на летнем поле, пока

остальные стояли с краю, держа коней в поводу. Все ребята среднего роста, русоволосые и голубоглазые. Одеты в гимнастерки, белые холщовые рубахи, недавно введенные в армии как специальная форма для строевых и спортивных занятий. Все гусары подобраны один к одному, стоят в своих алых фуражках словно выводок молодых грибов боровиков.

В российской конной гвардии все полки составлены в масть. В Кавалергардском увидишь только рослых блондинов на гнедых конях, в лейб-гвардии Конном — усатых брюнетов на вороных, а казаки лейб-гвардии Атаманского полка все красуются при русых бородах и под седлом имеют рыжих коней.

Сам Дмитрий смуглолиц и кареглаз, роста хотя и среднего, но, когда сидит на своем гнедом Орлике, смотрится как картинка. На смоляной чуб и алый мундир молодого хорунжего уже обратили внимание многие барышни и в Царском Селе, и в Гатчине.

— Здравия желаю, ваше благородие! Виноват, Дмитрий Михайлович, расшумелись мы туточки, не знали, что вы рядом отдыхаете.

На рукаве у вахмистра три широкие нашивки за двадцать лет беспорочной службы, после сидения в седле на многоверстных переходах ноги скривило колесом, пышные усы едва прикрывают сабельный пра́м на щеке. Служебный политес старый служака понимает по тонкости — казачий офицер может

поплатиться до тонкости казенный офицер может отсыпаться в чужом полку только с ведома начальства и уж никак не может возражать против проведения учений. Но приличия следует соблюдать, как бы извиниться за причиненное беспокойство.

— Продолжай занятие. Я тут к вашему Сидорычу по делу заглянул.

— То-то я пляжу, что он подгоняет и сбрую на чужого коня, — расплылся вахмистр в умильной улыбке. — Ваше благородие, как его работу станете опробовать, сделайте божескую милость, покажите рубку лозы с обеих рук. Намедни наш эскадронный очень много хороших слов говорил об этом вашем даровании. Молодняку нашему будет поучительно на такое хоть одним глазом взглянуть. Ребятки-то все первогодки, еще совсем зеленые.

— Отчего не показать, покажу. Этому меня с ранних лет дядя обучал, — согласился Дмитрий.

Еще раз посмотрел на молодых гусар. Парни ладные, но пока еще имеют взгляд робкий да и шеи тонковаты, а голенища казенных сапог болтаются на икрах, не сидят в обтяжку. Эти двое в седле держатся так, словно табун в ночное собрались гнать. Ничего, в полку их военному делу и всем артикулам быстро обучат, сделают лихими рубаками. И уж, конечно, подкормят.

У батюшки-царя солдаты не голодают. Хотя

разносолов не подают, но горячее служивые имеют три раза в день — густые щи с мясом, масляную кашу, чай, сахар и три фунта хлеба. Первогодков кормят с лотка — кто сколько сможет, столько и съест. Старослужащие, которые такой паек не осиливают, получают с казны разницу деньгами.

Но и службу в полках спрашивают строго. У кавалеристов подъем трубят в пять часов утра, и начинается долгий рабочий день. После молитвы и завтрака надо вычистить, накормить и напоить коней. В полдень опять водопой и новая дача овса, в шесть вечера повторная уборка лошадей, в третий раз водопой и кормежка. Через три часа раскладка сена на ночь, молитва, трубачи играют «вечернюю зорю» и полки засыпают. Однако солдаты не конюхи, под неусыпным наблюдением унтер-офицеров и офицеров им еще надлежит следить за своей амуницией, конской сбруей, оружием. И все долгие четыре года службы учиться военному делу, учиться и снова учиться. Надо освоить правильную посадку в седле, научиться владеть холодным оружием и стрелять. Молодым предстоит выдержать эскадронные учения на плацу. Сначала «пешие по-конному», в которых кавалеристы пешком разучивают конные построения, а потом и настоящие маневры, когда полки лишь по взмаху генеральской сабли меняют построения и переходят с одного аллюра на другой. И потом нескончаемая череда маршей,

учений, стрельб, караулов... Но бывают еще парады и смотры, когда начальство сходит с ума в стремлении навести немыслимую чистоту и порядок, а эскадроны сверкают на поле словно только что отчеканенные серебряные рубли.

Этим парням, вчерашним пахарям и мастеровым, надо быть готовыми и к тому, что может разразиться война и маневры превратятся в настоящие сражения с убитыми и ранеными. Вот тогда им и предстоит узнать справедливость слов генералиссимуса Суворова о том, что «тяжело в учении, легко в бою». Те, кто уцелеет, будут потом вспоминать прошлое. Как вспоминают сейчас в станицах увешанные крестами и медалями старики. Про страшное и горькое не говорят, рассказы ведут все больше о счастливых или веселых случаях.

Совсем как ветхий дед Ерофей, в сотне которого после войны с Наполеоном в живых осталось не более десятка казаков. У него всегда речь идет об одном и том же. О том, как на разномастных конях, в истрепанном в боях и походах обмундировании, а некоторые даже и без сапог входили казаки в Париж. Тогда начальство очень смущалось, что в таком неприглядном виде приходится допускать сотни во французскую столицу. Но сами казаки не тужили на этот счет. Радовались, что войне пришел конец. На бульварах весело распивали местное шипучее вино и покрикивали на трактирщиков — «полавай быстро!». А те только повторяли — «быстро-

бистро!» и спешили сменить бутылки.

Казакам, конечно, легче привыкать к военной службе. Сколько веков их деда-прадеды на российской границе караул несут. Все они относятся к военному сословию и проживают на землях, которые в военном и административном отношении подчиняются Главному штабу военного министерства. Каждый казак в восемнадцать лет должен обзавестись за свой счет обмундированием, пашкой и конем, а потом явиться на царскую службу. Первые три года он считается в «приготовительном разряде», обучается в лагерях вблизи от родной станицы, потом двадцать лет служит в «строевом разряде» в одном из полков, разбросанных по всей империи. После этого переходит в «запасной разряд», а затем и в ополчение. Так и проходит вся жизнь служивого. Но и казна, в свою очередь, не скупится на льготы, освобождает казаков от выплаты податей и налогов. На прожитие и содержание семьи каждому казаку она выделяет в постоянное пользование добрый надел в тридцать, а то и больше десятин плодородной земли¹. Станицы имеют собственные выпасы, мельницы, рыбные угодья. Офицерам казачьих войск жаловано потомственное дворянство и все положенные этому сословию привилегии.

Так служил и дед Николай. На войну с французами уходил простым казаком, но был смел и расчетлив. Знал,

когда нужно бросаться в атаку, а когда отойти или залечь в засаде. В 1813 году в битве под немецким городом Лейпцигом лейб-гвардии Казачий полк, в котором он служил, бросился в отчаянную атаку на железный строй кирасир Наполеона. Враг внезапным ударом прорвал шеренги пехоты, смял артиллерийские батареи и мчался прямо на холм, с которого российский и австрийский императоры и прусский король наблюдали за ходом сражения. Много казаков полегло у того холма, но союзные императоры от неминуемого плена были спасены. Дед был ранен, но остался в строю и за геройство получил первый офицерский чин. Он храбро и счастливо сражался и в других боях и на Дон уже вернулся сотником.

Офицерами стали и оба его сына. Старший Михаил рано погиб на Кавказе, а через несколько лет скончалась и его жена. Так что маленького Митю растил дядя Семен. Этот почти всю жизнь провел в дальних походах. Домой только и возвращался для того, чтобы передохнуть и познакомиться с очередной дочкой, которой его неизменно радовала жена. Поэтому когда вышел в отставку в чине полковника, много времени уделял воспитанию единственного в семье мальчика — племянника.

Крутил седой ус, наставлял: «Запомни, Митя, мы, Урядниковы, старинный казачий род. В грамотах про нас не прописано, но служим мы России не меньше

трехсот лет. На границе в степи оборону держали, но, когда нужно, и сами в походы на юг уходили. Привыкли к воле и простору, к тому, что надеяться надо не на чужой указ, а на собственную силу и смекалку. Есть предание, что один из Урядниковых принимал участие в морских походах донских казаков на турецкие берега... Ты, Митя, должен верно служить, как дедушка Николай и все мы. За веру, царя и Отечество».

Рос Дмитрий на дядином хуторе, что стоял на крутом донском берегу. Весело гонял с соседскими ребятами по степи, ловил рыбу и обедался тетушкиными пирогами. А югда исполнилось ему десять лет, отвез дядя племянника в Москву в кадетский корпус, велел осваивать науки, привыкать к новым людям и порядкам.

Поначалу учеба давалась Дмитрию с трудом, хотя старался изо всех сил. Иные бойкие кадеты подсмеивались над усердным казачонком, его говором и повадками, но утомонились, после того как пару раз получили отпор. Дали прозвище Хан Половецкий, стали уважать. Курс наук Дмитрий завершил успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище. Его окончил с отличием и исполнил мечту дяди, вступил в гвардейский полк, где когда-то служил его дед.

— Ваше благородие, работа готова! Извольте сами взглянуть! — отрапортовал подбежавший помощник Силоповича.

— Отлично, — кивнул Дмитрий. — Вахмистр, приготовь все для показа. Я сейчас подъеду.

Показывать работу пашкой приходилось не раз. Еще в детстве дядя Семен заставлял фехтовать левой рукой, много времени ушло на такие упражнения и в училище. Вот и сейчас Орлик пошел по учебному полю крупной рысью и Дмитрий действовал то одной, то другой рукой. Срубленные косым ударом толстые ореховые прутья не валились на сторону, а вертикально втыкались в землю у основания стоек. Ком глины, положенный на подставку на высоту человеческой головы, одним махом развалил так чисто, что гладкая поверхность среза влажно заблестела на солнце.

Успех был полный. Вахмистр удовлетворенно поглаживал усы, а молодые гусары застыли в восхищении. Очень довольный собой, хорунжий покинул поле.

2

День и верно порадовал отличной погодой, какая выпадает порой в самом конце бабьего лета даже в этих северных краях. О сыром холоде, пронизывающих ветрах и гнетущем мраке петербургской зимы не хотелось и думать. Но как можно было забыть эти ранние подъемы в казармах, построенных на берегу

Обводного канала, давно ставшего сточной канавой для многочисленных заводов, фабрик и вокзалов российской столицы. Или долгие караулы в душных и тесных комнатах небольшого Аничкова дворца, еще с детских лет полюбившегося императору Александру Третьему! Сам государь терпеть не мог огромных залов и анфилад Зимнего, говорил, что они насквозь продуваются ветрами с Невы, и ругал придворных истопников за то, что они никак не могут натопить дворец. Не хотелось вспоминать и о монотонных парадных прохождении по столичным площадям и проспектам, о шумных балах с мазурками и вальсами до самого утра, на которых молодые офицеры были обязаны быть партнерами светских дам... Как-то очень уж скоро такая однообразная жизнь стала раздражать.

Дмитрий отогнал тягостные мысли. Служба в гвардейском полку началась хорошо. Здоровьем и хваткой Бог не обидел. Ну а если и бывает трудно, то, как говорится, терпи казак, атаманом будешь!

Копыта Орлика звонко цокали по булыжникам шоссе, а яркое голубое небо и багряная листва высаженных по обочинам лип и кленов радовали глаз. Солнце весело вспыхнуло на старинных бронзовых доспехах, водруженных на высокие колонны по обеим сторонам шоссе. В такую погоду даже полосатая караульная будка и шлагбаум выглядели празднично. Вот она. Гатчина. где живет и трудится российский

император Александр Александрович Романов. Имя этого городка хорошо известно во всех столицах мира, и аккредитованные в Санкт-Петербурге послы иностранных держав жадно ловят все вести, которые доносятся отсюда.

Невелик городок, но разбит по строгому плану. Улицы пересекаются под прямым углом, на главной площади, как и положено, возвышается съезжий дом с осанистой колокольней. Рядом с центром городской власти стоит и пятиглавый собор. В городе дома все больше каменные, строгие и опрятные, украшенные без всяких затей и фантазий. В густых садах укрыты бесчисленные дачи, павильоны и беседки. На улицах все и всегда происходит чинно и пристойно. Здесь живут важные придворные чины и служивый люд, который трудится в огромном хозяйстве императорского дворца — повара, лакеи, певчие, прачки, столяры, садовники. Вот и сам дворец. В прошлом, восемнадцатом, веке он стал резиденцией наследника российского престола — будущего императора Павла Первого. Многие здесь построены по его личному повелению и под собственным присмотром. Две массивные башни дворца высоко поднялись над серым монолитом главного здания, окружающими его флигелями и службами. Все исполнено согласно высочайше утвержденным чертежам, и здания встали словно

полковые колонны на царском смотру.

Но в отличие от них окружающий дворец парк являет собой тщательно продуманный беспорядок. Такое разнообразие ландшафта, которое редко увидишь в природе. Широкие поляны чередуются с живописными рощами, деревья которых смотрятся в зеркала огромных озер. Причудливо извивающиеся каналы и протоки ведут к тихим прудам и бурным водопадам. Прямые аллеи парка тянутся далеко в окрестные леса, а потом переходят в просеки и тропинки. Там на воле живут олени, лоси, дикие козы и множество всякой дичи. Где-то за речкой Ижорой по лесным холмам бродят стада зубров, доставленных сюда из Беловежской пуши. За всем этим наблюдают служители особой Егерской слободы, в обязанности которых входит содержание дичи и организация придворной охоты.

Красиво это или нет, разговор особый. Но императору здесь нравится. У служащих забот хватает, хозяйство громадное, и содержать его надо в полном порядке. Ну а тому, кто несет охрану, тоже следует держать ухо востро. Надо помнить план окружающей местности, знать все дороги, мосты, объезды и тропинки. Помнить, кто, когда и зачем появляется в этих местах.

— Здорово, станичник!

Из-за поворота выехал казачий разъезд. Мундиры синие с серебром, кони рыжей масти. Это ребята из

лейб-гвардии Атаманского полка, еще одного из казачьих полков, входящих в Императорскую конную гвардию. Сегодня их черед объезжать дозором окрестности Гатчины.

Дмитрий приветствовал знакомого хорунжего, кивнул казакам. Во время караула частный разговор не заведешь, но земляки, все заядлые лошадики, оценили новую сбрую и статью Орлика. Один даже не сдержался — не конь, песня!

Конь и верно знатный. Четырехлеток донских кровей, ведет свой род от тех жеребцов, которых атаман Платов добыл во время персидской кампании. Сколько стоит, страшно сказать. Спасибо дяде Семену, одарил племянника при вступлении в полк, от приданого родным дочерям удержал часть. Офицером служить в гвардии почетно, но и накладно, жалования никак не хватает. Даже если не кутить и не играть в карты, тратиться приходится на многое, а жить в столице дорого, и от товарищей отставать нельзя. Вот хотя бы и эта сбруя — Сидорыч ее не за спасибо сработал.

Вон от дверей своего домика приветливо машет Джим Геркулес, зовет на чай. Повезло мужику в том, что уродился таким громадным, с черной-пречерной кожей. Вся его работа в том и состоит, чтобы открывать и закрывать двери в царских покоях и объявлять о том, что государь или государыня «сейчас изволят быть». Сегодня он в котелке и сюртуке, так что только по цвету

лица и признаешь. Но на службе Геркулес вместе с такими же мускулистыми гигантами носит алые шаровары, расшитую золотом куртку, тюрбан с пером и туфли с загнутыми носами. Хотя его и зовут «эфиопом», но все знают, что он родом откуда-то из-под Нью-Йорка. Каждый год ездит домой в отпуск. Последний раз привез душистый мармелад из американского фрукта под названием гуава, угощал знакомых.

Дмитрию случалось часами выстаивать с Джимом Геркулесом в разных концах одного коридора, видеть, как высокие особы и гости входят и выходят в императорские покои. В другое время можно было бы и чаю попить, послушать, как Джим изъясняется на смеси русского и своего чудного английского, но уже пора явиться в канцелярию. Только рукой помахал.

— Служба, Джим!

— Слюшба, слюшба... — согласно закивал чернокожий гигант. Одарил своей ослепительной улыбкой.

У непривычного человека от такого оскала мороз по коже пробирает. Говорят, какой-то старичок генерал из дальней губернии явился на царский прием и впервые увидел улыбку Джима Геркулеса. Бедняга от неожиданности сомлел, хотел было сотворить крестное знамение, но не смог. Пришлось срочно звать врачей...

Услышав цокот копыт и голос мужа, в окне, среди

кустов цветущей герани, показалась и супруга Геркулеса, мадам Джоанна. Или просто Зинаида Ивановна. Цветом лица посветлей, улыбкой добрее, а вот по-русски шпарит, как торговка с Сенного рынка.

— Здравствуй, Димочка, молодец-красавец! Ох, казак огневой, бабья погибель! В эту субботу явись-покажись — нашему Ванюше-то пять лет исполняется! Испеку пирог с капустой. Твой любимый!

— Спасибо, Зинаида Ивановна! Буду обязательно. Сыночку скажите, что о подарке я не забыл. Пусть готовит возле своей кровати стойло для настоящего строевого жеребца. Прямо из царской конюшни!

Чтобы не опоздать, Дмитрий пустил было коня галопом, но на пересечении аллей, за кустами, заметил какие-то фигуры. Кто такие? Зачем стоят в неположенном месте? Да еще что-то держат в руках!

Круто осадил коня у самых кустов. Тогда и рассмотрел — это же наружная охрана выставила пост на новом месте. Смотри-ка, им накануне осенней непогоды уже и зонтики выдали. Даже галошами снабдили, чтобы не мочили ног в ненастье. Вон и старший их подходит, делает рукой успокоительные знаки. Опять он очки с темными стеклами надел. После того как сопровождал императора во время последней поездки в Копенгаген, где тот гостил у своей тещи, датской королевы, охранник обзавелся этой новинкой. Уверяет, что темные стекла не дают возможности людям

перехватить его взгляд, поэтому в толпе не всякий и поймет, за кем именно он следит. Простой обыватель на такую маскировку и внимания не обратит, будет пялиться на августейшую особу, а вот бомбист-террорист решит, что на него не обращают внимания и можно воспользоваться моментом. Тут-то охрана себя и покажет!

Да, времена теперь изменились. Это раньше государь Николай Первый в легких саночках по Невскому проспекту катался без всякой охраны, сам рысакom правил. Лично наблюдал за порядком, мог прохожего офицера или чиновника остановить, сделать замечание за нарушение формы или за курение на улице.

Его сын Александр Второй такого себе уже не мог позволить. Хотя он и отменил крепостное право в России, если верить официальным сообщениям и газетам, весь народ славил царя-освободителя, но революционеры и всякие нигилисты устроили на него настоящую охоту. Стреляли в императора у решетки Летнего сада в Петербурге, покушались на всемирной выставке во время его визита в Париж, взорвали рельсы под царским поездом, направлявшимся в Москву.

А однажды утром, когда Александр Николаевич совершал свою обычную прогулку по Дворцовой площади, к нему с решительным видом направился неизвестный, державший правую руку в кармане. Единственный полицейский, который должен был

охранять российского монарха, тащился где-то шагах в тридцати сзади. Царь побежал во дворец, петляя как загнанный заяц, а следом за ним гнался террорист и непрерывно палил из револьвера.

На этот раз обошлось, все пули ушли мимо. Повезло императору и во время взрыва, устроенного в самом Зимнем дворце. Тогда удар странной силы встряхнул все здание, разнес находившееся под царской столовой караульное помещение, убил и покалечил около восьмидесяти человек. Государь только потому и остался цел, что принимал иностранных послов, заболтался с ними и опоздал к обеду.

Потом уже следствие установило, что порядка во дворце не было никакого. Убеленный сединами граф Адлерберг, министр императорского двора, очень плохо представлял себе, кто проживает в Зимнем, с какой целью появляются во дворце посторонние люди. Охрана в резиденции российского императора была не более строгой, чем в большой помещичьей усадьбе, где-нибудь в тихой и мирной провинции. Помня о старой дружбе с отцом императора, с которым они много раз навещали Институт благородных девиц в Смольном, где устраивали «смотр» воспитанницам, граф мало считался с чиновниками тайной полиции. Тех из них, кто пытался установить личности проживающих во дворце, Адлерберг гнал в три шеи.

Это и позволило революционеру Степану

Это и позволило революционеру Степану Халтурину, которого полиция разыскивала уже в течение четырех лет, без особого труда устроиться столяром-краснодеревщиком в дворцовые мастерские. Он чинил царскую мебель и успешно готовил взрыв, проносил во дворец динамит. Когда взрывчатки набралось два с половиной пуда, разместил ее под царской столовой и в шесть часов вечера, когда семья Романовых обычно садилась обедать, поджег фитиль.

Однако через год, в марте 1881 года, не обошлось. Революционеры-бомбисты уже несколько месяцев выслеживали императора, вычислили все маршруты и время его поездок по столице. Даже арендовали лавочку и из ее подвала сделали подкоп под улицу, по которой император каждое воскресенье ездил в манеж. На случай, если карета царя изменит путь, они создали целую команду метателей. Они-то и бросили две бомбы, решившие судьбу Александра Второго.

Сын учел печальный опыт отца. Дворцовую охрану возглавил генерал-адъютант Петр Черевин, шеф жандармов и заместитель министра внутренних дел. У него с нигилистами были и личные счеты. Под видом чиновника один из них проник в канцелярию генерала и, подавая на подпись какие-то бумаги, выхватил пистолет. Нигилист промахнулся и был отправлен в Сибирь на каторжные работы «без срока», а новый начальник дворцовой охраны установил самый жесткий

порядок. Теперь Александра Третьего и его семью круглые сутки охраняли не только казаки и кавалергарды, но и караул из пятисот солдат, набранных из гвардейских полков. Часовые стояли у всех входов и выходов, во внутренних покоях, на лестницах, у погребов и кладовых. Не забыли о наружной охране и тайном сыске. Всех, кто жил и работал во дворце, их гостей и знакомых взяли под неусыпный надзор.

В канцелярии Дмитрия приветствовал дежурный офицер. Хотя по чину и выслуге лет был он старше, но говорил с большим почтением.

— К вам, Дмитрий Михайлович, приходил посыльный из дворца. Передал поклон от Сергея Сергеевича, напомнил о том, что Сергей Сергеевич ждет вас на именины. От меня лично соблаговолите передать поклон Сергею Сергеевичу и наилучшие пожелания.

В свою очередь Дмитрий рассыпался в комплиментах — во время службы во дворце набрался и такого рода знаний. Вида не подал, но в душе был недоволен. Рассчитывал, что хотя бы на этот раз забудут о нем. Теперь пропадет весь день и опять придется пропустить посещение университетской библиотеки.

поздравить империатора собралось не более трех десятков гостей. Все люди близкие, доверенные, как говорится, все из своего круга. В ожидании обеда дамы поспешили занять гостиную и накануне открытия столичного осенне-зимнего сезона устроили смотр нарядов и оживленно обсуждали новинки моды.

Мужчины скромно уединились в отдельном зале у длинного закусочного стола.

Как и всегда, Сергей Сергеевич постарался угостить на славу. Конечно, не в пример императорскому, на столе не сверкало фамильное золото, но серебра, хрусталя и дорогого фарфора было предостаточно. Торговые фирмы, в яростной борьбе с конкурентами отстаивающие весьма выгодное звание «поставщик двора Его Величества», и на этот раз не ударили в грязь лицом. Угощение было представлено на все вкусы.

Нежно розовела ветчина, в желе застыли ломти телятины и говяжьи языки, а рядом с ними издавали несравненный аромат балык, семга, копченая корюшка, соленые снетки из Чудского озера. В серебряных жбанах маслянисто поблескивала икра — черная, красная, розовая. По соседству с ней красовались бадейки с солеными огурцами и маринованными грибами, а над двумя блюдами поднимался душистый пар. На них лежали горячие гренки с жареными телячьими мозгами и отварной картофель, неизменный спутник астраханской селедки, запавленной зеленым луком. За

блюдами встал пестрый строй бутылок и графинов — в переднем ряду с московской ржаной водкой тройной перегонки, фирменной продукцией завода вдовы Поповой, за ней следовали прозрачная смирновская, рябиновая, можжевелевая настойки на плодах и травах. На краю любителей поджидали бутылки с иностранными крепкими напитками — ромом, джином, коньяками.

К столу мужчины подступили без лишней суеты, как настоящие знатоки осмотрелись, потом заполнили пузатые серебряные стопочки. Первую пропустили для «фазгона», остальные последовали для «осадки». Но не забывали и про «подкладочку», отдавали должное закускам. Поздравили именинника, повели легкий, приличный случаю разговор.

— О, икра-то отменная!

— Настоящая «троечная». Такую в старину в столицу с Волги мы на тройках спешно везли, так чтобы она свой речной дух не потеряла.

— Удалась настойка! Так смородинным листом и пахнуло.

— Батюшка из имения прислал. Он на своем винном заводе производит настойки на все буквы алфавита.

— Как это понять?

— Гонит «алычевую», «брусничную», «вишневую» и так до «яблочной». Когда губернатор или другие гости

заезжают, есть чем встретить. На то, чтобы все его художества перепробовать, не один день уйдет.

— Хорошо так-то в имении жить. От службы вдали.

— Ваш батюшка, Сергей Сергеевич, монаршую милость заслужил, теперь может жить на покое.

— Да-с, нам без службы никак нельзя, надо и о детках подумать.

— Ох уж эти детки. Моего-то в гимназии совсем заучили. Мало того, что речи Цицерона наизусть долбит, так теперь заставили отрывки из «Капитанской дочки» на латинский язык переводить!

— Иностранные языки знать надо, но в этом граф Дмитрий Андреевич Толстой через край хватил.

— Ах, господа, наш министр просвещения имеет тонкий политический расчет. Помните, как он докладывал государю о необходимости нравственного воспитания общества? Доказал, что классические языки следует изучать для того, чтобы занять умы. Чтобы материализм и другие пагубные учения не охватили наше юношество!

— Батенька, Михаил Петрович, не надо нам казенные циркуляры пересказывать. Лучше послушайте, что третьего дня на балу случилось.

— Это ты про пикантную находку за кадкой с пальмой?

— Во-во, про это самое. Гости вальсы отплясывали до шести утра. В перерывах только шампанским и

до шестнадцати лет, в перерывах между танцами и мороженым освежались. Все в таком веселом забвении находились, что никто и не заметил, как с одной дамы во время танцев нижняя юбка свалилась! Представляете картину, на паркете посередине зала вдруг копыта кружев оказалась! Еще хорошо, что генерал Василий Петрович не растерялся, ловко подхватил ее и швырнул в дальний угол.

— Хе-хе-хе! Мои лакеи потом убрали залы и все гадали, кто бы мог юбку эту потерять.

— Так никто и не признался!

Над последним случаем посмеялись умеренно. Народ у стола собрался солидный, знающий себе цену. Нет, они не представители высшего света. Их имена в газетах не появляются, не звучат на официальных приемах и банкетах. Миллионам жителей России они просто не известны. Но государь, великие князья, члены их семейств, не говоря о всяких там сенаторах, министрах и иностранных послах, об этих людях отзываются с большим уважением. Без них Романовы, как какие-нибудь мелкие германские князьки, прозябали бы во дворце с протекающей крышей. Его царское Величество пробавлялся бы картофельным салатом и жидким пивом, а царица самолично стирала бы воротнички и шлопала чулки. За столом беседовали те, кто непосредственно ведает большим и сложным хозяйством дворцового ведомства, его счетными

конторами, конюшнями, кухнями, многими сотнями дворцовых служителей мужского и женского пола. Те, для кого во дворце нет никаких секретов.

В разговоре, оживленном выпивкой и закуской, стало слышаться такое, что постороннему человеку не подобает даже видеть во сне.

— Алексей Степанович, как прошло то дело?

— Отлично! Все же слышали, как великий князь сетовал на то, что от своих долгов ему впору в петлю лезть. Поэтому за нравственное содействие в получении концессии на строительство железной дороги его и обещали хорошо отблагодарить.

— Это вчера на совете министров решали, где и какие дороги строить?

— Точно так. Решение принято благоприятное, и сегодня с утра Его Высочество был очень доволен. Даже изволил шутить. Сам видел, как он подмигнул князю Григорию и при этом похлопал себя по карману.

— Ох, грехи наши тяжкие. Вон даже Иван Павлович на нехватку средств сетует. А ведь он в Сенате не последний человек, без его слова там никакая бумага не имеет хода.

— Да, имения уже не дают такого дохода, как в старину. Освободили мужичков от крепостного права в 1861 году, так теперь они работать не хотят, требуют собственных наделов.

— Так правительство же объявило, что выкупит у

помещиков землю постепенно и потом полностью передаст ее крестьянам. Зачем такая поспешность? Правительству необходимо все подготовить, построить дороги, элеваторы, школы...

— Так это только наши внуки увидят. Они и заживут в согласии и достатке. Но сейчас-то как быть?

— Что верно, то верно, в наши дни деньги взяли великую силу. Теперь на Руси родовитость и знатность мало что стоят. Только и слышишь — банки, концессии, акции да проценты.

— Кто побойчее, те приспособились.

— Вот это верно. Наша голь на выдумки хитра!

В оживленном разговоре внезапно наступила пауза.

Все это время Дмитрий стоял у края стола, пил, закусывал, согласно кивал, со своими мнениями и высказываниями не лез. Здесь он был самым молодым, держался почтительно, старшим демонстрировал уважение. В последние дни во дворце на него обратили внимание, стали признавать за своего. Особенно после того, как сам наследник престола Николай Александрович милостиво изволил пару раз заговорить с молодым казачьим офицером, а генерал Черевин распорядился включить его в охрану внутренних покоев. Уже не раз Дмитрий ловил на себе изучающие взгляды, понимал, что из всех подобных мелочей начинает складываться его карьера. Многого еще не знал и не понимал, но последние слова за столом насторожили и

его. В этой доверительной болтовне есть грань, за которую даже своим переступать нельзя.

Конечно, прошли те времена, когда, услышав воровской разговор, который пахивал государственной изменой, или просто сомнительные для царской чести речи, следовало кричать «слово и дело». В таком случае всех свидетелей ожидало расследование в Тайной канцелярии, допросы на дыбе и для освежения памяти битье кнутом. Тем же, кто «изблевал хулу на высочайшее имя», рвали ноздри и отправляли в Сибирь на вечное поселение, но могли и просто отрубить голову.

Однако за неосторожное слово и сегодня можно дорого поплатиться. Вон как непоколебимо стоял у ступеней трона граф Петр Андреевич Шувалов, генерал-адъютант, шеф жандармского корпуса. А стоило только в частной беседе пренебрежительно обозвать некую даму девчонкой, как его моментально вышибли со всех должностей. Недоброжелатели графа ловко сработали, все донесли государю, да еще и от себя кое-что добавили. Поэтому и очутился граф на должности российского посла в туманном, пропахшем заводской гарью Лондоне. Дама-то оказалась самой Екатериной Михайловной! Матерью троих внебрачных детей императора Александра Второго, с которой государь в конце концов тайно обвенчался, подарил ей кое-какие

земли, дал титул княгини Гурьевской и три миллиона рублей.

Вот и сейчас в застольном разговоре прозвучало нечто опасное. Вся эта придворная голь не только хитра на выдумки, но и весьма искусна в интригах. О том, что своя рубашка ближе к телу, здесь помнит каждый. Пауза совершенно неприлично затягивалась...

Дмитрий терялся в догадках, что же было сказано крамольного, но вдруг вспомнил о последнем грандиозном скандале в царской семье. Немногие были его свидетелями, но знали о нем все. Да, далеко казаку до искушенных придворных!

Скандал назревал давно. Слишком разными были характеры и привычки супругов. Император Александр Третий просыпался рано, в семь утра варил себе кофе и садился за разбор депеш, справок и других государственных бумаг, которыми его уже с вечера заваливали секретари. Когда просыпалась супруга, завтракали по-простому: ржаным хлебом, крутыми яйцами и овсяной кашей. Потом опять начиналась работа — прием министров, послов и других персон, выезд на заседания государственного совета. Вечерами царь отправлялся на художественные выставки и картинные галереи, бывал на театральных премьерах. Но отдыхал в кругу семьи, музицировал, разбирал коллекцию лично собранных картин или просто играл в карты. В своих привычках был прост и неприхотлив,

спал в тесной комнатухе на простой солдатской койке. Форсить не любил, повседневную одежду и обувь носил до неприличия долго, случалось, что занасивал до дыр.

День за днем, год за годом жизнь во дворце шла неторопливо и размеренно. Императрица, в девичестве датская принцесса Дагмара, после перехода в православную веру ставшая Марией Федоровной, любила во всем порядок и на такую тихую жизнь не могла нарадоваться. Но порой случалось, что на широкое бородатое лицо государя словно опускалась тень. Тогда он давал волю своему характеру, в сердцах скатывал в трубочку серебряные рубли, завязывал узлом ложки и вилки, ломал подковы. Или просто хватал ружье, брал собак и на целый день уходил в окрестные леса. Но случалось и так, что прикладывался к спиртному.

Императрица строго следила за всем, что стояло на буфетных полках, выписывала заграничных врачей. Во дворце помнили, как один из них, коротышка с гривой седых волос, увидел на обеденном столе миску тертой редьки с конопляным маслом и луком. Изумленно понюхал, даже взял пробу на кончике ножа, осторожно лизнул. Потом возмущенно тряс своими космами, долго что-то фыркал по-немецки, а Мария Федоровна прикладывала к глазам кружевной платочек. Громадный, как бык, император стоял рядом насупившись, с тоской поглядывал поверх их голов. Вот совсем недавно на государя что-то нашло. Тут еще и генерал Черевин

расстарался, пронес в царские покои плоские фляжки с коньяком. Спрятал их за голенища сапог. После ужина очередного тихого семейного вечера с игрой в карты по маленькой и музицированием не получилось. Супруг оказался очень шумен. Упал на ковер в гостиной, дрыгал ногами, хохотал и хлопал себя по голенищам сапог. Поняв, что произошло, возмущенная Мария Федоровна поспешила удалиться, а вслед ей раздавался громовой бас императора.

— Голь на выдумки хитра!

4

Но сегодня у Сергея Сергеевича собрались одни свои, все испытанные царедворцы, которые видели и слышали еще и не такое. Дружно сделали вид, что не слышали сомнительной оговорки одного из гостей, и вновь приступили к обсуждению напитков и закуски. Тут и лакей неслышно возник за спиной хозяина.

— Кушать подано.

— Господа, прошу к столу. Дамы, верно, уже все новости по десятому разу обсудили и теперь нас поджидают, — расплылся в улыбке Сергей Сергеевич.

Хозяин этого дома ростом не вышел, сухощав, в движениях быстр. На морщинистом лице лежит густой кирпичный загар, как у простого мужика. Маленькие

бесцветные глазки ни на чем подолгу не останавливаются, бегают с одного человека на другого, с предмета на предмет. Кто впервые слышит его псковский говорок, может решить, что собеседник совсем прост. Речь ведет только о лесах, болотах, собаках и дичи. Может долго рассказывать, как до прихода зимы подкармливать молодым осинником лосей и зайцев, где лучше всего класть каменную соль-лизунец для оленей. В рассуждения о политике не пускается, но молчит так красноречиво, что умный человек все поймет и без слов. Но те, кто узнает его поближе, быстро понимают, что это за человек. Взгляд его глаз называют цепким, а мнение о людях безошибочным.

Во дворце Сергей Сергеевич имеет большую силу. Внимательно слушают его сам государь и великие князья, а все остальные придворные считают за большую честь перемолвиться с ним словом. При встречах спешат поздороваться первыми. Носит он официальный титул, составленный из длинных немецких слов, из которых обычному человеку только одно и понятно — егерь. Недоброжелатели и завистники за глаза величают его царев псарь, но тут же, разводя руками, спешат добавить:

— На охоте он стоит у стремени государя. А на Руси какой неписанный закон следует помнить прежде всего? Жалует царь, да не жалует псарь!

Тем не менее все признают, что свое хозяйство Сергей Сергеевич содержит в образцовом порядке. Подчиненные ему люди, лошади и собаки всегда сыты, бодры и готовы к работе. Что касается диких зверей, то он умеет их не только от зимней бескормицы сохранить, но и по первому августейшему требованию поставить любого из них под верный выстрел. Для тех титулованных охотников, которые не любят таскаться по чащобам и болотам, может такие места указать, в которых фазаны и другая дичь сами на дорогу выходят. Поэтому палить по ним вполне возможно не выходя из удобной коляски. А чтобы ружейные курки не натирали нежные пальцы высоких гостей, снабжает их специальными каучуковыми наперстками.

Государь охоту любит, бывает, что пропадает в лесах по несколько дней. Как он радуется, если удастся добыть красавца оленя! Сергей Сергеевич и в этом случае оказывается незаменимым. Никто быстрее его не разведет в заснеженном лесу костер. У него же всегда оказывается под рукой и решетка, на которой тут же можно изжарить свежую оленью печенку, а на закуску к ней миска хрустящей со льдом квашеной капусты, заправленной мочеными яблоками и клюквой. И уж, конечно, обшитая кожей добрая баклажка с набором стаканчиков.

При таком егере спокойно можно потолковать о важнейших государственных делах и быть уверенным в

важнейших государственных делах и быть уверенным в том, что сказанное не станет известно никому из посторонних. Недаром в огромном парке Гатчины несколько аллей носят имена царских егерей. Никто больше из придворных чинов не удостоился такой чести: ни повара, ни лекаря, ни казначеи. Многие во дворце, как и сам Сергей Сергеевич, верят — придет время и одна из аллей будет высочайшим указом названа в его честь.

На одной из царских охот в прошлую зиму сегодняшней именинник и повстречался с Дмитрием, который в тот день был помощником начальника императорского конвоя. Быстро оценил расторопность молодого хорунжего, его умение ориентироваться на незнакомой местности. Потом были и другие встречи, совместная работа по обеспечению безопасного царского отдыха. Доводилось стоять в оцеплении, когда на лесных дорогах император имел тайные встречи с некими персонами, приезжавшими из столицы в закрытых каретах. Вот когда надо было смотреть в оба, чтобы ни человек, ни зверь не нарушили ход государственной беседы... Еще были волшебная петербургская белая ночь и бесконечный придворный бал, на котором Дмитрий познакомился с Софьей, дочерью Сергея Сергеевича.

Сегодня молодой казак и дочь «царева псаря» сидят за праздничным столом рядом. Напротив них тетушка

Софи, наискосок мамаша, полная дама с решительным взглядом и плотно сжатыми губами, над которыми пробиваются хорошо заметные усики. На столе изысканные блюда — салаты, паштеты, соусы со странными иноземными названиями. Лакеи подают легкие французские вина. За столом столь же изысканный светский разговор о возвышенных материях. Совсем, как в высшем свете среди настоящих князей и графов.

— Пелагея Сидоровна, индейку-то у Пахомыча брали? Он, подлец, третьего дня за такую же хотел целых два рубля слупить... — раздается вдруг за столом голос полуплухой старухи Свистуновой, жены обер-пшалмейстера. Супруг незаметным толчком в бок напоминает ей о необходимости сменить тему разговора. Ему, главному хозяину всех дворцовых конюшен, правила политеса известны гораздо лучше.

Софи — маленькая блондинка с вздернутым носиком. Она не похожа на шумных искрометных озорниц, мимо которых равнодушно не пройдет ни один мужчина, ни на роковых красавиц, безжалостно разбивающих сердца сильного пола, ни на беспомощных обаятельных созданий, которым без опоры на верного спутника жизни грозит немедленная гибель. Тем более она не походит на самоуверенных девиц, с нескрываемой иронией принимающих неуклюжие ухаживания робких кавалеров и выслушивающих их

косноязычные комплименты.

Портниха и парикмахер приложили героические усилия для того, чтобы хоть как-то скрыть ее бесцветную внешность. Они сумели придать ей некоторую привлекательность, но не смогли смягчить ее упрямый взгляд, говорящий всем и каждому, что любое желание дочери Сергея Сергеевича закон. Может быть, именно поэтому Софи не пользуется успехом у придворной молодежи, а злые языки уже величают ее «серой молью» и «юной старой девой». Мамаша Софи уже не раз весьма прозрачно намекала, что ничего не пожалеет для счастья родной дочери и приданое будет «как у княжны», но женихи пока не толпились у ворот.

За столом Софи щебетала без умолку. О таинственных спиритических сеансах, верчении столов и родстве душ, о том, какие восторженные письма пишет ее подруга Полина, недавно вышедшая замуж за секретаря российского консульства в Марселе. Дмитрий выслушивал все это со вниманием, где было необходимо задавал вопрос или удивлялся, согласно кивал. В душе отлично понимал, в какую сторону поворачивается все это знакомство с семьей Сергея Сергеевича. Скоро ему исполнится двадцать пять лет и, как любой другой офицер, он получает право жениться. Ясно, что необходимое для гвардейского офицера дозволение высшего начальства на вступление в брак билет получено немелленно. Как-то в письме намекнул

судят кому-то комедиями. Как-то в театре наместник дяде Семену на свои обстоятельства, тот ответил по-военному кратко: «Решай сам. Если любишь, женись».

Только какая уж тут любовь. Просто вежливость да армейская дисциплина. Ведь не вскочишь на Орлика и не ускачешь из царского дворца. А ведь как отлично служба началась... Впрочем, иные считают, что и сейчас повезло несказанно. Как-то случайно в полковой канцелярии услышал за стенкой разговор о себе.

— Вот пофартило станичнику, с таким тестем проживет безбедно. Через пару лет, глядишь, флигель-адъютантом станет, будет губернаторам секретные предписания возить и устно передавать к ним высочайшие пояснения. Потом и самого произведут в полковники, а там и в генералы.

— Вишь ты, девка-то на него глаз положила.

— Он казак видный.

— Вот только усидит ли на золотой-то цепи?

Эх, хорошо станичникам чужое дело обсуждать, а тут голова от дум кругом идет. Любишь — не любишь? Софи такая же девица, как и все остальные. Правду сказать, после свадьбы с ней карьера будет обеспечена. Одним ходом и прямо в дамки! Потом как-нибудь стерпится-слюбится. А если нет?

— Ах, Дмитрий! На следующей неделе папенька ложу на премьеру заказал. Обхохочемся, будет пьеса «Дядя Ваня», ее Антон Чехов написал. Мне кузен из

цензурного комитета часто его рассказы приносит почитать. Такие уморительные! Маменька сказала, чтобы я и вас пригласила. Сможете от противной службы для меня выделить один вечер?

— Почту за большую честь, Софья Сергеевна, — последовал галантный ответ.

5

Дома поджидало очередное письмо от дяди Семена. На плотном пожелтевшем листе бумаги — теперь таких ни в одной лавочке на сыщешь, музейная вещь — старик писал четким писарским почерком. Сообщал новости о хуторском житье, об урожае, передавал поклоны от родных и соседей. В конце письма приписка: «Митя, самое легкое в жизни занятие — это давать советы. Думал о твоём деле и могу только повторить слова поэта:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно
немало,

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало².

Ну, конечно, это любимый дядей Омар Хайям³! Его звонкие четверостишия, исполненные мудрости и юмора, он любит повторять непрестанно. Уверяет, что они придают силы и приносят утешение во всех случаях жизни.

Вот и в этом письме хитрый старик написал стихи по-арабски. Не захотел блистать изысканной каллиграфией, а ведь умеет! Ограничился простым деловым почерком «насх». Рассчитал верно. Дмитрию это странное для непривычного человека сплетение волнистых линий, россыпь точек и коротких черточек живо напомнило детство. А вместе с ним давние мечты о чудесном незнакомом мире, который лежит за порогом родного дома.

В те далекие времена, наигравшись с казачатами, маленький Митя любил приходить в кабинет дяди. Здесь хранилась масса необыкновенно интересных и таинственных вещей. У окна стоял огромный коричневый глобус, опоясанный широкими медными кругами с нанесенными на них делениями. Стоило только коснуться его поверхности и перед тобой начинали двигаться потемневшие от времени очертания материков и островов, испещренные названиями стран и городов, изображениями дикарей и странных животных. На просторах океанов резвились гигантские рыбы и морские чудовища, а над ними полнотелые

рыбы и морские чудовища, а мимо них под надутыми парусами спешили куда-то маленькие кораблики. На стенах, завешанных яркими коврами и звериными шкурами, красовались пашки, кинжалы, пистолеты. Одни — украшенные чеканкой и разноцветными камнями, другие строго мерцали холодным стальным блеском.

Дядя охотно снимал оружие со стены, давал подержать, объяснял предназначение и применение каждой детали. Рассказывал истории, связанные с тем или иным клинком или пистолетом. Но всегда строго предупреждал о том, что баловаться с оружием нельзя. В доме оно отдыхает, после того как верно послужило хозяину на войне или на охоте. Оно устало, и беспокоить его без крайней нужды великий грех. Вот когда отправимся в степь, возьмем его с собой, там и постреляем и порубаем.

Книжки можно было брать любые и в любое время, с одним только условием — поставь на то же место, где и взял. В долгие осенние и зимние вечера Митя с увлечением рассматривал картинки с изображением старинных битв, слушал пояснения дяди. Со временем и сам научился читать и пристрастился к чтению. В этом же кабинете он увидел и странные книги, которые дядя читал с конца. Обратил внимание на то, что в них не было картинок, а при чтении дядя порой водил пальцем по их строчкам справа налево. Как-то и сам заглянул в

одну из них и удивился.

— Это что же такое? Букв нет, а на бумаге какие-то каракули, словно кто траву или червей набросал!

— Это, Митя, арабская грамота, — услышал он в ответ. — Вот буква «алиф», а вот «син» и «нун». Всего их десятка три, заучить совсем нетрудно. Пишутся и читаются они не так, как наши буквы, а в обратном порядке. Но послушай, как красиво звучит этот язык...

Высказать свое мнение Митя не успел. Слышавшая весь этот разговор тетушка почуяла неладное и поспешила вмешаться.

— Звучит складно, наши бабы так песни поют. Только не приманивай ты, Семен, парнишку к этой басурманской грамоте. Он и так сколько времени за книжками сидит. Совсем заучится и заболест.

Дядя с женой спорить не стал, обратился к племяннику:

— Настоящий казак, Митя, должен не только пашкой владеть, но и головой думать. Без сноровки и хитрости и зайца не поймаешь, а уж на войне без этого просто смерть.

— Дядя, а я слышал, как дед Ерофей про военную хитрость рассказывал. Он, когда в Польшу на усмирение ходил, со станичниками из папах и бурок чучела понаделал и расставил по кустам. Поляки их с той стороны и поджидали, а казаки-то налетели с другой!

— Хитрость во всяком деле нужна, — не унималась

тетушка. — Без нее ни одна девка замуж не выходит. Она сама да и ее родня про жениха наперед все-все стараются узнать. Кто таков, из каких краев? Здоров ли, не пьет? Вон Самсоновы перед свадьбой дочери что узнали...

Но тут дядя не выдержал:

— Ты какие речи при парнишке ведешь! Как можно ваши бабьи хитрости с военным делом равнять! У вас Амур разок стрелу пустит, так охам и ахам нет конца, а тут картечь людей целыми эскадронами на куски рвет. И, на все это глядя, надо головы не терять и самому бить врага... Иди-ка ты, жена, к дочкам, не мешай казачьему разговору.

— Языки знать весьма полезно, — продолжил дядя. — Случись, поедешь в чужую страну, как там будешь объясняться? Без языка и дорогу не узнаешь. А если купить что захочешь?

— Я казаком стану, а не купцом.

— Так и казаку такие знания нужны. Нас же всегда вперед посылают, а на войне о враге надо как можно больше узнать. В чем его сила, в чем слабость. Конечно, можно воевать и не зная вражеского языка, понадеяться на переводчика или проводника из местных. Только опасно это — могут предать... Вот послушай, расскажу тебе два случая, что были со мной. В Крымскую войну я еще совсем молодым был. Помню, наскочили мы на английский дозор, двоих зарубили, одного заарканили

аппликации дозор, двояк зарушили, одного заарканнили. Рыжий такой детина, но без штанов, в клетчатой юбке.

— Солдат и в юбке? — удивился Митя.

— Потом уж мы узнали, что он из королевских шотландских стрелков и что форма у них такая. А тогда доставили мы пленного в штаб пехотного полка, который за нашими разъездами шел. Офицеры поднесли этому рыжему водки, чтобы он в чувство пришел, стали допрашивать. Тот отмалчиваться не стал, начал что-то бойко тараторить, на горы рукой показывал. Только никто из штабных понять его не мог, хотя спрашивали и по-французски, и по-немецки. Полковник рассердился, ведите, говорит, его в главный штаб, пусть там разберутся, а нам приказал к обеду речку перейти.

Дядя тяжело вздохнул и замолчал. Долго смотрел на свой глобус, потом продолжил:

— Горько вспоминать об этом. Речку-то мы перешли вовремя, только за ней нос к носу столкнулись с англичанами. Они тоже к переправе спешили, о них-то рыжий, с перепугу, да еще после водки и говорил... наших полковник повел в штыки, а англичане ударили из пушек. Страсть сколько народу положили. А ведь если бы штабные сообразили, о чем пленный говорил, мы бы сами засаду устроили и потрепали бы этих шотландских стрелков.

— А другой случай?

— Этот в последнюю войну с турками был, когда

мы с генералом Гурко через Балканские горы перемахнули и освобождали болгарские земли. Я с сотней на правом фланге шел и, как в долину спустились, прямо на турецкий штаб налетел. Взяли их без шума. К тому времени я на Кавказе много лет провел, арабский и турецкий языки хорошо понимал. Глянул в их штабные бумаги, пленного писаря допросил и обомлел — за лесом целая бригада стоит с артиллерией. Да она не только мою сотню как муху прихлопнет, но и генералу наделает хлопот.

Дядя хитро прищурился и даже прищелкнул пальцами:

— Понял, что без хитрости все мы пропадем и что действовать надо быстро. Пока турки не поняли, что их командир убит, а штаб разгромлен. Засадил я писаря писать приказ по бригаде, сообщил, что русские, мол, заходят с тыла и необходимо немедленно занять новые позиции. Приказ сам диктовал, все проверил по карте. Потом написанное трижды проверил, чтобы писарь от себя чего-нибудь не добавил. За покойного командира точь-в-точь расписался и его печать приложил. Одному из убитых офицеров приказ положили в сумку, а его самого усадили на коня. Двое моих казаков надели турецкие мундиры и вместе с ним поехали в расположение бригады. Следом поскакал десяток станичников, которые на виду у турок и устроили целое представление со стрельбой. Офицер от них вроде бы

ускакал, а вот двух его спутников они успели в плен взять. Турецкие дозорные бросились своим на выручку, но в лес углубляться не стали. Им только мертвый офицер и достался.

— Как он мертвый-то в седле усидел?

— Все было натурально. Пока везли, он ременной петлей к седлу был прихвачен, потом один из казаков ее выдернул. Ногу же офицеру заранее в стремя замотали, так чтобы конь его к своим и приволочил.

— Что же дальше произошло?

— Дальше я с казаками стрелял и по перелескам скакал, даже в атаки бросался. Изображал большое русское наступление, о котором в приказе было написано. А сам все время думал, поверят турки и отведут войска, останусь живой. Не поверят, все мы в этой долине пропадем. Что ты думаешь, поверили! Перешли на новые позиции. Правда, к вечеру уже разобрались, что к чему, но к тому времени наша пехота с пушками через все горные ущелья прошла и уже была в долине. За это дело мне и уцелевшим казакам начальство георгиевских крестов и медалей разных щедро отсыпало. Однако про фальшивый приказ, который я на турецком языке сочинил, велело помалкивать. Так что ты, Митя, и сам об этом не болтай, хотя это дело прошлое. Что такое военная тайна я тебе уже рассказывал.

С этих дядиных рассказов все и началось. Стал маленький Митя мало-помалу учить арабские буквы, отдельные слова и фразы. Потом начали и разговоры вести — свои, тайные от всех.

Решали — ехать в степь на охоту или же идти на рыбалку. Получалась как бы игра, которой увлекались оба. Одному было приятно вспомнить старое, другому любопытно узнавать новое. К ужасу тетушки, и занялись чтением, сначала сказок и басен, а потом дошли и до Корана. Немного успокоить ее удалось лишь после того, как дядя снял с полки увесистый том, перевод этой священной книги на русский язык. Объяснил, что издан он с высочайшего дозволения, что это первый перевод Корана на русский язык и сделал его старинный дядин приятель генерал Богуславский. Тот самый, который многие годы прослужил в российском посольстве в Стамбуле. Он же охранял и главаря немирных горцев Шамиля, когда тот находился в ссылке в Калуге.

В кадетском корпусе и училище арабским языком заниматься не пришлось. Но в своих письмах дядя неизменно делал на нем приписки, требовал таких же ответов, а уж все денежные расчеты вел только на нем. Одним словом, игра продолжалась и в памяти от прежних занятий кое-что оставалось. Тем временем

пришлось засесть и за западные языки, так что к началу своей службы в полку Дмитрий довольно сносно мог объясняться на французском и английском.

Понимал, что на прошлых заслугах родни далеко не уедешь, надо стараться и самому. Поэтому, после того как прослужил год и освоился в полку, изъявил желание пройти специальный курс при офицерской кавалерийской школе. Там читали лекции по тактике, стратегии, военной статистике и географии и без пощады гоняли на полевых занятиях, многодневных маршах, скачках с препятствиями, стрельбах. Те, кто выдерживал такую нагрузку, а потом еще и успешно сдавал экзамены, получал всего лишь запись в личное дело — «годен на командирскую должность в кавалерию». После этого еще предстояло служить и служить, но прошедшие такую выучку имели гораздо больше шансов получить под свою команду эскадрон. Потом, если будет желание, можно подумать и о поступлении в Академию генерального штаба. Вот на выпускном вечере все и произошло. Радостные слушатели и ставшие снисходительными преподаватели собрались у праздничного стола. Как водится у настоящих кавалеристов, разговор пошел было о лошадях, но он сразу же прервался, когда один из его участников похвастался новой саблей. На ее иссиня-черном клинке в сложном узоре переплетались волнистые линии. Стоило только полнесте саблю к

лампе, так чтобы лучи света падали под наклоном, как на ее полированной поверхности вспыхивали золотистые искорки.

— Настоящий персидский кара-хорасан! — похвалился владелец сабли. — Можно согнуть в кольцо и уложить в картонку для шляпы. Стальной гвоздь перерубает, как лозу, а на лезвии даже зазубрины не остается!

Клинок пошел по рукам. Каждый считал своим долгом поделиться знаниями о знаменитой дамаской стали и выкованных из нее саблях и кинжалах. Упоминались индийский вуц и сирийский шам, таинственные способы ковки из пучков стальных нитей, известные лишь немногим кузнецам, укрывающимся в горах и пустынях. Говорилось о том, что при закаливании таких клинков их в раскаленном виде вонзали в тела рабов или в туши быков, а то вручали всадникам, которые должны были долго скакать во весь опор против встречного ветра.

— Ах, господа офицеры! Ничего таинственного в этих клинках уже нет, — возразил один из преподавателей. — Наш ученый Павел Аносов давным-давно раскрыл все эти секреты. У себя на Урале он получает булат, который ни по качеству, ни по красоте не уступает дамасским клинкам. В Златоусте я видел, как на его оружейном заводе сабли испытывают на

прочность. Страшно смотреть, как ими плашмя хлещут по чугунным болванкам или сгибают под прямым углом.

— Слов нет, дамасская сталь имеет отменные качества, только оружие из нее изготавливается долго и получается весьма дорогим. Миллионную регулярную армию им не вооружишь, — вставил свое слово и Федор Иванович.

Этот полковник, высокий и ширококостный, словно породистый голштинский жеребец, читал курс по организации и вооружению иностранных армий. Был слух, что ведет он свой род от каких-то датских баронов и предки его появились в Москве еще при матушке Екатерине. Сам же он еще недавно служил в германской армии то ли офицером генерального штаба, то ли адъютантом германского императора. Что там случилось, не знал никто, а те, кто знал, молчали. Только Федор Иванович как-то очень уж внезапно покинул Берлин и переехал в Санкт-Петербург и теперь продолжал свою службу в российском Главном штабе.

Очередь рассмотреть клинок дошла и до Дмитрия. Понял, что он сработан тем же мастером из Тегерана, что и один из клинков, висевших на стене кабинета дяди Семена. Даже надпись та же самая — «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». На другой стороне клинка тонкая золотая чеканка сплелась в стих «клянусь мчащимися всадниками, выбивающими искры, нападавшими на заре». Обрадовался, что еще не все

позабыл из прошлых уроков дяди. Не удержался, прочитал надпись вслух и перевел. Затем пояснил, что это стих из Корана.

Товарищи вежливо выслушали, согласно кивнули — очень интересно.

Веселая вечеринка продолжалась.

При прощании Федор Иванович задержал Дмитрия. Сказал, что и раньше слышал о его интересе к восточным странам и народам. Как бы между прочим поинтересовался, не желает ли тот пополнить свои знания в этой сфере. Услышав положительный ответ, удовлетворенно кивнул.

После этого вечера состоялись новые встречи с новыми людьми, а затем писание рапортов, томительное ожидание и повторные беседы в кабинетах начальства. В результате всех этих хлопот всю прошлую зиму Дмитрий являлся на Дворцовую площадь, где один из переводчиков Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел приводил в порядок его познания в арабском языке. Потом начались походы на набережную Невы, в университет. Там специально отобранные преподаватели читали лекции для небольшой группы офицеров — одетых в штатское стажеров из Географического общества. Тем временем служба в полку продолжалась, хотя начальство и сделало некоторые послабления. Бывало, спал не более четырех часов в сутки. Сдавал дежурство, быстро переодевался и

на извозчике гнал через весь Петербург, чтобы не опоздать на занятия.

Но игра стоила свеч! Университетские преподаватели обладали уникальными знаниями. Можно было до бесконечности слушать их лекции об истории и традициях народов Ближнего и Среднего Востока, их верованиях и обычаях. Это не были рассказы о седой старине, многие из преподавателей сами бывали в азиатских странах. Иной лектор становился у карты и в мельчайших подробностях начинал описывать караванные пути от Ашхабада до Кандагара и Дели. Перечислял перевалы и колодцы, называл вождей местных племен, давал характеристики их родным и приближенным. А какие богатства хранились в массивных шкафах университетской библиотеки!

К весне лекции закончились. Их слушателям не устраивали шумных проводов, и один за другим они исчезли из столицы. Вернулся в свой полк и Дмитрий, но теперь он часто появлялся в библиотеке университета, где получил разрешение брать книги для самостоятельной работы дома. Как аккуратному читателю, ему даже позволяли и самому покопаться на книжных полках.

Однажды Дмитрий стал невольным свидетелем любопытной сцены. В читальный зал вошел невысокий

молодой человек, чья походка, осанка, лихие усики резко выделяли его среди обычных посетителей университетской библиотеки. На фоне скромных студенческих тужурок и штатских пиджаков его расшитый шнурами мундир и начищенные до зеркального блеска хромовые сапоги всем бросались в глаза.

— Чем могу быть полезен, господин офицер? — сухо поинтересовался седой библиотекарь.

— Профессор Богомолов просил передать вам эту записку. Мне нужен словарь абиссинского... пардон, амхарского языка, составленный господином Ашиновым.

— Соболаговолите немного подождать, господин офицер. — Упоминание имени известного профессора, знатока церковной истории и многих восточных языков произвело на библиотекаря сильное впечатление. — Как прикажете записать вас в библиотечный формуляр?

— Булатович Александр Ксаверьевич. Поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка.

Посетитель получил словарь, щелкнул каблуками, распрощался.

Дмитрий стоял за книжными шкафами, молча слушал и смотрел. Как эта Абиссиния наших поручиков-то манит! Совсем недавно в этой африканской стране Машков Виктор Федорович побывал. Тоже поручик. До того на Кавказе служил, а потом Главный штаб послал

его в командировку в Абиссинию «для ученых занятий». Там он и встретился с абиссинским царем Менеликом, привез от него письмо российскому императору Александру Третьему. Получил орден и опять отправился в Африку с ответным посланием. Об итогах его поездок в газетах не писалось, на площадях не объявлялось. Но теперь в Петербурге не только ученые-востоковеды, но даже министры знают, что в Абиссинии народ говорит на амхарском языке, саму эту страну следует называть Эфиопией, а ее царя — негусом.

Конечно, о таинственной христианской земле, затерявшейся где-то в глубинах Африки, знали еще в Московском государстве. Ходившие в Иерусалим ко святым местам паломники потом рассказывали о встречах с чернокожими единоверцами, но пройти в те края через турецкие владения мало кому удавалось. Совсем недавно, после постройки Суэцкого канала, Эфиопия вдруг оказалась рядом с кратчайшим торговым путем из Европы в Индию, Австралию, страны Дальнего Востока. За удобные гавани на здешних выжженных солнцем берегах разгорелся яростный спор. Здесь как-то сразу появилось множество научных экспедиций, возглавляемых отчаянными молодыми людьми. Большинство их окончили военные училища в разных странах, принадлежали к различным родам войск и говорили на разных языках.

Объединяло их одно — все они носили невысокие воинские звания. Но не секрет, что те из них, кто возвращался домой живым, получали награды и повышения по службе. Так что поручику Машкову, которого можно считать первым российским лицом, посетившим эфиопскую столицу, было нелегко. Приходилось иметь дело с иностранными коллегами, которые не тратили время на ученые диспуты и действовали решительно, не стесняясь в средствах. В спорах они порой могли приводить поистине убийственные аргументы.

7

Что же это за словарь редкого языка, который вдруг понадобился поручику? Дмитрий взял с полки книгу довольно большого формата в нарядной красно-черной обложке. Отпечатана в петербургской типографии некого господина Комарова. Издатель книги постарался, непривычные для россиянина уловатые буквы амхарского алфавита с прилепившимися к ним, словно маленькие флажки, значками пропечатаны крупно и четко. Оказывается, при помощи этих значков каждую букву можно прочесть по-разному. К примеру — «ме», «му», «ма», «мо»... Очень интересно.

Автор, Николай Иванович Ашинов, назвал свою

книжку «Абиссинская азбука и начальный абиссинско-русский словарь». Не без умысла использовал название страны, наиболее известное российской публике. Кроме алфавита в книгу включил числительные, названия дней недели, времен года и месяцев, приложил словарь. Слов не так уж и много, но если их выучить, то на основные житейские темы вполне можно объясняться... Что же, для первого знакомства с редким африканским языком это не так уж и плохо. Тот же гусар Булатович, надо думать, помусолит этот словарь, а потом, оказавшись в Эфиопии, быстро заговорит на амхарском языке. Следом за ним, глядишь, пойдут и другие россияне.

— Зачем приходил офицер? — негромко поинтересовался у библиотекаря один из университетских преподавателей.

— Ашиновский словарь спрашивал.

— Очень странно. Теперь о его авторе все стараются не упоминать. Старательно делают вид, что забыли об этом национальном скандале.

— Ну зачем же так зло. Газеты и так вволю наиздевались над этой экспедицией и ее участниками. Правительство и общественность осудили ее как авантюру, даже наши великие писатели в стороне не остались. Уважаемый Лесков о «воителе Ашинове» весьма нелестно отзывался. Да и непревзойденный сатирик Салтыков-Щедрин остроумно изобразил его в образе странствующего полководца Полкана Редеди.

Писал о том, что тот в Африке сражений не выигрывал, но обладал страстью к закусыванию и в трактирах маневрировал столь успешно, что не оставлял целой ни одной тарелки.

— Клевета все это!

— Ах, почему вы так резко, дорогой мой!

— Мой младший брат принимал участие в экспедиции Ашинова. — Говоривший понизил голос, но стоявший позади книжной полки Дмитрий ясно слышал все сказанное. Да он и сам хорошо помнил, как начиналось все это предприятие.

Еще в самые первые дни своей караульной службы во дворце стал свидетелем того, как всемогущий Победоносцев, статс-секретарь и обер-прокурор Святейшего Синода, привел Ашинова на прием к Александру Третьему. Этот рослый терской казак с окладистой рыжеватой бородой потом вышел из кабинета императора с гордо поднятой головой. После этого Победоносцев, по своей любимой манере то и дело вздымая руки к небу, горячо вещал придворным чинам о той пользе, какую принесет России создание собственной колонии на африканском побережье. Слушатели согласно кивали головами и громко восхищались мудростью и прозорливостью говорившего. Все отлично знали, что в прошлом Победоносцев преподавал государственное право будущему императору и что сейчас предварительно не

будущему императору и что сейчас, предварительно не узнав его мнения, Александр Третий не подписывает ни одного документа. Слово старого воспитателя было решающим не только в церковных делах, но и в вопросах, касающихся финансов, строительства зерновых элеваторов, воспитания молодежи.

Неудивительно, что вскоре на страницах российских газет появились многочисленные статьи о патриотическом почине атамана Ашинова. Писали о том, что где-то на берегу Красного моря или Индийского океана он лично подыскал место для строительства поселения, которое будет называться Новая Москва. В газетах и в обществе его уже называли «российским Колумбом» и «современным Ермаком», намекали на возможность создания Российско-Африканской торговой компании, которая откроет путь на Черный континент московским ситцам и другим российским товарам. В Одессу на сборный пункт вольного казака Ашинова хлынули добровольцы.

— Брат мне рассказывал, — продолжал преподаватель, — что принимали далеко не всех желающих. Сам Ашинов и присланный Святейшим Синодом архимандрит Паисий долго беседовали с каждым. Предупреждали, что на новом месте будет трудно, и легкой жизни не обещали. Отобрали самых надежных и крепких, человек полтора ста. Большинство из них простые крестьяне и мастеровые, но было и

несколько интеллигентов — врачи, учителя, бывшие студенты из Москвы и Харькова. С собой брали необходимые сельскохозяйственные инструменты, семена, саженцы плодовых деревьев, виноградные лозы. Верили, что будут хлебопашествовать в теплых краях на вольной земле. Много говорили и мечтали о духовном братстве, верном товариществе, бескорыстии. На общем сходе постановили, что все дела и заботы будут решать только сообща... А как дружно работали поселенцы, когда приехали в Африку! Брат до сих пор со слезами восторга вспоминает, с каким вдохновением все расчищали заросли, строили дома, работали на причалах и в кузнице!

— Газеты потом писали, что в Новой Москве вся жизнь была устроена на военный лад. Люди в караулы с оружием ходили.

— Совершенно верно, винтовки и патроны имелись. Но для того, чтобы защищаться от разбойников и диких зверей. Были среди поселенцев и отставные военные, которые учили обращению с оружием.

— Почему же все это предприятие закончилось так печально? И с такими жертвами?

— В соседнем городке Обок французские колониальные власти зарековали, повели против российских поселенцев интригу. Стали являться подосланные ими торговцы, начали свои товары предлагать. Но еще раньше вольные казаки на своем

сходе постановили, что в Новой Москве денег не будет. Единодушно решили, что за все необходимое друг другу будут платить работой или просто обмениваться. Поэтому Ашинов запретил иностранцам торговать и строго следил за этим. Многие поселенцы и сами не хотели кабалиться, набирать товары в долг. Однако нашлись слабодушные.

— Говорят, что некоторые даже бежали из Новой Москвы?

— Да, были и дезертиры. Одних поймали и наказали за нарушение присяги вольных казаков. Другие так и исчезли... Брат вспоминает, что эти случаи очень плохо подействовали на людей. А тут еще выяснилось, что место для поселения выбрано не совсем удачно. Дожди в этих краях выпадают довольно редко, земля родит плохо, а для садоводства требуется искусственное орошение. Затем и французские военные появились, заявили, что вся эта территория относится к их колонии. Приказали всем россиянам немедленно убираться. Наше же правительство так ничего и не сделало для спасения вольных казаков и Новой Москвы.

— Тише-тише! Все знают, что у нас всегда так. Хотят как лучше, а получается наоборот.

Слушать этот разговор было интересно. Оставалось только посочувствовать участникам экспедиции. Тем, кто погиб, и тем, кто обманулся в своих ожиданиях.

Несомненно. для России весьма желательно

получить собственную базу в этом районе, чтобы обеспечить стоянку и заправку топливом судов, идущих на Дальний Восток. Поэтому в организации и финансировании этой операции живое участие приняли деловые круги Москвы и Нижнего Новгорода. К созданию казачьей колонии проявили интерес и некоторые высокопоставленные лица в военном и морском ведомствах. С казенных складов и арсеналов Ашинов получил винтовки, патроны, полевые палатки, панцевый инструмент. Но колонизация Африки оказалась делом новым и трудным. Тем более что многое замыслилось и делалось по старинке, согласно традициям, сложившимся еще в прошлые века, во времена походов казачьих атаманов в Сибирь. Кроме того, организаторы экспедиции и их покровители не учли реакций западных держав, которым в этих краях был совсем не нужен новый могучий соперник и конкурент. Да и самой России ссориться с Францией из-за кусочка африканского берега оказалось невыгодно. Особенно, если помнить о том, что на западной границе стоят объединенные силы Германии и Австро-Венгрии, а Великобритания очень обеспокоена тем, какими темпами строятся транссибирская железная дорога и новые российские города на берегах Тихого океана, как быстро возрастает мощь российской дальневосточной эскадры.

В феврале 1889 года французский крейсер «Примагуэ» и несколько других кораблей вошли в залив, на берегу которого строилась Новая Москва. Представители французских властей приказали поселенцам сдать оружие и покинуть эти места. Время ультиматума истекло, и орудия крейсера открыли огонь, а затем на берег высадился десант. Оставшихся в живых вольных казаков погрузили на военные транспорты и под конвоем отправили в Суэц, где сдали на российские пароходы.

На родине участников экспедиции поспешно разослали по родным губерниям. Ашинова отдали под надзор полиции, которая тут же вспомнила, что несколько лет назад завела на него уголовное дело по обвинению в разбойном нападении. Российскому обществу дали понять, что псевдопатриоты ввели в заблуждение Его Императорское Величество. Тем временем Победоносцев очень убедительно объяснил государю, что совершенно не причастен к случившемуся. Выяснилось и то, что прочие высокопоставленные особы также не имеют никакого отношения к таинственным организаторам экспедиции в Африку.

Прессе было дозволено не стесняться в выражениях. Поэтому читатели смогли узнать много нового о жизни и характере «авантюриста» и «зверя» Ашинова. Досталось и сопровождавшему экспедицию отцу Паисию. Как теперь писали газеты, он оказался

«безграмотным монахом», ставшим архимандритом по «необъяснимой случайности». Правда, из одних и тех же фактов разные авторы статей делали различные выводы. Благонамеренные с грустью писали о доверчивости правительства, а злонамеренные весьма прозрачно намекали на его глупость. Однако все они оказались едины в одном — проигравший всегда виноват.

Да, скандал от экспедиции Ашинова получился такой, что про все случившееся оставалось только поскорее забыть. Но мало кто знал, что в то же самое время, не поднимая лишнего шума, поручик Машков и совершил свою «частную» поездку в Эфиопию. Было ли такое совпадение случайным?

Такой вопрос Дмитрий задал сам себе. Конечно, о многом ничего не будет сказано еще очень долгое время. Но все же кое о чем можно догадаться и сейчас. Краем уха слышал, что новые люди собираются в те края. Что из того, что кому-то не повезло. Надо лучше готовиться к походу в чужую страну. Как говорят старые казаки, удача приходит к тому, у кого всегда все в порядке.

Дмитрий решительно тряхнул головой. Чем хуже он сам? С громким стуком поставил книгу на место. Манят дальние страны, и тихая жизнь не для него. Рано обзаводиться семьей и становиться домоседом. Ну ее, эту дворцовую жизнь со всеми церемониями, балами и сплетнями. Того и гляди, в этой Гатчине просидишь до старости, как таракан за печкой.

В театр явились, можно сказать, по-семейному, заняли целую ложу. Софи с матушкой и тетушкой блистали туалетами, во все стороны раскланивались со знакомыми. Но Сергей Сергеевич быстро осмотрелся и, не увидев равной себе компании, принял неприступный вид. Мелкую публику не замечал, от высшего света держался в стороне. Немногословный разговор вел только с сидевшим рядом Дмитрием. Оба были во фраках — выяснилось, что вне службы носить мундиры не любит ни тот ни другой.

Такая обстановка вполне устраивала Дмитрия, не нужно вымучивать из себя комплименты, вести с дамами светский разговор. Можно посидеть спокойно, подумать. Впереди поджидает еще одна петербургская служебная зима, которая скорее всего завершится свадьбой со всеми вытекающими из этого последствиями... Может быть, пьеска известного автора коротких юмористических рассказов развеет грусть?

Увы, эти надежды не оправдались. На сцене неспешно текла жизнь небольшого провинциального общества. Автор поселил героев в замкнутом мирке усадьбы, и эти вообще-то неплохие люди жили обычной жизнью и не имели ни желания, ни сил для того, чтобы

хоть как-то ее изменить. Мучительно было смотреть на их бесплодные порывы, выслушивать многословные жалобы на сложившиеся обстоятельства. Как все верно изображено, как похоже на судьбу некоторых знакомых. Неужели и самого в недалеком будущем ожидает нечто подобное?

Этот дядя Ваня, хотя и чужой человек, а растравил всю душу. Зачем тогда сам потратил столько сил и времени на учебу? Неужели мечты о дальних странах так и останутся мечтами? Зря пошел на эту пьесу господина Антона Чехова. В ней герои откровенно говорят о том, в чем порой страшно признаться даже самому себе.

Вон даже маменьку Софи проняло! Почему-то ей очень не понравились слова одного из героев о том, что его затягивает такая «скучная, глупая и грязная жизнь». Почтенная дама что-то гневно прошипела, от возмущения выкатила глаза и затрясла вторым подбородком. Повернулась к Дмитрию и возмущенная Софи. Боже, как она похожа на свою мать, тоже неодобрительно поджала губы. Но Сергей Сергеевич уже почуял неладное, не допустил бурного проявления чувств членами своего семейства. Быстро склонился к уху супруги и чуть слышно, но внятно произнес знакомые всем псовым охотникам слова — «сидеть, место».

Больше Сергея Сергеевичу не пришлось беспокоиться о соблюдении приличий. Во время

антракта отношение его семьи к пьесе Чехова изменилось коренным образом. В фойе звучали громкие похвалы знатоков, свидетельствовавшие о том, что «Дядя Ваня» имеет успех.

— Да-да, это несомненный успех!

— Чехов вновь доказал, что он не только юморист, но и талантливый драматург.

— Эта его пьеса — подлинная драма будничной жизни.

— Согласен, пошлой жизни без героев.

— Как можно быть довольным таким существованием!

Действие пьесы продолжалось, но Дмитрий уже потерял интерес к происходившему на сцене. Начался последний акт, и перед зрителями предстала забитая мебелью комната, клетка с птицей и на стене карта Африки. Она-то зачем здесь?

К географическим картам Дмитрий был равнодушен с детства. Мог часами рассматривать это хитрое сплетение рек, горных хребтов, дорог, морских берегов. Вот и сейчас поднял театральный бинокль и принялся внимательно изучать очертания африканского континента. Сразу же установил, что составитель этой карты не учел данных, полученных Василием Васильевичем Юнкером во время его последнего путешествия в Экваториальную Африку. Недавно

российское географическое общество высоко оценило заслуги соотечественника, побывавшего на берегах Нила и притоков Конго... А вот на Сахару театральный художник не пожалел краски. Пустил ее широкой желтой полосой через всю Африку, остатками закрасил Аравийский полуостров.

Тем временем пьеса подходила к концу и картой Африки заинтересовался один из ее героев, доктор Астров. Постоял перед ней, задумчиво посмотрел и вдруг произнес: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!»

От этих слов у Дмитрия перехватило дыхание, сильно забилося сердце. Неожиданно нахлынули воспоминания. Словно опять пахнуло в лицо горячим и сухим ветром из Аравийской пустыни, запахом раскаленных солнцем камней и дымом костра. Вспомнились морские валы с белыми гребнями пены и снежные вершины гор, красоту которых увидел впервые и запомнил навек. Ведь совсем недавно, всего-то месяца три назад, стоял на перевале и смотрел на бурые холмы, отбрасывавшие длинные черные тени. Пыльная дымка закрывала весь горизонт, и в нее опускался уже сплюснутый багровый шар солнца.

— Вон в том направлении лежит Багдад, — говорил стоявший рядом ротмистр. — До него по прямой будет чуть больше ста верст. За ним, до самого Красного моря, лежит пустыня. Ты, Дмитрий

Михайлович, приезжай к нам еще разок. Тогда проберемся в самый Багдад, там в квартале Азамия на берегу Тигра есть чудесное место. Посидим, попьем кофе.

На самом краю Иранского нагорья Дмитрий оказался не случайно. Одному из тамошних курдских беков, старинному и верному другу Российской империи, исполнилось шестьдесят лет. Поэтому в одном из ведомств Петербурга было решено отметить этот юбилей ценным подарком. Парчовый халат, украшенные самоцветами часы, булатная сабля и другие мелочи, а в придачу к ним увесистый мешочек с золотыми монетами были упакованы в небольшой ковровый выюк. Вот его-то и надо было мимо любопытных глаз сотрудников иностранных посольств и в обход турецких и персидских застав быстро и без всякой огласки доставить в одну из долин к югу от горы Арарат, где со своим родом кочевал бек.

Часть пути сопровождать груз поручили Дмитрию. Моментально оформили отпуск для улаживания семейных дел и отправили в дорогу. До Севастополя ехал поездом вместе с двумя молчаливыми охранниками в штатском, а через Черное море перемахнул на миноносце. На пристани в Батуме уже встречал драгунский ротмистр, настоящий кавказский служака, заматеревший в боях и походах. Он принял груз, внимательно посмотрел на молодого хорунжего и

произнес:

— Твое дело смотреть и учиться. Без приказа никуда не суйся. В случае чего, отстреливайся до конца, но последнюю пулю оставь для себя. В горах есть такие роды, что пленных не берут, потому что их нечем кормить. Просто снимают кожу с человека, а все остальное выбрасывают собакам. Так что решай сам, что делать с последней пулей.

По горам шли мало кому известными тропами, о дороге никого не расспрашивали. Если кто и встретился в пути, то и сам постарался не попадаться на глаза. Эти хорошо вооруженные всадники на добрых конях, одетые в драные черкески, не внушали желания познакомиться с ними поближе. Тем более не стоило просить их поделиться своим грузом. Правда, на одном из перевалов попали в засаду. Пули звонко щелкали по камням, выбивали порой искры, поднимали облачка пыли. Выстрелы гулко отдавались в горных ущельях. Одного из спутников зацепило, и запомнилось, как быстро темнела кровь на его повязке. Другому не повезло, пуля кинула прямо в глаз. Ротмистр перекрестился.

— Господи, упокой его душу. Спасибо, что послал легкую смерть. Ну а за эту стрельбу Хамид и вся его родня нам дорого заплатят.

Но на другой день и самим пришлось очищать путь от турецкого дозора. Дело дошло до рубки, но Дмитрий

от турецкого дозора. Дело дошло до руки, но Дмитрий, как и было приказано, оставался в стороне, при драгоценном выюке с подарками. Правда, когда откуда-то из-за скалы вылетел незнакомый всадник, успел вскинуть карабин. Взял на мушку нижний край лохматой черной папахи и нажал курок. Окончательно понял, что произошло, только после того, как ротмистр похлопал по плечу.

— Молодец, срезал турка с первого выстрела. Хорошо тебя учили.

Горбоносому курдскому беку, вся голова которого была исполосована сабельными шрамами, подарки доставили в целости и сохранности. Хозяин угостил испеченным на углях бараном и айраном, кислым молоком, разведенным ключевой водой. Долго потом о чем-то беседовал с ротмистром.

Гости выспались, подкормили коней и отправились домой. Так и закончилась эта короткая поездка в горы.

В Петербурге те, кто посылал Дмитрия, остались довольны, но похвалили скупо — отметили, что с первым поручением справился. Посоветовали все, что случилось, забыть и ждать другого случая. Сослуживцы и знакомые вопросов не задавали, считали, что ездил человек по семейным делам. Однако проницательные кумушки Гатчины раскрыли тайну этой поездки и дружно решили, что молодой казак ездил просить благословения у дяди и что теперь его свадьбе

непременно быть.

Спектакль кончился.

— Не спешите, — сказал своим Сергей Сергеевич. — Ни к чему нам у выхода толкаться, пускай первыми знатные персоны разъезжаются. Не хочу на их рожи смотреть, во дворце они перед нами готовы на коленях ползать, а здесь делают вид, что не узнают. Нам Митрофан потом коляску к самой двери подаст. Вы побеседуйте промеж себя, а мы с Дмитрием пока в буфете побудем.

У заставленной разноцветными бутылками стойки Сергей Сергеевич обратился к буфетчику:

— Чем порадуешь?

— Извольте шампанское, кларет, токайское. Имеем отменный сект, только что получили с рейнских берегов.

— Ты, молодец, нам обыкновенной анисовой подай и пряничка закусить... Сильная пьеса, — обратился он к Дмитрию. — Думал, что будет простое зубоскальство, а тут за душу взяло. Этот Чехов всю нашу жизнь наизнанку вывернул. А его доктор Астров, как он о защите леса говорит. Ведь все верно. Выпьем, казак.

Выпили. Вдруг Сергей Сергеевич решительно произнес:

— Утекай отсюда, казак. Давно вижу, ты птица другого полета, не удержишь в нашем гнезде. Заездят тебя мои бабы. Я сам-то с ними едва могу совладать... Да встряхнись ты, Дмитрий! Не вешай нос. Вон на тебя глаз

положили, а ты совсем и не замечаешь. Да не на этих напoмаженных крaлей гляди. Я о полковнике говорю, что у окна сидит. Он уже два раза в твою сторону смотрел.

За столиком и верно устроился Федор Иванович. Как это с самого начала не обратил внимания на блеск его золотых погон и массивный серебряный нагрудный значок офицера Главного штаба.

— Иди к нему, казак, ищи судьбу. Я своим скажу, что тебя вызвали по служебным делам.

Дальше Дмитрий уже не слушал. К столику у окна бросился как на крыльях. Поездка на Кавказ состоялась не без участия этого полковника. Неужели и вправду — судьба!

— Как вам понравилась пьеса, хорунжий? Не хотите ли кофе? — Федор Иванович чуть заметно приподнял в улыбке уголки губ. Ох уж эта скандинавская кровь, все он делает не спеша, предварительно взвесив и продумав.

Заговорили о пьесе, потом о погоде, но Дмитрий твердо решил воспользоваться моментом. Вся обстановка в театре располагала к неофициальному разговору. Как бы случайно упомянул о том, что известный им обоим полковник собирается ехать в монгольские степи, ищет попутчиков.

Федор Иванович отхлебнул кофе, медленно кивнул:

— Все верно. Но есть и другие места. Правда, там

...верно, но есть и другие места жарыща, там стоит такая жарыща, что даже актеры со сцены объявляют об этом.

— Я готов!

— Хорошо. Явитесь ко мне на следующей неделе.

9

В Африке и на самом деле стояла жарыща. В этом Дмитрий убедился сразу же, как только сошел с обдуваемой морским ветерком пароходной палубы и вступил на набережную Александрии. Обе гавани этого крупнейшего египетского порта, западная и восточная, были забиты пассажирскими и грузовыми судами, многомачтовыми парусниками, пузатыми фелюгами, рыбацкими баркасами и массой лодок. У входа в гавань гремела огромными ковшами землечерпалка. Расчищая фарватер, сбрасывала принесенные водами Нила тонны ила в баржи, которые толкал непрерывно гудевший буксир. С берега ему отвечали пронзительные паровозные гудки и грохотали портовые краны. Над пирсом, где суда грузились каменным углем, поднималось облако густой черной пыли, и с ним смешивались столбы дыма из пароходных труб. На причалах порта вздымались горы огромных тюков с хлопком, разнообразных мешков и ящиков, громоздились штабеля строевого леса, стальных труб и

мотков проволоки. Повсюду сновали тысячи людей — багроволицых европейцев, смуглых жителей Ближнего Востока, темнокожих африканцев. Все они спешили по своим делам, шумно спорили и непрерывно жестикулировали. В этой пестрой толпе мелькали разносчики, истошными голосами предлагавшие всем желающим освежиться стаканом холодной воды или отведать жареного миндаля...

В конце девятнадцатого века в этот город у моря, построенный еще по приказу Александра Македонского, широким потоком шли товары промышленной Европы. После открытия Суэцкого канала Египет оказался в самом центре важного торгового пути с Запада на Восток. Словно подтверждая ценность этой коммуникации, на рейде — в стороне от сутолоки торгового порта — застыли крейсера в серо-голубой тропической окраске. Над каждым из них трепетало белое полотнище с алым крестом, военно-морской флаг Британской империи.

От всего этого грохота и гама Дмитрий пришел в себя в европейском квартале, раскинувшемся вдоль набережной Корниш. Его тенистые аллеи протянулись вдоль широкой песчаной косы, отделяющей Средиземное море от прибрежных лагун и озер, где какие-то предприимчивые дельцы устроили настоящие промыслы по выпариванию соли из морской воды. Сам квартал снабжался водой из Нила, которая поступала по

...спец...
специальному каналу, и его светлые уютные дома утопали в зелени садов и цветочных клумб.

Именно здесь Дмитрию предстояло жить и работать в скромной должности помощника секретаря российского консула. Сам консул подчеркнуто вежливо встретил нового сотрудника, задал несколько ничего не значащих вопросов. Потом сдержанно кивнул и произнес:

— Вы, уважаемый Дмитрий Михайлович, числитесь по ведомству Василия Ильича. Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вами, но сейчас прошу меня извинить. Очень занят.

Василий Ильич, грузный и лысоватый господин, черными глазками пристально рассмотрел новичка. Словно цыган коня на ярмарке. Видимо, остался доволен, желтым прокуренным пальцем подкрутил длинный ус и кивнул в сторону двери:

— Прошу следовать за мной. Работать будем в одной комнате, стол и всякий канцелярский снаряд получите потом. Сейчас пройдем на воздух, прогуляемся по вечерней прохладе, посмотрим на город.

Пока шли, он задал Дмитрию несколько вопросов о прежней службе, удовлетворенно потер руки. Без лишних церемоний предложил перейти на «ты». О себе сообщил, что несколько лет работал в российском посольстве в Стамбуле, а службу начинал в

нижегородском драгунском полку. Для Дмитрия этим было сказано многое. В российской армии этот полк занимал особое положение — он не числился ни в одной из кавалерийских дивизий и много лет нес постоянную службу в Закавказье. Его драгуны носили особую форму, которую дополняли черкески и бурки, и больше походили на местных джигитов, чем на солдат и офицеров регулярной армии. Но все отлично знали, что именно из числа нижегородцев выходят отличные служаки, знатоки стран и народов Востока.

Так с разговорами миновали узкие улочки старых кварталов Александрии и оказались у массивных крепостных стен, над которыми возвышалась башня маяка.

— Это форт Табият-эль-Атта. Он контролирует подходы к городу с моря и обе гавани, — сказал Василий Ильич. — Ты как военный человек в каждом новом месте должен прежде всего обращать внимание на укрепления и коммуникации, а уж потом любоваться всякой архитектурой. Такое знание всегда пригодится, а порой может и жизнь спасти. Сейчас на бастион поднимемся и сам увидишь город и его окрестности.

— Пустят нас туда? — Дмитрий глазами указал на английского солдата, стоявшего у входа в одну из низких галерей форта.

— Этот артиллерист охраняет орудия в казематах. Мы туда не пойдем. Просто, как туристы, со смотровой

площадки посмотрим на город. Рядом с фортом ученые раскопали какие-то купальни. Говорят, времен Юлия Цезаря, так что сюда ходит много любопытных.

С бастиона открывался чудесный вид на порт, город и его окрестности. Бирюзовые волны Средиземного моря набегали на унылые желто-бурые пески африканского берега, и разделявшая их белая полоса прибоя тянулась до самого горизонта. Но стоило только повернуться в сторону дельты Нила, как картина резко менялась. В лучах заходящего солнца живым блеском сверкала вода многочисленных речных проток и оросительных каналов, а на их берегах радовала глаз сочная зелень бесчисленных полей хлопчатника, кукурузы, риса, фруктовых садов и пальмовых рощ. Между ними тесно сгрудились глинобитные домики с плоскими крышами, над которыми поднимались длинные коромысла шадуфов, простейших приспособлений для вычерпывания воды из оросительных каналов и поливки полей. Уже не одно тысячелетие благодатные воды Нила питали эту узкую полосу земли между морем и пустыней, на которой жили и трудились многие поколения египтян.

Любоваться этим видом долго не пришлось. Начальник по-военному четко и кратко ориентировал подчиненного на местности и давал необходимые пояснения. Но чтобы не привлекать внимания посторонних, все время тыкал пальцем в сторону какой-

то ямы, где под наблюдением двух европейцев в груде камней копались египетские рабочие.

— Это тоже следы Юлия Цезаря? Или Наполеона? — поинтересовался Дмитрий, когда спускались с бастиона и проходили мимо каменной стены, испещренной глубокими щербинами.

— Следы обстрела английской эскадры, — буркнул Василий Ильич. Решив, что такое объяснение слишком краткое, добавил: — Как тебе должно быть известно, сейчас Египет часть Османской империи и местный паша ежегодно платит дань турецкому султану. Но когда англичане натянули нос французам и прибрали к своим рукам Суэцкий канал, то на радостях решили сразу завладеть и Египтом вместе со всеми его владениями в глубинах Африки. Пашу и его правительство так долгами опутали, что они и слова поперек сказать не смели. Видя такой позор, молодые египетские офицеры восстали. В это же время на юге против англичан поднялись сторонники Мухаммеда Ахмеда, провозгласившего себя махди. Знаешь, кто это?

— Махди — это посланник Аллаха на земле, или просто живой мессия.

— Совершенно верно. Вот они и погнали англичан и их сторонников из Нильской долины. Так что Великобритании пришлось с боями восстанавливать свою власть на этих землях. На юге с махдистами война идет до сих пор, а вот Александринское сражение

идет до сих пор, а вот Александрию английская эскадра бомбардировала не так давно. Меня тогда в этих краях не было, но знаю, что лучшие британские броненосцы почти целый день палили по этому и другим фортам. Потом высадили десант и разгромили восставших военных, а их вожака отправили в ссылку на остров Цейлон.

— Подробностей не помню, но в газетах писали, что от меткой стрельбы с английских кораблей эти египетские форты один за другим взлетали на воздух.

— Вранье это. Как видишь, форты стоят до сих пор. Египтяне в них бились до конца, в корабли было около сотни попаданий. Просто снаряды старых пушек не могли пробить броню. Видя такое, артиллеристы не выдержали. Как-никак люди восточные, эмоциональные. Решили, что бесполезно бороться с судьбой. Впрочем, и у англичан не все получилось гладко. Потом их адмирал откровенно назвал стрельбу неудовлетворительной. Выяснилось, что меткость была невысокой, да и не все снаряды рвались. Один из них угодил-таки прямо в склад, где находилось триста тонн пороха, но не взорвался. Поэтому в своем рапорте командующий британской эскадрой посоветовал начальству военно-морского арсенала заняться производством детских колясок, раз оно не может наладить изготовление надежных взрывателей.

— Откуда все это известно?

— Да уж в газетах об этом не писали. Просто один приятель снял копию с адмиральского рапорта и мне подарил. Ну а сейчас мы отправимся в клуб, посмотришь, как англичане здесь устроились. Теперь весь Египет в их руках, и хотя паша на троне остался, но реальной силы он уже не имеет.

Пышные пальмы окружали белоснежное здание клуба. В его прохладных залах можно было полюбоваться коллекциями древностей, собранных местными любителями истории, а в библиотеке просмотреть доставленные из Европы свежие газеты. В баре вышколенные слуги в развевающихся голубых галабеях⁴ спешили подать прохладительные напитки. Кухня клубного ресторана порадовала изысканными французскими блюдами и изобилием тропических фруктов. Для любителей спорта имелись облицованный мрамором плавательный бассейн, площадки для игры в гольф, поле для конного поло. Члены клуба — сотрудники европейских дипломатических миссий, коммерсанты, офицеры английского гарнизона — тепло приветствовали Василия Ильича и его гостя.

Очень скоро разговор зашел о лошадях и Дмитрия проводили в конюшню клуба. Как бы случайно задали несколько вопросов и с интересом выслушали его ответы. Пospорили об английской и арабской манерах седловки. Предложили самому сделать несколько кругов по ипподрому. оценили умение управлять немного

своей гневной кобылкой. Дали длинную клюшку и посмотрели, как ему удастся на всем скаку ударить по брошенному на траву мячу. Сделать это удалось не сразу, несколько раз промахнулся, но все же попал в этот белый шарик, выточенный из слоновой кости. В клубе свято соблюдали колониальные традиции и для игры в конное поло признавали только такие мячи.

Из клуба Дмитрий уходил, уже имея в кармане с десяток визитных карточек новых знакомых, а коренастый британский майор, помощник начальника полиции, еще раз напомнил ему:

— Ждем вас послезавтра. Отдохните после морского путешествия и приходите на тренировку. Через две недели мы встречаемся с офицерами третьего гусарского полка, а они весьма сильны в конном поло.

...Что же, судя по первым впечатлениям, служба на новом месте против ожидания обещает быть приятной. Интересно, как в этих краях проводят вечернее время? Улыбающийся Дмитрий хотел было обратиться с этим вопросом, но вся его веселость прошла, как только он встретил взгляд начальника. Показалось, что в его глазах-буравчиках мелькнуло какое-то весьма странное выражение.

— Очень хорошо у тебя в клубе получилось, — произнес начальник. — Знакомства завел полезные, только учти — англичане пить здоровы. Спят.

На следующее утро Дмитрий уже был в клубе.

— не беспокойтесь, не подвержен. употреоляю только в случае служебной необходимости.

— Это тоже неплохо. А теперь пора тебе собственным хозяйством обзаводиться. Завтра утром пойдем всякую домашнюю утварь покупать. Где-то тут поблизости была лавка ковров старого Максуда. Что-то я в темноте стал плохо видеть. Спроси-ка вот этого носильщика, как к ней пройти. — Василий Ильич указал на рослого детину в плоской вязаной шапочке с мотком веревок на плече, который стоял под уличным фонарем.

Поняв, что речь идет о нем, детина поспешно приблизился и склонился в почтительном поклоне. Дмитрий задал вопрос и в ответ услышал длинную фразу, из которой понял только два последних слова «бакшиш, сэр». Старательно выговаривая каждое слово, повторил вопрос и опять ничего не понял из ответа носильщика. В растерянности повернулся к своему спутнику.

— Ничего не могу разобрать. Почему-то он у меня денег просит.

В глазах начальника плясали веселые искорки. Он сунул монетку в руку носильщика и повернулся к Дмитрию.

— Он не нищий, просто за услугу просит дать «бакшиш», а по нашему «на чай». А вот тебе с таким арабским языком надо было в Багдад ехать. В Бухаре или Кабуле он бы еще сгодился, а в Египте говорят на другом

диалекте. Письменный же язык в Коране или казенных бумагах будет одинаковым, а вот уличный разговор повсюду разный. Придется тебе немного подучиться.

— Ну уж от этого никогда не откажусь.

10

Первый год работы в Египте почти подошел к концу. Многие знакомые европейцы и земляки-сослуживцы жаловались на скуку и однообразие местной жизни, на то, как ужасно медленно тянутся на африканских берегах жаркие и душные дни и месяцы. Дмитрию скучать не приходилось — вокруг было столько нового и интересного!

После того как он ознакомился со своими обязанностями, начал брать уроки арабского языка. В старом городе нашелся отставной преподаватель каирского университета Аль-Азхар, который согласился заниматься с Дмитрием. Платить ему пришлось из собственного довольно скудного жалования: казна отпускала на учебу более чем скромные средства, которых едва хватало на покупку книг. Учитель приходил на занятия со своим сплетенным из камыша ковриком, садился, скрестив ноги, и, опустив крючковатый нос к самой странице, начинал толковать текст.

На первом занятии Дмитрий был очень смущен, и он

но ученых занятия Дмитрию было мало, и он пополнял свои знания на улицах и базарах. Задавал вопросы и смело заводил разговор, не смущаясь своих ошибок и насмешливых взглядов собеседников. Потом просил учителя объяснить услышанное, и тот сначала краснел от возмущения, а потом начинал хихикать. Ну а уж потом выдавал поистине бесценные лингвистические комментарии, так что через некоторое время Дмитрий смог свободно объясняться и с погонщиками верблюдов, и с важными чиновниками из дворца самого паши. Никто из местных жителей уже не пытался отвечать на его вопросы на английском или французском или просто делать вид, что не понимают его слов.

Несколько неожиданно для самого себя вдруг почувствовал, что способен легко перенимать чужую речь и манеры, что порой словно растворяется в уличной толпе, чувствует себя в ней своим. Обрадовался и поделился этими мыслями с Василием Ильичем. Тот опять крутил прокуренными пальцами длинный ус и долго о чем-то думал. Потом предложил Дмитрию коротко подстричься, одеть феску и длиннополый пиджак, обуться в сандалии, а в руки взять четки. Осмотрел его со всех сторон, сделал некоторые замечания и посоветовал прогуляться в торговые ряды, что раскинулись у железнодорожного вокзала.

Случилось именно то, на что рассчитывал бывалый

драгун.

Сухощавый и темноглазый Дмитрий ничем не выделялся в уличной толпе. Какой-то прохожий даже принял его за своего знакомого и, подслеповато шурясь, попросил передать привет родным. В одной из лавок Молодой продавец попытался было всучить ему дешевый кинжал, но сразу же получил выговор от хозяина.

— Этот хлам предложи какому-нибудь франку⁵. Перед тобой же настоящий черкес, а они все понимают толк в хорошем оружии. Уважаемый, — обратился он к Дмитрию, — всегда будем рады видеть тебя в нашей лавке. Выполним любой твой заказ.

Итак, назвали черкесом! Действительно, в здешних краях проживает много выходцев с Кавказа и Балкан, чьи родители еще детьми были насильно увезены турками из родных мест, а потом служили в войсках султана. Они переняли язык и местные обычаи, обзавелись семьями и теперь не каждый отличит этих черкесов от коренных египтян.

Немудрено, что признали за своего. Помнится, тетушка рассказывала, что в прежние лихие времена случалось казакам добывать себе жен за Кубанью и Терек. От тех прабабок в роду Урядниковых нет-нет да и появляются черноглазые дочки-красавицы и смуглолицые казачата. Недаром же в кадетском корпусе прозвали Дмитрия «хан поповенкий». . . Что же, такая

внешность может очень пригодиться. Тот, кто работал на Востоке, знает, как порой бывает трудно узнать, что на самом деле происходит за стенами твоего кабинета.

Конечно, на местном базаре всегда все известно. Но если даже там у тебя и есть друзья, то — согласно традициям Востока — разговор они ведут тонкий и неторопливый, произносят длинные и красивые фразы, смысл которых поймешь далеко не сразу. При этом выпивают бесчисленное количество маленьких чашечек чая или кофе и выкуривают не одну трубку. А тем временем тебе известно, что в посольстве начальство нетерпеливо барабанит пальцами по столу и ломает голову над тем, какую телеграмму посылать в свою столицу, откуда уже идут нетерпеливые запросы. Впрочем, на некоторые вопросы и самому интересно получить ответ. Почему, например, всю прошлую ночь в городе шла стрельба? Или — почему подскочила цена на хлопок, а пшеницу отдают чуть ли не даром? А почему отрубленная голова министра, который на прошлой неделе объявил об успешном завершении денежной реформы, сегодня красуется на главной площади?

Но если есть возможность лично проверить достоверность информации, то разобраться в этих событиях не представляет особого труда. Некоторые из них даже возможно предсказать заранее. Соблюдая осторожность, можно также проверить свои выводы в

оседах с другими любознательными людьми. Тогда, если хорошо знаешь обстановку в стране пребывания, молчание собеседника само подскажет тебе правильный ответ.

Однако члены клуба в Александрии не отличались молчаливостью. Как приятно было по субботам устроиться на веранде с видом на море, неторопливо прихлебывать напитки со льдом и обсуждать подробности только что закончившихся скачек или состязания игроков в конное поло. Затем темы разговоров менялись и рассуждениям о рыбной ловле, женщинах и погоде не было конца. О политике, так надоевшей всем за неделю, почти не упоминали. Просто дружно поругивали собственных министров и директоров, которые с удобствами устроились в далеких столицах и теперь донимают своих подчиненных дурацкими запросами и поручениями. Вот бы их самих сюда, в это пекло!

Тем не менее порой на веранде случалось слышать весьма откровенные разговоры. Как-никак собеседники были народ искушенный и ревниво следили друг за другом, а в разговорах следовали правилу — больше слушать, чем говорить самим. Случалось, что обмен информацией шел весьма оживленно и в нем отчетливо проявлялись национальные черты членов клуба.

Самыми немногословными были англичане, которые с нескрываемой надменностью

демонстрировали преимущество своего положения. По всем экономическим показателям их небольшое островное государство прочно удерживало титул «промышленной мастерской мира» и на географических картах мира обширные британские владения на всех континентах были окрашены в алый цвет. Как утверждали завистники, в цвет мундиров британской пехоты. Судя по клубным разговорам, в Африке англичанам предстояло сделать не так уж и много: оставалось только очистить долину Нила от мусульманских фанатиков махдистов и приступить к строительству железной дороги поперек всего континента, от Каира до Кейптауна.

Представителям других европейских держав оставалось лишь мириться с последствиями британской политики «блестящей изоляции». Экспансивные французы с плохо скрываемым раздражением следили за успехами могучего соперника. Вспоминали об участии французских королей в крестовых походах, экспедицию Наполеона Бонапарта в Египет, строительство Суэцкого канала французским инженером Фердинандом Лессепсом. Казалось, что позиции Франции в этой части Средиземного моря непоколебимы. Но упрямый британский бульдог так же, как в Америке и Индии, не позволил галльскому петуху свить здесь свое гнездо. В Африке на долю Франции достались лишь обширные пространства пустынь и тропических лесов, о которых

еще никто ничего толком не знал и многие из которых еще предстояло завоевать. К тому же теперь приходилось опасаться новых соперников — немцев. Раньше их канцлер Бисмарк любил повторять, что если Германия заведет себе колонии, то уподобится польским шляхтичам, у которых есть соболя шуба, но нет нижнего белья. Теперь же немцы принимают активное участие в колониальных захватах. Успели-таки занять несколько африканских территорий, методично их осваивают и даже начали получать доход.

Пожалуй, самими шумными на клубной веранде были итальянцы. В Африке для их молодого королевства, совсем недавно образовавшегося из многочисленных герцогств и княжеств, почти ничего не осталось. С ними европейские соседи обращались весьма бесцеремонно — Франция только что присвоила себе владения туниского бея, от которых до Италии рукой подать, а небольшие итальянские колонии на побережье Красного моря Англия называет «спорными территориями» и рядом размещает собственные гарнизоны.

Дмитрий быстро понял, что в местных делах Россия имеет довольно скромные интересы. Главным было наблюдение за политикой европейских держав на ближневосточных окраинах турецкой империи и обеспечение беспрепятственного движения российских судов из Персидского залива в Черное море.

судов на дальний восток. Каждый месяц, пять-шесть судов Добровольного флота проходили через Суэцкий канал да и эскадра кораблей российского флота постоянно крейсировала в водах Средиземного моря, заходила в здешние порты. Ежегодно тысячи паломников из Российской империи прибывали в Египет. Одни ехали в Палестину, чтобы поклониться Гробу Господню и Святым местам, другие направлялись южнее, в Мекку, к могиле Пророка Мухаммеда и другим мусульманским святыням.

Из России приезжали и ученые. Старые сотрудники консульства вспоминали Егора Петровича Ковалевского, ставшего почетным членом Российской академии наук, который по просьбе египетского правительства вел геологические исследования на юге Нильской долины и открыл там богатейшие месторождения золота. Они помнили и о том, сколько сил и времени пришлось потратить, чтобы найти в портовых складах коллекции, собранные в Тропической Африке Василием Васильевичем Юнкером. Как потом пришлось доказывать властям, что эти тюки не являются коммерческим грузом и не должны облагаться пошлиной. А недавно приехавший молодой московский историк Владимир Голенищев был просто влюблен в Египет. Он уже успел объехать всю страну и за собственный счет начал раскопки в дальних оазисах, на самом краю пустыни. Его многочисленные находки

удивили специалистов и пополнили коллекции каирского музея Древнего Египта. Теперь европейские ученые, которые сами ведут обширные раскопки и изучают древнюю историю, с большим уважением отзываются о своем коллеге из России.

Но приезжали и другие земляки, для которых поездка в Египет стала просто данью моде. Особенно после того, как в 1890 году наследник российского престола Николай Александрович со своим братом Георгием и многочисленной свитой посетили нильские берега. Они поднимались на пирамиды, ездили на верблюдах по пустыне, познакомились с исполнительницами зажигательного танца живота. Теперь многие спешили последовать примеру августейших туристов. Хотя для большинства россиян поездка завершилась благополучно, но случалось, что среди них оказывались и весьма разгульные натуры. На них непривычная жара, наперченный салат из апельсинов и репчатого лука, яичница с медом и другие шедевры местной кухни, а главное — необычайно дешевые французские коньяки греческого разлива действовали весьма сильно. Самых буйных приходилось выводить из полицейского участка, а затем выслушивать их жалобы на блох и клопов, нрав которых не смягчился со времен «казней египетских», описанных еще в Библии.

Так или иначе всем немногочисленным

сотрудникам российского консульства работы хватало. Дмитрия как самого молодого довольно часто посылали с различными поручениями в Каир и на Суэцкий канал, так что многое в стране удалось увидеть, а на писание казенных бумаг не пришлось потратить слишком много времени. Скоро отпуск и можно будет на пассажирском пароходе махнуть вокруг Европы, по пути домой побывать в Париже и Лондоне. Осталось только переписать этот отчет и...

— Вот ты где, — голос вошедшего в кабинет Василия Ильича звучал глухо, усы повисли уныло. — Пошли, Митя, к консулу. Есть разговор.

11

Консул почему-то был тоже не весел, против обыкновения не стал рассыпаться в любезностях. Может быть, причиной тому незнакомый господин, что устроился в кресле у окна? Так и впился в Дмитрия своими серо-голубыми глазами. Едва шевельнул тонкими губами, вроде как бы поприветствовал вошедших. Неприятный тип, да еще и обрит наголо. Что-то он мало походит на дипломата — шея как у быка, легкий пиджачок вот-вот лопнет на широких плечах, а кулаки как у квартального надзирателя.

— Уважаемый Дмитрий Михайлович, вынужден

вас побеспокоить по некоторому делу. — Как всегда консул был предельно вежлив. — Знаю, что срок командировки заканчивается и скоро вам предстоит возвращение на родину. Еще раз хотел бы поблагодарить вас за отличное старание по службе и примерное поведение. Однако вынужден обратиться к вам с небольшой официальной просьбой, о которой вы не должны никого ставить в известность. Речь идет о содействии нашим землякам в небольшом предприятии. Разумеется, на согласии мы не будем настаивать, все должны решать только вы сами.

Наступила пауза. Василий Ильич с показным безразличием смотрел в окно, а незнакомец в упор уставился на Дмитрия. Консул, искушенный в дипломатических хитростях, почему-то замялся. Наконец произнес:

— Речь идет о краткосрочной поездке на юг. Если точнее, то всего лишь о плавании по Красному морю.

Ах, вот оно что! По своей должности Дмитрий не имел касательства к некоторым делам, но видеть и слышать умел. Знал, что за последнее время российско-эфиопские отношения становятся все более тесными и разнообразными. Вслед за поручиком Машковым ехали на юг и другие казенные люди. Совсем недавно в Эфиопию проследовала экспедиция Российского географического общества, возглавляемая Александром Васильевичем Елисеевым, врачом и антропологом,

который уже не один год провел в Африке. Он прославился своими путешествиями в самые отдаленные районы Сахары и подробными описаниями этих мест. Правда, этого плотного, уже немолодого человека, заросшего густой бородой, Дмитрию удалось увидеть лишь мельком. Уже позднее слышал, что в эфиопской столице Аддис-Абебе экспедиция была принята негусом Менеликом Вторым, который выразил желание направить в Россию собственную дипломатическую миссию. Начало было отличным, но, к сожалению, самому Елисееву вскоре пришлось вернуться на родину. Буквально на днях стало известно о его кончине. Говорили, что долгие годы странствий не прошли бесследно для его здоровья.

Руководство российской экспедицией перешло к Николаю Леонтьеву. Этого гвардейского офицера Дмитрий помнил еще по Петербургу. Тогда заинтересованные лица с большой похвалой отзывались о его весьма удачной поездке в Индию через горные районы Ирана и Афганистана. Разумеется, сейчас этот господин с холодными серыми глазами и короткой бородкой вышел в отставку и находился в Эфиопии как частное лицо. В консульстве вся деловая переписка с ним шла исключительно через руки Василия Ильича.

Итак — плавание по Красному морю. Куда? С какой целью? Ясно, что скоро на северо-востоке Африки произойдут важные события. Последнее время Дмитрия

произойдут важные события. Последнее время Дмитрий часто привлекали к сбору и обработке информации о разворачивании британских вооруженных сил в этом районе. Было приказано выяснить, не представляет ли оно угрозу российским интересам на Ближнем Востоке. В штабах Петербурга хорошо помнили, как в недалеком прошлом Турция открыла свои проливы для враждебных эскадр и иностранные полки высаживались в Крыму, а чужие корабли обстреливали приморские города на юге России. Внезапного повторения такой операции быть не должно. Правда, сейчас англичане уверяют, что готовятся к решительному наступлению на махдистов и намерены овладеть всей долиной Нила, но проверить их слова необходимо.

Действительно, сейчас по всему Египту под командой английских офицеров полным ходом идет формирование местных частей, непрерывно работают недавно построенные военные заводы, на Ниле вооружается флотилия речных мониторов, а вдоль его берегов прокладывается ветка железной дороги. В пустыне на границе с махдистским государством не прекращаются рейды отрядов верблюжьей кавалерии и стычки патрулей. Англичане потерпели несколько поражений и сейчас торопятся оборудовать театр будущих военных действий, пока основные силы махдистов ведут военные действия против армии негуса Эфиопии.

Где-то далеко на африканских просторах уже не первый год идет эта кровопролитная война между яркими сторонниками ислама и чернокожими христианами. Все это время ей не дают утихнуть заботливые старания британских дипломатов. Именно поэтому энергичное вмешательство Лондона быстро прекратило начавшийся было вооруженный конфликт между Эфиопией и Италией, которая решила во время общей суматохи расширить свои владения на берегах Красного моря. Не стесняясь в выражениях, итальянскому руководству дали понять, что оно должно немедленно подписать мирный договор с негусом. Но, кажется, и эфиопы поняли, что их коварно используют в чужой игре. Недавно прошел слух, что они собираются прекратить войну с махдистами.

Можно только догадываться, что сейчас на самом деле происходит на юге. Это потом историки все бумаги в архивах пересмотрят и все события опишут, станут толковать их на разные лады. А как быть тем, кто сам в этих событиях участвует и еще не знает, что из всего этого получится? Об иной поездке или встрече в архивах никаких бумаг не останется. Или, что еще хуже, казенные писаря потом такое насочиняют, что потомкам только и останется почтительно склонять головы и изумляться мудрости предков... Да, как видно, дело предлагается опасное и деликатное, иначе разговор об этом пошел бы совсем другой. Вот и господин консул,

старая лиса, явно старается держаться от него в стороне. Конечно же за отказ винить никто не будет, просто в личном формуляре сделают казенную пометку — «за время исполнения обязанностей случая отличиться не имел».

— Что мне придется делать в этом плавании? Я же не моряк.

Консул промолчал, только скривил губы. Но ответил незнакомец.

— Знаем о вас, хорунжий, как о способном кавалерийском офицере. К сказанному добавлю, что речь идет о поездке в интересах российского государства.

Вот это уже яснее. За последние недели через Порт-Саид, вслед за экспедицией Леонтьева, проследовало несколько земляков. Все в штатском, с отличной строевой выправкой и густым полевым загаром. Судя по паспортам, все эти жители различных российских губерний вдруг решили по «личной надобности» побывать на берегу Индийского океана... Да, что-то очень интересное затевается в южных краях, о которых тебе известно побольше, чем этим парням. Ведь многие из них никакого языка, кроме русского, не знают и на окружающий их восточный мир глядят дикими глазами. Нелегко придется землякам.

А что тебя самого ждет дома? В Гатчину возвращаться нельзя ни в коем случае — враз оженят!

Друзья уже писали, что Софья все еще пребывает на выданье и всем знакомым говорит, что ожидает возвращения жениха из заграничной командировки. Значит, придется в каком-нибудь провинциальном гарнизоне караулы нести да новобранцев обучать, дожидаться, когда о тебе опять начальство вспомнит...

— Готов послужить за веру, царя и Отечество!

— Я же говорил вам, что он согласится! — радостно громыхнул Василий Ильич и лихо подкрутил свой ус.

— Одну минуточку, господа, — поспешил вмешаться консул. — Я очень спешу, и вы уж обсуждайте все эти дела без меня. Уважаемый Дмитрий Михайлович, когда закончите, то соблаговолите зайти в канцелярию и оформить отпуск. В бумагах будет указан ваш новый маршрут в Санкт-Петербург: вокруг Азии и далее через Владивосток. Всего вам доброго, господа.

Все раскланялись, и старый драгун повернулся к Дмитрию:

— Знакомься, это Григорий Павлович, мой старый товарищ и твой новый начальник.

— Поклон вам от Федора Ивановича из Главного штаба. Господин полковник очень лестно о вас отзывался, Дмитрий Михайлович. Уверял, что вы оправдаете наше доверие.

— Гриша, не тяни, — перебил его Василий

Ильич. — Мы не дипломаты, а время не ждет. Дмитрий казак грамотный, введи его в обстановку и ставь задачу.

— Если так, то позвольте узнать, что вам, Дмитрий Михайлович, известно о положении в Эфиопии?

— Имею самое общее представление о рельефе, коммуникациях и армии.

— Очень хорошо. Тогда хочу указать на те важные государственные реформы, которые проводит в стране негус Менелик. Он уже многое сделал для того, чтобы укрепить единство государства, упорядочил сбор налогов, развивает торговлю, посылает на учебу в европейские страны молодых эфиопов. Но страну окружают враги, которые пытаются вызвать смуту и захватить часть ее земель. Прежде всего те районы, что лежат на морском побережье. Вы догадываетесь, кто стоит за всем этим?

— Великобритания. Ей не нужен сильный соперник, владеющий базами на морском пути в Индию.

— Совершенно верно. Должен конфиденциально сообщить вам о некоторых разделах письма эфиопского негуса к российскому императору. В них он отмечает бескорыстие России, которая не стремится к захвату колоний в Африке, и прямо просит о помощи. Пишет, что хотел бы иметь в Европе благорасположенное к Эфиопии государство, которое могло бы давать беспристрастные советы и предупреждать о грозящих опасностях. Августейший ответ был положительным.

Вы сами понимаете, что мы не можем оставаться глухими к просьбе наших единоверцев. Особенно сейчас, когда вот-вот может начаться новая война Эфиопии с Италией.

— Как же так? Ведь между ними совсем недавно подписан мирный договор, — удивился Дмитрий.

— Разорвали эфиопы этот договор, — быстро пояснил Василий Ильич и, обращаясь к своему товарищу, несколько смущенно добавил: — Я сам не обратил должного внимания на это событие. Дмитрий в то время арабом переоделся и в Каире ходил к англичанам в арсенал. Вроде как бы нанимался к ним на работу и тем временем заводил нужные нам знакомства. Не до эфиопских дел нам было тогда.

— Эфиопия денонсировала мирный договор с Италией из-за неидентичности текстов на итальянском и амхарском языках, — сказал Григорий Павлович. Видя, что удивление Дмитрия еще не прошло, добавил: — В семнадцатой статье договора говорится, что негус Эфиопии может пользоваться услугами короля Италии при переговорах с другими независимыми государствами. В своем тексте итальянцы слово «может» заменили на «должен». Переводчики негуса этого не заметили, и договор вступил в силу. В Риме этот текст широко распустили и, ссылаясь на него, известили все европейские государства о том, что отныне Эфиопия является итальянским протекторатом.

— Гриша, как это эфиопы, сидя в своих горах, узнали про такой обман? Ты извини, но мы тут в мелких делах закопались, совсем не знаем того, что в большой политике происходит.

— Не валяй дурака, Василий. Каждый делает свое дело. У эфиопов и у самих неплохо разведка налажена. В Италии есть их люди, которые собирают необходимую информацию. Теперь все газетные статьи и даже протоколы парламентских дебатов, касающихся эфиопских дел, переводятся на амхарский и отсылаются в Аддис-Абебу. Надо добавить, что кое-что эфиопы узнают и при помощи своих иностранных друзей.

— Та-а-ак. Значит будет война. Ну, Дмитрий, в самое пекло можешь попасть. Как бы не того...

— Не пугайте, я уже был под огнем.

— Ну а если придется — поведешь эфиопских копейщиков на итальянские пушки?

— Прекрати, Василий. Об участии российских подданных в военных действиях речь не идет. Негус попросил царя только о помощи оружием. Наша задача быстро и без потерь обеспечить его доставку в Эфиопию.

очень опасным. Предстояло сесть в Порт-Саиде на прибывающий из России пароход и совершить на нем плавание через Красное море до принадлежащего Франции порта Джибути. Там представители негуса должны будут принять груз и обеспечить его перевозку до столицы. Вместе с несколькими другими россиянами Дмитрий должен был сопровождать караваны с оружием и проследить, чтобы все было доставлено в целости и сохранности. Если потребуется, то надо будет помочь эфиопам побыстрее освоить изделия российских заводов. После этого миссия считается завершенной и можно будет вернуться на родину.

Однако на деле все получилось иначе.

В тот же день на имя Григория Павловича из Питера неожиданно пришла шифрованная телеграмма. Ознакомившись с ее содержанием, он тихонько выругался и, когда втроем заперлись в задней комнате консульства, сказал:

— Итальянцы пронюхали о нашем грузе. Их посол и сообщил в Рим, что из Одессы в Эфиопию на пароходе «Кострома» отправляются горные орудия и другое оружие. Буфетчик на пароходе итальянский агент и в Порт-Саиде должен будет передать их разведке пакет с точными данными о курсе судна. Что дальше предпримут итальянцы неизвестно, но нам приказано обеспечить безопасность этого парохода.

— Что будут делать итальянцы догадаться

нетрудно, — ответил Василий Ильич. Он весь преобразился — глаза загорелись боевым огнем, а кончики усов воинственно поднялись. — Вторую неделю их крейсер стоит на якоре у Суэца, недалеко от южного выхода из канала. Как только наш пароход появится в Красном море, тут ему и крышка!

— Открыто действовать итальянцы не посмеют. Между нашими странами нет войны, а международные законы не запрещают торговлю оружием. Да и англичане не позволят пиратствовать вблизи канала.

— Ха-ха! Ну-ка, Дмитрий, достать с полки морскую карту. Спасибо... Вот теперь все думаем сюда. — Пожелтевший от табака палец старого драгуна заскользил вдоль береговой линии, задерживаясь у отдельных островов и рифов. — Смотрите. Вот здесь, здесь и здесь крейсер вполне может в сумерках столкнуться с нашей «Костромой». Он снабжен тараном, и для уничтожения другого судна ему не надо начинать палить из пушек. Потом скажут, что Красное море очень узкое, изученных фарватеров мало, видимость плохая и все получилось случайно. После столкновения команду с парохода спасут, выразят глубочайшее сожаление, может быть, и страховку заплатят.

— Почему ты так думаешь?

— Гриша, ты привык работать в Европе, а мы служим на Востоке. Как любят говорить англичане, за

Суэцем закон и мораль кончаются. Здесь у жизни и смерти другая цена и неудачнику не следует рассчитывать на чье-то милосердие.

— В этой операции консул нам сможет помочь?

— На хрена он сдался. Вот если бы с нами был его предшественник, тогда другое дело. Этот же паркетный дипломат только и ждет окончания своего срока в Египте и перевода в Бельгию. До сих пор не может привыкнуть к особенностям службы на Востоке — с местными людьми боится слово сказать, на улице увидит верблюда, так вздрагивает!

— Каким образом командир итальянского крейсера сможет получить информацию от буфетчика с «Костромь»? — поинтересовался Дмитрий. Все услышанное вызвало в нем настоящий охотничий азарт, от волнения голос звучал хрипло.

— Мыслите правильно, Дмитрий Михайлович, но не горячитесь, — мягко произнес новый начальник. — Будем думать как перехватить эту информацию. Времени у нас мало, но с капитаном судна мы успеем связаться. В ночное время движение по каналу прекращается, да еще придется пережидать встречные пароходы, поэтому на плавание до Суэца у «Костромь» уйдет не менее тридцати часов.

— Все сделаем, Гриша. Не зря казенные харчи едим. Сегодня же пойду сражаться на бильярде с этим подлецом капитаном Энрике, итальянским военным

атташе.

— Сколько ты ему уже проиграл? Разорился в конец.

— Ничего, Бог милостив. Двоюродный брат его жены офицер Генерального штаба. С разрешения нашего военного министра он в недавнем прошлом ездил в Самару изучать русский язык. Оказался шустрым малым и больше интересовался составами артиллерийских порохов, производимых на местном заводе, чем прозой Тургенева. Пришлось принимать меры, но действовали деликатно, согласно российскому гостеприимству. Сейчас этот языковед сидит в Риме, все еще не может прийти в себя после волжских кулебяк и солянок. Кстати, Гриша, можешь сообщить нашим — на следующей неделе через канал к эфиопским берегам начнется переброска четырнадцати итальянских батальонов полного состава.

На следующий день после этого разговора Дмитрий, одетый как египетский торговец, не желающий отставать от европейской моды, уже был в Порт-Саиде. Обосновался в кофейне Мустафы, старого приятеля Василия Ильича. Там за низенькими столиками на широких диванах восседала солидная публика, местные торговцы и судовые агенты. За чашечкой душистого кофе, а то и за графинчиком сладкого греческого вина велись неторопливые разговоры о делах. От густого табачного дыма и доносившихся из

кухни пряных ароматов у непривычного человека перехватывало дыхание. Эскадроны блох скакали по устилавшим пол кофейни коврам, радостно бросались навстречу каждому новому посетителю.

Дмитрий не стал задерживаться в зале и перебрался на плоскую крышу. Отсюда из-под полосатого тента, натянутого для защиты от солнечных лучей, можно было спокойно наблюдать за всем портом и северным входом в Суэцкий канал. Такой деловой суеты, как в Александрии, здесь не было, большинство судов не вело ни погрузки, ни выгрузки, а терпеливо дожидалось своей очереди на проход через канал. С крыши хорошо просматривались далеко уходящие в море дуги двух молов и вереница стоящих на якоре судов. Между ними сновали лодки перевозчиков, доставлявшие на берег компании моряков, навстречу которым спешили мелкие торговцы, разносчики и разный портовый люд, готовый ознакомить мореходов со всеми радостями береговой жизни.

День шел за днем, и одни суда сменялись другими. Навстречу им из канала медленно, чтобы не поднимать высокую волну и не размывать песчаные берега, выползали идущие с юга суда. Однажды порядок был нарушен и через канал без очереди прошел итальянский военный транспорт. Все его надстройки и палубы были усеяны солдатами, одетыми в серо-желтую форму колониальных войск. На набережной гремел нанятый

капитаном Энрике оркестр, румяные парни махали пестрыми платками, кричали что-то веселое. Обещали проучить дикарей и скоро вернуться домой. С пристани им посылали приветы куча служащих итальянских пароходных компаний. Многочисленные местные торговцы и рыбаки молча с неподвижными лицами наблюдали за этим ликованием франков.

Наконец в порт вошла и «Кострома». Встала на якорь позади тех судов, что пришли в Порт-Саид раньше нее. Кажется, никто не обратил особого внимания на появление этого однотрубного парохода под трехцветным российским флагом, глубоко осевшим в воде под тяжестью своего груза. Но Дмитрию с крыши хорошо было видно, что пустовавший до этого столик на веранде соседнего кафе занял худой черноволосый господин с пачкой газет в руках.

В этом не было бы ничего особенного, если бы не яркая обложка юмористического московского журнала «Будильник». Ее узнает каждый россиянин. Как только к берегу причаливала шлюпка с «Костромы», чернявый хватал журнал, разворачивал его так, что обложка была видна издали, и делал вид, что рассматривает напечатанные в журнале карикатуры. Русские моряки проходили мимо, и чернявый сразу же терял интерес к журналу, принимался за чтение иностранных газет.

Прав оказался Василий Ильич, когда предположил,

что на встречу с буфетчиком пойдет именно Франческо, один из конторщиков пароходной компании Рубаттино, чьи пароходы совершали рейсы из Неаполя в Восточную Африку. Хотя он и нацепил темные очки и даже приклеил бороду, но скрыть таким образом свой рост и худобу, конечно, не смог. Все еще в шпионов играет. Ведь мог бы поумнеть, после того как прожил год в Новороссийске. Имел же там в жандармском управлении душепасительную беседу о вреде любопытства к некоторым военным вопросам и получил совет не возвращаться после отпуска в Россию.

Опять потянулись часы ожидания. Все так же проходили по набережной группы моряков и возле них сустились все те же уличные торговцы, а у причалов продолжался бесконечный ленивый спор грузчиков с лодочниками за право обслуживать клиентов. Лишь иногда, просто для того чтобы разогнать скуку, они переходили на личности и самые горячие головы начинали махать кулаками. Но после нескольких минут истощных воплей и ужасных угроз все стихало. Долгое сидение на солнце в тесном пиджаке какого-то немыслимого цвета начало плохо действовать на Франческо. Темные пятна пота выступили у него на спине и под мышками. Он непрерывно курил, начал часто вставать из-за столика, нетерпеливо прохаживаться вдоль набережной. К удовольствию скучающих грузчиков и лодочников, наглые мальчишки-

разносчики за его спиной корчили рожи и вертели пальцами у виска.

Краснолицый толстяк в щегольском костюме с цветком в петлице появился у столика Франческо внезапно. На берег он высадился с одной из первых шлюпок «Костромы», но был осторожен и только спустя длительное время проявил интерес к читателю «Будильника». С крыши было хорошо видно, как толстяк вежливо поклонился, прикоснулся к полям своей белой панамы и подсел к столику. Ткнул пальцем в журнал и что-то произнес. Итальянец поспешно достал из кармана небольшой пакет. Толстяк снял панаму и вытер лысеющую голову носовым платком, из которого на страницы журнала выскользнул узкий конверт. Тут же пакет оказался в панаме, и лучезарно улыбающийся толстяк проследовал к поджидавшей его шлюпке, на которую уже грузили клетки с курами и корзины с зеленью. Франческо еще некоторое время сидел за столиком, потом быстро осмотрелся, переложил конверт во внутренний карман пиджака и поднялся.

Дмитрий снял свою алую феску, пару раз обмахнулся ею, как бы отгоняя назойливых мух.

Дальше все произошло очень быстро. Кто-то из лодочников в ответ на шутку одного из грузчиков бросился на обидчика с кулаками. Друзья принялись разнимать дерущихся. На свою беду Франческо оказался пьялом. тоже что-то закричал. замахал руками. Потом так

и не удалось выяснить, кто именно ударил его по затылку и сорвал накладную бороду. Сам Мустафа вместе с владельцами соседних кофеен поспешил на помощь иностранцу. Потерявшего сознание Франческо отнесли в одну из задних комнат кофейни, срочно вызвали врача. Проклиная бездействие полиции, сами прогнали шумную портовую рвань подальше от своих благопристойных заведений.

Дмитрий продолжал сидеть на крыше кофейни, не спеша потягивал очередную чашечку душистого напитка. У его столика склонился в поклоне негритенок-посыльный, один из самых верных помощников Василия Ильича.

— Господин, большой белый папа велел передать, что ждет тебя на вокзале.

В отдельном купе поезда, следовавшего до Суэца по железнодорожной линии, проложенной вдоль канала, наставления давал Григорий Павлович.

— Теперь, Дмитрий Михайлович, все зависит от вас. Вот конверт, переданный Франческо буфетчиком, в нем данные о курсе и грузе «Костромы». Как эти данные стали известны итальянцам, в Питере разберутся. Во втором конверте сочинение Василия Ильича — в нем приказ от имени капитана Энрике командиру итальянского крейсера потопить российский пароход. Рекомендуются немедленно отойти к югу, чтобы не

вызвать недовольства англичан, которые всегда тщательно расследуют все случаи аварий судов вблизи своего канала.

— Как я должен буду представиться командиру крейсера?

— Действуйте согласно разработанной легенде. Вот ваши документы на имя торговца лошадьми из Каира. В письме капитана Энрике вам дается похвальная рекомендация как преданному другу Италии. Письмо на бланке итальянского посольства, имеет подлинные печати. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

— Я и не волнуюсь. Итальянцы не турки, на кол сажать не будут. Просто выбросят за борт на обед акулам.

13

За окном вагона мелькали проходившие через канал суда. Близился вечер, и многие из них уже спешили занять место на специальных якорных стоянках, на которых должны были дожидаться рассвета. Сто с лишним километров железнодорожного пути остались позади, и поезд прибыл на вокзал Суэца. До набережной было подать рукой, и Дмитрий без труда нашел лодку, хозяин которой согласился доставить его на стоявший на якоре итальянский крейсер.

Солнце уже коснулось вершин горного хребта на

Солнце уже коснулось вершин горных пиков на западе, и в его косых лучах низкий восточный берег бухты стал багровым, а вода окрасилась в изумрудный цвет. Кто только назвал это море Красным? Говорят, что порой в нем какие-то водоросли так обильно разрастаются, что вода приобретает красный оттенок. Может быть, это и так, но в эти вечерние часы вся бухта казалась словно накрытой огромным куском стекла. Таким же гладким и зеленым, как и то, что лежало на столе в дядином кабинете...

Нет, не к месту сейчас дом вспоминать. Вон на якоре стоит крейсер. Силуэт у него довольно странный — две короткие широкие трубы и между ними высокая тонкая мачта. Серые борта оцетинились многочисленными орудийными стволами, а на носу длинный стальной клюв, едва выступающий над поверхностью воды. Таран.

Это оружие такое же древнее, как и само мореплавание. Благодаря паровой машине, давшей возможность кораблям двигаться в любом направлении вне зависимости от силы ветра, таран возродился в девятнадцатом веке. Закованные в стальные плиты, неуязвимые ни для ядер гладкоствольных пушек, ни для снарядов еще молодой нарезной артиллерии, пароходь-тараны прославились в морских сражениях во время гражданской войны в США и в войнах латиноамериканских государств. Однако подлинным

триумфом тарана стало сражение австрийского и итальянского флотов у острова Лисса в Адриатическом море.

По числу своих кораблей итальянский флот имел почти трехкратное превосходство над противником, и казалось, что исход сражения предрешен. Но артиллерийская дуэль не принесла ощутимых результатов, а клубы порохового дыма мешали вести наблюдение. Итальянские корабли потеряли боевой порядок. Этим немедленно воспользовались австрийцы и пошли на таран. За несколько минут два лучших итальянских броненосца были отправлены на дно. Остальные поспешили отойти к своим берегам. Австрийцы торжествовали — их флот не потерял ни одного корабля!

После этого сражения на всех крупных верфях мира началось лихорадочное строительство кораблей, снабженных тараном. Каждый военный флот хотел иметь их в своем составе. Однако нашлись и скептики, которые утверждали, что итальянцы потерпели поражение только из-за собственной неорганизованности. Отмечалось, что их корабли пошли в бой, не имея полного запаса снарядов и угля для машин, поэтому командование и действовало весьма нерешительно. Да и сам итальянский адмирал в самом начале боя вдруг решил изменить боевой порядок эскадры и перебрался с одного корабля на другой. При

этом он и его штабные так спешили, что забыли взять с собой флаг командующего. В результате во время сражения командиры кораблей, не знавшие о новом местопребывании своего адмирала, напрасно ожидали приказов с прежнего флагманского броненосца и не обращали внимания на сигнальные флажки, которые поднимались на реях другого корабля.

Со дня сражения при Лиссе прошло почти тридцать лет, и список кораблей и судов, погибших от таранных ударов, значительно вырос. Но он не стал предметом гордости для военных флотов мира. В собственных гаванях и в районах учений от столкновений с пароходами-таранами несли потери свои же эскадры. Совсем недавно всех потрясла катастрофа, случившаяся в британском флоте. Во время обычного учебного похода флагманский броненосец «Виктория» был протаранен другим кораблем и затонул в считанные минуты. На его борту погибли командующий флотом и сотни моряков. Тем не менее приверженцы тарана продолжали верить в силу этого вида оружия. Поседевшие в океанах заслуженные адмиралы с презрением отвергали бредовые идеи молодых офицеров, рассуждающих о возросшей мощи артиллерийских орудий, дальномерах, сложных и дорогих приборах для управления стрельбой. Не говоря уж о тех юнцах, из которых еще не выветрились идейки французского сочинителя Жюль Верна и которые что-то

лепетали о самодвижущихся минах, выпускаемых с подводных плавательных аппаратов, и взрывных снарядах, сбрасываемых с воздушных шаров...

Ладно, пускай о преимуществах и недостатках тарана спорят специалисты. Но если этот крейсер настигнет «Кострому», то уж без труда насадит ее на свой стальной клюв, как муху на булавку.

С борта крейсера что-то прокричал стоявший у трапа часовой. В ответ Дмитрий помахал конвертом и ответил на плохом французском языке.

— Консульство Италия! Капитан Энрике письмо! Твой капитан очень надо!

На палубе показался человек с серебряными нашивками на воротнике, послушал и сделал знак подняться на борт. Дмитрий повернулся к лодочнику:

— Почтенный, сейчас отдам бумагу начальнику франков и вернусь. Клянусь Пророком, полностью расплачусь, когда окажемся на берегу, а пока получи задаток.

— Да сопутствует тебе удача, юноша, — сочувственно вздохнул седой лодочник. — Когда имеешь дело с этими неверными, никогда не знаешь, чем оно закончится. Не забудь — как войдешь в их покои, обязательно сними феску. Есть у них глупый обычай обнажать голову в жилище. Все нормальные люди так поступают только при входе в баню.

На палубе Дмитрий услышал возмущенные

гла палубе Дмитрия окружили вооруженные матросы. Тип с нашивками на воротнике быстро обыскал его, забрал бумаги и скрылся в люке. Солнце зашло, и потянул предвестник ночи — легкий ветерок. Зарябил воду, развернул на корме крейсера красно-белозеленый итальянский флаг...

«Будь внимателен, казак. Ты на чужой территории и под чужим именем. Ошибок делать нельзя — расправа будет короткой. Может так случиться, что восхода солнца ты уже и не увидишь».

Под конвоем повели куда-то внутрь корабля, шли узкими коридорами, спускались по крутым трапам, наконец привели в каюту, обставленную мягкой мебелью, пропитанной запахом дорогих сигар и крепких мужских духов. За столом красного дерева, украшенном бронзовыми завитушками, удобно устроился полный господин, закутанный в халат из алого шелка. Его огромный мясистый нос навис над крохотными усиками и узкой полоской бороды, а под мохнатыми бровями у самой переносицы сошлись глаза, темные и крупные, словно маслины. Угадав в нем командира корабля, Дмитрий бухнулся на колени, по обычаям Востока ткнулся лбом в пушистый ковер у стола. На своем французском забормотал приветствия.

— Встань с пола и сними феску, — раздалось у него за спиной. Арабские слова звучали четко, но с заметным акцентом. — Перед тобой не турецкий ага, а капитан

лучшего крейсера итальянского королевского флота.

Дмитрий взглянул на говорившего. Плотный загорелый майор в синем армейском мундире сидел за небольшим столом в углу каюты, держал бумаги из привезенного конверта. На левой руке не хватает трех пальцев. Не зря Василий Ильич долго приговаривал свое любимое «думаем сюда» и водил карандашом по схеме операции, испещренной кружками и стрелками, обозначавшими ее участников и последовательность их действий. Поэтому появление на крейсере беспалого майора, возглавлявшего итальянскую агентуру в Египте, не стало неожиданностью.

— Капитан Энрике пишет, что бумаги доставишь ты, а где же Франческо?

— О славный повелитель бесстрашных воинов-богатырей! — голос Дмитрия дрожал от избытка искренности. Совсем, как у знакомого владельца рыбной лавки в Александрии, когда тот пытался сбыть покупателю залежавшийся товар. — После того как многоуважаемый господин Франческо получил бумаги этих неверных москвитов — да поразит Аллах это опасное племя! — он имел несчастье встретить мужа той луноликой турчанки, которую посещал последнее время. Гнев затмил разум этого бешеного ревнивца. Если бы мы с капиталом не подоспели вовремя, то наш несчастный друг не отделался бы только разбитой головой.

— Ты не врешь?

— О милосердный господин! Возьми мой глаз, возьми мою голову! Все это чистая правда. Свидетелями этой драки были все торговцы и рыбаки Порт-Саида! Случилось предначертанное! Сейчас капитан Энрике возложил подушку терпения на ковер ожидания и вместе с портовой полицией разбирает это печальное происшествие.

Беспалый майор что-то быстро и зло начал говорить капитану. В ответ раздался хохот и не менее темпераментная речь, в которой то и дело звучали слова, хорошо известные всем портовым грузчикам на берегах Средиземного моря.

Не дожидаясь окончания разговора итальянцев, Дмитрий надорвал подкладку своей фески и вытащил листок бумаги с печатным текстом.

— Что это у тебя?

— О, лев морей, прикажи содрать с меня кожу! Пусть я буду вечно гореть в аду и не удостоюсь вкушать блаженство на седьмом небе, на лоне гурий! Я чуть не забыл передать тебе это послание доблестного капитана Энрике. Он лично хотел привезти его тебе, но не смог из-за случившегося в порту. Прости меня, но могущество повелителя Италии, который обладает такими мощными боевыми кораблями, ослепило меня и лишило памяти. Капитан Энрике сказал, что это сообщение заинтересует его друга Пьетро Аливерти

его друга Пьетро Аливерти...

— Быстро дай бумагу и замолчи! — Беспальный прямо-таки впился глазами в листок.

Да, Василий Ильич, и здесь ты не подкачал! Имя этого Пьетро Аливерти — пароль итальянской разведки, известный лишь немногим. За ним скрывается недавно созданный в Милане разведывательный центр итальянской армии, возглавляемый полковником Читтадини. Несомненно, для него официальная копия рапорта генерала Рандла, начальника штаба британского экспедиционного корпуса в Египте, представляет очень большой интерес.

На этот раз итальянцы были серьезны и немногословны, британский рапорт осмотрели со всех сторон. Удостоверились в его подлинности. Темные глаза командира крейсера неподвижно уставились на Дмитрия. Наступила пауза. Затем майор произнес.

— В своем письме Энрике упоминает, что ты торгуешь лошадьми и имеешь дело с конюшней клуба, а до этого служил на казенном конном заводе Эль-Загр в Каире.

— Воистину все это чистая правда, господин.

— Отвечай кратко, без всех этих красот и сравнений. Чем кормят лошадей перед игрой в конное поло?

— Ячменем, господин.

— Кто забил решающий мяч в игре на прошлой

неделе, когда команда клуба проиграла?

— Ты ошибаешься, господин. На прошлой неделе клуб одержал победу, а вот в прошлом месяце его игрокам действительно не повезло.

В самом клубе беспальный майор никогда не появлялся, но мог быть среди наблюдавших за игрой гостей. Поэтому Дмитрий старательно описал все интересные эпизоды игры, назвал имена лучших игроков и их лошадей. Сделать это не представляло особого труда, так как он сам принимал в ней участие. Говорил уверенно. Если даже майор и видел игру, опознать в собеседнике одного из игроков ему будет трудно. Гостей усадили довольно далеко, чтобы кто-нибудь из них случайно не попал под копыта коней.

— Хорошо, но все это ты мог услышать от других людей. Отвечай, как перенесли морское путешествие чистокровные жеребцы из Англии?

— Отлично, господин. На каирском конном заводе их уже подпускают к арабским кобылам. Начальство хочет получить крупных строевых жеребят, которые потом пойдут на пополнение регулярной армии. Пока же идет формирование конных отрядов для похода на юг. Из Испании и Венгрии ожидают привоза большого числа лошадей, годных для немедленного использования, для них устраиваются загоны, делаются запасы фуража, подков, ковочных гвоздей. Слышал, что в Исмаилии уже собран первый отряд. Ему придадут

артиллерию и морем отправят куда-то на юг.

— Куда?

— Говорят, что он должен будет занять город... Как его название... А, вспомнил — Кассала!

Беспалый майор вздрогнул, услышав это название. Еще бы! Борьба за этот расположенный на границе Эфиопии и государства махдистов торговый город ведется давно. За помощь в борьбе с махдистами англичане обещали его итальянцам, но у тех пока явно не хватает сил закрепиться в Кассале. Значит, теперь британский бульдог решил не терять времени даром и забрать себе этот кусок африканской земли!

Дмитрий молча наблюдал за тем, как оживленно обсуждалась его как бы случайно сказанная фраза. Эх, если бы знать итальянский, можно было бы узнать много интересного. О чем же они спорят? Не собираются ли придумать еще какую-нибудь проверку?

— Брат командира крейсера выращивает в Италии племенных лошадей. Сможешь раздобыть для него кобылу чистых арабских кровей?

— Ай-ай-ай, господин! Трудно это. Таких кобыл запрещено вывозить из Египта под страхом смертной казни. Но для могучего льва морей можно постараться — пусть все его недруги курят табак отчаяния и пьют кофе черной зависти!

— Хорошо. Передай эту записку капитану Энрике. Вижу, что ты расторопный малый. я увижусь с тобой в

...и, не на растерянный шаг, и уныло с тоской в
Каире. Сейчас можешь идти.

— О мудрый господин! — Дмитрий решил сыграть свою роль до конца. — Капитан Энрике обещал наградить только после возвращения. Но лодочник, что доставил меня на ваш корабль, утопит меня, если не получит платы. Наступила ночь, и ничто не помешает этому старому пирату совершить преступление. Бакшиш, сэр!

14

Прошло несколько часов, и «Кострома» медленно подходила к выходу из канала. Ночью итальянский крейсер поспешно отбыл в южном направлении, а сейчас было видно, как по набережной метался долговязый конторщик Франческо. Его голова, словно чалмой, была обмотана белыми бинтами. Он о чем-то расспрашивал портовый люд и время от времени зло поглядывал в сторону российского парохода...

Опоздал, бедняга. Крейсер уже полным ходом мчится к району Красного моря, где его командир решил устроить «Костроме» засаду. Связаться с ним можно только по телеграфному кабелю, который проложен на морском дне. Но ближайшая телеграфная станция расположена от Суэца за две тысячи миль на другом конце Красного моря... Не повезло тебе, Франческо, как

ты будешь теперь объясняться с капитаном Энрике?

Да и капитан-то сам хорош. Поручил выполнять задание всем известному бабнику. На этом самом деле он и в Новороссийске погорел. Ничего, капитан и его подручные будут знать, как иметь дело с нами. Сейчас в Эфиопию оружие везут все кому не лень. Но французские и английские торговцы поставляют свой товар мелкими партиями — к новому заказчику в Африке они еще только присматриваются. Российская империя действует с размахом, не задумываясь о копеечных расчетах. Ее пароходы должны доставить негусу не только пушки, но и свыше пятидесяти тысяч винтовок, а к ним не менее пяти миллионов патронов. «Кострома» идет первой. За ней следуют и другие суда. Их уже прикроют канонерские лодки, которые отправляются в учебный поход на Дальний Восток.

Дмитрий стоял на крыле капитанского мостика, смотрел, как уходят за горизонт минареты и дымящиеся трубы судоремонтных мастерских Суэца. Он несколько удивился, увидев, что, отойдя на приличное расстояние от порта, «Кострома» свернула к берегу и бросила якорь в небольшом заливе. Кругом лишь песок да красные скалы, в неподвижной зеленой воде качаются прозрачные шары медуз, мелькают стайки пестрых рыб. Очень тихое место. Почему встали? Сейчас вторая половина дня, в наступающей ночи самое время было быйти полалыше. затеяться в море. Хотел было

спросить о причинах остановки капитана, но этот плотный краснолицый человек с окладистой бородой отошел на другое крыло мостика и о чем-то тихо толковал со своим молодцеватым помощником.

Тем временем в залив на всех парах влетел катер под флагом британской береговой охраны. Офицер в пробковом шлеме и белоснежной форме прокричал в рупор вежливые вопросы.

— Что случилось? Не нужна ли помощь?

Вместо ответа капитан проворчал в бороду что-то такое, что заставило тихо фыркнуть стоявшего на мостике вахтенного, сделал знак Дмитрию следовать за собой и направился к трапу.

— На борту полный порядок! — весело сообщил англичанину помощник.

— Почему судно встало на якорь?

— Вентиляторы скисли. Во время хода в котельном отделении температура воздуха перескочила за сто градусов⁶. Нашего машинного механика от огорчения чуть удар не хватил, но обещал все быстро исправить. Подваливай к борту, командир! Прими наш скромный презент — настоящая русская икра. Адмиральская закуска!

— Спасибо, ребята! — прозвучало в ответ. — Ремонтируйтесь, иначе в этом проклятом море всех своих кочегаров сварите заживо. Счастливого плавания!

Насупившийся капитан повернулся к Дмитрию:

— Эти черти морские о нашем грузе тоже пронюхали. В канале их патрульный бот все время следом шел. Видно, боялись, как бы мы здешним арабам несколько винтовок не передали. Поэтому и сейчас наведались — следят за порядком в своей колонии.

— Действительно в машине случились неполадки?

— Ничего страшного, к утру управимся. Вы, голубчик, пообедайте, потом отправляйтесь в свою каюту и отдохните. На палубу не выходите, помочь не сможете, а будете только мешать работе.

Но заснуть удалось только под утро. Всю ночь на пароходе кипела работа, раздавались стук и топот, остро воняло краской.

Разбудил Дмитрия солнечный зайчик, то и дело прыгавший ему на щеку с переборки каюты. В открытый иллюминатор голубело утреннее небо, судно слегка качало на встречной волне, а внизу ровно стучала машина. Значит, ремонт закончился и следуем заданным курсом.

Но на палубе что-то было явно не так, как вчера. Дмитрий, человек сухопутный, несколько озадаченно осматривался по сторонам, ловил на себе насмешливые взгляды матросов, занятых какой-то работой у грузовой лебедки. Вдруг его словно обухом по головехватило — на юрме вместо трехцветного российского коммерческого флага развевалось бело-голубое

полотнище с крестом и полосами!

— Это греческий флаг, — раздался за спиной негромкий голос помощника капитана. — Мы теперь не пароход «Кострома», а торговое судно «Прометеус», принадлежащее афинской компании «Стефанидос и сыновья».

— Что это значит?

— Обратите внимание, Дмитрий Михайлович, — у нас исчезла одна мачта, появилась вторая дымовая труба, надстройка из коричневой стала белой, а над палубой натянут тент для защиты от солнца. Так что даже на близком расстоянии нас теперь трудно узнать. Если же случайно и встретимся с итальянцами, а они пришлют десантную партию для досмотра, то и тогда сможем представить им необходимые греческие документы.

— Думаете, все это поможет?

— Знаю, что итальянцев удалось направить по ложному курсу, но нам и самим надо принять меры предосторожности. Вас не укачивает? Ну тогда пойдемте завтракать.

Из паропроходного салона доносился знакомый с детства аромат, от которого потекли слюнки.

— Гречневая каша с топленым маслом! — радостно воскликнул Дмитрий. — Да я ее больше года не пробовал!

Повольный реакцией гостя помощник погладил

Добровольный помощник гостя, помощник поладил свою короткую русую бородку.

— Располагайтесь как дома. Наши офицеры отдыхают после ночного аврала, с ними встретитесь потом. Сейчас нашего кваску отведайте, при такой жаре самый лучший напиток. Семен, угощай гостя, — обратился он к хлопотавшему у стола чернявому молодцу.

Дмитрий с удовольствием отдал должное угощению, но, когда они с помощником остались одни, как бы случайно поинтересовался.

— Кажется, раньше у вас служил другой буфетчик? Толстый и лысый.

— Совершенно верно. В Порт-Саиде он вернулся на борт совсем больным. Видимо, на берегу съел что-то не то. Наш доктор ничем не смог ему помочь. Хорошо, что на рейде стоял «Нижний Новгород», который возвращался в Россию. С него мы забрали Семена, а своего буфетчика им передали. Дома его вылечат, — усмехнулся помощник.

— Быстро это у вас получилось. Слышал, что обычно больных отправляют в госпиталь на берегу и сообщают об этом консулу.

— Это касается коммерческих судов, а мы входим в состав российского Добровольного флота. У нас другие порядки — большинство команды это офицеры и матросы запаса. Если что случится, то наши суда могут

быть мобилизованы для нужд военного флота. Прикажут — на них поставят пушки, так что они станут вспомогательными крейсерами... Вы, Дмитрий Михайлович, угощайтесь, мы себе можем кое-что позволить и сверх казенного пайка.

— Разве на флоте плохо кормят?

— Как вам сказать? Я штурманом ходил в дальнее плавание на крейсере «Аскольд». Поверите, в конце похода кусок в горло не шел. Кругом же все из железа и стали — переборки, трапы, машины, пушки. Стало казаться, что вся еда пропитана запахом металла.

Собеседник сокрушенно вздохнул, но тут же поспешил бодро добавить.

— Вообще-то наших флотских кормят сытно. Ежедневно отпускают на человека по триста грамм мяса, а в постные дни рыбу в двойном количестве. Да еще круп, овощей, хлеба, сахара и прочего. В придачу к этому по чарке водки.

— Большая чарка-то?

— Казенная норма — сто двадцать три грамма. Ни больше ни меньше.

— Ну а если кто-нибудь не употребляет спиртного?

— Тогда он получает зачет.

— Это что такое?

— Казна ему возмещает стоимость невыпитой чарки. Невелики деньги, а все же прибавка к жалованию.

— Кажется, «Аскольд» уже плавал в этом районе?

— Так точно. Когда шли из Кронштадта на Дальний Восток, проходили через Суэцкий канал и посетили Персидский залив.

— Наш консул говорил, что вы большое впечатление произвели на прибрежных султанов и их подданных.

— Было дело. В Питере посчитали, что российский военный корабль должен показать свой флаг в водах, которые Британия решила окончательно превратить в собственное море. Мы заходили в Кувейт, Басру и другие порты. Там «Аскольд» с его мощной артиллерией и неутомимым духовым оркестром имел огромный успех. Но особенно арабов и персов поразили пять дымовых труб нашего крейсера. Ничего подобного они раньше не видели и решили, что это самый мощный военный корабль в мире! Вот тогда-то английские резиденты и всполошились и стали среди местного населения распускать слухи о том, что у «Аскольда» только две трубы настоящие, а остальные фальшивые. Но и наши дипломаты не дремали — тут же обо всем донесли капитану. После этого нам было приказано уголь не экономить и крейсер входил в порты Персидского залива густо дымя всеми пятью трубами, так что черная туча закрывала половину неба!

— Как же на это отреагировали англичане?

— Чтобы не оказаться пятом с «Аскольдом». их

однотрубные канонерские лодки спешно покидали порты перед нашим приходом. Потом уже Британия послала в залив свой самый современный броненосец, но на местных жителей он не произвел большого впечатления. У него было всего две трубы!

В салон вошел капитан, малиновый, словно после парной бани:

— Ну и жарница! Хотя у вас, господа, под вентилятором немного остыну. Семен, поднеси квасу!

Капитан скинул легкий китель, остался в одной безрукавке, и с его плеча плянула на всех очаровательная японочка. Улыбается завлекательно, в одной руке алый цветок, в другой — пестрый веер. Все остальное прикрыто какой-то бурой попоной, видны только кончики ножек.

— Это память о моей молодой глупости, — сказал капитан, заметив заинтересованный взгляд Дмитрия. — Эту наколку делал лучший мастер Нагасаки. Уже потом меня в Сан-Франциско бес попутал — напился как свинья. Когда проспался, узнал, что корвет наш ушел на Камчатку, и мне пришлось подписать контракт на службу в американском флоте. На первом же аврале их корабельный капеллан как увидел эту гейшу, так от ярости затрясся. Капитан тоже оказался богомольным пуританином, приказал немедленно прикрыть все ее фривольные выпуклости. Вот один из кочегаров и

соорудил такой фартук, чтобы команду не вводить в соблазн.

— Долго вам пришлось у американцев служить?

— Больше года. Потом сбежал в Сидней, нанялся на немецкий пароход, который шел в Европу. В России покался, начал служить в торговом флоте, но уж хмельного — ни капли!

— Поэтому-то нашего капитана в азиатские страны и посылают, — заметил помощник. — Который год арабским шейхам наши товары поставляет.

— Что же Россия продает в этих краях?

— Самый разный текстиль, сахарный песок, мыло и еще товары из Тулы и Нижнего Новгорода — замки, ножи, самовары, охотничьи ружья. Все это доставляем по заказам покупателей в любую погоду. Как говорится, точно по расписанию, от пункта «А» до пункта «Б». Идем экономичным ходом, на полной скорости не гоняем, но и во время штормов в базах не отстаиваемся, не боимся, что волна с корпуса краску обдерет или пушки со станков свернет.

— Зачем такие намеки делать! — вспыхнул помощник. — Военные моряки в море выходят в любую погоду!

— Хе-хе-хе, молодой человек. Это шутка старая, во всех флотах мира торговые моряки и рыбаки такое своим военным собратьям говорят. Не обижайтесь, в случае чего — не приведи Господь — всем нам в соленой

купели придется кончать жизнь. Такая уж у нас работа. Старинная латинская пословица что гласит? «Плавать необходимо, а жить необязательно». Ты, господин помощник, лучше поднимись на мостик и сверься с картой. Скоро будем менять курс.

Плавание продолжалось. День за днем над бледно-зеленым морем ослепительно сияло солнце, и порой в неподвижном горячем воздухе вставали миражи — черные горбатые острова и белые стены призрачных городов. Но потом задувал сухой ветер и бурая пелена пыльного тумана закрывала все вокруг. Через несколько часов пыль оседала, и тогда в бинокль можно было рассмотреть дальний берег Африки — причудливые нагромождения скал, сухие русла рек, россыпь желтых камней у черты прибоя.. Наступала ночь, и на бездонном черном небе загорались яркие созвездия в окружении бесчисленных мелких звезд и сверкающего пояса Млечного Пути. В темноте исчезал горизонт и звездное небо отражалось в воде. Таинственные огни мерцали в морской глубине, а за кормой судна тянулся длинный серебристый след. Очарованный этой картиной, Дмитрий стоял у борта и ему казалось, что «Кострома», словно хвостатая ракета, сама скользит среди небесных созвездий.

Капитана и помощника все эти красоты мало интересовало. Долгие часы они проводили на мостике, изучали карту, советовались с механиком,

расспрашивали его о состоянии машин и запасах угля. Из машинного отделения несло нестерпимым жаром, и часто выбиравшиеся оттуда кочегары без сил валялись на палубу. Около них хлопотали корабельный врач и священник. Одного беднягу так и не смогли выводить, отдал Богу душу. Священник прочитал молитву, и зашитое в парусину тело опустили за борт.

«Кострома» часто меняла курс, одну ночь простояла на ябре, укывшись за каким-то островом. Шли вдоль пустынных берегов, но случалось встречали и другие суда. С ними обменивались приветственными гудками и флажными сигналами, но старались близко не подходить. Все обрадовались, когда увидели первые арабские «дау» — кругобокие парусники с немного наклоненными вперед мачтами и ярко раскрашенными бортами. Те самые, что плавают в водах Индийского океана. Поняли, что скоро конец пути.

Однако у самого выхода из Красного моря, в узком Бабель-Мандебском проливе, «Кострому» настигла остроносая миноноска под итальянским флагом. Словно змея выскользнула из-за скалистого мыса. С нее запросили — не встречался ли в пути российский пароход?

Капитан с посеревшим лицом вцепился в поручни мостика так, что побелели костяшки пальцев. От неожиданности слова не мог сказать, только широко

открытым ртом заглядывал в воздух...

Бедовый помощник не растерялся и на этот раз, заорал в мегафон:

— Эти русские медведи на своем корыте застряли у мыса Касар! Машину чинят! А у вас нет свежих газет?! Идем от самого Суэца, не знаем, что в мире творится!

В ответ с мостика миноноски прокричали слова благодарности и помахали руками. Она круто развернулась и, зарываясь в волны полным ходом, помчалась прочь.

— Пошли в Асэб, там у них база и угольный склад, — объяснил помощник и добавил. — Значит, пока крейсер за нами гонялся, весь уголь пожег и теперь вынужден встать на погрузку.

— Полный вперед! — капитан вновь обрел голос. Он широко перекрестился и громко возблагодарил Николу Морского за избавление путешественников от опасности на водах. — Теперь, в океане-то, они нас черта с два найдут!

Свежий ветер с Индийского океана катил крутую волну, и судно изрядно качало. По правому борту открылись бурые каменистые берега с редкими темными пятнами зарослей. За ними неровными уступами уходили в небо голые холмы, над которыми в самое небо вздымался черный зазубренный пик.

— Гора Абейда, — указал на нее помощник. — В этих местах наш земляк Ашинов и попытался основать

Новую Москву. Слышали об этом?

— Слышал, — отозвался Дмитрий. — Здесь-то он и собирался сеять хлеб и растить сады?

— Вы, молодые люди, других глупее себя не считайте, — заметил капитан. — На этом морском пути российским судам весьма полезно бы свой собственный порт иметь. Только делать все нужно по-другому. Незачем было почти две сотни человек сюда из России везти и смущать их рассказами о вольном хлебопашестве. На этих берегах белый человек удержится, если только он занимается торговлей и промышленностью. Вон англичане здесь всего трех своих агентов содержат, и те с помощью нескольких индийцев забрали в свои руки всю торговлю с сомалийскими племенами. А в бухте Джибути французы уже и порт со складами оборудовали, собираются строить железную дорогу до самой эфиопской столицы.

К вечеру «Кострома» подходила к этому колониальному владению Франции в Африке. На рейде Джибути стояло несколько судов, а чуть в стороне от них дымила низкобортная канонерка под Андреевским флагом.

— Вовремя земляки подошли, теперь нас никто не тронет, — с довольной улыбкой произнес капитан. — Поднять российский флаг!

Городок Джибути совсем недавно стал административным центром французского владения Берег Сомали. Протянулся он вдоль узкого мыса полумесяцем, охватившим широкую бухту. Вдоль его единственной, названной Губернаторской, авеню разместилось несколько одноэтажных зданий европейских контор и магазинов, а на самой набережной чахлые кусты обозначили бульвар. Говорят, воду для их поливки, так же как и для нужд всего местного населения, привозят на верблюдах из какого-то источника, расположенного вдали от побережья. Порт — причал, одинокий подъемный кран да несколько бараков. В стороне от него разместился арабский квартал — тесно застроенный ослепительно белыми домами с плоскими крышами, круглыми окнами-бойницами и дверными проемами, напоминающими по форме замочные скважины. Окраины городка облепили круглые африканские хижины, крытые выгоревшей на солнце травой, а за ними до самого горизонта протянулась серо-коричневая пустыня с грудями черных камней.

На причале шлюпку с «Костромь» встречала живописная группа босоногих эфиопов в белоснежных просторных рубахах, пестро расшитых у ворота и по подолу. На головах кисейные повязки и соломенные

шляпы, в руках копья и круглые щиты, у некоторых — винтовки. Впереди встречавших стоял величавый мужчина в черной расшитой золотом бархатной накидке. Сандали, украшенные полосками цветной кожи, головная повязка из пышной львиной гривы, широкая алая лента на подоле рубахи и кривая сабля в золоченых ножнах свидетельствовали о том, что это важная персона. На фоне такого великолепия уже знакомый Дмитрию господин Леонтьев в своем сереньком полотняном костюме совсем не смотрелся.

Однако на земляков он взглянул поначальственному строго. Выслушал рапорт капитана и представил главного эфиопа.

— Его превосходительство рас⁷ Ато-Иосиф, один из особо приближенных самого негуса Менелика, царя царей и повелителя Эфиопии. Ему поручено принять доставленный вами груз, высочайше пожалованный российским императором Александром Третьим своему царственному собрату. Его превосходительство Ато-Иосиф, который был посланцем негуса в России, поздравляет вас с благополучным прибытием и просит пожаловать на торжественный ужин в свою резиденцию. Предупреждаю всех, — тут господин Леонтьев со значением взглянул на земляков и понизил голос, — на ужине будут и представители французских властей. Так что о делах поговорим после. Особо.

На Дмитрия эфиопская кухня не произвела

большого впечатления. Мелкие куски мяса плавали в густом овощном соусе, обильно заправленном луком и сдобренным красным перцем. Гостям подали ложки, но сами хозяева предпочитали есть руками — рвали тонкие лепешки на куски и, зажав их в пальцах, ловко выуживали мясо и черпали подливку. В стаканы подливали хмельной горьковатый напиток, сваренный из меда и горных трав. Ато-Иосиф потчевал гостей, не забывая и французских чиновников, которые в свою очередь не скупились на комплименты в адрес негуса и российского императора, восхищались российско-французской дружбой. О случившемся в этих краях разгроме поселения вольных казаков Ашинова никто из них и не вспоминал. Напротив — на гостей посматривали с большим интересом, расспрашивали о плавании, приглашали посетить «Парижское кафе», недавно открытое в Джибути. В свою очередь и российские моряки прошлого не касались, даже угостили всю компанию пшеничной водкой и балыком.

Застолье было в полном разваре, когда господин Леонтьев, до этого шумно толковавший о чем-то с разомлевшими от угощения французами, незаметно кивнул Дмитрию и нетвердыми шагами направился к двери. На веранде, где светил керосиновый фонарь, он что-то буркнул эфиопам-охранникам, которые моментально растворились во тьме, и повернулся к

Дмитрию. Глянул абсолютно презво, но неприветливо, холодно-вежливо спросил:

— С кем имею честь, милостивый государь?

От неожиданности Дмитрий даже обиделся. Ну да эти гвардейские уланы манерами никогда особенно и не блистали, саперы и драгуны и то считались более деликатными. Но ответил сдержанно:

— На причале капитан «Костромы» меня уже представлял. Если помните, то мы виделись в Александрии, да и в Питере у нас есть общие знакомые.

— Для меня все это не имеет никакого значения, — прозвучало в ответ. — Здесь я возглавляю научно-духовную экспедицию России и постоянно бываю во дворце негуса Эфиопии, который советуется со мной по многим вопросам. Между прочим, в Санкт-Петербург, а не в Питер, я регулярно посылаю официальные донесения. Предупреждаю, мне здесь не нужны скучающие онегины, печорины, рязанские охотники на слонов и прочие любители африканской экзотики.

— Прошу прощения, Николай Степанович, решение о моей посылке в Эфиопию было принято в последний момент, и необходимые бумаги вы скоро получите. А наши общие знакомые служат на Дворцовой площади в известных вам зданиях, что стоят напротив Зимнего дворца. Хорошо знаю, кто организовал и оплатил вашу экспедицию, в состав которой входят не только архимандрит Ефрем, но и добровольцы из гвардейских

полков и батарей. И еще — в своих донесениях на имя начальника Азиатской части Главного штаба российской армии генерал-лейтенанта Проценко вы будете включать и мою информацию.

— Хм... Да, разумеется... — выражение лица господина Леонтьева несколько смягчилось. — Вашего приезда ожидал, штабные давно обещали прислать мне помощника. Почему сами не представились до нашего разговора?

— Что же, мне надо было объясняться прямо на причале или на этом пиру? — резко ответил Дмитрий. Такому человеку лучше всего сразу дать понять, с кем он имеет дело, и поубавить спеси. Иначе и дальше будет изображать из себя всемогущего повелителя.

— Ну-ну, не надо так горячиться. Теперь я припоминаю, что видел вас в Александрии вместе с Василием Ильичом. Мы обязательно поладим, дел здесь непротиворечив.

Дел и верно оказалось много. С доставкой груза в эфиопскую столицу Аддис-Абебу возникли такие проблемы, о которых в Санкт-Петербурге и не подозревали. До города Харэр, ближайшего владения негуса, было около четырехсот километров. Путь лежал через Данакильскую пустыню, одно из самых жарких мест в мире, и обычно он занимал не менее трех недель. Однако все природные трудности отступили на задний план, после того как на следующее утро господин

Леонтьев сообщил главную новость:

— В Джибути нет верблюдов, и наш груз не на чем везти. Дмитрий впервые увидел Николая Степановича несколько смущенным, спокойно выслушал его объяснения.

— Эти подлецы итальянцы знают, что мы повезем оружие, но действовать открыто не решаются. Войны пока еще нет. Поэтому они уговаривают кочевников сомалийцев устроить засаду на пути нашего каравана.

— Разве через пустыню ведет только одна дорога? Слышал, что караваны с кофе, слоновой костью, шкурами и даже золотом регулярно идут из Эфиопии к портам на океанском берегу и возвращаются грузенными хлопчатобумажными тканями и разными товарами из Европы и Азии. Есть же купцы, караванщики и другой люд, который кормится на этой торговле. Ведь в прошлом году англичане значительно увеличили здесь свои операции.

— Ну, казак, вижу, что ты кое-что про здешние порядки уже знаешь! — Господин Леонтьев не скрывал удивления и теперь явно стремился продемонстрировать дружеские чувства. — Теперь понимаю, что ты в Африку приехал за делом, а не за пустыми мечтаниями. Давай без лишних церемоний, перейдем на «ты». Согласен? Так вот — должен сказать тебе откровенно — все осложнилось не только из-за итальянцев. Французы затеяли строить через пустыню

итальянцев. Французы заехали строить через пустыню железную дорогу. Завезли рабочих и инструменты, начали съемку местности и разметку пути, а о дикарях-кочевниках и не подумали.

— Это они поступили весьма легкомысленно.

— Вот именно. По всем кочевьям прошел слух, что «ференджи» по своей новой дороге будут возить все грузы и оставят без пропитания сотни сомалийских семей. Говорили, что вдоль этой дороги они поставят железный забор и он перекроет тропы, по которым издавна ходят караваны и перегоняют стада. Но больше всего сомалийцев возмутило то, что драгоценной пресной водой иностранцы поливают бесполезные кустики и цветочки у своих домов. Поэтому сейчас строительных рабочих режут, а их поселки сжигают. Прошел слух, что кочевники готовят налет и на Джибути. На всякий случай французский губернатор обратился в Париж с просьбой прислать войска.

— Да, вот это положение! Чтобы доставить наш груз нужно не менее тысячи верблюдов.

— Не беспокойся, казак. Я нашел выход и из такого положения! — Господин Леонтьев с торжеством взглянул на собеседника. — Во-первых, наши грузы сомалийцы пропустят, хотя им за это и придется хорошо заплатить. Вот как французы будут с ними разбираться, это уж не наша печаль. А во-вторых, верблюдов мы найдем у арабских купцов, которые проживают на

английской территории или в Британском Сомалиленде.

— Как удалось договориться с кочевниками?

— О, в отношениях с сомалийцами теперь все дело только в цене. Главное — они пошли на переговоры и обещали не нападать на мои караваны. Правда, перед этим пришлось их немного припугнуть. В таком деле очень помог один мой знакомый, который работает у французов на строительстве железной дороги. Он отлично чувствует себя в пустыне и уже успел изучить всю округу. Между прочим, наш земляк — россиянин. Здесь его официально зовут месье Эмитер, а настоящее имя знать не обязательно.

— Кто такой? Не из тех ли, кого Ашинов завез в африканские края?

— Нет, это мужчина опытный и решительный, такого пустыми обещаниями не заманишь. Учился в Московском университете, а потом строил железные дороги в Средней Азии и Сибири. Не поладил с губернскими чиновниками, которые захотели с него получить больше обычной благодарности, и махнул в Америку. Несколько лет там проработал и теперь нанялся к французам. Да он еще и рыжий, а как наши мужики говорят — во святых рыжих нет! Недаром жители пустыни прозвали его Рыжим Джинном и его именем пугают детей.

— Чем же месье Эмитер прославился?

— Как-то на поселок его строительной бригады

напали местные кочевники, кого-то убили, что-то украли и барак сожгли. Так он со своими рабочими пустился в погоню и в ответ несколько их становищ пустил по ветру, а весь скот угнал. Не побоялся обидеть и английские власти на территории их собственной колонии — прямо у пограничного поста расправился с одним из шейхов. Чтобы не опозориться перед сомалийцами, англичане поспешили заявить протест губернатору Джибути, но тот ответил, что ему ничего не известно и за поступки рабочих компании на английской территории он не отвечает. Тем дело и закончилось.

— Да, нравы у вас тут царят жестокие. Ну а если мы найдем верблюдов в Британском Сомалиленде, то для разгрузки «Кострому» придется перевести в порт Зейла. Что, если там английские власти ее арестуют вместе с грузом?

— Я уже все предусмотрел и договорился. Чтобы не обижать итальянцев, англичане «Кострому» в свой порт не допустят, но они не возражают против того, чтобы мы перегрузили оружие на местные «дау» и доставили его в Зейлу. Эту морскую перевозку, как и найм верблюдов, оплачивает правительство негуса. Завтра Ато-Иосиф посылает своего человека в один из ближайших оазисов для переговоров с арабскими купцами. Ты поедешь с ним для представительства, да смотри — лежи ухо востро! Проспели, чтобы с делом

не тянули больше двух дней. Здесь все привыкли не спешить, любят пить кофе и вести долгие переговоры, блистать красноречием и обманывать друг друга. Ехать придется верхом на верблюде. Сможешь?

— Смогу. Уже ездил в Египте.

16

В путь отправились ночью. Шли в серебристом свете звезд быстро, и всадники на верблюдах казались огромными. Тихо позвякивали колокольчики, подвешенные на тонких верблюжьих шеях, и шуршали мелкие камни под их широкими ступнями. Мимо проплывали черные тени редких кустов, серые песчаные поляны, белесые пятна солончаков. На востоке над горизонтом, словно крупный кристалл топаза, загорелся Меркурий, а следом за ним выплыл тонкий серп убывающей Луны. Скоро в предрассветных сумерках обозначились облака и казалось, что над пустыней встал желтоглазый циклоп с кривой саблей в мохнатой лапе. Он быстро менял цвет и из серого становился фиолетовым, зеленым, алым, золотым. Из-за горизонта быстро вынырнуло солнце, и под его лучами чудовище исчезло. Небо сразу поблекло, стали видны лиловые силуэты далеких гор, черные груды камней, бурая растрескавшаяся от жары земля, пропыленные кусты

колючек и пучки сухой травы.

Наступила жара, и горячий воздух перехватил горло, сжал виски, осушил обильный пот. Теперь каждый шаг верблюда отдавался гулким ударом в сердце, звенел в ушах. С непривычки Дмитрия замутило и так качнуло в седле, что чуть не упал на землю. Это заметил один из спутников и поспешил на помощь — сказал что-то утешительное и протянул спитый из кожи кувшин. Вот только сделать из него хороший плоток не получилось. Через узенькое горлышко удалось всосать не больше столовой ложки, но сразу же стало легче, из глаз исчезли багровые круги... Да, из такого сосуда лишнего не выпьешь, его содержимого хватит на весь долгий путь по пустыне.

Хорошо и то, что перед этой поездкой господин Леонтьев велел сменить весь костюм. Тяжелый пробковый шлем, узкую куртку и прочее предложил заменить на местную, легкую и просторную одежду, под которой свободно гуляет ветер. Разрешил оставить только ботинки на толстой подметке, в которых можно безбоязненно шагать по раскаленным камням и песку. Сообщил, что во время первого перехода по Данакильской пустыне его спутники делали замеры температуры. В одной долине получили пятьдесят градусов Цельсия в тени, а на почве свыше семидесяти...

Теперь небольшой караван. в нем было не больше

тридцати всадников, шел медленно. В такую жару очень легко изойти потом и растерять силы. Попадавшиеся вдоль тропы побелевшие черепа и скелеты выючных животных красноречиво напоминали путникам о том, что пустыня не любит шутить и жестоко карает тех, кто слаб и глуп.

На вершине небольшой сложенной из камней пирамиды Дмитрий увидел небольшую глиняную фигурку. Она изображала странное существо на толстых кривых лапах, с тонкой змеиной шеей, увенчанной рогатой ослиной головой. Старший в караване, которого звали Теодорос и который теперь неотступно ехал рядом с Дмитрием, указал на фигурку и произнес.

— Это хозяин пустыни, дьявол. Он насылает песчаные бури, показывает людям ложные изображения оазисов и сбивает с пути, а потом убивает своим огненным дыханием. Язычники поклоняются ему и приносят жертвы. Нас же спасает вера в Христа, и мы знаем, что дьявол силен, но его можно обмануть. Сделай богоугодное дело, вот возьми горсть зерна и брось этому идолу. Как это делаю я и все наши спутники.

Дмитрий исполнил просьбу старшего. Этому молодому смуглолицему воину, с тонкими, почти женскими чертами и большими выразительными глазами, Ато-Иосиф поручил договориться о найме верблюдов. Сабельный шрам на щеке не портил

доородушного выражения его лица, а прическа — аккуратно заплетенные в косичку и укрытые кисейной повязкой волосы — свидетельствовала о том, что ему уже доводилось убивать врагов в бою и львов на охоте.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и жара всей тяжестью навалилась на путников. Но Дмитрий успел немного освоиться и даже начал с интересом поглядывать по сторонам. Поэтому не оставил без внимания жест ехавшего впереди проводника, махнувшего рукой в сторону невысокой скалы. Вскоре караван спустился в узкую лощину, где из-под корней корявого куста сочился крохотный ручеек...

Каким счастьем было лечь в тени раскинутой палатки и слушать его тихое бульканье, которое звучало лучше всякой музыки... А еще можно было сделать полный поток! И совсем, неважно, что эта вода была теплой и солоноватой...

У ручейка решили переждать полуденную жару. Теодорос, несколько лет он ходил в школу к миссионерам, довольно сносно объяснялся на французском и оказался интересным собеседником. Выяснилось, что в свите Ато-Иосифа он побывал и в России.

— Никогда не думал, что в вашей стране так холодно, что листья осыпаются с деревьев, — сообщил он Дмитрию. — У нас снег выпадает только высоко в горах, а у вас повсюду. Когда я первый раз увидел его у

порога дома, где нас поселили, то подумал, что кто-то просто просыпал соль.

— Что еще удалось увидеть в России?

— О, много интересного. Мы были в вашей столице, городе Святого Петра, и в других местах. Но больше всего я удивился, когда увидел портрет своего родственника в Императорской Деревне.

— Вероятно, в Царском Селе?

— Да, один из придворных, который показывал нам залы дворца, кажется, именно так и назвал это место. Еще показал портрет вашего великого поэта Александра, такого же смуглого и курчавого, как и наши эфиопы. Он рассказал, что прадед поэта был сыном правителя нашего северного города Логон, который сражался с турками, но потерпел поражение. Они забрали мальчика как заложника, а потом подарили его вашему императору Петру. В русской армии этот юноша стал офицером-артиллеристом и за меткую стрельбу получил прозвище Пушка. Я сразу понял, что он мой дальний родственник!

— Почему ты так считаешь? — недоверчиво спросил Дмитрий. Многое из услышанного на уроках литературы в кадетском корпусе уже забылось, но об арапе Петра Великого и африканских предках Александра Пушкина тогда действительно упоминалось.

— В этом нет никакого сомнения! В наших краях никто не забывает даже о самой дальней родне. Все

знают, что от своих тридцати жен правитель Логона имел кучу детей и мой дед женился на второй дочери его десятой жены. В нашем роду есть не только доблестные воины, но и прославленные певцы «азмари», которые исполняют свои замечательные поэмы во дворцах негусов и расов. Сам я имею звание баламбарас, что означает комендант крепости, и во время походов меня сопровождают не менее пятидесяти воинов, а слуги несут мой щит, ружья и копья, ведут моего коня. Из России я привез высокие офицерские сапоги, и теперь специальный слуга чистит их до блеска и носит за мной по воскресеньям, когда я с семьей иду в церковь. А какое звание у тебя?

— Офицерское. Служил во дворце, в охране российского императора.

— О! Как же это будет по-нашему? — Теодорос задал еще несколько вопросов, что-то прикинул в уме и наконец объявил, что Дмитрий имеет чин, равный его собственному.

За такими разговорами прошло несколько часов. Жара спала, и караван продолжил путь.

К оазису, в котором расположилась резиденция арабских купцов, прибыли к вечеру, и в последних лучах солнца Дмитрий успел рассмотреть окруженную крепостной стеной кучку домов с плоскими крышами, над которыми поднимались верхушки пальм.

Они спешно прошли узкую улочку, выходящую к собору.

— Они здесь прочно устроились, — сообщил Теодорос. — Нарыли колодцы, плодородную землю на своих «дау» завезли из Йемена. Занимаются не только торговлей, но и выращивают отличные финики. Вот только не могут ужиться с соседними племенами, которые не любят их за хитрость и жадность...

В низкой сводчатой зале, устланной коврами и уставленной низкими резными столиками, гостей принимали четверо купцов. Старшим у них был мужчина почтенной наружности с широкой крашенной хной бородой. Все были одеты подчеркнуто скромно, почти бедно. Гости встретили у порога, низко кланялись, перебирали коралловые четки, бормотали молитвы. В дымном свете масляных ламп был виден слуга, примостившийся в углу возле жаровни, уставленной пузатыми сосудами, в которых варился кофе. По его знаку другие слуги быстро выставили перед гостями многочисленные блюда с кушаньями и тут же исчезли.

— Извини, Митри, но переговоры будем вести по-амхарски. Купцы должны почувствовать, что я один из придворных самого негуса и предпочитаю говорить с ними на своем языке, — предупредил Теодорос. Сам он успел облачиться в расшитый золотом лиловый шелковый плащ и выглядел весьма торжественно.

— Главное из разговора я тебе переведу, сообщу им и твое мнение. Ты можешь говорить откровенно, слуга

не проболтается, у него вырезан язык. И не скучай, угощайся. Здесь из фиников умеют готовить свыше ста различных блюд. Отведай и кофе, его выращивают в эфиопской провинции Кэфа, которая и дала название этому растению и самому напитку.

Начались долгие переговоры. Обе стороны говорили много и вдохновенно, жестикулировали; закатывали глаза и прижимали руки к сердцу. Смотреть на это скоро надоело, у Дмитрия от сидения на ковре затекли ноги, а после дневного перехода начало клонить в сон. Хорошо, что несколько крохотных чашечек душистого кофе, сваренного без сахара, но обильно заправленного какими-то пряностями, прояснили голову.

Наконец Теодорос повернулся к Дмитрию:

— Купцы говорят, что организовать перевозку наших грузов почти невозможно — много верблюдов пало от какой-то болезни. Надо ждать, когда пригонят новые стада. Да еще шейхи сомалийских племен согласны пропустить караваны через свои земли, если им заплатят серебряными талерами. Вот такими.

Дмитрий с интересом рассмотрел довольно крупную монету, на одной стороне которой был выбит двуплавый орел Австро-Венгерской монархии, а на другой имелось изображение императрицы Марии-Терезии, современницы Екатерины Великой. Раньше уже слышал, что более ста лет такая денежная единица

чеканится в Вене специально для некоторых стран Африки. На их жителей сказочный геральдический орел производит неотразимое впечатление. Они почтительно называют его «повелителем птиц», приписывают ему магические свойства и решительно отказываются принимать какие-либо другие монеты кроме талеров Марии-Терезии.

— Чем же ты собирался платить?

— Да, думал серебро попридержать. Раньше мы платили кочевникам брусками каменной соли, бумажными тканями или железными изделиями. Ладно, придется заплатить талерами. Сейчас при свидетелях дам задаток их посланнику.

Вновь засуетились слуги, и в комнату вошел горбоносый смуглый мужчина с пышной шапкой волос. На плечах длинный плащ из верблюжьей шерсти, за поясом пистолеты и кривые кинжалы, на груди жемчужные бусы и какое-то странное ожерелье из сморщенных кусочков сухой кожи с пучками волос. Садиться он не стал, презрительно поджав тонкие губы, осмотрел сидящих. Выслушал старшего из купцов, согласно кивнул.

Решив, что сделка совершилась и можно немного расслабиться, Дмитрий поинтересовался:

— Что это за ожерелье на шее у воина?

Теодорос перевел вопрос, и все вежливо поспешили спрятать улыбки, чтобы не обидеть наивного

поспешили спрятать улыбки, чтобы не обидеть главного гостя.

— Это саллаба, ожерелье из отрезанных яичников убитых врагов. Самое почетное свидетельство смелости и умения этого воина. Раньше некоторые наши бойцы украшали себя таким же образом, но теперь негус запретил этот языческий обычай. Ты, Митри, пока побудь здесь, а мы вместе со старейшиной пойдем и расплатимся с этим храбрецом.

Оставшиеся трое купцов молча потягивали кофе. Один из них вежливо улыбнулся, жестом выразил сожаление, что без переводчика вести беседу невозможно. Другой указал на блюда с угощением. Третий, рябой толстяк, негромко произнес:

— Цену можно еще больше поднять.

— Верно, скоро будет война, и они спешат с доставкой оружия.

— Видите, даже этому дикарю заплатили серебром.

— За верблюда надо потребовать по двести талеров, а за каждый выюк по пятнадцати, — быстро добавил рябой.

— Еще скажем, что клан асаймара требует особой платы за воду в колодцах и корм для верблюдов.

— Но становище этого клана разгромлено Рыжим Джинном.

— Не поминай имени этого необрезанного пса!

— Слава Аллаху, эфиоп еще не знает о разгроме, а

этот неверный вообще ничего не понимает.

— Налейте ему еще кофе.

Дмитрий сделал вид, что ничего не понял и даже не обратил внимания на тихий разговор купцов. Рассеянно ковырял фаршированного финиками цыпленка. Съел кусочек, причмокнул от удовольствия. Гостеприимные хозяева расплылись в довольных улыбках.

Вернулись Теодорос и старейшина купцов. Слуга поспешил наполнить чашечки свежим кофе. Опять начался неспешный разговор, но очень скоро в нем зазвучали новые нотки. Речь стала громкой и прерывистой, чаще стали вздрагивать пальцы купцов, перебиравших четки, гневно раздулись ноздри Теодороса.

— Что случилось? — поинтересовался Дмитрий.

— Эти разбойники совсем потеряли совесть! Называют цену в пять раз выше обычной!

— Очень хорошо. Помолчи и успокойся, я сам поговорю с ними.

Дмитрий встал, размял затекшие от долгого сидения ноги. Увидел удивленные и настороженные глаза купцов и громко произнес:

— Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Жадность ослепляет человека, но выше правды в мире нет ничего. С ложью можно пообедать, а вот до ужина дело не дойдет. Серебро негуса Эфиопии поможет найти в пустыне другие пути и других караванщиков!

— Клянусь Аллахом, ты не понял, о чем мы тут говорили! — Первым пришел в себя рябой купец.

— Не оскверняй себя лживой клятвой! Крыса может принять ислам, но от этого число правоверных не увеличится.

— Ты хорошо говоришь по-арабски, — заметил другой купец. — Ты кто — мусульманин или христианин?

— Я христианин, — спокойно ответил Дмитрий. Вспомнив рассказы дяди, за многие годы мира и войны хорошо изучившего характеры и обычаи восточных людей, добавил: — Разве ислам не пришел в наш мир как свидетельство посланнической миссии Иисуса, который в Коране назван «новым Адамом»? В моей земле, вы называете ее страной москотов, не делят людей по вере и тысячи имамов вместе с целыми полками мусульман клянутся на священном Коране в верности императору России.

— Однако в чужой стране и зрячий иностранец слеп, поэтому он может и не найти дорогу к родному дому, — негромко произнес рябой.

Ответ Дмитрия был мгновенным:

— Вы можете зарезать нас прямо сейчас на этом ковре! Но знайте — зло побеждается злом! Следом за нами едет со своими людьми мой земляк — Рыжий Джинн. Когда он придет сюда, вы поймете, что зря возили из-за моря плодородную землю в этот оазис.

Шакалы, которые поселятся в ваших домах, не будут выращивать финики.

Поспешил вмешаться старшина купцов:

— Уважаемый, не будем ссориться! О доблести великого народа московов хорошо известно, все знают об их победах над турками. Не надо волноваться — мы готовы доставить грузы для негуса Эфиопии по обычной цене.

17

Эфиопская столица Новый Цветок, по-амхарски Аддис-Абеба, совсем недавно выросла на вершине холма, окруженного горами, которые закрывали ее от холодных ветров с северных нагорий. Место для столицы выбрал сам негус Менелик, а красивое название для нее придумала его супруга Таиту. На склонах холма раскинулись сотни круглых глинобитных домов, шалашей и просто походных патров, а между ними извивались узкие дорожки и тропинки. Над беспорядочным скоплением островерхих соломенных крыш поднимался дворец негуса, окруженный каменной побеленной стеной. Косяки его дверей и подпиравшие крышу деревянные столбы были выкрашены во все цвета радуги, а над воротами развевался зелено-желто-красный флаг с изображением льва.

Ежедневно на рассвете над столицей поднимались столбы дыма от очагов и раздавался дробный стук — хозяйки спешили натолочь зерна и напечь к завтраку лепешек. Вскоре улочки и базарные площади заполнялись пестрыми толпами, в которых можно было увидеть представителей всех народов страны, арабских купцов, европейских торговцев и миссионеров. Начиналась работа в многочисленных кузницах, мастерских кожевников, ткачей и других ремесленников. На рынках шла бойкая торговля зерном, скотом, готовой одеждой, холодным оружием, украшениями и множеством самых разнообразных товаров. В полдень жизнь в городе замирала и возобновлялась лишь в предвечерние часы. Сразу же после захода солнца все жители расходились по домам и в Аддис-Абебе наступала тишина. Ночью ее нарушали только стук копыт конной стражи да вой шакалов на мусорных свалках.

В эфиопской столице Дмитрий оказался по своей воле. Конечно, можно было бы остаться в Джибути и на одном из рейсовых пароходов махнуть во Францию, провести там отпуск, а потом успеть в Питер, где и встретить новый, 1896 год! Тем более что главная задача была выполнена — первая партия оружия отправлена, остальные прибыли благополучно и теперь караваны шли через пустыню один за другим... Хотя дело само не делалось и спелить приходилось за всем. Когда помочь и

похвалить, а когда и наказать. Как проверить седловку и вьюки, где поставить охрану, сколько взять корма — на все эти вопросы Дмитрий знал ответ. А его умение вести дела с купцами вызывало восхищение Ато-Иосифа, которому Теодорос подробно рассказал обо всем, что произошло в оазисе.

Поэтому просьба Ато-Иосира помочь разобраться с полученными грузами в самой столице не стала неожиданной. Доверие польстило. Да Дмитрию и самому очень хотелось увидеть страну «черных христиан», о которой был столько наслышан. И то сказать, на пороге стоишь, а войти боишься. Потом всю жизнь будешь жалеть об упущенной возможности, упрекать себя в лени и глупости...

Тут еще и господин Леонтьев вмешался. Увидел такое внимание эфиопов к своему подчиненному и взревновал. Хотел запретить поездку.

— Климат там горный, дышать тяжело. Высота Аддис-Абебы свыше двух тысяч метров над уровнем моря, в других местах вдвое больше. Замеры сам делал. По горам до нее тащиться не меньше шестисот километров.

— Привыкну, как и другие, — уперся Дмитрий. — Предложение мне сделали при свидетелях, если откажусь, пойдут разговоры о том, что русский офицер испугался трудностей горной дороги.

— Ладно, поедешь с одним из последних караванов. — Недовольные морщины на начальственном челе разгладились. — Здесь тебе и верно больше делать нечего. Но во дворце негусу тебя я представлю лично!

Спорить Дмитрий не стал, цену придворной службе знал и паркетным шаркуном становиться не собирался. Да, как говорят, у Менелика во дворце и паркетов-то нет, все полы земляные, только в парадных залах соломенные циновки и шкуры разостланы.

Дорога до столицы оказалась долгой и трудной. Собственно говоря, самой дороги и не было. Просто караванная тропа шла по пустыне, а потом вилась по каменистым склонам холмов. За ними, словно ступени гигантской лестницы, один над другим вздымались синие горные хребты. Начались крутые подъемы и спуски, которые сменялись перевалами, на которых дули пронизывающие ледяные ветры, и жаркими болотами в душных ущельях, кишевшими москитами и змеями. То и дело приходилось переправляться через бешено несущиеся горные потоки и продираться сквозь густые заросли колючек. Начинался сезон дождей, и первые грозовые тучи закрывали вершины гор, оглушительно гремел гром и сверкали молнии, а крупный град звонко щелкал по камням. После ливней тропа превращалась в скользкую канаву, наполненную жидкой грязью. Порой горы вздрагивали от подземных толчков и лавины

камней рушились со склонов со страшным грохотом.

Любоваться красотами природы во время пути не приходилось. Но случалось, дух захватывало при виде отвесных стен, на многие сотни метров уходивших вниз, где в далекой голубой дымке зеленели леса и долины, над которыми вились стаи птиц. Встречались и странные горы с плоскими, как стол, вершинами и крутыми склонами, с которых отвесно падали белые от пены потоки.

Хорошо еще, что большая часть пути пролежала во владениях негуса. Уже на границе караван встретили представители местных властей, приставили собственную вооруженную охрану, позаботились о ночлеге и питании, о корме для выючных животных. Теперь можно было рассчитывать с сомалийскими караванщиками и на привалах не опасаться того, что тебя во сне ограбят или прирежут.

Грузы перевыючили с верблюдов на мулов. Эти неказистые на первый взгляд низкорослые и тонконогие существа — помесь ослов и кобыл — оказались незаменимым транспортным средством в горах. В отличие от лошадей они обладали удивительной выносливостью и были способны целый день шагать по горным тропам и болотам с грузом, вес которого доходил до восьми пудов. Сколько раз приходилось видеть, как мулы, низко опустив голову и осторожно пробуя копытами надежность камней на тропе,

карабкаются по крутым откосам. Стало понятно, почему эфиопы так высоко ценят этих животных и ухаживают за ними лучше, чем за лошадьми. В городках, что встречались на пути, каждый начальник выезжал встречать караван верхом на муле, а его коня под богатым седлом слуги вели позади. Позднее из расспросов и собственного опыта Дмитрий узнал, что лошади местной породы больше часа хорошей езды не выдерживают, быстро выдыхаются и годятся только для парадов и церемоний.

За время горного перехода Дмитрий изменился, сильно похудел, оброс бородой и обветрился до такой черноты, что перестал походить на европейского путешественника. Перед господином Леонтьевым предстал в длинной накидке из козьей шкуры, черным мехом наружу, голова повязана шерстяным зеленым платком, на поясе кинжал, кожаная сумка, кобура с пистолетом. Увидел изумление начальника, лихо отрапортовал о том, что караван прибыл благополучно и в дороге не пропало ни одного вьюка.

— Ну молодец, казак! Доставил-таки пушки! Да как ты изменился, я тебя не сразу и узнал! — Господин Леонтьев повернулся к одному из стоявших рядом подчиненных. — Петрович, принимай груз и сразу же начинайте сборку и пристрелку. Будет теперь у негуса собственная артиллерия! А ты, казак, отдыхай, завтра

представляю тебя во дворце.

На следующее утро Дмитрия приняли во дворце без всяких церемоний, по деловому. Вместе с начальником он прошел через главные ворота и тройной частокол, миновали двор, уставленный палатками личной охраны, увидели многочисленные склады, конюшни, мастерские. Хозяйство у негуса было огромное и содержалось в полном порядке, повсюду стояли часовые, слуги и мастеровые были заняты работой. Гостей нигде не останавливали, хотя от самых ворот за ними следовало с десяток воинов, закутанных в львиные шкуры. Надо думать, это был не только почетный караул.

Вскоре к ним присоединился и Теодорос. Передал, что господина Леонтьева хочет видеть сам негус, а Дмитрия сердечно поздравил с благополучным прибытием и предложил показать дворец.

Вдвоем прошли во внутренний двор, где под навесом выстроились в ряд сорок барабанов. Каждый доставлен из области или края, находившихся под властью негуса. Во время торжественных церемоний их грохот свидетельствует о мощи эфиопского правителя, хозяина высоких гор и просторных долин. Заглянули и в тронный зал, стены которого были облицованы красным деревом и украшены искусно сплетенными из тростника узорами. В нише под шелковым балдахином, на возвышении, покрытом алым ковром, стоял трон — широкий диван с пестро расшитыми кожаными

подушками.

Затем прошли в зверинец, где увидели могучих львов, обросших необычайно пышной черной гривой. Теодорос пояснил, что именно со львами этой редкой породы в далекие времена сражался легендарный герой Самсон. Сейчас такие львы сохранились только в Эфиопии. Добавил, что негус также носит титул Лев из колена Иудова, потому что ведет свое происхождение от иудейского царя Соломона и царицы Савской. Начал было пересказывать историю их любви, описанную в Библии, но тут появился слуга и сообщил, что Дмитрия хотят видеть.

Царь царей и повелитель Эфиопии Менелик Второй оказался довольно плотным человеком лет под пятьдесят. Короткие седые усы и борода, голова повязана белым шелковым платком. Внимательный взгляд умных глаз без слов сказал, что этот человек знает себе цену, уверен в своих решениях и поступках. Одет он был просто и от нескольких окружавших его спутников отличался лишь тем, что на ногах его были полосатые носки и туфли. Стоял у низкого глинобитного сарая, из открытых дверей которого несло острым запахом железа и ружейного масла. Господина Леонтьева рядом с ним не было.

Дмитрий понял, что действовать придется самостоятельно. Эту встречу устроили не случайно. Хозяин дворца явно хотел составить собственное

представление о новом иностранце... Его можно понять. В Аддис-Абебе собралось довольно много представителей различных европейских стран. Все они заявляют о том, что готовы оказать всяческие услуги эфиопским властям, но не стесняются при этом обвинять друг друга в самых неблагоприятных поступках. Некоторые из них явные проходимцы. Несомненно, среди них есть и шпионы.

Откуда-то сбоку выступил Ато-Иосиф. Перевел, что негус рад приезду гостя из великой страны москотов, интересуется его здоровьем и впечатлениями от Эфиопии. Затем последовало несколько вопросов о деятельности англичан в Египте. Дмитрий отвечал спокойно, глядя прямо в глаза негусу. Общее положение описал, чужие секреты утаивать не стал. Видел, что ответы на некоторые вопросы его собеседнику уже известны и он хочет как бы между прочим проверить свою информацию, а вместе с тем и уровень знаний гостя.

— Правда, что Россия предоставила Китаю многомиллионный заем для расплаты с Японией? — перевел вопрос Ато-Иосиф.

— Да, российское правительство согласилось обеспечить этот заем, чтобы Пекин смог выплатить контрибуцию после своего поражения в войне с Японией. Официальное сообщение наше консульство получило в июне

получило в итоге.

Изучающий взгляд негуса смягчился, он одобрительно кивнул Дмитрию и что-то произнес, указав на открытую дверь сарая.

— Негус говорит, что российский император Александр оказал очень важную помощь и Эфиопии. Мы никогда не забудем такого бесценного подарка. Русские доставили так необходимое нам оружие, а сейчас помогают нашим людям его освоить. К сожалению, работа идет медленно, многие из наших воинов привыкли к кремневым мушкетам и современные винтовки видят в первый раз. Негус спрашивает, ты не мог бы помочь?

— Рад стараться, ваше императорское величество!

18

Работа началась в тот же день. Находившиеся в сарае, возле которого состоялся разговор с негусом, двое унтер-офицеров гвардейского Семеновского полка несказанно обрадовались появлению Дмитрия.

— Ваше благородие, никак мы с эфиопами договориться не можем. Людей нагнали много, а никакого толка нет, — пожаловался один из них.

— Все они торопятся, каждый норовит винтовки получить в первую очередь для себя, — добавил второй.

Дмитрий осмотрел прибывших за оружием

эфиопов. Парни молодые, поджарые, весьма решительного вида. У всех на плечах накидки из львиных или леопардовых шкур. Некоторые держат в руках крупные щиты из толстой буйволово́й кожи, отделанные золотыми и серебряными бляшками. Видно, что народ опытный, все повоевали и получили награды за храбрость. Но сами большими начальниками еще не стали, пока ходят в младших офицерах. Что же, инструктора из них вполне получатся, не все же многотысячное войско негуса нам самим обучать.

— Кто из вас говорит по-арабски?

Такие нашлись, и с их помощью дело пошло на лад. Одни вскрывали ящики, другие снимали смазку с винтовок и ставили их в уже сколоченные пирамиды. Возле специальных столов унтер-офицеры демонстрировали сборку и разборку, показывали зарядание. Здесь то и дело слышалось шелканье затворов, а негромкие одобрителные возгласы свидетельствовали о том, что освоение нового оружия идет успешно. Сам Дмитрий давал краткие наставления по теории стрельбы, и слушатели изумленно качали головами, узнав, что пуля из русской винтовки поражает цель на расстоянии больше чем в две тысячи шагов.

В сарай пришел хмурый господин Леонтьев, взглянул на происходящее, устало кивнул:

— Добро, казак, так и продолжайте. Вопросы есть?

— Парни толковые. Николай Степанович все

— Парли толковы, Николай Степанович, все схватывают на лету. Надо бы учебную стрельбу организовать, пусть хоть по обойме выпустят.

— С этим к Теодоросу обращайся. Мне сейчас не до этого. — Господин Леонтьев доверительно понизил голос: — Негус засадил за составление карт местности и другие расчеты, держу совет с его доверенными расами. Так что извини, должен идти.

К вечеру подошел Теодорос, выслушал шумные восторги земляков, у сарая велел выставить усиленную охрану. Потом повернулся к Дмитрию:

— Сейчас в городе только и разговоров, что об оружии московов. Негус повелел всех вас особо беречь. Эти двое твоих помощников ночевать будут во дворце, а ты, Дмитрий, окажи честь — поживи в моем доме.

Жилище Теодороса находилось совсем недалеко от дворца и оказалось целой усадьбой, окруженной сложенной из камней стеной, вершина которой была утыкана ветвями колючего кустарника. Около круглого хозяйского дома лепились такие же крытые соломой постройки, в которых размещались кухня, кладовые, пивоварня, стойла для скота и другие домашние службы. Одну из таких построек отвели и Дмитрию, обставили ее мебелью — сплетенным из бамбука столиком и парой скамеек. На низкую кровать, оплетенную ремнями деревянную раму, навалили ковров и подушек, на стены повесили звериных шкур.

Одним словом, устроили по-походному. Для услуг приставили мальчишку, который быстро научился чистить сапоги и саблю хозяина, но больше ни к чему не оказался способным. Не мог даже на кухне раздобыть горячей воды для бритья. Да еще и объясняться с ним приходилось на пальцах. Амхарский язык Дмитрию так и не дался, времени им заниматься совсем не было. Только и запомнил несколько слов и мог приказывать, куда поворачивать караван, да еще спросить, накормлены ли мулы.

Застолье в доме Теодороса было обильным, мяса, лепешек и перца хватало всем. После еды подавали ячменное пиво и хозяин первым выпивал несколько плотков, чтобы проверить качество напитка и показать гостю, что он не отравлен. За домом и слугами зорко следила хозяйка. Молодая, большеглазая, на смуглых щеках наведен румянец. При первом знакомстве кокетливо улыбнулась Дмитрию, легкой походкой вышла навстречу, указала место за столом и что-то сказала приветливо. Подол голубой шелковой накидки не скрывал ее стройные ножки с выкрашенным красным ногтями, изящные сандали из цветной кожи. На серебряных браслетах, опоясывавших лодыжки, мелодично звякнули крохотные колокольчики.

— Моя ытигье, по-вашему царица, — с гордостью произнес Теодорос. — Ее зовут Мақыда. Мы поженились, когда ей было четырнадцать лет, сейчас у

нас уже двое детей.

— В Эфиопии так рано венчают? — удивился тогда Дмитрий.

— Мы не венчались в церкви, просто живем свободно, по любви. У нас молодые люди так часто поступают. Если кто захочет разойтись, просто объявляют об этом при свидетелях и делят имущество пополам. Только мы с Макидыой делать этого не собираемся. Решили подождать, если война с итальянцами все же начнется, то повенчаемся после ее окончания. Вся наша родня одобрила такое решение. Вот после венчания в церкви наш брак будет нерасторжим. Тогда за нескромный взгляд в сторону любого мужчины я буду иметь право отхлестать ее плетью. Да еще и евнуха к ней приставлю, черного как сажа. Ну а если что большее случится, то просто убью!

Такой намек Дмитрий понял. Истово перекрестился — Боже избавь от этого! Брак дело святое.

На первый раз тем дело и кончилось. Только вскоре в доме появилась гостья, младшая сестра хозяйки по имени Тобья. Бездетная вдова, муж погиб на суданской границе в боях с махдистами. Оказалось, что она сама жила в тех местах и довольно бойко говорила по-арабски. К Дмитрию с глупой болтовней не вязалась, но была внимательной, тактично приходила на помощь в решении мелких домашних дел. В его жилище навела порядок и оно стало чистым и уютным. а слуга-

коридора, и еще стала готовить и угощать, а служанка мальчишка на удивление расторопным и исполнительным. Когда прихватила лихорадка, стала поить целебными отварами, угостила вкусными пирожками с курятиной. Однажды даже приготовила овощную похлебку, очень похожую на настоящие щи.

То, что у нее ресницы взлетают над радостно-удивленными глазами, словно черные крылья, а вся она стройная и изящная, как прима-балерина Императорского театра, Дмитрий заметил с первого взгляда. Ну а когда повернула голову, увенчанную пышным узлом волос, и улыбнулась, стукнуло сердце. Пропал казак! Вот кто настоящая-то ытигыё!

Тут еще и эфиопская казна не поскупилась, щедро наградила москочов за доставку груза. Но в такое тревожное время нет смысла деньги копить. В лучшей лавке на базаре в АддисАбебе купил Тоне, так стал ее называть, атласный плащ с богатой вышивкой и бахромой. Мелочиться не стал и последние талеры обменял на трехрядное ожерелье, искусно сплетенное из серебряных стебельков с золотыми розами.

По воскресеньям работ не было и Теодорос с семьей и слугами отправлялись в ближайшую церковь. Несколько раз их сопровождал и Дмитрий.

Помнится, после первого посещения эфиопской церковной службы поделился своими впечатлениями с господином Леонтьевым. Присутствовавший при этом

архимандрит Ефрем недовольно скривил губы.

— Не поддайся соблазну, сын мой. Хотя эфиопцы и приняли христианство полторы тысячи лет назад, но мало в их жизни духовного. Здешняя церковь важность догмата и учения одинаково почитает, по-фарисейски со многими суевериями мирится.

— Ты, отец, сам не очень-то мудри, — по-солдатски отрезал начальник.

— Не вздумай на эту тему с нашими людьми толковать. У них не должно быть сомнения в местных порядках. О вопросах веры пусть думает Синод, все свои сомнения туда и докладывай. Дмитрий же особая статья, если надо будет, он и в мечети помолится. Пусть ходит, в эфиопских церквах есть любопытные вещи.

Действительно, в этих круглых зданиях, на крышах которых красовались выложенные из крупных страусиных яиц кресты и звезды, можно было увидеть много интересного. Уже ранним утром пение специально содержавшихся при церквах петухов и гулкие удары в била, плоские камни, подвешенные на столбах у их дверей, призывали верующих на молитву. Пышное облачение священников, их посохи, украшенные крестами, золотые тиары на головах, драгоценные оклады священных книг, богатая церковная утварь, волны ароматного дыма из кадилъниц — ладана и других аравийских благовоний здесь не жалели — все это производило сильное впечатление. Служба у алтаря,

расположенного в середине круглой церкви, сопровождалась барабанным боем, звоном бубенчиков и шумом специальных трещоток, а усердные прихожане хором подхватывали песнопения священников, азартно били в ладони и в такт притоптывали. Некоторые не выдерживали и начинали кружиться в танце. На это моление со стен невозмутимо взирали строгие лики апостолов, Богоматерь с младенцем, местные святые.

Дмитрий не привык к столь шумным церковным службам и обычно становился поближе к стене и рассматривал эфиопские иконы. На них живописцы всегда делали какие-то пояснительные надписи и изображали святых героев со светлой кожей в фас, а грешников и злодеев — с темными лицами в профиль. Так что даже самому необразованному прихожанину было ясно, кого почитать, а кого хулить. На самом видном месте можно было видеть образ наиболее почитаемого в стране святого Георгия Победоносца. Изображался он как простой воин с копьем в руках, в боевом плаще. Ноги босые, и по местному обычаю большой палец вдет в стремя. Черный змей, очень похожий на крокодила, корчился под копытами его коня. Не менее интересной была и другая картина, на которой в радужном сиянии был нарисован огромный золотой лев в короне и с крестом. Рядом с ним стояла женщина с корзиной плодов и фруктов, по бокам группировались меньшие по размерам львы и быки, а внизу сбились в

кучу совсем крохотные свиньи и козлы.

После возвращения домой Тоня объяснила, что коронованный лев — это сам негус, а женщина — Мать-Эфиопия, несущая своим детям пищу и радость. Воины и крестьяне — это младшие львы и рабочие быки, а все остальные — язычники и дикие племена. Так что каждый, кто взглянет на эту картину, сразу поймет, где его место и что он сам должен делать — управлять, защищать страну или работать.

— Ты мой лев, — шептала Тоня по ночам. — Оставайся в наших краях. Теодорос рассказывал, что у вас стоят такие страшные холода. Если его родственник стал в стране москотов таким знатным, то и ты будешь богат и знатен в Эфиопии. Жена негуса Таиту говорила мне, что Менелик очень доволен тобой. Он подарит тебе земли, крестьян, скот...

На такие слова отвечать приходилось уклончиво:

— Рано еще говорить об этом. С итальянцами были стычки на границе, сейчас идут переговоры о мире. Кто знает, чем они кончатся, к ним все время новые войска прибывают...

— Все будет хорошо. Я это твердо знаю.

— Откуда?

— Ходила к колдуну, на тебя гадала.

— Не стыдно тебе такими делами заниматься. Ты же христианка и в церковь ходишь.

Она хотела не молчать. Свояченица сказала, что

— Одно другому не мешает. Священник только о душе и грехах говорит, а наш колдун помогает решать важные вопросы. Он имеет большую силу, все сбывается по его слову.

— Что же он обо мне сказал?

— На войне ты останешься живой.

— А когда война начнется?

— Спрашивать об этом колдун запретил...

Больше Тоня ничего не хотела говорить, только прижималась еще крепче. Повторяла, что все будет хорошо...

После таких разговоров снились легкие сны. Веселое пение птиц и цветущие сады то ли на Дону, то ли под Аддис-Абебой... Веселый дядя Семен за праздничным столом и Теодорос, читающий ему стихи Пушкина... Но однажды приснилась и тетушка. Торопливо говорила что-то страшное, хватала за руку, плакала... Слезы капали на лицо Дмитрия.

— Проснись, Митри! Война! — всхлипывая, Тоня трясла его за плечо. — Гонец прискакал — итальянцы перешли границу!

На дворцовом холме забили барабаны негуса. В предраассветной мгле их голоса звучали звонко и тревожно. В церквах ударили в била. Где-то по соседству запричитала женщина, ей ответила другая. Тоня залилась слезами, охватила голову Дмитрия, прижала к своей груди.

— Прощай, мой лев! Колдун сказал, после войны ты ко мне уже не вернешься!

19

Сборы в поход начались немедленно. Оказалось, что за последние месяцы негус и его расы не теряли времени даром и подготовку в возможной войне продумали до мелочей. Гонцы мчались во все концы страны, и вскоре по всем городам и селам глашатаи зачитывали манифест Менелика Второго: «...из-за моря идут враги. Они хотят уничтожить нашу веру, наше Отечество... Я выступаю на защиту страны и дам отпор врагам... Пусть каждый, у кого есть силы, следует за мной... Пусть каждый встанет на защиту родной страны и своего домашнего очага...»

Глашатаям вторили священники в церквях и уличные певцы. Молитвы о ниспослании победы над грозным врагом звучали наравне с поэмами о славных победах предков. Звучали и срамные песенки о белолицых захватчиках, которые, как говорили знающие люди, были хуже чернокожих дикарей-людоедов. И все от мала до велика распевали припев одной из них:

Ужалит черная змея,
Не обзаведись бел.

Но хуже белой гадины
На свете твари нет!

Однако одними словами дело не ограничивалось. Повсюду шел сбор пожертвований на войну, и за короткое время в государственную казну поступило два миллиона талеров. Оказалось, что на местах чиновники негуса уже подготовили запасы зерна, собрали выючных животных и стада скота. В столицу и заранее указанные приграничные пункты двинулись вооруженные отряды под командованием провинциальных расов и их военачальников.

Эфиопская армия представляла внушительное зрелище. Отряды босоногих воинов в разноцветных походных плащах и звериных шкурах двигались нестройными колоннами. Современными винтовками были вооружены лишь немногие, те, кому посчастливилось служить под командованием самого негуса или его приближенных. Остальные имели самые разнообразные ружья, привезенные из европейских стран, и старинные мушкеты, сработанные местными кузнецами. Владельцы огнестрельного оружия считались людьми состоятельными, поэтому в походе специальные слуги несли ружья своих хозяев, гордо падавших среди остальных воинов вооруженных

шагавших среди остальных воинов, вооруженных копьями и мечами.

Над походными порядками развевались укрепленные на копьях пестрые флажки и пышные львиные гривы на головных уборах командиров. Непрерывно гудели барабаны и завывали трубы, и под эту музыку воины шли легким шагом людей, привыкших совершать длительные переходы высоко в горах. Следом за отрядами двигались огромные толпы слуг и женщин. В их обязанности входило приготовление пищи и уход за больными и ранеными. Вместе с ними тянулись бесконечные вереницы мулов и ослов, груженных запасами продовольствия, котлами для варки пищи, разобранными палатками, всевозможными мешками и корзинами. Замыкали шествие стада коров и овечьи отары.

За движением эфиопского войска Дмитрий с господином Леонтьевым наблюдали с одного из холмов на окраине столицы. Это место выбрали подальше от любопытных глаз иностранных дипломатов и журналистов, число которых в Аддис-Абебе значительно возросло за последние дни. Чтобы посторонние не мешали разговору, несколько конных воинов из личной охраны негуса расположились у подножия холма.

— Чем все это воинство будет питаться? — спросил Дмитрий. Знал, что эфиопский воин

неприхотлив и может в случае необходимости долгое время довольствоваться двумя-тремя лепешками в день, плодами и орехами, которые удастся собрать во время похода. Но знал и то, что на призыв негуса взяться за оружие откликнулось более ста тысяч человек. А сколько провожатых шло за ними?

— Да, собранных запасов надолго не хватит, — отвечал Николай Степанович. — Пайки считали для регулярной армии, а вон сколько народу привалило. Сам знаешь, что хоть какой-то порядок успели навести только в войсках самого негуса. Да и там обозы получились громадные — на тысячу воинов приходится не менее шести сотен выючных животных. Идти придется по довольно пустынной местности, поэтому все, кроме дров и воды, приходится брать с собой.

— Регулярная армия стоит дорого.

— Это верно. Мы тут с Ато-Иосифом сделали некоторые подсчеты. Так получилось, что в год на пропитание только одного воина требуется не менее двадцати талеров. Да еще каждого из них надо обеспечить винтовкой, и патронами, и плащом, а в конце похода поднести подарок — мула или пару быков. Ну а начальников полагается одарить землями и крестьянами. Менелик выслушал нас, посмотрел на итог и только головой покачал. Сказал, что если Бог даст, то заниматься всем этим будем после войны... Ладно, казак. Я эту встречу назначил не для того, чтобы

философию разводить. Слышал, что большинство наших возвращается в Россию?

— Слышал и видел. Радуются люди — едут домой.

— Пусть радуются, заслужили. Теперь здесь им больше делать нечего. Сейчас иностранные газеты, особенно итальянские и английские, слишком уж много пишут о российском вмешательстве в эфиопские дела.

— А французские?

— У Парижа свой расчет. Там также желают ухватить кусок земли на берегах Нила. С пребыванием россиян в Эфиопии они мирятся, потому что видят — завоевывать мы ничего не собираемся. В Африке французы нас терпят до тех пор, пока российские полки на германской границе стоят. Но главный их соперник в борьбе за колонии — это англичане. Тут еще будут веселые дела.

— Вот пускай сами и разбираются. Почему же нас не отправляют домой?

— Объясняю. Начальство в Питере объявило, что поставки оружия в Эфиопию завершены, а дальше наше дело сторона. В военных действиях с итальянцами российские подданные не принимают участия, и все уезжают домой. Однако, это не для газет, здесь остаюсь я и Петрович со своими молодцами. Ты сам понимаешь, что пушка — машина довольно сложная и для своей работы требует квалифицированного обслуживания. Винтовка много проще. но и той большая забота нужна.

...иногда много прощя, но и тогда сержант засек пушкин.

— Да уж мои унтера чуть не плакали, глядя на уход за оружием по-эфиопски. Когда вместо смазки в казенник кусок сала кладут, а шомпола используют только для жарки мяса.

— Вот именно. Если пушки негуса не будут палить, все это воинство разбежится после первого же залпа итальянских батарей. Поэтому твоя задача оберегать наших людей, чтобы в походе или в бою они не попали в руки противника. Ни живыми, ни мертвыми. Негус приставил к ним охрану под командой Теодороса, но о ней все знают. Они на виду, и их можно обмануть или уничтожить. Ты будешь действовать втайне и в случае необходимости придешь на помощь.

— Как же я один выполню такую задачу? Да меня сразу же узнают. — Для доказательства своей правоты Дмитрий расстегнул ворот рубахи. — Во что ни нарядись, а здесь я еще не побурел.

— Не беспокойся, за какого-нибудь турка сойдешь. Этот план придумал Теодорос, а негус его одобрил. Ты получаешь звание фитаурари, по-нашему полковника, и отряд конных разведчиков из племени галла.

— Так эти же галласы...

— Совершенно верно — настоящие головорезы!

...Да, на первый взгляд галласы не внушали доверия. Конечно, эти парни со светло-коричневой кожей имели весьма мужественный вид: рослые,

худощавые, с тонкими орлиными носами. Все закутанные в черные шерстяные плащи, у многих головы выбриты наголо. Но в их взглядах не было заметно ни доброты, ни человеколюбия, ни раскаяния. Обилие навешанного на них холодного и огнестрельного оружия свидетельствовало о том, что война является основным занятием этих молодцов.

Встретил Дмитрия начальник отряда по имени Айчак. В знак приветствия слегка склонил голову и улыбнулся так, что на изуродованном шрамом лице зловещим оскалом блеснули зубы. Приложил к сердцу правую руку, на которой сохранились лишь три пальца, и, хромая, повел вдоль неровного строя своих соплеменников. Тут же и пояснил, что воины отряда набраны из одного из многочисленных галласских родов, все они правоверные мусульмане, себя называют оромо, что значит настоящие мужчины, и люто ненавидят трусливых собак-сомалийцев. Добавил, что последние годы отряд верно служит негусу, несет караулы на границе и сейчас готов поступить под командование храброго воина из страны москотов. Лучшие кони для него уже приготовлены, и он сам может выбрать любого по собственному вкусу.

С первого взгляда стало ясно, что эти бандиты решили проверить, как новый начальник разбирается в конных науках и может ли вообще сидеть в седле.

В тени деревьев, росших на краю долины, были

привязаны несколько лошадей и даже пара мулов. Что же, если заняться сбором гербария или коллекции минералов, то лучше мула с его спокойным нравом и плавным шагом и не найти. Поэтому именно на мулах в средневековой Европе любили ездить вельможные дамы и священники... Слов нет, хороши и местные лошадки. Но на них можно будет покрасоваться на каком-нибудь торжестве после войны. И то если колдун не наврал Тоне... А вот этот вороной жеребец особая статья... Крупный, горбоносый, с сильной короткой шеей.

— Это что за порода?

— Мы называем ее фарас, — ответил Айчак. — Этих коней приводят с запада, с берегов Нила. Там на равнинах Донголы и пасутся их табуны.

— Скажи, чтобы подвели этого красавца.

— В горах донгольским коням трудно дышится. В этих краях они скучают и характер их портится.

— Сами ездите на них?

— Только на них. И на войну, и на охоту, — сказал Айчак. Чтобы чужеземец не подумал плохого о лошадях и самих всадниках, пояснил: — Кони этой породы резвые и выносливые, на них можно догнать даже страуса.

— Очень хорошо. Придет время, поохотимся и на страусов. Подвели коня, и Дмитрий, как учили старые казаки, встал перед ним. Не топтался кругом, не заглядывал в зубы, не велел гонять его по кругу. Просто

встал спереди и оценил коня как товарища, с которым придется делать трудную работу. Увидел ясные глаза, широкие ноздри, легкие точеные ноги, широкую мускулистую грудь. Конь был спокоен, тоже внимательно рассматривал незнакомого человека, нюхал воздух.

Так простояли довольно долго.

Теперь предстояло проверить жеребца под седлом. Дмитрий сам осмотрел сбрую, неторопливо, приговаривая ласковые слова, надел уздечку, украшенную пластинками серебра, вложил удила. Попутно осмотрел зубы, определил — жеребцу пять лет. Значит, в полной силе и уже обучен... Поэтому и живот надул, так что седло легло неплотно и на ходу обязательно соскользнет. Хорошим тычком в бок дал понять жеребцу, что разгадал эту хитрость, и подпругу затянул как положено. С запястья стоявшего рядом галласа, который, как и все остальные, внимательно следил за седловкой, снял витую ременную плетть. Ввесил в руку — не хуже черкесской нагайки!

Оплатил смирно стоявшего коня и лихо вскочил в седло. Тот сразу же встал на дыбы, а потом так поддал задом, что Дмитрий едва не очутился на земле.

Потом всадник и конь показали, на что способен каждый. Однако строгий мундшгук и опыт суровых уроков на манеже Николаевского кавалерийского училища сплотили свои силы. Пока коня жеребца

училища сделали свое дело. Даже когда жеребец внезапно изогнул шею и попытался укусить седока за колено, у него ничего не получилось. Просто Дмитрию пришлось энергично поработать нагайкой. В конце концов между ними было достигнуто полное взаимопонимание и опробованы все аллюры. В поту и пыли они вернулись под тень деревьев, где Айчик и его соплеменники встретили обоих с большим уважением.

— Коня поводить, пока не остынет, воды не давать, — распорядился Дмитрий. — Корм задам и напою сам. Айчак, пошли проверять часовых.

20

Темной грозовой тучей войско эфиопского монарха двигалось на север. Оно шло по нескольким дорогам, скапливалось у перевалов и речных переправ, растекалось по долинам. Начальники строго следили за порядком движения отрядов, высылали передовые дозоры, подгоняли отстающих. Все чаще возникали проблемы с продовольствием, и некоторые воины пытались пополнить казенный паек на полях и пастбищах местных жителей. Мародеров ловили и жестоко пороли «жирафами» — длинными и гибкими, как и шеи этих пестрых животных, плетями из бегемотовой кожи.

На привалах начальники выставляли охрану и

размещали отряды в определенном порядке, но мало обращали внимания на соблюдение гигиены. Поэтому вскоре над лагерем, где воины и их слуги варили пищу, резали скот, кормили животных и совершали свой туалет, уже стоял густой запах. По утрам, как только пригревало солнце, тошнотворная вонь и тучи мух лучшие всяких приказов заставляли людей быстро свернуть палатки и отправляться в поход.

Первые дни Дмитрий со своими галласами держался поблизости от мулов, навьюченных пушками. Если бы не пояснения и советы Айчака, он так и не смог бы разобраться в этом скоплении людей, так мало похожем на регулярную армию. Обычные в начале каждого похода путаница и неразбериха сопровождались ссорами погонщиков мулов, бесконечными перебранками женщин, появлением целых караванов стонущих больных, которых родственники отказывались оставлять в чужих краях и тащили с собой на носилках. На привалах между костров бродили какие-то личности, называвшие себя беженцами или паломниками, расспрашивали о своих знакомых, просили милостыню, развлекали воинов танцами и пением.

Каждое артиллерийское орудие было разобрано и перевозилось на четырех мулах: ствол, колеса, лафет — все в отдельных выюках. Такой необычный груз вызывал большой интерес и толпы любопытных окружали

большой интерес, и толпы любопытных окружали лагерь пушкарей. В первые дни это всеобщее внимание льстило артиллеристам и даже сам Теодорос громкогласно вещал землякам о новом страшном оружии, которое многократно увеличило мощь армии негуса. Однако все изменилось после того, как однажды вечером какие-то люди попытались угнать несколько мулов с их поклажей, в то время как другие развели огромный костер вблизи ящиков со снарядами. К счастью, охрана не растерялась и вовремя изловила злоумышленников. Суд был скорым, и всех задержанных развесили на ближайших деревьях для всеобщего обозрения.

Вблизи лагеря пушкарей сразу же убавилось число любопытных. Тем не менее, чтобы не искушать судьбу, Теодорос, который за проявленную бдительность получил генеральское звание дэджазмач, повел свой караван по особой тропе. Конные галласы пошли в боковом охранении.

Этого странного человека Дмитрий увидел под вечер. Коренастый чернокожий с характерным широким носом и толстыми губами не походил на обычных покорных слуг и рабов, которых приходилось видеть в домах богатых эфиопов. Он вопил так, что эхо разносилось по всей долине, и ругался последними словами, призывая все кары Аллаха на головы нечестивцев, которые осмелились осквернить святыни

истинной веры. Размахивая посохом, он смело наступал на вооруженных до зубов дозорных, стоявших смущенно опустив головы.

Заметив Дмитрия, чернокожий отвесил низкий поклон и громогласно призвал благоволение Аллаха и пророка Мухаммеда на все деяния могучего и бесстрашного витязя и его воинов.

— Что здесь происходит?

— Мы встретили этого паломника... — начал было старший дозорный.

— Эти грешники только по неведению хотят забрать моего осла! — воскликнул незнакомец. — Его копыта ступали по благословенным улицам Мекки и Медины. На его спине бесценный груз — Священная книга всех правоверных, четки, освященные у ниспосланного с небес Черного камня Кааба, молитвенный коврик, на котором я славил Аллаха у могилы Пророка в Медине.

— Кто ты и куда направляешься?

— Мое имя Альхаджи Хасан Инува. Я родился в славном городе Кано, что лежит далеко на западе во владениях могущественного султана Сокото. Я смиренный раб Аллаха и возвращаюсь домой после паломничества в Мекку и Медину. Я смиренный раб Аллаха... Воистину, я всего лишь смиренный раб Аллаха.

Трижды повторенная фраза насторожила Дмитрия.

Это могло быть случайностью, но также могло быть и частью своеобразного пароля, который, как ранее предупредил Теодорос, использовался некоторыми его тайными агентами. Поэтому он негромко произнес другую часть условленной фразы.

— Да свершится предопределение по воле Его!

Рябое лицо паломника расплылось в широкой улыбке. В свою очередь понизив голов, он произнес:

— Да минует праведник ад и вступит в рай по мосту Сират, тонкому как волос и острому как меч... О храбрый витязь, сообщаю тебе, что за горой расположились две сотни всадников под командованием итальянского офицера. Они готовятся напасть на караван с пушками, когда он начнет переправляться через реку. Об остальном сообщу самому Теодоросу. Прикажи проводить меня к нему.

— Верните Альхаджи все его вещи! — распорядился Дмитрий. — Айчак, пошли с ним провожатым своего старшего сына. И чтобы с головы Альхаджи и волос не упал! Потом быстро возвращайся, надо потолковать.

Разговор получился коротким. Услышав о засаде за горой, Айчак довольно оскалился. Быстро, с помощью камешков и веточек, прямо у ног Дмитрия изобразил окружающую местность, обозначил горные вершины и ручьи.

— Сейчас пошлем наших разведчиков и точно

— Сейчас пошлем наших разведчиков и точно узнаем, где расположились эти конные воины. Тогда уже завтра нападём на них. Это можно будет сделать отсюда или же с другой стороны. Что скажешь, фитаурари?

Ответить Дмитрий не успел.

Со стороны одного из холмов раздались выстрелы и крики. По склону быстро спускались трое. Судя по одежде — воины негуса. Один из них нес на плечах козу, а двое других оборачивались и попеременно палили из винтовок. За воинами гнался совершенно голый негр с пышной копной волос и копьем в руке.

— Это, наверно, воины раса Гэбаю, — заметил Айчак. — Далеко же они ушли от лагеря в поисках мяса.

— Кто живет в этих долинах? — спросил Дмитрий.

— Совсем дикие племена. Они не верят ни в Аллаха, ни в Христа.

Тем временем хозяин козы, издавая устрашающие вопли, ловко прыгал по каменистому склону и почти догнал воинов. Все трое остановились и дали залп, но опять промахнулись. В воздухе мелькнуло копье и вонзилось в плечо того, кто тащил козу. Воин бросил свою добычу и стремительно скрылся в кустах вместе с товарищами. Коза резво поскакала вверх по склону, а за ней, распевая во все горло что-то очень воинственное, последовал и ее хозяин.

— У российских винтовок совсем другой голос, не

такой, как у наших мушкетеров, — с невинным видом заметил Айчак.

— Эти воины получили винтовки совсем недавно. Еще не научились из них стрелять, — сердито заметил Дмитрий. Стыдно было смотреть на то, как неумело используется хорошее оружие. Да и в словах Айчака, казалось, прозвучала насмешка.

— Конечно, воин должен сродниться со своим оружием, только тогда он и победит. Но у этого чернокожего на шее висел амулет, который защищал его от пуль, — уверенно произнес Айчак.

— Этого не может быть!

— В ваших краях, фитаурари, не может быть, а у нас бывает. Опытный колдун сделает тебе такой амулет, что ни пуля, ни стрела, ни сабля не причинят вреда. Даже могут сделать тебя невидимым для врага...

— Хорошо, сейчас посылай разведчиков и выставляй часовых, а мы потолкуем о военных обычаях в ваших краях.

Потом они долго сидели у костра и Дмитрий выслушивал рассказы о погонях и засадах, сигналах, подаваемых дымом или пламенем костров, стуком барабанов или подражанием крикам животных и птиц. О том, как на войне сохранить свою и узнать чужую тайну, о выборе места для лагеря, переправах, запасах еды и о многом другом, что полезно знать воину. Такие беседы велись почти каждый вечер. Дмитрий задавал

вопросы, а старый воин с большим удовольствием делился своим опытом.

На этот раз речь зашла о долгой и кровопролитной войне эфиопов с махдистами, в которой еще совсем недавно многочисленные армии сходились в жестоких битвах, опустошались пограничные земли и города переходили из рук в руки. Говорили о том, как в бою погиб последний негус Йоханныс и его армия потерпела поражение.

— Сейчас между эфиопами и махдистами мир, — сказал Айчак. — Новый негус воюет с итальянцами, а махдисты сражаются с англичанами. Но как только эти войны с белыми закончатся, здесь опять начнутся сражения.

— Почему?

— Махдисты требуют, чтобы все эфиопы отказались от христианства и приняли ислам.

— Как же ты, правоверный мусульманин, много лет служишь христианскому правителю?

— Вожди махдистов хотят заставить всех своих людей и даже чернокожих язычников молиться по-своему. Они требуют очень строго соблюдать все предписания ислама. Негус Менелик щедро нам платит, и ему нет дела до нашей веры.

— Не понимаю, зачем убивать друг друга из-за спора о вере? Бог един.

— Воистину это так. Но по берегам Нила лежат

обширные плодородные земли, населенные небольшими племенами. Там бродят тысячи слонов, отягощенных драгоценными бивнями, а на дне ручьев сверкают золотые самородки. Война пойдет за эти земли. — Старый воин указал на запад, где над горизонтом повис серп убывающей луны. — Пора спать, фитаурари, завтра нам придется сражаться.

Однако на следующее утро дело приняло неожиданный оборот. Дмитрия разбудили оживленные голоса воинов и их хохот. К восторгу всех обитателей лагеря, вернувшиеся разведчики явно делились собранными сведениями. Такого нарушения дисциплины допускать было нельзя, и Дмитрий уже собирался потребовать от них объяснений, как появился улыбающийся Айчак.

— Хорошая новость, фитаурари, — сообщил он. — Сегодня нам воевать не придется. Сейчас все тебе расскажу.

Из доклада следовало, что за горой действительно расположились две сотни всадников. Они принадлежат к одному из родственных оромо кланов и являются отличными воинами. Только сейчас им не до сражений. Они просто голодают. Итальянцы наняли их для набега, дали небольшой задаток и пообещали расплатиться потом. Снабдили и продовольствием — железными ящиками с мясом свиней — да испепелит Аллах этих

нечистых тварей! — и какими-то трубочками из сухого теста. Есть такое никто, конечно, не стал, и теперь большинство воинов разбрелось по округе, собирают орехи, копают съедобные корешки и пытаются охотиться. Только вся дичь разбежалась из-за огромного скопления войск в этих местах.

— А что делает итальянский офицер?

— Он разрешил своим воинам пять дней собирать продовольствие, и в лагере почти никого не осталось. Сам он каждый вечер выпивает по бутылке вина и объедается свининой, а потом храпит так, что распугал всех окрестных шакалов.

— Эти сообщения разведчиков и развеселили наших молодцов?

— Нет, есть и другая новость. Разведчики встретили охотников из горной деревни. Те выследили огромного слона, который не ушел из долины и затаился в зарослях. Наши воины очень надеются, что ты разрешишь им добыть свежего мяса. Сколько дней уже едим этот «дылых»!

...Что верно, то верно. Этой гороховой муки, перемешанной с солью и перцем, в амбарах негуса наготовили на много лет, и отряд снабдили ею в избытке. Жидкую кашу из нее есть можно, и с голода не умрешь, но... Но сочный кусок жареного мяса...

Дмитрий невольно сглотнул слюну.

— Выставишь двойные караулы и на гору пошлешь

дозор. Всем остальным оставаться в лагере в полной готовности. Двадцати человек для охоты хватит?

— Хватит, фитауари! — радостно закивал Айчак. — А нельзя ли потом немного мяса послать и нашим родичам? Тем, что за горой? Там есть больные, которые совсем ослабели от голода.

— Нам негус приказал сражаться с врагами, а не... — начал было Дмитрий, но передумал. А что если? — Ваши родичи получают мясо и «дылых», если доставят ю мне итальянского офицера живым и невредимым!

— Понял! — Айчак хитро подмигнул. — Тем, кто их нанял, они скажут, что офицер свалился в водопад при переправе через ущелье! Только за такой подарок тебе придется уделить им не меньше, чем заднюю ногу слона.

— Согласен.

21

Бурой глыбой слон возвышался над редким кустарником. Он расположился в тени акации, ветви которой широким зонтом нависли над неглубокой ямой, время от времени поднимал хобот и поливал себя жидкой грязью. А потом, словно веером, обмахивался широкими ушами. День и верно выдался жарким. В долине воздух был неподвижен и стояла влажная жара.

Охотников слон заметил еще издалека и, издав недовольное ворчание, покинул прохладную тень. На поросшей травой равнине стало видно, какой это великан — не менее четырех метров высотой. Его громадные кривые бивни почти касались земли. Именно они привели Айчака в неопиcуемый восторг.

— Ах, какой красавец! Каждый такой бивень поднять смогут только двое сильных мужчин. Сколько за них купцы дадут серебряных талеров!

— Почему он один? — поинтересовался Дмитрий. — Где все остальное стадо?

— Слонихи со слонятами ушли из долины подальше от шума и вони, какое производит такое сборище людей. Этот же решил не покидать родных мест. Взрослый самец, не привык бояться. Трудно будет его добыть.

— Где у него самое уязвимое место?

— Целься немного впереди уха или прямо в лоб, тогда поразишь точно в мозг. Но череп слона пробивает не всякая пуля. Дикари обычно мечут в слона копья и ждут, пока он не изойдет кровью. С этим силачом так не получится.

— Верно. Сегодня не всем посчастливится отведать его мяса, — заметил один из воинов.

— Ничего не поделаешь. У того, кто выращивает просо, долгая жизнь, а у охотника на слонов — короткая.

Тем временем слон с удивительной быстротой

пересек открытое пространство и начал легко подниматься по склону каменистого холма, поросшего лесом. Еще немного, и он скрылся в густых зарослях. Он явно не хотел подпускать к себе людей, но и не проявлял к ним особой враждебности.

— Теперь без загонщиков не обойтись, — с досадой сказал Айчак. — Зовите этих дикарей.

Искать охотников из горной деревушки не пришлось. Оказалось, что они из кустов уже давно наблюдают за происходящим. Узнав, что за участие в охоте им дадут небольшой мешок соли и солидную порцию слоновьего мяса, они согласились.

Над холмом поднялся дым костров, раздались крики загонщиков, стук барабанов, свист дудок. Вскоре гневный рев слона заглушил весь этот шум, а потом и он сам показался на равнине.

Теперь слон походил на ежа. Из его спины торчал добрый десяток копий, но они, видимо, не причинили ему особого вреда. Хотя по бокам темнели струи крови, слон все еще не хотел вступать в бой с такими многочисленными врагами и весьма резвым аллюром направился поперек долины к обширному лесному массиву, покрывавшему соседние горы. Вечерело, и было ясно, что в темноте он уйдет через перевалы в одну из соседних долин.

Конные галласы бросились наперерез. Первый из них выстрелил в упор, но только ранил животное.

Своими бивнями слон ловко поддел всадника вместе с конем и подбросил их в воздух. Потом немного потоптался на месте их падения. В ответ на выстрел второго галласа только взмахнул хоботом, словно бревном. Голова стрелявшего лопнула, как куриное яйцо. После этого наездники сохраняли приличную дистанцию и палили по слону без видимого результата.

Не слезая с седла Дмитрий вставил обойму в свою драгунку — укороченную винтовку, которую на Тульском оружейном специально изготовляли для вооружения кавалерийских полков. Увидев ее, Айчак снисходительно улыбнулся.

— Это игрушка для детей. Все мы видели, что из винтовки московов нельзя убить врага. Даже отпугнуть нельзя. Вот посмотри, как я сейчас свалю слона из этого ружья. Из него дед, отец и я сам добыли больше четырех сотен слонов. — На раскрытой ладони показал пулю размером с хорошую сливу. — Выкована из железа, против нее даже такой великан не устоит.

Свое массивное оружие Айчак держал двумя руками и, правя конем только при помощи ног, стал приближаться к слону. Дмитрий не захотел оставаться в стороне и зарысил следом. Остальные всадники кружились невдалеке, отвлекали на себя внимание рассерженного гиганта.

Улучив момент, Айчак подскакал сбоку и нацелился

в слоновье ухо. бабахнуло, как из небольшой пушки, но пуля шла снизу вверх и ударила по касательной. Над головой слона взметнулись клочки кожи и засохшая грязь. Тем не менее удар оказался настолько сильным, что слон сел на землю и какое-то время оставался неподвижным.

Затем он стремительно вскочил и издал пронзительный рев, который по силе мог поспорить с паровозным гудком.

Этот звук подействовал на лошадей совершенно неожиданным образом. Конь Айчака шарахнулся и сбросил седока, а остальных охотников как ветром сдуло. Под Дмитрием жеребец присел на задние ноги и замер, мелко дрожа.

Пришлось спешиться и, пугаясь в густой траве, бежать к Айчаку, который ничком лежал вблизи слона. Однако тот решил расправиться с более крупной жертвой и вонзил бивни в жеребца.

Смотреть на это Дмитрий не стал. Взвалив Айчака на плечи, поспешил подальше от этого места.

Крики всадников, которые все еще пытались успокоить своих юней, заставили опянуться. Слон надвигался грозовой тучей — быстро и бесшумно. Только сейчас Дмитрий почувствовал, как под его поступью вздрагивает земля... Бежать было бессмысленно. Опустив Айчака, он вскинул винтовку. Остановит ли ее легкая пуля этого зверя, если и более

крупный калибр оказался бессильным?

Слон уже был шагах в десяти. В его глазах ни любопытства, ни страха — только ярость. Громадные уши плотно прижаты, хобот свернут в клубок на груди. Сейчас он выбросит его вперед и нанесет удар... Дмитрий выстрелил в середину лба. Поспешно передернул затвор, загнал новый патрон. Но второй раз стрелять не пришлось.

Слон рухнул. По его телу прошла судорога.

Близкий удар о землю громадной туши привел Айчака в чувство. Он открыл глаза и какое-то время с изумлением рассматривал концы слоновьих бивней, оказавшихся у его лица всего лишь на расстоянии вытянутой руки. Затем вскочил и издал радостный вопль. На него сразу же откликнулись соплеменники, а на опушке загонщики пустились в пляс.

— Ты отличный стрелок, фитаурари! Ты должен первым коснуться убитого тобою слона, как хозяин добычи. Теперь сила слона перейдет к тебе. — Айчак повернулся к подъехавшим воинам: — Копайте яму. Принесем фитаурари нашу древнюю клятву верности!

Приказ был немедленно исполнен, и воины встали перед Дмитрием, воткнув копья в неглубокую яму. Старый галлас взял горсть земли и торжественно произнес:

— Именем основателя нашего рода, могучего Вака, клянемся тебе в верности! В дни войны и в дни мира!

Ты, фитаурари, спас мне жизнь и наказал убийцу наших родичей! Теперь ты наш побратим. Если мы нарушим эту клятву, да покарает нас Вака! Да оставит нас удача! И еще — объявляю всем, что винтовки московов — отличное оружие!

На этом церемония закончилась, и Айчак попросил у Дмитрия разрешения начать раздел туши слона. Прежде всего он заявил, что правая передняя нога и один из бивней принадлежат тому, кто убил слона. Однако Дмитрий сразу же поспешил отказаться от такой чести и при общем одобрении сказал, что отдает свою долю новым побратимам. Дальше распределение частей туши шло быстро и осложнения возникли только из-за короткого слоновьего хвоста, увенчанного пучком жестких волос. На этот трофей претендовал старшина загонщиков, утверждавший, что именно он первым поразил слона своим копьем. Но Айчак, чья пуля оглушила слона, сам хотел забрать хвост и использовать его в качестве опахала и мухобойки. Дмитрий вмешался в спор на правах старшего соплеменника, не дал разгореться ссоре. Хвост присудил старшине, а чтобы старый галлас не обиделся, велел принести ему из деревни жирную курицу.

Наступила ночь, и при свете костров воины и охотники начали работу. Складывали в кучи огромные куски мяса и сала, отделили хобот и бивни, выволокли пловые сердце и почки. Тут же делили часть опаленного

пудовые сердце и почки. Тут же делили чуть опасливую на костре слонятину и ели, ели, ели...

Сидя в отдалении у своего костра, Дмитрий лакомился ломтиками запеченного слоновьего языка, нежного и сочного, как телятина.

— Фитауари, как ты приказал, мясо отправили в лагерь и дозорным, — сказал подошедший Айчак. — Из-за горы пришли наши родичи. Принесли тебе подарок. На всякий случай оружие у них я отобрал.

— Давай их сюда!

Появилась группа закутанных в плащи хмурых людей, мало чем отличавшихся от галласов Айчака. Голодно раздувая ноздри, они втягивали стлавшийся от костров ароматный дым. Впереди шагал высокий одноглазый воин, грудь которого украшало двойное ожерелье «саллаба». На плече он нес свернутый трубкой ковер, из которого торчали ноги в зашнурованных ботинках.

Ковер развернули, и Дмитрий увидел лечащего на нем человека со связанными руками. Коротко стриженный брюнет, на воротнике мундира офицерские звездочки, на поясе полевая сумка из блестящей кожи. Именно она и привлекла к себе внимание в первую очередь. На золотой пластинке искусно выгравировано имя владельца — маркиз Леон Джиованни дель Кастельфранко. Внутри сумки полевая карта с пометками, пачка бумаг, среди которых отпечатанный

на машинке листок с подписью самого командующего итальянским экспедиционным корпусом генерала Оресте Баратьери.

...Да, уходить в рейд на вражескую территорию с такими бумагами весьма легкомысленно. Что же, у негуса найдутся знатоки итальянского, они разберутся...

Тем временем пленный офицер сел, стал осматриваться по сторонам.

Дмитрий только собирался приказать развязать его, как из темноты показалась толпа жителей горной деревни, решивших вручить Айчаку обещанную курицу и поблагодарить за обильное угощение. Размахивая ножами и кусками мяса, они исполняли какой-то танец, и на их натертых салом телах мерцали отблески костра.

Увидев их, маркиз тихо охнул и повалился навзничь.

— Подох от страха, — произнес одноглазый.

— Верно решил, что эти дикари его съедят, — предположил Айчак.

— Они могут, — согласился одноглазый. Он быстро раздвинул пленному ноги и достал кривой нож.

— Стой! Что ты делаешь! — заорал Дмитрий.

— В моем «саллаба» еще нет члена белого человека, — последовал спокойный ответ. — Он же мой пленник.

— Переходи на службу к негусу, — предложил Айчак. — Тогда очень скоро весь третий ряд твоего

«саллаба» будет белого цвета. Кроме того, не будешь голодать, а после войны вернешься домой со стадом коров.

— Это мой пленник, — упрямо повторил одноглазый. — Он трус и плохой вождь, не заботился о своих воинах. Обьедался каждый вечер, когда мы все голодали.

— Забудь об этом, — сказал Дмитрий. — Как обещал, даю за него заднюю ногу слона и мешок муки. А за то, что ты сегодня не смог пополнить свое «саллаба», добавляю половину хобота. Айчак, обеспечить родню мясом!

Пленного офицера развязали, в лицо плеснули воды. Увидев, что он открыл глаза, Дмитрий по-французски сказал.

— Успокойтесь, вам ничего не грозит. Я из Европы, зоолог. Охочусь в этих краях на слонов.

...В такой обстановке нет необходимости представляться и сообщать о себе точную информацию. Пусть для маркиза весь этот эпизод не будет связан с войной и политикой. Даже когда он поймет, в чем дело, это будет просто неприятным африканским приключением, о котором не стоит потом рассказывать родным и знакомым...

После всего случившегося французская речь, прозвучавшая из уст обросшего бородой и закутанного в львиную шкуру человека с кривой саблей на боку.

произвела слишком сильное впечатление.

— Хвала Мадонне! — произнес он и опять впал в забытие. Всю ночь Дмитрий не смыкал глаз. Сам сторожил пленного, не доверил никому.

У костров ели и плясали, били в барабаны. Приходил Айчак, сообщил, что все часовые на местах, а утолившая первый голод родня решила оставить службу у итальянцев. Пленный пришел в себя, выпил немного воды, но был тих и задумчив. Молился. При свете костра стало видно, что его коротко подстриженные волосы стали совсем седыми.

Утром, оставив Айчака за старшего, Дмитрий с сильным конвоем и итальянским офицером направился в ставку негуса.

22

Появление Дмитрия в ставке для большинства ее обитателей прошло незаметно. Но на определенных лиц оно произвело сильное впечатление. Итальянца с его бумагами сразу доставили в одну из стоявших в стороне палаток, окруженную тройным кольцом охраны. Дмитрия же подробно расспросили, похвалили и просили далеко не отлучаться.

После обеда к нему зашел господин Леонтьев. Поздоровался сухо, был строг и хмур. Как и положено

начальнику, отягченному заботами, недоступными для понимания подчиненных.

— Что же ты, казак, натворил? — спросил недовольно. — Сказано же было, не участвовать в военных действиях!

— Я и не участвовал. За все это время только один раз из винтовки и выстрелил.

— Вот-вот! Одной саблей работал! Как мне сообщили, со своими бандитами ты вырезал целый итальянский эскадрон. Какое было у тебя задание?

— Да никого мы не трогали, несли дальний дозор. Только одного слона и подстрелили.

— Кстати, о слоне. На допросе пленный маркиз показал, что его из рук дикарей спас какой-то французский охотник. Почему ты допустил, что иностранцы бродят вблизи расположения нашей артиллерии?

— Так этот охотник я и есть! — Дмитрий рассказал о том, как все произошло на самом деле.

Господин Леонтьев выслушал внимательно, посветлел. Потом тихо выругался:

— Ну и шельмы эти эфиопы! Конспираторы голозадые! Известно, что женщины врут по необходимости, а мужчины — до свадьбы, после охоты и круглые сутки на войне. Но мне-то зачем они показания маркиза выдали за чистую правду? Почему врет он сам — понятно. Какой же командир признается.

что собственные подчиненные выдали его неприятелю за кусок мяса.

— Может быть, эфиопы и правы — хотят представить эту историю как военную победу? Ведь отряд маркиза перестал существовать.

— А ведь ты, может быть, прав. Маркиза уже показали тем иностранным журналистам, которым позволили при ставке околачиваться. Один из них признал в нем старого знакомого, ахнул, увидев его седину, и теперь сочиняет достоверное сообщение об этой битве. На базарах только и разговоров о славной победе над итальянцами — о том, как верные негусу галласы, под предводительством какого-то турка, изрубили много сотен врагов и выложили их головы вдоль дороги.

— Разве нет других побед?

— Есть. Мелкие стычки происходят постоянно. Но на войне хорошие новости для поддержания духа своих воинов нужны всегда.

— Я слышал, что эфиопы отступают.

— Совершенно верно. Отошли к городу Адуа, а за ним лежит Аксум. Это древняя эфиопская столица со старинными монастырями и всякими святынями.

— Николай Степанович, почему негус отступает?

— Итальянцы собрали довольно сильную группировку войск, более тридцати тысяч. Не забывая,

это регулярная армия с современным вооружением. Еще в начале войны на военном совете я рассказал о том, как Кутузов отходил к Москве и выматывал силы французов. Негус и его военачальники выслушали меня очень внимательно, задали много вопросов. Какой план кампании они приняли, я не знаю, но действуют весьма осмотрительно. После первых боев итальянцы тоже стали осторожнее. Их командующий генерал Баратьери уже не похвастается, что всего лишь с двумя батальонами стрелков и одной батареей захватит негуса и в клетке привезет его в Рим. Теперь он наступает медленно, оставляет отдельные части в захваченных городах, посылает их на охрану дорог и бродов. Одним словом, распаляет свои силы.

В палатку вошел радостно улыбающийся Теодорос. Приветствовал обоих собеседников, но Дмитрию отвесил особо низкий поклон.

— Спасибо за пленного, он очень пригодился. Николай, взгляни на найденную у него карту. Что скажешь?

Тот жадно впился глазами в листок, осмотрел его со всех сторон. Спустя некоторое время произнес:

— Знаю эти места. Вот здесь делал съемку. На этой карте есть ошибки. Видимо, многое наносили со слов местных жителей.

— Отлично! — Теодорос от радости захлопал в ладони. — Наши переводчики сказали, что карта

отпечатана в армейской типографии. Значит, многие итальянские офицеры будут пользоваться ее копиями!

— Но они могут разобраться на местности и исправить ошибки.

— Теперь уже не успеют! Вчера генерал Баратьери получил из Рима секретную правительственную телеграмму. В ней в довольно резких выражениях от него требуют спасти честь короля Италии и начать решительное наступление. «Ваши мелкие стычки не война, а военная чахотка» — вот как римские власти расценивают его действия!

— Здорово у вас разведка налажена, — заметил Дмитрий.

— Стараемся. Каждый день от нас к итальянцам дезертиры бегут, рассказывают им о недовольстве наших воинов, о голоде и болезнях в лагере. Три дня назад даже один известный рас перешел на сторону итальянцев, поведал о том, что против негуса якобы готовится восстание. Такая же информация поступает и в Рим, ей там верят.

— Разве итальянцы сами не ведут разведку?

— Конечно. Их лазутчики наши постоянные гости. Следим за ними, одних вешаем, другим позволяем кое-что увидеть. Кстати, Митри, помоги мне в одном деле.

— Вы тут решайте свои дела, а мне пора на военный совет. — Господин Леонтьев решительно поднялся. — Уважаемый Теодорос, еще раз напомним —

никакого прямого участия в военных действиях!

— Не беспокойся, Николай! Ему надо будет всего лишь проехаться по улицам Адуа.

Город Адуа стоит у подножия горы Шелиода на пересечении торговых путей, что ведут от портов на Красном море к берегам Нила и в центральные районы Эфиопии. Склоны горы покрывали палатки и шатры армии негуса, а узкие и кривые улочки города были застроены лавками и складами товаров. На прилавках и лотках торговцев, в основном выходцев из соседней Аравии, чего только нет — английские ткани, венецианские ручные зеркала, железные изделия из Германии, стеклянные бусы из Чехии... Для покупателей, которым эта заморская роскошь не по карману, есть товары местного производства, а для воинов, пожелавших пополнить казенный паек, в изобилии выставлены съестные припасы, мед, пиво...

На другое утро, в сопровождении подобающего «дэджазчаму» эскорта, Теодорос медленно ехал по городским улочкам. Рядом с ним Дмитрий, в черном плаще, с лицом, прикрытым на бедуинский манер пестрым платком. У него за поясом целая коллекция пистолетов и кинжалов, а сбруя коня богатая, заметная издалека. У стремени бежит раб с опахалом — прикованный серебряной цепью к седлу негритенок, одетый в итальянский офицерский мундир со всеми

одежда, обувь и аксессуары

знаками отличия и наград.

Теодорос останавливался у лавок знакомых купцов, благосклонно отвечал на приветствия, заводил разговор. Дмитрий молчал, лишь изредка кивал в ответ на приветствия, с интересом поглядывал по сторонам. Обратил внимание на рябого чернокожего торговца дешевыми украшениями, пристроившегося со своим лотком на оживленном перекрестке. Узнал в нем того самого паломника из Мекки, который предупредил о засаде в горах. В руках торговец вертел небольшое зеркальце и как бы случайно несколько раз направил солнечный зайчик в глаза Теодоросу. Казалось, тот не обратил на это никакого внимания.

После прогулки по Адуа остались вдвоем и Теодорос сказал:

— Теперь тебя все видели. Знают, что ты турок и командир галласов. Видел тебя и начальник итальянской разведки.

— Он в городе?

— Да, мне дали знак.

— Почему ты его не арестуешь?

— Он должен все сам увидеть и сообщить своему командованию. Теперь слушай, что тебе надо сделать дальше. Айчак уже прибыл в лагерь, и после полудня ты во главе всех галласов проскачешь через город. Шумите, стреляйте в воздух. Пусть Айчак и другие кричат, что они недовольны оплатой и оставляют войско негуса.

Если по дороге немного пограбят торговцев — не мешай. Потом соберетесь у монастыря Святого Георгия и ждите дальнейших распоряжений.

Этот план был исполнен в самом лучшем виде. Галласы произвели такое впечатление, что весь город долго не мог успокоиться. Пересудам не было конца. Значит, у негуса совсем плохи дела, если одна из лучших конных частей покинула его лагерь. Мало кого успокоили срочно выставленные у городских ворот сильные караулы, которые запретили жителям покидать город. Говорили, что в Адуа торговцы прячут все ценное, а некоторые из них уже тайно бежали под покровом ночи...

Прошел еще день, и в полночь на склоне дальней горы зажглись четыре костра. Через несколько минут такой же огненный крест появился ближе, на склоне другой горы. К утру стало известно, что итальянцы тремя колоннами движутся на Адуа.

Рассвет первого марта 1896 года господин Леонтьев и Дмитрий встретили на одном из отрогов Шелиоды, с которого открывался отличный вид на окрестности. Справа крутыми уступами вздымалась серая громада Абба Гарима, а слева в утренней дымке слабо различались уходившие на восток цепи гор. Их зубчатые вершины поднимались над обрывистыми склонами, поросшими редким кустарником, над переплетением извилистых долин и холмистых плато. Местность дикая

и живописная, но трудная для наступления и весьма выгодная для обороны.

Не разводя костров и не поднимая обычного шума, эфиопские отряды в строгом порядке покидали лагерь и один за другим исчезали в ущельях, над которыми клубился предрассветный туман.

— Где во время боя будет находиться сам Менелик? — поинтересовался Дмитрий.

— Где-то в центре, — ответил Николай Степанович. — Судя по последним данным, итальянцы попытаются окружить лагерь и уничтожить эфиопское войско. Что задумал сам негус — сказать трудно, он предпочитает ни с кем не делиться своими планами. Сегодня мы все, казак, просто наблюдатели. Эфиопы все сделают сами.

Солнце выкатилось из-за горизонта. Теперь в бинокль можно было различить какое-то движение на дальних перевалах. Вереницы медленно бредущих солдат в одинаковом серо-желтом обмундировании, кучки всадников, навьюченные мулы. Все они то появлялись на горных склонах, то исчезали в лощинах. Как-то странно скапливались в одних пунктах и в весьма малом числе появлялись в других. Часть итальянских батальонов все сильнее уклонялась в южном направлении и приближалась к подножию Абба Гарима. Между ними и основными силами уже было не менее шести километров. В этом горном лабиринте

мессе шесть километров. В этом горном лабиринте такой разрыв означал потерю связи с соседями и мог стать весьма опасным.

— Да они же заблудились! — догадался Дмитрий.

— В этом нет ничего удивительного. Что еще можно ожидать от ночного марша по незнакомой местности, имея неточные карты и проводников, многие из которых являются агентами негуса. Командир южной колонны к тому же честолубивый осел. Он явно хочет первым ворваться в Адуа.

— Если бы он видел, что ожидает его за ближайшей горой, — Дмитрий указал на густые массы эфиопских воинов и изготовившиеся к стрельбе батареи, расположившиеся на обратных склонах Абба Гариме.

— Замечательный народ, эти итальянцы — талантливые, трудолюбивые, — философски заметил Николай Степанович. — Какие строители, художники, музыканты! А вот вояки... жалко!

— Да. Сейчас их начнут истреблять батальон за батальоном.

Тем временем совсем рассвело. Прогремели первые выстрелы, и солдаты пошли в атаку. В воздухе лопались разрывы шрапнели, и передовые отряды эфиопских воинов были уничтожены. Казалось, еще несколько залпов и вся армия негуса дрогнет. Но тут ответный огонь открыла эфиопская артиллерия. Первые разрывы ее снарядов не были точными, но каждый из них воины

приветствовали восторженными криками.

Теперь они сами ринулись на врага, ведя непрерывный винтовочный огонь. Их первые атаки были отбиты, но подходили новые отряды. Они появлялись на флангах и в тылу итальянцев, которые теперь перешли к обороне. Итальянские батареи стреляли непрерывно, и только их картечные залпы не давали эфиопским воинам приблизиться для решительного броска.

— Сейчас у итальянцев закончатся снаряды, — сказал Дмитрий.

— Почему так думаешь?

— По уставу на каждое орудие у них положено иметь семьдесят четыре снаряда в зарядных ящиках и столько же в передовом обозе. Судя по количеству мулов, которых они привели с собой, на позицию доставлено гораздо меньше положенного.

— Их обоз теперь далеко за горами, позади главных сил.

— Там тоже начался бой.

В бинокль хорошо было видно, как эфиопы окружают разбросанные по горным склонам остальные итальянские части. В центре и на левом фланге все громче звучала стрельба.

Но на Абба Гарима итальянская артиллерия замолчала. Еще какое-то время раздавался треск винтовочных выстрелов, а затем все заглох.

К заходу солнца итальянский экспедиционный корпус в Африке перестал существовать.

Разгром был полным. Только убитыми итальянцы потеряли свыше одиннадцати тысяч человек, среди них двух генералов и двести пятьдесят офицеров. В руках эфиопов оказалась вся артиллерия, многочисленные обозы и склады с военным имуществом и боеприпасами. Потери эфиопов были значительно меньшими, но обширный район, на котором произошло сражение, представлял страшную картину. Оставшиеся в живых хоронили тела павших и спешили уйти с места побоища. По ночам на могилах пиروvalo зверье, а днем стервятники с голыми синими головами и змеиными шеями шумно ссорились из-за добычи. Обнаглевшие от сытости гиены подходили к самой дороге, с интересом наблюдали за бесконечными колоннами раненых.

А число раненых было огромным. Несколько миссионеров, срочно прибывших из столицы, и семеро пленных итальянских врачей работали круглые сутки, но не могли обеспечить необходимую помощь. Местные целители, имевшие опыт лечения ран, нанесенных

копьями и саблями, мало чем могли помочь в обработке огнестрельных ранений.

Военные действия временно как бы приостановились. Остатки итальянских войск укрылись в фортах на побережье. Их командование составляло оправдательные депеши и молило о новых батальонах и батареях. В Риме не хотели расстаться с колонией на Красном море, содержание которой обернулось такими потерями, но также не спешили посылать крупные силы. Эфиопы праздновали победу, радовались щедрым наградам и расходились по домам, но в ставке негуса хорошо понимали, что для окончательного разгрома итальянцев требуются новое войско, деньги, оружие. Казна и склады уже были в значительной степени опустошены, и еще одной чрезвычайной мобилизации страна могла не выдержать. Тем более что на западе, в долине Нила, оставался старый враг — махдистское государство, которое вот уже семнадцать лет безуспешно пыталась разгромить английская колониальная армия. И в Риме, и в Аддис-Абебе все чаще звучали осторожные слова о том, что продолжение войны не приведет ни к чему хорошему, что пора начинать мирные переговоры.

На долю Дмитрия опять выпала срочная работа. На следующий день после битвы его вызвали в ставку. Теодорос сидел на походной кровати, на голове повязка, правая нога забинтована, вытянута неподвижно. Сказал устало:

— Не надо поздравлений с победой, Митри. Со мной все в порядке, пули только задели, кости целы. Сейчас бери людей из личной стражи негуса и немедленно скачите по восточной дороге. Там наши разведчики укажут на итальянские полевые склады. Обеспечь их охрану и вывоз в безопасное место. Как сказал негус, это имущество досталось нам дорогой ценой и может еще пригодиться.

Все последующие дни пришлось заниматься этим делом. Поэтому, когда в палатку вошел сияющий господин Леонтьев, Дмитрий, в окружении переводчиков и писарей, сидел над кучей бумаг.

— Здорово, казак! Вижу, ты настоящим чиновником стал!

— Сверяем списки — на сапоги, ящики мыла, походные палатки, муку, оружейное масло... Казначей негуса, старик дотошный, требует все указать в подробности — где что имеется, сколько, в каком состоянии. Потом все проверяет лично, ставит свою печать. От всех этих бумаг у меня голова пухнет. Нудная работенка!

— Но полезная! Вон немцы, когда под Седаном расколотили армию Наполеона III, объявили денежную награду за каждый трофей. Так французские крестьяне натащили им кучу винтовок. Сейчас, двадцать пять лет спустя, Германия это оружие достает со складов и не без выгоды поставляет туркам и всяким

латиноамериканцам. Ну да я к тебе не за этим пришел! За свою службу готовься из рук Менелика получить высшую эфиопскую награду — орден «Печать царя Соломона»! А мне его величество кроме этого ордена жалует еще и свою именную медаль!

— От всей души поздравляю, Николай Степанович!

— Теперь у меня будет четырнадцать наград! — Господин Леонтьев не мог скрыть восторга. Уже приходилось видеть, что вопросы, касающиеся наград и чинов, волнуют его в высшей степени. Он часами рассуждал о степени ценности той или иной награды, о том, в каком порядке следует размещать на мундире российские и иностранные ордена. Мог точно указать, где, например, следовало поместить звезду султана Таджуры или персидский орден Льва и Солнца.

— Так что теперь не стыдно будет встретить прибывающих земляков! — добавил он.

— Каких земляков? Ничего не слышал об этом!

— Ну, казак, ты действительно утонул в своих бумагах! Ладно, сообщаю тебе первому — Россия решила оказать помощь эфиопским раненым. Для этой цели ассигновано сто тысяч рублей и Российское общество Красного Креста посылает сюда санитарный отряд под командованием генерал-майора Шведова! Лучшие полковые врачи и фельдшеры развернут в Аддис-Абебе госпиталь с хирургическим и

терапевтическим отделениями, амбулаторией и всем, что полагается. Для различных поручений к санитарному отряду приставлен офицер лейб-гвардии Гусарского полка Булатович.

— Видел его в Питере.

— Так что готовься, казак, к встрече с россиянами!

Встречи с земляками, однако, не получилось.

В ставке негуса пришлось провести еще не одну неделю. После того как более или менее разобрались с трофеями, пленными, отправили по домам большую часть войска, дошла очередь и до вручения наград шабным чинам. Вручал их сам Менелик в довольно торжественной обстановке, хотя и без лишних свидетелей, которым не полагалось знать об обязанностях и заботах тех, кто получал награды.

На церемонию приковылял, опираясь на палочку, и Теодорос. Потом вдвоем пили трофейный коньяк и Дмитрий узнал, что кроме ордена стал обладателем обширного поместья под Аддис-Абебой, а при нем плантации кофе, бананов и каких-то экзотических растений. Еще прозвучали слова о том, что по берегам Аббая и Нечаббая, как в Эфиопии называли Голубой и Белый Нил, лежат богатейшие земли, которые в старину принадлежали предкам негуса. В тех краях отлично произрастают пшеница и хлопок, а в ручьях столько золотого песка, что местные рыбаки делают грузила для своих сетей из чистого золота.

В ответ Дмитрий, у которого уже начало шуметь в голове, сообщил, что на его родном Дону водится рыба сазан. Широко развел руки и показал ее солидный размер. Так у этой рыбы вся чешуя золотая! По особому указу российского императора самые доверенные слуги этих сазанов ловят и вялят на солнце, а потом хранят за семью замками. Следят, чтобы ни одна драгоценная чешуйка не пропала. И только по большим праздникам император жалует своих храбрейших воинов этой золотой наградой! На том застольную беседу и закончили. Только на другой день опять зашла речь о землях на берегах Аббая и Нечаббая.

В ставку негуса прибыла специальная британская миссия. Посол, высокий сухощавый мужчина средних лет, с неизменной улыбкой на тонких губах, расточал комплименты и поздравления по случаю славной победы доблестных эфиопских воинов. Намекнул, что его правительство не поддерживает политику Италии в Африке и готово содействовать заключению справедливого мира с Эфиопией. В свою очередь сообщил об успехах британских войск в боях с махдистами. Ласково посматривая из-под седых бровей, говорил о возможном союзе Великобритании и Эфиопии, предложил проект договора о торговле. Как бы между прочим упомянул, что долина Белого Нила и Голубого Нила является зоной британских интересов. В ответ негус сообщил о желании дружить с

Великобританией, но напомнил, что еще в далеком прошлом ряд племен Нильской долины признавали власть эфиопских правителей. Спокойно заметил, что вопрос об окончательном установлении западной границы его державы следует считать открытым.

Пока продолжался парадный обед, в соседней палатке секретари изучали английский текст проекта договора. Проверяли каждую букву, помня про недавний обман итальянцев, указавших в тексте своего варианта договора с Эфиопией, что вся политика негуса должна проводиться в соответствии с указаниями из Рима. Пригласили и Дмитрия как доверенного человека, знающего английский язык.

После окончания работы Теодорос завел прежний разговор с Дмитрием.

— Земли по берегам Аббая — лакомый кусочек, и англичане торопятся, хотят прибрать их себе, — объяснил он. — Только теперь, после победы над итальянцами, с Эфиопией нельзя не считаться. В Аддис-Абебу один за другим прибывают иностранные дипломаты и предприниматели, делают интересные предложения, обещают кредиты. Все они предупреждают, что у Лондона возникли серьезные проблемы в Южной Африке. Там не дикие племена, а государства буров — потомков европейских переселенцев, хорошо вооруженных и признанных

мировыми державами, готовятся начать большую войну с англичанами. Еще говорят, что большая французская военная экспедиция движется в долину Нила с запада, от берегов Атлантического океана.

— Что же решил негус?

— Он не хочет сидеть сложа руки. Иначе Эфиопия так и останется небольшим горным государством в окружении сильных соседей. Скажу тебе по секрету, что в западные и южные пограничные районы решено направить три крупных отряда под командованием наших лучших военачальников. Там они встанут гарнизонами и поднимут наши флаги, чтобы больше не было никаких разговоров о ничейной земле и спорных территориях. Негус верит, все настоящие друзья помогут Эфиопии в этом походе.

...Что же, намек довольно прозрачный. Эфиопов можно понять. Но, не зная мнения российского руководства, обсуждать эту тему, а тем более обещать что-либо не стоит. Помнится, еще в Александрии Григорий Павлович говорил, что иной дипломат, много лет проработавший в чужой стране, невольно так сильно вживается в окружающую обстановку, что в значительной степени начинает жить только ее интересами. В результате он не всегда оказывается в курсе последних политических веяний в столице собственного государства. Поэтому-то дипломату и надлежит быть осторожным в словах и поступках, уметь

выжидать и дать неопределенный ответ.

Что сейчас ответить Теодоросу? Каждая страна имеет право наводить порядок в своих приграничных районах. В душе Дмитрий выругал себя за то, что не может высказаться откровенно. Вежливо улыбнулся:

— Разумеется нельзя не поддержать справедливые требования Эфиопии.

Вечером к Дмитрию зашел господин Леонтьев. Против своего обыкновения командирской бодростью не блистал, серые глаза смотрели устало. Поздоровался негромко и вежливо. Обращение на «вы» было непривычным, настораживало.

— Хочу поговорить с вами, Дмитрий Михайлович. Скоро нам придется расстаться.

— Да я уже слышал, что Петрович и все наши, кто еще оставался здесь, возвращаются в Россию.

— Мне опять придется ехать в Санкт-Петербург. В Зимнем дворце и в штабе предстоит дать отчет о последних событиях в Эфиопии. Лично о вас, Дмитрий Михайлович, повторю свои предыдущие отзывы как о человеке знающем, решительном, дисциплинированном. Нести службу с вами было одно удовольствие. Эфиопы тоже дают о вас самые лучшие отзывы.

Такого разговора от начальника Дмитрий еще не слышал. Опять что-то замышляется. Но спросил с самым невинным видом:

— Думаю, и мне пора собираться домой. Говорят, в

АддисАбебу скоро прибывает российское посольство.

— Верно, наша научно-духовная экспедиция закончила свою работу и в Эфиопию прибывает российская императорская миссия во главе с посланником, действительным статским советником Петром Михайловичем Власовым. С ним едут дипломаты, офицеры Кавалергардского, Измайловского и других гвардейских полков, слуги, казачий конвой. К миссии прикомандирован и полковник Генерального штаба Артамонов. Так что скоро работа здесь закипит, докладам, служебным запискам, всяким входящим и исходящим не будет конца.

— Так это же обычная посольская работа.

— Возможно, только она не для меня. Негус это хорошо понимает и предложил мне пост губернатора своей Экваториальной провинции. Чтобы у местных вождей не возникло вопросов, дает мне звание даджазмач, а представителям европейских держав сообщает, что кроме этого генеральского чина я еще получаю титул граф Аббай!

— Иными словами — граф Нильский?

— Да. Таким образом негус еще раз заявил о претензиях Эфиопии на нильские берега. После возвращения из СанктПетербурга мне предстоит заняться вопросами административного устройства этой провинции, развитием ее экономики. Некоторые французские и бельгийские компании уже выразили

французские и бельгийские компании уже выразили готовность принять участие в этом деле.

— Зачем, Николай Степанович, вы все это говорите? Меня как-то не тянет заниматься хозяйством в здешних краях.

— Напрасно. У вас есть деловая хватка и знание страны. В Африке можно делать хорошие деньги. Вы, Дмитрий Михайлович, это позднее поймете. — Господин Леонтьев помолчал, а потом произнес: — Негус хочет отправить вас своим послан.

— Куда?

— На запад. За Белый Нил, или Нечаббай. Подробнее он сам расскажет. Очень просил получить ваше согласие, потому что считает вас, Дмитрий Михайлович, самым подходящим для такого посольства человеком. Настоящим другом Эфиопии.

— Как на все это посмотрят в Питере? Наши начальники таких самостоятельных поступков не любят. В лучшем случае сочтут это авантюрой.

— Дмитрий Михайлович, для тех, кто сидит в столичных канцеляриях, мы уже давным-давно стали авантюристами, потому что не можем оправдать все наши действия точными ссылками на инструкции и предписания. Они терпят нас только из-за того, что мы не нарушили основного предписания Министерства иностранных дел. В нем сказано, что следует сочувственно относиться к действиям негуса,

направленным на усиление его власти, и по мере сил поддерживать его стремление к союзу с Россией.

— Ну уж в этом-то деле мы постарались.

— Правильно. Кому как не нам развивать успех? Когда Петя Власов прибудет в Аддис-Абебу, я все ему растолкую. Он же мой старый знакомый, был генеральным консулом в Персии и помогал мне добраться до Индии через афганские перевалы. Когда буду в Зимнем дворце, объясню вашу поездку на запад не только необходимостью помочь негусу, но и возможностью собрать информацию о центральных районах Африки. Из наших там еще никто не бывал, а район богатейший. Не зря негус проявляет к нему такой интерес.

— Неожиданно все это. Надо подумать.

— Медлить нельзя. Негус хочет максимально использовать результаты победы над итальянцами. Вам тоже не стоит тянуть время — прибудут столичные чиновники, именитые и родовитые, полные энергии и честолюбия. Всем нам, первым полуофициальным представителям, придется отойти в тень. Быстро будет доказано, что многое мы делали неверно, а все остальное просто забудется. Вам очень хочется опять вернуться в полковую казарму? Или желаете служить где-нибудь в губернской канцелярии?

— Да уж этого не миновать.

— Тогда зачем сейчас упускать свой шанс? Махнете

за Белый Нил, выполните поручение негуса, а потом вернетесь в Аддис-Абебу. С вашим опытом и способностями такая прогулка не составит особого труда. Негус же за наградой не постоит, уж титул-то графа Нечаббая вам обеспечен. Домой вернетесь в ранге посла императора Менелика Второго. Устроитесь если не на казенной службе, то по торговой части. Сегодня российские деловые люди проявляют больше внимания к восточным рынкам. В столичном Географическом обществе сделаете доклад, напишете книгу путевых заметок. Какое чудесное название ей можно будет дать — «Секретная миссия к озеру Чад»!

— Секретная?

— Негус сказал, что подробности сообщит лично. Думай, казак, и решай.

— Хорошо.

24

«Кто раз напьется воды из Нила, снова к нему вернется». Эту арабскую пословицу Дмитрий вспомнил в тот момент, когда флотилия обогнула мыс и вышла на просторы Белого Нила. Великая река казалась огромным озером, через которое протянулась цепь островов, поросших тростником и кустарниками. На далеких берегах виднелись пальмовые рощи, а на южной части

горизонта синели далекие горы.

Раздалась громкая команда кормчего, на корме закрипел руль, и барка медленно свернула в главное русло реки. С ее борта хорошо было видно, как светлые струи Собата смешивались с зеленовато-мутной водой Белого Нила, который арабы называют Бахр-эль-Абьяд, а эфиопы Нечаббай. На севере, у Хартума, он сольется с водами Голубого Нила, а затем будет прорываться через пески Сахары к берегам Средиземного моря.

...Вот бы написать письмо Василию Ильичу, запечатать его в бутылку и бросить в нильские волны. Сообщить, что жив и здоров. Глядишь, оно и доплывет до самого Каира... К сожалению, сейчас сделать это никак нельзя.

Южный вариант пути на запад, по рекам Собат и Белый Нил, пришлось избрать из-за неопределенной обстановки на севере. Многочисленные беженцы и тайные агенты негуса, неоднократно посещавшие Хартум, в один голос утверждали, что сейчас в этом районе идут ожесточенные сражения между англичанами и махдистами. Города и селения сожжены и разграблены, противники дошли до крайнего ожесточения и уничтожают на своем пути все живое. Уточнять эту информацию уже не было времени — приближался большой сезон дождей, когда многие места в Нильской долине превращаются в непролазные болота. На это время движение торговых караванов

прекращается, а местные жители перебираются со своим скотом и скарбом на возвышенные места, куда не доходят воды разлившегося Нила.

Так или иначе, но негус очень торопился с отправкой своего посольства.

В тот день, после беседы с господином Леонтьевым, Теодорос вновь встретился с Дмитрием. Сказал, что будет очень важный разговор, и просил следовать за собой.

По тропинке, мимо молчаливых дозорных, поднялись к развалинам горного монастыря. Расположились в низкой келье размером не больше купе поезда. Вдоль стен две узкие скамейки и столик у небольшого окна в виде креста. Все каменное, высечено прямо в скале. На стенах кельи следы копоти от светильника и поблекшие от времени лики святых. Почти такие же, какие приходилось видеть в церквях Аддис-Абебы. Еще вспомнилось, как Тоня объясняла смысл эфиопских икон.

— Говорят, ты из столицы получил письмо? Как там домашние?

— Спасибо, у них все хорошо, — ответил Теодорос. Словно угадав мысли спутника, добавил: — Тобья вышла замуж за одного из наших расов. Ему в бою оторвало руку, так что воевать больше не придется. Не нравится женщинам, когда мы этим делом слишком часто занимаемся.

— Разве нам нравится? Но приходится этим заниматься.

— Да. Чаще всего не по своей воле.

Продолжить разговор не удалось. У входа раздалися шаги, и в келью вошел негус. Был он в неприметном сером плаще и опирался на посох, словно простой пастух. Сегодня его голова не была повязана традиционным платком и можно было видеть, как сильно поседел он за последнее время.

Эфиопский монарх приветливо кивнул обоим, сделал знак, чтобы сидели. Внимательно посмотрел на Дмитрия, помолчал. Потом что-то негромко произнес и вновь глянул в глаза. Да так, как будто хотел заглянуть в самую душу.

— Негус обращается к тебе, Митрий, с большой просьбой, — перевел Теодорос. — Надо доставить секретное послание эмиру Борну Раббеху ибн Файдулла. Слышал о нем?

— Нет. Что такое Борну? Племя? Город?

— Как мало в Европе знают о наших делах, — вздохнул Теодорос. — Борну — это древнее и богатое государство, которое занимает обширную территорию на берегах озера Чад.

Далее Дмитрий услышал краткую историю Раббеха. Узнал, что этот африканский правитель не может похвастаться знатным происхождением, но обладает

энергией, умом и государственными способностями. Он родился недалеко от Хартума в семье простого ремесленника. В молодости завербовался в египетскую армию, а затем перешел на службу к одному из торговцев, которые снаряжали караваны в южные районы Судана, богатые слоновой костью и золотом. У вождей местных племен закупали, а где и просто захватывали рабов.

Вскоре Раббех стал самостоятельным хозяином, набрал свой отряд базингеров, вооруженных ружьями чернокожих солдат. Начал вести дела с арабскими торговцами и египетскими чиновниками, познакомился с англичанами. Когда в Судане победили махдисты и изгнали из страны всех иностранцев, он отказался подчиниться новой власти и со своими людьми ушел на запад. Там на просторах саванны одного за другим покорил всех местных царьков, носивших громкие титулы султанов и халифов, разгромил многочисленное войско Борну и провозгласил себя эмиром этой страны. Но проявил благоразумие и сохранил власть за большинством этих правителей, только обязал их отдавать половину доходов в свою казну.

Теперь государство эмира Раббеа простирается от озера Чад до Нильской долины. Его люди торгуют с Британской королевской компанией Нигера, с греческими и турецкими купцами из средиземноморских городов. Бельгийский король Леопольд, колониальным

владением которого недавно стал весь бассейн реки Конго, шлет ему приветственные послания. Бельгийские представители доставили в столицу Борну королевское знамя как символ дружбы и союза. Сторонники махди неоднократно пытались заставить Раббеха подчиниться, но каждый раз получали отпор. Более того, его отряды перешли в наступление и захватили их земли, на которых расположены богатые медные рудники, а несколько тысяч махдистских воинов перешли на сторону Раббеха. Все это происходило в то время, когда главные силы махдистов вторглись в Эфиопию, так что помощь негусу с запада оказалась весьма кстати.

— Сейчас эмиру Раббеху немногим более пятидесяти, — закончил Теодорос. — Это опытный политик и талантливый военачальник. Он верный союзник негуса. Связь с ним особенно важна сейчас, когда не ясен исход борьбы англичан и махдистов, а наша страна затратила так много сил на войну с итальянцами.

— Почему Эфиопия не заключит окончательный мир со сторонниками махди? Ведь в одиночку каждая страна не сможет отстоять свою независимость. Рано или поздно европейские государства одержат верх.

Негус внимательно выслушал вопрос, согласно кивнул. На его губах мелькнула довольная улыбка.

Теодорос перевел его слова:

— Негус сказал, что не ошибся в своем выборе. Ты

умеешь думать и задаешь серьезные вопросы. Да, победа европейцев возможна. Но мы должны сражаться, иначе наши внуки будут плевать на наши могилы. Победа европейцев будет временной. Африка не подходит для жизни белого человеками, и на большинстве ее земель белые женщины не смогут выращивать своих детей. Нас всегда будет больше, и мы умеем учиться. Для нас Китай и Япония пример того, как надо перенимать европейский опыт в технике и науке и при этом сохранить независимость. Тем более что европейцы ненавидят друг друга. Так что рано или поздно, но хозяевами на своей земле будем мы сами...

Такого откровенного ответа Дмитрий не ожидал. Хотел было возразить, что большинство европейцев и не собирается переселяться в Африку, работы им хватает и у себя дома. Но Теодорос сделал знак и продолжал:

— Что касается сторонников махди, то с их первым вождем, Мохаммедом Ахмедом, у нас начали складываться деловые отношения. К сожалению, он скончался вскоре после своих побед, а его преемники не сумели управлять государством, высокими налогами совсем разорили народ. Люди продавали детей в рабство, чтобы спасти их от голодной смерти. Фанатики-махдисты требуют от всех людей беспрекословного исполнения положений Корана. Но любая религия, в том числе и ислам, провозглашают

мир, согласие, терпимость. Ее положения нельзя буквально использовать для ведения государственных дел. В Библии хорошо сказано — «Богу — Богово, кесарю — кесарево».

Под сводами кельи опять зазвучал негромкий голос негуса. Словно эхо ему вторил Теодорос:

— Ты, Митрий, умен и смел, умеешь ладить с людьми другой веры и другого цвета кожи. Негус был поражен, когда ты показал его воинам свое умение фехтовать и стрелять с двух рук. Эмиру Раббеху уже известно о нашей победе над итальянцами и о помощи России. Чтобы укрепить свою пятидесятитысячную армию, он просил прислать надежного военного советника. Такого, например, как бей Сулейман.

— Кто это?

— За этим именем скрывается австрийский офицер Александр Ингер, выпускник военной академии в Вене. Сейчас он начальник штаба махдистской армии и очень помогает в ее организации и обучении. Наши агенты сообщили, что именно он планировал все операции против Эфиопии.

— Негус хочет, чтобы я инспектировал армию эмира Раббеха?

— Совершенно верно. Он говорит, что тебе не о чем беспокоиться. Он сам напишет российскому императору о твоей секретной миссии, о той неоценимой помощи, которую ты окажешь Эфиопии.

После завершения твоей миссии мы поможем тебе вернуться домой и благодарность негуса будет очень щедрой.

...Что верно, то верно — беспокоиться не о чем. Да, в государственных делах не шутят. Во время этого разговора в келье заброшенного монастыря узнал столько секретов, что за одно неосторожное слово можно здесь остаться навсегда. Гордиться тем, что выбор пал именно на тебя, будешь казак потом... Если останешься жив. А пока знай, что до Бога высоко, до царя далеко, рассчитывать можешь только на свои собственные силы.

Тогда, помнится, и задал последний вопрос, как я найду дорогу к этому Раббеху?

— Твоим проводником будет Альхаджи Хасан Инува. Вы уже виделись. Он из племени хауса, родом из тех мест и не раз встречался с эмиром.

Сейчас Хасан сидел рядом на циновке, в тени натянутого над палубой тента. На толстощеком рябом лице хитрая улыбка — в который раз уже описывал Дмитрию святыни Мекки и Медины. Со всеми подробностями рассказывал про обычаи паломников, имевших счастье вознести молитвы в этих благословенных городах, где ступала нога пророка Мухаммеда. Каждый раз заставлял повторять услышанное.

Хозяин судна, худощавый, длинноносый Максуд-

ага, и его чернокожие матросы почтительно держались в стороне, не смея вмешаться в негромкую беседу паломников. Скромная одежда, ревностные молитвы, возносимые пять раз в день, и охранные заклинания, написанные на крохотных листках бумаги и бесплатно врученные всем желающим, несомненно доказывали святость этих двоих пассажиров. И даже у самых любопытных не возникало желания поближе ознакомиться с содержанием их потертых дорожных мешков или осмотреть длинные посохи. Тем более что на этих посохах из прочного горного дуба ясно можно было различить глубокие царапины, оставленные когтями шайтана, напавшего на паломников в пустыне. Тогда сила молитвы спасла святых людей, но для простых смертных трогать предметы, к которым прикасалась нечистая сила, было весьма опасно.

Интерес посторонних к посохам был опасен и для самих паломников. Тем более что при внимательном изучении можно было найти в их рукоятках выдолбленные и искусно заделанные отверстия. А о содержании скрытых там посланий Менелика Второго эмиру Раббеху не знали ни Хасан, ни сам Дмитрий, которого теперь все величали Альхаджи Муса.

К торговому каравану Максуда-аги они присоединились еще на эфиопской границе. Хозяин не возражал против попутчиков и даже согласился принять их на свое полное обеспечение. Сам он направлялся к

на на свое полное обеспечение. Сам он направился к берегам Нила с партией товара, закупленного в морском порту Джибути. Хотя среди тюков индийского ситца и французской галантереи Дмитрию бросились в глаза ящики с итальянским мылом, на которых еще стояла сделанная им самим маркировка. Ясно, что это часть тех трофеев, которые были описаны и перекочевали с захваченных итальянских складов в кладовые негуса. Как они оказались у купца, лучше было не узнавать, тем более что пограничные власти отнеслись к нему с большим вниманием и даже дали для сопровождения несколько воинов, вооруженных не мушкетами, а российскими винтовками.

Дорога на запад была тяжелой. Опять люди и мулы с поклажей карабкались по узким тропинкам на крутых склонах, дрожали под порывами холодного ветра, пробирались через заросли и вязли в болотах в жарких горных долинах. Только теперь жара становилась все сильнее — караван медленно спускался с Эфиопского нагорья к долине Нила и его притоков. Наконец с одного из перевалов открылся вид на уходившую до самого горизонта буро-желтую равнину, с рощами раскидистых деревьев, блестящими лентами рек, обрамленных темными полосами прибрежных кустов. И над всем этим ослепительное солнце и бледное раскаленное небо.

На берегу одной из речек караван поджидали местные жители с удивительно черной кожей, такой,

что даже отливала синевой. Правда, их одяние, состоявшее из пучков ярко-зеленых листьев и алых бус, выглядело на таком фоне весьма эффектно. Максуд-ага приветствовал их как старых знакомых, раздал подарки, а затем распрощался со своими караванщиками и продолжил путь.

Теперь нужно было неподвижно сидеть в узкой выдолбленной из целого древесного ствола пироге и наблюдать за работой гребцов, проворно махавших веслами в такт какой-то своей бесконечной песне. Под ее аккомпанемент лихо, словно на санках с горы, перескакивали через белопенные пороги. В такие моменты захватывало дух, но само плавание доставляло удовольствие.

В первые дни радовали глаз бесчисленные оттенки зелени, красная земля береговых обрывов, причудливо обкатанные водой желтые и белые камни, яркие цветы, радужное оперение птиц, пестрые рыбы. Тенистые протоки сменялись зарослями тростника и широкими песчаными отмелями, на юторых нежились на солнце крокодилы. В прибрежном мелководье плескались бегемоты и слоны, а из кустарника выходили на водопой стада буйволов, зебр и антилоп. Порой над пышными метелками тростников поднимались большеглазые головы жирафов. В изысканном поклоне склоняли пятнистые шеи, как бы приветствуя проплывающих мимо людей.

Только вскоре все это повторяющееся за каждым поворотом реки буйство красок, великолепие растительного и животного мира перестало волновать. Все стало казаться привычным и однообразным. Суровой реальностью остались только беспощадно палящее солнце и бесчисленные насекомые, чьи укусы не давали покоя ни днем ни ночью.

Встречались рыбаки, плававшие на странных, связанных из пучков тростника остроносых лодках. Стоя на коленях, они внимательно всматривались в воду и ловко били рыб копиями. На одной из проток Максуд-ага всего лишь за связку бус сторговал у них громадного нильского окуня, не уступавшего своим размером и весом взрослому мужчине. Рыбину эту ели два дня, и Дмитрию она показалась не хуже осетрины. Довелось встретить и местных старателей, промывавших на круглых деревянных подносах песок и глину с прибрежных отмелей. Эти знали цену собранным золотым крупинкам, от бус и ситца отказались наотрез. Но не устояли, когда купец выложил перед ними пачки листового табака.

Все чаще встречались прибрежные деревни. Их крытые соломой дома с крупными дверными отверстиями были установлены на высоких сваях, так что жителям не грозил самый высокий паводок. В одной из таких деревень пришлось задержаться на два дня из-за того, что охотники вынесли на пролажу шкуру

довольно крупной обезьяны с густым шелковистым мехом. Выглядела она замечательно — вся шкура черная, а хвост и бока белые, словно украшенные длинной бахромой. Увидев такое великолепие, Максуд-ага задрожал от восхищения, что не укрылось от глаз охотников. Упорный торг продолжался день и две ночи. Его результаты обе стороны хранили в тайне, но позднее купец признался, что совершил очень выгодную сделку. На обратном пути он заберет не менее сотни заготовленных обезьяньих шкур. Объяснил, что в Джибути французские торговцы такой товар оторвут с руками — сейчас в Париже у богатых дам этот черно-белый мех пользуется бешеным успехом!

Наконец пироги достигли русла Собата, где их поджидала собственная барка Максуда-аги. Весьма вместительное плоскодонное судно, сколоченное массивными железными гвоздями из толстых досок. Вскоре к ней присоединилось несколько барок и пироги других торговцев и вся флотилия продолжила путь вниз по реке.

Случалось, что образованные растениями плавучие острова, не хуже льдин в ледоход, преграждали путь судам. Их обходили, распахивали веслами, рубили корни и стебли, которые сплелись в плотный ковер. Но в одной из протоков все суда застряли в этом плавучем болоте. Купцы ворчали на задержку в пути, а молодые

греоцы нашли развлечение. прыгая с кочки на кочку, с островка на островок, перебирались с одной барки на другую, навещали родных и знакомых. Если кто и проваливался в воду, то быстро выбирался под смех и шутки товарищей. Веселье продолжалось до тех пор, пока один из парней с истошным криком не забился у самого борта барки. Незаметно подплывший крокодил отхватил ему ногу по самое колено.

Ночью эти твари совсем обнаглели и красные огоньки их глаз светились совсем близко. Теперь люди боялись даже зачерпнуть воды из реки. До утра на судах жгли факелы, стучали в котлы и барабаны. Купцы время от времени стреляли в темноту из ружей. Лишь к утру течение протолкнуло травяной завал и удалось выбраться из ловушки.

Все вздохнули с облегчением, когда суда добрались до Белого Нила. Теперь до Хартума, конечного пункта пути, оставалось плыть не больше недели. Течение великой реки само понесет их и больше не будет никаких забот.

С головной барки раздался тревожный крик. Ему ответил скорбный стон всего каравана — «они пришли!».

Поперек реки стоял на якоре пароходик с пушкой на носу, а над берегом поднятый на высоком шесте развевался трехцветный французский флаг.

— Откуда здесь появились французы? — удивился Дмитрий.

— В Джибути торговцы говорили, что французская военная экспедиция намерена пробраться на Нил с запада, — ответил Максуд-ага. — Только разговор этот был больше года назад. Все давно решили, что французы пропали в джунглях и болотах.

— Негус знает об этой экспедиции?

Но купец не ответил. Только как-то странно взглянул на Дмитрия и чуть заметно усмехнулся.

— На Нил пришли новые хозяева, сила на их стороне. Эх, хотел остановиться в Фашюде, поторговать на тамошнем базаре, расспросить о делах в Хартуме. Теперь придется терять время в этом захолустье. Эй, рулевой! Причаливай!

Местечко и верно выглядело неказисто. У стен развалившейся крепости, неизвестно кем и когда построенной, сгрудилось несколько глинобитных домов и соломенных хижин. Но зато собравшиеся на берегу жители представляли весьма живописную картину.

Только немногие из них красовались в длинных холщовых одеяниях, купленных у арабских и египетских торговцев. Все остальные обходились минимумом одежды, но при этом демонстрировали богатую

фантазию и своеобразную элегантность. В глазах рябило от разноцветных перьев, пятнистых и полосатых накидок из звериных шкур, блестящих бус и причудливых металлических браслетов. Одни щеголяли пышными шевелюрами, утыканными гребнями и длинными булавами, другие сверкали гладко выбритыми головами, третьи имели сложные прически, сооруженные с помощью красной глины и воска. Среди собравшихся на берегу можно было увидеть людей с самыми различными оттенками темной кожи — от иссиня-черной и пепельно-серой до почти желтой, светло-коричневой, шоколадной, цвета старой бронзы. Многие натерли свои тела жиром, черной и красной краской нанесли на них причудливые узоры.

Вообще население этого африканского местечка проявляло заботу о своей внешности с неменьшим старанием, чем обитатели любой европейской столицы.

Все собравшиеся с любопытством смотрели на суда флотилии, что-то приветливо кричали, размахивали руками. Самые сообразительные уже тащили на берег клетки с курами и гроздь бананов.

Вдруг все крики смолкли и люди расступились. На берег вышел коротенький человек с малиновым лицом и грозно закрученными черными усами. Одет он был в узкий синий мундир с множеством нашивок и медных пуговиц. На голове кепи с золотым галуном, на груди огнем горят медали и какие-то значки. За ним следовало

несколько смуглолицых солдат в весьма потертой форме, но с винтовками в руках. Матовый блеск вороненых стволов свидетельствовал о том, что уход за оружием они ведут согласно всем требованиям устава.

Чуть ниже по течению Дмитрий заметил и вторую канонерку. Она была вытащена на берег, и около нее возились солдаты с пилами и топорами в руках. Немного в стороне увидел и навес над шпателями ящиков. Наметанным глазом определил — в них патроны и консервы. Запас солидный. Значит, оказались на тыловой базе французского экспедиционного отряда, который вышел с побережья Атлантического океана и пересек Африку с запада на восток. Где же основные силы? Каков их состав?

Долго раздумывать над этим не пришлось.

— Кто такие? Куда направляетесь?! — этот краснолицый коротышка обладал весьма зычным басом. — Объявляю, что вы находитесь на территории протектората Центральная Французская Африка! Центр данной области город Фашода занят отрядом под командованием капитана Жана Батиста Маршана. Комендантом этого пункта являюсь я — сержант отдельной экспедиционной бригады Пьер Жюве. Приказываю — с каждого судна явиться старшему! Для просмотра представить документы на всех людей и грузы!

Один из смуглолицых солдат повторил приказ

коменданта на таком ужасном арабском, что Максуд-ага только плюнул с досады. Кивнул Хасану и Дмитрию:

— Следуйте за мной. Эти марокканские стрелки могут объясняться только с верблюдами на каирском базаре. С такими переводчиками попадем в беду — где не поймут, там и наврут.

Купец проворно сошел на берег и отвесил коменданту глубокий поклон. На довольно приличном французском произнес приветствие, а затем продолжил:

— О великий господин! Мы всего лишь мирные купцы, хотим торговать с местным населением. Плыдем со своим товаром в Хартум. На моем судне имеются товары французского производства, а сам я готов представить рекомендательное письмо секретаря губернатора Джибути. Все мы счастливы, что прибыли во владения Франции, где царят закон и порядок. Да здравствует Франция!

— Кто такие?

— Меня зовут Максуд-ага, коммерсант, в Джибути имею собственный магазин. Эти двое паломники из святого города Мекка — Альхаджи Хасан и Альхаджи Муса. Англичане не разрешили им вернуться в родные края обычным путем. Но теперь, по воле Аллаха, мы находимся под благодатной сенью французского флага!

— Мы не англичане и уважаем права верующих. Твои спутники грамотные?

— Да, великий господин!

— да, великий господин!

— Пусть поработают в канцелярии, пока мой писарь не оправится после болезни. А ты, коммерсант, будешь моим переводчиком.

Почтительный тон купца, склоненные головы его спутников, смирение местных жителей — все это благотворно подействовало на коменданта. Может быть, впервые после долгого перехода через африканские дебри он позволил себе расслабиться. Его непреклонный взгляд смягчился, а в грозном рыке зазвучали добродушные нотки, совсем как у настоящего отца-командира.

От избытка чувств комендант даже произнес речь. Как и подобает сержанту, говорил кратко и образно. Паузы делал лишь для того, чтобы вытереть пот и дать Максуду-аге возможность перевести свои слова.

— Знайте, что сегодня колониальные владения Франции постираются через всю Африку! От Дакара до Джибути! Французская цивилизация марширует по всему миру! Мадагаскар — французский! Индокитай — французский! Острова на Тихом океане и в Америке — французские! Скоро и на берегах Нила появятся французские города, железные дороги, кафе и магазины! Вы все будете говорить по-французски. Вас всех обучат современным профессиям, и вы сможете регулярно трудиться. Сможете приодеться и не будете сверкать на солнце голыми ляжками! Ха-ха-ха! На Нил пришли

первые французы, следом за ними идут тысячи новых! Мощь Франции безгранична! Капитан — салют!

С канонерки, стоявшей на якоре, звонко хлопнул холостой выстрел. Ее пушечка пальнула еще пару раз и замолчала. Легкий дымок быстро таял над речным простором. На берегу царила благоговейная тишина. Поэтому все хорошо слышали, какой взрыв ругательств раздался на канонерке. Без переводчика стало ясно, что продолжение демонстрации мощи Франции не состоится. Комендант изменился в лице.

— Капитан! — прокричал он во все горло. — Поднимай якорь! Плыви на мелководье! Плотники, ко мне!

Дальше ничего особенного не произошло. Громко пыхтя и фыркая, вся в клубках пара, канонерка добралась до берега. Капитан непрерывно ругался, а команда вычерпывала воду. На песчаной косе общими усилиями ее поставили на катки и оттащили подальше от реки. Стали видны изъеденные червями днище и доски обшивки, которые буквально вываливались из пазов. После плавания по тропическим рекам корпус пришел в негодность и просто разваливался от отдачи при стрельбе из собственного орудия. Да, на таком корабле опасно плавать и не стоит выходить в бой даже против тростниковых рыбачьих лодок.

Для своих новых сотрудников комендант приказал очистить один из домов. Как и подобает важному

чиновнику, Максуд-ага разместился в главной и единственной комнате. Пристройку, где раньше содержались козы, кое-как почистили, и в ней поселили Хасана и Дмитрия. К счастью, в этом вонючем закутке приходилось только ночевать. Весь день проводили на реке у судов. Осматривали товары, составляли их списки, определяли цены и высчитывали размер налогов, которые следовало выплатить новой администрации. После споров и ругани с владельцами судов и товаров домой приходили без сил, но отдохнуть не удавалось и после наступления темноты.

По улочкам стлался едкий дым очагов и тяжелые пряные ароматы местных кушаний. Женщины хором обсуждали свои проблемы, отчитывали ленивых мужей и непослушных детей. Каждый вечер в каком-либо из домов начинался праздник с танцами и пением. На бой барабанов и звон гонгов приходили родные и соседи. А когда успокаивались люди, любовные вопли котлов сотрясали окрестности. С холмов лаяли шакалы, а с реки доносилось пыхтение бегемотов. Слыша, как в темноте Дмитрий ворочается на своей циновке и не может заснуть, Хасан успокаивал:

— Привыкай, такой уж у африканцев характер. Любим пошуметь, попеть и поплясать. Сейчас терпи, потом об этом шуме будешь вспоминать с тоской. Ведь в саванне или в пустыне человеческого голоса не услышишь. Там от тишины люди соходят с ума.

услышавши, там от гишпизов люди слоняют с ума.

О том, что из местечка надо уходить, решили в первый же вечер. Посты, которые комендант выставлял каждую ночь, обойти было нетрудно, но требовалось собрать полные сведения об этой французской экспедиции, намерениях ее командования.

— Негус знал, что они должны появиться, — шептал Хасан Дмитрию, когда они оставались наедине. — Он давно имеет дело с французами, потому что они ненавидят англичан. Их взаимная вражда помогает эфиопам сохранить свою независимость. Поэтому в прошлом году негус и разрешил небольшому каравану французских ученых пройти к Нилу через свои земли. Он не изменил своего решения даже тогда, когда выяснилось, что среди них оказалось очень много военных.

— Ничего не слышал об этом.

— Эфиопы умеют хранить тайну. Потому негусу пришлось посылать своих людей для спасения этого каравана. Французы плохо подготовились к походу, многие из них умерли от болезней, носильщики разбежались, мулы и верблюды передохли.

— Грустная история.

— Кроме того, французам не верили. Стало известно, что во время войны с итальянцами они собрали на Мадагаскаре более четырех тысяч солдат и военные корабли. Если бы негус потерпел поражение,

Франция готовилась вторгнуться в Эфиопию и оккупировать ее восточные районы.

— Да, эфиопам приходится быть настороже. Сегодня слышал разговор коменданта и капитана, они ожидают прибытия какого-то начальника из Фашюды.

— Вот-вот. Слушай, но не показывай вида, что понимаешь их язык. Вечером Максуд-ага обещал принести кое-какие бумаги из канцелярии. Сними с них копию. Вместе с донесением пошлем негусу.

В ожидании приезда начальства комендант развил бурную деятельность. Солдаты спешно чинили канонерки и восстанавливали крепостные стены, а все местное население, люди с судов и окрестные рыбаки трудились на общественных работах: расчищали прибрежные заросли. Комендант лично проводил планировку будущего города, устанавливал таблички с номерами кварталов и названиями улиц. За тупость и лень сместил местного вождя и объявил, что вскоре население проведет свободные демократические выборы новой администрации. Каждый день после работы обращался к людям с краткой речью, объяснял разницу между империализмом англичан и французской цивилизацией.

Слушатели согласно кивали. Яйцом камень не разбить. Никто не забыл, как в первый же день общественных работ двое парней попытались бежать. Их поймали, выпороли и до вечера продержали в

колодках.

...Все эти светлокожие выходцы с далекого севера называются по-разному — инглизы, фарансави, турки, франки и похожи друг на друга. Их мало, но они сильны и настойчивы, обладают извергающим пламя страшным оружием. Конечно, они привозят много полезных вещей и с ними можно торговать. Но, как все, они любят командовать и вмешиваться в чужие дела. Ох, турки, они и есть турки!..

Продовольствие для прокорма солдат и всех работающих поступало из соседних деревень нерегулярно. Свои запасы в местечке кончились как-то подозрительно быстро, и марокканцы были весьма недовольны уменьшением своего пайка. Теперь по вечерам пение и смех звучали все реже. За малиновый цвет лица и скверный характер комендант получил прозвище Обезьянья Ж...».

Болезнь началась внезапно. Плавание мимо заболоченных берегов, над которыми вились тучи комаров, не прошло для Дмитрия даром. Теперь его бросало то в жар, то в озноб, все суставы ломило так, что не было сил даже поднять руку.

В первый вечер, когда начался приступ и все кругом поплыло, еще успел увидеть испуганные глаза Хасана.

— Прости меня, Муса! Скорее прими вот это! — Дрожащими руками он поспешно вынул из своей дорожной сумки кожаную конобочку с землей из Мекки.

деревянной сумки, которую передал ему сержант из пехоты. Раньше никому не разрешал даже прикасаться к этой святыне. — Моя вина! За всеми делами совсем забыл, что лихорадку надо отгонять заранее.

— Оставь, Хасан, — с трудом произнес Дмитрий. — Я в чудеса не верю.

— Да это же хинин! Негус приказал вытащить его из собственной аптечки. Сейчас дам тебе двойную дозу.

Сколько потом прошло времени, Дмитрий не помнил. Был горячий туман и черная пустота. Помнил временами горькое питье и стук зубов о край глиняной чашки. Очнулся в комнате Максуда-аги, слышал тихие голоса.

— Нельзя его одного оставлять, — говорил Хасан. — Он бредит на своем языке. Если кто-нибудь услышит и сообщит коменданту, то мы все пропадем. К дому никого и близко не подпускаю. Всем говорю, что лечу его с помощью опасного колдовства.

— Правильно, — согласился Максуд-ага. — За вас обоих я отвечаю перед самым негусом. Как только Муса немного окрепнет, уходите отсюда. Дам ослов, провожатых и припасы в дорогу. Если бы не это внезапное появление французов, все было бы отлично, давно бы прибыли к эмиру Раббеху.

— Какие вести с севера?

— Из Фашуды приезжал один из офицеров Маршана, приказал продолжать ремонт канонерок. Как я

понял, французы спешно укрепляют свои посты, но чувствуют себя неуверенно. Англичане подошли к самому Хартуму.

— А махдисты?

— Народ устал от их власти. Раньше они собирали армию в двести—двести пятьдесят тысяч человек, а сейчас смогли выставить в пять раз меньше воинов. У англичан же дальнобойные пушки и на Ниле целый флот боевых кораблей. Да еще пулеметы, каждый из которых стреляет без остановки и заменяет не меньше сотни солдат. А пули в их патронах особые — такие, если попадут, делают в человеке не просто дырку, а рвут его на части.

— О всемогущий Аллах!

— Англичане построили в обход порогов на Ниле железную дорогу и теперь ни в чем не имеют недостатка.

— Будет жестокая битва. Махдисты смелые воины, они сражаются до конца.

— Против современного оружия им будет трудно выстоять. Да и англичане хитры, уже на всех базарах ходят слухи, что простых людей они не трогают, а наказывают только махдистов. Им отрубают правую руку и левую ногу. Многие этому верят, отказываются воевать с англичанами...

— Хасан, дай воды! — попросил Дмитрий.

— Слава Аллаху! Заговорил!

— Очень хорошо! Теперь мы тебя быстро поставим на ноги!

26

Солнечные блики вспыхивали на речных волнах. Над дальними холмами противоположного берега медленно поднимались белые шапки облаков. Там, за горизонтом, уже начались дожди, а здесь стояли последние дни сухого сезона и невыносимо пекло.

После приступов Дмитрий медленно приходил в себя. Лошадиные дозы хинина и целебные мясные отвары, которые собственноручно готовил Хасан, делали свое дело. Сейчас просто сидел в тени под навесом и наблюдал за происходящим вокруг. У самого берега шумно плескались ребятишки, а пришедшие за водой женщины увлеченно обсуждали последние новости. Время от времени кто-то принимал проплывавшую мимо корягу за крокодила, и все поспешно выбирались на берег. Заслышав испуганные крики, мужчины, которые возились у канонерок, спешили на защиту своих семей. Долгое разбирательство случившегося продолжалось до тех пор, пока не появлялся капитан. Энергично работая длинной тростью, он гнал людей на работу.

Появлялся на берегу и сам комендант. Всегда

находил непорядок, от всех требовал старания и работы на благо цивилизации. На сидевшего без дела Дмитрия не обращал внимания.

Хитрый Максуд-ага, уже успевший войти в полное доверие новой власти, убедительно доказал, что от обоих паломников мало проку и их можно отпустить. Тем более что собственный писарь коменданта выздоровел и приступил к исполнению своих обязанностей. Поэтому теперь Хасан открыто готовился в дорогу, отбирал ослов, собирал припасы.

— Надо поскорее уходить из этих мест, — говорил он Дмитрию. — Пусть англичане свои дела с махдистами и французами решают без нас. Сам знаешь, что там, где дерутся слоны, трава не растет. Да и начало дождливого сезона, когда пройдут самые сильные ливни, переждем в селении моего старого знакомого вождя Назимба-Мбангу. Там место высокое, нет таких болот, как в прибрежных низинах. А потом пойдем на запад по хорошо знакомым мне местам, по старинному пути купцов и паломников...

Из-за дальнего острова появилась легкая пирога. Сидевшие в ней рыбаки непрерывно работали веслами, и суденышко быстро приближалось.

— Турки плывут! — крикнул один из рыбаков. — Обходят острова по главному руслу!

— Плывут медленно! — добавил второй. — На двух железных пирогах!

Приставать рыбаки не стали. Спешили сообщить новость вождю своей деревни.

— Какие турки?! Фарансави? — кричали им с берега.

— Нет, англизы!

Весть об английских юраблях распространилась мгновенно. Все побросали работу и сбежались на берег.

Но комендант не мог допустить такого беспорядка — на гостей следовало произвести наилучшее впечатление. Голых ребятишек, рыбы головы и прочий сор было приказано убрать с берега, а песок вымести и выровнять. Жителям и владельцам барок, которые все еще не соглашались заплатить назначенные комендантом пошлины, было приказано встать на приличном расстоянии и не приставать к иностранцам. Отставной вождь также приковылял на берег, опираясь на свой резной посох. Встал в стороне и обиженно смотрел на коменданта.

Но главе французской колониальной администрации не было дела до таких мелочей. Несколько раз он принимался выравнивать ряды своих солдат. Перестраивал их на разный манер, так чтобы этот небольшой отряд выглядел как можно более внушительно. Канонерки, которые все еще сохли на берегу и борта которых сверкали свежими заплатами, приказал прикрыть ветвями. При этом так шумел и светился, что и на самом деле начал походить на

рассерженного вожака обезьяньей стаи.

Над поросшими тростниками островками поднялся густой дым, раздался пароходный гудок, на берегу поднялся радостный шум. Но тут же последовал гневный окрик коменданта, потребовавшего соблюдать приличия. Но на это мало кто обратил внимание.

— Максуд-ага, немедленно наведи порядок!

— Что с них взять, великий господин! — верный и исполнительный помощник только развел руками и добавил. — Дикари!

Из-за ближайшего мыса резво выкатился низкий монитор, выкрашенный в серо-желтый цвет. На носу массивная башня, из которой торчал длинный орудийный ствол, на высокой кормовой надстройке, за квадратными стальными щитами, пулеметы. Следом показался довольно большой пароход, гулко шлепавший по воде колесами. На его мостике столпились английские офицеры в красных мундирах, а на палубе было полным-полно смуглых солдат-египтян.

У самого берега монитор приостановился. Его башня развернулась в сторону местечка, и наступила напряженная тишина. Орудийный ствол качнулся вверх-вниз, а потом вправо-влево, и уставился на прикрытые ветвями канонерки. Стоявший рядом с ними часовой, увидев направленный прямо на него черный зрачок дула, не выдержал. С криком «змеиный глаз!» он бросил

винтовку и юркнул в ближайшие кусты. Башня возобновила свое движение. На палубе монитора не было видно людей, узкие прорезы смотровых щелей на броневой рубке глядели безжалостно. Весь вид этой плавающей военной машины внушал страх.

Внезапно раздался орудийный выстрел. На одном из ближайших островков полыхнуло огнем, и к небу поднялся столб дыма и черного ила. В воздухе мелькнул подброшенный взрывной волной крокодил. Его собратья, словно лягушки, попрыгали в воду. Орудие оглушительно бабахнуло еще раз. Все видели, как второй снаряд ударил в самую вершину дальнего холма на противоположном берегу.

На орудийной башне откинулся люк, из него показался улыбающийся англичанин. Крикнул что-то веселое, помахал рукой. Все облегченно вздохнули. Начали шумно обсуждать невиданное ранее действие фугасных снарядов и дальность стрельбы монитора.

Тем временем пароход подошел к берегу и британские офицеры со своими солдатами начали высадку. Навстречу им поспешил комендант.

— От имени французских колониальных властей я протестую против такой бесцеремонной демонстрации силы. Вы находитесь на территории...

— Молчать! — негромко прозвучало в ответ. Английский офицер был белобрыс и долговяз, с холодной вежливостью и презрением смотрел на

коменданта сверху вниз. — Ставлю вас в известность, что мы действуем согласно указаниям Министерства иностранных дел Великобритании и приказу главнокомандующего англо-египетской армии барона Хартумского Горация Герберта Китченера.

— Какого барона?!

— Этим титулом Ее Величество королева Виктория наградила нашего главнокомандующего совсем недавно. За взятие Хартума и полный разгром армии махдистов. В настоящее время мы устанавливаем власть Британской империи на всем течении Нила. Так что теперь африканские владения королевы Виктории будут простираться через весь континент, от Каира до Кейптауна.

— Но капитан Маршан...

— Капитан французской армии Жак-Батист Маршан находится в городе Фашюда, и с ним ведутся переговоры. Британское военное командование имеет прямую телеграфную связь с Лондоном. Оно полностью информировано о событиях в Европе и во всем мире. Вам, господин комендант, предлагается немедленно спустить французский флаг и со своими людьми перейти на борт нашего судна. Личное оружие сохраняется только у вас, а боеприпасы и прочее имущество остается на месте.

Услышав такое, комендант побледнел. Дрожащей рукой потянулся к тесному вороту мундира, рванул его

так, что посыпались пуговицы. Бросил растерянный взгляд на своих подчиненных. Максуд-ага и другие стояли потупив взор, а солдаты-марокканцы сбились в кучу, словно стадо овец. Он увидел и английских офицеров, которые направлялись к канонеркам и складам. А один из них уже оживленно беседовал с вождем и владельцами барок.

— Я решительно протестую против произвола британских властей. Отказываюсь выполнять ваши требования без письменного приказа капитана Маршана, — произнес комендант.

— Сейчас ваш капитан сам ожидает инструкций от министра иностранных дел Франции. Лично я думаю, что ваша страна не собирается воевать с Великобританией из-за кусочка нильских болот. Ясно, что в подобный конфликт немедленно вмешается Германия, которая готова повторить разгром французской армии и торжественный марш своих полков по парижским бульварам.

— Этого не допустит Россия!

— Вы ошибаетесь, — на лице долговогого англичанина мелькнула снисходительная улыбка. — Телеграфные агентства сообщают, что российское правительство, а именно министр иностранных дел Муравьев и военный министр Куропаткин посоветовали Франции уступить. Английское правительство также не желает обострять конфликт. Оно

правительство также не желает обострять конфликт. Оно готово признать, что капитан Маршан и его люди просто заблудились в африканских джунглях и прибыли в Фашюду случайно. Не беспокойтесь, мир скоро забудет об этом инциденте на берегах Нила.

Но упрямый комендант был другого мнения. Услышав, что события в африканской глуши оказались в центре внимания мировой общественности, он гордо выпятил грудь и торжественно произнес:

— В эти края Франция несет цивилизацию, дух подлинной свободы, равенства и братства!

— Хватит! — отрезал английский офицер. — В Фашюде у вашего капитана чуть больше сотни солдат. Наше командование имеет тридцать тысяч. Если с капитаном мы ведем переговоры, то с вами, в этом местечке, которое даже не обозначено на картах, мы церемониться не будем. Что касается цивилизации и других красивых слов, то многое можно рассказать о порядках во французских колониях. В Египте до сих пор все хорошо помнят, как Наполеон Бонапарт закупал чернокожих рабов для пополнения своего войска, а солдаты революционной Франции хладнокровно расстреливали пленных египтян и приобретали себе наложниц на невольничьих рынках.

Один из англичан приблизился к офицеру и что-то ему сообщил.

— Отлично! Вождя поблагодарите за верность

британской короне, его услуги не будут забыты. Пусть он приступает к исполнению своих прямых обязанностей и немедленно прекращает эти идиотские общественные работы! С канонерок снять все ценное, остальное уничтожить! — офицер понизил голос. — Уважаемый господин Пьер Жюве, прошу вас проследовать на пароход и быть нашим гостем. Ведите себя достойно, не срамитесь перед туземцами.

Комендант еще раз взглянул на возвышавшегося над ним англичанина, молча кивнул. Опустив глаза, медленно направился к пароходному трапу. Пока европейцы выясняли вопросы государственной важности, жизнь на берегу шла своим чередом. Народ понял, что стрельбы больше не будет, и радовался, узнав о восстановлении привычной власти вождя. Хорошее впечатление на всех произвело и поведение египетских солдат. На рынке они не просто отбирали понравившийся товар, как это порой делали марокканцы, а за все платили настоящими серебряными талерами. Появление повара с парохода, заявившего, что ему требуются самые лучшие продукты для приготовления офицерского обеда, сразу же вызвало повышение деловой активности.

Этот повар был человек общительный и, как видно, говорил на всех местных наречиях. Характерные мелкие шутки на его висках привлекли внимание Хасана.

— Ты понимаешь язык хауса? — спросил он.

— Понимаю, — ответил повар и, увидев такие же шрамы на лице Хасана, радостно воскликнул: — Здравствуй, земляк!

— Что же ты — служишь у важных господ, а носишь рваньё? Англичане мало платят?

— У настоящего хаусанца одежда драная, но карман всегда целый. Не хочешь ли положить туда что-нибудь?

— С большим удовольствием. И сделаю это сегодня же вечером.

По случаю встречи земляков был устроен праздничный ужин. Максуд-ага оказал честь гостю и выставил на стол лакомства из собственных запасов. Приглашенный Дмитрий, как и подобает настоящему паломнику, не обращал внимания на угощение и только шептал молитвы, слушая удивительные истории хаусанца. Повар же был очень рад встретить таких внимательных собеседников и охотно делился впечатлениями о недавних событиях.

— Под Хартумом эти махдисты шли в атаку стеной, плечом к плечу. Палили из ружей, размахивали мечами и копьями. Смотреть было страшно! Только они не знали, что англичане встретят их огнем из пулеметов. Убитые падали сотнями, а на их место становились новые воины и опять шли в атаку, распевая молитвы. Так повторялось несколько раз! Кровь текла ручьями! Воистину, я видел третий Нил — Кровавый!

— Но Хартум же окружен крепостными стенами и

на них установлено много пушек, — напомнил Хасан.

— Ха! Эти мониторы подошли к самой крепости, и пушечные ядра раскалывались об их броню, как гнилые орехи. Они же стреляли в упор и сбивали пушки со стен одну за другой. Напротив мыса, где сливаются Белый и Голубой Нил, англичане установили большие орудия, которые непрерывно били по городу. Скоро весь Хартум был в огне! Так что взять столицу махдистов не представляло труда. Англичане потеряли всего около ста человек.

— Верно, что всех пленных махдистов жестоко казнили?

— Ничего подобного. Англичане всех отпустили домой, а молодым и здоровым предложили вступить в свое войско. Обещали хорошую плату и паек, так что многие согласились. А слухи о жестоких казнях они распускали специально, чтобы напугать людей еще до начала сражения. Один из их лейтенантов — Осел из Кано — сам приказывал мне врать об этом на базаре...

— Это что за осел? — удивился Максуд-ага.

Хасан громко расхохотался. Даже захлопал в ладоши от удовольствия.

— Так у всех этих турок такие трудные имена, что простому человеку их и не выговорить, — улыбнулся повар. — Поэтому мы всем им даем прозвища.

— Ну и как вы зовете своего долговязого

начальника!

— Ох, очень неприлично. При уважаемом паломнике не могу произнести такое. Вот доктора, он носит очки, зовем Стекланный Глаз. А наш пароходный механик каждый вечер как выпьет виски, так и начинает проверять чистоту в машинном отделении. Всех поучает, гудит и гудит. Его так и называют — Хмельной Комар. Ну а лейтенант, этот очень хорошо объясняется на хауса...

— У нас, хаусанцев, если человек умеет к месту слово сказать, то говорят, что он знает язык, как осел из Кано, — поспешил пояснить Хасан. — Это большая похвала. Ведь на базаре этого города встречаются караваны из многих соседних городов и стран. Там люди говорят на разных языках, но хауса звучит громче всех!

— Этот лейтенант наш язык так быстро освоил, потому что имеет специальную книгу, — не без гордости сообщил повар. — Сейчас он без нее обходится, говорит и ругается свободно!

— Зачем ему знать этот язык? — удивился Дмитрий. — Он мог бы обойтись и арабским.

— Арабским владеют только немногие люди, купцы или эмиры, — сказал повар. — На хауса же говорит простой народ, крестьяне и ремесленники.

— Хауса язык торговый, — заметил Хасан. — Наши купцы ездят по всем городам от Нигера до Нила, имеют собственные лавки в Каире и Триполи. Если ты,

Альхаджи Муса, собираешься проповедовать ислам язычникам, то знание хауса очень бы помогло. Освоишь его быстро: в этом языке много арабских слов.

— Если ты поможешь, то я согласен.

— Очень хорошо. Завтра, во имя Аллаха, и начнем. Сейчас тебе пора спать — после лихорадки надо набираться сил.

— Воистину так, Альхаджи, — добавил Максуд-ага. — Свой благой путь ты сможешь продолжить не раньше чем через неделю.

Но в эту ночь долго спать не пришлось.

До рассвета было еще далеко, а Максуд-ага тряс Дмитрия за плечо.

— Быстро вставай! Хасан проводил повара на пароход и вернулся с плохими вестями. Нами заинтересовались англичане, считают французскими агентами. Завтра собираются всех вызвать на допрос. Тебе с Хасаном надо немедленно уходить!

— Что будет с тобой?

— Не беспокойся, меня тут все знают. Ссориться с торговцами англичане не будут, для освоения новой колонии им нужны наши связи и опыт. Останусь, буду торговать и посылать донесения негусу. Отправляйтесь, пока их власть действует только вдоль реки, не дальше чем на полет снаряда с монитора. Хасан знает дорогу до самого озера Чад.

Рассвет застал маленький караван вдали от берегов Нила. Впереди бодро шагал проводник из местных, рекомендованный Максудом-ага. За ним верхом на осле трясся Дмитрий, который еще не пришел в себя после болезни. Позади находились еще два осла с поклажей, трое слуг и Хасан.

Солнце освещало пологие холмы и живописные группы деревьев, красные обрывистые берега и серые обкатанные водой камни на дне высохших ручьев. На северной части горизонта обозначилась черная гряда гор Дар-Нуба. В эти последние дни сухого сезона саванна была тоскливо однообразной и напоминала бурый пыльный ковер. Многие деревья с плоскими, похожими на раскрытые зонтики вершинами уже сбросили листву, а высокая трава высохла и побелела под безжалостными лучами солнца. Речные русла превратились в широкие полосы песка, на которых лишь кое-где виднелись лужицы зеленоватой воды. Их берега были так истоптаны приходившим на водопой зверьем, что совсем нетрудно сказать, кто обитает в здешних краях.

В иных местах виднелись глубокие ямы, на дне которых темнел влажный песок. Это слоны и буйволы копали высохшее русло, добирались до воды. Особенно выделялись крупные отпечатки слоновых следов с

четкими складками и морщинами на коже подошв. Так что проводник с большим удовольствием сообщал своим спутникам, кто именно топтался около лужи. Некоторых слонов называл по имени, сообщал об их особенностях и привычках.

Припекало все сильнее, и над прибрежными каменистыми осыпями задрожала прозрачная пленка раскаленного воздуха, так что издали казалось, что камни покрыты тонким слоем льда. Пахнуло горячим ветром и по склону ближайшего обрыва прокатилась стайка пыльных вихрей. Вдали поднялся бурый столб песка, извиваясь в воздухе, двинулся к небольшой роще деревьев, взметнул там кучу сухих листьев и рассыпался. Кругом не было видно ни зверей, ни птиц. Все смолкло в саванне.

Хасан окликнул проводника, указал ему на редкие облака, медленно плывшие в белесом небе, и на пелену дыма за дальними холмами. Оба о чем-то быстро переговорили, и караван свернул в заросли высокой травы. Кое-как прокрались через них и выбрались на берег широкого ручья, в котором не было ни капли воды. Осторожно ступая по камням, чтобы не оставить следов, перебрались на противоположный берег.

— Сейчас пустим огонь, чтобы никто не узнал, где мы прошли, — сказал Хасан. — Англичане хитры и упрямы, наверняка пустили за нами погоню. Хотя Максуд-ага должен указать им другое направление, но

их посыльные могут выйти и на наши следы.

— Сами-то не сгорим? — спросил Дмитрий.

— Пока ветер дует от нас, да и русло ручья достаточно широкое. Если преследователи и увидят дым, то необязательно подумают на нас. В это время года саванна горит во многих местах. Крестьяне и охотники жгут траву специально, чтобы она лучше росла или чтобы спугнуть зверей. Но бывает, что пожар начинается сам по себе, потому что на ветру сухие ветки трутся друг о друга. Смотри, сейчас проводник пустит пал по траве.

На противоположном берегу один за другим задымились маленькие костры. Но прошло совсем немного времени и огненный вал покатился по саванне, с удивительной скоростью. Смотреть на такое было страшно. Пламя поднималось выше деревьев, горячий воздух гудел. В ярком свете солнца прозрачный дым стал почти неразличим, но хорошо были видны красные змейки огня, которые быстро вились по земле, перескакивали с куста на куст, прыгали по ветвям деревьев. В воздухе носились горящие стебли травы и листья, хлопья пепла. Из зарослей стремительно выскочила стайка антилоп с белыми полосами на боках, за ними проследовало стадо диких свиней. По склонам холма посеменили какие-то мелкие зверьки, скрылись в нагромождении камней. Откуда-то появились стаи

хищных птиц, в погоне за удиравшими от огня птицами и насекомыми они носились над самым пламенем. Стена огня удалялась от берега, обтекала холмы и рощи деревьев. За ней оставались черная выжженная земля, дымящиеся корневища, кучи белого пепла.

— Наши следы исчезли, — с удовлетворением заметил Хасан. — Теперь на этом месте крестьяне могут сеять зерно, у них будет хороший урожай. Пепел — это лучшее удобрение. Ну а мы спокойно сможем пережидать жару вон в тех зарослях.

Когда солнце начало склоняться к западу и жара спала, караван возобновил движение. Шли до самой темноты, пока на небе не зажглись звезды. Место для привала оказалось возле какой-то ямы, наполненной жидкой вонючей грязью. Этим напоили ослов, поспешно нарубили ветвей колючих кустарников и соорудили подобие изгороди. Из остатков взятой с собой нильской воды наварили каши и всю ночь по очереди дремали у небольшого костра. Проводник держал наготове свой мушкет, а Дмитрий очень жалел, что не имел под рукой винтовки. Обитатели саванны устроили такой ночной концерт, что мороз продирает по коже. В ночном воздухе все звуки слышались отчетливо — рык львов, хохот гиен, лай шакалов, топот тех, кто спасался бегством, и предсмертные хрипы тех, кому не повезло этой ночью.

Лагерь оставили затемно и опять продолжали путь

до наступления полуденной жары. Шли довольно быстро. Дмитрий прикинул, что делали не менее пяти километров в час. Хотел было слезть с осла и сам пройти пешком, но Хасан решительно запретил.

— Без привычки к переходам по этим зарослям ты долго не выдержишь, будешь только всех задерживать. Пока набирайся сил, привыкай к саванне.

Место для полуденного привала выбрали у подножия огромного баобаба. Еще издали заметили его массивный серый ствол и корявые ветви, которые высоко поднимались над раскидистыми деревьями и зарослями колючих кустарников. Когда же приблизились к подножию великана, то в его стволе обнаружили дупло, в котором без труда разместились и люди, и животные. Пока слуги разводили огонь и готовили обед, Хасан срезал несколько кусков коры баобаба и бросил их в отдельный костер. Тем временем проводник вскарабкался по стволу и срубил несколько веток. Хасан подобрал их, старательно оборвал все листья, а потом размял их в небольшом горшке, залил водой и поставил вариться.

Дмитрию, который с интересом наблюдал за этими действиями, объяснил:

— Видел, сколько клещей присосалось к ослам, пока мы шли через заросли? Вот кора стгорит, угольки смешаю с маслом и смажу их шкуры. После этого ни одного насекомого на них не останется. А вот отвар листьев дам

выпить тебе, он полезен после лихорадки. Если желудок расстроится, то он тоже не повредит. Сами листья положим в кашу, она станет слаще.

— Что же, здесь вся округа дерет кору для лекарства от клещей? — Дмитрий указал на глубокие борозды, которые пересекали ствол баобаба.

— Э, нет. Это работа слонов. Они бивнями срывают кору и лакомятся ею. Чем-то она и им полезна. Видишь, на ветвях нет плодов? Обезьяны все обобрали. Баобаб очень ценное дерево, местные жители такие деревья берегут, даже поклоняются им и приносят жертвы. Вот в этом дупле путники останавливаются на отдых уже не одну сотню лет.

После обеда спать Дмитрию не хотелось. Чтобы не пялить глаза на однообразие саванны, решил освежить в памяти некоторые места из Корана. Достал футляр из тисненной кожи, в котором хранил его вместе со всеми письменными принадлежностями, и увидел в нем новую книгу. Формат небольшой, обложка сильно потерта.

Раскрыл ее и только ахнул. Грамматика языка хауса, издана в Лондоне совсем недавно. В предисловии автор, английский миссионер Чарльз Робинсон, сообщает, что написал ее специально для офицеров и чиновников, которые хотели бы освоить этот африканский язык. В конце книги помещены словарь и разговорник. Еще не оправившись от удивления, поднял

разговорник. Еще не оправившись от удивления, поднял глаза и увидел, как толстые губы Хасана расплылись в довольной улыбке.

— Откуда взялась эта книга?

— Это подарок нашего друга повара. Твое благочестие и желание проповедовать ислам среди язычников произвели на него большое впечатление.

— Но грамматика написана на английском языке. Он легко догадается, что я не тот, за кого себя выдаю.

— Не беспокойся, Максуд-ага заверил повара, что знает английский и поможет тебе в изучении хауса с помощью этой грамматики.

— Что будет, когда английский лейтенант узнает о пропаже?

— Повар это предусмотрел. Лейтенант временно перебрался с парохода в крепость, а его вещи по ошибке положат так, что до них доберутся термиты. Эти поганые твари особенно любят сухое дерево и бумагу. Такую небольшую книгу за одну ночь так обработают, что от нее останется одна труха. — Хасан лукаво подмигнул и добавил: — Кстати, не забывай о своем посохе и никогда не клади его прямо на землю. Всегда подкладывай под него камень или кусок глины. Иначе джу-джу найдет термитов, а для них нет ничего святого.

— Кто этот джу-джу?

— Так здесь называют злого духа или шайтана.

— Спасибо, Хасан, за подарок. Сегодня же начну

изучать хауса, а ты, как обещал, будешь помогать.

— С удовольствием. До того как стать паломником, я был маламом⁸, обучал ребятишек в своем родном Кане.

— Так у вас хауса изучают в школах?

— Да. Многие хотят стать грамотными. Ведь на хауса эмиры пишат указы, купцы составляют деловые документы, а поэты сочиняют стихи. Люди говорят, что невежество душит как петля. Поэтому дети идут в школы, сначала запоминают буквы, мы используем арабский алфавит, а потом и все остальное.

— Очень трудный язык?

— Трудностей хватает, но запомни две главные. Одно и то же слово имеет несколько форм множественного числа, которые образуются по различным правилам. Поэтому сразу же заучивай единственное и одну из этих форм. И еще — сами глаголы не меняются, а их поясняют специальные местоимения.

Поэтому тебе придется привыкать к таким оборотам: «я сейчас учить», «он уже учить», «они завтра учить»...

— Что-то очень уж сложно.

— Ничего страшного. Учи слова и не бойся делать ошибки. Наша пословица гласит — «Хауса — это не тайное волшебство, его можно познать!».

Убежище в дупле баобаба оказалось таким удобным,

что в нем решили остаться и на ночь. Проводник заверил, что погони уже можно не опасаться, а к селению вождя Назимба-Нбангу он выведет караван более коротким путем.

На следующий день жара стала совсем невыносимой. Люди шли, обливаясь потом, судорожно заплатавая воздух, пропитанный сухой пылью, постоянно кашляли, жаловались на головную боль. Спустив морды к самой земле, понуро брели ослы. Полдень переждали в жидкой тени каких-то кустов. В русле высохшего ручья выкопали довольно глубокую яму, набрали воды. Но долго на этом месте не задержались. Проводник торопил и с тревогой поглядывал на дальние холмы.

К вечеру небо стало медно-красным и над горизонтом начали подниматься причудливые башни розовых облаков. Они довольно быстро вырастали друг над другом, образуя обширную непрерывно изменяющуюся стену. Их белоснежные вершины ослепительно сияли в лучах заходящего солнца, ниже клубились розовые, голубые, синие тучи, а у основания стены, над самой землей, змеились черные вихри.

— Смотрите! Тень раздвоилась! — испуганно крикнул кто-то.

Действительно, под лучами заходящего солнца и его сильным отражением от верхушек облаков все предметы начали отбрасывать две тени, направленные в

предметы начали оторасывать две тени, направленные в разные стороны. Люди начали громко молиться, отгоняя злых духов, но проводник потребовал немедленно рубить ветки, резать траву и мастерить укрытие от дождя.

Длинная молния опоясала горизонт, донесся глухой раскат грома. Хасан, работавший рядом с Дмитрием, кивнул в сторону тучи.

— Это голос Гаджимаре, грозного небесного змея, повелителя дождя и грома. Он предупреждает все живое о своем приближении. Но не надо бояться — он добрый, его гнев скоро проходит.

Теперь молнии полыхали непрерывно, оглушительно гремел гром. Путники сбились под наскоро сооруженным навесом и с тревогой поглядывали на небо, где извивался сине-красный змей. Порыв холодного ветра поднял тучи пыли, до самой земли пригнул траву, повалил несколько деревьев. Первые капли дождя упали на землю и моментально испарились. Крупные, каждая размером с горошину, градины запрыгали по траве, звонко защелкали по камням. А потом с неба обрушилась стена воды и за ней исчезло все окружающее, над самой землей пополз туман водяной пыли. По ложбинам и склонам понеслись белые от пены потоки. Через некоторое время ливень сменился дождем, а потом начался опять.

Так прошла ночь, и наступил серый рассвет. С

низкого неба моросил дождь, дул сырой ветер. Вид голых деревьев и черных мокрых скал наводил тоску, а красно-бурые болота, в которые превратились окрестные равнины, не манили в дорогу. Поэтому путники жались у костра и ожидали улучшения погоды. Наконец оно наступило, и взошедшее солнце радостно засверкало в бесчисленных лужах и ручьях. О прошедшем ливне напоминали только поваленные деревья да песчаные наносы. Теперь можно было отправляться в путь. Саванна менялась с удивительной быстротой. Там, где вчера была серо-бурая жесткая трава, можно было видеть тонкие бледно-зеленые стебельки, взломавшие пласты слежавшейся земли и дружно поднимающиеся вверх. Голые ветки деревьев и кустов оделись молодой листвой. Весело щебетали птицы, а в лужах оглушительно квакали лягушки. К вечеру высоко в небо, словно струйки дыма, поднялись в брачном танце бесчисленные летучие муравьи. Разноцветные бабочки кружились над всеми водоемами. На свет костра летели какие-то жуки и мотыльки, назойливо лезли в рот и уши, падали в чашку с похлебкой, а порой и пребольно кусались.

Теперь все чаще в саванне можно было видеть стада антилоп, зебр, буйволов. У реки, широко расставив ноги и низко склонив длинные шеи, пили жирафы. Рядом на ветвях прибрежных кустов примостилась стайка обезьян. Опасаясь крокодилов, они

подходили к воде по очереди. Каждая, уцепившись одной лапой за ветку, другой черпала воду и пила из ладошки. Широкоплечий вожак следил за поверхностью реки, время от времени что-то ворчал и те, что напились, спешили уступить место другим.

Перемена погоды благотворно повлияла на Дмитрия. С осла он слез и теперь бодро шагал вместе со всеми, чувствовал, как прибывают силы. На привалах читал грамматику хауса и донимал Хасана вопросами, а в пути с большим интересом наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Видел, как на противоположном берегу разлившейся реки годовалые львята гоняли бегемота. Толстяк кормился в прибрежных зарослях и намеревался вернуться в реку, но озорники не пропускали. Все норовили зайти сзади и ухватить за ляжки. Издали сытая львица снисходительно наблюдала за тем, как резвится ее потомство. Она не стала вмешиваться даже тогда, когда обозленный бегемот громко фыркнул и сам перешел в наступление. Львята поспешно ретировались, и он оказался в реке. Лезть в воду и продолжать игру там они не захотели.

Но довелось увидеть и другие картины. В саванне шла постоянная борьба за жизнь. Пятнистые дикие собаки устраивали облавы на травоядных, искусно и неутомимо гоняли их к местам, где в засаде притаились матерые вожаки. Хитро экономили собственные силы и

матерью вожака. Антилопы используют собственные силы и загоняли лишь слабых и больных, тех, кто оказывался последним в стаде. Засевшие в зарослях львы внимательно высматривали тех, кто ослабел после засухи. Гиены рыскали в поисках самок антилоп с новорожденными, которые еще не могли самостоятельно спастись бегством. На краю ближайшего болота крупная черная юбра безжалостно молотила о землю тонкую зеленую змейку, заползшую в чужие владения.

Последнюю сцену Дмитрий наблюдал вместе с Хасаном, который задумчиво произнес:

— У змей, как и у людей, самый непримиримый враг тот, кто ест ту же пищу, что и ты.

— Ну сейчас в саванне много пищи. Всем хватает.

— Много, но тот, кто слаб или болен, своей смертью здесь никогда не умирает. Даже слона грифы и гиены начинают рвать до того, как он испустит последнее дыхание.

— Тем не менее нельзя сравнивать людей с животными, — возразил Дмитрий. — Людям ведомо милосердие.

— Воистину это так, но порой человек становится хуже любого зверя. Самцы яростно бьются за самок и участки, на которых они пасутся или охотятся. Но ни одна тварь не убивает собственных самок и детенышей. Люди же так поступают.

— Да, некоторые люди совершают такие преступления.

— Одной молитвой и добрым словом тех, кто стал таким злодеем, не обуздать. Против них нужна сила. Поэтому я и перестал быть школьным учителем.

— К силе нужно и ум добавить, и знания.

Хасан согласно кивнул, хотел что-то сказать, но к ним уже спешил проводник.

— Вода в речке начала спадать! — радостно сообщил он. — Теперь дожди пойдут только по вечерам, и мы можем делать большие переходы. Владения вождя Назимба-Мбангу начинаются вон за тем перевалом!

— Слава Аллаху! — воскликнул Хасан. — Кончились эти дикие места.

28

За перевалом открылась просторная долина, на которой густые лесные массивы чередовались с пастбищами и небольшими участками обработанной земли. Стада белых и пестрых коров с высокими жировыми горбами и длинными острыми рогами отлично смотрелись на зеленой траве. На полях мужчины старательно рыхлили мотыгами красную землю, сеяли кукурузу и просо. Возле небольших деревушек, в каждой не более десятка соломенных хижин, на небольших грядках работали женщины. Еще

издали проводник выкрикивал приветствия, в ответ звучали шутки и смех, и успокоенные люди продолжали работу.

— Они уже слышали о разгроме махдистов и верят, что набеги за рабами больше не повторятся, — сообщил проводник. — Скоро сами увидите, какие укрепления вождь Назимба-Мбангу возвел вокруг своей столицы. Когда становилось известно о приближении охотника за рабами, за ними находили убежище все роды его племени вместе со своим скотом.

Укрепление оказалось весьма солидным, сооруженным по всем правилам военного искусства. Оно состояло из глубокого рва, дно которого было завалено ветвями с длинными колючками, и частокола из толстых бревен высотой в два человеческих роста. Для удобства наблюдения и обстрела подступы к нему были расчищены от кустов и деревьев, а в некоторых местах, как поведал Хасан, устроены специальные ловушки — ямы, искусно прикрытые травой. Одни — с вкопанными на дне острыми колями, другие — с ядовитыми змеями, которых специально подкармливали мышами и лягушками.

Ясно, что овладение такой крепостью для неприятеля, вооруженного даже мушкетами, является сложной задачей. Вот если против нее выставить пушки — тогда дело другое.

Путники проследовали мимо крепостных ворот, сооруженных из массивных балоков, и оказались на главной улице селения. Мимо небольших хижин и загонов для скота они вышли на просторную круглую площадь, с трех сторон окруженную низким навесом. С четвертой стороны возвышалась огромная коническая крыша жилища самого вождя.

В селении Хасана помнили, старые знакомые пришли его поприветствовать. Оказал честь даже один из советников вождя, сторбленный лысый старичок. Среди своих голых соплеменников он выделялся сплетенной из травы шапочкой с воткнутым в нее страусиным пером. Но еще более пышный головной убор оказался у начальника стражи — колпак из леопардовой шкуры, увенчанный пучками пестрых перьев. Еще имел он накидку из шкуры зебры, массивный кинжал в ножнах из крокодильей кожи и длинное копье. Его молодежавшей выправке мог бы позавидовать любой боевой генерал, но особенно сильное впечатление производили гладкие бедра и ягодицы воина, натертые жиром и украшенные особой татуировкой — причудливыми узорами из верениц крохотных бугорков.

Путников разместили в отдельной хижине, сказали, что вождь сейчас занят. Он общается с душами предков, пытается узнать у них, каков будет урожай в этом году. На резных деревянных блюдах выложили угощение —

печеную рыбу, вареный ямс, вкусом и видом похожий на картофель, неизменные острые приправы. В пузатых тыквенных бутылках выставили пахучее банановое пиво. Советник вождя завел с Хасаном приличный разговор, а начальник стражи отогнал любопытных подальше от поклажи путников. Напомнил, что первым подарки получает вождь. Сам встал на часах, а чтобы не терять времени даром, велел позвать лекаря.

Появился немолодой мужчина с умным выразительным лицом, в отличие от своих односельчан одетый в длинную холщовую рубаху. Скинул на землю кожаную сумку и начал доставать из нее маленькие ножи с тонкими лезвиями, сосуды и мешочки, пучки сухих листьев. В миске развел какой-то состав и сделал знак начальнику стражи. Тот встал спиной к солнцу, опираясь на копье, выставил зад.

Лекарь осторожно сделал несколько мелких надрезов, втер в них какое-то снадобье. Чтобы ранки не загноились, густо смазал их жиром. Все затаив дыхание следили за операцией, понимали, что так изукрасить свое тело может только очень важный человек. Для такой тонкой работы требуются много месяцев и труд искусного мастера. Большинство присутствующих ограничилось сделанной еще в детстве обычной родовой татуировкой — набором мелких шрамов на лице, груди, животе. Этого вполне достаточно для того, чтобы люли видели, кто ты такой. откула полом. чем

занимаются твои сородичи.

К вечеру опять пошел дождь. Посвежело. От этого, а может быть, и от непривычных кислых приправ у Дмитрия занял зуб.

Такое уже случалось в дороге, но решил, что пройдет и на этот раз. Но тут советник вождя что-то торжественно произнес и хлопнул в ладоши. Перед Дмитрием появились три девушки, стройные и пухленькие. На каждой узенький поясок с подвешенными на нем тонкими железными полосками и цепочками, которые в такт движения бедер издавали довольно мелодичный звон.

— Ночь будет холодной и сырой, — перевел с улыбкой Хасан. — Советник сказал, что согласно законам гостеприимства эти девушки согреют тебя, помогут скоротать ночь.

Девушки, конечно, ладные, глаза у всех озорные. У одной в толстую нижнюю губу вставлен прозрачный камешек, который вспыхивает голубым огоньком при каждой ее улыбке. Вторая красавица в свои губы вставила по плоскому диску из слоновьей кости, каждый размером не меньше, чем с чайное блюдце. Улыбкой не одарила, но гордо повернулась в профиль. Ну и картина — вылитая утка! Вот третья, кажется, ничего. В ноздре лишь маленькое золотое колечко.

Девушка перехватила заинтересованный взгляд и в

ответ приветливо улыбнулась.

Зуб схватило так, что чуть не закричал от боли! Вороту красавицы зияла черная дыра, и лишь с боков торчали заостренные резцы. Сильное впечатление!

— Хасан, что это у нее?

— Обычай такой. Передние зубы специально удаляют, потому что это считается очень красиво. Тогда женщина не похожа на корову или зебру с их выдающимися вперед зубами.

— Слушай, пусть они уходят. Скажи советнику спасибо, но мне сейчас не до красавиц. Очень уж сильно болит зуб.

Хасан говорил долго и убедительно, все слушали внимательно и кивали головами. Вновь появился лекарь, жестами успокаивал Дмитрия, потом заглянул ему в рот. Сокрушенно покачал головой и с важным видом протянул ему пучок коротких палочек из какой-то мягкой желтой древесины. Через малое время прибежал мальчик, который осторожно, прихватив щипцами за лапку, нес толстую зеленую жабу. Лекарь и ее осмотрел со всех сторон, а затем, не прикасаясь к ней, вырезал кусочек пупырчатой кожи. На кончике ножа протянул его Дмитрию и что-то сказал.

— Не бойся, сейчас он начнет лечение, — объяснил Хасан. — Положит этот кусочек кожи на больной зуб. Ты ложись и жди, когда запоют первые петухи. Тогда лекарь придет и вынет его. Дольше держать опасно, эти

жабы довольно ядовиты.

Но после такого лечения зуб никогда уже больше болеть не будет.

— Что делать с этими палочками?

— Жуй их по вечерам после еды, тогда все зубы будут здоровыми и блестящими.

Самым удивительным было то, что такое лечение помогло. Утром боль совершенно пропала.

Следующий день был длинным и шумным. С раннего утра на площади начали собираться жители селения. Под навесом разместились старейшины, а простой народ уселся позади. Вскоре в сопровождении придворных, жрецов, музыкантов и воинов явился и сам вождь Назимба-Мбангу. Был он не стар, но уже обладал довольно солидной комплекцией. Лоб и лицо тщательно выбриты, тело натерто жиром, разрисовано белыми и красными полосами. Наряд вождя состоял из пояса с бахромой бычьих хвостов и накидки из леопардовой шкуры. Но самое сильное впечатление производила его прическа — тонкие косички и нити цветных бус сплелись вокруг высокого конуса, изготовленного из серебристой коры какого-то дерева и украшенного яркими перьями. Все это сооружение скрепляла длинная булавка из слоновьей кости, на концах которой сверкали золотые кольца.

Увидев такое величие, народ дружно ахнул, а музыканты ударили в барабаны, затрубили в массивные

трубы, сделанные из слоновьих бивней. Вождь уселся на пронесенное слугами кресло и сказал речь. Сообщил, что души предков вовремя пригнали грозовые тучи и урожай будет хорошим, а после разгрома махдистов не следует ожидать набегов охотников за рабами. Приход паломников в селение — это еще один знак того, что год будет мирным и благополучным.

При этих словах Хасан, который слушал внимательно и кратко объяснял Дмитрию происходящее, бодро выступил вперед и произнес не менее прочувствованную речь. Затем поднес вождю подарки — большое медное блюдо, ручное зеркало, бусы, ножницы и другие мелочи, необходимые человеку, который имеет несколько жен и тщательно следит за своей внешностью.

После внимательного осмотра подарков зеркало вызвало наибольший восторг вождя и всей свиты. Началась деловая часть собрания. Разбиралась жалоба одной семьи, на поле которой забрели чужие коровы. Говорили пострадавшие, хозяин заблудившегося стада, свидетели и все желающие. Один за другим становились в центре площади и, простирая руки то к вождю, то к небесам, излагали свое мнение долго и страстно. Каждый подкреплял слова жестами и мимикой, делал выразительные паузы, а чтобы наглядно показать число коров или сумму убытка, выкладывал на землю соответствующее число пистолетов или камней. Когда

соответствующее число листьев или камешков. Когда солнце поднялось уже довольно высоко, на площадь вышел вождь. Один из слуг, согнувшись в глубоком поклоне, семенил чуть впереди, расчищал землю, на которую должна была ступить нога вождя. Другой обмахивал его опахалом из страусовых перьев, третий нес жбан с пивом.

И эта речь вождя была долгой. В перерывах играли музыканты, а сам повелитель кружился в танце. Слуги поили его пивом, вытирали с него пот. Народ восторженно кричал:

— Слава великому вождю, гром твоих барабанов сотрясает весь мир! Черный бык! Твои жены рожают двойни и тройни! Повелитель саванны, кучи навоза от твоих стад поднимаются выше гор!

— Почему он все время пляшет? — тихо спросил Дмитрий. — Сидел бы в кресле и говорил, как это делают все другие государи.

— Он должен показать своим подданным, что еще крепок и полон сил, — прошептал в ответ Хасан. — Эти люди верят, что от здоровья вождя зависят счастье и благосостояние всего племени. Сейчас они его боготворят, но верят, что если он будет больным и немощным, то навлечет беду на все племя. Тогда советники решают, что ему пришло время занять свое место среди предков. Старого вождя без лишнего шума душат, а потом выбирают нового и сильного.

Наконец Назимба-Мбангу закончил свою речь и объявил, что окончательный разбор жалобы состоится на следующий день, а сейчас настало время показать свое искусство непобедимым воинам племени. Барабанщики ударили так, что задрожала земля, и на площадь вступили копейщики. Они разделились на два отряда и устроили учебный бой, метали друг в друга копья и боевые палицы, ловко закрывались от ударов щитами. Особый восторг у зрителей вызвало новое оружие — щит, сделанный из огромной бычьей шкуры. Укрывшись за ним, пять воинов смело бросились в атаку и, как тараном, пробили ряды своих противников.

Праздник с общими плясками и пением продолжался и после наступления темноты. Но Дмитрий не принимал в них участия, сказал, что будет молиться. Зажег фитилек масляной лампы и в ее дрожащем свете вновь принялся за изучение хаусанской грамматики. Слуги, еще в первый день приставленные советником к гостям, успокоились, поняли, что никаким колдовством чужеземец не занимается.

Дни проходили за днями, грозовые ливни сменялись ровными дождями. К вечеру над горизонтом собирались тучи с полосами дождя. Словно стада бородатых козлов брели они над дальними холмами. После лихорадки Дмитрий быстро восстанавливал силы, до изнеможения делал упражнения, чтобы вернуть себе прежнюю форму, приседал и прыгал,

отрабатывал удары. От любопытных взглядов укрыться было невозможно, поэтому делал перерыв и громко читал молитвы или пел казачьи строевые песни. Чтобы выглядеть настоящим паломником, отпустил себе приличную бороду.

Тем временем Хасан все чаще напоминал вождю о желании продолжить свой путь, но в ответ слышал лишь рассуждения о плохой погоде, диких зверях, охотниках за рабами и оборотнях джу-джу, которые бродят по саванне. Еще вождь жаловался на жен, выманивших у него все ранее полученные подарки, говорил, что самая резвая из них, двенадцатилетняя шалунья, уже успела разбить заветное зеркальце. Приходилось копаться в изрядно похудевших дорожных сумках и подносить новые подарки. Однако каждый раз находились все новые причины для того, чтобы отложить отъезд гостей. Наконец Хасан не выдержал. Как-то вечером он встретил главного жреца.

О чем у него шел разговор с этим долговязым стариком, обвешанным амулетами и хвостами диких кошек, не узнал никто. Только при очередной встрече вождь наконец-то вынес решение — день отъезда паломников будет определен с помощью публичного гадания в храме, у алтаря предков.

Эту важную церемонию устроили на краю селения, где под особым навесом стояли вырезанные из черного дерева идола. В жертвенного камня лежали дары

деревянные подпорки. У жертвенного камня лежали дары местных жителей и дымился неугасимый огонь. Рядом на низких подпорках лежал гладкий банановый ствол, полностью очищенный от листьев. Вдоль него по всей длине были прислонены на различном расстоянии друг от друга короткие палочки. Жрец приказал собравшимся держаться от святыни на почтительном расстоянии, затем бросал в огонь какие-то составы и в клубах дыма долго произносил заклинания. Наконец обратился к душам предков и попросил их сообщить, через сколько дней гости смогут продолжить свой путь. После этого распростерся у алтаря и замер.

Все собравшиеся стояли молча, от едкого дыма слезились глаза, кружилась голова. Внезапно жрец вскочил и с радостным криком объявил, что узнал волю предков. Сейчас все сами увидят указание свыше, станут свидетелями чуда. С этими словами он подхватил небольшой барабан и, отбивая такт, пустился в быстрый пляс вокруг бананового ствола. От его топота легкие палочки так и посыпались на землю. Только две из них остались прочно стоять, удивительным образом не соскальзывая с гладкого ствола.

Глядя на эту церемонию Дмитрий так ничего и не понял, но Хасан не выдержал, вздохнул с явным облегчением.

Очень довольный вождь торжественно объявил.

— Воля предков услышана. Через два дня наши

гости смогут продолжить свой путь. Я прикажу снаодить их припасами, дам проводников.

29

Ровно через два дня Дмитрий и Хасан продолжили путь. Вождь сдержал слово, дал новых проводников и десятка два носильщиков, груженных корзинами с просом и сушеной рыбой. Этого должно было хватить до первых селений, лежащих на великом пути от озера Чад к Мекке. Самих паломников вождь облегчил до крайности, оставил в их распоряжении всего лишь сумку со священными книгами и одного осла.

Шли довольно быстро, делая лишь краткие остановки в полдень. Дожди еще продолжались, но начинались они под вечер, когда путники успевали устроить палаш и развести огонь. Местность постепенно повышалась, все реже становились лесные заросли и все выше над разбросанными группами деревьев и обширными полянами поднимались холмы и темно-бурые скалистые утесы. Часто приходилось продирается через густые заросли, окаймлявшие берега многочисленных ручьев и озер. Распугивали антилоп, зебр и стаи птиц, но стороной обходили стада крупных животных, слонов и буйволов. С опаской шли мимо деревьев, в тени которых дремали львы. Только львицы порой проявляли любопытство, но убедившись, что

порой проходили лесопышки, но усталые, по путников много и среди них нет отстающих, они равнодушно отворачивались.

Путешествие проходило спокойно до тех пор, пока однажды не раздался крик проводника — «дикие пчелы!». Потрясенный гудящий рой поднялся над зарослями, и люди бросились врассыпную. Кто-то уже бился на земле в судорогах, другие только вопили от боли и отмахивались от крупных мохнатых насекомых.

— Бежим! — крикнул Хасан. — Они нас зажалют до смерти! Подгоняя осла посохами, свернули с тропы, поспешно выбрались на обдуваемый ветром бугор. Отдыхались, и Хасан принялся рассказывать о свирепом характере диких пчел, которые не терпят чужих вблизи своих гнезд и жалют так больно, что многие люди после этого долго болеют и даже могут умереть.

— Подожди, Хасан. Что-то я не вижу наших носильщиков.

— Да, теперь их вблизи тропы не встретишь, разбежались по всей округе.

— Давай разведем костер, дадим им знак. Чтобы они знали, где можно всем собраться.

Однако костер не помог. День подошел к концу, и стало ясно, что уцелевшие носильщики решили вернуться в родное селение.

— Вот мы и стали настоящими паломниками, —

усмехнулся Хасан. — Имеем немного проса, горсть соли и посохи, чтобы отгонять нечистую силу и диких зверей.

— Я бы предпочел иметь винтовку.

— Не горюй, по воле Аллаха скоро дойдем до селений на караванном пути. Там найдем и еду и защиту.

До первых селений добрались к концу следующего дня, но не нашли в них никого. Впрочем, в этих размытых ливнями глинобитных стенах и источенных термитами столбах лишь с большим трудом можно было распознать остатки человеческих жилищ. Поля и улицы уже густо заросли травой и только несколько массивных каменных ступок и кучи шлака возле развалин кузницы свидетельствовали о том, что здесь когда-то кипела жизнь.

— На этих холмах стояли несколько деревень, был словно маленький город, — сокрушенно покачал головой Хасан. — Гостил у них всего год назад.

— Что случилось? Вымерли от болезней?

— Охотники за рабами добрались и до этих мест. Людей угнали, дома сожгли.

— Посмотри, там за развалинами кто-то прячется.

— Это павианы. Копают прошлогодний ямс. Пойдем, может быть и нам что-нибудь достанется.

На поле кипела работа, во все стороны летели комья земли и пучки травы. Больше всех старались самки с детенышами, примостившимися у них за

спиной. Резвый молодняк носился вокруг, норовил ухватить уже выкопанные толстые серые клубни. Широкоплечие, обросшие рыжей шерстью самцы следили за порядком, настороженно поглядывая по сторонам. Именно они первыми заметили приближающихся людей и подняли крик. Огромный вожак выплюнул недоеденный клубень, встал во весь рост, угрожающе заворчал и обнажил длинные, как у доброго пса, клыки.

— Пошел вон! — крикнул Дмитрий и наклонился за камнем.

— Остановись! Не делай этого! — предупредил Хасан. — Возьми посох как копье, а я сейчас разведу огонь и отпугну всю стаю.

Увидев пламя и решительно наступающих людей, обезьяны, которые в свою очередь вооружились камнями и палками, отошли в кусты. Последними уходили самцы, злобно скалились и били себя кулаками в грудь. Тем временем все остальные члены стаи раскачивались на ветвях, оглушительно лаяли и визжали.

— Это не мартышки, а павианы, с ними надо быть осторожнее, — говорил Хасан, в то время как они с Дмитрием быстро копали яму. — Они бродят по саванне стаями, вступают в драку с дикими собаками и даже с леопардами. Боятся только львов и змей. Княстянские поля уничтожают не хуже саванчи. не

столько сами съедят, сколько перепортят и разорят. Женщин и подростков совсем не боятся, царапают их и кусают. Да и безоружному мужчине в одиночку с ними лучше не связываться.

— Почему ты не велел бросить в них камень?

— Так они в ответ забросали бы нас камнями. Эти твари очень сообразительны и во всем подражают людям. У нас в квартале жил торговец фесками, так с ним произошла очень смешная история. Как-то он понес свой товар на базар в соседний город и в полдень решил отдохнуть в тени деревьев. Проснулся, а товара и нет. Думал, что его обокрали какие-нибудь прохожие, но поднял глаза и увидел стаю обезьян. Они расселись на деревьях и вертели в лапах его фески. Торговец кричал и ругался, даже стал просить обезьян вернуть украденное, но они только кривлялись и лаяли на него. Тогда он пустился на хитрость, сам стал кривляться и размахивать своей феской. Замахали и они. Он одел ее на голову, они повторили и это. Тогда он сорвал феску и бросил ее в обезьян. В ответ с деревьев посыпались фески, и ему осталось только поскорее собрать свой товар... Ну а теперь, пока у обезьян не лопнуло терпение, пошли и мы. Разведем большой костер и поедем печеного ямса.

Вечером сидели в шалаше у костра, грызли жесткие клубни. Дмитрий пытался вести разговор на хауса, а Хасан исправлял его ошибки. То и дело пускался в

долгие объяснения, которые переходили в воспоминания. Внезапно осел, привязанный поблизости, перестал жевать траву и насторожился. Из зарослей показался высокий и очень худой человек с длинной гривой волос. Одет он был в рванье неопределенного цвета, но в руках держал винтовку. Как и положено путнику, приветствовал сидевших у костра, восславил Аллаха.

Его гостеприимно пригласили к огню, угостили ямсом, а когда он поел, поинтересовались, кто он и откуда.

— Я Селим ибн Артуш из племени баккара, был воином великого Сулейман-бея, сына знаменитого Зубейра-паши. Мы сражались с англичанами и убили их многие тысячи. Эту винтовку я добыл в бою и лично перестрелял больше сотни неверных, но эти вероломные псы напали на нас во время вечерней молитвы и удача отвернулась от нашего вождя. Он бился как лев и погиб как герой. Теперь я возвращаюсь домой в Эль-Фашер, где все знают моего отца, торговца кожами.

— Никогда не видел столь грозного и смертоносного оружия, — промолвил Дмитрий и указал на винтовку. — Будет ли мне позволено взглянуть на нее поближе?

Воин протянул оружие, но не выпустил его из рук. Винтовка французская, системы Гра. Ржавый затвор стоит на предохранителе. Интересно, она заряжена или

нет? На поясе у ее владельца сумка, патроны могут быть и в ней.

— О доблестный воитель Аллаха, воистину ты пострадал от неверных, — сказал Хасан. — Ложись поближе к огню, отдохни. Ты прав, эти белокожие язычники хуже диких зверей. Я слышал, что в городах Эфиопии они вырезали всех жителей, никого не пощадили. Мой спутник, Альхаджи Муса, видел это собственными глазами.

Выразительный взгляд Хасана заставил Дмитрия подтвердить эту ложь. Видимо, рассказ воина вызвал какие-то подозрения и следовало поддержать слова напарника.

Ночью спали по очереди, часто подбрасывая хворост в костер. В соседних кустах загорелись чьи-то глаза и раздавалось глухое рычание, после которого стреноженный осел громко фыркнул и бил копытами.

Утром варили кашу, готовились продолжить путь. Неожиданно воин вскинул винтовку и решительно потребовал отдать ему осла.

— Не отдам! — Хасан вцепился в уже навьюченные сумки. — Великий грех лишать паломников, идущих из Мекки, последнего имущества!

Дмитрий начал громко молиться, как бы в растерянности сделал пару шагов в сторону, так чтобы восходящее солнце светило воину в лицо.

Но тот был неумолим, грозно потрясал винтовкой:

— Вы сможете продолжить путь и пешком, а я тороплюсь в родной город и мне очень далеко идти. Если не отдадите осла добром, то пожалеете об этом.

— Не грози нам! Ни один смертный не знает, где ему выкопают могилу! — возразил Хасан.

Воин присел на корточки и начал из камешков и кусочков глины складывать холмик.

— Вот смотри, делаю для вас могилу!

Наступила тишина. Холмик становился все выше. Опираясь на винтовку, воин работал одной рукой. Под тяжестью его тела винтовочное дуло все глубже уходило в рыхлую землю. Оружие становилось бесполезно и даже опасным для самого владельца — при выстреле пороховые газы просто разорвут забитый землей ствол.

— И я буду делать могилу, но для тебя, — произнес Дмитрий.

Он присел рядом и начал было собирать камни. Воин поспешно выпрямился и, схватив винтовку двумя руками, выставил ее вперед, совсем как копье. Растерянно заморгал ослепленный солнцем. Дмитрий стремительно прыгнул, ударил его головой в живот.

— Убей его, — предложил Хасан. — Он лжец и разбойник. Совсем не тот, за кого себя выдает. Сулейман-бея убили в прошлом году и сделали это свои. Тогда англичан в этих местах не было. А город Эль-Фашер находится совсем в другой стороне. Как твое настоящее имя? — обратился он к воину.

настоящее имя: — обратился он к воину.

Но тот сидел на земле, тяжело дышал и молчал.

— Он не опасен, в винтовке нет патронов, — сказал Дмитрий. Он сорвал с пояса воина сумку и вытряхнул из нее все содержимое. Так и есть, среди разного хлама нашлись и три патрона. Это уже хорошо. Винтовку почистим, будет как новая. — Вставай, бродяга, ты не достоин называться воином. С оружием надо уметь обращаться, а ты не смог даже открыть затвор и вложить патроны в магазин. Слышал поговорку — незаряженного ружья бояться двое? Тот, на кого оно направлено, и тот, в чьих руках оно находится. Вот только причины для страха у них разные. Подумай об этом и займись честным трудом. Твою винтовку и патроны я забираю, чтобы ты больше не пугал других людей. А сейчас убирайся!

— Лучше убей его, а винтовку положи рядом, — настаивал Хасан. — Думаю, что он просто вор, украл винтовку и теперь прячется в саванне. Если преследователи найдут его труп, то решат, что виноваты дикие звери. Найдут они и винтовку и успокоятся.

— Мы не знаем, есть за ним погоня или нет. Убивать его не буду, не возьму грех на душу. С винтовкой мне спокойнее. Признаюсь, что страшно безоружным бродить по этим зарослям.

— Ох, пожалеешь ты об этом.

В полдень того же дня несколько вооруженных

всадников окружили Дмитрия и Хасана. Смуглые и горбоносые, в синих рубахах и ярко-красных плащах. Кони отличные, сбруя и оружие в полном порядке. Их старший почтительно склонился в седле, на солнце сверкнул его полированный стальной шлем, как змеиная чешуя заблестела начищенная кольчуга.

— Приветствуем вас, святые странники! Рады встречи с вами! Мы шли по следам труса, который слишком долго общался с грязными нубийцами и опозорил наше племя баккара. Он бежал с поля боя и украл винтовку. Сейчас он уже понес наказание и стервятники рвут его печень. Но мы не нашли винтовку, а она стоит дорого и принадлежала одному из наших воинов.

— Возвращаю ее вам, доблестные воины, — сказал Дмитрий. — Нам она совсем не нужна.

— Этот грешник грозил нам и хотел ограбить, — поспешил добавить Хасан. — Но сила молитвы оградила нас от зла!

— Воистину так! Благодарим вас, святые странники. Просим быть гостями нашего славного и могучего повелителя, которого зовут Бегит-паша. Он ценит людей образованных, любит вести с ними мудрые беседы о вере, о жизни. До его зерибы⁹ всего лишь день пути.

— Мы слышали о Бегит-паше, — громко сообщил Хасан. — Будем счастливы увидеть человека, о котором

гремит слава по всей долине Нила!

Сделав вид, что поправляет сумку на спине осла, Хасан наклонился к Дмитрию и прошептал:

— Теперь молись всем, каких знаешь, богам, чтобы уйти живыми из дома этого убийцы.

30

Зериба Бегит-паши широко раскинулась на пологом холме. Невысокая изгородь из колючих кустарников окружала несколько приземистых глинобитных зданий, соломенных хижин, загонов для скота. Над всеми постройками и кое-где зеленевшими лимонными деревьями и посадками бананов поднимался уже порядком осыпавшийся земляной бастион, на вершине которого красовалась медная пушка. Все это окаймлял глубокий ров с торчащими на его дне острыми кольями. В некоторых местах, надо думать для обмана неприятелей, они были прикрыты тонкими ветвями. Но с первого взгляда было видно, что должного ухода за укреплениями нет и хозяин зерибы явно не опасается появления врагов.

Паша лично вышел встречать своих всадников. Выслушал донесение о расправе над дезертиром, принял похищенную винтовку и только после этого обратил внимание на паломников. Ласково расспросил, кто

такие, куда идут и откуда. У Хасана спросил, кто сейчас правит в султанате Сокото и через какие ворота быстрее всего можно проехать на городской рынок Кано. Услышал, что самый короткий путь ведет через ворота Вамбей, а нынешнего султана зовут Абдурахман и что народ называет его Сырой Глиной за противоречивые указы и неспособность выполнять собственные обещания.

— Что заставило тебя, турок, идти во владения султана? — обратился паша к Дмитрию. — Почему из Мекки ты не направился обратно в Египет?

— Я не турок, а черкес, но родился и вырос в Александрии, — ответил Дмитрий. — Моего деда турки еще ребенком захватили в одном из селений на Кавказе. Потом он служил в войске египетского паши, получил награды, а к старости занялся торговлей. Отец продолжил его дело и ходил с караванами через Сахару, до тех пор пока не ослеп во время песчаной бури. В Сокото на могиле шейха Османа дан Фодио молитва облегчила его страдания.

— Слышал об этом святом, который был неуязвим и мог в мгновение ока переноситься из одного города в другой, — паша милостиво улыбнулся. Его осведомленность поразила слуг, в толпе послышались восхищенные возгласы.

— Сейчас отцу опять стало плохо, и по его воле я должен вознести молитву об исцелении на могиле этого

мудрого шейха, славного многими чудесами. Кроме того, в Кано мне предстоит распорядиться имуществом отца, оставленным на сохранении у старейшины купцов квартала Дала.

— Это благое дело, Альхаджи Муса. Я сам потомок венгерского князя. В прежние годы турки сослали в эти края многих непокорных из Греции, Сербии и других поработенных ими стран. Поэтому я ненавижу турок! Они трусы и обманщики, такие же, как все эти нищие баккара и другие кочевые племена. Доверять можно только старательным и верным нубийцам. Они держат в повиновении остальной сброд и заставляют их исполнять мои приказания!

Улыбка сползла с губ Бегит-паши, глаза с красными белками зловеще блеснули, и смуглое лицо потемнело от гнева. Если и были на нем какие-нибудь европейские черты, то сейчас они совсем исчезли. Как бы растворились в крови нескольких поколений чернокожих наложниц. Да и сам наряд паши свидетельствовал о его воинственности — легкий шлем, обмотанный розовой чалмой, английский офицерский френч с незащпопанным пулевым отверстием на плече и подозрительными бурыми пятнами на рукаве, маузер в кобуре и кривой кинжал на поясе, да еще звонкие шпоры на красных сафьяновых сапожках. При виде такого костюма не оставалось никакого сомнения в том, что в

зериое редко вспоминают о таких качествах, как человеколюбие, и милосердие. Тут еще, по знаку паши, появился чернокожий слуга с подносом, на котором лежали изящная коробочка и резная трубка из слоновой кости. Пахнуло сладковатым дымком, и стало ясно, что в ней не обычный табак или какие-нибудь местные дурманные корни, а настоящий опиум из Индии.

После нескольких глубоких затяжек паша несколько успокоился и вновь превратился в гостеприимного хозяина. В изысканно-вежливых выражениях предложил паломникам осмотреть свое жилище. Тут же, словно из-под земли, появились рядом с ним шестеро громадных и черных как ночь нубийцев в алых шелковых шароварах. Каждый обвешан дорогим оружием, на шее имеет массивный золотой ошейник, символ рабской верности хозяину. Чтобы не отравлять своим запахом воздух в покоях, у каждого из них на левом плече был прикреплен козий рог, наполненный пахучим крокодильим мускусом. Шли тесно обступив пашу, бросая по сторонам зоркие взгляды. В одном из переходов моментально приперли к стене выскочившего из-за угла слугу с поварешкой в руке. Разбираться с ним не стали, так ловко свернули шею, что почти никто и не обратил на это внимания.

Паша неторопливо шествовал с гостями через вереницу сводчатых покоев. Их убранство было богатым — развешанные на стенах дорогие ковры и шкуры,

расставленные по углам резные сундуки из черного дерева, инкрустированные золотом и слоновой костью, полки с дорогой посудой. Через небольшие увитые зеленью дворы — в одном из них на короткой цепи сидел лев, в другом гуляли павлины — прошли в здание, комнаты которого были обставлены с еще большей роскошью. В длинном зале паша проследовал за шелковый занавес, расшитый золотыми цветами и изречениями из Корана, и уселся на низкий диван.

Сразу же около него появились рабы с пышными страусовыми опахалами, начали отгонять мух. Из темного угла выскользнул сморщенный старичок, примостился у ног повелителя, забормотал молитвы. Быстрым взглядом окинул паломников и с подчеркнутым смирением склонился перед ними до самой земли. Бесшумно ступая по коврам, слуги принесли блюда с кушаньями. Фрукты, переливающиеся всеми цветами радуги, стеклянные графины с прохладительными напитками. Потом подали и крохотные чашечки с ароматным кофе.

Угощение, особенно после скудных трапез у костра в саванне, было изобильным, но почему-то кусок не шел в горло. Паша за занавеской курил новую порцию опиума, а старичок завел душеспасительную беседу. Как бы между прочим упомянул, что истинно правоверные мусульмане совершают паломничество не в Мекку, а на могилу махди в Хартум, ибо его учение более свято, чем

слова пророка Мухаммеда. Услышав такие богохульные высказывания Дмитрий растерялся, но опытный в подобных спорах Хасан сразу же вступил в бой. С пеной у рта он начал доказывать святость Корана, так и сыпал цитатами из сочинений известных исламских правоведов. В свою очередь старичок стал было возражать, но гость не давал ему и слова сказать.

Но тут паша не выдержал. Резко встал и сердито произнес:

— Надоело слушать ваши споры! Пора Султану задавать корм. Пойдем, черкес, покажу тебе моих коней.

— Не забывай, паша, о скромности! — воскликнул старичок. — Как учил нас махди, человек должен ездить верхом только во время войны, когда он защищает истинную веру. В другое время он должен передвигаться пешком и не возноситься над остальными смертными!

— Замолчи, старик! Ты что, курятиной объелся? Думаешь, если был главным факихом¹⁰ в Хартуме, так и твои плевки стали святы? Терплю тебя, пока совсем не недоел со своими нравоучениями. Будешь приставать с советами, прикажу бросить в загон с рабами. Вот там и поучай язычников!

На конюшне паша Дмитрий увидел чистокровного арабского жеребца. Невысок, но строен, светло-серые бока отливают жемчужным блеском. Одного взгляда на грудь, спину, ноги достаточно для того, чтобы оценить

его резвость и выносливость. А какой красавец! Большие выразительные глаза с длинными ресницами, высокий лоб, лебединая шея... Сколько веков арабские поэты воспевают достоинства этой несравненной породы! Вот бы оседлать такого красавца!

— Какой чудесный конь! — Дмитрий даже прищелкнул языком от восхищения. Не удержался и процитировал слова пророка Мухаммеда, которые дядюшка велел затвердить еще в юности. — Да не проникнет злой дух в шатер, где находится лошадь чистых кровей! Да явится к ней ангел каждую ночь, поцелует ее в лоб и благословит ее хозяина!

Услышав это, паша расплылся в гордой улыбке.

— Вот он каков, мой Султан! Быстрый и послушный! В боях дважды спасал мне жизнь. Страшно сказать, сколько черных рабов и слоновьих бивней я отдал за него арабским купцам. О, черкес! Как он на тебя внимательно смотрит! Видно, чует знатока! Ты сам в чем разбираешься лучше — в Коране или в лошадях? Ладно, сейчас молчи, потом узнаем об этом.

В соседних стойлах находились и другие лошади. Уже знакомые Дмитрию горбоносые донгольские жеребцы, блестящие, словно из отполированной бронзы, берберийские скакуны, другие местные породы. Отличные юни, но теперь Дмитрий свои чувства, сдерживал, боялся показать собственные знания.

Хозяин лошадей увлекся сам. Подробно рассказывал

о каждой, сообщил, что весь табун держит за пределами зеробы, где-то в саванне. Раньше верхом ездил часто, уходил в дальние набеги за рабами, громил купеческие караваны и отряды других работорговцев. Побывал везде, кроме тех речных долин, в которых водится проклятая муха цеце, после ее укусов еще не выжила ни одна лошадь. В те долины приходилось посылать пешие отряды, там воины и рабы тоже умирали от ее укусов, но это же не дорогие племенные жеребцы.

Настроение паши опять быстро изменилось. От прежнего благодушия и гордости не осталось и следа. Он начал жаловаться на скуку и однообразие жизни в саванне.

— Больше двадцати лет сижу в этой зеробе. За всем приходится смотреть самому. Только один раз ездил в Каир, вернулся — а здесь половина рабов передохла, склады сгорели. Никому доверять нельзя. Все надоело, а теперь еще и торговля пошла совсем плохо.

— На Ниле купцы говорили, что после разгрома махдистов наступит мир и торговля будет процветать.

— Мой товар — рабы. Но еще в старину говорили, что торговец рабами никогда не разбогатеет. Очень уж это сложное и ненадежное занятие, требует постоянного внимания и заботы. Товар надо выследить, поймать, доставить на рынок вовремя и в хорошем состоянии, а он хитрит, сопротивляется, поднимает восстания, да еще болеет и умирает. С дикими зверями гораздо легче.

Больше всего хлопот с мужчинами, они непокорны, упрямы, много едят и не желают ничему учиться.

— Разве рабов чему-то надо учить?

— Разумеется. Мы добываем их в лесах, а продаем в города. Поэтому они должны уметь обращаться с самыми простыми инструментами, понимать, что им говорят. Цена необученного раба не покрывает расходов на его содержание. Лучший товар — это женщины и дети, их легче обучать и охранять. Одно только плохо, после перехода по саванне и пустыне из них до рынка добирается меньше половины. Да и тех потом долго приходится лечить и откармливать, чтобы они получили настоящий товарный вид.

— Много рабов в зерибе?

— Сейчас сотни две, а раньше меньше пятисот никогда не бывало. Хорошего товара становится все меньше. В старину негритянские деревни были совсем рядом, а теперь после набегов разбойников баккара там пустая земля. Приходится посылать этих бездельников в дальние края. Вот и сейчас для охоты настало самое время, чернокожие копаются на полях, а в саванне для конных раздолье, везде есть вода и трава. Чтобы хоть что-нибудь добыть в этом году, разослал всех на охоту, в зерибе остались только мои нубийцы и три десятка баккара.

— Мой отец вспоминал, что раньше только в Каире пропадали тысячи черных рабов, которых потом

продавались тысячи черных рабов, которых потом отправляли в Турцию, Сирию и Аравию.

— Давно это было. Сейчас эти проклятые франки запрещают торговать рабами. Они хотят, чтобы чернокожие работали в их собственных африканских колониях. Всем известно, что в старину они сами увозили рабов в Америку целыми кораблями. Вот это была действительно выгодная торговля — с корабля не убежишь, кругом море, а хозяину надо только товар кормить и следить, чтобы не началась лихорадка... Сегодня еще можно перегонять рабов тайными тропами и сбывать их старым надежным покупателям, но расходы стали очень уж большими. С махдистами кое-как можно было договориться, но теперь в наших краях появились эти «инглизы».

— Где?

— Три дня назад их разъезд прошел по караванной тропе и попал в нашу засаду. Всех положили, а офицера я сам подстрелил. Теперь имею этот мундир и маузер. Смотри, какая игрушка!

— Я в оружии ничего не понимаю. Боюсь на него даже смотреть, уповаю только на силу молитвы.

— Ну тогда пойдем взглянем на мой товар. Хотя особо гордиться нечем.

Зрелище было ужасным. В нескольких клетках под легкими навесами, тесно прижавшись друг к другу, сидели женщины и дети. Отдельно содержались

немногочисленные мужчины, на одних надеты ножные колодки, другие просто привязаны за шею к толстому бревну. Все худые и грязные, совсем голые. На специальном помосте над клетками возвышался надсмотрщик, старый нубиец с плетью в руках. Неподалеку, на самом солнцепеке, у всех на виду, лежал привязанный к скамье мужчина. Над его исполосованной плетью спиной вились тучи мух.

Паща взглянул на клетки, указал на мальчика лет семи. Внимательно осмотрел его со всех сторон, ударил по щеке. С видом знатока послушал плач, удовлетворенно кивнул, приказал вымыть и накормить.

— На ночь возьму его к себе, — пояснил Дмитрию. — Люблю, когда они при этом еще и звонко визжат.

Ночью, в тесной камере, которую отвели паломникам, Хасан шептал в ухо Дмитрию:

— Что же ты наделал! Пропали мы с тобой!

— Что случилось?

— Как ты пил кофе у паши?

— Как ты меня учил — пил и кофе, и холодную воду. Хотя это совсем невкусно и у нас так кофе не пьют.

— Так следовало не пить воду, а только рот ею споласкивать. И делать это надо до того, как пьешь кофе, а не после. Этот вонючий старикашка обратил на это внимание и понял, что ты не настоящий паломник. Не сомневаюсь, что он донесет об этом паще.

— Из этой зерницы надо уходить при первой возможности.

— Много встречал торговцев рабами, знал, что это жестокие люди. Но не верил рассказам о зверином нраве этого Бегит-паши. Теперь вижу, все это правда.

В соседнем здании раздавался стук пестов в ступках. Служанки толкли зерно для утренней каши, протяжно пели:

Толките зерно быстро,
Хозяин бьет палкой больно,
В того, кто сделал мало,
Он выстрелит из ружья.

Порой их пение заглушал детский плач.

Караван с рабами прибыл в зерницу, когда солнце поднялось уже довольно высоко. Еще издали стали слышны крики и хлопанье бичей. Четверо смуглолицых всадников баккара гнали десятка три людей, на шеи которых были надеты веревочные петли или привязаны толстые погаты. Кроме того, все они несли какие-то

желтые рюшечки. Кроме того, все они носили какие-то корзинки и мешки.

Увидев пленников, едва передвигавших ноги от истощения и усталости, паша пришел в ярость:

— Это все, что вы нашли в саванне, грязные собаки? Где Абдулла!

— О, великий паша, он просил сообщить тебе, что продолжает охоту в новых долинах. Он...

— Он лжец, как и все баккара! Добывает ценных рабов, а потом тайно сбывает их другим торговцам. Своему же хозяину присылает ходячую падаль! Сколько дней мне придется откармливать этих покойников перед тем, как выставлю их на продажу! Сейчас отправить всех их под замок, а с вами, бездельники, я еще разберусь!

— О, могучий Бегит-паша, не гневайся! Абдулла посылает тебе редкий подарок — девственницу из южных лесов!

Перед пашей поставили небольшую деревянную клетку, в которой сидела, сжавшись словно испуганный зверек, голая пигмейка. Взглянуть на это крохотное создание с вполне развитыми женскими формами быстро собрались все обитатели зерибы. Воины баккара встали отдельно, с плохо скрываемым презрением смотрели на происходящее.

— После этой ночи меня на малышей не тянет, — объявил паша. Попыхивая трубкой, он обошел клетку и

повернулся к одному из своих телохранителей-нубийцев. — Ты у нас самый длинный. Позабавься с ней, а мы поглядим. Думаю, она тебе как раз до пупка достанет! Ха-ха-ха!

Девушку выпустили из клетки. Под шутки и хихиканье слуг нубиец опустил руку на ее плечо, другой начал распускать пояс своих шаровар.

— Сейчас увидим танец слона и обезьяны, — произнес один из баккара и добавил совсем уж неприличное.

Услышав это, нубиец повернулся и зло оскалился.

— Я с тобой еще посчитаюсь за такие слова!

Для внушительности показал обидчику громадный кулак. На какое-то мгновение пигмейка оказалась свободной и тут же юркнула в толпу зрителей. Все с криками бросились ее ловить, но только без толку толкались и падали на узких проулках. Нубиец, как разъяренный буйвол, мчался за ней следом, сбивая с ног встречных. Через дыру в ограде девушка проскользнула в загон для скота, вскарабкалась на стоящее рядом дерево и с его ветвей спрыгнула на земляной бастион. Сидевший на пушке часовой только рот открыл от изумления, когда она сбегала вниз по брустверу и миновала ров, ловко прыгая по набросанным сверху колючим ветвям. Вбежавший следом за ней на бастион нубиец яростно зарычал, отвесил затрепину часовому и тоже начал скакать с ветки на ветку. Но они не

выдержали его тяжести, и великан рухнул вниз.

Пигмейки и след простыл, а обитатели зерибы с ужасом слушали доносившийся из рва звериный вой. Пробитый острыми кольями нубиец бился на дне, разбрасывая зловонную грязь.

В ров послали троих рабов, и хотя им была обещана свобода и они старались изо всех сил, но вытащить огромного нубийца так и не смогли. Один из них поскользнулся и сам напоролся на острый бамбуковый шип. Издал пронзительный крик, а потом начал проклинять самого Бегит-пашу и призывать страшные кары на всех его родных и близких, не оставил в покое и предков.

Тогда стоявший на краю рва паша поднял маузер.

Когда все смолкло, он приказал:

— Засыпьте их! Факих, прочитай молитву.

Мрачный хозяин зерибы направился к себе, но на половине дороги остановился и подал знак слуге. Все неподвижно стояли, затаив дыхание, со страхом наблюдали, как он неторопливо затягивается дорогим индийским зельем.

— Кровь зовет кровь! — наконец воскликнул паша. — С нашими людьми случилось несчастье! Кто виноват в нем? Я точно знаю, что в зерибу проникли злые люди. Среди них есть опасный колдун! Но сегодня мы все очистимся от его волшебства!

— Как ты мвлп. о папа! — прокричал стариканка-

факих. В его руках появилась грамматика хауса. — Вот она, дьявольская книга с письменами неверных! Я нашел ее в сумке этого рябого паломника. Он колдун, а его спутник — самозванец и тайный лазутчик. Я это понял сразу, как только увидел его манеру пить кофе!

— Все верно. С колдуном еще успеем расправиться, а черкес не паломник. Он слишком хорошо разбирается в торговых делах. Кто из моих соперников подослал его, узнаем потом, а сейчас приведите сюда того инглиза, что сидит в яме. Мой лев еще никогда не пробовал мяса людей этого племени. Потешимся!

— О, великий папа! — старший из нубийцев склонился в глубоком поклоне. — Сегодня пролилась кровь моего брата. Окажи милость, дозвожь мне самому расправиться с этим инглизом. Он так долго сопротивлялся и успел убить моих лучших друзей.

— Ты мой самый верный слуга. Я выполню твою просьбу! Но и ты покажи свое искусство в сабельном бое. Порадуй нас и снеси голову этого неверного одним взмахом! Люблю красивую работу!

В ожидании захватывающего зрелища все расположились на небольшой площади в центре зерибы. Сам папа уселся в принесенное кресло, неторопливо прихлебывал пенистое пиво, прикладывался к своей трубке. На всех смотрел с благодушной улыбкой. Время от времени топал ногой и, склонив голову, слушал звон

шюр. Грядом с ним возвышались нуоицы с обнаженными саблями в руках. Дмитрию и Хасану указали место рядом на разостланном ковре. Напротив сел факих, не спускавший с паломников глаз. Позади встали дюжие слуги, шумно дышали в затылок.

Все замолчали, когда на площадь вывели англичанина. Был он высок и голубоглаз, на бледных щеках отросла светлая щетина. Половина лица представляла собой багровый кровоподтек, на плече повязка с бурыми пятнами крови. Судя по форменному ремню и ботинкам, офицер. После долгого сидения в яме, он ступал нетвердо, щурился от яркого солнца. Увидел на паше свой мундир, едва заметно усмехнулся.

Один из слуг, тот, что неизменно подносил паше трубку, сильно коверкая английские слова, объявил пленнику волю хозяина зерибы — ему предстоит поединок с нубийцем. Если англичанин победит, то получит свободу. Оружие может выбирать сам, но только не огнестрельное.

Англичанин понял, указал на одного из нубийцев.

— Пусть вернет мою саблю.

Встал перед противником, но сперва обратился к слуге:

— Ты заманил меня и моих солдат в ловушку. Запомни, смерть лейтенанта Ричарда Коррепа из Первого полка королевских драгун тебе не простят. Начальник разведки майор Вингейт доберется до тебя!

Начинаем! Боже, храни королеву Викторию!

Клинки скрестились. Несомненно, нубиец был мастером своего дела. Но на противника нападал не в полную силу, можно сказать, просто играл с ним, чтобы доставить зрителям удовольствие. Каждому, кто более или менее умел владеть саблей, было ясно, что англичанин находится далеко не в лучшей форме. Хотя он и держался изо всех сил, но двигался медленно, порой ошибался в выполнении приемов.

Глядя на такое, Дмитрий невольно поморщился. И зачем этот парень решил фехтовать во французской манере? Сейчас ему нужны не изящные движения кистью, а мощная работа локтем и плечом. Кто его только учил? Эх, да теперь уже поздно...

Тем не менее офицер достал-таки противника, который совсем было увлекся игрой. Сделал быстрый выпад, царапнул по ребрам. Но в ответ получил удар плашмя по голове, выронил клинок и рухнул как подкошенный. Торжествующий противник встал над ним, с довольной улыбкой слушал приветствия. Но рубить лежащего не хотел — выжидал момент для широкого замаха.

Наконец англичанин открыл глаза, дрожащими руками оперся о землю и медленно сел. Удар последовал мгновенно. Только ожидаемого всеми эффекта не поручилось. Нубиец поторопился и нацелился слишком высоко. Разрубив затылок, его сабля уперлась в челюсть.

Такой удар вызвал смех и шутки знатоков.

— Кто же так рубит!

— Голова должна сама отскочить на пять шагов!

— Ты что, за ночь совсем сил лишился?

Обозленный такой неудачей, нубиец со злости пнул тело противника. Все разом испуганно замолчали.

— Бить мертвого грех! — громко произнес Хасан. — Только трусливый шакал...

— Замолчи, рябой колдун! Я не боюсь твоего волшебства! — Нубиец черной горой навис над Хасаном. Его сабля сверкающим кругом засвистела над головой паломника. — Вставай! Сейчас распластаю тебя пополам!

Дмитрий быстро вскочил с ковра, поднял саблю англичанина. С поклоном произнес.

— Дозволь, великий паша, помериться силами с твоим славным воином! Обещаю порадовать твое сердце! Ты верно сказал, я торговец. Позволь предложить тебе сделку — если мне повезет, уйду из зерибы. Если нет, то все имущества моего отца в Кано достанется тебе.

— Согласен, это хорошая сделка, — паша разлепил губы в широкой улыбке. Он был уверен, что новый поединок сулит продолжение кайфа.

Рубчатая рукоять сабли сама впаялась в ладонь. Привычная тяжесть оружия успокоила, чувство беспомощности прошло. Если выбраться хитростью из

оспомощности прошлю. Если выторгаться хитростью из этого логова не удастся, попробуем силой.

Доволен был и нубиец. Приказал убрать труп англичанина, подмести площадку. Подошел к Дмитрию, дружелюбно подмигнул и показал свой клинок.

— Сегодня моя Черная молния вволю напьется крови чужаков.

Да, таким клинком можно любоваться часами. На почти черной полированной поверхности переливчатые, как струи ручья, бегут мелкие узоры. Редкая разновидность дамасской стали, настоящая «кум — хунды» или «индийская волна». Безотказное оружие в умелых руках.

Англичанин молодец, из последних сил, но держался. Умер с честью. Только следовать его примеру, объявлять свое имя и грозить возмездием не надо. Нубиец сильный противник, и случиться может всякое, так что пусть все считают, что видели египетского черкеса. Свою роль надо исполнить до конца, а дойдет ли до России весть о гибели казака, знает один Бог.

Взглянул на Хасана, тот сидел ни жив ни мертв. Надо товарища в чувство привести. Ничего, он человек африканский, впечатлительный, но хитрый. Что-нибудь да придумает, своими цитатами и молитвами прикроется, останется жив.

Еще раз поклонился папе, поблагодарил за великую милость. Громко попросил передать свой последний

привет родителям и друзьям в Египте. Хасан услышал, пришел в себя, чуть заметно кивнул. Значит, понял.

Нубиец начал бой осторожно, не бросился сразу в отчаянную атаку. Может быть, почувствовал в новом противнике скрытую угрозу. Был он на голову выше Дмитрия и явно сильнее. Первые удары провел в полсилы и даже чуть раскрылся, но увидел, что противник не обманулся, и пошел рубить с плеча. Бил сильно и резко, но — слава Богу — английская сталь выдержала встречу с Черной молнией. Умелая защита, а затем стремительные контратаки и легкий укол в бедро лишили нубийца всякого хладнокровия. Он зарычал и взялся за дело всерьез.

Пришлось попотеть, но уклоняться и двигаться Дмитрий умел. Отбив очередной удар, он перекинул саблю в левую руку. Прием, много раз отработанный на учениях, помог и в настоящем бою. Увидел удивление в широко раскрытых глазах нубийца и ударил его чуть выше правого локтя. Парализованная рука бессильно опустилась, и Черная молния выпала на землю. Второй удар в висок свалил и самого нубийца.

От неожиданности все застыли в ужасе. Первым пришел в себя паша, махнул рукой, и остальные четверо телохранителей двинулись на Дмитрия.

Но тот уже был готов к встрече. Черная молния в одной руке, сабля в другой. Ложный выпад в голову правой, косой удар в живот левой! Раз и еще раз!

Четвертый нубиец, увидев, как его соплеменники, пугаясь в кишках, корчатся на земле, обратился в бегство.

Пытаясь подняться с кресла, паша что-то свирепо хрипел, плевался и скалил зубы. Нетвердой рукой потянул из кобуры маузер. В то же мгновение Дмитрий оказался рядом и лихо срубленная голова хозяина зеробы покатила по площади.

Она еще не остановилась, а маузер оказался в руке Дмитрия.

— Хасан, держи саблю! Уходим!

Но Хасан не послушался. Он, поднял отрубленную голову и, держа ее за уши, обратился лицом к собравшимся. Пошел по кругу крича о том, что всемогущей силой своего колдовства он сокрушил пашу и его слуг, избавил людей от их сатанинской власти. Нараспев выкрикивал древние заклинания и проклятия, поминал мусульманского шайтана и негритянского джуджу, обращался к душам предков. Эти страшные слова, остекленевшие глаза и смертельный оскал паши, еще агонизирующие тела его нубийцев, внушили неопиcуемый ужас.

Хасан остановился перед старикашкой-факихом, ткнул ему голову под самый нос и громко приказал:

— Умирай!

Старик судорожно схватился за сердце и упал
НАВЗНИЧЬ.

Сидевший у кресла паши слуга не стал дожидаться своей очереди. Он отбросил поднос с трубкой и коробочкой для опиума и что-то поспешно сунул себе в рот. Через малое время и он уже лежал бездыханным. Все остальные попадали ниц, моля Хасана о пощаде.

Только старший из воинов баккара, стоя на коленях, протянул руки к Дмитрию:

— О великий воин! Мы все в твоей власти! Приказывай, повелитель Черной молнии! Разрешить тебе тайное слово!

Дмитрий вопросительно взглянул на Хасана. Тот кивнул и тихо произнес:

— Выслушай его. Он хочет стать нашим союзником. Я же пойду и посмотрю за порядком в зерибе. После того, что мы здесь натворили, некоторые могут со страха сойти с ума.

— Пусть твои воины баккара охраняют ворота и кладовые! — приказал Дмитрий.

— Всем разойтись и выполнять распоряжения Альхаджи Хасана! Теперь говори свое тайное слово.

Сообщение оказалось кратким. По следам английского разведывательного дозора, уничтоженного нубийцами паши, идет карательный отряд. Его командир, по имени Айчак, действует быстро и решительно — за правдивые сообщения платит серебром, за ложь расстреливает. В одном месте жители

попытались оказать ему сопротивление, так в ответ он сжег селение и угнал весь скот. На саблях вольных всадников баккара нет английской крови, они могут остаться и принять новую власть, но могут уйти в другие места. Саванна очень и очень большая и, если Альхаджи Муса желает установить свою палатку в какой-нибудь долине, то всадники готовы служить ему.

— Почему мне, а не Альхаджи Хасану? — поинтересовался Дмитрий, поглаживая переливчатую сталь своего нового клинка.

— Он колдун, а ты в бою овладел Черной молнией, омыл ее кровью врага. Это счастливый клинок. Он появился в наших краях больше двухсот лет назад и всегда приносит счастье своему хозяину — победу или быструю смерть. Сейчас смутное время и наш род хочет иметь сильного и удачливого вождя. Такого, как ты!

— Хорошо. Какой из себя, этот Айчак?

— Мои лазутчики видели его. У него на лице шрам, на правой руке нет двух пальцев, он хромает. Большинство его людей это галласы с Восточных гор, они пришли из-за Нила.

— Они из рода оромо? Их покровитель великий Вака?

— О, Альхаджи Муса! Ты настоящий вождь, умеешь распознать врага и убить его! Для тебя нет тайны на поле боя!

— Еще я умею превращать врага в своего друга.

Посылай гонцов, пусть скажут — я ожидаю Айчака в зерибе!

32

Со времени последней встречи Айчак сильно изменился. Во взгляде появилась спокойная уверенность, властно зазвучал голос. Да и сам он, казалось, стал выше ростом и не так заметно хромот. Традиционную рубаху с расшитым воротом сменил на английский мундир песчаного цвета со множеством медных пуговиц и карманов. Поперек груди поместил длинную серебряную цепочку, на которой красовались часы, размером и формой напоминавшие крупную грушу. На широкий офицерский ремень повесил кобуру с американским кольцом и кривой дедовской саблей.

Многие воины последовали примеру вождя и обзавелись заморским обмундированием, расстались с копьями и щитами, вооружились карабинами. Теперь, глядя на них, трудно было сказать, кто они такие, к какому племени относятся. И хотя в отряде было не больше сотни всадников, но выглядели они весьма внушительно. Своего бывшего начальника Айчак узнал сразу. Легко соскочил с коня, бодро захромал навстречу.

— Здравствуй, фитаурари! Мы все уже слышали о подвиге нашего побратима. Воистину, великий

прародитель Вака сохранил тебя и в логове юварного паши! Но что завело тебя так далеко от эфиопских гор?

Дмитрий, за спиной которого выстроились конные баккара, торжественно приветствовал вожака галласов и в свою очередь задал вопрос:

— Как ты сам оказался в этих краях! У тебя теперь новый хозяин?

— Негус отпустил нас. Война с итальянцами закончилась, махдисты разбиты. Жить стало скучно — ни походов, ни добычи. Некоторые мои соплеменники остались на эфиопской службе, отправились ловить сомалийцев, которые воруют скот. Другие, те, что постарше и послабее, разошлись по домам. Потом появился какой-то французский офицер, звал к себе на службу. Но мы не успели договориться, англичане быстро выгнали всех французов с берегов Нила. А со мной встретился майор Вингейт, слуга английской королевы, просил помочь установить порядок на этих землях. Без лишних разговоров снабдил оружием и припасами, обещал хорошо заплатить.

— Ну и как служится у англичан?

— Слушай, фитаурари, — Айчак хитро прищурился. — В это время года в саванне легко напоить коня, а вот всадник не везде может выпить чашечку кофе.

Когда расположились в покоях паши, и слуги, расставив блюда и кувшины, ушли, разговор

продолжился.

— Скучно служить у англичан, — признался Айчак.

— Почему?

— Очень они строгие и жадные. Воевать начинают только в том случае, если не могут получить чужое добро каким-нибудь другим путем. Больше всего они интересуются налогами и всякими хозяйственными делами. Сейчас собираются начать перепись людей и скота. Правда, сделали одно доброе дело — запретили хождение монет махдистской чеканки, в которых меди было больше, чем серебра.

— Разве это плохо?

— Понимаешь, англичане сами во все эти дела не вмешиваются. Они везде поставили египтян, которые ради них и стараются. Прибыль выколачивают беспощадно, но и себя не забывают. Одного такого и ко мне приставили. Едет следом и ведет учет всему, что ему попадается на глаза. В одной деревне мы нашли стадо коров в тридцать голов. Двух из них львы задрали, одна захромала, и мы ее отправили в котел. Так он всех записал и теперь требует, чтобы я оплатил английской королеве стоимость этих трех коров!

— Египтянин будет описывать имущество и в зерибе? — поинтересовался сидевший рядом Хасан.

— Да. Он писарь из казначейства губернатора, сам родом из Каира и грозен, как султан. В его записях мы ничего не понимаем. но видим. что все пенное он

прячет в отдельный сундук. Только не знаем, для кого все это предназначается — для англичан или для него самого? Думаю, что и с вас он потребует полный отчет за все имущество в зерибе.

— Ну нас он здесь уже не застанет... — начал было Хасан.

— Подожди, — остановил его Дмитрий, который вспомнил о предложении старшего из воинов баккара. Что, если продолжить путь на запад не с одним посохом в руках? Обстановка изменилась. После разгрома махдистов в саванне стало беспокойно и повсюду бродят пайки охотников за людьми и скотом. Все племена и роды вспомнили старые обиды, взялись за оружие и решили добиваться благополучия за счет соседей. Двигаться дальше в одиночку очень опасно. Но если нельзя проскользнуть незаметно, то можно пробиться в открытую. Во главе сильного и хорошо вооруженного отряда!

— Слушай, Айчак. По приказу негуса мы с Хасаном направляемся к эмиру Борну Раббеху ибн Файдулла. Но об этом знать должен только ты. Для всех остальных мы паломники и едем в Борну по торговым делам. Некоторые баккара готовы сопровождать нас.

— О! Кто не слышал о великом воине Раббехе! Фитаурари, возьми меня с собой! Я свободный воин и не желаю быть слугой у египетского писаря и сторожить

коров английской королевы. Мои всадники пойдут за тобой!

— Согласен. Но я не хочу забирать весь твой отряд. Английским властям это не понравится, а ссориться с ними я не хочу.

— Ты прав, сейчас с охраной ехать надежнее, — согласился Хасан. — Да и в Борну к нам отнесутся более внимательно, если явимся туда не как нищие странники с одним ослом, а в сопровождении хорошо вооруженных всадников. На конюшне паши возьми арабского жеребца, чтобы все видели этого красавца под твоим седлом. На берегах озера Чад знают толк в лошадях и там выращивают на продажу отличных скакунов. Даже есть пословица — «В Борну со своим конем не ездят».

— Большое число людей будет трудно прокормить в разоренных деревнях, а с большим караваном не сможем быстро двигаться.

— Тогда отберем только самых лучших рубак. Пусть с нами едут и баккара, они знают местность и с помощью своей родни помогут достать продовольствие.

На том и порешили. Сборы в дорогу начали немедленно. Начальники отлично знали своих людей, и для них отобрать среди многочисленных добровольцев полсотни воинов не составило труда. В конюшнях зерибы забрали лучших коней, и весь отряд снабдили магазинными винтовками с солидным запасом

патронов. Не забыли о сушеном мясе, соли и других необходимых припасах. Айчак, не хуже кадрового вахмистра, придирчиво осмотрел конскую сбрую, одежду и обувь новых подчиненных. Доверенные слуги паши пали ниц перед Хасаном, просили сохранить им жизнь и, перебивая друг друга, указали на тайник своего господина. Так что Дмитрию осталось только наполнить небольшой дорожный мешок золотыми и серебряными монетами и раздать воинам награды.

Навели порядок и в самой зерибе. Рабов выпустили еще в первый же день и предложили им разойтись по домам. Но все они отказались вернуться в свои разгромленные селения и просили оставить их в этом краю. Сказали, что будут обрабатывать окрестные поля и заниматься ремеслами. С этим согласились, а затем Айчак собрал все окрестное население и от имени английских властей предупредил, что с работоторговлей покончено. Приказал честно трудиться и исправно платить налоги. Одного из старых воинов баккара назначил управляющим и велел наблюдать за порядком, охранять дом паши, запасы слоновьей кости, тканей, зерна и другое имущество.

Можно было отправляться в поход, но Дмитрий решил дожидаться прибытия писаря-египтянина и официально передать ему все это хозяйство. Отлично знал повадки местных чиновников и не хотел, чтобы в будущем кто-нибудь обвинил его в расхищении трофеев,

на часть которых он имел законное право.

Писарь, уже немолодой господин с широким желтым лицом и редкими зубами, явился в зерибу во главе целого каравана тяжело груженных ослов. Держался он очень важно и сразу же сделал выговор Айчаку за то, что для его охраны выделено мало воинов и все они до безобразия прожорливы, ленивы и глупы. Тем не менее гостя встретили с почетом, усадили в парадном зале, поднесли угощение и кофе. При виде убранства покоев паши и дорогой посуды глаза писца округлялись. Пальцы сами собой прилипли к массивному подносу. Кривые ногти царапали его поверхность. На толстых губах мелькнула довольная усмешка... Вещь ценная, не базарная дешевка, а чистое золото!

Слуги вносили одно блюдо за другим, а тем временем Айчак старательно играл роль хозяина, представлял гостю паломников и вожakov баккара. Когда слуги удалились, он рассказал о последних событиях в зерибе. Его дополнили старейшина баккара и Хасан. В ответ последовали милостивый кивок и длинная речь о значительных непорядках, уже замеченных во дворе и в самом доме. С большим вниманием было выслушано сообщение Дмитрия о том, что тело английского офицера засыпано солью, завернуто в бычью шкуру и может быть отправлено майору Вилгейту. Упоминание о том, что на следующее

майору Винсенту. Упоминание о том, что на следующее утро паломники продолжат свой путь на запад, казалось, не вызвало особого интереса.

Но тут опять заговорил Айчак:

— Вместе с некоторыми родственниками я решил присоединиться к этим святым людям. Здесь мне больше нечего делать, приказ майора исполнен, Бегит-паша мертв. Для охраны зерибы остается достаточно воинов.

— Кто оплатит ваши долги?

— Майор нам денег не давал, а за все остальное мы полностью расплатились. Навели порядок в этой глуши, так что англичанам остается только поднять здесь свой флаг и начать собирать налоги.

— Ничего подобного! — живо возразил египтянин. — Сколько твои головорезы растащили добра, сожгли домов и сожрали овец? У меня все это записано. Проверю и сумки паломников. До тех пор пока я не перепишу все имущество, никто не выйдет из ворот зерибы!

— Англичане сами должны заплатить нам за то, что мы отомстили за убитого офицера, — возразил Хасан. — Из имущества пашы берем только то, что необходимо для дальнего пути. В зерибе остаются полные кладовые, много скота и сотни рабочих рук.

— Без расписки не возьмете и горсти зерна! — Рука писаря намертво вцепилась в поднос. Блеск золота отражался в его широко раскрытых глазах. Голос дрожал

от возбуждения. — С англичанами шутки плохи! Они беспощадно карают врагов и всех, кто покушается на их добро. Могущество британского льва...

— Говорят, ты сам родом из Каира? — перебил его Дмитрий. — Хочешь еще раз увидеть большой мост через Нил и лавки Старого города? Тогда пиши расписку в том, что не имеешь ко всем нам никаких претензий и все имущество в зерибе принял в полной сохранности.

— Ты упомянул о льве, — добавил Хасан. — Но забыл, что, найдя добычу диких собак, лев отступает перед их стаей. Здешнего добра хватит на всю жизнь и тебе, и английской королеве. Если даже немного обделишь ее, то Аллах простит такое прегрешение. Но как он посмотрит на обман единоверцев?

— Какой обман!

— Сейчас узнаем. В Каире и мне доводилось бывать. Открывай сумку, взглянем на твои счетные книги.

— Да что с ним разговаривать! — не выдержал старшина баккара. — Посадим египтянина в яму с кубрами, а потом пересыпим солью и отправим в Хартум вместе с телом офицера!

Такое откровенное высказывание наконец-то привело писаря в чувство. Только теперь он оторвал взгляд от золотого подноса и внимательно взглянул на собеседников. Увидел суровые и решительные лица, на которых не было ни малейших следов страха или

милосердия. Все понял и побледнел. Трясущимися руками начал поспешно доставать из сумки письменные принадлежности.

На следующее утро отряд выступил на запад.

Первые два дня делали небольшие переходы. Люди и кони должны были втянуться в походный ритм, привыкнуть друг к другу, освоиться со своими обязанностями. Мешали племенные различия, и воины еще недоверчиво поглядывали друг на друга, по вечерам у костров садились порознь, держались поближе к своим прежним начальникам. Первым на это обратил внимание Хасан, который теперь ведал десятком навьюченных верблюдов и их погонщиками. Предупредил об этом Дмитрия, но тот отмахнулся. Все свое свободное время уделял серому красавцу Султану, взятому из конюшни паши. Сам лично поил его и чистил, угощал кусочками желтого тростникового сахара. Конь уже признавал нового хозяина, приветливо пофыркивал при его появлении.

Нападение на лагерь произошло на третий день. В полдень остановились на отдых у небольшой речки и, как обычно, выставили дозоры. Айчак с важностью, взглянув на свои массивные часы, объявил, что можно будет отдыхать целых четыре часа. Хасан и старшина баккара уселись в тени, принялись в полголоса обсуждать дальнейший путь, советовались о том, как обойти места, в которых обитает страшная муха цеце.

осонки мести, в которых сыпался страшный мушкетерский град, погубившая на африканской земле не одно конное войско. С помощью камешков и травинки обозначали реки и населенные пункты. Дмитрий примостился рядом, слушал их разговор и прилаживал к седлу с каждой стороны по кобуре. После того как безоружным странствовал по саванне, решил максимально усилить свою огневую мощь и кроме маузера с карабином обзавелся двумя восьмизарядными кольтами из арсенала паши.

Сонную тишину нарушили испуганные крики и топот коней. Незнакомые всадники скакали от зарослей на берегу реки прямо к центру лагеря, где были сложены выюки с патронами и другими припасами. Растерявшиеся воины, многие из которых еще толком и не проснулись после дневного сна, метались у своих палаток, бестолково хватались за оружие. Первым пришел в себя старшина баккара, бросился наперерез нападавшим с обнаженной саблей. Но тут же упал пронзенный копьем.

Положение спас Дмитрий, взялся за свои кольты и с двух рук открыл огонь в упор. Первые три всадника разом вылетели из седел, остальные пришли в ужас от результатов такой частой стрельбы и свернули к отрядному табуну. Но там их уже встретили коноводы, которые не пожалели патронов. Нападавшие бросились врассыпную и исчезли в саванне. Еще не успела осесть

пыль, как Айчак с несколькими воинами пустился в погоню. Из прибрежных кустов выбежали двое дозорных и тоже стали палить в сторону саванны.

После нападения в лагере стали наводить порядок, подсчитывать потери. Оказалось, что погиб только старейшина баккара да кое-кто из воинов получил легкие ранения. Отдельно сложили тела пяти чужаков, собрали их оружие, привели трех пойманных лошадей. С большим вниманием рассматривали все это, обменивались впечатлениями после боя. Вскоре вернулся Айчак со своими людьми, привел двух пленных.

— Нападавших было не больше трех десятков, — заявил он. — Сейчас по татуировке убитых определим, кто решил нас ограбить. Потом решительно поговорим с этими двумя, и они покажут дорогу к своим селениям.

— Узнай, кто навел их на наш лагерь и как им удалось напасть так внезапно, — приказал Дмитрий.

— Думаю, что все обитатели саванны уже знают, что мы взяли кое-что из имущества Бегит-паши. О его богатстве ходят легенды, поэтому люди уверены, что мы везем несметные сокровища, что пряжки наших поясов из золота, а конские удила из серебра. Очень много охотников овладеть этим добром. Но я не знаю, как им удалось незаметно приблизиться к нашему лагерю. Да еще днем.

— Об этом я расскажу, — сказал Хасан. Сейчас

ходил к реке, к тому месту, где мы выставили дозорных. Там на прибрежном песке все очень хорошо отпечаталось.

После краткого доклада Хасана пришлось принимать срочные меры. Двух молодых воинов баккара, находившихся в дозоре у реки, поставили перед товарищами и просили объяснить, как получилось, что мимо них враги прошли незамеченными. В ответ прозвучали заверения в том, что с поста никто не уходил, наблюдение за окрестностями велось непрерывно, а неизвестные всадники прошли невидимо. Просто с помощью колдовства растворились в воздухе. Как на доказательство такого превращения было указано на многочисленные амулеты, которыми были обвешаны пленные и убитые враги.

— Вот что я нашел недалеко от места, где вы несли дозор, — Хасан вытащил из кармана узенький поясok, расшитый бусами — женскую набедренную повязку. — Не знаю, кто посоветовал девушкам купаться именно в этом месте, но невидимками они не были. Вы поймали одну из них и сорвали с нее повязку, а потом ваши петушки поклевали ее. Тем временем появились вражеские всадники, отпечатки копыт их коней видны в двадцати шагах от места вашего дозора. Признаете свою вину?

Но обвиняемые настаивали на том, что ничего не видели и находились во власти злых чар.

— Тогда мне придется вас расколдовать, — заявил Хасан. — Я дам вам сильное питье, которое очищает душу и просветляет разум, в нем содержится настой волшебных трав и кровь погибшего сегодня старейшины вашего рода. Уходите в саванну, прочь от наших костров. Если вы говорите правду, то эта кровь исцелит вас от злых чар и приведет обратно. Если же лжете, то кара неизбежна, вы никогда больше не встретите родных и близких, не будете вместе с предками, ушедшими в другой мир, обсуждать земные дела рода. Ваши души будут вечно скитаться по саванне!

Под суровыми взглядами товарищей воины выпили предложенный напиток и молча вышли из лагеря. Но ушли не очень далеко. Один из них рухнул и остался лежать неподвижно. Другой поспешно вернулся, упал и какое-то время бился на земле, просил прощения за свой проступок.

Такое наказание произвело на всех сильное впечатление. Помрачневшие воины с удвоенным старанием занялись своими делами. Пленные пали на колени, посыпали свои головы землей и молили о пощаде. От имени всего рода обещали не нападать на таких могущественных колдунов, говорили, что дадут богатый выкуп за себя и тела своих земляков.

— Что будем делать? — вполголоса обратился Дмитрий к стоявшим рядом Хасану и Айчаку. — Если

такие стычки у нас оудут каждый день, то мало кто доберется до Борну.

— Давай отпустим их, проявим милосердие, — предложил Хасан. — Пусть пригонят несколько жирных коров, принесут побольше кур и медовых лепешек. А чтобы нагнать на них побольше страха, я сниму с их убитых все амулеты и заберу с собой.

— Зачем?

— Тогда они поймут, что их покойники будут в моей власти и побоятся нарушить свои обещания.

— Фитаурари, это был первый бой нашего отряда, — сказал Айчак. — Чтобы воины пришли в себя после всего этого, надо похвалить их за храбрость и хорошо накормить. Старика похороним с почетом, а этих двух слабаков просто присыпем землей.

— Согласен, но в отряде надо установить новый порядок, — решил Дмитрий. — Всех разделим на десятки так, чтобы в каждом были воины из различных племен. Ты, Айчак, подберешь толковых и исполнительных десятников, начинай ежедневные осмотры коней, сбруи и оружия. Я же займусь с ними рубкой и стрельбой, буду учить совместным действиям. Каждый из них отличный воин, но все они должны научиться четко исполнять приказы начальника. Тогда наш отряд станет не хуже, чем эскадрон регулярной армии, и его сила возрастет многократно!

— Пусть все становятся на молитву регулярно, пять

раз в день, — сказал Хасан. — За этим сам буду следить и строго наказывать нерадивых.

— Ты хочешь, чтобы все они стали святыми?

— Если хотят, пусть продолжают молиться божкам своих племен, но эти ежедневные молитвы помогут поддержать порядок не хуже, чем ваши учения и осмотры оружия. У Раббеха все войско регулярно становится на молитву, а каждую пятницу устраивают большой смотр. В его дворце бывают турецкие и египетские офицеры, которые знакомы с настоящей дисциплиной и порядками в европейских армиях. Мы не должны появляться в столице Борну как вооруженное стадо.

33

Поход продолжался, и день за днем менялся окружающий пейзаж. Деревья и кусты становились все ниже и росли все реже. Еще издалека они выделялись темными пятнами на фоне высокой трехцветной травы, коричневой у корней и выгоревшей сверху почти до пепельной белизны, но имевшей желтые стебли. Местами травы редели, и их сменяли красно-кирпичные поляны, на которых возвышались термитники да колючие кусты. Все заметнее становился подъем, и на юге уже отчетливо просматривались черные зубцы

скалистого плато дар-эль-кути. горячий ветер тянул с севера и доносил горячее дыхание близкой Сахары.

Однажды утром он вынес из-за дальних холмов темную тучу, которая скоро закрыла солнце. Послышался странный гул, и с неба посыпалось бесчисленное множество трескучих кузнечиков, крупных и покрытых зелено-коричневыми пятнами. Они густо покрыли землю и облепили деревья так, что их ветви начали ломаться. Прошло совсем немного времени, и вокруг не осталось ни травинки, ни листика. Лошади недовольно фыркали, стряхивая с себя насекомых, но люди откровенно радовались. Все с хохотом попрыгали с седел и начали стребать в кучи эту шевелящуюся массу. Самые нетерпеливые обрывали у кузнечиков лапки и крылышки и тут же отправляли их в рот.

— Саранча! Небесная благодать! Бескровное мясо! — раздавались ликующие возгласы.

С наступлением полуденной жары туча рассеялась, но прилетело множество птиц. Они принялись поедать опустившихся на землю насекомых, которые под отвесными лучами солнца потеряли всю свою активность. Откуда-то появились обожравшиеся цакалы, едва волочившие свои отвисшие животы. Без обычной робости они взглянули на людей и лениво потрусили мимо. А около уже разведенных костров полным ходом шла стряпня. Собранную саранчу жарили и варили, ее сушили на разостланных плащах и пополах.

Хасан колдовал над своим медным котелком, добавлял в него то соли, то перца, не поскупился и на масло. Пробовал и причмокивал от удовольствия. Угостил этим кушаньем и Дмитрия.

Обижать спутника отказом было нельзя. Собрался с силами, ничего не стал разглядывать, просто разжевал и проглотил плотные обжаренные комочки. На вкус они оказались похожими то ли на свиные шкварки, то ли на шейки раков. Но от добавки решительно отказался.

— Напрасно отказываешься, это очень полезная еда. Вот поживешь несколько месяцев без мяса, на одном просе и корешках, так обрадуешься и такому лакомству. Кочевники толкут сушеную саранчу, а потом добавляют ее в молоко или сдабривают медом диких пчел, дают раненым и кормящим матерям. Остатки саранчи скормливают верблюдам. На окраинах Сахары многие рады прилету саранчи.

— А в других местах?

— Земледельцам ее появление приносит только горе и разорение. За час она уничтожает все посевы на поле, не оставляет на нем ни единого колоска. Жрет и пшеницу, и хлопок, а больше всего любит сахарный тростник, арбузы и тыквы. Кочевник со стадом на другое пастбище может уйти, а куда податься крестьянину?

— Что же, нам теперь не нужно будет заботиться о пропитании? Поскачем за саранчой и будем объедаться,

как те шакалы?

— Ты шутишь, Альхаджи Муса, — усмехнулся Хасан. — Этих кузнечиков нам и на день не хватит. Пища воинов мясо, без него нет силы и удачи. У нас в Кано все торговцы называют деньги «мясной едой». Знают, что с пустым желудком и кошельком на рынке делать нечего, а прибыль получает только тот, кто сыт.

— Ладно, займемся добычей мяса. Голодать не будем.

Тем не менее стало ясно, что чем реже становится растительность, тем заметнее сокращается количество обитателей саванны. Прежнего изобилия животных уже не было, но еще можно было встретить небольшие стада жирафов и крупных антилоп с длинными кривыми рогами. За ними с вершин скал или термитников наблюдали гепарды, узкогрудые зверюги с колючими мордами. Айчак утверждал, что если поймать и приручить одного из них, то на охоте ему не будет цены — загонит любую антилопу быстрее самой резвой гончей. Многие султаны развлекаются такой охотой и для них гепард очень ценный подарок. Не откажется от него и сам Раббех.

После этих слов нашлось много желающих добыть такого ценного зверя. Дмитрий выслушал их просьбы и согласился. Заодно решил еще раз проверить умение людей и резвость коней, приказал устроить облавную охоту. Как на настоящих маневрах отряд рассылался

охоту, как на настоящих маневрах отряд рассыпался цепью по равнине, лучших стрелков послали в засаду, действовали четко и слаженно. В результате подстрелили нескольких антилоп и страусов, но к гепардам не смогли даже приблизиться. Эти длинноногие звери с желтой пятнистой шкурой моментально исчезали в траве и с невиданной скоростью уходили от погони. Некоторые охотники вошли в азарт и были готовы заняться поиском нор, в которых прятались щенки гепардов, но последовал приказ кончать охоту и продолжать движение.

На привале лакомились свежим мясом и развлекались кто как умел. Одни пели и танцевали, другие, начертив на песке ряды небольших лунок, по очереди перекидывали в них камешки и увлеченно спорили о том, кто получил лучший результат. Однако всех поразил Айчак, который из седельной сумки достал небольшой кожаный мешочек и развязал стягивавшие его тесемки. Оказалось, что на его внутренней стороне нашиты квадраты из красной и желтой кожи, а в боковых карманчиках находятся фигурки, выточенные из слоновой кости и черного дерева. Вскоре на таком шахматном поле выстроились два войска — пешки в виде простых полушарий, лобастые головки круторогих быков и коней с развевающимися гривами, точеные столбики главных фигур. Сразу же нашлись желающие сразиться на этом поле, а многочисленные зрители с

затаенным дыханием следили за игрой.

Дмитрий не стал сидеть у костров, в сопровождении Хасана отправился проверять часовых. Уже в который раз подивился на сказочную красоту ночного африканского неба, его необычайно яркие звезды и непривычно перевернутые созвездия. Вновь обратился к спутнику с просьбой еще раз напомнить их названия.

— Помню, что это Наседка с цыплятами, а то Кабан, — указал на Стожары и созвездие Козерога. — Но название вот этого забыл. Мы называем его Большая Медведица.

— По нашему это Верблюдица. Видишь, у нее горб и длинная шея. Она лежит и отдыхает, поджидает своего Верблюжонка, который скоро появится из-за горизонта. Мудрецы говорят, что опоясавший весь наш мир великий змей Тинини расставил звезды на небе, чтобы путники в пустыне и на море могли найти дорогу и в ночной тьме. Если знаешь язык духов звезд, то можешь узнать свою или чужую судьбу.

— Ты умеешь это делать?

— Пробовал, но из этого ничего не получилось. Вот если бы у меня была книга тайных знаний! В ней записывается судьба каждого человека, который рождается на земле, а ее страницы обновляются сами собой. Все знают, что она хранится в развалинах какого-то древнего города в саванне. Хочешь завтра осмотрим

один из них, он находится совсем близко от нашего лагеря. Если нам повезет, то найдем эту книгу и ты сможешь сам узнать свою судьбу.

— Как я прочту эту книгу? На каком языке она написана?

— Она же волшебная! На каком бы языке ни говорил человек, он отлично поймет ее содержание. Но тому, кто попытается похитить книгу из ее тайного хранилища, грозит неминуемая и страшная смерть!

На следующий день отправились вдвоем к вершине скалистого холма, на которой виднелись груды камней, заросших колючим кустарником. Оказалось, что некоторые воины и раньше слышали об этих развалинах, но никто из них не пожелал воспользоваться случаем и лично осмотреть их. Айчак же откровенно признался, что не желает знать, что уготовила ему судьба. Пояснил, что иначе ему будет скучно жить на свете, а охота на зверей и война потеряют весь интерес. Сам же он надеется только на собственную острую саблю, меткий карабин и милость великого Вака, которому, в случае удачи в делах, приносит приличные подарки.

Хасан с Дмитрием долго лазали среди камней, обнаружили фундаменты каких-то строений и разрушенную арку ворот. Нашли обломок каменной плиты, на которой кроме изображения человека с головой льва были какие-то странные письмена. Спустились к подножию холма и на поверхности

спустившись к подножию холма и на поверности крутого скалистого обрыва увидели сильно поблекшие изображения бегущих охотников с луками, танцующих женщин, пестрых коров, слонов, жирафов. Рядом с ними черной и белой краской были нарисованы страшные существа с огромными головами и воин, несущийся на колеснице, запряженной парой коней. Волшебной книги не нашли, но, покопавшись в куче черепков у остатков ворот, заметили человеческую фигурку. Ее широко открытый рот и выпуклые глаза с глубокими ямками на месте зрачков вызывали странные чувства. Что-то звериное, тревожное и таинственное читалось на этой глиняной личине.

— Не трогай, пусть оно остается на прежнем месте, — прошептал Хасан. — Уходим, пока не случилась беда. Таких идолов делали великаны сао, которые жили в этих краях много сотен лет назад.

— Настоящие великаны?

— Да. Ростом в двадцать локтей и такие сильные, что могли унести убитого слона прямо на голове. Они охотились, пасли скот, умели обрабатывать железо и медь, а из бронзы и золота делали красивые ожерелья и браслеты.

— Куда же они делись?

— Сао строили каменные города с толстыми стенами, никого не боялись и не признавали ничьей власти. Когда в эти края пришли другие народы, они

начали истреблять великанов одного за другим, а те и не думали объединяться. Каждый был сам по себе, на бой выходил один против сотни врагов. В конце концов последние сао поняли, что в этих краях им нет места. Они оставили города и со своими стадами ушли куда-то в Сахару.

— В пустыню?

— В старину в ней зеленели леса, были реки и озера, жили многочисленные народы. Только все они много воевали и не смогли создать единого государства. А народ должен быть един и жить в мире с соседями, иначе он лишится своей земли и от него останется одно название. — Хасан помолчал и добавил: — Альхаджи Муса, пока мы с тобой одни, хочу посоветоваться. Скоро вступим на земли государства Раббеха. Посохи наши целы, но на паломников мы уже не похожи. Что скажем на границе?

— Что ты предлагаешь?

— Объявим открыто, кто мы такие. Иначе появление такого числа вооруженных всадников всех перепугает.

— Хорошо, скажем правду, но не всю правду. Послание негуса будешь вручать ты, а о своих секретах я сообщу лично Раббеху.

В общем, поход проходил более или менее мирно. В редких селениях, расположенных по берегам полупересохших рек и возле колодцев, жители уже

слышали об отряде могучих и вооруженных колдунов. Встречали гостеприимно, по мере своих возможностей снабжали едой и фуражом, с благодарностью принимали ответные подарки — полновесные серебряные талеры.

Но некоторые удалыцы не хотели верить слухам о каких-то волшебниках. Молва о богатствах, скрытых во выюках и седельных сумках путников, кружила им головы. В этих полупустынных краях ценились только сила и верность родному клану, а чужая собственность считалась законной добычей. Плату за проход по караванной тропе следовало получать не только жителям отдельных селений, по законам общины, она должна доставаться и дальней голодной родне.

Поэтому пару раз в ночное время на лагерь отряда были совершены нападения. Но часовые бдительно несли службу и вовремя подняли тревогу. Ночных гостей встречали беплым огнем и, судя по следам крови на земле, некоторые пули достигли цели. А однажды, возле одного колодца, сами устроили засаду. Накануне Айчак рыскал по округе, рассматривал следы, а потом несказанно радовался, раздобыв с десятков резвых коней местной породы. После этого налеты прекратились и ночные тревоги вызывали только бродившие у лагеря лвы, а обитатели придорожных селений удвоили свое радушие.

Тем не менее дозорная и караульная служба не ослабевала и учения прополжались ежелневно.

Неустанно заботились о лошадях, их кормах и отдыхе. О подковах и ковке местные всадники имели смутные понятия, и поэтому приходилось устраивать специальные смотры и зачищать копыта по мере их стирания на каменистых равнинах.

Местность заметно повышалась, скалистые холмы поднимались один за другим, все холоднее становились ночи. Наконец выехали на плато, поросшее редкой травой и низкими раскидистыми акациями. В небольшой ложине увидели кучку жалких хижин, заборы из колючек вокруг крохотных огородов и полей проса. У колодца сгрудилось стадо черноголовых овец.

— Это Эль-Моале! — радостно объявил Хасан. — Мы вышли на перевал! Отсюда все реки текут только на запад, к озеру Чад!

Это сообщение вызвало всеобщее ликование. Теперь казалось, что сухой ветер уже не так яростно сечет лицо, а дорога стала ровнее. Начался спуск в долину, и через некоторое время все увидели первый баобаб. Наглядное свидетельство того, что странствия по сухим и холодным горным плато закончилось. Все чаще стали попадаться селения, окруженные полями благодатного сорго и сладкой кукурузы, рощами бананов, манго и других плодовых деревьев. Придорожные базары были наполнены всевозможными товарами, и их продавцы не ломили цену. В первом же

пограничном городке стало понятно, что отряд вступил на территорию государства, в котором соблюдается собственный закон и порядок.

У ворот всадников встретили стражники. Каждый с тремя цветными нашивками на груди, наглядным свидетельством принадлежности к исполнительной власти. Прежде всего строго спросили — кто такие и откуда? Пожелали узнать, почему некоторые всадники носят на груди перекрещенные ремни? Не подобие ли это мерзкого символа креста, которому поклоняются неверные?

В ответ Айчак молча взглянул на положение солнца, величаво достал свои массивные часы и щелкнул крышкой. Потом гаркнул так, что копавшиеся на помойке грифы испуганно захлопали крыльями и поскакали прочь.

— Время второй молитвы!

Весь отряд разом спешился, некоторые всадники даже расстелили молитвенные коврики. Хасан громко и четко произнес положенные слова молитвы, остальные хором ее подхватили.

Суровые лица стражников смягчились. Они также восславили Аллаха.

Не ожидая дальнейших расспросов, Хасан торжественно возвестил:

— Мы посланники великого негуса Эфиопии, везем его слово к славному эмиру Борну Раббеху ибн

Файдулла! Согласно обычаю, послы не платят никаких сборов и пошлин. Наша охрана оружия не сдает.

Старший из стражников согласно кивнул:

— Послы священные, а братья по вере всегда желанные гости. Мы сообщим о вашем прибытии. Добро пожаловать в наш город!

— Уважаемый посол, а не ты ли Альхажди Хасан Инува из Кано? — поинтересовался один из стражников.

— Это я и есть! Как поживает ваш мясник Ахмед? Еду от самого Нила, мечтаю вновь отведать его несравненного суя¹¹.

Городок, все его население составляли представители местных племен, выглядел почти как какое-нибудь селение в Египте. Это сходство также подчеркивалось и тем, что все его жители носили разнообразные одежды, а обнаженными были лишь маленькие дети. Приятно было ехать вдоль довольно широких и прямых улиц, застроенных двухэтажными домами и складами, стены которых были сложены из кирпичей, оштукатурены и побелены. Высокие заборы и глиняные стены закрывали дворы от взглядов прохожих, а на просторной базарной площади выстроились в ряд лавки и палатки торговцев. Отряд разместили на окраине, рядом с обширным загоном, где уже расположился на отдых караван верблюдов.

Его начальник. немолодой хлопавый мужчина.

радушно пригласил Хасана и Дмитрия в свой полосатый шатер, угостил кофе. Рядом с ним устроился и казначей каравана, улыбочивый и быстроглазый. После приветствий и пожеланий здоровья пошла неспешная беседа, в которой каждая сторона выставляла на обмен свои новости и старалась не продешевить.

Оказалось, что хозяин шатра, опытный торговец, побывавший в Сенегале, Алжире и Каире, сейчас направляется с грузом соли в Хартум. Его интересуют обстановка в нильской долине, действия новых английских властей. При известии о запрещении торговли рабами он остался подчеркнуто равнодушным, ни один мускул не дрогнул на его лице. Зато казначей одарил всех ослепительной улыбкой и заверил, что караван везет соль. Отличную сахарскую каменную соль с черными прожилками, ту, что в народе называют «сладкой». По четыре плиты на каждого верблюда. Еще имеются образцы пятидесяти видов соли на любой вкус. И других товаров в караване нет.

— О, вы везете ценный груз, — важно произнес Хасан. — Счастлив тот человек, кто ест соли досыта. Сейчас война закончилась и торговля начинает налаживаться. Теперь караваны повезут не оружие, а мирные товары.

— Что скажет, уважаемый посол, о французах, которые пришли на Нил? Правда ли, что они вернулись

в свою страну!

Хасан подробно ответил на вопрос и в свою очередь поинтересовался, что происходит на берегах Чада и к западу от него. Услышал, что французы решили возместить свои неудачи на востоке Африки и теперь посылают войска вдоль берегов Нигера.

— Воистину, жадность турок не имеет пределов, — с печальным вздохом закончил свой рассказ начальник каравана. И вдруг картинно ударил себя в грудь, покаянно затряс головой. — Да простит мою грубость уважаемый гость! Я всего лишь необразованный караванщик! Рассказывал вам об этих неверных фарансава и случайно оговорился, назвал их турками. Не принимайте это на свой счет!

Дмитрий, который за все время беседы не проронил ни слова, слегка наклонил голову, задумчиво погладил свою разросшуюся бороду. Тихо произнес:

— Бабу коме¹².

Увидел, как изумленно округлились глаза собеседников.

Вскоре беседа в пшатре закончилась и Хасан вместе с Дмитрием отправились на городской рынок с намерением отведать стряпни мясника Ахмеда.

— Ну теперь они задохнутся от любопытства, решая, кто ты такой, — рассмеялся Хасан. — Для местных любой человек с белой кожей — турок. Других они и не видели. Но чтобы он еще и на хауса говорил!

Давай купим что-нибудь на базаре, а ты поторгуйся. Не все же время тебе на хауса только со мной говорить. Чтобы успешно вести дела, надо поразить людей, заставить их сильно удивиться. О всадниках наших уже идет разговор, а теперь и ты слово скажешь. Тогда о нашем посольстве до столицы вести быстро дойдут и там нас встретят с почетом и вниманием!

Первый опыт в языковой практике оказался более или менее успешным, но был прерван появлением на базарной площади нарядного всадника, которого сопровождало несколько пеших слуг.

— Это ты называешь себя послом? — грозно обратился он к Хасану. Все затихли, и пронзительный голос всадника разносился по всему базару. — Говорят, что ты самозванец и в прошлом году тебя видели среди нищих и бродяг, которые брели на восток. Они якобы шли в Мекку, только после них у торговцев одеждой пропало несколько дорогих халатов и рубах.

— Что-то я тебя не видел в этом городе, хотя прихожу сюда не в первый раз.

— Я помощник младшего конюха самого галадима [13](#), и мне поручено следить за порядком в городе. Вы оба следуйте за мной, в суде разберемся, кто вы такие на самом деле.

Неизвестно, чем бы закончилось все это, но на площади появился десяток конников во главе с Айчаком. Выходя, кто-то вскрикнул, но не успел. Они могли

видимо, кто-то вовремя подал им знак. Они молча раздвинули толпу, встали в ряд. Кони, амуниция, оружие, выражение на лицах — все одинаковое. Такое отличное от разномастных и шумных ватаг местного воинства. Эта необычная картина, а может быть, и оскаленная улыбка Айчака произвели на всадника умиротворяющее впечатление.

— С вами разберусь потом, — изрек он и тут же обратился к старосте базара. — Ты опять задерживаешь выплату торгового сбора! Немедленно плати! Сто двадцать талеров!

Толстый старичок засуетился, поспешно достал из кармана своего расшитого халата внушительный кошелек. Отсчитал серебряные монеты, подал с глубоким поклоном.

— А где еще двадцать! У тебя целый караван с солью прибыл. Плати и соляной сбор! — от возбуждения голос всадника сорвался на визгливой ноте.

Словно отвечая ему, с края площади звонко прокукарекал петух. По всему базару прокатилась волна хрипов и кашля, люди давились от сдерживаемого смеха.

— За такое оскорбление заплатит весь базар! Доставай еще пятьдесят монет. Кто смеется над слугами дворца эмира, тот противится воле всемогущего правителя! Нашего непобедимого и многославного

В этом пограничном городке не задержались, через пару дней продолжили путь. Но уже шли не одни, местные власти приставили несколько проводников. Пояснили, что они укажут самый короткий путь в Диква, новую столицу Раббеха, и успокоят население, которое может плохо подумать и о руководстве страны, допустившем появление чужих всадников на своих землях. Хасан недовольно ворчал, говорил, что проводники ведут не тем путем и явно уклоняются к северу. Однако все заботы о продовольствии и фураже сразу же отпали, послов и их спутников снабжали всем необходимым бесплатно.

Через несколько дней с отрядом повстречалась группа всадников. Старший, верхом на поджаром беговом верблюде, выехал вперед, учтиво сказал многословное приветствие. Носил он розовый тюрбан и голубой шелковый халат, богато расшитый серебром. На груди у него виднелись не жалкие ленточки, как у пограничной стражи, а широкие полосы алой материи, каждая в форме овального шита. Сразу видно, что посольству оказали почет и для встречи прислали кого-то из больших начальников.

Степанный и мекканский раббын рассмотрели

Спешились, и можно было волизи рассмотреть этого смуглого и невысокого человека с живым лицом и быстрым взглядом. Вертикальные надрезы на лбу и вдоль носа, контрастно выделенные темной краской, свидетельствовали о том, что он принадлежит к племени арабов шува, много сотен лет назад перебравшимся из Аравии на берега озера Чад.

— Я Идрис аль-Ваззан, являюсь барде и по повелению эмира Раббеха буду сопровождать вас. В Диква поедem в обход озера, на юге пошли дожди и начался разлив рек. На многочисленных переправах и в болотах погубим всех лошадей, — произнес он и добавил: — Какие подарки вы собираетесь вручить эмиру?

— Подарков нет, — резко ответил Хасан. — В отношениях между людьми дары свидетельствуют о великодушии и доброте, но когда друг друга одаривают государи, это может быть истолковано как знак покорности и слабости. Нам ничего не сказано о подарках, мы везем личное послание негуса Эфиопии повелителю Борну.

— Почему с вами едет столько вооруженных людей?

— Они готовы поступить на службу к вашему эмиру, — заговорил Дмитрий. — Это испытанные воины, и только благодаря им мы смогли пройти живыми через земли, на которых сейчас нет никакой

власти. Кто такой ты сам? Барде означает всего лишь всадник. Мы уже видели одного из слуг эмира, который вымогал деньги с торговцев, потому что обиделся на крик петуха.

— О, ты смелый человек, если задаешь такие вопросы. Я уже слышал о странном турке, говорящем на хауса. Так знай, того вымогателя мы уже наказали, а на тебя я не сержусь. Уверен, что со временем мы будем друзьями. Позднее Хасан объяснит тебе второе значение слова барде.

Последовал смотр отряда, и чиновник эмира остался доволен состоянием людей и коней. Немедленно набросал донесение начальству и отослал его с одним из своих людей. Отряд продолжал движение, а Хасан, в стороне от остальных, сердито выговаривал Дмитрию.

— Забыл ты, Альхаджи Муса, о правилах приличия. Привык в саванне общаться с разбойниками и неграмотными пастухами. Мы же теперь находимся на землях, где государства существуют сотни лет. Они издавна имеют собственных правителей, судей и других чиновников, торгуют со странами Средиземноморья — Египтом, Тунисом, Турцией. Раббех завоевал Борну, но сохранил власть многих местных султанов и вельмож, тех, которые поклялись ему в верности. Они согласились платить половину своих доходов, а для наблюдения за ними он поставил своих наместников.

Поэтому во дворце эмира ты встретишь много людей, которые ведают управлением страны, надзирают за всеми жителями и имуществом. Одни из них командуют войсками, другие хранят запасы и ведут счет казны, наблюдают за порядком во дворце или на улицах городов и дорогах. Старший евнух со своими помощниками управляет гаремом, а мудрые пожилые жены принимают участие в приготовлении праздничного угощения или выбирают наложниц для эмира. Есть хранители сбруи коня эмира и даже смотрители отхожих мест. Все они важные люди и носят громкие титулы.

— Ну а барде?

— Ты прав, это слово значит всадник, но это также и титул. Барде везде уважают и боятся. Он со своими людьми следит за безопасностью эмира и государства, изучает дороги и переправы, узнает о намерениях явных и тайных врагов, следит за положением на границах. Ему доносят, о чем болтают служанки на дворцовой кухне и погонщики верблюдов на базаре. Он знает и о чем шепчутся со своими приближенными подвластные Борну султаны. Некоторые верят, что он обладает волшебством, потому что после беседы с ним все делают чистосердечные признания. Случалось даже, что покойники писали покаянные письма.

— Почему такой человек решил встретить нас лично? Не слишком ли большая честь?

лично: не слишком ли большая честь:

— Этот Идрис очень умен, ко всем относится с недоверием и уважает только силу. Он происходит из старинного рода, его дед ведал главными весами городского рынка, знал все про всех. За это и получил почетное имя аль-Ваззан, или Весовщик. Думаю, что нашему посольству придадут в столице большое значение. Поэтому барде и задал вопрос о подарках, без них не получится пышной встречи. Я же резко ответил ему, чтобы и он понял, кто мы такие.

После этого разговора Идрис о чем-то долго беседовал с Хасаном, а затем задал несколько вопросов Айчаку. Дошла очередь и до Дмитрия, который без обычного восточного красноречия был спрошен о некоторых проблемах. Не без удовольствия вспомнились разделы уставов и наставлений, касающиеся действий кавалерии на пересеченной местности, некоторые предписания ветеринарной службы, прошлый опыт учений и стрельб. Краткие и точные ответы, подкрепленные конкретными примерами, были выслушаны очень внимательно. Несомненно, что кое о чем барде сам услышал в первый раз. Но на его живом лице засияла довольная улыбка.

— Альхаджи Муса, теперь я понял, какой ценный подарок посылает нам эфиопский негус. Будем работать вместе. Не удивляйся, что я подобно женщине езжу на верблюде — открылась старая рана и пока пришлось

расстаться с конем. Еще раз запомни — я твой друг!

Дальше отряд, в сопровождении Идриса и его людей, двигался среди серых песчаных холмов, покрытых редкими кустами и пучками травы, увенчанной пышными белыми метелками. Проводники уверенно указывали путь от колодца к колодцу и скоро вывели отряд на край узкой долины с крутыми склонами. На дне ее, среди валунов и щетины иссохшихся тростников, кое-где виднелись темные пятна влажной почвы и крохотные лужицы зеленой жижи.

Идрис приказал выкопать в песке несколько ям и набрать чистой воды. Пояснил Дмитрию, что в годы обильных дождей близлежащее озеро Чад широко разливается и избыток его солоноватой воды бурным потоком несется мимо этих скал и исчезает где-то в пустыне. Но если копнуть поглубже, то воду можно добыть и в обычные годы. Старики утверждают, что еще лет сто назад здесь текла полноводная река Бахр-эль-Газаль, на берегах которой стояли леса, а люди занимались охотой и рыбной ловлей, пасли многочисленные стада. Сейчас озеро уменьшилось, река исчезла, а местные племена с трудом добывают себе пропитание и порой ведут жестокие споры за право напоить скот у редких колодцев. Словно в подтверждение его слов, прискакали дозорные и сообщили, что за соседними холмами собралось до

сотни всадников, которые явно готовятся к бою. Услыхав об этом, Дмитрий приказал принять необходимые меры.

— Следует приготовиться ко всяким случайностям, — согласился Идрис. — Сейчас войны нет, но из Сахары могут появиться шайки кочевников, которые только тем и живут, что грабят караваны или сами нанимаются в их охрану. Поехали, посмотрим, что там происходит. Скорее всего, это здешние роды что-то не поделили. Но нельзя допустить, чтобы эти горячие головы передрались опять из-за какой-нибудь девчонки или коровы. Альхаджи Муса, хочешь взглянуть на моих земляков?

Таким предложением не стоило пренебрегать.

Вскоре Дмитрий ехал в толпе отчаянно вопивших всадников, оседлавших коней и верблюдов. Некоторые из них ехали на могучих быках с огромными рогами и свисавшими до самой земли подгрудками. Все воины были вооружены копьями и длинными мушкетами, но у некоторых можно было заметить и метательные ножи — кривые клинки с торчащими во все стороны острыми лезвиями. Такое оружие, брошенное умелой рукой, способно наповал сразить коня, отрубить голову всаднику. Идрис с невозмутимым видом взирал на это разномастное скопище с высоты своего верблюда и направлялся к черным шатрам, раскинувшимся на лальнем склоне.

Навстречу уже бежали голые ребятишки — мальчишки с бритыми головами и хохолками на макушке, прикрытые бусами девочки. Седобородые старики с почтением встретили гостей, от молодых соплеменников сурово потребовали тишины и соблюдения приличий. Последовал обмен приветствиями, и в шатре старейшины рода на пестрых коврах уселись Идрис с Дмитрием, сам хозяин и представители всех семейств. Прозвучали традиционные вопросы о здоровье людей и скота, добрые пожелания и приветы, потекла неспешная беседа. Появилось и угощение, густой и терпкий чай, неизменные финики и обжаренные до черноты бараньи ребра. На особом подносе для гостей подали розовые ломти мяса с прослойками жира. Со стороны посмотреть — настоящая свинина!

Что это? Подвох? Проверка верности обычаям ислама? Дмитрий настороженно следил за Идрисом. Как приступит тот к подобному угощению?

— Ешь смело, это мясо водяного зверя аю¹⁴, — усмехнулся заметивший его колебания Идрис. — Он живет в озере, хорошо плавает и ныряет. Его мясо жирное и нежное, это любимое лакомство моих земляков. Видимо, их молодежь недавно побывала в селениях рыбаков.

За толстым шерстяным пологом шатра раздались

недовольные крики, но послышался чей-то грозный окрик и все смолкло.

— Ох уж эта молодежь! Даже при гостях не сидится им спокойно, не терпится! — сокрушенно вздохнул старейшина.

— Прости их, — откликнулся один из стариков. — Это только девушки и женщины могут часами терпеливо краситься, подводить сурьмой глаза и втыкать себе в губы колючки, чтобы они казались пухлыми. Наши юноши горячи, не любят ожидания, чтобы добиться своего, моментально готовы схватиться за оружие.

— Что у вас опять произошло? — спросил Идрис.

Потянулся долгий рассказ о многолетнем споре нескольких родов, угнанных стадах и похищенных невестах. Все знают, что каждый юноша, который не боится стать мужчиной, не может не принять участия в таких набегах. Но, к сожалению, случаются порой и стычки, а кое-кто уже никогда не вернется в родной шатер. С тех пор и тянется нескончаемый счет кровавой мести.

— Да простят меня сородичи, но разбор такого спора может тянуться много недель. Я же выполняю повеление эмира и должен спешить, — прервал повествование старейшины Идрис. — Разве нельзя сегодня же помирить ваших задир и прекратить ссору? Вы же должны охранять границу, а не сражаться между собой.

— Они уже мирились, и все было хорошо до того дня, когда вернулись из последнего набега.

— В него отправились не все, некоторые семьи внесли свою долю патронами и сушеным мясом для воинов, — пояснил один из стариков. — Наша семья вошла в долю на одну конскую ногу или на четверть всей добычи, а при разделе мы получили гораздо меньше.

— Обо всем можно было бы договориться, если бы не вмешались эти старухи, — добавил другой. — Началось с перебранки, а потом начали царапаться и драть друг у друга волосы. Вмешались мужчины, и пошел счет на выбитые зубы и отрубленные пальцы.

— Немедленно миритесь, — приказал Идрис. — Пострадавшим оплатить увечья. За отрубленный палец дать пять коров, за выбитый зуб — три. С каждой подравшейся старухи взять по кувшину коровьего масла. Девушек из набега привезли?

— Трое наших молодцов отличились.

— Начинайте готовиться к свадьбам. Пусть будет обильный пир, скачки на быках, танцы, состязания по стрельбе и все остальное. Как следует отпразднуйте окончание этого года.

— Воистину, год оказался удачным! Из набега все вернулись невредимыми, и стада дали хороший приплод.

— В эти дни даже собаки вволю пьют молока!

— Ну а чтобы ваши внуки не томились от безделья и не хватались за оружие из-за перебранок старух, я забираю с собой два десятка ваших молодцов, — объявил барде. — Будут служить вместе с воинами Альхаджи Муса, который научит их военной науке турок. Через год или два они вернутся домой и станут примером для всех остальных воинов. Все знают, что эмир Раббех не скупится на награды, так что у них будут и скот и серебро!

Все старцы дружно закивали в знак согласия, а из-за полога шатра раздались ликующие возгласы и зазвучала бодрая боевая песня арабов шува.

Озеро Чад, или Большая вода, как называют его местные жители, предстало перед отрядом на следующий день. Еще на подходе к его берегам все почувствовали живительный запах воды, а затем дыма и тухлой рыбы. Бурая дымка закрывала горизонт, но довольно отчетливо можно было рассмотреть низкие мысы и пологие песчаные берега, разбросанные на серой поверхности воды, тускло светившейся под отвесными лучами солнца. О невысокий глинистый берег бились волны кофейного цвета, выбрасывали на серый песок и вновь смывали с него пучки водных растений, уже сгнивших и почерневших, издававших гнилостный запах. Десятки женщин, стоя по колено в воде, чистили и сортировали свежую рыбу, сложенную

в большие корзины. Стаи пеликанов и других птиц плескались рядом на мелководье, то и дело вступали в драку из-за рыбьих голов и потрохов.

Шумные ватаги ребятишек таскали безголовые тушки и корзины с мелкой рыбешкой на берег. Там другие женщины вешали крупную рыбу сушиться на солнце, а мелочь сваливали в кучи, обкладывали сухой травой и поджигали. Несколько таких костров уже дымилось и издавало удушающий запах. Один прогорел, из него вынимали свернувшихся кольцом рыбешек, нанизывали их на прутья и оставляли вялиться на солнце. Дальняя часть берега тонула в волнах синего дыма, оттуда несло тяжелым угарным чадом и доносился гул голосов. Там рыбацки готовили незамысловатые деликатесы и шла бойкая торговля рыбой — сушеной, копченой, вяленой.

На мысу, который был повыше других, скучились хижины, окруженные глинобитной стеной. Рядом чернели вытасщенные на берег узкие длинные пироги, на высоких подпорках сохли сети. Навстречу отряду уже спешили представители городской власти, разодетые в свои лучшие наряды. Впереди важно выступал старшина рыбаков с жезлом в руке, одетый в расшитую цветным бисером накидку. Следом за ним стражники вели мужчину, вся одежда которого состояла из набедренной повязки и колодки на шее.

Долго звучали обычные поздравления с

благополучным прибытием, и Идрис выслушивал торжественные речи. Тем временем Дмитрий решил поближе взглянуть на прославленный водоем в центре Африки, о котором упоминали в своих сочинениях еще географы Древней Греции и Рима и который мало кому довелось увидеть из его земляков. Однако долго рассматривать эти плоские берега не пришлось, за спиной послышались звучные хлопки бича и истошные вопли. Один из слуг барде порол распростертого на песке рыбака. Того, что привели с колодкой на шее.

Рядом стоял Идрис и у всех на виду неторопливо вершил правосудие. После каждого сказанного предложения он делал паузу и в воздухе свистел бич. Когда смолкал крик рыбака, звучало следующее обвинение:

— Тебя поставили заведовать складом сушеной рыбы... Сушеной рыбой эмир кормит своих слуг и воинов... Ты поклялся верно служить эмиру, но опоздал с отправкой очередного каравана... Ты не сумел сохранить рыбу, поэтому крысы и термиты сожрали половину запаса... Ты нанес большой убыток казне Борну... Теперь отвечай, где мешки с толченой сухой рыбой?

— Они все-все лежат на складе! Пощади, великий барде! Никогда больше я не повторю подобной ошибки!

— Воистину это так! Вся рыбья мука лежит в полной сохранности. — поспешно заявил старшина

рыбаков. — Убыток казне эмира мы покроем уже в этом году, великий барде!

— Освободите его! — приказал Идрис. — За этот ценный продукт ответите все. Казначейство уже договорилось о продаже рыбьей муки и получило задаток. Но мне донесли, что до сих пор вы поймали очень мало рыбы. Что случилось?

— На юге запоздали дожди, и только сейчас к нашим берегам пришла сладкая пресная вода, а с ней и косяки жирной рыбы. Сегодня утром наши наблюдатели заметили их, и вечером мы все выходим на лов. Но, как ты знаешь, часть наших рыбаков послана на другой берег. Поэтому запасные пироги оказались без гребцов. Если прикажешь своим людям помочь нам, то в озеро выведем все, что может держаться на воде.

— Ради общей пользы я и сам пойду с вами на лов, — произнес Идрис.

— Можно и мне принять в нем участие? — спросил Дмитрий, которому уже порядком надоели марши по бесконечной сухой саванне. Да и дома, Бог даст, где-нибудь на рыбалке у Дона, можно будет при случае упомянуть, как ловил рыбу на африканском озере Чад, в дыму угарных костров.

Вскоре целая флотилия пирог, в каждой по шесть-семь человек, отправилась на промысел. Рыбаки и данные им в помощь воины усердно работали шестами,

но развить большую скорость не могли. Часто приходилось останавливаться и пропускать стада коров, которые вплавь спешили добраться до наступления темноты до дальних островов, где после подъема уровня вод озера пошла в рост молодая трава. Рядом с ними в воде бултыхались и блестящие черные тела пастухов с длинными посохами в руках. Они громко кричали, подгоняя скот, и били по воде, распуская крокодилов, притаившихся среди плавучих островков, образованных стеблями папируса и плавучих растений. Следом за стадами плыли, громко фыркая, могучие быки, навьюченные горшками, корзинами и всякой утварью, поверх которой разместились женщины с малолетними детьми.

— Эти пастухи все время путешествуют с острова на остров, живут между пустыней и болотами, — пояснил Дмитрию один из рыбаков. — Отплывем от них подальше, на открытую воду. Там и начнем лов.

— Глубоко здесь?

— Обычно чуть больше человеческого роста, но есть и очень глубокие омуты. Под парусом и веслами ходим редко, чаще обходимся только шестом.

— Случаются у вас бури?

— О да! Когда приходит время дождей, огромные тучи ходят над озером. Ветер разгоняет такую волну, что топит всех, кто не успел укрыться в прибрежных притоках и зарослях тростника...

Из соседних заливов выплывали новые пироги и присоединялись к флотилии. Многие из них тащили за собой вереницы крохотных лодочек, в которых сидело по двое мальчишек. Все долго плыли, соблюдая тишину, и, когда солнце начало склоняться к горизонту, наконец-то вышли на широкий водный простор. Берег пропал из вида, а свежий ветер разгонял небольшую волну, приятно охлаждал тело. С некоторых пирог слышались радостные восклицания, но строгий окрик старшины рыбаков восстановил тишину.

Пироги разделились и быстро заскользили по озеру, охватывая довольно значительное пространство. Старшина замахал каким-то длинным оранжевым полотнищем, и лодочки с мальчишками отделились, ушли далеко в сторону. Прошло еще некоторое время, и, повинуясь новому сигналу, они подняли страшный шум и гам. Одни мальчишки работали шестами, а другие колотили палками по воде и бортам своих лодочек. Подняв тучи брызг, сплошной стеной двинулись в сторону больших пирог, неподвижно вставших между двумя едва выступавшими над водой отмелями. На них рыбаки уже приготовились и опустили в воду свои снасти — натянутые на длинные шесты-распорки сети, образовавшие своего рода гигантские сачки или совки.

Поверхность воды забурлила от множества рыбьих стай. В лучах заходящего солнца бронзовым цветом сверкала чешуя крупных рыб, пытавшихся

перепрыгнуть через опущенные сети. Словно в кипящем котле бурлила водяная мелочь. Какой-то лобастый пловец темной стрелой перемахнул-таки через заслон и со всего размаха ударился в борт пироги. От неожиданности Дмитрий и другие попадали друг на друга, рулевой схватился было за острогу. Но тут раздалась громкая команда и все поспешили схватиться за привязанные к шестам-распоркам веревки. Над водой разом поднялись огромные кошели, наполненные добычей. Восторженный рев рыбаков и визг мальчишек далеко разнеслись над озером.

По случаю такого обильного улова решено было устроить пир. Начались радостная суета, приготовления к гонкам на пирогах и танцам, но один из слуг Идриса с поклоном передал ему небольшую сумку из алого сафьяна. Молча кивнул на трех воинов, с головы до ног покрытых пылью, которые выводили усталых коней на краю лагеря.

Живое лицо барде сразу же стало суровым. Через малое время весь отряд уже был в седле. В который раз последовал смотр людей и всего снаряжения, десятники доложили о готовности, и озеро Чад исчезло вместе с последними лучами солнца.

Шли быстро, на коротких привалах выставляли усиленные дозоры. На второй день увидели стоянку торгового каравана, расположившегося на краю речной долины. Нищего, ослепшего — несколько поблекших на

долины. Ничего особенного — несколько поспешив на солнце пшатров, стреноженные кони и верблюды. Из зарослей показались вооруженные всадники, навстречу к ним поскакал Идрис, поспешно сменивший покойного верблюда на боевого коня.

Вскоре он вернулся и приказал разбить лагерь на ближайшем холме.

— Мы задержимся здесь на некоторое время, — объявил он Айчаку. — Это караван очень важного купца, одного из моих знакомых. Расставь воинов так, чтобы в долине не появились всякие любопытные прохожие. Тех, кто не будет слушаться, рубите на месте, но никакой стрельбы. Купец не терпит шума. Он очень набожен и сейчас пребывает в молитвенном созерцании. Вас, Альхаджи Хасан и Альхаджи Муса, он приглашает разделить свой скромный ужин. Захватите с собой святыни, которые касались благословенной земли Аравии и которые вы бережно донесли до наших краев.

— Что это за купец? — спросил Дмитрий, когда все трое шли к пштрам на стоянке каравана.

Хасан как-то странно хмыкнул, сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Это богатый и щедрый купец, — с усмешкой произнес Идрис, явно забавляясь недогадливостью спутника. — Все его сделки заканчиваются успешно и приносят солидную прибыль. Повторяю — прибыль!

— Поэтому его зовут Получающий Прибыль, —

тихо подсказал Хасан.

— Так это сам эмир Борну!¹⁵

35

У входа в шатер стоял человек среднего роста. Одет весьма скромно, на плечах довольно заношенный плащ из грубой шерсти, на ногах мягкие кожаные сапожки для верховой езды. Довольно старые. Отделение для большого пальца, который, как это принято у местных всадников, вдевается в стремя, протерто до неприличия. Того гляди палец вылезет наружу. Темный цвет квадратного лица и широкий нос выдавали уроженца Сеннара, междуречья Белого и Голубого Нила, а толстая нижняя губа придавала ему надменное выражение. Морщины на лбу и седина на висках свидетельствовали о преклонном возрасте и жизненном опыте, а внимательный и быстрый взгляд говорили об уме и сильном характере этого человека.

Слуги, одетые столь же неприметно, как и их хозяин, приняли коней у троих путников, склонившихся в глубоком поклоне.

— Во имя Аллаха милостивого, милосердного! — начал было Идрис, — великий хаким¹⁶! По твоему повелению...

— Хвала Аллаху! О делах скажешь потом! —

раздался негромкий, но властный голос. — Эй ты, поверни этого красавца! Вот так. Еще раз. Ах какие ноги! Чистокровный араб! Как его зовут?

— Султан, ваше высочество! — Дмитрий отвесил новый низкий поклон, приложил руку к сердцу. Увиденное во дворцах Санкт-Петербурга и Аддис-Абебы не прошло даром. Везде порядок один и тот же. Это в Диком Поле иные станичники могли горланить — «на престоле хоть бы пес, только бы вина поднес!»». Верховная власть любит почет и требует к себе уважения.

— Прощу ваше высочество принять этого жеребца в подарок!

— Меня следует называть просто хаким. Сам я сын каменщика и стал во главе этого края по воле Аллаха. Люди знают, что я служу им и забочусь об их благе. Эмир — это официальный титул, понятное для всех свидетельство силы и порядка. А то некоторые злые языки пытаются утверждать, что в Борну власть захватила шайка беглых рабов.

— Хаким, мы укоротим их! — поспешил заверить Идрис.

— Верю. А тебе спасибо на такой ценный подарок. На чем же сам собираешься уехать из этого лагеря?

— По поручению царя царей и повелителя Эфиопии Менелика Второго, друга Российской империи, я приехал служить хакиму Раббеху и не

собираюсь уезжать.

— О батуре¹⁷, ты умеешь ответить! Еще раз спасибо. Ты не пожалеешь о том, что приехал к нам. Хотя мне с больной рукой и трудно управлять конем, но не откажу себе в удовольствии погарцевать на нем перед моими женами. Ну а сейчас приступим к делам.

В шатре доверенный писец осторожно вынул из посохов послания эфиопского императора, протянул их Раббеху. Тот поднес крохотные листочки к самому носу, долго изучал их, что-то ворчал про себя. Все сидели молча, ожидая его решения.

— Сделай точный список и напиши крупнее, я еще поработаю с ним. Потом подготовишь послание, которое послы и вручат мне во дворце. Его напишешь на настоящей египетской бумаге, завернешь в золотую парчу. Чтобы все выглядело богато и торжественно. Не будут же они на глазах у всех совать мне в руки эти посохи.

Писец принял бумаги, ушел в дальний конец шатра, отгороженный ковром.

— Теперь договоримся с вами. — Раббех повернулся к гостям. — Ваше тайное посольство станет всенародным и ему устроят пышный прием. Все должны видеть, что наша дружба с Менеликом нерушима. Вы вручите мне его послание при всех советниках и вельможах, потом будет беседа в присутствии

некоторых из них. Очень хорошо, что привели с собой такой отряд конников. Идрис считает, что они произведут на людей сильное впечатление. Тем, кто захочет узнать, не является ли это военной помощью наших старых друзей, не говорить ни «да» ни «нет». Пусть все теряются в догадках. Алхаджи Муса, сейчас Идрис проводит тебя к моему дворецкому, с ним договоришься о размещении своих воинов. Ты, Хасан, останься.

Дворецкий, сгорбленный и сморщенный старичок с хитрыми глазками, сразу же дал понять, что казна эмира обладает очень ограниченными возможностями и просто невозможно прокормить такое количество людей и коней. Конечно, во исполнение воли самого хакима, который неустанно заботится о благе всего народа, кое-что можно будет найти. Но об этом следует поговорить особо и в другое время. Он снисходительно взглянул на белокожего гостя и попросил Идриса как можно понятнее перевести сказанное.

Но Дмитрий не стал дожидаться перевода. Достал из кармана малахитовые четки, которые последнее время носил постоянно, демонстрируя жителям Борну свою религиозность, и заговорил, откладывая для наглядности одну бусинку за другой. Во время похода слышал много интересных разговоров, порой и сам задавал вполне невинные вопросы. Поэтому сейчас довольно точно сообщил дворецкому, где размещены

войска эмира, какое содержание получают пехотинцы, чем кормят коней, какой паек идет кузнецам, которые работают в арсенале Диква. Кроме того, указал рыночные цены на зерно и мясо. Понимая, что торг неизбежен, сразу же потребовал для своих людей самой высокой оплаты и лучших продуктов.

Старичок не высказал удивления, но как-то странно взглянул на Идриса. Но тот в восторге только хохотал и щелкнул пальцами.

— Ай да Альхаджи Муса! Острый глаз, умная голова! Старик, ты понял, с кем имеешь дело? Он же как леопард в курятнике! Не хитри, договорись с ним по-хорошему. Его отряд вооружен и обучен совсем как европейские войска. Он двигается в три раза быстрее, потому что не связан обозом и не тащит за собой женщин, которые готовят воинам пищу. Для его воинов необходимо хорошее мясо, а для коней отборное зерно. Многие из них сражались в Эфиопии и порубили там бесчисленное множество итальянцев. Такой отряд очень нужен нашему эмиру!

— О великий барде! Прости старика. Сам знаешь, каким сберегает, а эмир наказывает. Я все понял, эти воины получают все самое лучшее. Доложи эмиру, что мы с Альхаджи Муса обо всем договорились.

Действительно, дело пошло на лад, и, когда в палатку дворецкого заглянул Хасан, все хозяйственные вопросы были решены.

— Альхаджи Муса, эмир Раббех хочет видеть тебя!

В патре эмир сидел один. Перед ним стояло блюдо, наполненное мелко нарезанными кусочками баранины и пшеничными зернами, заправленными жиром и перцем. Дымилась чашка кофе.

— Я же пригласил всех вас на ужин. Раздели со мной трапезу. Остальные твои спутники уже поели и отправились выполнять мои приказы. Попробуй, это мы обычно едим в походе. Кушанье сытное, но дорогое. Его могут себе позволить только военачальники и богатые купцы. Остальные воины довольствуются зерном, которое их жены толкут, а потом варят кашу или пекут лепешки. Без такого обоза нам никак нельзя обойтись.

— За эфиопским войском также следуют тысячи женщин и стада скота. Да и в Европе прокормить армию очень сложно. Еще задолго до войны делаются запасы продовольствия и прокладываются дороги, некоторые старшие военачальники только этим и занимаются. Солдат должен быть всегда сыт. А у вас в Африке свои трудности — дорог нет и очень жарко. Все запасы пищи быстро гниют и тухнут.

— Вот и попробуй нашей еды.

Что же, от такого приглашения отказываться нельзя. Можно сказать, это первый приказ... Конечно, холодная баранина с перцем не самое вкусное блюдо, но под пристальным взглядом эмира съесть можно. Как гласит поговорка, никто не осмелится сказать, что во дворе

пословица, никто не осмелится сказать, что во дворце правителя подают прокисший мед... Что, если это проверка? Смотрит так, словно коня покупает. Или раба? Того и гляди пощупает мышцы или заглянет в зубы. Судя по началу разговора, Идрис уже донес о беседе с дворецким. Значит, и с эмиром надо довести себя правильно с самого начала — приличия соблюдать, но и не поддакивать подобострастно.

— Думаю, что в горячем виде это блюдо было бы вкуснее. Сколько времени оно может храниться? — спросил с деловым видом.

— До полугода, если будет лежать в сухом и темном месте, — в тон ему ответил Раббех. Потом эмир отхлебнул кофе и довольно долго молчал. Словно давал понять, что время пустой болтовни подошло к концу и пора приступать к серьезному разговору. — Ты москвит из страны Раша?

— Я русский. Офицер казачьего полка личной охраны российского императора.

— О, так ты казак! Во время войны в Болгарии¹⁸ я видел русских. Отличные солдаты, туркам от них здорово доставалось. Египетский паша послал свои полки на помощь турецкому султану, и наши всадники беспощадно рубились с казаками, но так и не смогли их одолеть. Я служил в полку Зубейр-паши, того самого, который потом устраивал зерибы и рассылал отряды охотников за рабами и слоновой костью по всей

Нильской долине. Он взял меня с собой, знай, что в молодости я нанялся в египетскую армию, где начинал барабанщиком, а кончил начальником десятка воинов. Служил бы и дальше, да повредил себе правую руку, поэтому и пришлось заняться торговлей.

На минуту Раббех замолчал, вспоминая былые годы. Но его слова не оставили равнодушным и Дмитрия. О схватках с черными арапами рассказывали и старики в станицах. Некоторые даже привезли из походов диковинные трофеи — гибкие пики с легкими бамбуковыми древками и чепраки, крытые шкурами леопардов и зебр. А юлченогий дядька Михей всем прожужжал уши рассказами о том, как он заарканил самого главного арапа. Уверял, что он добыл и слона, на котором якобы ездил этот африканец. Но этому уже никто не верил. Говорили, что слонов сам Михей увидел в первый раз только в Ростове, на представлении цирка.

— Негус пишет, что ты знаешь военное дело и умеешь ладить с нашими людьми, — тихо произнес Раббех. Казалось, его взгляд проникал в самую душу. — Что ты знаешь о странах Судана или Билад-эс-Судана¹⁹?

— Очень мало.

— В Судане живут не дикари. Здесь уже тысячу лет назад создавались мощные государства, строились города, местные жители приняли ислам и торговали с арабами. Когда султаны Сулмана со своими богатыми

караванами приходили в Каир, на рынке падала цена на золото. В библиотеках наших маламов имеются книги Аристотеля и арабских философов и законоведов. Триста лет назад турецкий султан прислал в Борну несколько своих мастеров, и они научили наших людей делать порох и обращаться с огнестрельным оружием... Но сейчас мы отстали в военном деле и нам нужна помощь.

— В чем вы нуждаетесь?

— У махдистов были иностранные военные советники — австриец по имени шейх Сулейман и несколько французов. Но это не спасло их от поражения. Почему?

Кажется, становится понятной манера Раббеха в изучении своего собеседника. Долгие рассуждения и пристальное наблюдение за его реакцией, а затем внезапный вопрос. Отвечать же надо быстро и кратко. Что же, это хорошо, когда начальник умен, с таким служить любо!

— При власти махдистов народ не стал жить лучше. Кроме того, у них не было союзников.

— Верно, Альхаджи Муса. Поэтому в главной мечети Каира Аль-Азхар вождь махдистов и был объявлен лжепророком, а люди больше не хотели служить в его войске. А вот негусу поддержка народа и русские военные советники помогли победить итальянцев. Я стал правителем Борну недавно, прежняя

власть была глупой и жадной. Сейчас вместе с теми, кто хочет жить в сильном и независимом государстве, навожу порядок. Установлен единый налог, торговцы и ремесленники получили льготы, наше зерно, кожи, ткани и другие товары появились на рынках многих стран. Нам нужен мир, чтобы крестьяне расширяли посевы и растили скот, чтобы в Борну начали строить дороги и прокладывать телеграф, как это делается в Египте и Эфиопии. Но не все хотят перенимать чужой опыт, они боятся перемен. Да еще воруют, берут взятки, не выполняют приказов. Нужны люди знающие и энергичные, которые не боятся нового. Таких ищем даже среди рабов.

— Говорят, что воины Борну продолжают охоту за рабами.

— Это случается во время походов на мятежников. Раньше всех пленных отправляли караванами на невольничьи рынки в приморские города. Сейчас такая торговля запрещена, но некоторые продолжают ее тайно. Пленных выгоднее использовать в собственном хозяйстве, им дают землю, посылают в мастерские. Некоторых, молодых и здоровых, забирают в войско. Все они могут жениться, обзаводятся собственным хозяйством, а их дети считаются свободными людьми.

— Может быть, для Борну нужнее иностранные мастера и техники, а не военные советники?

— Мы не живем как рыбы в колодце, которые

ничего не видят и не знают. В столице ты увидишь много иностранцев, купцов и путешественников. Но не все они пришли с миром. Идрис и его люди знают, что некоторые из них встречаются с теми, кто служил прежней власти, подстрекают их к мятежу. Сейчас нам надо укреплять войско. Ходят слухи, что в соседних странах Судана все чаще появляются войска иностранцев. В своем послании негус предупреждает, что у них есть планы захвата земель вокруг озера Чад. Ты слышал об этом?

Да, Дмитрий слышал об этом. Еще в Санкт-Петербурге, а затем в Каире и Аддис-Абебе. Но как ответить на этот вопрос человеку, который хотя и многое знает, но полностью занят проблемами своего региона? Он хорошо сказал о рыбах в колодце, но сможет ли понять, что все его планы создания независимого африканского государства рухнут под напором европейских держав?

Но разве нет шансов на успех? Негусу удалось отбиться. Еще держатся хитроумный правитель Марокко и гордый султан Сокото, на юге Африки непокорные республики буров уже громили английские войска и сейчас дают решительный отпор имперской политике британского правительства. Десятки более мелких властителей лишь формально признали власть белых господ и готовы при первом удобном случае расправиться с немногочисленными представителями

колониальной администрации, которая сама еще толком не знает, что попало ей в руки. Плохо, что африканцы действуют разрозненно, но и сами европейцы не переносят друг друга. Забыв все рассуждения о «христианском братстве» и «долге перед цивилизацией», они охотно пользуются услугами «чернокожих дикарей» для того, чтобы расстроить планы своих бледнолицых конкурентов.

— В шатре хакима найдутся бумага и перо?

— Дай ему письменные принадлежности, — произнес Раббех, повернувшись в сторону ковра.

Дмитрий не очень удивился, когда оттуда появился прежний писец, протянул просимое. Значит, ведется запись беседы. Ничего страшного, в нормальном государстве так и должно быть. Быстро набросал контуры Европы и Африки, обозначил основные государства и их столицы. Сориентировал схему: север — наверху, юг — внизу. По военному четко обозначил место и время.

...Берлин, год 1885. По инициативе Франции и Германии здесь собрался международный конгресс. Его участники озабочены тем, что лучшие земли в Африке Великобритания объявляет своими владениями и не позволяет другим европейским странам создавать колонии. После ожесточенных споров стороны пришли к согласию. В Генеральном акте указали, что

представители всех держав имеют право свободно торговать и плавать по африканским рекам и озерам. Все выступили за запрещение работорговли и решили не продавать африканцам спиртные напитки. Договорились, что все получают право устанавливать контроль над территорией вокруг своих торговых факторий.

...После завершения конгресса его участники расстелили карту Африки и наметили на ней новые границы. («Точно так делает и кожевник, когда кроит шкуру быка», — зло заметил Раббех.) Потом они договорились, кто и в каком районе будет создавать свои торговые предприятия. Все крупные европейские державы бросились занимать участки на африканской земле. Одна только Россия отказалась принимать в этом участие.

...Вскоре начались ссоры из-за отдельных областей. («Знаю, они грызутся, как гиены у туши дохлого слона», — проворчал эмир.) Совсем недавно англичане вышвырнули французов не только из Фашюды, но и из всей Нильской долины. Известно, что бельгийцы никого не допускают на берега Конго, а французы полностью овладели огромным островом Мадагаскар. Начался и обмен оккупированными территориями. Так сделали Англия и Германия в Восточной Африке, а Португалия и Бельгия «уточнили» границы своих новых владений на побережье Атлантического океана. Франция, у которой

после поражения в войне 1871 года Германия отобрала две богатых провинции, предложила немцам обменять их на любую из африканских колоний. Но Берлин отказался идти на такую сделку. («Раньше мы так меняли больных рабов на миску просяной каши», — усмехнулся Раббех.)

...После немецкого погрома Париж нуждается в союзниках и идет на уступки Лондону. Сейчас это сказывается в споре за земли вокруг озера Чад. Франция вынуждена признать, что все земли к югу от него — это сфера интересов Великобритании, а узкая полоска на его берегу переходит под контроль Германии. Самим же французам предстоит устанавливать контроль над обширными и малонаселенными землями к северу и востоку от Чада.

Эмир выслушал все это очень внимательно, задал несколько уточняющих вопросов. С силой втянул в себя воздух, в его глазах мелькнули желтые искры, но потом толстые губы сложились в зловещую улыбку.

— Я все понял. Лев и леопард нажрут мяса, а гиене придется грызть кости. Наши кости. Да, слухи подтвердились, надо готовиться к войне. Наш главный противник Франция. С Англией будем вести переговоры и попробуем договориться, у нее много владений во всем мире, и с ними должно быть много проблем. Немцы сильны в Европе, здесь они не страшны. Но как нам узнать, о чем думают в

европейских столицах, как выиграть время? Негусу было легче, морем получал помощь из России, в Риме имел своих людей.

— Чтобы знать о происходящем в Европе, там надо иметь своих осведомителей и послов, но для начала можно ознакомиться с содержанием европейских газет.

— Купцы иногда привозят мне арабские газеты из Каира, но все они очень старые. Да и многое в них непонятно, все больше местные сплетни.

— Они же сами пересказывают европейские новости. Лучше всего непосредственно обратиться к английским или французским газетам. Когда я работал в российской миссии в Египте, мы постоянно изучали их, чтобы разобраться в том, какие хитрости готовятся в Лондоне и Париже. Они, конечно, будут запаздывать, но помогут разобраться в основных направлениях европейской политики. Тем более что о секретах своих соперников они пишут весьма откровенно.

— Разве власти позволяют им это делать?

— В этих странах есть законы о свободе печати. О собственных секретах писать, конечно, нельзя, но о чужих можно.

— Глупо! Простые люди не должны знать, как решаются государственные дела. Они везде одни и те же, не промахи чужих султанов укажут на ошибки собственного правителя.

— Тем не менее это так. Вы сможете получать

— Тем не менее это так. Вы сможете получать газеты через Триполи. Тогда станут понятными действия колониальных властей и можно будет предвидеть их поступки. В любом случае это будет более точная информация, чем слухи на базарах.

— Правителю надо прислушиваться и к базарным разговорам. В нашем положении лишние новости не помешают. Какие газеты ты предлагаешь заказать?

— Из Парижа «Фигаро» и «Таймс» из Лондона. Переводчики у вас найдутся? Если потребуется, могу помочь.

— Спасибо, переводчики есть, — кивнул эмир. — Запиши названия газет и пусть наши люди займутся этим делом.

— Будет исполнено, — донеслось из-за ковра.

— Альхаджи Муса, вижу, что ты мастер своего дела. Слышал, что отлично владеешь оружием, и знаю, как ты расправился с этим демоном Бегит-пашой. Прошу тебя, послужи у нас год — помоги советами, поделись опытом. Затем вернешься домой, и наша награда будет не менее щедрой, чем награда негуса. Сейчас получишь титул галадима, слуг и необходимое содержание. О нашей тайной встрече не рассказывай никому. Для всех ты будешь египтянином по имени Альхаджи Муса. Во дворце и в частных беседах подтвердишь предостережение негуса об угрозе иностранного вторжения, но молчи о подробностях, которые сейчас

сообщил мне. Июньял?

— Все понял, хаким.

— Еще скажу. Некоторые мои вельможи считают себя весьма важными людьми, они попытаются отдавать тебе приказы и давать советы. Будь вежлив, но не слушай никого, ты и твой отряд подчиняются только мне. Иногда получишь мои распоряжения через Идриса. Ему верь. И последнее — оставайся таким, каким я увидел тебя сегодня.

— Прости, хаким, я не понял.

— У нас говорят, если видишь зайца, который мочится на могилу собаки, не верь своим глазам. Это детеныш леопарда! Ясно? Ты хочешь сказать еще что-то?

— Хотел бы послать донесение российскому послу в Аддис-Абебе, сообщить о своем прибытии и начале службы на новом месте.

— Это сделаешь после торжественного приема во дворце и вручения послания негуса. Я тоже буду писать ответ и отправлю его вместе с подарками. Все это произойдет не раньше чем через месяц. За это время ты сам успеешь осмотреться и твое сообщение о делах в Борну станет более полным и интересным. Мой доверенный посланец лично передаст его твоему начальнику. А сейчас уже поздно и тебя проводят в лагерь.

На следующее утро на месте стоянки купеческого каравана можно было увидеть лишь угли костров да

Нового коня под седлом командира увидели все, но открыто высказаться на эту тему решил только Айчак.

— Так и знал, что в Борну тебе не придется долго ездить на чистокровном арабе. Здесь умеют ценить коней.

— Чем плох этот гнедой?

— Конь отличный, настоящий сулибава. Местная порода, сильная и выносливая, выведенная для воинов. Но все равно ты продешевил, еще хорошо, что купец тебе оставил седло с кобурами. Видно, он хитрый старик.

— Где Идрис и Хасан? — строго спросил Дмитрий. Продолжать разговор о купце не хотелось.

— Идрис еще не вернулся, а Хасан обещал к вечеру пригнать стадо коров для нашего пропитания. Это их купец дает в придачу за Султана?

— Про купца забудь. Всем объяви — сегодня учение, отрабатываем прохождение общим строем.

Как и следовало ожидать, молодые наездники шува, которых распределили по разным десяткам, так и не поняли своих обязанностей в строю. Услышав звук рожка, они галопом вылетели вперед, готовые все

сокрушить на своем пути. Кониптицы, всадники-удальцы с горящими глазами! Ужас для врагов, отрада для невест!

Общий порядок оказался нарушен, большинство воинов также не смогло удержать коней. Следом за молодцами шва все покатились кучей, да так, что от топота копыт задрожала земля. По знаку Дмитрия Айчак достал сигнальную ракету, одну из тех, которыми он разжился на службе у англичан. Пустил ее над головами передних всадников. Резкий хлопок разрыва и сноп малиновых искр испугал лошадей и моментально обратил в бегство весь отряд.

На призывные звуки рожка воины собирались, стараясь не смотреть друг другу в глаза. После того как все снова разобрались по десяткам, Дмитрий выехал вперед... А гнедой-то и верно хорош — стать генеральская, да и на всю эту суматоху почта не обратил внимания, только недовольно пофыркивал...

— Слушать меня! — Черная молния вылетела из ножен засверкала над головой командира. — Когда девчонка подкрашивает глаза, все понимают, что она готова выйти замуж и не боится рожать! Когда мужчина становится в строй и берет оружие, все понимают, он готов убивать и быть убитым! Но жить хотят все! Поэтому женщины принимают свои меры, мужчины — свои. Вы все отличные воины, сильные и смелые, но воевать в одиночку нельзя. Хотите жить и побеждать —

выполняйте приказы! Получите боевой опыт, будете командовать сами!

Привстал на стременах и во всю силу легких прорычал древний боевой клич суданских конников:

— Харамта барадей²⁰! По десяткам справа! Рысью марш!

Ежедневные учения последовали одно за другим. Как эскадронный перед императорским смотром Дмитрий гонял всех беспощадно, лично осматривал каждую винтовку, лошадь, седельную кладь. Айчак забыл о своих любимых шахматах, вместе с десятниками выслушивал наставления, а потом словом и делом доказывал молодежи необходимость совместных действий. Хасан мотался где-то на встречах с чиновниками эмира, но навевался довольно часто. Благодаря его неусыпному надзору снабжение шло исправно, а общие молитвы совершались регулярно пять раз в день.

Вскоре в лагере стали появляться важные придворные чины, начались переговоры о порядке торжественного вступления в столицу. Все они очень интересовались отрядом, внимательно присматривались к его начальнику. Кто лестью, а кто хитростью пытались выведать у него последние новости о событиях в Эфиопии и на нильских берегах. Но все вернулись ни с чем, хотя один из них попытался было выразить свое неодобрение. Но резкий отказ продолжил разговор

неудовольствие. Но резкий отказ продолжать разговор сразу же произвел на беднягу отрезвляющее впечатление. Как посмеиваясь сообщил позднее Идрис, рассудительность и твердость приезжего все придворные оценили очень высоко, а его знание местного языка произвело благоприятное впечатление.

Настал день, когда из Диква дали знать, что там все готово.

Последняя часть похода проходила как праздник. В небольших городках устраивались краткие, но торжественные встречи, говорились речи, восхваляющие мудрое правление эмира Раббеха, подносились подарки. Радовали многочисленные хорошо возделанные поля, деревни, окруженные рощами плодовых деревьев и загонами для скота, людные базары, тяжело груженные караваны верблюдов и вьючных быков. Богатая, густонаселенная страна.

— Почва здесь плодородная, и вода в избытке, — сообщил сопровождавший посольство Идрис и, отвечая на вопрос Дмитрия, добавил. — Население Борну насчитывает около пяти миллионов человек, но это без численности пограничных племен.

— Какова сама столица?

— Во время завоевания прежняя столица Кукава была разрушена, и эмир велел построить новую на месте небольшой крепости Диква, расположенной на пересечении торговых путей. Сейчас в ней проживает

свыше ста тысяч человек. Новый двухэтажный дворец эмира занимает особый квартал, имеет просторные залы и свыше тысячи отдельных покоев. Рядом с ним построены мечеть, здания государственных служб, казармы, арсенал, склады. В отдельном квартале живут иностранные купцы со своими приказчиками и слугами. Некоторые из них обосновались у нас вместе с семьями.

— Хорошо идет торговля?

— Редкая сделка не приносит двойной прибыли, а некоторые караваны из Триполи привозят товаров каждый на миллион талеров. Золотой песок, цветная кожа, винтовки, медь и другие товары дают хороший доход и нам и иностранцам, — улыбнулся Идрис. — Ты сам удивишься, когда увидишь этот молодой город.

Удивиться пришлось. Действительно, не ожидал увидеть такое в самом центре Африки.

Крепостные стены Диква в пять раз превышали рост человека, их чудовищная толщина и черные глазницы бойниц вызвали невольный трепет. Дмитрий уже слышал, что эти оборонительные сооружения сооружаются из чури — шаров размером с небольшую тыкву, приготовленных из особой глины, смешанной с конским волосом и соломой, и высушенных на солнце. Уложенные на специальные каркасы и скрепленные местным цементом, они свободно выдерживали удары пушечных ядер. Не меньшее впечатление произвели и городские ворота,

сделанные из толстых балок и обшитые широкими полосами железа. Они укрывались за выступом стены, так что незваный пришелец мог обстреливаться с правой, не прикрытой щитом, стороны и со спины, а запирались массивной железной цепью. Широкие и чистые улицы города были обсажены тенистыми деревьями, а площади заставлены торговыми палатками.

Встречая послов, столица принарядилась. Еще с вечера плашатаи призвали всех владельцев домов и лавок украсить стены своих жилищ коврами и цветными тканями, а старостам кварталов было рекомендовано проверить, как жители откликнутся на этот призыв. У ворот города и на площадях встали конные воины в начищенных до блеска кольчугах и шлемах, украшенных пышными перьями. На всем пути следования посольства для наблюдения за порядком разместились пешие стражники с длинными дубинками в руках. Собранные со всех окрестных городков и селений музыканты начали трудиться с восходом солнца, и воздух уже дрожал от рева длинных медных труб, каждую из которых с трудом могли поднять два крепких помощника музыканта. Непрерывно визжали рога, флейты, дудочки, звенели гонги и грохотали барабаны. Время от времени в дело вступали отряды базингеров. Эти молодцы, одетые в свою парадную форму — алые кафтаны и черные фески, — бойко заряжали ружья и, к восторгу всех ребятенек дружно папили в воздух. Но

историю всех происшествий, дружно паша в воздух. Но все это изобилие звуков перекрывали залпы пушек, установленных на главной площади перед дворцом эмира.

Совершенно оглохший Дмитрий медленно ехал во главе длинного посольского каравана. Больше всего он боялся, что не сможет справиться с недавно полученным гнедым, который может испугаться такого шума и понести. К счастью, два рослых дворцовых конюха не расслаблялись и мертвой хваткой висели на его уздечке. Солнце уже начинало припекать, пот заливал глаза, а провожатые низко кланялись и указывали на все новые и новые повороты улиц. Казалось, что этому шествию не будет конца.

Но когда все же добрались до площади перед дворцом, то все поплыло перед глазами. Толпа придворных чинов, начальников областей, войсковых командиров, подвластных султанов и племенных вождей сияла поистине варварским великолепием. На их фоне важные дворцовые служители в форменных голубых и розовых рубахах с зубчатой золотой вышивкой на груди — не менее восьми длинных конусов у каждого — выглядели почти как обычные горожане.

Картина была незабываемой. Огромные тюрбаны из белой, розовой и зеленой кисеи, пирамиды разноцветных перьев, сияющие полированной сталью и

золотой насечкой шлемы вздымались над стеной многоцветных шелковых и бархатных халатов, плащей и накидок, украшенных разнообразными вышивками пестрыми шкурами, завесами ярких ожерелий и бус. Кое-где из нее выступали темные кисти рук, униженные перстнями с переливающимися на солнце драгоценными камнями и широкими браслетами, сжимающими длинные фигурные жезлы и посохи, на украшение которых никто не пожалел золота. Не меньшее впечатление производило и основание этой живой стены — всевозможные башмаки и сапожки из мягкой кожи и сандалии на высоких подставках с пучками страусиных перьев и массивными золотыми пряжками.

На фоне такого великолепия кучка примостившихся на краю площади краснолицых европейских торговцев, разомлевших от непривычной жары в своих кургуzych серых пиджаках и узких брючках, совсем не смотрелась.

У арки приземистых ворот, ведущих во внутренние помещения дворца, на невысоком помосте, обложенном яркими кожаными подушками, сидел сам эмир Раббех. В отличие от своих приближенных одет он был более чем скромно — на голове тюрбан из дешевой материи, на плечах простая голубая рубашка с узкой серебряной вышивкой по воротнику. А вот четки в его руках были дорогими — из алых кораллов с берегов Красного моря. За его спиной возвышался могучий мужчина в расшитой

кожаной куртке и широких малиновых шароварах. На боку кривая сабля с усыпанной алмазами рукояткой, мускулистые руки сложены на груди, взгляд грозен.

Именно этого великана по имени Суруру, первого из всех придворных, описал Хасан. Предупредил, что ему надлежит молча кланяться и в разговор с ним не вступать никогда. Еще добавил, что это хранитель личных покоев эмира, быстро и безжалостно исполняющий все приказы повелителя.

Когда посольство приблизилось к помосту, в последний раз бабахнули пушки и взвыли медные трубы. Наступила тишина, и после подобающей паузы вперед выступил глашатай. Вещал он громко и красиво, но не старался прояснить смысл сказанного. Тем не менее из его слов можно было понять, что верноподданный эмира Альхаджи Хасан Инува в качестве посла был направлен в Эфиопию и вернулся с посланием негуса и подарками. На обратном пути его сопровождал военный отряд. Дружба между правителями двух могучих государств процветает и крепнет.

Затем последовало и вручение самого послания. Пышно разодетый Хасан бережно достал из сияющего бронзового ларца завернутый в золотую парчу свиток. Громко и внятно передал от имени эфиопского владыки привет правителю Борну и протянул послание Раббеху. Тот с важным вилом принял свиток. Полежал его в всех

на виду и передал одному из придворных.

Плащатый прокричал, что сейчас состоится вручение эфиопских подарков. Об этой части торжества Дмитрий не был осведомлен и сейчас с большим интересом смотрел на происходящее. Незнакомые ему слуги в тюрбанах из синей серебристой ткани вывели на площадь десять статных коней в богатой сбруе. Впереди всех вели Султана, а чтобы все увидели и оценили его породу и стать, оставили на нем одну лишь уздечку, украшенную золотом и изумрудами. Следом вывели десять верблюдов с ковровыми выюками, в которых обычно перевозятся ружья. Но все зрители терялись в догадках о том, что содержится в громадных сундуках и корзинах, навьюченных на десять крупных ездовых быков. Они же со знанием дела оценили и девять мускулистых молодых мужчин, чья натертая маслом черная кожа засияла на солнце, когда они пали ниц перед помостом у ног эмира.

Голос плащатая известил, что эти десять рабов также предназначены в дар непобедимому правителю Борну.

— Но их же здесь только девять! — один из придворных довольно громко позволил себе выразить недоумение. Кто-то тут же возмущенно ахнул.

— О великий эмир! Прости мою смелость, но это не ошибка! Счет верен! — Хасан покаянно ударил себя в

грудь. Трой десятый раб это я!

грудь. — твои десятый раб это я!

Толпа на площади восхищенно загудела, а лица некоторых вельмож посерели от зависти. Кто бы мог додуматься до такого общенародного доказательства своей преданности повелителю. Ох, далеко пойдет этот рябой бродяга!

— Благодарю за ценные подарки, присланные настоящим другом, — голос Раббеха звучал сильно и четко. Его слова, словно удары гонга, разносились над притихшей толпой. Все знали, что говорит сам Хозяин. Мудрый хаким. И одним в его голосе слышался звон полновесных золотых динаров старой чеканки, а другим свист гибкого бича из буйволово́й кожи. Звучал голос Власти, и среди его слушателей не было равнодушных и шутников. — Спасибо, верный Хасан, ты отлично выполнил наше поручение и получишь щедрую награду. Но вот рабов нам не надо. Во всем мире торговля ими запрещена, и наше государство не должно походить на дикие племена. Отныне эти люди свободны! Они получают землю и деньги на обзаведение хозяйством, будут трудиться и платить налоги наравне со всеми жителями Борну!

Последние слова эмира потонули в восторженных кликах. Когда изъявление чувств закончилось, вновь заговорил Хасан.

— Великий эмир, вместе со мной в Борну пришли Альхаджи Муса и его всадники. Они хотят служить тебе.

— Приветствую тебя, Альхаджи Муса. Кто ты такой и где воевал? В нашем войске много славных витязей, и служить вместе с ними большая честь.

— Великий эмир, разреши моим людям пройти строем по площади. Сам увидишь, достойны ли они служить под знаменами Борну. — Говоря так Дмитрий лишь слегка склонил голову, но приложил руку к сердцу. Знал, что весь его вид — бурое обветренное лицо, походная одежда, высокие сапоги со шпорами, кобура с невиданным в этих краях маузером и сабля — ни у кого не оставляют сомнений в его профессии. — Великий эмир, о тайнах военного дела не принято говорить открыто. Где и с кем я воевал расскажу тебе и твоим советникам. После этого ты сам примешь окончательное решение.

Первым на площадь вылетел Айчак, осадил коня у самого помоста, как положено отсалютовал эмиру. Все зрители залюбовались его мужественным видом, английским мундиром с блестящими пуговицами и пряжками, массивными серебряными часами. Шрамы на лице и отрубленные пальцы свидетельствовали — и этот иностранец умеет прокормиться на войне.

— Постой, постой, воин, — произнес Раббех. — Мне знакомо твое лицо. Не тебя ли я видел лет двадцать назад в Джебель Дуда под Сеннаром?

— Верно, великий эмир! Мне доводилось там покупать коней!

Последовал краткий разговор о прошлом. Вспомнили знакомых купцов, зеленые долины Сеннара, закаты над Нилом. Оба растрогались, а все окружающие умилялись. Ну и память у хакима! После стольких лет помнит мельчайшие подробности!

Польщенный всеобщим вниманием Айчак превзошел самого себя. Команду на прохождение рысью проревел громче слона, так что кони стражников испуганно заплясали, а один даже сбросил своего седока. Но этого уже никто не заметил.

Отряд по трое в ряд лихо прошел поперек площади. Шли соблюдая равнение, лица веселые, кони сытые, обмундирование и сбруя почти одинаковые. Сколько репетировали, чтобы добиться такой выправки. Все же некоторые сбои произошли. Но зрители, привыкшие к тому, что пестрые толпы всадников на разномастных конях обычно движутся на манер табуна зебр, ошибок не заметили. Главный же маневр вышел на славу. В центре площади сделали четкий поворот и по заранее очищенному от людей переулку проскакали за стены дворца. После этого опять последовали восторженные крики, пушечная пальба и громохочущая музыка.

Но для некоторых лиц торжества еще не закончились.

В одном из покоев на верхнем этаже дворца послушать беседу с послами собрались ближайшие советники эмира. Под сводами потолка

советники эмира. Над сводчатым потолком, расписанным белыми, черными, красными и зелеными узорами, на расшитых тюфяках и подушках собралось человек тридцать. Кто поважнее, те сели в центре, остальные устроились у завешанных коврами стен. В благостной тишине было оглашено послание негуса. После этого эмир усадил гостей перед собой и стал задавать вопросы о войне эфиопов с итальянцами, разгроме махдистов, положении в Нильской долине.

Сравнивая свои впечатления после тайной встречи в палате и торжественной церемонии на площади, Дмитрий увидел и третье лицо повелителя Борну. Перед ним предстал не только хитрый хозяин и тонкий политик, но и расчетливый царедворец, умело скрывающий от приближенных свои знания и намерения. Во время этой беседы говорилось очень много общих слов, делались многозначительные паузы и бессмысленные на первый взгляд повторы, а все сказанное можно было понимать во многих смыслах. Практически разговаривал с эмиром лишь один Хасан, остальные придворные только слушали с подчеркнуто сосредоточенным видом, вовремя поддакивали, хмурились или улыбались. Пару простых вопросов Раббех задал и Дмитрию, но на них нужно было отвечать очень кратко. На первый — «да», на второй — «нет».

Поэтому можно было спокойно рассмотреть

собравшихся и некоторых из них узнавать по описаниям Хасана и Идриса. Сам же барде сидел за спиной эмира рядом с могучим Суруру и с неподвижным лицом наблюдал происходящее.

А вот на лице Файдулла, старшего сына Раббеха, был написан неподдельный интерес. Он слушал с большим вниманием и один раз даже позволил себе вмешаться в беседу. Отец с одобрением взглянул на этого широкоплечего красавца, согласно кивнул. Второй сын, Наби, не смотрел на послов, но по тому, как он то сжимал, то разжимал свои громадные кулаки, можно было понять, что услышанное не оставляет его равнодушным. Совсем юный Мухаммед, большеглазый и пухлогубый, замер с приоткрытым ртом. Видимо, отец впервые разрешил ему присутствовать на такой важной встрече. Седой и грузный Абубакар, старейший соратник Раббеха, в свое время одержавший решительную победу над войсками прежнего правителя Борну, сидел прищутив глаза, явно думая о чем-то другом. Но худощавый остроносый верховный судья и советник эмира Хайяту то и дело нервно морщил губы. Он — правнук святого шейха Османа дан Фодио, поднявшего под знаменем ислама своих соплеменников фульбе на борьбу с язычниками, основавшего обширный султанат Сокото, прославившегося звучными поэмами и удивительными чудесами — молчал, но слушал с каким-то особенным выражением на лице. Время от времени

его бронзовые щеки темнели от возбуждения, а глаза лихорадочно вспыхивали.

В конце беседы именно он не сдержал переполнявших его чувств, стремительно встал во весь рост и восславил Аллаха.

— Сегодня всему миру явились слава и мощь нового Борну и мудрость его повелителя хакима Раббеха! — провозгласил он. — Подвластные ему земли простираются от Нигера до Нила, от пустыни до джунглей. Богатства соседних стран стекаются на благодатные берега Чада, поступь непобедимых базингеров заставляет дрожать печень у всех врагов эмира, казна Борну неисчислима! Сегодня мы все увидели новое свидетельство прозорливой мудрости хакима — повелитель Эфиопии, потомок древнейших царей вселенной, прислал нашему любимому вождю братский привет и щедрые свидетельства своей дружбы! В Диква уже побывали посланцы турецкого султана и короля Бельгии, у ворот нашего повелителя ждут своей очереди представители Франции, Англии, Германии, султаната Вадаи и других стран. На наших рынках продаются товары заокеанских государств от Америки до Индии! Могуч и велик эмир Раббех! Несокрушима его власть, безгранична преданность его подданных. Только гнусные язычники сомневаются в этом, но скоро все они испытают силу Борну...

— Спасибо тебе Хайяту! — прервал этот фонтан

красноречия Раббех. — Твои слова идут от самого сердца. Ты настоящий факих, знаешь наизусть весь Коран и совершил паломничество в Мекку. Придет день, и ты по праву займешь престол своего великого прадеда в Сокото. Но пока ты не можешь, подобно ему, незримо переноситься в дальние страны и города и предсказывать будущее. Не спеши грозить соседям, сядь и успокойся.

— Если султан всем приказывает плакать, то одноглазый начинает рыдать первым, — довольно громко проворчал Абубакар.

Возразить Хайяту не успел, лишь бросил яростный взгляд на старого вояку. В это время эмир обратился к Дмитрию.

— Ты привел отличных воинов, Альхаджи Муса. Эти галласы, баккара, шува прирожденные всадники, а ты умеешь ими командовать. Думаю, что поможешь нам советами и в других делах.

— Готов служить тебе, великий эмир!

— Сильна ли твоя вера, Альхаджи Муса? — вновь подал голос Хайяту.

— Он отлично стреляет и владеет саблей! — решительно произнес Идрис.

— При чем тут вера? В саванне и шакал сойдет за святого! — прорычал Абубакар. — Главное, чтобы он побеждал в бою.

— Ты сам не тверд в вере и нарушал пост! — закричал Хайяту. — Ты говорил, что...

— Хватит спорить! — эмир прервал своего советника. — Объявляю всем, что Альхаджи Муса получает звание галадима. Он и его воины будут жить во дворце.

После окончания совета Дмитрий направился в отведенные ему покои, но прежде решил взглянуть, где и как разместились его воины. Какой-то придворный чин почтительно указывал путь и давал пояснения, проворные слуги распахивали двери, старались поддержать на крутых лестницах. Шли через залитые солнцем дворы и темные переходы, мимо больших и малых покоев, складов и хранилищ.

В каком-то проулке путь загородили верблюды, те, которых сегодня утром видели на площади. В их ковровых выюках и в самом деле находилось оружие. Английские карабины Мартин-Генри, система уже устаревшая, но вполне надежная. Сейчас слуги разбирали их и вносили в здание с узкой дверью и толстыми стенами.

— Как поживаете мистер Димитри Иесолоф? — раздалось за спиной Дмитрия. — Сегодня вы отлично сыграли свою роль в представлении!

Эти слова произнес голубоглазый человек средних лет с седыми бакенбардами. Цвет лица серо-желтый, под глазами мешки: в таком возрасте не каждому европейцу рекомендуется жить в Африке... Кто он? Имя и фамилию переврал, но по-английски говорит чисто.

— Вы, мистер Димитри, меня не помните, но мы встречались в Александрии. Помните победу нашей клубной команды по конному поло в игре с гусарами? Тогда вы отличились и все вас поздравляли. Мое имя Роберт Кейнсон, я торговый агент Королевской компании Нигера.

— Я жил в Александрии, но вас там не встречал, — осторожно заметил Дмитрий.

— Британский посол в Аддис-Абебе мистер Гарингтон обратил внимание на ваше внезапное исчезновение из эфиопской столицы, — невозмутимо продолжал голубоглазый господин. — Вас не видели и среди российских путешественников, которые покидали Джибути. Затем нашим наблюдателям в Хартуме стало известно о странном паломнике, не без выгоды для себя разгромившего зерibu одного из работорговцев, а затем направившегося на запад во главе конного отряда. В Лондоне внимательно следят за событиями в Африке, и там сопоставили эти обстоятельства. Поэтому мою компанию предупредили, что следует ждать гостя со странной русской фамилией.

— И в Дикве уже успели установить телеграфную связь с Лондоном?

— Великобритания и Борну подписали торговый договор более сорока лет назад, а представители нашей компании имеют офис в Лагосе и посылают пароходы по Нигеру. Но не думайте, что вся наша связь работает мгновенно. Пока вы брели по саванне, информация скапливалась и изучалась во многих канцеляриях. Так что ориентировку на вас я сам получил только на прошлой неделе.

...Значит, этот человек уже многое знает о тебе, и это может быть опасно. Но чего он хочет? Почему он так откровенно говорит уже при первой встрече? Он торопится. Потому что чего-то боится? Подождем...

— Мистер Кейнсон, я буду жить в Дикве. С удовольствием сделаю заказ на товары вашей компании. Рад был познакомиться.

Отряд разместился в довольно сносных условиях, а сам Дмитрий получил приземистый дом с плоской крышей на территории обширного дворцового квартала. Толстые глинобитные стены, узкие оконца и двери и в самые жаркие дни хранили прохладный полумрак, позволяли гулять по комнатам легким сквозняком. Недавно обмазанные коровьим навозом стены и новые циновки на полу значительно уменьшили количество клопов и блох, а голубой дымок из медной курильницы имел весьма приятный аромат. Расторопные слуги

приносили кушанья с дворцовой кухни, исправно следили за чистотой. После ночевки у костра условия жизни оказались весьма сносными.

Неожиданно возникла проблема с местными деньгами. Воины, получавшие в походе арабские монеты или талеры Марии Терезии, обнаружили, что на рынках Диквы ходит, главным образом, собственная валюта — каури. Этими крупными белыми раковинами, каждая не больше ногтя, расплачивались при всех мелких сделках. Для удобства счета при более крупных операциях и оптовых закупках использовались стандартные связки, содержавшие тысячу и более раковин. Опечатанный казначеем эмира кожаный мешок с пятьюдесятью тысячами раковин уже являлся значительной ценностью. Именно такие мешки и были выданы для денежного довольствия отряда, что привело Дмитрия в большое смущение.

Но на помощь пришел Хасан:

— Эти раковины привозят к нам с Индийского океана, и на берегах Нигера они заменяют медные слитки, куски ткани и другие предметы, которые используются вместо денег. Сейчас я все пересчитаю тебе по среднему курсу.

— Разве каури не имеют определенной цены?

— Имеют, но, как у всех денег, она постоянно меняется. Сейчас один талер идет за двадцать тысяч каури. у арабских динаров. английских фунтов или

испанских реалов цена другая.

— Что же можно купить за эти ракушки?

— Все, что пожелаешь. За одно каури торговка на рынке даст тебе миску каши, за восемь получишь кусок материи, которого хватит на набедренную повязку. Ну а за молодую и крепкую кобылу надо отсчитать восемьдесят тысяч.

— Так от талеров лучше избавиться?

— Не торопись, они всегда в цене. Но предупреди всех воинов, что здесь ходят и фальшивые талеры из города Бида. В нем работает много опытных мастеров, которые умеют не только ткать красивые ткани и варить цветное стекло, но отлично работают и с металлом. Среди них есть славные кузнецы и оружейники, но некоторые чеканят талеры со всеми знаками, даже австрийская султанша на них получается как живая. Для мусульманина грех изображать людей, но они не боятся небесной кары. Очень уж выгодно делать фальшивые деньги.

— Ловят их?

— Так они же действуют тайно, а секреты кузнецов простой человек не станет выведывать. Они работают с огнем, раскаленным железом, разными острыми орудиями и при этом остаются живыми и невредимыми. Ясно, что без помощи волшебства в этом деле не обойтись!

По мере того как приближался вечер, шумный

— Да какое там волшебство! Каждый опытный кузнец разбирается в этом.

— А евнух разбирается в своем деле. Почему ты прогоняешь Ахмеда?

— Да зачем он мне нужен! — рассердился Дмитрий. Не привык, чтобы в личные дела вмешивались так бесцеремонно. Поэтому новый слуга, полный немолодой мужчина, с неизменно вежливой улыбкой и тихим голосом, сразу же вызвал какое-то неприятное чувство. — Это Идрис подсаживает ко мне своего человека?

— Здесь все его люди. Ахмед обеспечит тебя женщинами. В походе было не до них, ты заботился об отряде, и все силы уходили на то, чтобы выжить. Но когда живешь на одном месте, то они нужны. Иначе мужчина начинает болеть, плохо спит по ночам и на всех сердится днем. Галадиму положено иметь разных слуг, в том числе и таких, как Ахмед. Он местный, а наши борнуанские евнухи лучшие в мире! Их высоко ценят в гаремах Турции, Аравии, Индии. С детских лет, после того как им сделают операцию, они готовятся к такой работе, учатся обращаться с женщинами, познают все их секреты. Конечно, от евнуха не следует ожидать силы и ловкости, как от конюха, а к старости они безобразно жиреют, но из них выходят верные слуги. Лучшие обладают мужской решительностью и женской хитростью, поэтому получают важные должности и

становятся управляющими, казначеями, советниками, даже военачальниками.

... Иностранцу спорить с местными обычаями бесполезно и глупо. Приходится уступать, но и промолчать нельзя. Чтобы высказать свое недовольство, а заодно и отвести душу, Дмитрий произнес известное хаусанское слово из трех букв:

— Тир²¹!

В ответ Хасан только руками развел.

— Тир! — зло повторил Дмитрий и добавил: — Скажи ему, чтобы разбудил меня до рассвета. Завтра пятница и эмир устраивает смотр.

Еженедельный смотр войск проходил на главной площади перед дворцом. Поеживаясь от утренней прохлады, конные и пешие воины становились на свои места, образовывали неровные квадраты — аламы. Над каждым поднималось цветное шелковое знамя, на котором золотом вышито какое-нибудь воинственное изречение из Корана или имя командира. Впереди встали барабанщики и трубачи, обязанные на привалах услаждать слух воинов, а в бою и походе подавать звуковые сигналы. Старшие начальники с суровыми лицами следили за тем, как их младшие товарищи ровняли ряды, торопились завершить последние приготовления к смотру.

Обычная, хорошо знакомая Дмитрию суэта. Он сразу же обратил внимание на довольно пестрый состав

сразу же обратил внимание на довольно пестрый состав войска Раббеха — смуглых лиц больше среди командиров и конников, темнокожих — в пехоте и у пушкарей. Еще во время похода узнал, что большинство из двадцати аламов, на которые делилась армия Борну, расквартировали вблизи столицы. Общая их численность — около двадцати тысяч человек, из них пятая часть — базингеры — вооружены огнестрельным оружием. Личный алам эмира имеет винтовки, а для его усиления создан специальный алам пушкарей, в распоряжении которых имеется около пятидесяти орудий различного калибра. В случае военной угрозы правители провинций и подвластные султаны обязаны выставять конное и пехотное ополчение, состоящее из копейщиков и лучников.

Все замерли, когда пропел сигнальный рог, возвестивший появление на площади Раббеха. Его сопровождали Фадельалла и несколько военачальников. Следом шли двое писцов с сумками для бумаг и неизменный Суруру со своими помощниками. Все одеты подчеркнуто просто, хотя сейчас готовы выступить в поход.

— Альхаджи Муса, идем с нами, — распорядился эмир. — Сегодня мы проверяем нечетные десятки трех аламов и пушкарей. Смотри внимательно, свое мнение доложишь после смотра.

Начали с правофланговых. Прежде всего оценивали

базингеров по внешнему виду, но, как правило, с этой стороны недостатков не находили. Эти рослые парни были подтянуты, вид имели бодрый и сытый. Тем не менее некоторым из них эмир приказал выйти из строя и назвать свое имя. Тут же один из писцов заглядывал в список и сообщал прошлые заслуги и провинности воина. Затем эмир лично проверял оружие каждого, осматривал рог с порохом, проверял наличие пуль и ружейных капсюлей в специальной сумке, требовал исполнить некоторые приемы. К ошибкам молодых относился снисходительно, некоторым сам показывал, как надо целиться и заряжать. Затем следовало внушение командирам и другой писец делал необходимые пометки. Когда в подсумке одного из базингеров не оказалось положенного числа пуль, им занялся Суруру. Прямо перед строем базингера, а потом и его десятника распластали на земле и выпороли. Такому же наказанию подвергли еще несколько человек.

У конных воинов осматривали мечи и кольчуги, но сам эмир такой древностью не интересовался. Но в заботе о лошадях показал себя рачительным хозяином, осматривал их внимательно, требовал кормить не реже трех раз в день и на ночь поить молоком. Спутники эмира, которым была доверена проверка холодного оружия, выказали большое усердие и нашли много недостатков — невычищенные кольчуги и шлемы, плохо заточенные мечи и сабли. Но в отличие от базингеров, в

большинстве своем бывших рабов, конников пороть не стали. Просто наложили денежные штрафы. Меньше всего времени заняла проверка пушкарей. Три короткие медные пушечки были навьючены на верблюдов. Каждая, не более полуметра длиной, крепилась на специальном станке так, что ее можно было развернуть в любом направлении. На запасных верблюдах были навьючены необходимые запасы пороха, картечи и ядер размером с крупный лимон. Фадельалла, который уже несколько раз дружелюбно поглядывал на Дмитрия, заметил его удивление и пояснил, что в арсенале его отца имеются более мощные орудия. Верблюжья артиллерия хороша тем, что быстро меняет позиции и неотступно следует за конными частями. Она может вести огонь прямо с выюка, нужно только приучить верблюда ложиться по команде и не бояться звука выстрелов. Ну а как действуют эти пушечки Аль-хаджи Муса скоро уводит сам. Тем более что часть конников, прибывших сегодня на смотр, еще не знакома с подобным оружием.

После короткого перерыва, во время которого все войско дружно совершило очередную молитву, начались строевые учения. Базингеры стягивались в походную колонну, рассыпались цепью, опять сжимались в квадрат и, оцетинившись ружьями, встречали атакующих конников. А те с устрашающим воем носились вокруг, размахивали саблями и круто

осаживали коней перед строем, картинно поднимая их на дыбы. После этого войска разделились, и конники — занялись метанием копий и рубкой, а базингеры стреляли в цель, которую изображали снопы соломы, сложенные у крепостной стены.

Дмитрий заметил, что многие стрелки засыпали в ружья пороха больше положенной нормы. Они с гордостью демонстрировали своим товарищам шомпола, торчавшие из заряженных стволов на большую, чем обычно, длину. Командиры явно не обращали внимания на такое зарядание и все весело скалились, когда при выстреле вылетал особенно длинный язык пламени и грохотало сильнее обычного. Хотя во время стрельбы два ружья разорвало, а их хозяев с окровавленными лицами унесли с площади, на это никто не обратил особого внимания.

В конце смотра войска заняли исходное положение и конники начали покидать площадь. Внезапно базингеры расступились, и за ними открылись лежавшие на земле верблюды с пушечками на горбах. Тут же грянул холостой залп, а потом пушкари принялись палить не жалея пороха. Результат их стрельбы был впечатляющим: лошади испуганно шарахались, люди падали с седел. Клубы пушечного дыма и тучи пыли закрыли всю площадь. К счастью, стрельба скоро прекратилась и порядок был восстановлен. Выяснилось,

что некоторые всадники уже более или менее знакомы с действием артиллерии и не очень пострадали. Ну а молодежи был дан наглядный урок.

Разбор смотра последовал немедленно. Раббех и старшие командиры устроились в густой тени невысокого дерева в одном из тихих двориков за дворцовой стеной. Слуги поспешно расстелили ковры, расставили кувшины с напитками, подали трубки с табаком и исчезли. У ворот и по степи встали часовые.

— Альхаджи Муса, первым послушаем тебя, — приказал эмир. — Говори откровенно, мнение нового человека всегда полезно.

Как оценить это войско? Конечно, это нерегулярная армия, но первые шаги для ее создания сделаны. В боях с ополчением племен она непобедима. А если придется сражаться с войсками, обученными на европейский манер и вооруженным современным оружием? Базингеры — это основная сила, но их стрельба не столько поражает противника, сколько отпугивает его. Как снабжаются аламы в походе? Или за ними, как и за войсками негуса, тянутся караваны стряпух, носильщиков, стада скота? Ясно, что и конница годится только для разведки и преследования разбитого противника, ну а пушечки... Эх, сюда бы те батареи, с которыми Петрович действовал в Эфиопии!

Однако все эти мысли Дмитрий не стал сообщать собравшимся. Сдержанно похвалил порядок и

дисциплину войска, но откровенно предупредил, что часто на смотрах и парадах получается одно, а на поле боя выходит совсем другое. Сказал, что основное внимание следует уделять не использованию холодного оружия, а огневой подготовке. Сейчас все европейские армии вооружены скорострельными и дальнобойными винтовками. В некоторых из них появились пулеметы, которые заменяют сотни стрелков и обрушивают на противника ливень пуль. Сила огня такая, что до рукопашного боя дело порой и не доходит. Осторожно добавил, что сказанное всего лишь первое впечатление, в будущем надеется лучше узнать сильные и слабые стороны армии Борну.

Его слова выслушали внимательно, возражать и спорить никто не стал. Один только Хайяту презрительно фыркнул.

— У наших богатырей нет слабостей! Гром пушек эмира повсюду сметает царства нечестивых язычников!

Остальные начальники высоких материй не касались. Свои речи они дружно начинали с заверений в верности эмиру, а затем переходили к жалобам на нехватку кормов и денег. Упоминали о том, что среди базингеров лишь немногие смогли по достоинству оценить великие милости эмира. После прошлых победоносных походов все они получили в награду земли и пленных, которые должны были работать на полях и умножать благосостояние защитников страны.

Но по разным причинам воины не смогли стать настоящими хозяевами. Теперь большинство этих пленных мотыжат поля богачей или трудятся в мастерских ремесленников, а сами воины как сидели на казенном пайке, так на нем и остались.

— Хватит, стонать, как старухи! — не выдержал Раббех. — Слушал вас терпеливо, да не о том вы говорили. Знаю, что постоянное войско стоит дорого, и о том, где взять деньги, мы с казначеем думаем постоянно. Не забывайте, что увеличивать налоги нельзя, люди должны видеть, что новая власть о них заботится. Пока возможно только постепенно поднимать торговцам пошрины и бережно расходовать то, что уже имеем. Знаю и то, что молодые парни готовы ночи напролет играть в кости, пить пиво и протирать циновки со своими бабами. А где ваша работа? Вместо того чтобы следить за тем, как воины учатся владеть оружием, вы только вспоминаете о прошлых победах. Готовы ли ваши аламы к встрече с новыми врагами?

— О хаким! — опять воскликнул Хайяту. — Ты мудр и смел! Да, некоторые из нас обленились и стали жиреть! Нужен новый поход, и тогда войско прокормит себя самостоятельно.

Все радостно зашумели. Раздались голоса:

— Веди нас в поход, эмир! Мы победим! Воины скучают, десятники задолжали торговцам! Добудем новых работников! У соседей еще много скота!

новья работников: у соседей еще много скота.

— Помолчите! — Раббех поднял руку, на его лице мелькнула довольная усмешка. — Вижу, что вы не потеряли боевой дух. Но сказано: дураку простят и семьдесят ошибок, а эмиру ни одной! Начать войну легко, а что будет потом? Разве мало у нас врагов? Табун перепуганных зебр может затоптать и льва. Вы забываете о европейцах, которые разгромили египтян и махдистов, пришли в Алжир и на Нигер, и даже захватили Индию! Думаете, они не придут к нам? Их торговцы уже здесь. Поэтому наведите порядок в своих аламах, строго наказывайте нерадивых. Большие не будем заранее решать, кому выходить на смотр. Об этом я буду сообщать сам в ночь на пятницу. Альхаджи Муса, ты не устал после смотра?

— Нет, хаким. Готов выполнять твои приказы.

— Очень хорошо. Фадельалла, отведи нового галадима в арсенал. Тогда он быстрее поймет, в чем наша сила, а в чем слабость. Скоро я отправлю ответное послание негусу, и пусть Альхаджи Муса также напишет письмо и сообщит тем, кто его прислал, свое мнение об увиденном. Вы же возвращайтесь к воинам и передайте, что не все они готовы к новым походам. Ты, Хайяту, останься, поговорим.

Пока шли к арсеналу, Фадельалла сделал знак слугам приотстать, а сам наклонился к Дмитрию.

— Откуда ты к нам приехал?

— Из Египта, потом в Эфиопии служил в войске негуса.

— Я все понял. Знаю, кто помогал негусу, — сын эмира замолчал, но через несколько шагов заговорил вновь. Новый человек из далекого мира вызывал у него неподдельный интерес. — Вижу, Идрис не зря хвалил твою смелость. О том, что наше войско имеет слабые стороны, раньше при отце все боялись говорить. А после твоих слов, он сам упомянул об этом. Небывалое дело!

— Недостатки есть у всех, — примирительно заметил Дмитрий, настороженно относившийся к такому излиянию чувств со стороны именитого собеседника. Но Фадельалла, видимо, твердо решил воспользоваться благоприятным случаем и узнать как можно больше.

— Скажи, чьи солдаты лучше — английские, французские или немецкие? — поинтересовался он. Но видя, что Дмитрий медлит с ответом, поспешил задать новый вопрос: — Правда, что все они постоянно живут в особых домах на полном обеспечении своих султанов?

— Да, примерно как и ваши базингеры.

— Нет, у нас совсем не так! Все воины имеют по несколько жен и много детей. Во время войны еще можно жить, потому что половина добычи идет в казну хакима, а остальное делится между воинами. Но в мирное время деньги отпускаются только на содержание

самого базингера.

— Как же кормится его семья?

— Женщины работают в поле, ходят за скотом, пьют, торгуют на рынке.

— Не густо. — Дмитрий сочувственно покачал головой. Вспомнилась русская история — стрельцы, занимавшиеся ремеслом и торговлей, чтобы обеспечить свое существование.

— Но некоторые отлично живут! — Сын эмира сообразил, что изобразил гостю слишком мрачную картину. — У заслуженных воинов имеются десятки жен, у начальников сотни, а у самого эмира — целая тысяча! Все они работают, и среди них есть искусные мастерицы, вышивают рубашки и плащи шелком и золотом. На рынке за такой наряд дают до пятидесяти талеров, а годовой налог с человека всего один талер. Посуди сам, как это выгодно!

— В регулярных армиях другие порядки.

— Раньше в Борну не было и этого. Сейчас отец полностью содержит личный алам и некоторые конные части, а прежние правители имели только небольшие отряды телохранителей. Остальное войско состояло из ополчения, воины которого вооружались за свой счет и которое собиралось только во время войны. Да и вообще не было крепкой власти в старом Борну — законы не соблюдались, казна разворовывалась, налоги не собирались. Вельможи и вожди племен мало внимания

обращали на решения центральной власти. Дело дошло до того, что один из правителей прислал в жены шейху Борну свою дочь, которая оказалась уже беременной. Такого позора не было за всю тысячелетнюю историю страны!

— Поэтому твоему отцу удалось одержать легкую победу?

— О нет! Борну еще оставалось достаточно могучим и богатым государством с многотысячной армией. У отца же было всего семьсот базингеров и совсем не было денег. Он долго не решался начинать войну, тайно вел переговоры с некоторыми вельможами, обещал им богатые подарки, если они перейдут на его сторону. Потом он сам переоделся уличным торговцем и проник в столицу Кукава, осмотрел ее укрепления, а ночью на стене дворца шейха написал — «Хаким говорит: скоро приду. Жди». Знаешь, как все перепугались, увидев эти слова!.. Научишь меня стрелять с двух рук? Наганы у меня есть!

— Где раздобыл? — Этот любознательный парень все больше чем-то напоминал товарищей по полку и решительно вызывал симпатию.

— Мне подарил их английский торговец Кейнсон. Он часто рассказывает об Англии. Отец сам повидал много мест, говорит, что и мне пора посмотреть мир. В будущем году собираюсь поехать в Лондон, — с

гордостью объявил Фадельалла, а затем, хитро прищурившись, задал новый вопрос: — А страну Раша можно будет посетить?

— Вполне возможно, — невозмутимо ответил Дмитрий. — Многие приближенные эфиопского негуса уже побывали в этой великой и могучей стране.

— Ну вот мы и пришли.

— Что это?!

38

Узкие ворота в массивной стене были перегорожены решеткой с острыми шипами и охранялись усиленным караулом. Но не это вызвало удивление Дмитрия. Из неглубокой ниши в стене на прохожих смотрела пустыми глазницами человеческая голова с остатками засохшей кожи и волос. Из ее редких зубов торчала длинная курительная трубка.

— Этот базингер устроил пожар, — спокойно пояснил Фадельалла. — Был наказан, но продолжает служить и предупреждает всех, что курить в арсенале нельзя.

— Сильно рвануло? Люди погибли?

— Обошлось без потерь. Сгорел только навес, под которым лежали мешки с американским порохом. Они были прикрыты соломенными циновками, поэтому и не взорвались.

— Как же так получилось?

— Купцы привезли эту дешевку из Триполи. Американцы специально делают такой порох для продажи в Африке. Не знаю, что в него добавляют, но метательная сила у него слабая и горит он медленно, с копотью и треском. Вообще-то мы пользуемся порохом собственного изготовления. Уж с ним-то шутки плохи, вспыхивает от малейшей искры!

— Зачем тогда берете американский?

— Отец перепродает его султанам с южных гор. У каждого из них имеется с десяток-другой мушкетов, и им очень нравится, если при выстреле дым поднимается до небес, а его эхо гремит по всем долинам. Дикари, но платят золотом! Говорят, один из них владеет самородком величиной с голову верблюда. Выставил его у ворот дворца и привязал к нему своего вещего коня по имени Гунья.

— Какого коня? — живо переспросил Дмитрий.

— Да волшебного, говорящего. Его видели многие, он дает советы хозяину, предсказывает будущее.

— Ну и чудеса!

— Какие чудеса — обычное дело. Пойдем, увидишь, сколько оружия собрал отец в этом здании. А где же начальник арсенала?!

— Здесь я! Здесь! — раздался дребезжащий голос. — Эти лентяи никогда вовремя не предупредят о

посещении важных гостей.

Навстречу хромал низенький старичок с редкой седой бородкой и лицом, обезображенным ожогом. Одет просто, скорее бедно, но за поясом красуется дорогой турецкий ятаган с рукояткой, отделанной золотой насечкой и драгоценными камнями.

— Здравствуй, Меи Араду! — почтительно приветствовал его Фадельалла. — Познакомься с ним, Альхаджи Муса. Это великий знаток оружия и боевых припасов, он умеет метко стрелять и взрывать стены крепостей. Отец его очень ценит и называет Хозяином Грома.

— Мы познакомились с Хакимом еще в Каире, где вместе вступили в египетскую армию, — с гордостью произнес старик. Он внимательно взглянул на Дмитрия и продолжал: — Уже слышал о достоинствах нашего гостя. Приятно встретиться с таким знатоком военного дела.

— Я молод и не заслужил похвалы.

— Да, ты молод, но хороших кровей. У меня верный глаз. Таких прирожденных воинов встретишь нечасто. Помню, в Аравии мне встретился...

— Уважаемый Меи Араду, о своих приключениях и боях в чужих странах ты расскажешь в другой раз. Сейчас покажи гостю наши сокровища.

— Покажу, покажу. Все на своих местах. Вот вы, молодые, вечно торопитесь, а потом своими головами

платите за опыт, уже добытый стариками.

Осмотр арсенала начался со склада, где хранились различные сорта пороха, как привозного, так и собственного изготовления. В отдельном помещении стояли громадные корзины с селитрой, серой, древесным углем. Было сказано, что все это в неограниченном количестве добывается местными умельцами, а потом смешивается в определенной пропорции и дробится в специальных ступах. В случае необходимости арсенал переходит на круглосуточную работу и полностью обеспечивает все потребности базингеров и пушкарей. Это же касается и пуль. Их хранят в мешках по тысяче штук, но как только будет получен приказ, мастера наготовят их сколько угодно. Есть запас ядер для пушек, специальные литейные формы, запасы железа, свинца, олова и других металлов.

Связки копий, мечей, боевых секир, вереницы густо смазанных жиром кожаных панцирей, развешанных на столбах, чтобы их не испортили крысы, осмотрели мельком, но задержались в хранилище ружей и винтовок. Системы и калибры были самые разные, все содержалось в полном порядке. Как самая большая ценность хранились привезенные из-за моря винтовочные патроны. В соседнем помещении лежали стрелянные гильзы, которые старательно собирались после каждой стрельбы. Их вновь снаряжают специальные мастера, и хотя местный порох и

самодельные пули портят современное оружие, но с этим приходится мириться. Иностранцы очень неохотно продают африканцам патроны заводского изготовления.

Меи Араду показал Дмитрию и недавно отлитую пушку. Изготовили ее в мастерской, находящейся вдали от пороховых складов. Там же трудятся мастера, которые чинят оружие и даже переделывают старые кремневые мушкеты в более современные пистонные ружья.

— Много отливаете таких пушек? — Дмитрий с недоверием рассматривал это медное изделие. Поверхность отливки неровная, канал не сцентрирован и стенки ствола получились разной толщины. Ясно, что при выстреле ядро понесет в сторону и оно ударит мимо цели.

— Очень уж это сложная и медленная работа, — вздохнул начальник арсенала. — Надо получить особо чистую медь, добавить в нее разные составы, из специальной глины, перемешанной с рубленным конским волосом, слепить форму, просушить ее, залить металлом. Всего и не перескажешь. Но все равно бывает, что пушка получается с трещинами или пузырями, а иная на вид и отличная, а после первого выстрела разлетается на куски.

— Но воевать без пушек нельзя, — заметил Фадельалла. — Даже самая маленькая, которую возят на верблюде, обеспечивает победу. Она и вражеское войско поверит и победит.

войско поразит издалика и крепостные ворота расшнует. У наших пушкаррей есть и мортирки, те, что бросают ядра навесным огнем. От них не укроешься и за крепостной стеной!

— У вас есть более крупные орудия?

— Есть, но мало, — хмуро ответил Меи Араду. — Очень они тяжелые, их невозможно перевозить. В Испании и Турции я видел пушки на колесах, попробовал смастерить такие же и возить их на быках. Но у нас нет дорог, колеса и лафеты быстро ломаются. Поэтому решили эти тяжелые орудия установить на крепостной стене.

Осмотр закончился, и Дмитрий искренне похвалил порядок в большом и сложном хозяйстве арсенала. Добавил, что теперь получил полное представление о военной мощи Борну и оценил мудрость хакима Раббеха, который умеет выбирать себе помощников.

Его спутники остались очень довольны.

А на следующий день началась работа. Учения сменяли смотры, а смотры учения. Затем следовали стрельбы и чистка оружия, скачки и чистка лошадей. Прежде всего взялись за личных базингеров алама Раббеха. Их гоняли по утрам и вечерам, и на них сыпались награды за усердие и меткую стрельбу, а также плети за ошибки и нерасторопность. Лично переучивать все войско было невозможно, и Дмитрий, помня свой эфиопский опыт, начал собирать начальников аламов с

их помощниками, излагал им основы европейской тактики, рассказывал о возможностях современного оружия. Чтобы не задевать самолюбия ветеранов, материал излагал неторопливо, без ученых словечек и терминов.

По совету барде Идриса, время от времени делал перерыв и угощал собравшихся орехами кола. Непринужденно доставал из кармана эти покрытые белой кожурой плоды, каждый не крупнее кашгана, ломал их на четвертинки и протягивал на ладони. Такое простое отношение расценивалось как знак уважения и дружбы, нравилось слушателям. Тем более что орехи всегда были не с розовой или фиолетовой, а белой кожурой. Те, что подаются только почтенным гостям. Все, в том числе и сам Дмитрий, который быстро привык к терпкому, слегка горьковатому их вкусу, охотно жевали эти орехи, прогоняющие усталость и сон.

Однако к учебе все относились по-разному. Некоторые жадно тянулись к новому, все схватывали на лету, задавали вопросы, предлагали собственные решения тактических задач. Другие же отмалчивались или недовольно сопели, если им самим задавали вопросы.

— Твои рассказы весьма поучительны, Альхаджи Муса, — не выдержал один из них. — Только наша жара и мухи цеце заставят любое чужеземное войско долбить камни носом.

— В наших краях все они умрут злой смертью, — поддержал его другой.

— Вы оба правы, — спокойно ответил Дмитрий. — Первые чужеземцы погибнут, но за ними придут другие, уже умудренные опытом. И они захотят стать новыми хозяевами вашей земли. А прошлые победы никого не защищают вечно. Подумайте об этом. Если кто-нибудь не согласен со мной, то может поговорить с эмиром.

Желающих обсуждать эту тему с Раббехом не нашлось, и занятия продолжались. Но кроме них нужно было не забывать и о собственных войнах алама, хотя ежедневную заботу о них взял на себя Айчак. Да и самому, чтобы не растерять силу и ловкость, приходилось каждое утро не менее часа заниматься фехтованием и стрельбой в одном из тихих дворики. Скоро об этом узнал Фадельалла и тоже пожелал принимать участие в этих упражнениях. Измочалил весь ствол росшего в углу двора баобаба, все учился одновременно поражать цели из двух наганов.

Но на Дмитриии такая напряженная работа начала сказываться. Пропал аппетит, сон стал тяжелым и не приносил отдыха, а от сухой жары по всему телу пошел зуд. На пятках треснула кожа, да так глубоко, что нельзя было встать на кровоточащие ступни. В довершении всех бед опять начала трясти лихорадка.

Ахмед, который обычно предлагал лечить все недуги с помощью соблазнительных чернокожих девиц

пелути с помощью сослазнительных черпковых девиц, на этот раз испугался не на шутку. У постели Дмитрия появился Идрис. Он яростно взглянул на евнуха, произнес что-то невнятное, но выразительно провел ладонью поперек горла. Тот пулей вылетел за дверь, и вскоре над больным склонился Роберт Кейнсон.

— Ай-ай-ай, мистер Димитри, — он сокрушенно покачал головой. — Белому человеку в Африке надо постоянно заботиться о своем здоровье. Его организму трудно пребывать в такой жаре. Желательно время от времени дышать лондонским или петербургским туманом, бродить по снегу. Сейчас выпейте вот это, а хинин принимайте регулярно. Пусть слуга смазывает ваши пятки этой мазью.

— Он евнух. Скучает без дела, все предлагает обзавестись гаремом.

— Воздержание вещь похвальная, но все хорошо в меру, — улыбнулся мистер Кейнсон. — Эти длинные ночи, когда жара долго не дает заснуть, и обилие острых приправ в местных кушаньях в конце концов отрицательно сказываются на психике. Мужчина может получить нервное расстройство, а, как уверяют опытные врачи, все болезни происходят от тревог и волнений. Принимайте лекарство и через три-четыре дня встанете на ноги в буквальном смысле слова.

— Ваши лекарства волшебные?

— Мы, англичане, торгуем в Африке и Индии

почти триста лет и тысячами жизней заплатили за то, чтобы научиться жить и работать в жарких странах. А сейчас отошлите своего евнуха и поговорим...

Мистер Кейнсон вертел в руках коробочку с лекарствами и делал вид, что объясняет их применение.

— Вы хорошо начали, и те, кто послал вас в Борну, сделали правильный выбор, — тихо заговорил он. — Но получилось так, что их интересы совпали с интересами Англии. Поэтому я должен объяснить вам кое-какие особенности местной политики.

— Моя страна тоже имеет собственные интересы, и я буду руководствоваться только ими.

— Не возражаю. Поэтому вы должны знать, что Лондон давно наладил деловые связи с Раббехом. Он оказался одним из самых активных противников махдистов и отвлек на себя их значительные силы. Его решение идти на запад обеспокоило наше руководство, но оно скоро поняло, как выгодно иметь в районе Чада и Нигера лояльного и сильного человека. Прежние правители Борну хотя и были нашими старинными торговыми партнерами, но уже не могли эффективно контролировать трассахарскую торговлю и позволили французским и немецким предпринимателям обосноваться в стране. Кроме того, гордый султан Соhoto Абдурахман категорически отказывался вести с нами переговоры. Он называет себя халифом и повелителем мусульман, но все знают капризный нрав

этого фанатика, которого прозвали Сырой Глиной за неспособность править твердой рукой.

— Разве среди его советников нет ваших людей?

— Конечно, есть. Но если с конкурентами мы расправимся, действуя на биржах европейских столиц, то обуздать могучего владыку Сокото должны базингеры Раббеха. Ваша задача — помочь им в этом. Необходимое снаряжение скоро получите.

— Значит, практически я буду работать на вашу компанию?

— Конечно, нет, но наши интересы совпадают. Вчера мне довелось ознакомиться с копией ответного послания Раббеха эфиопскому негусу. В нем содержится благодарность за присылку опытного военного специалиста, хотя имя его предусмотрительно не называется. Главное, в послании поддерживается идея Менелика о союзе независимых африканских государств. Не знаю, найдет ли она понимание — в Лондоне, но в интересах большой торговли выгоднее иметь дело с партнерами, которые полностью контролируют свою территорию и несут все расходы по соблюдению порядка, сбору налогов и другим хозяйственным делам.

— Так вы против создания колоний?

— Создание собственных колоний тешит тщеславие некоторых политиков и ура-патриотов. На деле все эти военные экспедиции и колониальная администрация — долгое удовольствие. И в конечном

администрация дорожно-удовольствие, и в конце концов дадут временный результат. Доступ к заморским рынкам и сырью дешевле получать при участии местных вождей и торговцев. Им достаточно выделять часть прибыли. Кстати, и вашим деловым людям выгоднее не связываться с колониями и иметь дело с уже готовой администрацией другого государства. Думаю, что опыт российско-эфиопских отношений доказал это. Легче договориться с негусом, чем тратиться на господина Апинова и его колонистов.

— Спасибо за лекарства, — сухо ответил Дмитрий, которому в словах англичанина послышалась насмешка.

— Не обижайтесь, к вопросу о колониях мы относимся несколько иначе, чем вы. Для огромной России заморские территории не имеют такого значения, как для маленькой Англии, — улыбнулся мистер Кейнсон. — Разрешите дать последний совет. К вам хорошо относится старший сын и наследник эмира Фадельалла. Вы ровесники и сможете подружиться. Это будет полезно для вашей работы и вашей безопасности.

Англичанин ушел, а Дмитрий задумался над услышанным. Да, выбора нет, и здесь идет своя игра. Но ведь тебя и послали, чтобы узнать, что происходит в этих краях. В уже отправленном письме российскому послу в Аддис-Абебе осторожно намекнул, что местные проблемы оказались гораздо сложнее, чем представлялось раньше. Придется действовать по

остоятельствам. Но в одном этот голубоглазый мистер прав: с сыном эмира надо дружить.

Но еще до полного выздоровления Дмитрия Фадельалла сам навестил его, расспросил о здоровье, передал привет от отца. Слуги принесли изысканные угощения — медовые лепешки и ароматное питье, в котором плавали ломтики ананаса. Не без гордости сын эмира сообщил, что все это приготовила его любимая супруга Хадия. Несколько смутился и, понизив голос, добавил, что она много слышала об удивительном воине с востока и считает, что ему следует оказать честь и пригласить в гости. Конечно, в некоторых странах такое проявление женского любопытства покажется неприличным и Альхаджи Муса может осудить всю эту затею. Но Хадия дочь султана Кути, а в тех краях женщины пользуются большой свободой. Да и в других странах Судана, вдали от святынь истинной веры, многие люди открыто говорят, что зов женщины сильнее заветов Всевышнего.

Не прошло и трех дней, как Дмитрий был гостем во дворце Фадельалла. Впрочем, своими размерами и богатым убранством его покои не блистали, всего было в меру. Кроме двух кровных жеребцов, привязанных у входа, и неплохого набора оружия, хозяин похвастался несколькими книгами по истории и географии, изданными в Каире, и небольшим глобусом немецкой работы. Вновь заговорил о своем желании повидать

мир, но тут дворецкий почтительно доложил, что угощение уже подано.

Уселись на ковровые подушки у низкого и широкого стола, за которым распоряжалась хозяйка — большеглазая и смуглая, с правильными чертами лица, очень похожая на арабских красавиц, которых доводилось видеть в Египте. Вся она была окутана пышными волнами кружев и розового шелка, а ее лицо прикрывал прозрачный шарф. Но он поминутно соскальзывал, а униженные тонкими золотыми браслетами изящные руки часто показывались из широких рукавов. Но чтобы ни у кого не возникло сомнений в незыблемости соблюдаемых в доме приличий, за ее спиной черной горой возвышался главный евнух, за поясом которого были заткнуты плеть и кривой кинжал.

Хозяин представил супругу, подробно перечислил всю ее родню, упомянул и предков — древних египетских фараонов. Дал понять, что она является лучшим украшением всей женской половины его дворца, которая не столь представительна, как у самого эмира, но все же содержит не один десяток красавиц. В свою очередь гость церемонно приветствовал хозяйку, довольно коряво произнес арабский стих, весьма целомудренно прославляющий женскую красоту, и растерянно замолчал. Что еще можно сказать в такой обстановке? Все же сидим не у походного костра в

компании спешившихся головорезов.

Но по знаку хозяина толстая женская фигура, наглухо закутанная в цветные шали, ввела в комнату двух мальчуганов в красных кафтанчиках с игрушечными сабельками на боку. Они с радостным криком засеменили к матери.

— Будущие базингеры. Оба в нашу породу, такие же черные, как и их дед, — с гордостью произнес Фадельалла.

Гость закашлялся, пытаясь сообразить, что полагается говорить в таком случае. Маленькие дети не лошади и не оружие, о них следует выражаться несколько иначе. Да еще на чужом языке. Но внуки эмира уже сами обратили внимание на человека со странным цветом кожи.

— Кто тебя вымазал известкой? — спросил старший мальчуган и указал на шею гостя, не полностью прикрытую широким воротом рубахи.

Мать поспешно привлекла ребенка к себе, что-то зашептала ему на ухо. Отец быстро опустил лицо к блюду с пирожками, толстая женская фигура мелко задрожала. Не пошевелился один только евнух, ему, надо думать, приходилось видеть и слышать еще и не такое.

А Дмитрий расхохотался. Вопрос ребенка снял напряжение, и он почувствовал себя как дома.

— В моей стране солнце печет не так горячо, как у

вас, потому в нашем племени у всех людей светлая кожа. Вот посмотри сам, — с этими словами Дмитрий закатал по локоть правый рукав.

Дети испуганно взвизгнули и уткнулись в колени матери, глаза которой стали круглыми от удивления.

— Додо²²! Он додо! — верещали малыши. — Волосатый додо! Дмитрий критически взглянул на свою обнаженную руку, попытался понять причину такой реакции. Потемневшая от загара широкая кисть, выше нее густо поросшая волосами розоватая кожа, за которой следует белая ямка локтевого сгиба с тонкими голубыми прожилками. Пожалуй для тех, кто привык к равномерно-темному цвету собственной гладкой кожи, это и в самом деле может выглядеть весьма странно. Ну а что касается волос, то еще в первые дни путешествия по саванне Хасан пошутил: «Таких зарослей, как у тебя, у наших людей не бывает. О мохнатых чудовищах бабки любят рассказывать сказки, пугают ими малых ребят».

— Эй, базингер! Не бойся, дотронься сам до меня! — предложил гость.

Родители дружно поддержали его, и мальчуган, не выпуская конец материнского шарфа, приблизился и осторожно провел пальцем по руке Дмитрия. С торжествующим видом взглянул на братишку, который с открытым ртом смотрел на происходящее и все крепче прижимался к матери. Но в конце концов, с шутками и смехом, уговорили и его последовать примеру брата.

Когда нянька увела детей, беседа продолжалась в непринужденной обстановке. Больше всех говорила сама хозяйка, мило выражала сочувствие гостю, расспрашивала его о родных и близких, настоятельно советовала больше заботиться о своем здоровье. Искренне сокрушалась, что при такой трудной работе ему приходится в домашних делах полагаться только на слуг. Женская забота бывает очень необходима не только детям.

После этого визита молва о Дмитриии пошла гулять по всем женским покоям знатных домов Диквы. Новых приглашений в гости не последовало, но многие убежденные сединой отцы семейств стали более дружелюбно посматривать на молодого галадима, заводили с ним разговоры не только о дворцовых делах и дальних странах, но осторожно узнавали о его привычках и склонностях, звали на охоту. Евнух Ахмед оживился, все чаще заводил речь о семейных делах и свадебных обычаях, а в его гардеробе появились дорогие, обновки, которые явно были ему не по карману.

Все это живо напомнило Дмитриию ситуацию, которая сложилась в последние месяцы его дворцовой службы в Гатчине. Неужели оженят?

Однако стало совсем неуютно после того, как однажды утром во двор, где они фехтовали с Фалельалла, стремительно вошла молодая женщина.

Одета на манер мужчин, которые отправляются в поход или на охоту, — простая рубаша с короткими рукавами, шаровары, мягкие сапоги для верховой езды. Голова повязана пестрым платком, а на ничем не прикрытом лице озорная улыбка.

Слуги, стоявшие в углу двора с принадлежностями для умывания, поспешно склонились в низком поклоне. Фадельалла грозно нахмурился:

— Авва, ты зачем сюда явилась!

— Мне нужен Альхаджи Муса! — без малейшего смущения произнесла женщина. Голос ее звучал звонко и четко.

— Постыдилась бы слуг! Врываешься без предупреждения. Здесь же почти голые мужчины скачут в поту и грязи, рубятся на мечах. Что скажет твой будущий муж!

— Я дочь эмира Раббеха, а отец учил меня быть смелой и решительной. Кроме того, я вдова и могу встречаться с кем пожелаю. Мой друг, галадима Умар Муби, подарил мне пистолет, но он не стреляет. В арсенале мне сказали, что починить его может только этот иностранец.

— Да тебе просто любопытно самой взглянуть на него!

— Эй, а чем я хуже твоей Хадии! Она всем только и рассказывает, как принимала иностранца в своем доме.

Альхаджи Муса, взгляни, можно починить этот пистолет?

Никелированный бельгийский браунинг ярко блестел на солнце. Не оружие — дамская игрушка. Вся неисправность в том, что он стоит на предохранителе. Ясно, что в арсенале этот пистолетик никто и не видел. Но тем не менее Дмитрий с важным видом осмотрел его со всех сторон, вынул обойму, заглянул в ствол, пощелкал курком. Сделал пробный выстрел и вернул с поклоном:

— Будьте внимательны, у этого пистолета очень легкий спуск. В ответ Авва задорно тряхнула головой и тут же выпустила всю обойму в многострадальный баобаб.

— Спасибо, Альхаджи Муса. А ты не пугай меня новым замужеством. Знаю, что отец думает только о политике, поэтому и собирается породниться с Хайяту. Меня отдает за него, а в свой гарем тысяча первой женой берет одну из его дочерей. Но этому старому святоше не удастся запереть меня в своем доме. С Умаром как встречаюсь, так и дальше буду встречаться!

— Тише ты! Смотри! Сын Хайяту, этот щенок Сайд, выследит тебя. Как он сделал это с нашим Наби.

— Наш брат дурак. Выпил слишком много пива и хвастался, что переспал с одной из жен отца. Потом оказалось, что она из тех гаремных девчонок, что кормят кур. Но Сайд донес об этом, и все начали вопить о

позоре и нарушении семейных прав эмира. Отцу ничего не оставалось, как приказать Суруру отхлестать Наби на площади как обычного прелюбодея.

— Вот с тех пор он и ходит мрачный, как старый слон.

Этот разговор брата и сестры Дмитрий слушал с большим интересом. Ну и бедовые же дети получились у эмира. С ними надо держать ухо востро!

39

Однообразная дворцовая жизнь, сдобренная гаремными сплетнями, шла своим чередом, когда в столице появился Хасан. В свое время на его исчезновение никто не обратил внимания, а сейчас он вернулся также незаметно и сидел в пропитанном бурой пылью плаще рядом с Раббехом. В эту небольшую комнату Дмитрия привели среди ночи, и в свете масляных ламп он увидел Фадельалла, Идриса и старого Абубакара. Что заставило их собраться в такое неурочное время?

— Султан Зиндера тайно готовит мятеж, — сообщил Раббех. — Хасан привез доказательства.

Все молчали, ожидая более точных известий, свои чувства каждый держал при себе. Не услышав ни

гневных воплей, ни пламенных заверений в верности, эмир удовлетворенно кивнул и повел деловой разговор.

Собеседники понимали его с полуслова. Ясно, что за этой попыткой выйти из повиновения Борну стоит старый соперник — султан Сокото. Следовательно, нужно направить дополнительные войска на западное направление. На севере и востоке весть о возможном мятеже наверняка отзовется волнениями среди пограничных племен. Но там можно будет обойтись выплатой дополнительных денег верным вождям, которые охраняют границы на краю Сахары. После недавнего карательного похода южные султаны затаились в горах Мандара. Они не станут нападать первыми.

На ковре раскатали квадрат тонко выделанной козьей кожи, в центре которого схематично были изображены озеро Чад с впадающими в него реками, окрестные города и горные хребты. Золотыми монетами и раковинами каури обозначили расположение своих аламов и войск предполагаемых противников. Стали советоваться, кого и куда направить, если дела пойдут скверно. Что будет, если нападающие двинутся с юга? Или сразу с нескольких направлений? А если мятежников поддержат и в самом Борну?

— Не забывайте и о европейских войсках: они могут вмешаться в любое время, — негромко произнес Раббех и за линией раковин каури выложил несколько

талеров. — Вот как нас обложили со всех сторон. Альхаджи Муса, что ты скажешь?

Не всякому казаку приходится принимать участие в планировании военной кампании сразу на нескольких фронтах. Здесь нужны знания стратегии и оперативного искусства, которые постигаются в генеральных штабах. Но ведь опыт уже есть, да и умишком Бог не обидел. Свое мнение Дмитрий высказал без лишних теоретических рассуждений, таблиц и графиков. Выслушали его внимательно, кое-что уточнили, высказались сами, поспорили. Решили пока шума не поднимать, держать войска в готовности и ждать развития событий.

Еще пару раз собирались на такие ночные советы. Думали и гадали, может быть, все обойдется. Но султан Зиндера взялся за оружие, его люди перебили телохранителей наместника Раббеха и пограбили караваны купцов. При дворе султана объявились родственники бывшего правителя Борну и призвали народ восстать против власти эмира, которого они называли Беглым Рабом. Стало известно, что в Союто султан Абдурахман грозит стереть Дикву с лица земли и объявил о сборе войска. Вот только воины не спешат на его зов. Да тут еще и англичане начали подтягивать свои войска к городу Бида, славному своими мастерами и торговцами. Его правитель задержал на Нигере барку с несколькими тюками мануфактуры из Манчестера, и

теперь администрация компаний обратилась к султану с просьбой объяснить поведение его подданного. Но из ответного послания англичане узнали, что повелитель Сокото будет выяснять свои отношения с неверными только на поле боя.

Все эти новости Раббех изложил на очередном ночном совете и, усмехнувшись, положил на карту новый талер у города Бида.

— Выступаем на Сокото! — вырвалось у Фадельалла.

— На западных складах просо и сушеная рыба заготовлены? — Эмир сделал вид, что не слышал возгласа сына. — А патроны и порох?

Абубакар и Дмитрий заверили, что припасы собраны и все другие приготовления полностью завершены.

— За придворными, о которых мы говорили, слежка ведется? Смотри, Идрис, перебежчиков быть не должно. — Раббех немного подумал. — Слушай, барде, поднимай мятеж в землях Абдурахмана. Пусть англичане, у них много денег и солдат, ввяжутся в драку, а мы еще подождем. Начинать войну умеет любой дурак, ты же, сынок, учись побеждать без помощи оружия. Поэтому сейчас займешься самым важным делом — моей свадьбой. Люди должны знать, что не беглый раб, а сын простого ремесленника из Сеннара породнится с наследником халифа и повелителем мусульман. А моя

наследником халифа и повелителем мусульман, а моя дочь станет женой будущего султана Соко́то Хайяту!

Обе свадьбы отпраздновали без промедления и с подобающей пышностью. Но Дмитрий не принимал участия в церемониях, все время пропадал в арсенале и на складах. Лишь один день пришлось потратить на обязательное торжество — свадебный пир, который тянулся долго и скучно. Согласно местным обычаям женщин на нем не было, они угощались в отдельных покоях, а из поданных напитков самым крепким оказалось кофе. Но мужчины веселились как могли, и разговорам о будущей войне не было конца. Все ввали и хвастались изо всех сил, хотя толком никто ничего и не знал. Сам Дмитрий, рядом с которым сидел один из помощников Идриса, больше молчал или мямлил какую-то чушь о жаре и своих больных пятках.

Но Раббех и Хайяту повсюду появлялись вместе, при каждом удобном случае громогласно клялись во взаимной дружбе и требовали восстановления справедливости. Позднее верные люди донесли, что в Соко́то известия об этих свадьбах вызвало большой переполох, а сам султан Абдурахман был в полной растерянности и еще долго не мог отдать ни одного вразумительного распоряжения.

Спустя несколько дней Дмитрий чистил в конюшне своего гнедого. Как обычно, говорил ему ласковые слова, угощал сдобными лепешками. Жеребец

доброжелательно пофыркивал, игриво толкал хозяина, просился на прогулку. Внезапно по его гладкой шерсти прошла волна мелкой дрожи, и он испуганно вскинул голову. В соседнем стойле нервно затопали другие лошади. Стоявший рядом конюх поспешно схватился за висевший на шее амулет, негромко предупредил:

— Берегись, сюда идет человек с дурным глазом.

— Альхаджи Муса, тебя зовет эмир! — громко произнес подошедший Хайяту и не удержался, торжествуя добавил: — Идем в поход на Мандара! Я командую войском, а ты поступаешь в мое распоряжение!

— Я подчиняюсь только приказам эмира.

— Сейчас он сам объявит тебе свою волю!

Эмир был необычайно весел, что-то рассказывал окружавшим его придворным. Известным болтунам и подхалимам, о которых сам много раз говорил, что они способны лишь «жрать и сплетничать». Церемонно ответил на приветствие Дмитрий, но был краток.

— Альхаджи Муса, мы решили кое-кому показать мощь Борну. Сам я побуду дома при молодой жене, а в поход пойдет наш верховный судья и советник Хайяту, законный наследник повелителя халифата Сокото. Под его командованием посылаем тебя, много конников, лучших базингеров с пушками. К вам присоединяться меткие лучники племени манга и войска верных нам султанов. Дойдете до гор Мандара и реки Бенуэ, там

выпотрошите тех шакалов, которые все еще лижут задницу султану Абдурахману и платят ему дань золотом. Выступаете завтра, а сегодня устраиваем пир в честь славного полководца Хайяту!

После таких слов Дмитрий вышел из покоев эмира в недоумении. Во время последнего ночного совещания не было и речи о походе на юг, да еще со значительными силами. Кто же тогда будет прикрывать западную границу и столицу? Видно, хитрит Раббех, опять ведет свою тайную игру.

В одном из дворцовых переходов повстречался Идрис, незаметно сделал знак следовать за собой. В каком-то полутемном чулане, у дверей которого двое рослых слуг немедленно уселись играть в кости, он тихо заговорил:

— Не беспокойся, все идет как задумано. Хаким это затеял, чтобы обмануть сильного соседа. В Сокото должны поверить, что под командованием Хайяту собрано сильное войско и сам он представляет серьезную угрозу. Кроме того, его следует на время убрать из столицы, потому что последнее время он начал вмешиваться в дела Хакима и ведет себя слишком самостоятельно. Умный правитель не держит долго таких советников.

— Зачем я понадобился в этой игре?

— Хайяту решительно потребовал, чтобы ты принял участие в походе. Ему это принесет победу. Сам

принимать участие в походе. Ему это принесет победу. Сам знаешь, у нас с прорицателями не спорят. Но не беспокойся, рядом с тобой будут Хасан и мои люди, а вся эта игра быстро закончится. Да, сегодня на пиру рядом с тобой будут некоторые из тайных друзей Абдурахмана. Прошу тебя, с ними говори только о погоде, но упомяни, что вырос в стране, где холода бывают не только ночью, но и днем. Добавь, что поход в горы для тебя дело привычное, в Эфиопии доводилось видеть и не такие вершины. И еще — не мешай Айчаку врать про то, как он крошил итальянцев и какую добычу захватил у махдистов.

На следующий день из крепостных ворот Диквы под гром барабанов и рев труб в поход двинулось огромное войско под командованием Хайяту. Впереди выступал он сам вместе с сыном Саидом, многочисленными слугами и длинным караваном верблюдов и быков, груженных различными припасами. Следом за ними тяжелой поступью прошли аламы базингеров, мерным шагом проплыли верблюды с пушками, резво проскакали конные отряды. Все видели, что казармы опустели, а эта бесчисленная воинская сила двинулась по южной дороге.

Но на первом же ночном привале появился мрачный соратник эмира Абубакар и передал приказ — всем двигаться в западном направлении, а Хайяту продолжать поход. В его распоряжении остается сотня

базингеров под командованием галадима Умара Муои, три десятка конников Дмитрия, одна пушечка и множество собственных слуг. С военной прямоотой посланец Раббеха объяснил, что для войны с дикарями верховному судье этих сил вполне хватит, тем более что к нему уже идут подкрепления.

Действительно, вскоре появились отряды провинциальных султанов, несколько сотен всадников самого разбойничьего вида на поджарых конях. Их предводители, с лицами до глаз замотанными разноцветными платками, один за другим картинно били себя в грудь, прикрытую кольчугой или кожаным панцирем, и громко и клялись в верности, прославляли собственную храбрость и силу. По ночам из стада, которое гнали слуги Хайяту, стали пропадать овцы, а однажды у всадников Дмитрия пытались угнать лошадей. Но прошедшие половину Африки ветераны были начеку, их имущество осталось в сохранности. Отрубленную руку конокрада насадили на копье и выставили для всеобщего обозрения. Обещали, что готовы бесплатно вернуть ее хозяину, но тот так и не появился, а стоянку арабов, как стали их теперь называть, все стали обходить стороной. Прибыли и воины манга, голые и курчавые. Настоящие купидоны с луками и колчанами стрел, вся одежда которых состояла из свернутого в трубочку листочка. Эти воины жили на подножном корму, словно саранча, опустошали

крестьянские поля, шарили по окрестностям, добывали любую дичь, вплоть до змей и крыс, собирали дикие плоды и съедобные корни.

Вскоре походный строй был утрачен, и войско превратилось в медленно бредущую в южном направлении толпу. Теперь его лагерь являл собой дымную, шумную и зловонную стоянку, которую никто не охранял и все стремились покинуть с первыми лучами солнца. На предложение Дмитрия навести хоть какой-нибудь порядок, Хайяту только махнул рукой.

— Всегда так воевали. Скоро вступим на земли Мандара, там еды всем хватит. А внезапного нападения не надо опасаться, дикари нас боятся.

Как только перешли границу, все это сборище вооруженных людей моментально превратилось в банду грабителей и убийц, которые рассыпались по окрестным долинам. Они жгли деревни, разоряли амбары, угоняли скот. Но главная охота велась на женщин и детей. Их вязали, сгоняли на открытые участки, огораживали наспех сооруженными завалами из колючего кустарника и стереги круглые сутки. Захваченным в плен мужчинам, для охраны которых требовалось слишком много воинов, просто отрубали ступни и бросали умирать в лесу.

Увидев все это, возмущенный Дмитрий ворвался в палатку Хайяту:

— Что же это творится! Раббех всенаполно

объявляет, что он против захвата рабов, а твои воины опустошают целые деревни. Отдай приказ, чтобы убийства и разбой прекратили немедленно!

Верховный судья с увлечением перебирал уздечки. Он покупал и выменивал их везде, где только мог, и уже собрал великое множество. Украшенные металлическими бляшками, полосками цветной кожи, цепочками и даже драгоценными камнями, они составляли содержимое двух объемистых тюков, которые возились на особом быке и охранялись также строго, как и сундуки с деньгами.

— Не надо кричать, Альхаджи Муса. — Хайяту говорил не поднимая глаз и продолжая рассматривать одну из уздечек. — Воины не охотятся за рабами, они просто собирают переселенцев, которые будут жить и работать в селениях Борну. Местные племена — это тупые и злобные дикари, они поклоняются своим идолам и не хотят встать на путь истинной веры. А вот на нашей земле их дети увидят ее свет. Когда соберут всех переселенцев вместе со скотом, их разделят между будущими хозяевами, и все останутся довольны.

— Но зачем убивать крестьян и жечь дома. Наши воины превратились в разбойников.

— На все воля Аллаха! — Хайяту взглянул на Дмитрия и в его голосе прозвучала угроза. — Твои сомнения свидетельствуют о том, что ты сам не тверд в

вере. Мы пришли в эту страну гор, чтобы выполнить свой священный долг в борьбе с язычеством. Не забывай об этом! Хаким Раббех будет счастлив узнать, что здесь наведен порядок и у власти стоят не союзники Союто, а его верные друзья. Посмотри на их подарок, эту уздечку с чудными топазами. Перестань думать только о военном деле, взгляни вокруг себя, какая это прекрасная страна!

40

Горное плато Мандара было действительно прекрасным. Воздух здесь прохладен и свеж, цепи поросших лесом гор уходили в голубую даль, а по их склонам змеились реки с белыми от пены водопадами и прозрачными заводами. Живописные гранитные утесы с крутыми склонами, из расщелин которых торчали редкие кусты и пучки травы, поднимались над широкими долинами.

Но Дмитрий помнил, как вчера в лагерь пришли двое молодых мужчин. Шли открыто, держа в руках миску с золотыми самородками, просили допустить к кому-нибудь из начальства. Их привели к сыну Хайяту Сайду, возглавлявшему лучников манга, и перед ним мужчины распростерлись на земле и молили отпустить их жен с детьми, предложили выкуп. Толстый юнец, которому уже налоел вил горящих лоповень и убитых

людей, решил развлечься и обещал исполнить просьбу. Но прежде приказал просителям показать свою ловкость и взобраться на один из таких утесов. Затаив дыхание все смотрели, как эти двое карабкаются по отвесной скале. Одному не повезло, он сорвался. Его тут же доби́ли, чтобы стоны и мольбы не мешали Сайду следить за развитием событий. Второй мужчина медленно полз вверх и наконец достиг вершины. Но спуститься вниз было невозможно, и он просил забросить наверх веревку, привязав ее конец к стреле. Сайд запретил это делать и хохотал, глядя, как бедняга мечется в поисках безопасного спуска. Но скоро это зрелище ему надоело и он придумал новое развлечение, предложил состязание в стрельбе, обещал награду тому, кто точнее поразит цель. Вскоре утыканный стрелами человек рухнул к подножию утеса.

Как только Хайяту упомянул о красоте здешних мест, вчерашний эпизод встал в памяти Дмитрия. От злобы перехватило дыхание, но он молча вышел из патра и зашагал к своим арабам и базингерам Умара. Только на их участке лагеря еще сохранялся порядок и стояли часовые, а воины выполняли приказы и ежедневно получали довольствие... Эти лучники манга совсем обнаглели, скалят зубы, что-то лопочут по-своему, тычат пальцами в твою сторону. Один из них тащит в кусты визжащую девчонку.

Открытый сад — прекрасный пейзаж

— Отпусти ее! — приказал Дмитрий.

В ответ раздался дружный хохот, а тот, что тащил ее, сделал выразительный жест и снял с себя свернутый трубочкой листок.

Оставлять такое без ответа нельзя. Черная молния сверкнула на солнце и свистящий удар мгновенно развалил надвое туловище наглеца.

Наступила тишина, а затем все бросились врассыпную. Дальше Дмитрий шел мимо брошенных костров, на которых обугливалось мясо и выкипали горшки с кашей, опустевших палашей и навесов. Но навстречу ему уже спешил Хасан в сопровождении нескольких галласов.

— Успокойся, Муса, — негромко произнес он. — Пойдем ко мне.

Хасан нагнал войско еще до того, как оно перешло границу, и теперь ведал головными дозорами и всем, что происходит на землях Мандара. В его палатку без лишней огласки приходили самые разные люди, а из нее ежедневно скакали в Дикву гонцы. Вот и сейчас, после того как уселись за низким походным столиком, он протянул Дмитрию чашку с каким-то травяным отваром.

— Выпей и не расстраивайся. От лишних переживаний у человека появляется дрожь в печени и кровь начинает стучать в затылке. Если будешь волноваться, то скоро сойдешь с ума. Вы, белые люди, всегда торопитесь, а плод должен созреть. Ведь Идрис

объяснял тебе цель этого похода.

— Значит, я ее не понял.

— У нас все дела ведутся не спеша, по извилистой тропе. Хайяту должен быть уничтожен, но, как говорится, пусть он сам положит яд в свое пиво. Он хорошо образован, честолубив и коварен, но войсками командовал лишь однажды, да и то потерпел сокрушительное поражение. Сейчас действия против безоружных крестьян вскружили ему голову, и он возомнил себя великим полководцем.

— Он завидует Раббеху?

— Еще как! Но Хайяту умен и понимает, что годы берут свое. Поэтому он так заботится о своем Сайде, мечтает провозгласить этого кровожадного щенка повелителем захваченных пограничных земель, богатых золотом и драгоценными камнями.

— Эмир знает об этом?

— Знает и не возражает. У него уже есть десятки таких подручных султанов. А вот включая в их число собственного сына, Хайяту надевает на себя уздечку, повод которой будет в руках Раббеха.

— Что думает об этом Умар?

— Ему ничего не известно. Он, как и его базингеры, молод и горяч. Но эмир знает о его отношениях с собственной дочерью, которая стала теперь одной из жен Хайяту, и не зря послал его в этот поход. Что касается тебя, то ты дал хороший урок этим разбойникам

манга, но больше не ходи в одиночку. Пусть галласы везде следуют за тобой. Их могучий дух Вака не позволит отравленной стреле воткнуться в спину побратима.

— Долго мне придется ходить под их охраной?

— Не очень долго. Горцы Мандара умеют воевать, они уже оправились после внезапного нападения.

Вскоре все поняли, что обстановка изменилась. Один за другим стали пропадать одиночные воины, решившие пограбить отдаленные деревни. На окраине какого-то селения один из отрядов даже встретили мушкетным залпом, ни в кого не попали, но перепугали всех. На вершинах гор задымились сигнальные костры, а по ночам в долинах гулко разносился стук барабанов. Лучники манга понимали их язык и говорили, что вражеские наблюдатели сообщают кому-то довольно точные сведения о войске и направлении его движения. Теперь в деревнях воины находили только опустевшие дома и загоны для скота. Но где-то истомленные жаждой мародеры все же обнаружили несколько громадных горшков с пивом и отвели душу. Однако радоваться им пришлось недолго. Человек десять умерло на месте, а еще полсотни стали маяться животами и разбежались по окрестностям. Только обратно вернулись немногие и те, кому повезло, с ужасом рассказывали о дротиках с зазубренными наконечниками, бесшумно летевшими из-за кустов. После того как на ладном

летевшими из-за кустов. После того как на дальнем перевале отряд одного из султанов попал в засаду и был полностью перебит, а сам он посажен на кол, войско остановилось. Было решено начать переговоры.

Любознательный Хасан уже успел узнать, что во главе горных племен встал султан Додо Санда, тот самый, которому дает советы вещий конь Гунья. Его войско расположилось в широкой долине, где хватит места и для воинов Хайяту. Выяснилось, что этот весьма воинственный владыка собрал отряды всех своих родственников и друзей и готов лично переговорить с представителями эмира Борну. На время переговоров он обещает прекратить все военные действия.

На военном совете Дмитрий настаивал на том, чтобы не спускаться в долину, а предварительно укрепиться на возвышенности и только после этого начинать переговоры. Его поддержали Умар и Хасан, которые ссылались на пример Раббеха, всегда укреплявшего лагерь и устраивавшего заграждения на пути вражеской конницы.

Но Хайяту упрямо стоял на своем:

— Этот лесной колдун нам не страшен. Выйдем на равнину и покажем дикарям всю нашу силу. Вокруг лагеря устроим завал из колючек, этого хватит. Если же кто-нибудь приблизится — всех перестреляем!

Вскоре на невысоком холме, возвышавшемся почти в центре долины, слуги султана поставили навес из

циновок, разложили расшитые подушки, приготовили угощение. В окружении десятка соратников гостей встречал лично Додо Санда, худощавый старик мрачного вида. Был он одет в несколько халатов из дорогой ткани, на груди имел массивное золотое ожерелье и восседал на невысоком походном троне, образованном перекрещенными бивнями слонов, на концах которых красовались человеческие черепа. Его босые ноги покоились на спинах двух обнаженных девушек, распластавшихся у подножия трона. Султан сидел лицом на север, поэтому Хайяту и десяток его спутников вынуждены были усесться напротив, так что их ноги оказались обращенными на юг. Сразу же все поняли, что в этом заключается зловещее предзнаменование и переговоры будут трудными. Вспомнилось весьма грубое выражение бродячих хаусанских торговцев: «Что б ты ноги на юг протянул». Его произносят, когда желают сопернику или собеседнику неудачи и смерти.

Впрочем, Хайяту не было дела до таких мелочей. Все его внимание привлек конь Гунья, привязанный к колышку, вбитому в землю позади трона султана. Точнее, не сам конь, мелковатый, да еще с кривыми задними ногами — такого ни под седло, ни в хомут, только в цирке показывать, — а его уздечка. Сплошь покрытая золотыми бляхами, она нестерпимо сияла на солнце. На созерцание этого чуда ушло некоторое время,

но потом Хайягу спохватился и произнес приветствия, которые перешли в прославление мощи борнуанской державы и восхваление ее грозного повелителя. Он сообщил также, что воины проделали долгий путь, чтобы согласно древнему обычаю получить дань с горных племен. Раньше из этих мест уводили в Борну тысячи людей...

— А сейчас набрали не больше двух сотен! — грубо перебил его султан. — Я много слышал о Раббехе, уважаю его за ум и храбрость. Сам люблю воевать и каждый год хожу в походы на соседей. Меня не останавливают ни дожди, ни засуха, и соседи трепещут постоянно. Вся крыша моего дворца выложена их черепами! Для меня аромат вражеских трупов лучше всяких благовоний, а стервятники в моей долине самые упитанные — у покойников они выклевывают только глаза! Но уже год я скучаю — не с кем стало воевать. И вдруг радость — мой конь Гунья предсказывает ваш приход! Теперь сможем помериться силами, посмотрим, как гости будут носами наши камни долбить!

Говорил султан долго, часто поворачивался к своему коню. Тот мотал головой и пофыркивал, то ли соглашался с хозяином, то ли отгонял мух. Страстное описание собственных побед распалило владыку, и пена выступила на его толстых губах. После одного из восклицаний он так энергично топнул, что девушка, лежавшая под его ногой жалобно пискнула

ложавший под его ногой, жалобно шипел. Молчаливые слуги моментально уволокли ее, а у подножия трона положили новую.

Никто не обратил на это внимания, но Дмитрий, которому уже надоело слушать это болезненное хвастовство, тихо спросил Хасана:

— Зачем ему этот живой ковер?

— Боится чужого колдовства, — охотно откликнулся тот. У обоих, согласно приличиям, низ лица был замотан платком, так что, сохраняя неподвижный взгляд, можно было вести тихую беседу. — Ступня султана, даже в обуви, может касаться земли только в собственном доме, где под полом покоятся его предки-защитники. У этих племен обычай — когда рождается наследник, с его правой ступни делают глиняный слепок, который становится амулетом, связывающим правителя и его страну. Потом, если случается поражение в бою, происходит падеж скота, неурожай или другое бедствие, всем ясно, что султан уже не может править как следует. Ему приносят этот слепок, он выпивает яд и отправляется к предкам.

— Так это же цареубийство или государственный переворот.

— Вождь обязан всегда заботиться о благе подданных. Любыми способами. За это ему оказываются почет и уважение, платят налоги. Все верят, что в нем живет дух земли и народа, его охраняют предки. Но если

дела идут плохо, вождя надо менять, потому что он стал бессильным и приносит вред всему племени.

— Так и травят всех ядом?

— Есть разные способы избавиться от вождя-неудачника. Одни племена устраивают прощальный пир, поят вождя допьяна, а потом закалывают особым копьем. Другие присылают ему яйцо попугая, и он сам вешается. Слышал, что в одной долине перед началом больших дождей вождь выходит на площадь и с ним может сразиться каждый желающий. Кто победит, тот и становится вождем на следующий год.

— Ну и дикари.

— А разве англичане и французы не казнили своих султанов?

Тем временем Додо Санда сделал паузу. Слуги тут же поднесли ему кубок с пивом и поспешно развернули расшитое покрывало, чтобы не позволить злым духам проникнуть вместе с пивом в желудок повелителя. Поставили кубки и блюда с мелко нарезанным мясом и перед гостями.

— Рад видеть, что вы чтите законы гостеприимства, — как можно вежливее произнес Хайяту. Он наконец-то понял, что следует менять тон переговоров и собеседник не боится угроз. — Что это за кушанье? Мы, правоверные, не можем употреблять в пищу некоторые продукты.

— Ешьте смело, это не свинина и не мясо обезьян,

которыми так любят лакомиться наши горцы, — весело ответил султан. — Это сердце и ляжки одного из ваших воинов. Его убили внезапно и страх не испортил вкус мяса. Это угощение для настоящих воинов, от него крепнут душа и тело. Вот от жирного женского мяса человек только слабеет.

На этот раз Хайяту не выдержал. Он призывал страшные кары на голову султана и его приближенных, проклинал это сборище язычников и грозил сровнять с землей все их поселения. Но чем громче он кричал, тем шире становилась улыбка на лице Додо Санда.

— Не грози нам смертью! — произнес он. — Что это такое? Всего лишь встреча с предками — могучим отцом, мудрым дедом, ласковой матерью. Вместе с ними можно будет смотреть на бестолковую суету молодых соплеменников, помогать им советом, защищать от чужого колдовства... Ну а сейчас слушайте все! Я буду вести переговоры только с самим Раббехом. Пусть это будет равная беседа двух великих воинов. Ты, Хайяту, и все твои спутники только ходячее жаркое. Освободите всех пленных, сдайте оружие и убирайтесь!

В ответ Хайяту вновь разразился угрозами, но султан лишь радостно захлопал в ладоши.

— Ты глуп, а я хитер! Недаром меня зовут Лешим. Получилось, как я задумал, и будет великая битва! Мой конь Гунья прав, завтра прольется много крови, и степнятники будут сыты!

На рассвете следующего дня солнце едва просвечивало сквозь окутавший долину пыльный туман. Ближайшие кусты можно было различить не дальше, чем на полет стрелы, а все остальное исчезло в бурой дымке. Как обычно, в конце сухого сезона, на заре с гор тянул прохладный ветер, от которого многие воины буквально лишились способности двигаться. Закутавшись в плащи и разное тряпье, они сгрудились в плотные кучи и с посеребренными лицами ожидали, когда солнце поднимется выше и станет немного теплее. Особенно жалкую картину представляли лучники манга. Как обычно они не заготовили топлива на всю ночь и теперь тряслись у давно прогоревших костров. Но по всему лагерю уже разносились живительные запахи просяной каши и жареной баранины. Исполнялся приказ начальства — перед боем всех накормить досыта.

Однако в шатре Хайяту о еде забыли, здесь шел жаркий спор. По оценкам Хасана, численность вражеского войска в восемь — десять раз превышала борнуанский отряд, хотя противник имел не более полусотни мушкетов. Дмитрий настаивал на необходимости встретить превосходящие силы врага огнем из-за укрытия, а затем контратаковать. В свою

очередь Умар предупреждал, что большинство его базингеров служат меньше года, в бой идут в первый раз и могут не выдержать конной атаки в чистом поле. Но Хайяту оставался непреклонным и требовал немедленно разогнать это сборище язычников-людоедов. Его шумно поддерживали Сайд и подручные султаны.

— Разведчикам враги всегда мерещатся там, где их нет, — уверенно произнес верховный судья. — Ты, Альхаджи Муса, человек у нас новый и поэтому слишком осторожный. Ладно, чтобы тебя успокоить, устроим у лагеря завал из колючих ветвей и поставим пушку. Ну а ты, бесстрашный галадим Умар Муби, пойдешь в атаку первым. Пусть грохот выстрелов твоих базингеров повышибает из седел этих дикарей и докажет, что войско эмира Раббеха непобедимо. Уверен, что ты и в бою проявишь такую же настойчивость, как и в общении с женщинами.

Красивое лицо Умара свела судорога, но он промолчал. Не потерял самообладания и после того, как Сайд откровенно хмыкнул, а потом глумливо произнес.

— Иные мечтают добыть милость эмира не на поле боя, а на мягких подушках.

— Тир! — громко произнес Дмитрий. — У нас военный совет или перебранка евнухов? Будем воевать или сплетничать? Если решили атаковать, то выступаем немедленно, пока туман еще не рассеялся и наша малочисленность не так заметна.

Но Додо Санда был опытным воином и также решил не терять времени даром. Задул утренний ветерок, туман поредел, и в лучах солнца противники предстали друг перед другом во всей красе. Ряды базингеров в алых кафтанах прикрывали с флангов лучники манга, а за ними на некотором расстоянии ехали шагом конные толпы султанов во главе с Хайяту и, справа от центра, плотный квадрат арабов. Противник же не соблюдал боевого порядка, его передовые дозоры уже скакали по всей долине, а основные силы черной тучей еще только сползали с горных склонов. Зрелище было весьма внушительным, и у многих в войске Борну оно вызвало неприятные чувства.

Дозорные и начали бой лихой конной атакой, но стрелы лучников и несколько выстрелов обратили их в бегство. Никто не пострадал, и через некоторое время атака повторилась с тем же результатом. Цепи базингеров и лучников все ближе подходили к главным силам Додо Санда, и казалось, его отряды стали подаваться назад. Увидев это, Хайяту приказал своим остановиться и побережь силы коней, чтобы ударить на врага, когда он обратится в бегство. Все ждали победных ружейных залпов.

Внезапно беспорядочная суeta неприятельских всадников прекратилась, пыль осела и в центре его

оесформенной толпы открылись плотные шеренги конных воинов.

Дмитрию уже доводилось видеть тяжело вооруженных суданских всадников. У Раббеха было несколько таких богатырей, которые во время парадов и различных торжеств красовались у ворот дворца. Но сейчас их собралось больше двух сотен. Все в железных или медных шлемах, толстых стеганных, плотно набитых хлопковой ватой, длиннополых кафтанах. У многих сверху натянуты кольчуги или нашиты пластинки железа, а то и просто толстой бычьей кожи. На поясе длинные мечи, в руках копья с широкими лезвиями и большие щиты из специально обработанной слоновьей кожи. Такими же стеганными попонами от ушей до хвоста были прикрыты и их массивные лошади.

Как в этом вооружении воины выдерживали жару, сказать трудно, но было общеизвестно, что стрелы и дротики не могли причинить им вреда. А уж пышные перья, яркие разноцветные ткани и пестрые вышивки на кафтанах, блеск оружия, кольчуг и всяких металлических украшений вызывал у врагов трепет. В бою же эти всадники выстраивались клином и когда шагом, а когда и легкой рысью, более быстрый аллюр для них был невозможен, двигались на врага. Под их прикрытием наступали легку вооруженные всадники, пешие копейщики и остальные воины. Такой боевой порядок назывался «конная стена» и обычно приносил победу

тому, кто имел на поле боя достаточное количество этих могучих витязей.

Правда Раббех и его молодые командиры считали, что такой способ ведения боя уходит в прошлое и против плотного ружейного огня, не говоря уж о пушечных ядрах и картечи, «конная стена» не устоит. Зная военную историю и вспоминая о судьбе западноевропейской рыцарской кавалерии, Дмитрий соглашался с их мнением.

Первый залп базингеров и стрелы лучников не произвели на всадников никакого впечатления.

— Да они все нажрались веселящих корешков, а коней накормили моченым в пиве зерном, — произнес Хасан. — Теперь не остановятся до тех пор, пока не протрезвеют.

— Им смерть не страшна! — воскликнул кто-то из султанов.

— Мы пропали! — ахнул Сайд.

Но Хайяту, осознавший всю серьезность положения, приказал всем замолчать и оставаться на местах.

Действительно, зрелище было устрашающее. Ощетинившаяся длинными копьями «конная стена» двигалась словно сказочное многоногое чудовище. Нестройная ружейная пальба, Умар явно потерял управление над своими молодыми подчиненными, велась наугад и не причиняла заметного вреда

наступающим всадникам. Стрелы перестали лететь в сторону неуязвимого врага. Его безостановочное приближение внушало ужас.

Первыми побежали лучники манга, за ними последовали базингеры.

— Струсил! Умар бежит! — радостно закричал Сайд.

— Все видят его позор. Теперь будет объясняться с самим эмиром, — усмехнулся Хайяту. За его спиной захихикали подручные султаны.

Но вдруг все замолчали.

Из-за «жонной стены» вылетели полуголые всадники, принялись рубить и колоть бегущих. Лучники манга, которые по своей резвости не уступали лошадям, ловко уворачивались от ударов, ныряли в кусты и высокую траву. Хуже всего приходилось базингерам. Приученные действовать в строю и слушаться команды, они растерялись. Лишь немногие лихорадочно перезаряжали ружья и делали выстрел-другой, но большинство бежало без оглядки. Их алые кафтаны и амуниция привлекали врагов, и возле каждого убитого, раненых добивали мгновенно, сразу же скапливалось несколько всадников и начинался шумный дележ добычи.

Умар кричал и ругался, размахивал саблей. Около него уже собралась кучка ошалевших от неожиданности базингеров, которые тем не менее уже смогли сбить

базингеров, которые тем не менее уже смели стоять несколько стремительных налетов вражеских всадников. В этой схватке не было героев, в облаках пыли и порохового дыма все бестолково метались, просто пытаясь спасти собственную жизнь. Даже те, кто мечтал разжиться добычей, ухватив хотя бы пуговицу, удирал из этой свалки.

Тем временем от войска Додо Санда спешил новый отряд, который мог довершить истребление еще не оправившихся от испуга молодцов Умара. Впереди скакал всадник на вороном коне, крытом леопардовой шкурой. За ним следовал второй, высоко поднимавший стяг — юпье, украшенное человеческим черепом и конским хвостом. Эти двое далеко вырвались вперед, потому что и их воины не могли равнодушно проехать мимо порубленных базингеров, подбирали то, что второпях оставили их земляки.

Дмитрий, который все это время находился рядом со своими арабами и внимательно следил за происходящим, понял, что действовать надо немедленно и самостоятельно. Дал шпоры гнедому и скомандовал:

— Всадники, за мной!

Наметом пошел наперерез этой паре, понимая, что смерть вождя сильно смутит его мародеров. А тот и сам оказался опытным воином, понял, откуда грозит опасность. Смело повернул навстречу и весело оскалился из-за своего круглого щита, поднял над

головой кривую саблю.

Сближались стремительно. Перебросив Черную молнию в левую руку, Дмитрий взял чуть вправо. Увидел, как улыбка исчезла с лица противника и он не очень ловко поворачивается в седле для непривычного выпада влево и слишком высоко поднимает щит, чтобы прикрыть свою голову. Заученным приемом отмахнул саблю противника и в полную силу рубанул по его незащищенной пояснице. Следующим был знаменосец, с помертвевшим лицом видевший, как конь его командира уносит на себе нижнюю половину хозяина. Длинный меч взвился над головой Дмитрия и скрестился с Черной молнией...

...Хороши кузнецы в городах Судана, только не каждому из них ведомы секреты выделки оружейной стали. Поэтому порой и появляются на прилавках торговцев мечи, о которых знающие люди говорят — «таким рубанешь врага сегодня, а умрет он только в будущем году». Видимо, когда-то сам знаменосец или его хозяин поскупились и решили сэкономить на оружии. Поэтому сегодня «жум-хунды», черная сталь индийских мастеров, легко рассекла пополам базарную дешевку...

Выхватив стяг из разжавшейся руки знаменосца, Дмитрий высоко поднял его над головой. Его арабы добивали последних всадников, которые замешкались возле базингеров Умара, а остальные охотники за

трофеями уже бросились наутек. Очень скоро пыль осела, и на поле боя остались лишь раздетые догола трупы да примятая трава. «Конная стена» продолжала медленно наступать, а за ней щетинились копья многотысячного вражеского воинства. На холме, где вчера проходила встреча с Додо Санда, уже развевались на ветру знамена и конские хвосты на стягах военачальников.

— Почему начал бой без моего приказа? — недовольно произнес Хайяты, когда Дмитрий бросил к ногам его коня захваченный стяг. — Захотелось похвастаться своей удалью?

— Это еще не бой, просто конная схватка. Выручал своих, пока их всех не перерезали.

— Уцелело почти семьдесят базингеров, — вмещался Хасан. — Сейчас Умар приведет их в порядок и они опять вступят в строй. А вот Сайд пусть скажет, куда подевались его лучники?

— Какой бой! Мы не выдержим удара «конной стены»! — воскликнул Хайяту. — Отступаем в лагерь, там есть пушка!

— У нас свежие кони, враг нас не догонит! — радостно объявил Сайд.

— В лесу враг устроил засады, из долины никто живым не уйдет, — мрачно произнес самый старший из султанов.

Хайяту хотел было что-то возразить, но Дмитрий

Хайяту хотел было не то возражать, но Дмитрий тронул своего гнедого и встал так, что отсекал его и Сайда от остальных. Тихо, но внятно произнес:

— Будем сражаться. Вздумаете бежать, убью обоих.

Затем повернулся к султанам и, указав на старшего из них, добавил:

— Этот мудрый воин прав, отступать поздно. Со своими арабами я останавливаю «конную стену». Потом, по моему приказу, вы все пойдете в атаку на дикарей. Уважаемый Хайяту, верховный судья эмира Раббеха обещает за каждые пять отрубленных голов заплатить полновесный серебряный талер! Хасан, возьми Умара с его базингерами и стреляйте в каждого, кто вздумает сбежать помочиться в кусты!

— Ты сошел с ума! — испуганно зашептал поспешно подъехавший Хасан. — Неужели с тремя десятками пойдешь против всего войска. Лучше начнем переговоры, поторгнемся о подходящих условиях.

— Какие сейчас переговоры! Мы будем расстреливать их на расстоянии, но не подпустим к себе близко. Смотри и учись, это называется «атака с фланкерами»! — Дмитрий подлетел к своим ребятам, которых только распалила короткая схватка. — Всадники, приготовиться! Покажите свою меткость! Заряжай! Прицел на двести шагов, целиться — всаднику в грудь, лошади в голову! Огонь открывать по моей команде! Выпотрошим эти мешки с ватой!

Неожиданное появление развернувшихся в цепь немногочисленных всадников не вызвало беспокойства среди вражеских военачальников. Негромкие хлопки винтовочных выстрелов не шли ни в какое сравнение с оглушительным громом и густыми клубами дыма от пальбы базингеров. Но могучие богатыри и их кони в тяжелых пополах начали один за другим валиться на землю. В тесных рядах «конной стены» все пули находили цель: и ни ватные стеганки с нашитыми на них железками, ни даже кольчуги и щиты не спасали от их ударов. Вид падающих товарищей отрезвляюще подействовал на затуманенные наркотиками головы всадников, и они начали осаживать своих коней. Но сзади напирали новые конные сотни и пешие бойцы, которые не видели того, что происходит впереди.

Кто-то из военачальников решил принять срочные меры — и лихие всадники с саблями наголо бросились из-за «конной стены» на тонкую цепочку стрелков. Но те, по команде Дмитрия, начали отходить и одновременно встретили атакующих плотным огнем. Первые смельчаки повалились на землю, а остальные откатились назад. Арабы тут же сделали поворот кругом и вновь занялись расстрелом топтавшейся на месте тяжелой конницы. Еще быстрее расправились с несколькими мушкетерами, которые выступили вперед и попытались затеять перестрелку.

Сам Дмитрий не увлекался стрельбой, но, когда

появились мушкетеры, сразу же оценил опасность и уложил первого из них. Держался несколько позади своих стрелков, просил не торопиться и целиться точнее, хвалил за меткие выстрелы. Одновременно внимательно следил за всей этой шумной и на посторонний взгляд бестолковой суетой. Видел, что напор противника слабеет. Видел и то, как Умар вновь выстраивает своих базингеров и даже пригнал из лагеря верблюда с пушечкой, а султаны стоят крепко, бежать с поля боя не собираются. Там же застыли Хайяту с сыном, а рядом с ними гарцевал Хасан. На дальней опушке заметил кучки лучников манга, с интересом наблюдавших за происходящим и явно ожидавшим дальнейшего развития событий.

Все были при деле и выполняли свои обязанности. Наступил тот момент, когда любая случайность может нарушить равновесие и изменить ход сражения.

На холме, среди знамен, стягов и развевающихся перьев на шлемах военачальников, луч солнца высветил что-то ослепительно яркое. Сразу же вспомнилось массивное золотое ожерелье на груди Додо Санда, с которым вчера встречались на этом холме. Эх, накрыть бы сейчас всю эту компанию парой шрапнелей из полковой пушки! Это бы разом решило весь ход боя. Для точного выстрела из винтовки далековато. А почему бы и не попробовать? Пуля-то долетит и убойную силу не потеряет. Глялинь и заленет кого-нибудь. Поможет

воинственному султану и его союзникам принять решение об отступлении.

Осадил гнедого, хорошо, что заранее приучил его смирно стоять и не бояться выстрелов, установил прицел на дальнюю дистанцию и взял на мушку блестящее пятно. Четко, один за другим выпустил все пять патронов обоймы, но не увидел на холме заметных перемен. Тут новый конный отряд бросился в атаку на назойливых стрелков, и тучи пыли закрыли все окрестности.

Однако на этот раз противник действовал вяло, да и оправившиеся базингеры дали дружный залп, а пушечка со спины верблюда бабахнула так оплущительно, что все атакующие бросились наутек. Когда пыль осела, стало видно, что отряды противника совершают какие-то непонятные маневры, а некоторые явно поворачивают назад. «Конная стена» распадается на глазах, уцелевшие всадники отступают, а часть из них сбрасывает с себя тяжелые ватные доспехи. Еще не веря своим глазам, Дмитрий понял, что в ходе боя наступил перелом. Повернулся и сделал знак Хасану и остальным: — В атаку!

Воинство подручных султанов с воем и ревом бросилось вперед, а из кустов высыпали лучники манга. Все отряды Додо Санда дружно покатались назад, его воины и не пытались оказать сопротивление. Некоторые

из них просто ложились на землю и закрывали лицо руками. Торжествующие преследователи гнали и рубили бегущих, а их слуги быстро складывали в кучи головы врагов.

На следующее утро перед шатром Хайяту выстроились султаны, эмиры, вожди горных племен. Все эти «непобедимые леопарды», «попирающие небосвод буйволы», «молниеносные питоны» и обладатели других не менее звучных титулов униженно молили о милосердии, выражали покорность и клялись в верности великой державе Борну и ее непобедимому повелителю Раббеху. Во время этой церемонии Хайяту был великолепен. Одетый в свои лучшие халаты, он величественно кивал новым подданным. С одними говорил снисходительно, с другими сурово, но дары охотно принимал от всех. При этом каждый раз грозно хмурился и напоминал своему казначею об ответственности за сохранение имущества. В ответ низенький старичок часто кланялся, просил его простить и обещал бережно хранить казну своего повелителя.

Объявленная Дмитрием во время боя такса за отрубленные головы не только повела в атаку многих славных воинов, но к концу дня сильно опустошила запасы талеров в сундуках верховного судьи. А тут еще и казначей дал промашку — во время вчерашней неразберихи дважды оплатил одну и ту же партию голов, которую ему успели подсунуть эти бессовестные

голозадые проходимцы — лучники манта.

Все утро Дмитрий был занят устройством лагеря на новом месте — войско перешло на другой конец долины подальше от заваленного трупами поля боя. Потом учил уцелевших базингеров более быстрым приемам заряджания и прицельной стрельбе, раздавал награды своим молодцам. Поэтому пришел в шатер Хайяту только во второй половине дня.

Его появление вызвало легкий переполох. Подручные султаны, с которыми вчера ходил в атаку, согнулись в три погибели, а недавние враги просто попадали наземь. Даже Умар Муби, вчера преданно смотревший в глаза и от всей души благодаривший за спасение, сегодня смотрел настороженно и слова приветствия произнес с какой-то натянутой улыбкой.

Хайяту же рассыпался в любезностях и похвалах храбрости Альхаджи Муса. Выразил сожаление, что его Сайд не может лично приветствовать такого храброго витязя, потому что во вчерашнем бою он уложил своей рукой пятьдесят врагов, но и сам получил рану. В свою очередь Дмитрий выразил сожаление по этому поводу, хотя точно знал, что сын Хайяту проехался по полю боя, когда там уже не было ни одного живого врага. Соблюдая приличия, не поспешил на комплименты в адрес собеседника, о вчерашней угрозе его пристрелить даже и не намекнул. В конце разговора выяснил, кому и чем нужно будет заниматься на следующий день и

почтительно попросился.

По дороге к своей палатке встретил Хасана.

— Опять ты идешь без охраны! — воскликнул тот. — Думаешь, Хайяту простит тебе свой вчерашний позор? Все же видели, как ты отчитал его и не позволил бежать с поля боя. Сайд так перетрусил, что при виде тебя боится штаны обмочить.

— Что старое вспоминать, мы победили. Сейчас Хайяту радуется добыче и славе. Ты слишком подозрителен. Лучше скажи, почему теперь все так смотрят на меня? Потому что порубил тех двоих?

— Эх, Муса! Саблей ты сработал на удивление, из двоих сделал четырех! Но главного еще не знаешь! Ты же волшебного коня Гунья пристрелил!

— Как это?

— Во время боя Додо Санда привел на холм своего вешего друга, слушал его советы. Говорят, что держал его за золотую уздечку, шептал вопросы, слушал ответы и свое ухо к самым конским ноздрям прикладывал. Только вдруг Гунья рухнул мертвым, пуля ему попала точно в глаз. Султан онемел от ужаса, а остальные бросились бежать с холма. За ними последовало все войско. А ночью у костров твои арабы всем рассказывали, как ты вчера отъехал от них в сторонку, прочитал заговор, вложил в винтовку волшебную пулю и выстрелил в сторону холма.

— Неужели только одна пуля и попала? — с

— Писужели только одна пуля и попала! — с некоторой обидой в голосе спросил Дмитрий. Знал, что порой слишком резко жмет на спуск, но в душе считал себя не таким уж плохим стрелком.

— Так она одна и была. Многие видели, как она пролетала и за ней мчался огненный джинн.

— Где же теперь Додо Санда?

— Он проиграл. Поэтому ночью султаны и старейшины, которые сейчас у Хайяту в ногах валяются, исполнили древний обычай. Они принесли вождю слепок его правой ступни, снятый сразу же после рождения. Помнишь, я рассказывал тебе, что это означает. Так что великий воитель выпил яд и сейчас оправдывается за свои ошибки перед всеми пра-пра-прадедушками Мандара.

— Думаешь, Раббех поверит этим сказкам? Где тело султана?

— Лежит вон под той акацией. Вместе со своими телохранителями, которые так же приняли яд. Хайяту поставил охрану, велел тело султана и тебе показать.

Четыре трупа лежали на циновке, над ними вились тучи мух. В тени акации укрылись часовые, а немного в стороне какой-то оборванец выводил на дудочке заунывную мелодию.

— Пойдем отсюда? — Дмитрий бросил беглый взгляд на мертвые тела. Сомнений не было, среди них лежал и Додо Санда.

— Верно, пойдем. Они мертвее смерти, уже никому не страшны.

— А куда делись его ожерелье и золотая уздечка с вешего коня?

— Все уверяют, что эти украшения сразу же растворились в воздухе, как только Гунья упал на землю, — усмехнулся Хасан. — Из-за уздечки Хайяту чуть не сошел с ума, но кузнецы султана обещали ему сделать точно такую же. Поэтому он...

Дудочка запищала как-то странно и замерла на высокой ноте. Раздались испуганные крики часовых.

Дмитрий обернулся и похолодел. Один из телохранителей султана открыл глаза и сел. Его рука медленно тянула из-под циновки боевой топор.

42

— Берегитесь, это фатальва²³! — закричал кто-то.

— Спасайтесь! Фатальва встает!

В воздухе просвистели брошенные копья, несколько из них вонзились в спину ожившего трупа. Но тот не обратил на это никакого внимания, потянулся с хрустом в суставах и зашагал к Дмитрию. Один из часовых бросился ему наперерез с обнаженной саблей, но тут же получил смертельный удар.

Это существо двигалось довольно быстро, его

взгляд был устремлен в одну точку — начищенную пряжку поясного ремня Дмитрия. Рука уже заносила окровавленный топор.

Рубчатая рукоятка маузера словно сама впечаталась в ладонь.

Когда смолкли выстрелы, Хасан поднялся с земли. Смущенно отряхивая пыль, произнес:

— Ты ему весь череп разнес.

— Что это было? — хриплым голосом спросил Дмитрий. Рука мелко дрожала и все никак не могла вложить оружие в конуру. — Почему он так долго не падал?

— Потому что не чувствовал боли, — ответил Хасан. — Это страшное колдовство, им владеют немногие. Человеку незаметно сыпят особый состав между лопаток или куда-нибудь около позвоночника, он корчится в судорогах, а потом замирает. Дыхания нет, сердце не бьется, руки и ноги холодные, одним словом — настоящий покойник. Так он может лежать два или три дня, а потом приходит в себя. Иных даже хоронят, и, к ужасу родных, они вылезают из могил. Такой фатальва потом около года не чувствует ни боли, ни страха, делает все, что ему прикажут.

— Что это за состав?

— Точно не знаю, но один знакомый колдун говорил, что в него кладут различные яды и обязательно добавляют высушенных и истолченных в порошок самок

морского ежа. Их собирают на берегах океана в первое полнолуние сезона дождей и привозят в наши края. Колдун сказал, что их яд в сотню раз сильнее яда кобры. Но есть и другие составы, не такие сильные. От них человек просто теряет память или слепнет после захода солнца. У тебя последнее время ничего не пропадало из одежды?

— Ремень куда-то делся. Утром одел запасной.

— Значит, вчера, когда этого телохранителя взяли в плен, кто-то показал ему твой ремень, а потом усыпил и приказал тебя убить. Вот он и шел на блеск его пряжки.

— Как же он узнал, что я нахожусь рядом?

— Постой! — Хасан повернулся к часовым. — Где этот оборванец, что играл на дудочке?

— Убежал, как только фатальва начал вставать.

— Когда он здесь появился?

— Разные люди приходили взглянуть на трупы, всех и не запомнишь.

— Вспоминайте!

— Кажется, заиграл он после того, как приходил конюх молодого султана Сайда. Такой толстый, с бельмом на глазу.

— Верно! Мы еще хотели прогнать этого дудочника из-за его скрипучей музыки, но султанский конюх за него заступился, а нам на пиво дал полную горсть раковин каури.

— Спасибо, витязи! Вот вам от меня талер за

хорошую память! И еще — немедленно отрубите головы и кисти рук у этих мертвецов. Пока не объявился еще один фатальва.

— Ты понял, кто все это подстроил? — обратился Хасан к Дмитрию, когда они отошли от акции на приличное расстояние. — Хайяту заниматься такими делами не будет, ты ему нужен живой. Уверен, что проделку с ожившим покойником устроил Сайд.

— При чем здесь дудочник?

— Фатальву можно разбудить раньше времени, если сказать заклинание или с помощью особой музыки. Вот какие колдуны водятся в наших краях! Только твоя рубка и стрельба и на них нагнала страх, и теперь все очень опасаются твоего иноземного волшебства. Поэтому, чтобы не было лишних разговоров, сегодня вечером пойдем на пир по случаю одержанной победы.

— Не хочу я никуда идти. Как забыть глаза этого живого покойника, когда он шел на меня!

— Нельзя отказываться от участия в празднике и показывать свою слабость. Мои люди проследят, чтобы у тебя в еде и напитках не было отравы. А вот с конюхом я побеседую сегодня же. Чтобы спасти свою жизнь, он о многом расскажет.

Пир прошел очень торжественно. Все присутствующие дружно прославляли заслуги и выдающиеся качества Хайяту. Любопытно, что первым

Эти славословия начал Хасан, упомянувший о его правах на престол Сокуто и, словно случайно, назвавший его новым повелителем Мандара. Потом уже все остальные соревновались в изъявлении верноподданности и блистали красноречием. Когда очередь дошла до Дмитрия, все настороженно замолчали. Но слышали лишь хвалу Всемогущему Создателю вселенной, земли и неба, Единственному, кто способен свершить то, что Он сам пожелает. А вот Умар, уже хлебнувший здешнего двойного пива с горными пахучими травами, совсем не к месту брякнул здравицу непобедимому войску Борну. Окружавшие Хайяту старые друзья и новые почитатели деликатно поступили, как «мать внебрачного ребенка». Иными словами, пропустили все это мимо ушей. Образованные люди знают, что эти провонявшие лошадиным потом рубаки еще могут что-то значить на поле боя, но в изысканной придворной беседе их бесцветные мысли и грубые голоса совсем неуместны.

Среди заздравных речей прозвучали слова о том, что хорошо бы продолжить поход на юг. Чтобы слава о доблести и мудрости Хайяту, достойного продолжателя деяний своего великого предка — славного Османа дан Фодио — прогремела во всем мире. Было высказано пожелание, чтобы его победоносные знамена взвились над рекой Бенуэ, на которой не видно воды из-за обилия лодок и барок, набитых товарами из заморских стран. Свое слово опять сказал и Хасан, сообщил, что с таким

походом следует поторопиться. Южный владыка ламидо²⁴ Буба Джемана давно собирается забрать в свои руки торговлю на этой реке. Раньше он боялся связываться со свирепым Додо Санда, но после смерти султана может осмелеть. Хотя воевать ламидо не любит, поэтому для его вразумления будет достаточно, если на Бенуэ появится даже небольшой отряд базингеров из Борну.

Эти слова Хайяту выслушал внимательно и согласился, что в новый поход следует выступить без промедления. К изумлению пирующих, Дмитрий и Умару тут же встали, отвесили поклон и вышли из патра. Оставшиеся подручные султаны вновь заверили Хайяту в своей непоколебимой верности, но признались, что все их воины разбрелись по окрестным горам и долинам, чтобы лучше изучить завоеванные земли и искоренить всех сторонников султана-людоеда. Что касается Сайда, то о своих лучниках манта он промолчал и лишь уныло взглянул на отца. Однако хитроумный Хасан нашел выход из положения. Он посоветовал отправить на юг арабов и базингеров, которых Хайяту догонит в пути. Остальные воины пусть соберутся под началом Сайда и ожидают дальнейших приказаний.

Все с радостью поддержали это предложение.

Рад был и Дмитрий, который встречал рассвет слезящегося дня на перевале, оставив позади шумный и

вонючий лагерь. Отряд с небольшим караваном легко поднимался в гору, а небо, промытое первым в этом году дождем, сияло необыкновенной голубизной. Впереди открывалась бесконечная череда гор и долин, радующих глаз свежей зеленью. Горный воздух был прохладен и дышалось необыкновенно легко, а тропа убегала вперед и звала за собой. Позади остались придворные заговоры и сплетни. Впереди лежала новая страна, на которую очень захотелось взглянуть. А дорога казаку не страшна, были бы кони здоровы!

Хайяту, при нем Хасан и малое число воинов догнали отряд уже на подходе к Бенуэ. С прибрежной горы ее серебристая гладь и широкие песчаные берега открылись во всем великолепии. На юге поднимались новые гранитные утесы и поросшие лесом горы, а на самой реке кипела жизнь. В прибрежных заводях сновали мелкие пироги рыбаков, на длинном мысу сгрудились груженные барки, дымились костры. Через реку на больших лодках перевозили чей-то караван. Погонщики и лодочники с дикими воплями загоняли в них верблюдов, по четыре в каждую, опускали их на колени, тащили выюки. Рядом вплавь переправляли коней, куда-то гнали вереницы полуголых людей с колодками на шее.

От реки навстречу отряду скакало несколько всадников в шлемах и кольчугах, приветливо махавших

флагами. Лошади под ними были крупные и широкогрудые, а попоны точно такие же, как и у тех, что шли в «конной стене». Только в глазах рябило от нашитых на них сотен пестрых лоскутков. Совсем как от ковриков и покрывал, которыми тетушка и сестрички украшали все комнаты на хуторе дяди Семена.

Старший из всадников приветствовал посланцев эмира Борну, поздравил с победой и от имени ламидо выразил пожелание мира и дружбы. Несомненно уже прослышав о пристрастии Хайяту, поднес ему уздечку дивной работы, всю изукрашенную золотыми самородками и бубенчиками. Приветствие было выслушано благосклонно, и в качестве ответного подарка ламидо его посланцы получили связку мушкетов и мешок американского пороха.

Отряд спешил, на берегу раскинули палатки. Вскоре к Хасану пожаловал земляк, купец из города Кано, хозяин груженных барок. Еще не старый мужчина с быстрыми плутоватыми глазами. Через малое время Хасан поспешно вошел в шатер, где сидели Хайяту, Дмитрий и Умар, и свистящим шепотом сообщил, что земляк под большим секретом рассказал ему важные новости. Немедленно от шатра прогнали всех слуг и кругом выставили часовых.

Привели купца, и он ловко распростерся у ног Хайяту. Бойкой скороговоркой выразил радость по случаю установления власти Борну на берегах Бенуэ и

заявил, что готов плыть с товарами эмира к Нигеру, а если потребуется, то и до самого океана. На этом речном пути правит английская Королевская компания, но среди ее чиновников у него есть хорошие знакомые...

— Говори дело, — зашипел на него Хасан.

— Англичане взяли Виду, а султан Сокото так и не пришел на помощь к ее жителям. Его войско не собралось, и в некоторых городах люди восстали и прогнали сторонников Абдурахмана. Караваны через Сахару перестали ходить, и цены...

— Ты что говорил мне о Раббехе?! Повтори!

— Его базингеры легко победили мятежников в Зиндере... — купец замялся, а потом выпалил: — Говорят, Раббех погиб! Слышал, как об этом говорили англичане, которые плыли на пароходе вниз по Нигеру. Они ссылаются на купцов из Зиндера и сообщения турецких и египетских газет.

— Это ложь! — воскликнул Умар. — Если бы такое случилось, мы бы уже знали.

— Сомнительно это, — заметил Хасан. — Турция и Египет на одном конце земли, а Нигер на другом. Не могла эта новость так быстро дойти до всех. Вспомните, сколько недель караваны идут через Сахару.

— Если англичане воспользовались телеграфом, то новость могла дойти и в один день, — произнес Дмитрий.

В глазах Хайяту появился беспокойный блеск, он

быстро перебирал четки, пытаясь унять дрожь в руках. Сделал знак купцу, чтобы тот вышел.

— Это очень серьезная новость, — наконец произнес он. — Все срочно возвращаемся в Мандара, чтобы обеспечить там порядок и не допустить волнений, когда известие о смерти хакима дойдет до этих дикарей.

— Если все уйдут, то воины ламидо сразу же переправятся через реку. Их появление в горах вызовет восстание, с которым мы не справимся из-за своей малочисленности, — сказал Дмитрий.

Хорошо зная обстановку, ясно представил себе, какие страсти закипят во всех провинциях после сообщения о смерти Раббеха. Самому принимать участие в этой заварухе нет смысла—в чужой сваре пропадешь ни за грош. После битвы и встречи с фатальва нервы совсем распустились, по ночам нет сна, днем мерещатся какие-то тени и слышатся голоса. Что это — дает себя знать местный климат или опять какое-то колдовство?

Правда, Хасан заверил, что с угрозой покушения почти покончено. Конюх Сайда теперь заранее сообщает о замыслах своего хозяина. Поэтому лучший стрелок манга, который должен был подстеречь Дмитрия, внезапно скончался после того, как совершенно случайно наступил на кобру.

По ползущим мухам. Но мухи вылетят, и если

да, пока жить можно. Но лучше выждать, и если дела примут совсем плохой оборот и между наследниками Раббеха начнется резня, то нечего больше делать в Борну. Река рядом и всегда можно будет махнуть к портам на океанском берегу. В Африке послужил сколько смог, ценной информации собрано достаточно, будет о чем доложить начальству...

— Я со своими арабами прикрою границу, — предложил Дмитрий. — Пуцу по берегу конные дозоры, устрою учение. Представлю все таким образом, что здесь остаются значительные силы.

— Он говорит верно! — подхватил Хасан. — Ламидо поймет, что мы не собираемся уходить с Бенуэ. Мы же вернемся в Мандара и закрепим завоеванное, а в столицу пошлем гонца за точными сведениями.

Когда остались вдвоем, Хасан рассмеялся:

— Ты стал хитер и расчетлив, как настоящий хаусанец! Правильно сделал, что решил остаться на границе. Нельзя верить болтовне всяких торговцев.

— Так это ты подговорил купца?! — догадался Дмитрий. — Не побоялся пустить такой слух о Раббехе? Зачем? Неужели Хайяту так опасен?

— Он тщеславный дурак, но за ним стоят умные соперники эмира. Среди них много придворных и тех, кто отлично жил при прежних правителях Борну. Именно от Хайяту они услышат о смерти Раббеха и разом попадутся в ловушку. Тебе следует оставаться в

стороне, участие иностранца в таких делах может все испортить. Лучше поезжай к ламидо, начинай переговоры и тяни время. Какой-то арабский мастер выстроил ему замечательный дворец. Поезжай и полюбуйся на него.

Через несколько дней Дмитрий увидел это чудо местной архитектуры. Могучие стены и башни возвышались над небольшим песчаным холмом посреди широкой равнины. За стенами теснились дома с плоскими крышами и зернохранилища, похожие на громадные глиняные бутылки с широкими горлышками. К небу поднималось несколько минаретов. Только были они квадратными, а из их стен торчали кривые концы древесных стволов, служивших межэтажными перекрытиями. Несомненно, что на жителей страны, где не сооружалось ничего кроме соломенных хижин, этот комплекс зданий производил потрясающее впечатление.

Не меньшее впечатление произвел на Дмитрия и хозяин дворца, ламидо Бубу Джемала. Еще не старый мужчина солидной комплекции, обладатель широкой улыбки и изрядного брюшка, он чем-то напоминал вставшего на задние лапы бегемота. Над его головой слуги непрерывно вращали огромный зонт, сшитый из полосок золотой и зеленой парчи, так что свисавшие с него длинные шелковые кисти гнали на владыку освежающий ветерок и отгоняли мух.

Сразу же начались бесконечные официальные пересуды о границе, торговле и остальном, что касается отношений между двумя государствами. Все это прерывалось пирами и парадами, танцами и выездами на охоту. Дмитрий, для которого местный порядок дел уже давно не был тайной, сразу же понял, что затевать ссоры с Раббехом ламидо не хочет и все эти переговоры носят не более чем формальный характер. Тем более что вести о возможной смерти эмира еще не дошли до его дворца. Владыка явно скучал на своем холме и воспринимал все происходящее, как приятное разнообразие в бесконечной череде развлечений.

Самым же любимым из них были танцы девушек. Стройные и гибкие, они то кружились под тревожный стук барабанов, то плавно скользили в такт с волнующими мелодиями флейты. На их гладкой черной коже, натертой душистыми мазями, днем вспыхивали солнечные зайчики, а вечерами плясали отсветы костров. Бусы и браслеты не скрывали их манящих форм, а ослепительные улыбки обещали прогнать все печали и заботы.

Ламидо благосклонно взирал на красавиц и в первый же вечер величественным жестом предложил гостю выбрать любую из них. Отказываться Дмитрий не

стал.

Теперь и Ахмеду нашлась работа по специальности. Во время всего похода он держался в тени, не лез на глаза. Взятый по прямому приказу барде Идриса, он каждую ночь ложился у ног Дмитрия, сторожил сон хозяина, заботился о его еде и одежде. Во дворце ламидо он сразу же установил деловые отношения со своим коллегой, главный евнухом, и в полной мере продемонстрировал собственные способности.

Зная характер хозяина и его чужеземные предрассудки, поспешил заранее объяснить ему, что все эти девушки отобраны на специальных танцевальных смотрах в деревнях и считают за честь провести некоторое время во дворце. Лучшие из них останутся в гареме ламидо, а остальные вернуться домой с ценными подарками. Да и вообще, в этих краях отношения между юношами и девушками весьма свободные. Таким образом легче найти себе подходящую пару, а специальные настойки и мази позволяют избежать нежелательных последствий. Когда юноша, а точнее его семья, сможет собрать достаточно средств для выкупа невесты, самое меньшее — это стоимость восьми коров, играют свадьбу. После нее муж и жена строго соблюдают верность друг другу и все приличия.

Теперь каждую ночь в отведенном Дмитрию покое появлялась новая гостья... Порой попадались такие неутомимые затейницы, что заснуть удавалось только на

рассвете, а потом весь день в блаженной расслабленности не хотелось ни о делах толковать, ни на охоту ехать. Впрочем, и сам ламидо утешался весьма активно и потом посматривал на посланца Борну с сочувственной улыбкой. Чтобы на чужой стороне хозяин не ударил в грязь лицом, Ахмед тщательно следил за его питанием. Со стола не сходили заправленные пряными травами цыплята, тушеные в пальмовом масле раки и другие кушанья, щедро сдобренные острыми приправами. Мед и пиво лились рекой.

Вскоре после такой жизни перестали мерещиться всякие тени и шорохи, а безумные глаза фатальва уже не снились по ночам.

Дмитрий полюбился ламидо, который с удовольствием слушал его рассказы о дальних странах и их чудесах. Владыка уговаривал гостя побыть у него подольше, говорил, что скоро пойдут настоящие дожди, которые не прекращаются по несколько дней. Тогда воды рек и озер затопят всю равнину и на целых шесть месяцев его дворец окажется отрезанным от всего мира. Это будет чудесное время! Главное, следует заранее сделать запасы перца и зерна для варки пива и набрать достаточное число девушек!

Но однажды утром ламидо выглядел очень озабоченным.

— Апельхатжи Муса обращаюсь к тебе с большой

просьбой, — произнес он. — Визирь сообщил, что ко мне едет посол султана северной страны Джамус²⁵. Его люди уже поселились на берегу океана, и про них говорят разное. Одни видели, что они зачем-то собирают цветы, жуков и бабочек, и считают их сумасшедшими. Другие же видели у них много дорогих товаров, а третьи упоминают об их страшном оружии. Этот посол везет мне на двух лошадях какой-то странный подарок. Ты человек опытный, поезжай с моим визирем, узнайте, что это такое. Не опасно ли иметь это в моем дворце?

— Знаю, что немцы, вы называете их джамусава, народ мастеровой. Они умеют делать много полезных вещей.

— Ха! Может быть, эти вещи полезны для них. А для нас? Слышал, что случилось со старым султаном Гаруга? Торговцы из Лагоса привезли ему заморский светильник и ящичек стеклянных дощечек. Ночью на куске натянутой материи с их помощью можно было увидеть изображения иноземных красавиц и чужих городов. Все говорили султану, что правоверному не подобает заниматься такими греховными развлечениями и уговаривали утопить в реке эти дьявольские игрушки. Так седой нечестивец не послушался мудрых советов и несколько ночей любовался на эти изображения. Неудивительно, что одна из иностранных красавиц

сплазила султана. После этого он лишился последних сил и превратился в евнуха в собственном гареме! Вот таких заморских подарков мне не надо!

Караван немецкого посла встретили на следующий день. Его носильщики тащили множество мешков и корзин, их окружали босоногие солдаты в бескозырках, на которых сияли медные кокарды с изображением прусского орла. Больше всего вооруженных людей было возле двух лошадей, груженных странными ящиками. Возглавлял караван бравый офицер с лихо закрученными усами, на синем мундире которого было нацеплено великое множество блестящих нашивок и пряжек. Скрещенные золотые якоря на его погонах вызывали чисто профессиональный интерес — какой род войск представлял этот офицер? Но он уверенно восседал на буланом коне и зычным голосом поминутно отдавал приказания.

Увидев подъезжающих Дмитрия с визирем и сопровождавших их слуг и воинов, офицер принял величественный и совершенно неприступный вид. Но его белесые брови поползли вверх, когда Дмитрий обратился к нему на английском и сообщил, что он, галадима эмира Борну, выполняет поручение ламидо.

— Я обер-лейтенант конной батареи бригады морской пехоты фон дер Бемер! — прозвучало в ответ. — По приказанию губернатора Германской области Камерун следую ко двору ламидо Буба Джемана

с дружественным посланием и подарками императора Германии и короля Пруссии Вильгельма Гогенцоллерна!

На более чем надменный тон ответа Дмитрий не обратил внимания, кратко известил посла о желании ламидо предварительно ознакомить его доверенных лиц с подарком из Германии. Увидев, как этот конный моряк начал возмущенно пучить глаза, жестко добавил, что ламидо друг и союзник эмира Борну, чья регулярная армия в составе двадцати полков аламов, вооруженных винтовками и пушками, стоит на северном берегу Бенуэ. Однако, чтобы смягчить сказанное, выразил сочувствие офицеру, на долю которого выпала такая сложная миссия. Добавил, что, работая в Африке, приходится учитывать не только особенности климата, но и традиции местного населения.

Ответная реакция оказалась неожиданной.

— Все они ленивые и лживые дикари! — воскликнул офицер. — Не имеют никакого понятия о порядке! Хотя вы одеты как местный, но вижу, что вы европеец и должны понять меня. В первые же дни службы мне пришлось стать свидетелем возмутительной картины в одной прибрежной области, где умер какой-то негритянский король. Вместо того чтобы оплакивать кончину своего монарха, ее жители начали сводить счета друг с другом. Они дрались, грабили лавки и дома. Были отмечены случаи убийств и поджогов. Оказалось, что это происходит согласно племенным

Оказалось, что это происходит согласно племенным обычаям и продолжается до тех пор, пока на престол не взойдет новый король. Такая анархия устраивается специально каждый раз после кончины монарха, чтобы все дикари поняли, что властитель необходим как гарант порядка и нормальной жизни!

— Взгляните на это, как на своеобразное проявление народной мудрости, наглядно объясняющей каждому, что следует соблюдать законы и платить налоги!

— Вы можете шутить, но мы быстро наведем настоящий порядок на этих землях, — упрямо промолвил офицер. — В недалеком прошлом наш славный рейхсканцлер Бисмарк говорил, что если Германия обзаведется колониями в Африке, то она уподобится польским шляхтичам, щеголяющим в собольих шубах, но не имеющим ночного белья. Эти времена прошли! Сегодня Германия занимает подобающее место в мире, она создает мощную промышленность и военный флот. Колония Камерун процветает, и ее территория непрерывно расширяется. Ежегодно из нее вывозится кофе, пальмовое масло, ценная древесина и другие тропические продукты, более чем на пять миллионов марок. Кстати, кто вы? Говорите с явным славянским акцентом.

— Я русский.

— О! У нас в колонии проживает много

европейцев. Есть и двое ваших земляков. Трудолюбивые и трезвые парни — один механик в морском порту, другой врач. Вижу, что вы знаете страну и местные обычаи, не хотите ли перебраться к нам? Работа и приличный доход вам будут обеспечены.

— Спасибо, я подумаю над вашим предложением, — кивнул Дмитрий. Что же, на худой конец можно будет податься и в Камерун. — Но скажите, что же вы везете в подарок ламидо?

— Медную двуспальную кровать, изготовленную в Гамбурге. Чтобы не было никаких недоразумений, взгляните на нее прямо сейчас.

Последовала команда, и носильщики аккуратно сложили свои грузы, а солдаты оцепили лагерь и прогнали любопытных, которые также решили взглянуть на содержимое странных ящиков. Одним только слугам, под бдительным наблюдением обер-лейтенанта, было доверено распаковать императорский дар. Вскоре кровать предстала во всей красе: массивная рама с панцирной сеткой на высоких фигурных ножках и гнутая спинка, обильно украшенная полированными шарами. Все это великолепие ослепительно сверкало под лучами африканского солнца!

Но Дмитрий не оценил этого. Его практичный ум представил, как дородный ламидо, привыкший проводить ночи на просторных циновках, в порыве страсти падает с такой высоты на земляной пол! Да,

кровать может стать источником дипломатического инцидента с далеко идущими последствиями в межгосударственных отношениях. Как отнесется к этому германский император? В двух словах высказал немцу свои сомнения, и у того брови опять изумленно полезли вверх.

— Что это такое? — тихо спросил визирь. Заморская диковинка и у него вызвала опасения.

— Как же быть? Сам губернатор предложил сделать такой подарок и заверил Берлин, что это поможет наладить торговлю с подданными ламидо!

— Не беспокойтесь, герр обер-лейтенант. Сейчас я все улажу, — улыбнулся Дмитрий и повернулся к визирю. — Это трон, который германский император посылает ламидо в знак дружбы и уважения. У него в столице стоит точно такой. Этот трон накройте коврами и шкурами леопардов и поставьте в зале, той, что слева от входа. Так, чтобы лучи солнца освещали все эти шары. Уверен, что вашему повелителю, который будет возвышаться над всеми придворными и гостями, это очень понравится!

Визирь прижал руки к сердцу в знак глубокой признательности и хотел было задать еще вопрос, но раздались тревожные крики часовых. Группа всадников на взмыленных конях требовала пропустить их в лагерь. На груди переднего из них можно было рассмотреть две алых овальных нашивки.

— Пропустите их! — приказал Дмитрий. — Это гонец из Борну.

Всадник с нашивками спешил и с поклоном протянул Дмитрию плоскую кожаную сумку, в какой обычно доставляются деловые бумаги.

— Славный и непобедимый султан Хайяту, могучий повелитель Мандара и всех окрестных земель, шлет привет галадиму! Он повелевает тебе вернуться в свою ставку за новыми приказаниями! — громко объявил гонец.

Дмитрий отошел в сторону и прочел послание. Значит, Хайяту исполнил-таки свое заветное желание и стал независимым правителем. Но это возможно только в одном случае, если Раббех мертв.

— Эмир жив и также просит тебя поскорее вернуться. Он сказал, что тебе пришло письмо из страны Раша, — тихо произнес гонец и вложил в ладонь Дмитрия половинку талера, разрубленного особым образом. Осталось лишь приложить ее к той, что дал ему перед походом сам Раббех. Обе половинки сошлись.

Это отлично, что дома о тебе не забыли! Посмотрим, как теперь пойдут дела на берегах Чада. Во всяком случае дорога к океану стала известной, и на пути домой не придется тащиться по диким местам...

Попрощался с визирем, просил передать ламидо благодарность за гостеприимство.

Немцу пожал руку:

— Будь здоров, камарад. Может быть, еще и увидимся. У ламидо кончай все дела до начала сезона дождей, иначе потом не выберешься и забудешь о порядке и дисциплине!

Взглянул на своих людей — все уже были в седлах.

44

Обратная дорога всегда кажется короче, поэтому до ставки Хайяту доехали быстро. Да и Дмитрий спешил, хотелось узнать последние новости, а — самое главное — прочесть, что написано в том письме. Как расценило начальство его приключения?

Еще издали увидел, что палатки нового султана Мандара окружены рвом, из-за которого выплывали многочисленные базингеры. На ближайшем холме из камней и бревен сооружено некое подобие форта, над ним развеваются знамена новых аламов, а из амбразур выплывают пушки. Ого, сколько силы привалило к новому султану!

А не угодил ли он и сам в хитро расставленную ловушку?

Навстречу рысила цепь всадников. По оружию и посадке признал своих головорезов. Отлегло от сердца, когда в переднем из них узнал Айчака. На изувеченном пшамом типе сияет знакомая улыбка.

знакомом лице слыла знакомый человек.

— С победой, побратим! С благополучным возвращением! Ты не посрамил наш род и великий Вака был милостив к тебе!

Обнялись, и у Дмитрия перехватило дыхание от знакомого запаха крепкого табака и прогорклого бараньего сала. На ответные приветствия не стал тратить время, спросил:

— Какие у вас новости?

— Большой войны не получилось, все это время просто бездельничали на западной границе. Чтобы кони не застоялись, охотились за антилопами, а потом вместе с аламами Фадельалла поскакали в эти горы. Ничего интересного и здесь не случилось. Вот только на границе сын Хайяту Сайд вздумал перекрыть путь нашим дозорам. Но с этими вояками разобрались за один час, порубили всех до одного!

— Так Фадельалла приехал с вами?

— Да. Сейчас он ведет переговоры с этим самозванным султаном.

Около главного шатра Дмитрий оказался как раз в тот момент, когда из него выходили сын Раббеха и Хасан. Последовали объятия и приветствия, которые были прерваны появлением слуг, выносивших из шатра длинный сверток.

Фадельалла перехватил заинтересованный взгляд Дмитрия и только горестно развел руками. Но глаза его

ярко ослести, а ноздри возоужденно вздрагивали... Эх, далеко тебе до папаша! Тот настоящий политик, своим лицом управляет в совершенстве, как того требуют обстоятельства!

— Жаль, что так получилось, — горестно вздохнул Хасан. У этого на лице нет ничего, кроме рябых отметин и глубокой скорби. — Хайяту почему-то долго не хотел беседовать с нами, а потом очень обрадовался, когда узнал, что наш любимый хаким благополучно здравствует. Но его радость померкла, после того как пришлось сказать, что он недоволен поведением своего верховного судьи и советника, поторопившегося стать независимым султаном. А вот весть о случайной гибели Сайда совсем разбила его сердце. Такой пожилой человек, как Хайяту, не смог в один день пережить сильную радость и сильное горе. В старину говорили...

— Эй вы, стойте! — крикнул слугам Фадельалла. — Заверните его еще в один ковер!

На свертке проступило свежее пятно крови.

Через несколько дней вся Диква встречала победителей. Торжества и пиры непрерывно следовали одно за другим. На воинов, их начальников и доказавших свою верность придворных посыпались щедрые награды. Не обделили и галадима Альхаджи Мусу. Он стал обладателем нескольких деревень, конских табунов и овечьих отар, мешков с каури и сундучка с талерами. Но, как и прежде, продолжал жить

в одном из помещений эмирского дворца.

Как-то поздним вечером, когда очередной праздник победы подходил к концу, Раббех покинул зал, и гости начали расходиться, кто-то осторожно тронул Дмитрия за плечо. Повернулся и встретился взглядом с барде Идрисом, совершенно случайно оказавшимся рядом. Стало понятно без слов, что пришло время для личной встречи с самим хозяином Борну.

Шли молча и скоро оказались в знакомой комнатушке, где провели столько ночей накануне операции. Раббех просматривал какие-то бумаги, которые подавал ему доверенный писец. Увидев вошедших, эмир деловито кивнул и продолжал свои занятия.

— Эти листы перепиши, а те сожги, — наконец сказал он и, после короткой паузы, продолжал. — Идрис, выпусти тех троих болтунов, они получили хороший урок. Остальные пускай еще посидят под стражей, подумают о своей судьбе. Иди, выполняй... Альхаджи Муса, взгляни на эту французскую газету, караванщики доставили ее только сегодня. До пира мой переводчик что-то в ней нашел, сказал, что новость важная. Но сейчас его пивом зашибло, лежит какдохлый осел.

Парижская «Фигаро» была двухмесячной давности и в ее заметке говорилось о том, что «император Борну Аль-Хаким» не погиб, как сообщалось ранее, а начал

большую войну с халифом Сокото. Вся торговля в Сахаре нарушена и купцы в Триполи терпят огромные убытки. Автор заметки считал, что Франция, после того как «наведет порядок в верховьях Сенегала и Нигера», должна обратить внимание на район Чада.

Писец быстро записал слова Дмитрия, а потом исчез. Раббех долго молчал.

— Вот так всех нас и громят по одиночке, — наконец произнес он. — Мои купцы ходили на запад, донесли, что там племена все время воюют друг с другом. Но все же нашелся мудрый вождь, Самори Туре, объединил их и дал отпор французам. Он ответил на мое послание, попросил прислать винтовки. Только по суше к нему дороги нет, а плыть вверх по Нигеру поздно. Там уже ходят французские огненные суда с пушками...

Что ответить на это? Франция страна сильная, но в колониальных захватах отстает от Англии. Поэтому в Париже спешат, порой слишком полагаются на силу оружия. После унижительного поражения в войне с пруссаками хотят доказать, что наполеоновские традиции еще живы. Лондон же экономит людей, но не жалеет денег.

— Спасибо за перевод, Альхаджи Муса. Слава Аллаху, у нас дело обошлось без большой войны. Сокото посрамили, почти без потерь получили богатства Мандара и вышли к Бенуэ. Тайных недоброжелателей и

изменников наказали. теперь можно спокойно жить и работать. Если бы Аллах подарил нам еще пару лет мира! Тогда бы Борну окрепло, стало бы таким же сильным государством, как и Эфиопия. Мы смогли бы направить своих послов в Европу, заключили бы договоры с другими государствами... Что-то я раз мечтался, наверное, старею... Вот припас тебе подарок. Это письмо из страны Раши доставил очередной посланец негуса.

Небольшой пакет из плотной ткани был запечатан эфиопской императорской печатью и содержал в себе мелко исписанный листок бумаги и толстенную книжечку. Письмо было написано по-русски, но после первого прочтения трудно было понять его содержание. Неизвестному «земляку» дальние и ближние родственники слали многословные и бестолковые поклоны и приветы. Какой-то Коля сообщал, что «питерская тетушка Мария Ивановна Дворская, что сиднем сидит в своем домишке на Мойке», очень сокрушается, что сможет «повидаться с тобой не раньше будущей Троицы». В конце письма сказано, что «друзья» посылают в подарок «назидательную книжку для чтения» и стоит корявая подпись — «Михалыч».

Ну а если прочесть все еще раз внимательно и вспомнить последние разговоры с Николаем Степановичем Леонтьевым, то смысл письма проясняется.

Понятно, что сочинялось оно не без участия Петра Михайловича Власова, действительного статского советника и российского посланника в Эфиопии, а сам Николай Степанович уже добрался до Санкт-Петербурга. Можно догадаться, что инициалы упомянутой тетушки указывают на российский МИД, который расположен на Дворцовой площади вблизи речки Мойки, и что начальству желательно продлить на год твое пребывание в африканских краях.

Книжечка оказалась всего лишь сборником басен Крылова, изданных в Москве попечением господина Ивана Сытина. Но к чтению таких «басен» Дмитрий был давно готов. После того, как один из чистых листов, который обычно вклеивают между обложкой и текстом книги, прогрелся на огне светильника, на нем отчетливо проступили колонки цифр. С их помощью оставалось только найти необходимые страницы, строчки и буквы. Расшифрованное послание оказалось кратким и сводилось к следующему — полученный отчет признан полезным, интерес к африканским проблемам не ослабевает, требуется точная информация о действиях в регионе европейских держав... Что же, такого приказа и следовало ожидать. Дома желают знать, что реально происходит в этом африканском захолустье. Почему европейские газеты поднимают такой шум по поводу событий на берегах Нила, Нигера, Чада, а политики делают резкие заявления и открыто грозят друг другу

войной? Видимо, на Дворцовой площади задумались, а нельзя ли использовать этот шум в своих интересах? При случае указать тем, кто слишком активно сует нос в российские дела, на их собственные проблемы. А почему бы и самим не извлечь пользу? Речь идет не о создании колоний — у императора России и своих земель хватает, — а о доступе российских товаров на местные рынки. Да и африканские продукты выгоднее закупать самим, чем переплачивать западным посредникам. Кажется, в Эфиопии первый опыт удался, там уже работают российские врачи и инженеры. Появились первые предприниматели...

...Яснее становится и твоя задача. Смотри, думай и запоминай, позднее сообщи об увиденном землякам. Сколько уже было таких странников, что отправлялись в дальние края. Паломники, купцы, казаки. Многие пропали безвестно, другие вернулись и открыли путь государевым посланникам и торговым караванам. Прославились немногие...

...Ну да дело не в славе! Главное — самому увидеть и уцелеть! Ох и манят казака дальние дороги. От желания заглянуть за край земли захватывает дух!

Раббех с большим интересом следил за действиями Дмитрия. Одобрительно кивнул, когда тот сжег письмо и листок с расшифрованным текстом.

— Вижу, ты получил хороший подарок. О своих секретах молчи, скажи главное — сколько времени еще

секретах молчи, скажи главное — сколько времени еще пробудешь у нас?

— Не меньше года.

— Об этом и негус упоминает в своем послании. Он пишет, что много ученых московов приехало в его страну, польза от них большая. По твоему совету мы теперь получаем газеты, узнаем много нового о том, что творится в мире. Знаем, что к слову страны Раши прислушиваются в Лондоне и Париже. Со временем хотелось бы и в Борну увидеть вашего посла, заключить договор о дружбе с вашим могучим повелителем. Поможешь в этом?

— Помогу, — Дмитрий решительно тряхнул головой. — Мои начальники хотят больше знать о том, то происходит на этих землях, поэтому я буду посылать свои письма через твоих купцов в Триполи. Так будет быстрее и надежней.

— Ты получишь такую возможность, — эмир какое-то время пристально смотрел на пламя светильника, а затем выражение его лица смягчилось, мелькнуло подобие улыбки. — Но ты должен жениться.

45

От неожиданности Дмитрий не знал, что и ответить. Какая связь между государственной политикой и женитьбой? Что за глупости! Разве для того ехал в

Африку, чтобы обзаводиться семьей?

— В горах Мандара ты показал ум, решительность, верность, — негромко, но довольно решительно продолжал Раббех. — Твои победы ошеломили многих — врагов ты разрубаешь пополам, призраков расстреливаешь в упор. Твоя сабля заговорена, а пули сами находят цель. А люди у нас суеверны, они боятся нового, с подозрением относятся к иностранцам. Теперь о тебе рассказывают сказки, считают колдуном. Я же хочу, чтобы все понимали, что в бою побеждают с помощью военного мастерства и сильного оружия, а не шепча заклинания над амулетами.

— При чем тут женитьба?

— Наши воины боятся тебя. Пошел слух, что ты оборотень. Днем все видят тебя, а ночью ты исчезаешь, становишься тенью. Поэтому у тебя и нет жены. А ремесло у воина опасное, все время рядом со смертью. Поэтому он должен иметь много детей. Все знают, что единственное лекарство от смерти — это рождение ребенка. Если же начальник бесплотная тень, с ним страшно идти в бой.

— В походе и в бою не до женщин, голова занята другим. Но когда гостил у ламидо, то проводил время с танцовщицами.

— Рад был узнать, что ты здоров и весело провел время за Бенуэ. Но все эти танцовщицы и певуны не женщины

жестокости.

— Как это? Я бы сказал, что даже напротив.

— Конечно, они имеют женское естество, а на каждой из них краски, тряпок и украшений больше, чем на десятке обычных женщин. Но настоящие женщины это те, которых берут в жены. Они заботятся о доме, рожают детей, помогают мужу добрым советом. У тебя нет такой жены, поэтому люди и опасаются иметь с тобой дело.

— Через год я должен буду вернуться в свою страну. Взять с собой жену не смогу. Наших обычаев и языка она не знает, будет тосковать и заболит.

— Не надо ее брать с собой, от ваших холодов она просто умрет. Оставишь ее дома, а сам объяснишь дело местному судье, заплатишь небольшой налог. Он прочитает положенную молитву и объявит о вашем разводе. Это может сделать и жена. Перед отъездом оставишь ей часть имущества, и она сможет опять выйти замуж, а детей воспитает родня. У нас нет сирот.

— Мое начальство будет недовольно, если я женюсь на женщине чужой веры.

— Если делаешь свое дело, то начальнику не обязательно знать, что ты ешь, пьешь и с кем спишь.

— Что скажут ваши люди, когда узнают, что на женщине вашей веры женился необрезанный? — Дмитрий решил отстаивать свою свободу до конца. Вспомнилась картина, недавно увиденная в одной из

деревень. Сарай, наполненный голыми мальчишками семи-восемью лет, обмотанными повязками и лежавшими на земляном полу. Кто-то из сопровождавших сказал, что после этой операции выздоровление продолжается не меньше шести недель... Добавил самым решительным тоном. — Я на такое никогда не соглашусь!

— Ну и хитер же ты, Альхаджи Муса, — усмехнулся эмир. — Не беспокойся о соблюдении этого обычая. Во-первых, есть племена, которые не далают обрезания, а во-вторых, у нас теперь новый верховный судья. Он человек скромный и в государственные дела не вмешивается. Это раньше Хайяту начал бы причитать о чистоте веры и нарушении правил. Будь уверен, после свадьбы ты не потеряешь свободу, я сам не позволю тебе засиживаться дома. Работы прибавится и тебе будет о чем сообщить твоему начальству. Знаешь сам, что все мои соратники и подчиненные, кроме тебя, уже обзавелись семьями. Должен жениться и ты, чтобы люди не болтали глупостей. Подумай об этом.

— Хорошо, подумаю.

Однако долго думать не пришлось. Уже через пару дней, когда Дмитрий со своими конюхами возвращался со стрельбища, с ним повстречалась дочь Раббеха Авва. На этот раз на ней была легкая голубая накидка, расшитая позументами, что-то длинное и пестрое и розовая кисея, закрученная вокруг головы немислимым

узлом. В седле она сидела уверенно и, лихо осадив свою лошадь, встала поперек дороги.

— Привет, Альхаджи Муса! Мы с Усманом женимся, приезжай на свадебный пир!

— Спасибо за приглашение! Буду обязательно! Что подарить на свадьбу — египетские туфли или американский кольт?

— Ты уже одарил меня, — Авва понизила голос и хитро улыбнулась, сморщив курносый нос. Ну вылитый отец! — Помог мне овдоветь и спас от смерти моего жениха. Я все знаю! Покажи свою Черную молнию. О ней так много говорят. Эй, Амина, подъезжай к нам!

От группы сопровождавших дочь эмира всадников отделилась одна из женщин. Эта одета скромнее, широкая белая рубашка и подпоясанные широким ремнем шаровары, лицо прикрыто концом шали с зелеными разводами. На своем невысоком коньке сидит прямо, ногу в красном сафьяновом сапожке держит в стремях не на кончиках пальцев, а уверенно упирается всей ступней.

Дмитрий склонился с седла, до половины обнажил клинок. Лучи солнца вспыхнули на полированной стали. Авва тут же протянула руку, захотела погладить сверкающую диковинку.

— Не касайся! Убьет! — грозно предупредил Дмитрий. Никому не разрешал трогать свое оружие.

Обе женщины взвизгнули. их попали паравозы

...ее женщины выжили, их лошади выжили...
в стороны. Подруга на седле спутницы дочери эмира не выдержала и лопнула. Чтобы не упасть, она ловко уцепилась за гриву своего коня. В тот же момент Дмитрий схватил ее за ремень и выдернул из седла, которое съехало под брюхо коня.

— Амина, он взял тебя в плен! — расхохоталась Авва, стегнула своего коня и умчалась прочь. — Освобождайся сама! Встретимся во дворце!

— Сейчас поправим седло и все будет в порядке, — как можно спокойнее сказал Дмитрий. Опустил Амину на землю и спешил сам. Махнул конюхам, чтобы привели в порядок седло.

— Я могу это сделать и сама, — прозвучало в ответ.

Конец шали соскользнул с лица спутницы Аввы и открыл огромные лучистые глаза, тонкий изящный нос, ослепительную улыбку... А кожа-то гладкая словно шелк и совсем светлая. Таких смуглянок встретишь порой в донских и кубанских станицах... Но насмотреться на красавицу не удалось. Следовало соблюдать приличия, да и шаль вновь прикрыла лицо.

Из-за холма показались какие-то всадники с дротиками в руках. Амина сделала им знак остановиться.

— Это кто такие?

Ветерок вновь отбросил конец шали, но на этот раз хозяйка не стала его поправлять. Без смущения, в упор, взглянула на чужеземца. Глаза умные, на тонких губах

улыбка. Сама держится гордо и смело.

— Они мои телохранители из племени фити. Я дочь эмира Нуху Лере, который правит на западе. Он союзник Борну, но сейчас болеет. Поэтому я сама привела наших конников в войско Раббеха.

— Что у них на ногах? — Дмитрий с профессиональным интересом рассматривал рослых парней в бурых плащах из грубой шерсти, сидевших на неоседланных конях. На ногах каждого было надето что-то вроде железных гетр, закрывающих ногу от колена до ступни и снабженных спереди острыми шипами.

— Это поножи, которые служат вместо шпор. Все мужчины фити одевают их еще в детстве и носят постоянно. Наши люди отличные наездники и могут управлять конем без уздечки, с помощью всего лишь тонкого поводка, привязанного к железному кольцу, вдетому в лошадиную ноздрю. На следующей неделе мы устраиваем большую охоту, если хочешь, можешь принять в ней участие. Тогда увидишь сам, как скачут всадники фити.

За эту неделю Дмитрий пару раз случайно встречался с Аминой во дворце, почтительно здоровался, заводил приличный разговор. В отличие от местных красавиц, она обходилась без ужимок и глупого хихиканья, держалась свободно, но с достоинством. Раз попросила помочь отобрать в арсенале ружья, которыми Раббех распорядился снабдить ее всадников. О делах

судила здраво, советы и мнения выслушивала внимательно.

Слова Раббеха о необходимости жениться не шли из головы. Да и девушка нравилась все больше. Умна и красива, чем-то напомнила Тоню, что осталась в далекой Аддис-Абебе. Ох уж эта Африка, думал ли раньше, что дело так повернется... Но если свадьбы не избежать, то лучше Амины не найти никого... Поженимся, а что потом?

Хасан заметил, что приятель ходит задумчивый, и догадался о причине.

— Ты с наследницей эмира Лере будь поосторожнее, — предупредил он. — Эта девушка с норовом, отказала уже нескольким женихам. В ее краях женщины сами решают свою судьбу. Одним словом — дочь гор!

— Почему ее так называют?

— Амина родилась в горах Джое, где проживают десятки племен. Большинство из них не признают Аллаха и верят в собственных богов. Народ свободолюбивый и отчаянный, соседние султаны сотни лет ходят на них походами, но покорить так и не смогли. Сама она происходит из старинной семьи, которая ведет род от древних эмиров Зарии, пришедших в эти горы из Аравии почти тысячу лет назад. Великая Амина приходится ей дальней родней.

— Кто такая? Почему Великая?

— Лет триста назад Великая Амина правила в Зарии. Она строила города, посылала караваны в соседние страны и к Средиземному морю. При ней на рынках появились орехи кола, без которых мы теперь не можем жить. Сама она водила в бой конные дружины и не потерпела ни одного поражения. От Сахары до Нигера и Бенуэ все султаны и эмиры платили ей дань... Тебя уже пригласили на охоту?

— Да, но ехать не хочется. Я и так все время в разъездах, а тут весь день гоняться за антилопами по саванне и вечерами слушать застольных хвастунов. Нет времени для таких забав.

— Как хочешь, но это испытание. Тех, кто не смог показать себя на охоте, наша дочь гор за мужчин не считает.

— Ну уж в седле-то я сумею усидеть.

— Эй, не хвались раньше времени. Эти фити скачут как бешеные. Своих лошадей, чтобы те не потеряли резвости, содержат не в стойлах, а в узких ямах, где они не могут лечь и все время находятся на ногах. Кормят просяной кашей, в которую, для укрепления костей, добавляют золу, а за неделю перед боем или охотой поят их одним пивом. Страшно смотреть, как эти всадники несутся без седел и уздечек через заросли и овраги и мечут дротики. Сам я не видел, но говорят, что воин фити может на всем скаку поймать на земле лягушку!

Где они собираются проводить охоту?

— где они собираются проводить охоту?

— По левому берегу Нгадды. Уже послали предупредить крестьян, чтобы они шли загоном от Красных скал.

— Помню эту местность, проводил там учения. Спасибо тебе, Хасан. В этой охоте я обязательно приму участие.

Конная облава в саванне состоялась в намеченный срок и в намеченном месте. Всадники фити с дикими воплями носились сломя голову через холмы и низины, ловко огибали деревья, с ходу пробивались через кустарники. Несколько молодых придворных последовали за ними, но быстро отстали. Один повис, зацепившись за низкие ветви акации, у другого лошадь сломала ноги на крутом склоне, некоторые просто попадали с седел во время скачки. Амина, Авва с Умаром и более благоразумные участники охоты следовали позади загонщиков на некотором расстоянии, выбирали более безопасный путь.

С самого начала охоты Дмитрий отделился от остальных всадников и через болотистую пойму и крутые прибрежные склоны, где шагом, а где вскачь, направился к узкой долине, куда и сгонялась вся дичь. Таким образом дистанция сокращалась почти в три раза. Хотя его гнедой и не мог состязаться в резвости с хмельными конями горцев, но не выдал хозяина. К месту успели вовремя, приотстав от загонщиков на

самую малость.

Долину перегородили разгоряченные всадники фити на взмыленных конях. Они громко кричали и страшно завывали, вертели своих коней, поднимали их на дыбы и не давали табуну перепуганных зебр и антилоп, прижатых к крутому обрыву, вырваться из ловушки. В долину уже спускались остальные охотники, когда из какой-то расщелины выскочило целое семейство львов. Впереди три матерые львицы, за ними несколько молодых самок и маленькие львята.

Видимо, стая хотела отсидеться в прохладной тени и поначалу не обратила внимание на суету мелких обитателей саванны, но внезапное появление большого числа людей застало ее врасплох. Поняв, в чем дело, львицы пошли на прорыв. Фити смело бросились им навстречу, в воздухе засвистели дротики. Но это не остановило хищников, они пустили в ход клыки и когти. Оказавшиеся на их пути охотники и их лошади были моментально опрокинуты и оказались на земле с переломанными костями и рваными ранами. Остальных смели бросившиеся наутек зебры и антилопы. Заметив скакавших вниз по склону охотников во главе с Аминой и Аввой, львицы решили напасть на новых врагов, оказавшихся на их пути.

Охота превратилась в настоящий бой. Дмитрий взялся за карабин, действовал быстро и четко. Но в такой свалке боялся попасть в людей и безбожно мазал.

Тем не менее двух матерых львиц-вожаков положил наповал, остальная стая метнулась в сторону заросшего кустами горного обрыва. Звери уходили широкими прыжками, держась друг возле друга, но один из львят приотстал. Непрерывно стреляя в воздух, чтобы отпугнуть взрослых, Дмитрий бросился в погоню. На всем скаку ухватил пушистого котенка за загривок и круто осадил гнедого. Еще пару раз пальнул по кустам, чтобы какая-нибудь из львиц не вздумала отбить малыша.

Неспешно вернулся к остальным охотникам, которые, забыв о своих потерях, столпились около убитых львов. Все говорили одновременно, ахали, делились впечатлениями, бурно обсуждали подробности охоты. При приближении Дмитрия наступила тишина.

— Ты обогнал нас, а твой конь свеж и бодр. Как это получилось? — спросил Умар.

— Так он же летел по воздуху! — рассмеялась Авва. — Наш Альхаджи Муса и это умеет делать! Что скажешь Амина?

Девушка молчала, ее широко открытые глаза пристально смотрели на Дмитрия. А он опустил у копыт ее коня возмущенно шипевшего львенка.

— Прошу принять подарок! — Приложил руку в сердцу. — Вот поймать лягушку я не сумел.

На следующий день, после того как отпраздновали третье замужество Аввы, Раббех встретил Дмитрия в арсенале.

— Все друзья моей дочери еще только глаза протирают, а ты уже за работой.

— Надо разобраться с новой партией винтовочных патронов. Прошлый раз все свалили в одну кучу, а винтовки-то разных калибров. У английских — одни, у французских — другие.

— Да, таких ошибок быть не должно, — согласился эмир. — Твой разгром «конной стены» доказал, что кавалерия может действовать не только мечами и копьями. Хочу создать бригаду конных стрелков, о которой ты когда-то рассказывал. Всех вооружим одинаковыми винтовками и придадим батарею настоящих пушек. Согласен этим заняться?

— С радостью! Это же будет ударная сила, против которой на равнинах саванны никто не устоит! Но всех вооружить по единому образцу будет дорого стоить.

— Это моя забота. Лучше скажи, ты надумал жениться? Ох уж этот африканский владыка! Чтобы добиться своего умеет выжидать, а потом действует внезапно. Настоящий крокодил!

— Как же формирование бригады?

— Одно другому не мешает. Кроме того, после

свадьбы будешь раз в неделю делать доклады на моем совете. И не забывай об отчетах своему начальству.

— Ну тогда Амина. Достойная девушка, красивая...

— Отличный выбор. Одобряю.

— Но согласится ли ее отец? Он же эмир, и род их древний.

— Он мой союзник и будет рад оказать такую услугу. Так же как и остальные отцы трех твоих будущих жен.

— Каких еще жен!

— Знаешь сам — у нас мужчина имеет право иметь четырех жен и любое число наложниц. Все мои вельможи, слуги и союзники следуют этому правилу. С наложницами дело твое, а жен должно быть четыре. Пусть все видят, что я могу обеспечить своих людей и в моем дворце служат не бедняки. Знай, за право породниться с галадимой Борну уже давно идет упорная борьба. Для многих семей этот брак высшая награда, а для тебя — приказ!

— Как же я буду жить с четырьмя женами?

— Как все живут. Денег у тебя хватит и на выкуп невест, и на устройство свадеб. Хочу дать совет, у нас ни одна свадьба не обходится без орехов кола. Скоро с юга приходит караван с этим товаром. На четыре праздника закупай орехи оптом, так будет гораздо дешевле!

Как и положено по обычной церемонии

как и положено, по обычаю, церемония бракосочетания начали со встречи родителей жениха и невесты. Правда, роль отца Дмитрия исполнил барде Идрис, а эмира Лере заменил один из дядюшек Амины. В присутствии судьи и свидетелей они заявили о согласии молодых и о том, что для заключения данного брака нет никаких препятствий. Торжественно напомнили о долге мужа кормить и одевать свою жену, о ее праве на отдельную хижину в его доме. Тут же выяснилось, что в новый дом Дмитрия на одной из площадей Диквы, который Раббех подарил ему к свадьбе, вместе с Аминой придут не менее двадцати слуг мужского и женского пола, лошади, козы, куры. Сама она еще до начала всех церемоний тайно встретила с Дмитрием в доме Аввы. Романтических вздохов и клятв в верности не было, просто девушка призналась, что чужеземный воин понравился ей еще при первой встрече. А потом по-деловому попросила познакомить ее с Ахмедом, с которым ей придется иметь много дел по хозяйству. Так что на долю евнуха выпало срочно заняться перестройкой внутренних помещений, чтобы подготовить место для новой большой семьи хозяина.

Тем временем Дмитрию до блеска обрили голову, подровняли и надушили бороду, замотали в цветные халаты и повезли «знакомиться» с невестой. Усадили напротив разряженной Амины, разрешили смотреть на

нее и томно вздыхать, но велели молчать. Сами гости ели, пили и вели шумную беседу, слушали певцов и любовались танцорами. В конце встречи, как только жених выложил перед невестой свой свадебный подарок — кошелек с талерами, итальянское зеркало и коробку с египетскими благовониями, его подхватили под руки и увезли.

После такого официального знакомства последовало объявление о помолвке, на котором присутствие молодых не предусматривалось. От имени жениха Идрис поднес семье невесты несколько мешков каури, сообщил, что стада эмира Лере пополнились десятками коней и быков, сотнями овец и коз. Без свидетелей намекнул, что во владениях соседнего султана, рьяного сторонника покойного Хайяту, эмир может взять все, что сам пожелает. Для невесты, от имени жениха, передали новый кошелек с талерами, набор изящных туфель из цветной кожи на высоких каблуках, серебряный полумесяц, которым украшают прическу, множество коробочек с краской для щек, ресниц и бровей и несколько рулонов различных тканей. Для раздачи родным и соседям невесты отправили тысячу орехов кола, щедро оделили певцов и музыкантов.

К вечеру вернулся усталый Идрис.

— Радуйся, главное дело сделали, — сообщил он Дмитрию. — Все ахнули, когда я сказал, сколько ты

даешь за невесту. Ее дядя только бородой затряс и поспешил заверить, что принимает выкуп и согласен на ваш брак. А судья тут же прочитал молитву. Не беспокойся, они тоже не будут скупиться, еще до свадьбы пришлют посуду, постельные принадлежности и съестные припасы. Показали мне жеребца, которого подарят тебе. Ну и красавец!

— Когда же свадьба?

— По обычаю надо ждать два месяца, но все закончим через три дня. — Идрис с сожалением вздохнул. — Если бы не это тревожное время, мы бы все твои свадьбы праздновали не меньше года. Но Раббех приказал каждую из них закончить не больше чем за десять дней.

День первой свадьбы запомнился Дмитрию на всю жизнь. На рассвете его разбудил Ахмед, слуги поспешно его накормили и одели, а затем увезли из дома и заперли на каком-то дворе за городской стеной. Там уже расположился Айчак с десятком своих соплеменников, которые успели раздобыть барашка и теперь лакомились свежим жарким.

— Глупые обычаи в этих краях, — сказал Айчак, макая кусочек мяса в миску, наполненную солью и тертым перцем. — В день свадьбы жених почему-то должен прятаться, друзья находят его, а потом силой тащат к невесте. Он еще должен делать вид, что собирается от них сбежать. Вот у нас все просто —

сговорился со стариками, пригнал отцу невесты десятка два коров, а потом бросил ее поперек седла и готово! Потом все родичи гуляют целую неделю и обедаются бараниной. Скушай и ты кусочек. Они же полдня будут рыскать по всему городу, тебя искать!

Но друзья жениха знали свое дело, и убежище Дмитрия было довольно быстро обнаружено, а его самого облачили в парчовые халаты и через всю столицу повезли к невесте. У ворот ее дома их встретила огромная толпа нарядно одетых женщин и неизменные музыканты. Опять пришлось раскошелиться, раздавать каури и орехи кола. Тем временем конюх, который вел под уздцы коня жениха, потянул его куда-то в сторону. Все расценили это как попытку к бегству и с воплями преградили путь. Пришлось заплатить опять.

Затем жениха, который едва мог передвигаться из-за длинной и тяжелой одежды, стащили с седла и буквально понесли в покои невесты. Амина неподвижно сидела, вся обвешанная золотыми и серебряными украшениями, до глаз закутанная в разноцветные шали. Она весело взглянула на толпу друзей, втолкнувших в комнату ее жениха, и продолжала молча раскладывать на большом медном подносе клубки ниток и кусочки тканей. Всем видом показывала, что занята важным делом — собирается что-то шить. На шумные приветствия вошедших не обратила внимания.

Все расселись вдоль стен, и наступила тишина. Кто-то негромко кашлянул, но невеста продолжала заниматься своим делом.

— Она что — глухая? — удивился один из друзей жениха.

— В Зарии все такие, на ходу спят, — ответил другой.

— Ой, не скажите, — возразил третий. — Слышали историю о купце, который повстречался с девушками Зарии?

— Они его обчистили наголо!

— Вот-вот! Вошел в город с караваном верблюдов, а вышел в одной набедренной повязке!

Все эти шутки прозвучали напрасно, Амина продолжала молчать.

— Что вы стараетесь, она же по-хауса не понимает!

— Ах да! В Зарии никогда не поймешь, о ком идет речь, о мужчине или о женщине.

— Они про всех говорят одинаково — «он», «его», «мой»!

— У них услышишь и такое — «мой жена юза доил, он стоял, его юбка жевал»!

На этот раз Амина не выдержала и расхохоталась. Откинула конец шали и открыла лицо.

— Слава Аллаху! Она услышала нас!

— Теперь, друзья, надо у невесты «купить речь».

— Пусть она хоть слово скажет.

— Молчаливая жена — тихая ведьма!

— Начинайте! Не скупитесь!

На поднос посыпались каури, но Амина в ответ только презрительно поджала губы. Не обратила внимания и на серебряные талеры. Снисходительно кивнула и произнесла слова приветия лишь после того, как на этой груде денег засверкали золотые динары и полновесные английские гинеи, которыми купцы расплачиваются за товары на далеком океанском берегу. Воистину, дочь эмира Лере знала себе цену!

От неподвижного сидения в нескольких халатах у Дмитрия свело ноги, пот тек ручьями, во рту пересохло. Вся эта шумная суэта уже надоела и начала вызывать раздражение. Тем не менее решил выдержать испытание до конца и соблюсти все приличия. Когда друзья наконец-то вспомнили, что еще предстоит свадебный пир, он, как и положено жениху, сделал попытку уйти вместе с ними. Но его решительно оттолкнули и захлопнули дверь перед самым носом.

Впервые Дмитрий остался наедине с Аминой, с этого момента ставшей его законной женой.

— Дай воды! — прохрипел он, срывая с себя пропотевшие халаты.

— Вот, с медом и лимоном! Подожди, все с себя не снимай. Сейчас тебе надо опять к ним выйти. Показать, какой ты скромный и сдержанный, как соблюдаешь обычаи. Не забудь поблагодарить их и не жалеи орехов.

Видел, за сколько я свою речь «продала»! Все поняли, что я бережливая хозяйка. Иди к ним. Тебе еще на пиру сидеть, а мне пора перебираться в наш дом.

С пира, который в знак особой милости Раббех разрешил устроить в одном из своих загородных дворцов, Дмитрий вернулся поздно. Весь вечер просидел на почетном месте, как истукан, выслушивал поздравления и просьбы новых родных и знакомых. Непрерывно улыбался и старался не наговорить лишнего, не надавать обещаний, не обидеть отказом. Время от времени прихлебывал кофе. Устал, был голоден и зол.

У дверей на женскую половину его с глубоким поклоном встретил Ахмед:

— В доме все благополучно, господин. Жена ожидает тебя.

— Что это за мешки? Не пройти, весь двор завален!

— Завтра все уберем. Это подарки родителям госпожи. После первой брачной ночи их полагается поблагодарить за воспитание дочери.

— Где она сама?

— Пройди в этот дворик, господин.

Маленький дворик, посредине которого росла раскидистая акация, был устлан циновками и кожаными подушками. Амина в длинной голубой рубашке сидела у небольшой жаровни, где жарилось что-то очень ароматное. На полке перед ней висели кожаные

аппетитное. На подносе лежали пшеничные лепешки, овечий сыр, зелень, фрукты. Рядом стоял высокий глиняный кувшин.

— Выпей пива, мой господин, — тихо произнесла Амина. — Я приготовила тебе умыться.

Чуть слышно скрипнула дверь за Ахмедом.

47

Остальные три свадьбы последовали одна за другой с небольшими перерывами. Все церемонии повторились до мельчайших подробностей. Новые жены — Сания, Гимбия и Бабия — очень походили одна на другую. Пухленькие, черненькие, кудрявые, курносые, готовые танцевать и веселиться всю ночь напролет. Так что «сладость меда циновки» Дмитрий изведal сполна.

Скоро он узнал значение и другого выражения — «верблюды для родни».

Пока Дмитрий праздновал свадьбы, формирование бригады шло своим ходом, и благополучные отчеты регулярно оглашались на советах у Раббеа. Но оказалось, что на это время Айчак и все старые командиры отпросились на отдых к своим новым семьям, а их заместители набрали в бригаду таких людей и лошадей, что воинская часть потеряла всякую боеспособность. Учения свелись к обычной переключке, о чистке оружия все позабыли. В кормушках лошадей

вместо обычного корма оказалась сенная труха, а для очередной выплаты жалования денег не нашлось.

Пришлось срочно наводить порядок. Прежде всего были срочно возвращены в строй все командиры. Казначей Дмитрий лично отхлестал плетью, а все его помощники получили по сотне палок. Бригада немедленно отправилась на двухнедельные полевые учения, после чего вернулась в сокращенном составе. Треть людей была уволена из-за неспособности к военной службе.

Когда Дмитрий вернулся на побывку, то изумился переменам, произошедшим в его доме. Все комнаты оказались заселенными незнакомыми женщинами, многие из которых имели маленьких детей. Все непрерывно что-то обсуждали, спорили, пели песни, варили, мыли, толкли зерно, переругивались с уличными торговцами. Одним словом, помогали вести большое семейное хозяйство. Вскоре пожаловали гости, многочисленные почтенные старцы и дородные мужи, оказавшиеся родственниками его жен, которые проживали в провинции и не успели вовремя прибыть на свадебные торжества. В самой столице пришлось посетить дома родителей своих жен — все как один знатные вельможи из древних родов, поговорить о пустяках и погоде, встретиться с почтительными молодыми людьми, братьями и родственниками

родственников его жен, готовых проявить себя на службе эмира. К счастью, вести о новых порядках в конной бригаде уже не для кого не были секретом, поэтому речь шла только о дворцовых должностях. Просьбы о денежной помощи поступали постоянно. Бесчисленная родня активно справляла свадьбы, рождения детей, отмечала их совершеннолетие и похороны. Человек, владеющий землями, стадами и занимающий важный государственный пост, был просто обязан исполнить свой долг в отношении родни.

В довершении всего Ахмед, сокрушенно вздыхая, доложил, что истрачены все деньги, предназначенные для домашнего хозяйства. А после того, как купцы прислали образцы своих товаров и жены, не желая отстать одна от другой, набрали тканей, ожерелий и прочего, образовался и некоторый долг. Да еще приближается большой праздник Ид-эль-Кебир. За день до него хозяин обязан каждому, кто живет в его доме, подарить рубашку, платок или просто кусок ткани, а потом устроить угощение. На праздник придут нищие, следует что-нибудь подать им и хорошо накормить.

Так вот они и сидели с Ахмедом в углу дальнего двора, отгороженные от всех плотной соломенной циновкой, без помех советовались и сверяли счета. Положение невеселое — на свадьбы и разные подарки ушли почти все деньги. С пожалованных эмиром деревень до нового урожая ничего не получишь.

Просить в долг? Или продать что-нибудь? Вспомнились жалобы других военачальников, которые совсем запугались в денежных делах и с надеждой на новую добычу постоянно заводили речь о новых походах.

— Конечно, родню без помощи оставлять нельзя, но надо сокращать расходы, — наконец произнес Дмитрий. — Не хочу залезать в долги.

— Все это можно уладить, траты на дом сократим, долг выплатим с урожая. Еще можно... — но кончить Ахмед не успел. Во дворе послышались громкие женские голоса, смех и топот ног.

— Это Саня и Бабия. Выкупались перед сном и теперь шалят, — безошибочно определил евнух. Сам Дмитрий еще с трудом различал голоса своих супругов. Недовольно нахмурил брови — нигде в доме нельзя спокойно поговорить о делах. Но Ахмед в ответ только хитро улыбнулся и приложил палец к губам.

— Ну, угадай, к кому сегодня хозяин придет ночевать? — спросила одна из жен.

— Да о чем гадать, будет спать с теткой Аминой!

— На этой неделе ночевал у нее уже четыре раза, а нам подарил только по одной ночи.

— Теперь она и хвастается, что видела во сне, как ее ужалила змея!

— Значит, точно забеременила. Такой сон — верная примета!

— Эта старуха совсем возгордилась!

— Подумаешь, на год старше нас и отец эмир из Джоса.

— Ха! В тех горах эмиров больше, чем шакалов!

— Мой отец, хотя и ведает ремонтом дворцовых крыш, но чести ему больше. Каждое утро при встрече с нашим эмиром в четырех шагах от него стоит!

— А мой всегда при деньгах, в Борну все торговцы солью ему подчиняются.

— Это у нашей Гимбии отец всего лишь помощник барде Идриса.

— Тише ты, при ней язык не распускай. Ее отец любое слово наизнанку вывернет, а из змеиногo яйца цыпленок не вылупится.

— Знаю, не дура. Меня мать не днем зачала.

— Тогда придумай, как Амину послать ночью за водой к колодцу.

— Зачем?

— Разве не знаешь, что в темноте у беременной додо подменяет плод и она рождает уродов.

— Ха-ха-ха! Тогда господин станет к ней равнодушным.

— Будет смотреть на нее, как на спину своей бабушки, а то и совсем из дома прогонит!

Женщины с хохотом убежали, а Дмитрий сидел красный от гнева. Не мог вымолвить ни слова, лучше бы всего этого и не слышать.

Ахмед горестно покачал головой осторожно

Ахмед горестно покачал головой, осторожно дотронулся до руки хозяина.

— Успокойся, Альхаджи Муса. Для тебя это новость, а в гаремах такие разговоры обычное дело. Жены твои молодые, без детей им скучно, вот они и бесятся. Хочешь я их выпорю, а потом засажу за какую-нибудь работу. Хоть бы за вышивку рубашек? Этот товар можно выгодно продать...

— Если бы знал, ни за что бы не согласился... Хватило бы и одной жены, — произнес Дмитрий, думая о своем... Недавно начальство прислало новый запрос. В Питере захотели узнать, зачем в Сенегале собралось до десяти тысяч французских солдат? Почему Великобритания также шлет своих военных в этот же регион? Не зреет ли в Африке новый конфликт между двумя державами? Вот о чем теперь следует думать. А не решать, как мирить своих баб!

— Правильно, первая жена всегда самая красивая, — продолжал евнух. — У нас говорят, без женщин нет дома, а где их много — он рушится. Поэтому в гареме нужна строгость, нельзя допускать, чтобы соперничество женщин наносило ущерб мужу и всему дому. Прежде всего, хозяин, объяви одну из жен старшей. Для этого Амина подходит лучше всего. И самое главное, надо их всех засадить за работу. Везде в гаремах женщины не сидят без дела...

Закончить свои рассуждения Ахмед опять не успел.

По всему дому раздался зычный голос привратника, который звал хозяина.

— Гонец из дворца!

По вечерним улицам столицы Дмитрий гнал вскачь, так что все встречные шарахались с его пути. Зло стуча сапогами, прошел по дворцовым переходам. Еще не остыв, не вошел, а ворвался в знакомую сводчатую комнату, где над разостланной картой из козьей шкуры склонились Раббех и Идрис.

— Что с тобой? — удивился эмир. — Или «медциновки» горчит?

— Ничего особенного, — пробурчал Дмитрий.

— Теперь знаешь, что приходится терпеть многоженцам. У меня их целая тысяча... Ладно, поговорим о деле. Французы перешли Нигер, теперь они на нашем, восточном берегу.

— Навстречу им послан Хасан со своими людьми, — добавил Идрис.

— Но там может понадобится твоя помощь, — сказал Раббех.

— Много их? — оживился Дмитрий. Кажется уже сейчас можно получить ответы на вопросы из Санкт-Петербурга.

Идрис взглянул на эмира, тот кивнул. Перед Дмитрием появился листок бумаги с перечислением французских гарнизонов в Западной Африке.

— Какие силы у англичан?

Опять последовал кивок, и на новом листке, исписанном другой рукой, можно было прочесть перечень английских частей.

— Откуда это? Сведения надежные?

— Англичане сообщили о французах, немцы об англичанах. Золото из Мандара любят все.

— Большие силы французов собираются к югу от нас. Их огненные суда могут пройти вниз по Шари до самого озера Чад, — продолжал Раббех. — Это главная опасность. Поэтому ты оставь бригаду на Идриса, а сам тайно отправляйся на запад. Ты знаешь язык, проникни в лагерь французов под видом купца. Подумай, как можно остановить этот их отряд.

— Отправляюсь немедленно. Только почему тайно? После этих шумных свадеб все обратят внимание на мое внезапное исчезновение. Пойдут разговоры, догадки, расспросы. Лучше я с женой открыто поеду к ее отцу, эмиру Нуху Лере. Познакомлюсь с ним, поблагодарю за воспитание Амины. Кто любит родню, дальней дороги не боится! Разве не так?

Услышав это, Идрис тихо захихикал, а эмир задергался и громыхнул лающим смехом. Да таким, что великан Суруру выскочил из какого-то тайника, сжимая в руке книжал. Решил, что хакиму угрожает опасность.

— Ох, Альхаджи, ты все наши тайны узнал!

— И в совете, и в казначействе!

— Лаже в гапеме!

— Ну-ка, скажи, какое у нас самое ласковое слово для жены?

— «Аромат дома»!

48

Южные склоны плато Джос крутыми уступами обрывались в долину. Густо поросшие лесом, издали они казались нагромождением подушек, обшитых зелено-голубым плюшем. По ним медленно сползали вниз волны белых облаков, за которыми открывались причудливо изломанные линии дальних хребтов, увенчанных скалистыми пиками. Небольшой караван, Амина взяла с собой несколько служанок и телохранителей фити, а Дмитрий, для охраны выючных быков, десятков конных стрелков, довольно быстро двигался на запад.

По узким тропинкам поднимались с перевала на перевал, шли сквозь густые заросли и перебирались через стремительные речушки с крутыми берегами. Мимо нагромождений исполинских черных валунов, иные с желто-бурыми пятнами лишайников, иные, блестящие от воды стекавших по ним ручьев, а затем выбрались на плато, покрытое низким кустарником и пучками почти белой, выгоревшей на солнце травы. Все чаще стали встречаться кучки приткнувшихся друг к

другу хижин, острые соломенные крыши которых торчали из-за сложенных из камней оград, и лоскутки крестьянских полей, обсаженные по краям для защиты от нашествий скота и диких животных толстыми молочаями с длинными колючками.

Резиденция эмира Нуху Лере нависла над небольшим городком, окруженным рядами лавок и мастерских ремесленников. Толстые стены и узкие окна делали ее похожей на настоящую крепость. У ворот караван встретил сам эмир. Высокий и худой, с короткой седой бородой и длинным горбатым носом. Такой же смуглолицый, как и тот курдский бек, которому Дмитрий, вместе с драгунским ротмистром, возил подарки питерского начальства куда-то к югу от горы Арарат. По случаю приезда гостей эмир был одет в дорожную синюю рига — широкую одежду с разрезами по бокам и с богатой вышивкой вдоль ворота и на груди. На голове имел огромный тюрбан, на который ушло много локтей той блестящей черной ткани, что умеют делать только в славном городе Кано.

На глазах у всего населения городка торжественно обменялись приветствиями и чинно вошли во внутренние покои дворца. Только здесь эмир дал волю чувствам. Обнял дочь и дрогнувшим голосом произнес:

— Слава Аллаху, ты благополучно вернулась!

Сразу стало заметно, как согнулась его спина и вздрагивают плечи.

— Она у меня только одна и осталась, — как бы извиняясь за свою слабость сказал он Дмитрию. — Когда уезжала, думали, что начнется война. А она у меня смелая, решила выступить за честь рода, не захотела сидеть дома. Все ее братья погибли, она последняя. Войско из похода вернулось, а она осталась в Борну. Теперь вот вернулась, привезла мужа, славного воина... По нашим обычаям, она теперь твое собственное поле. Засевай его, снимай урожай...

— Отец, — Дмитрий почтительно склонил голову. — Пусть это будет поле «ганду», урожай с которого идет в общий амбар и служит на благо всей семьи.

— Воистину, ты знаешь наши обычаи! Лучшего ответа я не мог услышать и от собственного сына. — Старый эмир был растроган. Без стеснения громко всхлипнул и смахнул набежавшую слезу. — В Борну тебе дали титул галадима?

— Да, отец.

— У нас его дают только евнухам. Жалую тебе звание мадаваки! Это главный советник эмира, который командует всем его войском.

Услышав это, Амина захлопала в ладоши и бросилась на шею отцу, потом обняла мужа. Радостно воскликнула:

— Теперь наш сын станет наследником Лере!

— ы, дочка, не испортила нашу породу, — торжественно произнес старик и пояснил Дмитрию: — Мы ведем свой род от Гунгума, сына Баво, внука Баяджид. Поименно помним о более чем шестидесяти эмирах, которые правили в Зарии. И мы всегда брали в жены непорочных девушек из знатных родов арабов или фула. Все они высокие и стройные, со светлой кожей!

— Прости мое невежество, отец, но объясни — чьи славные имена ты сейчас произнес?

— В наших старинных летописях сказано, что много сотен лет назад на краю Сахары правила смелая охотница Даура. Ее народ возделывал землю, пас скот и торговал с купцами, чьи караваны приходили из далеких стран. Но случилось так, что огромный змей поселился в единственном колодце ее города. Он нападал на жителей, и они могли набрать воды только раз в неделю, пока он спал. Многие богатыри пытались убить чудовище, но все они погибали в поединке с ним. Но однажды в город приехал бесстрашный воин Баяджид, сын халифа Багдада. Он странствовал по Сахаре, в которой в старину росли леса и зеленели луга. Даура попросила его спасти народ от гибели. Витязь смело вступил в бой и зарубил змея своим мечом, а потом он женился на Дауре. Позднее их сын Баво стал правителем всего края и вместе со своими шестью сыновьями построил семь главных городов народа хауса. Братья договорились, что их подданные будут заниматься

определенными видами торговли и ремесел. Наш предок Гунгума обосновался на южной границе, стал воином, отбивал нападения соседей и сам ходил в походы, приводил братьям пленных. За это они его и прозвали «повелителем рабов».

Все, присутствующие в покое, благоговейно внимали старому эмиру, старательно делали вид, что о многом слышат в первый раз. В конце его рассказа один из сановников поспешил громогласно объявить о том, что Амина ничем не хуже своей прародительницы Дауры. Она также вышла замуж за иностранного витязя, слава о воинской доблести которого уже гремит от Нила до Нигера. Услышав это, эмир с гордостью взглянул на всех и торжественно заявил, что такое важное событие следует отпраздновать.

Праздник устроили на славу. После обильного угощения последовали танцы, а бродячие музыканты исполняли старинные баллады, прославляли подвиги древних героев. Голосистый запевала, отбивая такт на маленьком ручном барабане, восславил былые победы эмира Нуху, пропел здравицу его красавице дочери. Не забыл и о ее супруге, но, как и подобает поэту, не обошелся без прикрас в описаниях подвигов «чужеземного богатыря, решившего отдохнуть на сладостных холмах Зарии». К счастью, Дмитрий понял далеко не все, остальные слушатели проявили похвальную сдержанность, хотя некоторые старушки

неодобрительно покачивали головами. Но веселые куплеты на местные темы были встречены с бурным восторгом. Все знали о незадачливом земляке, купившем осла по цене коня, о подравшихся женах городского стражника и других событиях, вместе с музыкантами подхватывали припев и отбивали такт, хлопая в ладоши и топая ногами. Каури, медные браслеты и орехи кола так и сыпались в широкую корзину у ног запевалы. Не отстал от остальных и Дмитрий — расщедрился на несколько талеров.

Затем последовало выступление дрессировщика, попугай которого время от времени звонко кричал: «Слава эмиру!» Ученые обезьянки проделывали уморительные шутки и вызвали всеобщий хохот. Но люди замолчали, когда перед ними встали шесть гиен. По команде хозяина они начали выть, вставать на задние лапы, кувыркаться и прыгать друг через друга. Раздались возгласы удивления, после того как на одну из них уселась верхом обезьяна и проскакала по кругу.

— Не знал, что эти животные способны на такое, — тихо сказал жене Дмитрий. — В походе мы их опасались, видели, как они отбивали добычу у львов.

— Приручить гиен очень трудно, — ответила она. — Но некоторые занимаются этим не просто ради забавы. Таким образом получают чутких и преданных сторожей, более быстрых и сильных, чем собаки. Гиены

отлично видят в темноте, бегают бесшумно, хорошо плавают — вору невозможно от них спастись. А еще из волос гривы гиены плетут талисманы верности — их самцы никогда не бросают свои семьи.

Праздник завершили выступления акробатов на ходулях, скачки и кулачные бои, в которых местные юноши проявили большое мастерство. Всадники лихо носились на своих резвых конях и самым ловким из них, действительно, удавалось, свесившись с седла, ловить лягушек, которых специально выпускали на поле. А пешие бойцы смело шли друг на друга, и при этом каждый пытался левой рукой ухватить соперника, а правой, обмотанной полосками бычьей кожи, нанести ему решительный удар.

На следующий день, чтобы не бездельничать и оправдать свой новый титул, Дмитрий решил ознакомиться с состоянием вооруженных сил эмирата Лере. Установил, что вся обороноспособность держится на дедовских традициях и уверенности в непобедимости двухтысячного ополчения и неприступности горной страны. Ревизия арсенала показала, что здесь умеют делать вполне приличный порох, но забывают о чистоте ружей. А вот пули льют самым примитивным способом. Поэтому пришлось отправиться к старшине кузнецов и объяснить, как эта операция проводится в Борну. Его быстро поняли, на другой день успешно провели первую плавку и пообещали, что теперь мушкетеры Лере

получат достаточное количество боеприпасов и больше не будут использовать вместо пуль кусочки железа и мелкие камешки.

В кузнице Дмитрий увидел связанные в пучки тонкие металлические пруты. Взял один из них и с удивлением понял, что это олово.

— Откуда это у вас?

— Толчем вот эти камни, а потом плавим их с древесным углем, — ответил старшина и указал на куски темно-бурой породы, состоявшей из мелких кристаллов. — Получаем такую вот «соломку» и делаем из нее украшения. Но большую часть этих пучков продаем.

— Кому?

— Купцы приходят с юга. Знаем, что наше олово пользуется спросом везде, где умеют плавить «красное железо» или бронзу. Особенно во владениях оба ²⁶ Бенина. Там, говорят, во всех дворцах и богатых домах листами бронзы покрыты все стены. Тамошние язычники не верят в Аллаха и, — даже страшно подумать об этом! — отливают из бронзы изображения людей и животных.

Дни шли за днями, с севера приходили тревожные вести. Приносили их торговцы и странствующие музыканты — народ бродячий, большие любители сочинять небылицы. Не хотелось верить их рассказам о грозных полчищах, которые наступают на западе. жгут

селения, убивают и грабят жителей. Во дворце появлялись немногословные доверенные гонцы из Борну и вестники от Хасана, подтверждали прежний приказ — Дмитрию сидеть на месте и ждать своего часа.

Наступил сухой сезон, и ветер из Сахары прогнал дождевые облака и принес тучи мельчайшей пыли. Теперь дальние хребты утонули в буром тумане, а по утрам вместо солнца над горизонтом поднималось белесое пятно. Ночью становилось холодно, и укутавшиеся в плащи и попоны сторожа до рассвета грелись у костров. В домах начали топить очаги. От них теплый воздух шел по глиняным трубам, специально уложенными под широкими лежанками, на которых теперь спали целыми семьями.

Как-то ранним утром Дмитрий вышел во двор и замер. От его дыхания поднималось облачко пара, самый настоящий иней покрыл грудь камней в углу двора! Пахло печным дымом, орали петухи... Все это напомнило родную станицу... Детство... Поеживаясь от непривычного холода, поспешил домой и нырнул под плотное одеяло, к теплому боку жены. Быстро заснул...

...Тетушка трясла его за плечо, ворчала, что пора вставать — в такой мороз весь завтрак остынет. А на

столе уже шипела сковорода яичницы с салом, дымилась миска вареников, стояли плоски и мисочки, наполненные знакомыми с детства лакомствами...

— Сейчас встаю! — крикнул Дмитрий и проснулся.

— Что с тобой? Приснился плохой сон? — Амина сняла руку с его плеча. — Ты так закричал, что я испугалась.

В ответ бросил какую-то веселую шуточку, спросил о домашних делах, а сам и думать забыл о глупом сне. Но на следующую ночь он повторился. Это же недовольное лицо тетушки увидел и в третий раз, опять услышал ее тревожный голос. Вспомнил, что она приснилась еще в Аддис-Абебе, в то утро, когда его разбудила Тоня и сообщила о вторжении итальянцев.

...И почему это тетушка начинает сниться, как только у меня в Африке начинается семейная жизнь? Ревнует что ли? А может быть, предупреждает об опасности? Если подумать, то она права — в чужом краю расслабляться нельзя. Особенно в такое время. Сам-то отлично знаешь, что французская колонна уже вышла к Нигеру...

От таких мыслей Дмитрий помрачнел. Это сразу же заметила Амина, настойчиво потребовала объяснений. Пришлось признаться, что приснился родной дом, но о тетушке промолчал. Добавил, что просто соскучился по вареникам с вишнями.

Лочь эмира все выслушала очень внимательно.

задумалась на короткое время.

— Это очень опасное колдовство, — решительно произнесла она. — Кто-то поставил ловушку на твою душу и во время сна выманивает ее на запах любимой с детства пищи. Хорошо, что я успела тебя разбудить. Один из моих братьев очень любил копченых раков с красным перцем и во время похода несколько раз видел их во сне. Рассказывал об этом друзьям, но среди них не оказалось настоящего охотника за колдунами.

— Чем же опасен такой сон?

— Слушай! Эти сны он видел во время войны с племенем джунун. На запах раков их колдуны выманили душу брата и овладели ею, а потом направили его в засаду вместе со всем войском. Немногие тогда вернулись из похода.

— Ну знаешь, на войне такое случается и без колдовства.

— Хочешь сказать, что его нельзя использовать как военную хитрость?

— Противника всегда обманывают и запугивают. Можно, например, применить с одного фланга обход, а с другого охват... — начал было Дмитрий, но Амина не стала слушать рассуждений о тактике и стратегии и тут же сменила тему разговора.

— Почему ты плохо спишь вот уже третью ночь? Вижу, что стал мало есть и на меня не обращаешь

внимания. Прощу тебя, поговори с отцом. Он не только опытный воин, но еще владеет и тайнами волшебства.

На этот раз отшутиться не получилось, спорить было бесполезно.

Эмир Нуху молча выслушал рассказ Дмитрия. Затем захотел взглянуть на его ладони и долго их рассматривал.

— Амина считает, что ты приехал сюда только для того, чтобы познакомиться со мной, — наконец произнес он. — О других целях приезда она не знает?

— Каких других целей?

— Она умна и видит твое беспокойство. Как и всякая женщина, думает быстро, но опасность ищет прежде всего возле своего дома. Все они больше полагаются на гадания и сны, прислушиваются к тому, что им подсказывает сердце. Следить за опасностью, которая грозит из-за дальних гор и морей, они не умеют. Кроме того, сейчас она носит твоего ребенка — дитя нашего древнего рода. Она должна рожать со спокойной душой, чтобы не причинить ему вреда. Но Амина знает, что к тебе приезжают тайные гонцы, и это ее волнует.

— Ты прав, отец, женщины плохо представляют себе опасность, если до нее далеко. Но я воин и начальник воинов, поэтому должен быть всегда настороже. Вот гонцы и сообщают мне о положении за дальними горами.

— Не хочу знать, что говорил тебе Раббех, когда

посылал в эти горы, но Амину нельзя тревожить. Надо успокоиться и тебе.

— Хочешь дать какое-нибудь волшебное лекарство?

— Твои сны о доме свидетельствуют о том, что ты беспокоишься, весь напрягся в ожидании того, в чем не хочешь сам себе признаться. Запомни, это не страх. Ты создан для боя и тебя трудно убить. Но накануне сражения такое волнение бывает даже у очень опытных и смелых людей. А волшебство тебе не поможет.

— Почему, отец? — улыбнулся Дмитрий. Ему все больше нравился этот рассудительный старик. Уже не раз вел с ним неторопливые беседы о жизни и каждый раз удивлялся его проницательности и живости ума.

— Ты «деятельный», все эти амулеты, молитвы и заговоры не для тебя.

— Как ты назвал меня? Объясни.

— Еще наши прадеды заметили, что все люди делятся на «деятельных» и «неспособных». Первых мало, не больше одного на десяток, но они не сидят на одном месте. Постоянно ищут новые земли, знания, занятия. Остальные, среди них много умных и работающих — о лентяях и дураках я не говорю — не любят действовать самостоятельно. Они обычно ждут чужого разрешения или приказа. Первые получают больше добычи, но на их пути больше опасностей и они чаще гибнут. Остальные же довольны тем, что имеют. Они опора власти, и за это их любят правители, хвалят за покорность и смирение.

Но без «деятельных» правители совсем не могут обойтись... А ты, кроме того, еще и батуре — европеец.

— Это плохо? Всех нас создал Творец, но наделил разным цветом кожи и волос.

— Воистину, это так! Однако Он создал и разные земли. Предопределил, быть им жаркими или холодными, указал народам их страны, но не воспретил общаться друг с другом. Твои соплеменники, мы называем их «турава», «фарансава», «джамусава»²⁷ живут на севере. Там холод не позволяет выращивать два-три урожая в год и делает жителей выносливыми, упрямыми, жадными. Чтобы выжить, вы много работаете и не жалеете ни себя, ни других, а чтобы облегчить свой труд придумываете разные хитроумные шуки из железа и меди. Плохо только то, что вы создаете и смертоносное оружие. Ты вот первым делом пошел смотреть на наш арсенал.

— Так я же воин, работа гончаров и ювелиров меня не интересует.

— Вот я и говорю, что вы упорны, а жадность ведет вас в чужие страны. Вы сильны и в конце концов захватите их, как уже захватили Индию и Египет. Но потом вы начнете воевать друг с другом — это будут долгие и кровопролитные сражения.

— Почему? Разве нельзя будет договориться?

— Ваши страны сильны и богаты. Бедные же не

могут долго воевать, им нужно думать о своем пропитании. У нас говорят: богатый идет в поход, а бедный — воровать. К счастью, предугадать будущее нам не дано. Это великая милость Создателя!.. Что касается тебя, то ты выдержишь, и я помогу в этом во имя своей дочери.

— Спасибо, отец. Ты сам воевал и знаешь, как это бывает перед походом.

— Хорошо, что мы поняли друг друга. Через два дня Луну будет «лихорадить». После этого я сообщу тебе и Амине о своем решении.

«Лихорадку» Луны Дмитрий наблюдал, стоя на площадке городской стены рядом с Аминой и ее отцом.

Ночное светило вставало над городом огромное и зловеще красное. После захода солнца быстро наступила тьма, но вскоре свет полной Луны озарил окрестности и длинные тени пролегли через долину, городские улочки и дворы. Внешне все было спокойно, хотя среди жителей наблюдалось некоторое волнение. Многие не сидели за ужином, как обычно, и не собирались ко сну. Кучки горожан стояли на площадях и молча смотрели на ночное небо. Как только левая сторона лунного диска начала темнеть и приобрела воспаленный багровый цвет, раздались вопли и причитания, тревожно забили барабаны, завывли собаки. Тусклая тень неудержимо закрывала Луну, которая вскоре превратилась в бурое пятно. И, как бы подчеркивая весь ужас затмения, рядом

с ней ослепительно засветился кроваво-красный Марс, а все большие и малые созвездия опустились к самой земле.

В этот час небесного гнева, как и подобает вождю и защитнику своего народа, эмир Нуху нерушимо стоял на городской стене и, воздев руки, громко молился. Когда на краю Луны вспыхнула голубая точка, радостные крики потрясли город. Вскоре она превратилась в тонкий серп, и через некоторое время зловещая тень исчезла, а лунный диск засиял во всем великолепии. Теперь на улицах начался шумный праздник — хотя «лихорадка» сильно «встряхнула» Луну, но на этот раз все обошлось благополучно. Звезды не попадали на землю! Грозные пророчества не сбылись, и жизнь продолжалась!

Чтобы отметить столь радостное событие, по приказу эмира несколько десятков баранов и кур расстались с жизнью, а люди получили щедрое угощение. Сам эмир уединился в своем покое вместе с дочерью и ее супругом.

— Слушайте, дети мои, — торжественно начал он. — Затмения Солнца и Луны происходят постоянно, и мудрые люди узнают о них заранее. Такие небесные явления наводят страх лишь на невежественную толпу, но всем остальным они напоминают о бренности нашей жизни и непостижимых тайнах мироздания. В эту ночь мне открылось, что гнетет вас обоих.

Старик сделал значительную паузу. Амина с широко открытыми глазами, затаив дыхание, ловила каждое его слово. Ее волнение невольно передалось и Дмитрию, хотя он догадывался, что именно предстоит услышать.

— Ты, Альхаджи Муса, могучий и опытный воин, тебе не страшны грядущие испытания. Твои сны всего лишь усталость после прежних походов. Любовь жены исцелит тебя. Тебе, Амина, не нужно беспокоиться, с мужем не случится ничего страшного. Сама не причиняй ему забот, береги будущего ребенка. Прекрати скакать верхом и лазать по горам, слушайся советов старых женщин, которых я приставил к тебе. Вы оба отправляйтесь в долину к целебному источнику Вики. Каждый, кто коснется его воды, обретет здоровье и душевный покой, и всю жизнь будет вспоминать наши горы и саванну. Ты же сплети из волос гривы гиены браслет, омочи его в источнике и одень на мужа. Такой талисман напомнит ему о тебе и поможет в трудную минуту...

Стремительный поток вырывался из-под отвесной скалы и широко разливался по песчаному руслу. В нем отражались крутые берега и низко нависшие ветви кустов, а сквозь прозрачную воду можно было рассмотреть на дне россыпи пестрых камешков, среди которых вспыхивали золотистые огоньки топазов. У самого берега, по горло в воде, нежились могучие самцы бабьих. Чтобы не потревожить их покой, бабьи

оауинов. Чтобы не потревожить их покой, роющие самки свешивались с кустов и, одной лапой держась за ветки, другой быстро черпали воду и поили уцепившихся за них детенышей.

Дмитрий грозно прикрикнул и решительно направился к источнику. Недовольно ворча самцы очистили водоем и перебрались за мыс вниз по течению. Затем с головой окунулся в прохладную воду, с удовольствием ощутил, как упругие струи массируют тело. Смотрел на спускавшуюся по тропинке Амину, которая сбросила одежду и, лукаво посматривая в его сторону, уселась на прибрежный камень, начала неторопливо расплетать свои многочисленные косички.

От города эмира Нуху Лере до источника было немногим больше двух дней пути. В этой довольно пустынной местности, среди лесистых холмов и скал, бродили многочисленные стада слонов, буйволов и других животных, но редко встречалось человеческое жилье. Может быть, поэтому эмир и возвел здесь небольшое укрепление и поселил в нем своего старого придворного охотника Дауда с десятком помощников. Обязал их добывать слоновьи бивни и шкуры, да и сам время от времени приезжал, чтобы поохотиться и поплавать в целебном источнике.

Над саванной медленно плыли облака, вставали тихие рассветы и полыхали огненные закаты. Жизнь в крепостице шла неспешно и размеренно. Мяса, овощей с

крохотных огородов и лесных фруктов было вдоволь, а купание прибавляло силы и снимало все заботы и печали.

— Из этой скалы течет настоящая «живая вода», — нахваливал источник Дауд. — Кто пил его воду, будет здоров и обязательно еще раз посетит наши края!

Вечерами он рассказывал бесконечные истории или сказки, а днем, если не пропадал в лесу, возился со своими гиенами. Одна из них, красавица с блестящей бледно-кремовой шерстью, покрытая яркими черными и медно-красными пятнами, с большими выразительными глазами и маленькими изящными ушками, привязалась к Амине. Каждый раз при виде ее она радостно скакала, задрав короткий хвост, словно в улыбке морщила губы, выпрашивала лакомства. Из волос ее гривы Амина и сплела заветный браслет, омочила его в источнике, а потом, шепча заклинания, одела на левое предплечье мужа.

Ранним утром всех будили петухи, а восход солнца зелено-оранжевый попугай, живший на дозорной башне, любимец Дауда, встречал криком: «Пожар!» Но за подобные проделки на него никто не сердился. Все знали, что свою службу он несет исправно и при появлении любого незнакомца истошно вопит: «Вор идет!»

Однажды глубокой ночью этим криком он всех и разбудил. Разом страшно взвыли гиены, вздыбив свои

гривы, и бросились к воротам. Там при свете факелов можно было рассмотреть несколько всадников фити.

— Альхаджи Муса, эмир Нуху просит тебя немедленно вернуться! — крикнул один из них. — К тебе прискакал гонец из Кано!

50

— Ду бист алман? — сидевший на земле со связанными руками Дмитрий получил удар по лицу.

— Эй, Мишю! Если хочешь узнать, немец ли он, то надо спрашивать правильно. Бист ду айн дойчер?

— Мой капитан, я университетов не кончал. Как не называй — дойчер ми или алман — все едино. Он — проклятый бош! Один из тех, кто убил моего отца и осквернил нашу прекрасную Францию! Говори, немецкая свинья!

Последовал новый удар. Дмитрий сплюнул кровь. Еще хорошо, что зубы пока целы. В другой обстановке этому обросшему рыжей щетиной сержанту можно было бы возразить, что император Наполеон III сам собирался пройти победным маршем до Берлина. Его генералы уверяли, что французская армия полностью готова к войне и уже застегнута «последняя пуговица на гетрах последнего солдата». Но на деле оказалось, что шквальный огонь стальных орудий Круппа сметал

вражеские полки, а немецкая разведка заранее знала не только об их расположении, но и о количестве кур и телят в деревнях, лежавших на пути от границы до самого Парижа.

Сильный пинок опрокинул Дмитрия. Он ткнулся лицом в пыль, но тут же попытался сесть. Это удалось, и он вновь прохрипело то, что за последний час повторял неоднократно.

— Я египетский купец, иду с караваном из Кано в Кацину. Ваши солдаты забрали у меня двух верблюдов. На них было три слоновьих бивня, орехи кола, ткани...

Новый пинок опять опрокинул Дмитрия навзничь.

— Замолчи, бош! Мой капитан, слышите, как он говорит по-нашему? Точно так же говорили немецкие солдаты, которые сожгли нашу деревню. Он шпион!

— Ты прав, Мишю. Он говорит с акцентом и у него белая кожа. Но повесить его мы всегда успеем. Позови Зизи!

Вскоре появился маленький человечек с обезьяньим лицом, в куртке, расшитой галунами, медалью на груди и соломенной циновкой в руках. Он отвесил поклон капитану, расстелил на земле циновку и уселся напротив Дмитрия.

— Расспроси его о городе Кано, Зизи.

— Слушаюсь, мой капитан. Какое место самое высокое в городе?

— Холм Далла. Возле него, в старину, кузнец Кано

нашел руду и начал плавить железо.

— Какая речка течет через главный рынок Кано?

— Джакара.

— Спрашивай дело, черная обезьяна! — не выдержал Мишо. — Привык в школе детям молоть чепуху!

— Сколько на рынке Кано стоит моя циновка?

— Твоя уже протертая, ей цена две тысячи каури. В квартале Гвале, где торгуют твои земляки из Сенегала, за новую просят пять тысяч, но отдают за четыре.

В Кано Дмитрий пробыл две недели и достаточно хорошо узнал этот город. Ежедневно Хасан водил его по улицам и рынкам, знакомил с родными и близкими. Показывал занимавшие целые кварталы мастерские кузнецов, ткачей, красильщиков и кожевников. Некоторые из них выглядели, как настоящие фабрики, на которых работало до пяти, и даже до восьми сотен мастеров и их помощников. На прилавках городских лавок и торговых рядов громоздились товары местного производства, а также изделия, привезенные из Англии, Германии, Италии и других стран.

Однажды у лавочки торговца забавными фигурками зверушек, пестро раскрашенных и обклеенных кусочками шкур, встретили мистера Кейнсона.

— Нигде больше не видел таких уморительных созданий! — приветствовал он друзей. — Эти слон и гиена украсят мой кабинет в Лондоне. Спасибо, Хасан

гисна украсил мой кабинет в Лондоне. Спасибо, Хасан. Для нашей встречи ты выбрал удачное место.

— Не бойтесь ходить по городу в таком виде? — спросил Дмитрий.

Англичанин был одет в светлый европейский костюм, на голове соломенная шляпа с широкими полями, какую носят пастухи в саванне.

— Ха! Это же «несравненный Кано»! Африканский Манчестер! В базарные дни на его улицах собирается до шестидесяти тысяч человек, торговцы из разных земель. Как-то наш посланец Клаппертон, лейтенант флота, решил прогуляться по улицам Кано в своей парадной форме. Думал, что посмотреть на его треуголку и мундир с галунами сбежится весь город. Но никто даже не обратил на него внимания!

— Мои новости не для улицы, — промолвил Хасан. — У этого торговца есть тихая комната. Зайдем, побеседуем.

— Французская колонна продолжает движение на восток, — сообщил он, когда все трое расположились за низеньким столиком. — Они идут очень медленно, на своем пути все жгут и грабят. Тучи пыли и дыма видны издалека. Но охрана у французов сильная, они высылают подвижные дозоры. Жители из тех мест бегут, а мои лазутчики ничего толком не могут сказать. Многие из них пропали без вести. Поэтому о численности колонны и ее составе точных сведений нет. Есть сообщение, что

следом за ней идет вторая колонна. Людей в ней мало, и она продвигается быстро. Ею командует подполковник Клобб.

— Знаю. Подробности о ней мне сообщат в ближайшее время, — с этими словами мистер Кейнсон выложил на столик отпечатанную в типографии схему, на которой можно было видеть весь район от берегов Нигера до озера Чад. Дмитрий так и впился в нее глазами: это не козья шкура, на которой планировал свои походы Раббех!

Заметив его реакцию, англичанин только усмехнулся.

— Представители Королевской компании Нигера интересуются не только состоянием местных рынков. Некоторые из них еще увлекаются составлением гербариев и этнографических коллекций. Теперь слушайте внимательно — первая колонна насчитывает около тысячи человек. В ее составе «африканские охотники» и «сенегальские стрелки», набранные среди негритянских племен. Все офицеры и часть сержантов французы. Командир капитан Вулэ, а помощником у него лейтенант Шануан, сын военного министра Франции. Каким путем пойдут эти силы я не знаю, но для всех нас они представляют большую угрозу.

— Они уже начинали движение, но заблудились и не нашли колодцы, поэтому вернулись к реке, — сказал Хасан. — Султан Сокото делает вид, что ничего не знает

о французах. Да у него просто нет войск, чтобы их остановить.

— Согласно последнему англо-французскому договору, земли султана войдут в состав нашей колонии, которая объединит все земли по берегам среднего и нижнего течений Нигера.

— Что же остается на долю Франции?

— Южные окраины Сахары. Земли там много, но воды почти нет. Из полезных ископаемых добывают соль и какую-то руду, из которой местные жители получают краску для росписи глиняной посуды. Мы посылали ее образцы в Лондон, там в ней не нашли ничего ценного — всего лишь уран. Плохо, что сейчас у нашей компании нет сил, чтобы остановить продвижение французов. У них в Сенегале и других портах Западной Африки сосредоточено свыше десяти тысяч солдат, и все они готовы посчитаться с нами за изгнание из Фашюды.

— Неужели у вас совсем нет сил? — усомнился Дмитрий.

— Вы же знаете, что во Франции армия формируется на основе воинской повинности, а в Англии — по найму. Поэтому в Африку они посылают регулярные части, а мы здесь содержим охранные отряды и полицию, пригодные только для мелких операций. Но сейчас, для того чтобы французы уважали договор, компания спешно приступила к формированию

договор, командный срок не препятствовал формированию западно-африканских пограничных сил в составе нескольких батальонов с артиллерией и инженерными частями. Конечно, все это делается с ведома правительства. В Лагос уже прибыл командующий силами Фредерик Лугард. Ему положили солидный годовой оклад в пятьсот фунтов стерлингов. Думаю, что эти деньги не пропадут даром — в Афганистане, Бирме и Восточной Африке он неплохо показал себя.

— Тем не менее сейчас французы могут забыть о договоре и заставить султана Сокото официально признать их власть.

— А потом они вторгнутся в Борну, — добавил Хасан.

— Раббеху мы помогали и будем помогать, — решительно произнес мистер Кейнсон. — На берегах Чада французам и немцам достанутся только болота и отмели с крокодилами. Но нам нужно получить точную информацию о колонне капитана Вулэ и попробовать ее остановить. Что, если напасть на французов? Здесь можно найти отчаянных парней?

— Французов все боятся, — ответил Хасан. — Желаящие повоевать найдутся, но они возьмут деньги и разбегутся.

— Я пойду навстречу колонне, — предложил Дмитрий. — В Кано Хасан представлял меня как египетского купца. Вот я им и стану. Узнаю, что

замышляют Булэ и его люди, сколько их. Где их слабое место. Давайте подумаем, как будем держать связь...

...Тогда все согласились с этим предложением, а сейчас Дмитрий сплевывал кровь и напряженно ожидал новых вопросов. Побой еще мог терпеть, но от удара рукояткой револьвера кружилась голова. При первой встрече именно зашедший сзади лейтенант Шануан и нанес этот удар, после которого и последовал допрос с пристрастием. Теперь он стоял в группе других офицеров, одетых весьма своеобразно. Их выгоревшая на солнце красно-синяя армейская форма вольно сочеталась с тропическим обмундированием, давно потерявшим первоначальную белизну и побуревшим от суданской пыли. Все они оживленно обсуждали недавний захват какой-то деревни и достоинства взятых там в плен девушек.

Ответы Дмитрия не удовлетворили сержанта. С крестьянской недоверчивостью к чужаку он в упор смотрел на пленного. Стиснутое воротом мундира, его лицо медленно наливалось гневом.

— Ты, грамотей вонючий, опять задом завилал! — гаркнул он. — Прямо спрашивай, почему бош шел в Кацину по дальней дороге!

— Уважаемый, господин сержант! — Дмитрий не стал дожидаться вопроса Зизи. — На базаре в Кано я услышал, что за вами следом идет вторая колонна французских солдат. Признаюсь, что хотел избежать с

ней встречи. Но ошибся и столкнулся с вашими дозорными. Они забрали у меня...

— Не ври, немецкая свинья! — проревел сержант. — Нет никакой второй колонны! Сейчас ты будешь говорить правду!

С этими словами он сорвал с Дмитрия одежду и принялся хлестать его плетью. Зизи вскочил с циновки, начал что-то шептать капитану Вулэ.

— Постой, Мишу! Поддай-ка мне браслет с его руки, — офицер повертел подарок Амины. От грубого рывка скреплявшая его полоска алой кожи лопнула и пучки волос рассыпались. — Откуда это у тебя, купец?

— Подарила знакомая женщина в Зарии.

— Вот видите, мой капитан, — подхватил Зизи. — Такие амулеты из волос гиены плетут только в этом городе. Он не врет. А что кожа у него белая, так в Египте живут такие белокожие черкесы, и они...

— Замолчи, Зизи. Купец, ты говорил о какой-то второй колонне. Повтори.

— В Кано пришел караван с запада, в одном переходе от Нигера его купцы встретили французских солдат, — громко произнес Дмитрий. Заметил, что офицеры прервали свой разговор и подошли ближе. — Толстый начальник расспрашивал их о дороге, говорил, что хочет догнать ваш отряд.

— Сколько их?

— Совсем мало, с ними нет даже носильщиков.

— Как зовут их начальника?

— Караванчики называли имя. Сейчас вспомню...
Вот! Кулаб или Калаб!

— Это же толстяк Клобб! — воскликнул лейтенант Шануан.

— Подполковник Клобб, любимец командующего войсками в Западной Африке Аршинара, — зло произнес Вулэ. — Что ему тут надо?

Этот вопрос вызвал бурную реакцию. Все офицеры заговорили разом, перебивая друг друга. Некоторые, потеряв самообладание, срывались на крик. Видимо, изматывающая жара и бесконечные марши по пыльной саванне порядком расшатали их нервы.

— Ему надо завладеть нашей добычей!

— Восьмой месяц таскаемся по этим проклятым местам, страдаем от лихорадки и поноса, а любимчики начальства сидят в канцеляриях и доблестно подшивают бумажки.

— Они хранят «штабную культуру»!

— Получают чины и награды!

— О-ля-ля! Они герои газетных писак и публичных девок!

— Ха! Вы упомянули о добыче. А сколько нагребил сам Аршинар? Например, в таком захолустье, как Сикасо?

— В Париж сообщил, что сокровища местного

царька оцениваются всего в двести пятьдесят тысяч франков золотом.

— Столько получила казна. А я знаю, сколько досталось ему — видел личный обоз командующего!

— Забудь об этом. В Сокото сами возьмем хорошую добычу!

— Господа, губернатор Гродэ строго предупредил, что нам нельзя нарушать границу английских владений.

— Плевать на приказы этого идиота! Если бы не дружба с министром колоний Делькассе, он так бы и оставался писарем в департаменте сельского хозяйства и никогда бы не стал губернатором!

— Сокото является английским владением только на бумаге.

— А мы и не будем переходить границу. Просто припугнем султана, и он раскошелится на полновесную контрибуцию!

— Но какая добыча ожидает нас в Борну!

— О, Борну — золотое сердце Африки!

— Друзья! — вперед выступил лейтенант Шануан. На фоне своих товарищей, давно потерявших бравый армейский вид, он выглядел подтянутым и бодрым. Почти элегантным. Его парижское произношение звучало как сладкое напоминание о далеких столичных бульварах, набережных над Сеной, кафе Монмартра... Слушали его очень внимательно. В подобной обстановке слова сына военного министра великой

Франции имеют особую цену. — Не для кого не секрет, что Делькассе тесно связан с марсельскими торговыми компаниями. Их цель — нажива. Они мечтают получать из Африки дешевый хлопок и арахис и ради этого готовы дружить с негритянскими князьками и даже продавать им оружие. Поэтому министр колоний хочет оседлать нас и контролировать каждый наш шаг. Он не понимает, что негры хитры и лживы, они не могут быть равноправными торговыми партнерами. До их мозгов доходят лишь идеи, подкрепленные быстрой и беспощадной расправой, на германский манер!

Громкие крики одобрения прервали речь лейтенанта.

— Тише, друзья! Теперь, когда мы проделали большую часть пути и почти достигли цели, министр и Аршинар посылают к нам подполковника Клобба. О! Вот когда на всех нас обрушится водопад выговоров и взысканий! Этот шпабной блюдолиз лишит нас законной награды, а в Париж пошлет блестящий отчет о своих подвигах и вскоре нашьет на свои штаны генеральские лампасы. А вы, боевые друзья, будете и дальше тянуть лямку в дальних гарнизонах. Но справедливость на нашей стороне! Франции нужны колонии, и она всегда поддержит своих доблестных сынов!

Все бурно приветствовали слова Шануана. Очень внимательно их выслушал и Дмитрий. В сложившейся

обстановке кое-что становилось более понятным, рождались некоторые предположения. Вот только как использовать полученную информацию?

— Тебе доводилось бывать в Борну? — Зизи тронул Дмитрия за плечо. Вопрос задал совсем тихо и по-арабски.

— Бывал.

— Хочешь жить?

— Да.

— Согласись проводить их туда. Иначе... — Зизи глазами указал на дальнее дерево, на ветвях которого ветер покачивал несколько трупов. — Берегись лейтенанта, он хуже зверя. Капитан не лучше.

Мишу заметил, что переводчик переговаривается с пленным.

— Отойди от него, дерьмо! Мой капитан, боша повесить или бросить в колодец?

— Он знает дорогу в Борну! — во весь голос прокричал Зизи.

Такая новость произвела на собравшихся самое благоприятное впечатление. Дмитрия развязали, разрешили встать... Он медленно распрямился, онемевшие руки были как чужие, спина горела огнем.

— Зизи не врет? — спросил Вулэ.

— Шел через Борну по дороге из Египта в Кано, мой капитан.

— Где научился говорить по-французски?

— где научился говорить по-французски?

— В Александрии служил младшим приказчиком в магазине господина Шарне. Он торгует...

— Слышал об этой марсельской компании. Как твое имя?

— Муса ад-Дин ибн Шарух, мой капитан. Я покажу вам дорогу в Борну, но сколько вы положите мне за труды? Ваши воины забрали у меня...

— Сержант объяснит твои обязанности. Будешь верно служить, получишь свою долю добычи. Если вздумаешь хитрить или собьешься с дороги, то выколем глаза и отрежем язык. Мы всегда так наказываем проводников. Но твое имя невозможно запомнить.

— Послушай, Вулэ. Сержант так исполосовал ему спину, что теперь этого араба можно назвать Крещенным!

— Ха-ха-ха! Шануан, у тебя всегда было отличное чувство юмора! Эй, доктор, чем-нибудь смажь Крещенному спину, пока его мясо не начало гнить.

51

Так Дмитрий оказался в составе французской колонны, где, благодаря знанию языка, стал одним из посыльных при штабе. После того, как совершил несколько мелких ошибок, за которые тут же был жестоко избит, начал разбираться в этом скоплении

людей и животных. Мордобой, плети и угроза виселицы поддерживали порядок и обеспечивали ежедневное продвижение на восток такого вооруженного табора.

Скоро понял, что главным стимулом этого движения был не страх, а жажда добычи. Ударную силу колонны составляли шесть сотен стрелков, большинство которых было завербовано в Сенегале. Кроме них, имелись набранные в пути вспомогательные отряды, а также многочисленные носильщики и погонщики скота. Всеми управляли небольшая группа французских офицеров и сержанты, которые весьма ревностно исполнили свои обязанности, следили за порядком, наказывали нерадивых, награждали достойных. Награды были разные — двадцать—тридцать стеклянных бусинок носильщику, корзина проса пастуху, несколько голов крупного рогатого скота или овец — стрелку. Но высшей наградой были пленные. За каждого из них в среднем платили по триста франков. Именно такую сумму приказал записать на свой счет капитан Вулэ, объявивший, что только благодаря его энергии состав колонны пополнился Крещенным. Вскоре Дмитрий сам стал свидетелем дележа добычи. В лагерь вернулся дозор, который захватил почти три сотни коров, пятсот баранов, восемьдесят жителей, много продовольствия и всякого добра. Победителей встречали торжественно, капитан сказал похвальное слово, а барабанщики отстукивали веселую мелодию. Затем возглавлявший дозор

отступали веселую мелодию. Затем возглавлявший дозор долговязый сержант доложил, что жители деревень Дерна и Тибери оказали сопротивление и ранили несколько стрелков. Данные населенные пункты уничтожены, а все нападавшие истреблены. Как доказательство победы, к ногам капитана высыпали целый ворох отрубленных кистей рук.

— Молодец, сержант! — похвалил его Вулэ. — Зизи, пересчитай руки и запиши в наш реестр. После окончания похода в официальном отчете укажем точную цифру уничтоженных врагов. Шгатская сволочь в тылу будет знать, какой ценой мы добывали победы.

— Мой капитан, — негромко произнес Шануан. — Зачем они привели двадцать женщин с детьми? Все равно они передохнут в походе. Надо бы...

— Правильно! Наказать для примера, чтобы никто больше не вздумал оказывать нам сопротивления. Действовать копьями!

— Решительно, на германский манер! — с пафосом воскликнул Шануан. — Война должна кормить войну! Окончательный расчет наши храбрецы получают после возвращения в Сенегал, а сейчас выдаем только аванс!

Стоявший неподалеку Дмитрий увидел округлившиеся глаза лейтенанта и внутренне содрогнулся. Они были совсем как у Бегит-паши. Неужели и этот курит травку? Или просто звереет от вида крови, как гаденыш Сайд?

Приказ капитана был исполнен немедленно, а затем последовал дележ добычи. Сначала Вулэ что-то отмечал в своей записной книжке, сверялся со списком представленном Зизи, а потом объявил о доле, которая причитается французской казне. Остальное стрелки делили самостоятельно. Не обошлось без крика и зуботычин.

Вечером того же дня выяснилось, что несколько носильщиков стащили со склада мешок муки. Хотя все знали, что последние дни продовольствие совсем не выдавалось, они были наказаны. К провинившимся отнеслись милостиво, дали всего по десять плетей, а Мишю, как старший сержант колонны, снисходительно улыбаясь, посоветовал им быть более расторопными и научиться самим добывать еду в захваченных деревнях. Только один из носильщиков не осознал своего проступка и что-то недовольно проворчал. Поэтому потенциальный бунтовщик был расстрелян на месте.

Вечером у костра Мишю пустился в воспоминания о походах в соседние страны. Зизи, Дмитрий и остальные посыльные удостоились чести сидеть рядом и с почтительным вниманием слушали своего непосредственного начальника.

— А в Дагомее мы сражались с войском баб, — рассказывал сержант. — Сперва их король Беханзина принял нас хорошо, угостил на славу, подписал договор с Францией и устроил праздник. Вот тогда мы и

увидели его амазонок. Девки молодые, грудастые, в красных шапочках и расшитых мундирчиках, которые едва прикрывали их ляжки. Тогда мы решили, что всласть позабавимся с этими солдатиками. Только на деле все вышло не так уж весело. Король Дагомеи нарушил договор и начал войну.

— Как же он осмелился?! — громко изумился один из слушателей.

— За право разместить наши посты на дагомейском берегу океана наш губернатор обещал платить королю двадцать тысяч франков в год. Конечно, денег таких у нас не было, а векселя этот дикарь брать не хотел. Да еще и обиделся, а потом двинул на нас своих головорезов. Оказалось, что у них есть настоящие пушки! Так что нам здорово досталось. Был слух, что артиллеристами у него были наняты немцы, но потом стало ясно, что в нас стреляли негры, которые дезертировали из французской армии.

— С девочками-то как? Их много положили?

— Не дай Бог еще раз увидеть такое! — сержант сердито сплюнул. — У короля их было около трех тысяч и в атаку они ходили, как кадровые гренадеры. Ничего не боялись! В тех краях кругом густой лес и болота, так они нападали внезапно, и днем и ночью... Как-то раз делали мы переход, и мой приятель Луи отступил на шаг с тропы, решил помочиться. Все произошло в один миг — из-за ветвей появилась черная пукка с кинжалом и тут

же Луи валится с перерезанным горлом. Я сорвал винтовку с плеча и выпустил в тот куст всю обойму. Бросились в чашу, а там только красная шапочка качается на ветке... Не хочу больше об этом и вспоминать!

— Господин сержант, не покажите ли те чудесные золотые вещицы, что вы добыли во дворце короля Уагадугу? — Бывший школьный учитель Зизи прекрасно помнил, как отвлечь внимание грозного преподавателя и тянуть время до конца урока.

Мишу расплылся в довольной улыбке и достал из сумки на поясе несколько мелких фигурок. Были среди них искусно отлитые рыбки, птицы, цветы, странные рогатые маски людей, каждая не больше ногтя.

— Все это взято в бою, в горящем дворце. Вот эту птицу смерти — видите, на каждом крыле она несет пушку, а в клюве держит бочонок пороха, — я снял с начальника королевской стражи. Лично заколол его штыком! В тот день наш доблестный капитан Вулэ приказал никого не падать, и мы...

В это время раздался мелодичный звон. Сержант поспешно вытащил из кармана часы и щелкнул крышкой.

— Эх, чтоб вас всех! Уже восемь часов! Проверка караулов. Зизи и Крещенный на правый фланг, Сопляк и Вонючка — на левый! Коко и остальные проверяют

оооз. живо поворачивайтесь, мерзавцы! Через час вечерний доклад у капитана!

Двигались среди шалашей и навесов, мимо людей сидевших у костров, выслушивали краткие рапорты дозорных. Выходили на линию оцепления и настороженно всматривались в бездонную тьму саванны. Еще в самом начале своей новой службы Дмитрий понял, что обеспечить надежную охрану такого количества людей и скота весьма трудная задача. Поэтому не очень удивился, когда возникший из темноты Хасан дотронулся до его плеча. Шедший впереди Зизи не обратил на это внимания. Он спешил к кострам недавно завербованных хаусанских стрелков, где шумная ссора уже переходила в драку.

— Мои земляки отвлекут его внимание, — произнес Хасан. — Ребята шли наниматься к англичанам, но перепугали их с французами. Теперь будут знать разницу. Что тебе удалось узнать?

После этой ночной встречи прошло еще несколько дней. Колонна продолжала движение. Теперь население встречавшихся на пути деревень при малейших признаках недовольства или попытках укрыться обвинялось во враждебных намерениях и поголовно забиралось в плен. Все неспособные двигаться — старики, женщины и дети — уничтожались на месте. За колонной тянулись бесконечные вереницы носильщиков, груженных захваченным

продовольствием и имуществом, брели огромные стада. Высоко над горизонтом поднимались столбы дыма и густые тучи пыли. Хищные птицы и звери двигались следом, поедая брошенные в сожженных деревнях и прямо на дороге трупы, приканчивая раненых и больных, которых десятками находили на каждом привале.

Стрелки окончательно утратили воинскую дисциплину и превратились в грабителей и конвоиров, почти ежедневно устраивавших шумный дележ добычи. Относительный порядок сохраняла лишь группа французов и их приближенных, но азарт охоты за пленными и скотом также не оставлял их в стороне. Постоянные расправы над беззащитными людьми (ради экономии патронов обычно действовали холодным оружием) не могли не повлиять на психику остальных, быстро забывших о человечности и потерявших над собой контроль. Сказывалась и погода — духота и влажность жаркого сезона «алыгазари», когда солнце печет сквозь низкие дождевые облака, тучи насекомых поднимаются из луж и протоков, а вода во многих водоемах начинает цвести. В такие дни случается падеж лошадей и скота, а люди жалуются на бессонницу, расстройство желудка и становятся раздражительными без всякой причины.

Именно в таком взвинченном состоянии и был капитан Вулэ, когда к нему привели Дмитрия.

Начальник сидел в редкой тени дерева и чертыхаясь изучал какие-то бумаги.

— Крещенный, помнишь дорогу в Борну?

— Так точно, мой капитан!

— Видишь план местности? Меня уверяют, что мы должны свернуть на север. Что скажешь?

— Такой поворот значительно удлинит путь, мой капитан, — Дмитрий внимательно рассматривал нарисованный план. У мистера Кейнсона схема была печатная, имела меньшие белых пятен, а расстояния дополнялись указаниями долготы и широты. Если верить Хасану, сейчас он и сам находится где-то поблизости. Но всего этого говорить не стал. — На юге мы выйдем к рекам с проточной водой, от которой скотина не дохнет, а люди не болеют. На севере же для такой большой колонны, как наша, нет ни воды, ни травы.

— Но идя на юг, мы пересечем границу английских владений, — произнес один из стоявших рядом офицеров.

— Молчать! — взорвался Вулэ. — Что нам англичане! Если захватим Борну, нам простят любое нарушение инструкции. Отец Шануана министр, и он позаботится об этом. Кто из вас слышал об англичанах в этих краях? Никто! Крещенный, ты слышал?

— Никак нет, мой капитан!

Тогда он с ним говорит... что-то...

— Тогда не о чем говорить, — уже гораздо спокойнее произнес Вулэ. — Мы пойдет вот так — напрямик через излучину реки Рима. Понял?

— Так точно, мой капитан!

— Сержант Мишю прав, ты сообразительный малый. Смотри, не ошибись.

Дмитрий не ошибся.

52

Встреча с английским конным дозором состоялась в намеченное время и в намеченном месте. Но знали об этом немногие. Границу, никак не обозначенную на местности, пересекли еще в темноте, поэтому изумление было взаимным. Последовали вежливые приветствия, рукопожатия, улыбки. Никаких претензий или расспросов. Встреча произошла чисто случайно. Просто дозор, как выразился его начальник, розовощекий лейтенант, совершает обычный объезд пограничного района. Однако местность еще не нанесена на карту, и возможны недоразумения.

Семь бравых всадников в походной форме песчаного цвета, двое чернокожих слуг и несколько лошадей с поклажей подтверждали правоту его слов. В этой группе несколько выделялся лишь мистер Кейнсон. Осунувшийся и постаревший, с темными мешками под глазами, он как-то неловко сидел в седле. В таком

возрасте трудно мотаться верхом по саванне. Тем не менее его голос звучал бодро и четко, когда он несколько церемонно представился как агент Королевской компании Нигер.

— Приношу глубокие извинения, но это по моей просьбе патруль конной полиции Нигера несколько углубился в пределы французской территории и таким образом нарушил границу, установленную на основании четвертого пункта соглашения о разграничении сфер влияния в Африке между двумя нашими странами, — одним духом выпалил он и, улыбнувшись, добавил: — Надеюсь, это маленькое недоразумение не повлияет на отношения наших великих держав. Однако, если вы желаете, мы немедленно, с помощью геодезических инструментов, определим наше местоположение и составим акт о нарушении границы.

— Никаких бумаг, господа! Мы не бюрократы! — капитан Вулэ не скрывал своего удовлетворения. Ему стало ясно, что англичане сами не знают, где проходит граница, а он может проявить великодушие и выступить в роли гостеприимного хозяина. — В этих африканских дебрях цивилизованному человеку легко заблудиться. Как это случилось с капитаном Маршалом на берегах Нила. Не согласились бы вы отобедать с нами?

— С огромным удовольствием, — мистер Кейнсон расплылся в лучезарной улыбке. — Кстати, могу ли я

увидеть подполковника Клобба? мой большой друг, французский консул в Лагосе, просил срочно передать ему этот пакет.

— Подполковник Клобб? — Вулэ сохранял полное самообладание, и не менее лучезарная улыбка не сходила с его лица. — Разве он не в Сенегале?

Стоявший рядом Шануан удивленно округлил глаза. Остальные офицеры, кто развел руками, кто плечами пожал.

— Странно. Консул заверил меня, что подполковник должен был возглавить вашу колонну... Видимо, это какое-то недоразумение. Как вы знаете, Лагос имеет телеграфную линию с Лондоном, но к ней подключены и другие портовые города Западной Африки. Вполне могут быть помехи и искажения, техника такое ненадежное дело. Нашей компании телеграф порой приносит самые фантастические данные о мировых ценах на пальмовое масло и какао. Если желаете, мы можем послать и ваши телеграммы, это можно будет сделать по самому льготному тарифу.

— Спасибо, но мы имеем собственную линию связи, — улыбнулся капитан в ответ на столь неуместное проявление английского корыстолюбия. — Заверяю вас, что послание консула будет передано адресату, где бы он не находился. Через час ждем вас за нашим столом.

Обед удался на славу. Гостеприимные хозяева

постарались и с блеском продемонстрировали непревзойденное качество французской кухни, способной придать изысканный вкус казенным пайкам даже в саванне. Правда, походное застолье не отличалось изящной сервировкой, но сияние хрусталя и столового серебра заменял блеск галунов парадных мундиров и боевых наград. Чисто выбритый сержант Мишо превратился в величавого дворецкого и четко распоряжался взводом лакеев и поваров, ради такого случая одетых в чистые рубахи.

Кроме того, капитан Вулэ пустился на маленькую хитрость и, ради придания большей торжественности, усадил за отдельный стол Дмитрия, Зизи и Вонючку. Из награбленной одежды им подобрали соответствующие наряды и украшения, а также дали инструкции, как вести себя во время обеда. Таким образом все они должны были сыграть роль верных союзников Франции. Дмитрию выпало представить шейха одного из кочевых племен Сахары, а остальным — вождей диких лесных народов.

Мистер Кейнсон и розовощекий лейтенант нахваливали угощение, а капитан Вулэ и несколько его офицеров рассыпались в любезностях. Важных тем касались совершенно случайно.

— Попробуйте цесарку под манговым соусом, — ворковал лейтенант Шануан. — Удивительно, как вам удастся странствовать по землям султана Сокото с таким

небольшим отрядом.

— Соус просто великолепен, — отозвался мистер Кейнсон. — Дело в том, что еще в 1885 году наша компания подписала договор с тогдашним султаном Умару. Теперь ежегодно платим миллион каури его приемнику, но имеем право вести торговлю на всей территории султаната.

— Обратите внимание на тыкву, тушеную с арахисом, — посоветовал Вулэ. — А у вас не возникает проблем с другими владыками?

— О, трудностей много. Но, к счастью, все эти правители не представляют единой силы. Их владения разрозненны, и между ними лежат обширные незаселенные территории. Что касается саванны, то здесь существуют, как отметил один из наших ученых-африканистов, настоящие «кочевые империи».

Возьмите, например, Раббеха. Сын плотника с горсткой воинов прошел пол-Африки и сейчас правит государством с пятимиллионным населением. Правда, он очень умело воспользовался помощью нескольких местных князей. А кто эти трое?

— Наши преданные друзья, — ответил Вулэ, который с трудом скрывал переполнявшие его чувства. Этот старый англичанин с землистым лицом явно страдал от жары и плохо соображал. Обмануть такого не составит труда. — Они настоящие дикари, но уже сделали первые шаги на пути к цивилизации. Только с

сделали первые шаги на пути к цивилизации. Только с шейхом приходится объясняться на его наречии.

— Я владею арабским.

С большим почтением мистер Кейнсон задал несколько вопросов Зизи и Вонючке и услышал от них многословные заверения в верности Франции. Вот только мнимый шейх, как и подобает потомственному грабителю купеческих караванов, был краток. Он откровенно заявил, что две тысячи его всадников готовы выполнить любой приказ капитана Вулэ, чьим именем по всей саванне матери пугают детей.

— Какой вкус, тыква просто тает во рту! — старый хитрец внимательно выслушал Дмитрия и даже причмокнул от удовольствия. — Вижу, что у вас, капитан, могучие союзники и больше шансов стать повелителем саванны, чем у одного молодого парижанина, объявившего себя императором Сахары. Простите, я забыл его имя, но недавно видел его фотографию в «Иллюстрейтед Лондон ньюс». Очень милый юноша, стоит с зонтиком в руке у подножия Эйфелевой башни.

— Тыловая крыса! — не выдержал лейтенант Шануан.

— О, я понимаю вас, господа! В Лондоне также много людей, готовых присвоить плоды наших достижений.

— Если бы мы обладали малой частью ваших сил,

то достигли бы большего и чувствовали себя более уверенно среди всех этих султанов и эмиров! — подхватил розовощекий лейтенант.

— Такому небольшому отряду, как ваш, весьма рискованно передвигаться в незнакомой местности.

— Но у нас есть пулемет. Везем его на двух лошадях в разобранном виде. Собрать можно за короткое время, а он делает почти четыреста выстрелов в минуту и заменяет добрую сотню стрелков.

— Извините, мой друг, — капитан Вулэ снисходительно взглянул на английского офицера. — Но это оборонительное оружие, которое годится только для обстрела подступов к крепостям и фортам. Оружие дорогое и сложное, требующее специально обученных солдат и огромного количества боеприпасов. В тоже время оно не дает необходимого процента попаданий в цель, что на дальнем расстоянии делает его весьма неэффективным. Да вы лучше послушайте сержанта Мишу, он служил в пулеметной команде.

— Так точно, мой капитан! — Польщенный вниманием, Мишу звонко щелкнул каблуками. — Чертова машина постоянно капризничала и выходила из строя. То стреляла одиночными, то разом выпускала всю ленту с патронами. При стрельбе ствол так раскалялся, что пули плавились и вылетали из дула, словно плевки. Чтобы охладить его, заливали воду в кожух, а когда ее не было, то просто в него мочились. Так часто случалось на

полевых занятиях. Но представьте себе боевую обстановку и взвод со спущенными шганами, который топчется у пулемета, как у дверей сортира. Прав был начальник нашей команды, который говорил, что пулемет не женщина, может и отказать!

— Обороне нет оправданий, и для французского солдата существует только наступление! — торжественно произнес лейтенант Шануан. — Воля к победе и стремительный порыв вперед — девиз каждого нашего офицера. Все приказы и инструкции должны вдохновляться решимостью захватить инициативу на поле боя. Знал одного офицера, который начитался ученых статей о будущей войне и решил научить своих гусар копать окопы. Он моментально вылетел с командной должности и теперь учитывает солдатские шганы на каком-то складе!

Несколько обиженный английский офицер упомянул было о возможности усовершенствования пулеметов, которые обеспечат такую плотность огня, что заставят противников зарыться в землю и даже отказаться от красивой традиционной формы, сменив ее на что-либо менее заметное. Но профессионалы быстро доказали его неправоту. При поддержке скорострельных пушек стремительные штыковые атаки сметут любого врага, а голубые шинели и алые кепи были, есть и будут гордостью французской армии. Кто-то достал, уже попялком затертую вырезку из газеты «Эко де Пари», в

порядком запертую дверь из тисового дерева до упора, в которой утверждалось, что тот, кто выступает против красных рейтуз французского пехотинца, подрывает славные боевые традиции и дух нации. Щеки англичанина из розовых стали пунцовыми, и он хотел что-то возразить, но тут мистер Кейнсон заявил, что кофе с коньяком неподобен. Он поблагодарил хозяев за угощение и напомнил, что луна взойдет через час. Поэтому дозор сможет продолжить свой путь и в ночное время.

53

Как только англичане уехали, капитан Вулэ осушил полный стакан коньяка и громко расхохотался:

— Давно не встречал таких дураков! А сколько спеси и апломба!

— Ты остроумно напомнил им о Маршане. Сами оказались с таком положении!

— Жалкие торгаши, совсем забыли о доблести и чести — сколько лет платят дань султану Сокото!

— Каждый год миллион каури! Это не меньше шести тысяч фунтов стерлингов!

— Черт с ними! Вулэ, вскрывай пакет, — решительно произнес Шануан. — Посмотрим, что привез этот старый козел. А вы трое, уберите!

Дмитрий не стал уходить далеко. Устроился так, что

ему были видны темные силуэты на стенах палатки и хорошо слышны голоса офицеров.

— Консул пишет, что до губернатора дошли, как он выражается, сообщения о «печальном образе действий» нашей колонны. Клоббу поручено нас арестовать, взять командование в свои руки и как можно быстрее двигаться к озеру Чад.

Хор возмущенных голосов прервал Вулэ. Яростно размахивающие руками тени заплясали на стенах палатки.

— Тише, господа! Тише! Слушайте дальше. Есть и хорошие новости! Консул предупреждает, что подполковнику следует действовать осторожно и не перестараться в выполнении приказа. Есть слух, весьма похожий на правду, что губернатор Гродэ будет отозван со своей должности в самое ближайшее время! Согласно последним сообщениям из Парижа, позиции и самого министра Делькассе весьма непрочны! В правительстве и обществе многие недовольны тем, что наш славный командующий Аршинар до сих пор не обеспечил захват Борну, где англичане и немцы не теряют время даром. Консул намекает, что губернатором станет полковник де Трентиниан!

— Ура! Наш славный старик!

— Это он отказался от гражданской службы и остался в армии. Сказал, что лучше быть генералом, чем министром!

— Хорошие новости. Теперь нам Клобб не страшен!

— Письмо подлинное? — раздался негромкий голос доктора.

— Написано на казенном бланке, почерк, как у всех наших писарей. На подпись консула взгляните сами.

— Да, это его подпись.

— Странно, что такого рода письмо поручено писать подчиненному.

— Ах, оставьте, доктор! Об этих секретах знает уже весь Париж, и ваши подозрения...

— Спокойно, господа! К письму приложен официальный бюллетень Комитета Французской Африки. Сами знаете, что эта организация создана на деньги наших славных банкиров и торгашей, но она финансирует и многие начинания колониальной администрации. В том числе и походы наших колонн.

— Мой капитан, это всем хорошо известно. Что написано в бюллетене?

— Это выдержки из выступлений некоторых депутатов Национального собрания и статья из газеты «Тан». Консул специально подчеркнул их и приписал, что они характеризуют настроения части общественности и деловых кругов, которые выступают против нашей политики в Африке.

— Разрешите мне взглянуть на этот бюллетень, —

сказал доктор. — Когда-то я опуоликовал в нем несколько заметок, касающихся проблем тропической медицины... Странно, бумага и шрифг другие...

— Боже мой! Мы же восемь месяцев с боями идем по саванне! — Шануан почти сорвался на визг. — Думаете, во Франции вся жизнь остановилась и ничего не меняется!

— Доктор, если вы такой недоверчивый, то дальше читайте сами.

— Благодарю вас, мой капитан... О! Что они здесь пишут!.. «В Африке установление границ колониальных владений закончилось и пора прекратить формирование и отправку вооруженных колонн... Посланные наудачу, их командиры набирают собственные вспомогательные отряды, опустошают селения и сознательно раздувают мелкие инциденты до размеров мятежа... Жестокий и необузданный, испорченный условиями колониальной жизни, французский офицер в Африке забывает о дисциплине... Он охвачен манией погони за чинами... Его болезненное тщеславие...»

— Заткнись! — заорал Вулэ.

— Это оскорбление всей армии! — подхватил Шануан.

Их поддержали остальные, и казалось, что палатка взлетит на воздух от возмущенных криков и проклятий в адрес депутатов, журналистов и всех штатских.

Неизвестно, как долго продолжалось бы это бурное

обсуждение и проявление чувств, но в палатку вбежал сержант Мишо. Он объявил, что часовые задержали несколько пастухов, которые пытались бежать из лагеря. На первом допросе выяснилось, что они собирались продать скот англичанам.

— Штыками их! — прокричал лейтенант Шануан. — Штыками в живот! Чтобы вывалились все кишки!

— Успокойся! — Голос Вулэ звучал удивительно спокойно. — Господа, все выпейте и успокойтесь. Мишо, собери представителей всех подразделений и немедленно казни виновных. Перерезать поджилки и бросить в колодец. Выступаем в поход рано утром. Скажи Крещенному, что уходим с английской территории и продолжаем движение на восток. Оказывается, он тогда не соврал — Клобб идет следом за нами.

— Он же догонит нас в ближайшее время!

— Что будем делать?

— Я сказал — успокойтесь! Доктор, передайте мне эти бумаги консула. Теперь, когда мы имеем достоверную информацию, с подполковником Клоббом будет другой разговор. Мы сами придем в Борну. Англичанин не зря упомянул о Раббехе. Нам не стоит бояться штабных интриг. Запомните все — победителей не судят!

Следующий день был таким же душным и жарким.

как и все предыдущие. Теперь люди шли по почти безлесой местности, продуваемой ветрами из недалекой Сахары. Редкие кусты и пучки выгоревшей травы не радовали глаз. Густой воздух застревал в горле. А тут еще у деревни Данжори случилась беда. Непоенная скотина почуяла запах воды и бросилась к небольшому водоему на ее окраине. Обезумевшее от жажды многотысячное стадо вышло из-под контроля пастухов и сметало все на своем пути. За скотом последовали и выючные животные и все подразделения колонны перемешались. Долго потом восстанавливался прежний порядок. Офицеры и сержанты, которые не жалели плетей и зуботычин, охрипли от ругани и крика и едва стояли на ногах.

В это время дозорные сообщили, что на горизонте появился вооруженный отряд.

Вулэ и его офицеры внимательно смотрели, как с ближайшего холма спускаются люди в военной форме. Французской. По сравнению с громадным скоплением стрелков, слуг, носильщиков их было до смешного мало. Видимо, это понял и шедший впереди их начальник. По его приказу люди развернулись цепью и встали на пути колонны. В наступившей напряженной тишине более тысячи людей ждали, что произойдет в ближайшие минуты.

Затем начальник решительно направился к колонне.

Был он худощавый и высокий, с его спущенным

был он приземист и краснолиц, а его единственный спутник — высок и худощав. Уже можно было различить нашивки подполковника на одном и погоны лейтенанта на другом.

— Я подполковник Клобб. Прибыл по приказу высших военных и гражданских властей Французского Судана. Вступаю в командование данной колонной, — подполковник повысил голос. — Капитан Вулэ, сдайте командование! Представьте немедленно все текущие бумаги и денежные документы!

Все молчали. Только было слышно, как высоко в небе хрипло перекликаются коршуны, не покидавшие колонну всю дорогу. Замолчали даже болтливые служанки, вечно обсуждавшие странное поведение своих белых господ.

Громко стуча сапогами, из рядов вышел сержант Мишю. Четко печатая шаг подошел к подполковнику и отдал честь.

— Капитан Вулэ просит убрать ваш отряд с дороги. Идите своим путем.

— Сержант, вы обязаны выполнять приказы старшего по званию. Приказываю принести его оружие, а самого доставить ко мне!

— Капитан Вулэ просил передать, что, если вы не уйдете с его дороги или продвинетесь еще на шаг, он вас пристрелит. Вот его письменное предупреждение.

Подполковник взял листок из рук сержанта и какое-

то время изучал его. Медленно и старательно разорвал его на мелкие клочки и бросил. Словно снежинки закружились они над раскаленными песчаными холмами. Затем он молча направился к колонне, впереди которой стоял капитан.

— Эй, Клобб, послушай! — крикнул Вулэ. — Нам нечего делить, Африка большая. Остановись!

Подполковник приближался не говоря ни слова. Следом за ним шел лейтенант, положивший руку на кобуру пистолета.

— Так ты явился, чтобы забрать мое добро! Тогда я сейчас убью тебя, прихвостень Аршинара! — прокричал Вулэ и выхватил револьвер.

Раздался выстрел, и подполковник упал. Лейтенант бросился к нему, склонился и вдруг закричал:

— Он убит!

В его руке блеснул пистолет, но грянул второй выстрел, и офицер схватился за простреленное плечо.

— Что вы наделали, капитан! — ахнул доктор. Но все остальные молчали, потрясенные случившимся.

— Слушайте все! — Вулэ взмахнул еще дымящимся револьвером. — Я теперь нахожусь вне закона! Заявляю, что отрекаюсь от семьи и родины! Теперь я — свободный африканский вождь! Владыка саванны! Кругом лежат необъятные долины, горы, пастбища по берегам могучих рек! Под командой у меня шесть сотен преданных стрелков, ветеранов победоносных походов.

И не меньшее число молодых бойцов. Винтовок и патронов у меня хватит для всех! С ними я создам собственное королевство и не боюсь ничего! Чтобы нас одолеть, потребуются тысячи солдат регулярной армии и миллионы франков. Засевшие в нашем правительстве трусы и болтуны никогда не решаться на такие расходы. То, что я сделал сейчас, не что иное, как государственный переворот. В свое время так же поступил Наполеон! Если бы мы были в Париже, то сейчас я бы стал владыкой Франции!

В ответ прозвучали восторженные крики лейтенанта Шануана и еще нескольких человек. Большинство французов и многие их помощники из местного населения растерянно молчали. Только на лицах сенегальских и хаусанских стрелков, привыкших к стрельбе и крови, сияли широкие улыбки. Сегодня на их долю выпало редкое зрелище — наблюдать, как всемогущие белые повелители пускают кровь друг другу из-за дележа награбленной добычи. Совсем как обыкновенные воры! Будет о чем рассказать односельчанам вечером у костра!

— Друзья! — продолжал Вулэ. — Сегодня у нас праздник освобождения. Отдыхайте, пируйте, веселитесь! Доктор, окажите помощь раненому лейтенанту, а ты, Мишо, распорядись, чтобы похоронили подполковника. И не забудь, чтобы на могилу наложили побольше камней иначе гиены

мортилу паложили посылыш кампеси, ипаче тиспы растащат его кости. Завтра мы продолжим путь на восток! К озеру Чад! К сокровищам Борну!

Весь день над лагерем столбом поднимался дым костров, на которых жарилось мясо и варилась душистая похлебка. Стрелки, пастухи, носильщики и прочий лагерный люд ел до отвала, пил раздобытое в деревне пиво, стучал в барабаны, пел и плясал. А в офицерских палатках вино лилось рекой и шли жаркие споры о том, что делать дальше. Самые отчаянные головы выступали за продолжение похода на восток и создание собственного государства. Потом можно будет стать протекторатом Франции и зажить не хуже африканских и азиатских королей и князей, которые отлично устроились под властью британской короны. Более осторожные предлагали забыть о новых авантюрах и поскорее вернуться в родные гарнизоны. Кто-то заметил, что в убийстве подполковника Клобба виноват лишь капитан Вулэ и в какой-то мере лейтенант Шануан. Что касается остальных, то им нечего опасаться наказания. Особенно, если они чистосердечно во всем покаются.

Во всех этих спорах Дмитрий не принимал участия. Операция приобрела несколько неожиданный характер, но тем не менее ее следовало довести до конца. Сейчас наступал главный момент.

Поэтому он сидел в стороне и слушал, как

ораторствовал Хасан. Рядом с ним у костра пристроился Зизи и переводил слова хаусанца своим землякам. Их слушали очень внимательно, согласно кивали, одобрительно прищелкивали пальцами или хлопали в ладоши. Иногда Хасан замолкал и кто-нибудь из слушателей высказывал свое мнение. Происходил традиционный совет, и хотя эти писаря, капралы, десятники и смотрители были уроженцами разных племен и народов, но все они отлично понимали друг друга. Они не первый год имели дело с европейцами, и им не требовалось вести длинные речи, чтобы договориться о том, как соблюсти собственный интерес в создавшейся обстановке.

— Вот я и говорю, — продолжал Хасан. — Зачем нам дальше тащиться на восток? У каждого уже набрано много скота, пленных и всякого добра. Кто знает, когда и сколько заплатит нам капитан! А впереди нас ожидают скудные пастбища, редкие колодцы с соленой водой, разбойники шува и базингеры Раббеха. Каждый знает, что в походе можно хорошо нажиться, но можно и все потерять. Местные жители предупреждают, что наступило время «альгазари», и в некоторых деревнях уже начался падеж скота... Как говорят старики, лучше один заяц в котле, чем десяток в саванне.

Слушатели дружно закивали. Раздались одобрительные голоса.

— Нельзя возвращаться домой с пустыми руками.

— Весь Сенегал будет издеваться над нами, если вернемся без скота и пленных.

— Капитан совсем озверел от крови.

— Теперь уже убивает и своих.

— Воистину, пора расходиться по домам.

— Это что за сборище обезьян! — гаркнул внезапно появившийся из темноты сержант Мишо. — Разойтись! Плетей захотели? Или в петлю? Ваше дело исполнять приказы, а не умничать. Что это за рябая рожа! Не видел тебя раньше. Пойдем к капитану!

Быстро схватив одной рукой Хасана за шиворот, сержант выхватил револьвер. От неожиданности все растерялись. Один только Зизи встал на его пути, склонился до самой земли.

— Господин сержант! Мы не делали ничего плохого. Просто слушали сказки и истории, которые рассказывал этот странник.

— Пошел вон! — Мишо щелкнул предохранителем. — Сейчас вызову патруль и вы все встретитесь с капитаном. Вот только будете рассказывать ему правду. Сказок он не любит!

Но прежде чем сержант дал сигнальный выстрел, Дмитрий метнул нож.

— Мог бы ударить ему и не в шею, — недовольно проворчал Хасан. — Меня всего залило кровью.

— Не болтай глупостей. Где твои стрелки? Начинайте работать!

...м инстинкты распознали.

Через несколько минут десятка два рослых парней бесшумно приблизились к палатке капитана. Шедший впереди них Зизи сделал знак, и часовые моментально растворились в темноте. Но какой-то капрал вздумал требовать пароль. Выбежавший на шум лейтенант Шануан был тут же заколот штыками. Но капитан Вулэ успел сделать несколько выстрелов. Его свалил залп в упор.

После этого в лагере началось нечто невообразимое. С радостными криками и веселым барабанным боем толпы людей покидали лагерь и исчезали в темноте. Они гнали с собой стада скота и вереницы выючных животных, уносили все, что попадалось под руку. Немногочисленные офицеры и оставшиеся верными им слуги сбились в кучу и молча смотрели, как быстро исчезают горы мешков, корзин и ящиков с казенным имуществом. Никто и не пытался остановить людей.

Колонна Вулэ — Шануана перестала существовать.

Дмитрий быстро обшарил карманы капитана и достал пакет, привезенный мистером Кейнсоном. Кто-то профессионально потрудился над изготовлением этих бумаг, и они сделали свое дело. Теперь пусть французские историки сами излагают обстоятельства этого инцидента, уникального в колонизации Африки. Наверняка его участники напишут горы рапортов,

объяснительных записок и воспоминании, а журналисты придумают для него красивое название. Например — «трагедия в Данжори». Но эти бумаги не стоит оставлять для любопытных потомков.

Бросил их в костер и ждал, когда они полностью сгорят. Старательно перемешивал пепел.

— Что это ты засмотрелся на огонь? — спросил подошедший Хасан. — Поехали, лошади уже готовы.

54

— Вот и опять мы с тобой оказались вдвоем в саванне, — произнес Хасан на другой день. — Только на этот раз двигаемся в обратном направлении, с запада на восток.

Весь день гнали коней подальше от Данжори, старались не попадаться на глаза тем, кто спешил принять участие в разграблении лагеря. Сами же прихватили с собой только сумку с талерами и оружие, но забыли о продовольствии. Теперь из горсти проса, случайно найденного и седельной сумке, варили жидкую кашу, а Хасан насадил на прутик несколько грибов и держал их над огнем.

— Обычная еда в дороге, — говорил он. — Мы их называем «земляное мясо», или «ослятина». Охотники и некоторые крестьяне собирают их, добавляют в похлебку. Ешь. не бойся.

полюску. Ешь, не сонел.

Крупные, похожие на грузди грибы белого цвета темнели и морщились, густой сок капал на шипящие угли. Запах был аппетитный, а вкус... Конечно, тот, кто сравнил это блюдо с мясом, имел весьма сильное воображение.

Кое-как утолили голод, и Хасана потянуло на размышления о жизни. Видимо, события последних дней сильно потрясли его и сейчас не давали покоя. Но Дмитрий решительно заявил, что говорить не о чем — нигде не были, ничего не видели. Пояснил, что случившееся следует крепко забыть, чтобы случайно не проговориться при посторонних.

— Странная штука жизнь, — вздохнул Хасан. — Знаем ее начало и конец, а боимся того, что лежит между ними. Или так легче жить?

— У нас говорят: «Лихо до дна, а там дорога одна», — отозвался Дмитрий. Потом перевел напарнику это казачье присловье.

— Воистину, один находит счастье лишь в дальней дороге, а другой всю жизнь сидит дома. Вот и я, сколько лет брожу по чужим странам. Устал. Но когда-нибудь обзаведусь своим домом, где будет много-много жен и детей. Ты о своих домашних ничего не слышал?

— Нет, — отрезал Дмитрий. Говорить о доме не хотелось. Да и где он теперь? В горах Джоса, в Дикве или на Дону? — Хасан, разбудишь меня в середине

ночи. В случае тревоги — стреляй.

За прошлый день стрелять приходилось уже не раз. Какието люди, завидев двух одиноких всадников, спешили им навстречу, но при этом откровенно пытались зайти со спины, разворачивались цепью. В ответ Дмитрий без промедления открывал беглый огонь на поражение. Решительно давал понять, что не желает вступать в близкое знакомство. Вторым карабином орудовал Хасан и не жалел патронов.

Такая тактика оправдывала себя на открытой местности, но впереди лежали холмы, склоны которых были изрезаны руслами ручьев и поросли редкими деревьями и кустами. Местность, самой природой созданная для засад. Поэтому на следующее утро свернули к первой же деревне, где Хасан объяснил старосте, что два купца из Кано были ограблены французами и сейчас пробираются в Кацину. Сослался на своего старого знакомого, старосту рынка этого города, и просил снабдить продовольствием, проводниками и носильщиками. При свидетелях вручил задаток.

В ответ староста заявил, что знает почтенного хозяина городского рынка и готов оказать необходимую помощь единоверцам, чудом спасшихся из рук иноземных грабителей. Однако он просил путников задержаться только на один день и не побрезговать деревенским гостеприимством. Объяснил, что именно

сегодня крестьяне справляют праздник урожая и приносят жертвы «духу зерна». Как бы извиняясь добавил, что в городах ученые имамы и маламы не одобряют подобных проявлений язычества, но в этом году на всех полях такой богатый урожай, что почитать «духа» просто необходимо.

Дмитрий негромко напомнил Хасану, что надо спешить и как можно скорее известить Раббеха о том, что случилось с французской колонной. Но напарник ответил, что всю ответственность берет на себя и сообщение в Борну будет доставлено очень скоро.

Остались, а потом наблюдали, как один из крестьян в огромной маске, украшенной бычьими рогами, исполнил ритуальный танец урожая. Было много песен и плясок, «духу» поднесли щедрое угощение, которое вся деревня поглотила до позднего вечера. Хлебнувший на радостях крепкого пива, Хасан растолковывал Дмитрию, что в незапамятные времена хаусанцы жили на плодородных северных равнинах и пахали на быках. Но Сахара наступала и пришлось переселиться в эти края, расчищать поля в густых зарослях на склонах холмов. Здесь, среди скал и невыкорчеванных деревьев, тень которых защищает посевы от палящих лучей солнца, пришлось отказаться от плуга и взяться за мотыгу. Да еще во многих местах быки дохли от укусов мухи цеце. Но память о защитнике урожая, «духе зерна» в образе быка, осталась.

Утром выступили в путь и дальше шли от деревни к деревне, не опасаясь внезапного нападения. Только раз какие-то конники внезапно появились из-за поворота дороги, но местные жители заранее предупредили о такой возможности. Стрельба Дмитрия из двух наганов в упор была весьма эффективной и до самой Кацины больше никаких происшествий не случилось.

Когда на горизонте появились массивные городские стены и башни, Дмитрий обратил внимание на их необычный темно-бурый цвет. Хасан, он и в этом городе знал каждую площадь и улицу, поспешил объяснить, что при возведении этих укреплений глина замешивалась на крови быков и коров, мясо которых шло в пищу строителям. Он же указал на трехступенчатую квадратную башню, поднимавшуюся над городскими стенами. Сказал, что это минарет Гобирау, самое древнее здание в странах хауса, и ему не меньше трех сотен лет. Строил его святой человек, который с вершины минарета мог обзирать окрестности и даже видел священный город Мекку.

Сомневаться в этом чуде Дмитрий не стал, только спросил:

— Это тот самый мастер, что построил мечеть в Зарии, за которую ему отрубили голову?

— Эх, ты все перепутал! Тот был мой земляк, искусный строитель Мухаммед Дуругу. В Зарии он

возвел здание мечети необычной красоты, со сводчатыми потолками и колоннами. Это потом эмир Гвари заманил его в свой город и хотел заставить всю жизнь строить дворцы и мечети только для него одного. Мастер отказался, и разгневанный эмир приказал его обезглавить!

— Суровые у вас правители.

— В Кацине увидишь еще и не таких.

— Слышал, что в ней живет много ученых людей, певцов и музыкантов, а горожане народ вежливый и обходительный.

— Все верно. Только почему-то таким людям всегда не везет с начальством: чем народ мягче, тем больше власть свирепеет. Вот и в Кацине родня покойного эмира много лет не может поделить власть. Грызутся не переставая, как обезьяна с собакой, а если кто-нибудь дорвался до власти, то совсем теряет голову. Тут еще вмещались потомки прежнего правителя, которого покойный сверг много лет назад, и теперь их банды бродят вокруг. Султан Сокуто прислал было свои войска, чтобы они навели порядок, но из этого ничего хорошего не вышло. Только грабежей стало больше.

— Тогда зачем мы туда едем?

— Пошлем весть Раббеху.

— Каким образом?

— Ах, да ты же не знаешь последней новости! Наш хаким недавно завел голубиную почту. В столице

выстроил двенадцать голубятен и разослал своих людей по двенадцати городам. Они следят за обстановкой и, если происходит что-то важное, посылают донесение с голубем. Один из таким наблюдателей и поджидает нас в Кацине. Он же поможет купить приличную одежду, нанять слуг и свежих коней. Не бойся, мы не пробудем здесь и лишнего дня.

Остановились с доме, расположенном рядом с кварталом красильщиков. Хозяин, сторбленный, ничем не приметный старичок, встретил Хасана как старого знакомого. Пошептался с ним и тут же уединился в каком-то сарайчике возле голубятни. На плоской крыше дома Дмитрию постелили циновку и положили множество мягких круглых подушечек «тим-тим» из необычной тонкой кожи нежно-зеленого цвета, причудливо расшитых узенькими алыми ремешками. Поставили угощение.

Но есть не хотелось. После дороги и всего пережитого чувствовал усталость и странное беспокойство. Словно ждал новой опасной встречи. Понял, что начало сказываться все случившееся во французском лагере. Хасан человек южный и впечатлительный, он уже отреагировал на это. А вот нервная система северянина сработала только спустя некоторое время. Что бы как-то отвлечься от тяжелых воспоминаний, стал наблюдать за работой красильщиков.

Они трудились у своих ям, по краю окруженных невысокими валиками. Опускали в густой темный раствор узкие полоски хлопчатой ткани, размещивали их длинными шестами, а потом прикрывали ямы высокими коническими крышками, сплетенными из соломы. Из других ям доставали материи уже окрашенные в различные оттенки синего и голубого цвета и развешивали их для просушки. Из одной ямы валил дым и вырывались языки пламени — там красильщики выжигали скопившиеся на дне остатки краски. Готовили яму для новой заправки, чтобы после выжигания вновь промазать ее стенки специальной смесью и не допустить просачивания раствора в землю.

— Все в порядке, — произнес поднявшийся на крышу Хасан. — Голубь улетел, а через некоторое время, для верности, пошлем и второго. Смотришь на их работу? Каждая такая яма, глубиной в два человеческих роста, кормит целую семью... Да что с тобой? Почему такой грустный?

— Когда уедем отсюда?

— Понимаю, хочешь скорее вернуться в Дикву.

— Беспокоюсь за Амину, ей скоро рожать. Надо бы послать весточку.

— Забудь об этом, мы еще не так далеко ушли от Данкори. Сам говорил, что надо не вспоминать о том, что там произошло. Но другие очень желают узнать подробности. Хочешь, чтобы вслед за твоим посланием

подробности. Хочешь, чтобы велел за твоим посланцем к дочери эмира Лере пришли незваные гости?

— Думаешь...

— Не думаю, а знаю. Хозяин предупредил, что по нашему следу уже идут любопытные. За их сведения и наши головы могут хорошо заплатить. О себе дашь весть, когда будем на земле Борну, в полной безопасности. А сейчас зайдем к одному арабскому купцу. Недавно он привез из Триполи хороший товар, но сейчас решил оставить Кацину и все распродает довольно дешево.

— И ему здесь не нравится?

— Пойдем-пойдем. Уезжаем завтра на рассвете.

Купец встретил старичка-хозяина как родного отца, а его гостей словно долгожданных благодетелей. Усадил их на диван в своей небольшой лавке, велел подать кофе и халву. Был он невысок ростом и в меру упитан, глаза, щеки, животик — все круглое. Шариком катался вокруг покупателей, ловко раскладывал товар и непрерывно болтал.

— Уважаемые, для вас есть одежда на любой вкус! Товар Ассада ибн Рашида везде знают. Мой дед торговал в Алжире, а отец в Тунисе. В Кацину я привез самое лучшее, все пошитое по последним образцам, полученным из Стамбула. Шелк индийский, тесьма из Италии, пуговицы немецкого серебра! Обратите внимание на этот халат. Точно такой носит сам

турецкий султан!

— Нам покажи что-нибудь попроще, — ответил Дмитрий, отодвигая алый шелковый халат, сплошь затканый золотой нитью. — Видишь сам, мы в походе и совсем поизносились.

— Ты халат яриме²⁸ предложи, — посоветовал Хасан. — Говорят, ему скоро садиться на отцовский престол. Так что такое роскошное одеяние как раз и пригодится.

— Он у меня уже много вещей купил, только денег не заплатил. Грозил, что заберет и остальное.

— Ничего, ты торговец изворотливый, и на берегу реки сумеешь воду продать!

— Ярима у нас с норовом, — вздохнул старичок-хозяин. — Молодой, но такой гордый, что с простыми людьми в разговор не вступает. Только приказы отдает, кого выпороть, кого под замок. Денег никому не платит, все берет даром.

Пока выбирали одежду, прошло много времени. Да тут еще и Хасан не утерпел и заспорил о цене. Вошел в такой азарт, что начал осуждать всех торговцев за корысть и желание получить прибыль.

— Уважаемый, ты, видно, забыл пословицу — «Прибыль получают и в Мекке», — возразил купец. — Поторгуюсь, я готов уступить...

— Скинь треть цены и плати, — приказал Дмитрий. — Нам давно пора ехать. Смотри, еще

покупатели появились.

— Ох, да это же ярима с друзьями!

55

Наследник эмира Кацины не вышел ростом. На нем был одет просторный синий плащ, обильно расшитый серебряной бахромой, и сандали, украшенные страусиными перьями. Огромный тюрбан из белой кисеи венчал небольшую фигурку, а его конец закрывал нижнюю часть лица. Маленькие глазки наследника быстро осмотрели лавку и всех находившихся в ней. Задержались на алом халате и кожанкой сумке с талерами в руках Хасана.

— Эй, купец! Ты нарушил мой приказ и не заплатил за охрану товара!

— Уважаемый господин и повелитель! Платил страже у ворот, старосте на рынке и дворцовому казначею. Все сборы, какие они потребовали. Не забыл и о подарках!

— Ты презренный торгаш и для тебя важна только выгода! — наследник повысил голос так, чтобы его могли слышать и за стенами лавки. — Мы, государи, должны заботиться о благе всего народа. Ты слышал о том, что французы приблизились к стенам Кацины, а мои витязи их разгромили! Перебили всех до одного,

никого не пощадили! Каждый из моих богатырей одной рукой ломает пять копий и без промаха стреляет в цель. Их доблесть поэты Кацины воспевают в стихах. Воины охраняют город и тебя, жалкий купец, но им нужны мясо в котлах и порох в ружьях. Поэтому — плати! Так я говорю?

Двое придворных, которые смогли втиснуться в лавку вслед за наследником, склонились в глубоком поклоне. Остальные, что толпились на улице, разразились приветственными криками:

— Ярима, ты наша опора!

— Ты рвешь горло врагам, как похлебка из табака и каша из перца!

— Непобедимый лев саванны!

— Этот золотой халат и все твои товары я беру в залог. Получишь их, когда заплатишь налог на охрану, — решил ярима. — Этих двух оборванцев запереть в тюремной башне, с ними разберусь позднее.

— Говорят, что в Кацине каждый гость может рассчитывать на вежливое обращение, — заметил Хасан. — Тем более галадима.

— Ха! Галадима перед эмиром, как муравей перед слоном! — рассмеялся наследник эмира.

— Каждый хозяин в своем доме, — хихикнул один из придворных. — Скала на дне реки не боится грозовой тучи!

— В чужом городе и бык не сильнее зайца! —

поспешил добавить второй.

— Но по воле Аллаха и собака может оказаться в зубах у зайца! — возразил Хасан.

Но тут не выдержал Дмитрий. Дело принимало скверный оборот, и никакое красноречие уже не могло спасти положения. Надо было действовать быстро и решительно.

— Я Альхаджи Муса, галадима эмира Раббеха. Мой алам стоит на реке Гада, в одном переходе от города. Идем в Зиндер, чтобы наказать изменников.

— В Кацине я хозяин! — возразил ярима. — Поэтому...

Но Дмитрий не дал ему договорить. Распахнул свой драный халат, так что стал виден широкий офицерский ремень французского образца с двумя наганами в кобурах, и обнажил исполосованную плетью Мишу спину.

— Смотри! Так Раббех наказывает за самые маленькие ошибки. Слышал о его палаче Суруру? Хочешь с ним встретиться? Или забыл, что раньше Кацина платила дань Борну?

— И солью, и золотом, и по сотне отборных рабов каждый год! — тут же уточнил Хасан.

Конец тюрбана соскользнул с лица наследника, и открылись нервно вздрагивающие губы. Трудно сказать, что произвело на него самое сильное впечатление —

вороненная сталь наганов или еще тисовые руины на спине, но из попытки сказать что-то в ответ ничего не получилось. Послышалось лишь постукивание зубов и какой-то хрип.

— Хочешь, устроим состязание и мои головорезы встретятся с твоими богатырями? — Дмитрий заговорил спокойно, почти ласково. — Вот когда все поэты Кацины хорошо заработают на похоронных плачах. Не хочешь? Тогда возьми этот шитый золотом халат, такой же, как у турецкого султана. От имени эмира Раббеха я дарю его тебе. И пусть больше никто не смеет притеснять купца Ассада ибн Рашида, он мой земляк. Прощай, ярима!

После ухода наследника в лавке некоторое время царила тишина, а потом купец разразился потоком восторженных слов. Казалось, его благодарностям, заверениям в искренней дружбе, клятвам в любви и пожеланиям здоровья, удачи и всех благ на земле не будет конца. Тем не менее такое восторженное состояние не помешало ему принять от Хасана плату и быстро пересчитать талеры.

Когда в задней комнате лавки покупатели переодевались, Ассад наклонился к уху Дмитрия и, делая вид, что поправляет на нем одежду, прошептал:

— В Алжире готовится новая французская колонна. В поход идут три сотни стрелков с пушками, начальник у них полковник Лами. Пойдут через Сахару прямо к озеру

Чад.

— Не врешь?

— Мой брат продавал им верблюдов и корм.

— Спасибо, Ассад. Извини меня, но деньги за халат пришлю тебе позднее.

— Ой, не надо! После того, как этот щенок и его прихлебатели узнали, что галадима Борну мой земляк, я здесь получу тройную прибыль. А можно я назовусь еще и твоим родственником?

— Ладно. Можешь сказать, что мы женаты на родных сестрах.

— О, благодетель! Прощу тебя, возьми в дорогу мою скромную благодарность!

— Спасибо, но не сейчас. — Дмитрий вернул тяжелый мешочек, как бы случайно оказавшийся в кармане его новой рубахи. Выплатить долю посреднику при удачной сделке, это святая обязанность хозяина товара. Но об этом договариваются заранее. Должностному лицу, такому, как галадима, не пристало мелочиться. Тем не менее нельзя обидеть купца высокомерным отказом. — Мы расплатимся при новой встрече, уважаемый Ассад.

Вместе с Хасаном поспешил в дом старичка, чтобы лично проверить, все ли готово к дальней дороге. На улице их обогнала странная процессия. Впереди бежали глашатаи, били в маленькие гонги и кричали:

— Лев Кацины в пути! Дорогу яриме!

Следом скакало несколько всадников в кольчугах. Они потрясали копьями и древками били всех, кто не успевал посторониться. Пышно разодетые придворные гарцевали на сытых конях в окружении музыкантов и певцов, дружно возглашавших славу ярима.

За ними следовал и сам наследник. Он уже успел облачиться в подаренный халат, шитье которого ослепительно сверкало на солнце, и сидел верхом на рослом полуобнаженном мужчине. В рот ему были вложены удила богато украшенной уздечки, а на плечах одето седло. Ярима поминутно то хлестал его плетью, то резко осаживал, натянув поводья. Кровь, алая, как шелк халата, обильно текла по лицу и всему телу несчастного.

— Это последняя прихоть нашего наследника, — тихо произнес старичок, когда вся процессия проследовала мимо. — Теперь он не желает ездить ни на лошадях, ни на верблюдах. Каждый день, перед торжественным объездом города, к нему приводят кого-нибудь и надевают седло и уздечку. После такой скачки многие становятся калеками, а иные и умирают.

— Старый эмир знает об этом?

— Советники докладывали ему, просили брать под седло только рабов и преступников, а горожан оставить в покое. Ведь ярима седлает только самых рослых и крепких, лучших работников. Сам-то он ростом не вышел, завидует им.

— Что же ответил старик?

но же слышал старик.

— Сказал, что сын еще молод, когда подрастет, то перестанет. Добавил, что такие скачки отличный способ наказания всех недовольных и строптивых.

— Много таких в городе?

— Время тревожное, никто не знает, как будем жить дальше. Со всех сторон приходят вести о наступлении белых людей, а наши эмиры только ссорятся друг с другом. У них теперь ни силы, ни власти, одна болтовня. Люди же все это видят и понимают. Мы живем-то не в глухом лесу, а на большой торговой дороге.

В доме все уже было готово к отъезду, но у ворот еще толпился народ, наблюдавший за шествием яримы и его свиты. Мужчина, на котором ехал наследник эмира, рухнул бездыханным у квартала красильщиков, и теперь слуги поспешно искали новую жертву.

Скоро они привели высокого и мускулистого парня, угрюмо смотревшего по сторонам. Староста красильщиков начал просить, чтобы его избавили от такой повинности, хвалил как умелого мастера. Упомянул о выкупе, но когда сказал, что парень совсем недавно женился, то ярима нетерпеливо топнул ногой и приказал седлать быстрее. Стражники отшвырнули старосту.

Под звуки музыки и хвалебные крики свиты процессия тронулась в путь, но ушла совсем недалеко.

Парень, как норовистый конь, шарахнулся в сторону от дороги.

— Крепче держись, наш лев! — кричали придворные. — Плетью его, плетью! Дай ему удила!

Но эти крики сменились воплями ужаса, когда все увидели, что ярима приближается к красильным ямам. Именно к той, из которой все еще валил дым. Стражники поняли угрозу и бросились наперерез, но запугались среди длинных кусков материи, развешанных для просушки. Парень оказался быстрее. Он крепко держал за ноги отчаянно вопившего наследника и ловко уворачивался от погони. На краю дымящейся ямы остановился и крикнул во весь голос.

— Люди, прощайте! Живите свободно!

С наследником эмира на плечах он прыгнул в раскаленную яму, и столб искр высоко взметнулся над ними.

Стражники бросились к колодцу, принялись заливать огонь в яме, но никто из них не попытался спуститься вниз и вытащить своего хозяина. Вскоре его отчаянный визг смолк, и из ямы лишь валил пар. Потрясенные случившимся люди поспешно расходились по домам. Многие не скрывали слез.

— Жалко парня, — покачал головой хозяин дома. — Добрый был, ласковый и приветливый, но молчать не умел. Все о справедливости говорил.

— Вот поэтому его и оседлали, — заключил

Хасан. — Как его звали?

— Маммаду, по прозвищу Черный Боб. Он всегда был перемазан краской.

Дмитрий молчал. Все случившееся только усилило его дурные предчувствия.

56

Но оказалось, что в Дикве не было никаких оснований для беспокойства. Когда поздно ночью Дмитрий подъехал к дому, в воротах его встретил улыбающийся Ахмед. Зажег светильник, проводил в покои, доложил, что в хозяйстве все в полном порядке. Понизив голос, добавил, что все три супруги господина благополучно забеременели и теперь за их здоровьем он следит особенно внимательно. Ежедневно греют воду и купают их в настое из целебных трав, а в пищу добавляют полезные корешки и золу некоторых растений. Три опытных женщины приставлены к женам, круглосуточно не отходят от них ни на шаг, следят, чтобы они не скакали и не резвились, случайно не сбросили плод. От эмира Лере прискакал гонец и поведал, что Амина здорова и также находится под неусыпным наблюдением своих мамок и нянек.

Потом Ахмед перешел к хозяйственным делам. Кратко сообщил, что в этом году урожай уродился на

славу, лишнее зерно удалось выгодно продать и полностью расплатиться со всеми долгами. Отучил попрошайничать родню, сказал им, что перед рождением детей хозяину надо попридержать деньги. На отказ многие обиделись, ругались и грозили пожаловаться галадимае, когда он вернется.

— Господин, после вечернего купания твои жены спят, но если пожелаешь взглянуть на них, то можно и разбудить, — предложил евнух в конце своего доклада.

— Не надо их будить, — ответил Дмитрий. — Ты все сделал правильно, а с родней я сам разберусь. Какие новости во дворце?

— Хаким здоров и просил передать, чтобы ты побывал у него. Он помирился со своим сыном Наби и очень доволен, что у Фадельалла родилась дочь. Так что теперь у нашего хакима есть внучка. Ну а Авва так взнудала своего Умара, что он боится нос показать в покои остальных своих жен. Старик Бабикар надумал еще раз жениться, только у него с молодой женой ничего не получается...

— Ладно, об этом расскажешь потом. Что в городе?

— Собираются строить новую мечеть возле главной площади, налоги собраны вовремя и цены на базаре немного понизились. Да! Хаким приказал чеканить золотые монеты. Пока они точь-в-точь, как старинные марокканские динары, но скоро он собирается начать выпуск собственных денег. Все купцы

весьма одобрительно отзываются об этом. Говорят, что теперь на рынки Борну хлынут товары со всего света!

— Спасибо, я все понял. Сейчас пойду засну. Но прежде взгляни на мою спину, рубцы что-то плохо подживают.

Ранним утром Дмитрий уже был во дворце, но разговор с Раббехом получился странным. Чувствовалось, что о многих подробностях случившегося в Данкори он уже знает. Тем не менее похвалил за отлично проведенную операцию и еще раз посоветовал держать язык за зубами, а потом перечислил сколько денег и какое имущество он жалует своему галадиму за верную службу. Внимательно выслушал известие о том, что на юге Алжира формируется новая французская колонна под командованием полковника Лами.

— Пусть идут, — усмехнулся Раббех. — Сахара большая, может быть, где-нибудь сгинут в пути. Ты, Альхаджи Муса, сходи к мистеру Кейнсону. Он недавно вернулся из Лагоса, привез новые лекарства. Подлечись, мне что-то не нравится твой вид. Надо тебе отдохнуть.

— Нельзя ли мне съездить к эмиру Лере?

— Нет, оставайся в Дикве. А что, понравились те края? Был в Кано?

— Большой город, не думал, что такой может существовать посреди африканской саванны.

— Ха! Несравненный Кано! Раньше в нем олних

только тканей собственного производства продавали на триста миллионов каури в год. Говорят, сейчас получают еще больше. Вот бы сделать его провинцией Борну. Тогда бы никому и в голову не пришло посылать военные колонны в наши края. Недавно мне Менелик написал, что теперь европейские посольства и торговые миссии весьма скромно ведут себя в Аддис-Абебе, не пытаются ссориться с властями и признают, что выгода от торговли должна быть взаимной.

— Кано без боя не овладеть. Да и англичане уже считают его частью своей колонии.

— Знаю. Газеты теперь мне читают регулярно. Но с англичанами можно договориться. Думаю, не пора ли последовать примеру эфиопского негуса и послать своих послов в Англию, Россию и другие страны. Не хочу я больше воевать... Ладно, иди отдыхай.

Из дворца Дмитрий шел задумавшись, едва отвечал на приветствия встречающих. Из памяти не шли слова Раббеха. Конечно, старый авантюрист будет до конца отстаивать свои завоевания. Собственную власть и независимость Борну он не отдаст, но хватит ли сил для борьбы. Можно расправиться с одной колонной, затем и с другой, а что потом? Военное поражение и жизнь под властью одуревших от крови и жары иностранных офицеров и чиновников. Есть один выход — пойти на компромисс. Но хватит ли для этого у Раббеха умения? И

главное — времени... и как поступать самому? Особенно после всего того, что случилось во французском лагере.

По дороге к дому ноги сами занесли в магазинчик Королевской компании Нигер, что расположился недалеко от главной площади столицы. Вывески на нем не было, чтобы не дразнить тех, кто сохранял верность традициям и косо смотрел на иноземные новшества. Но люди более широких взглядов хорошо знали сюда дорогу. В небольшом полутемном торговом зале, освещавшемся лишь светом, падавшим из двух узких оконных проемов, предусмотрительно забранных железными решетками, восседал за конторкой мистер Кейнсон. После конной прогулки по саванне он совсем не изменился. Как ни в чем не бывало щелкал на счетах, подписывал какие-то бумажки, а потом накалывал их на вбитый в стену гвоздь. Да еще успевал следить за приказчиками, которые суетились с покупателями.

Увидев вошедшего Дмитрия, англичанин приветливо улыбнулся и отодвинул бумаги.

— Как поживаете, Альяхджи Муса? Что нового? В каких краях побывали?

— Отвез старшую жену к отцу. Все хорошо, но в горах Джоса дуют такие холодные ветры, что почти все время пришлось сидеть у костра.

— О, огонь великое благо! Он согревает человека, помогает наполнить его желудок, очищает душу от

лишних забот. Воистину, он обращает зло в пепел.

— Это правда. Хорошо сидеть у огня и знать, что все заботы умчатся, как дым, — согласился Дмитрий. Значит, Хасан уже успел доложить англичанину, что все бумаги, которые тот передал Вулэ, уже уничтожены. Ну и напарник! Сколько же у него хозяев? Или он использует их всех только в собственных интересах?

— Именно, как дым! Чем могу быть полезен?

— Ближится сезон дождей, а мой запас хинина и других лекарств подошел к концу. Говорят, вы недавно вернулись с юга и привезли новые товары. В том числе и лекарства. — Дмитрий улыбнулся как можно простодушнее и с невинной улыбкой спросил: — Кстати, что нового в Лагосе?

— О, Лагос процветает! — мистер Кейнсон откровенно подмигнул. — Дела там идут отлично. Оборудование порта завершилось, и теперь в него могут заходить крупные морские суда. Начали строить железную дорогу, которая со временем протянется до северных хаусанских городов, а количество пароходов на Нигере и Бенуэ достигло пятидесяти. В городе полным ходом строятся каменные дома, банки и магазины, начали выходить газеты. После того, как разгромили войнство правителя Бенина, в дельте Нигера наведен полный порядок. По производству пальмового масла этот район занял первое место в мире, и без его поставок химические заводы Европы уже

просто не могут существовать. Вывоз каучука вырос в восемьдесят раз! Причем прибыль получает не только наша компания, но и арабские торговцы — посредники и вожди местных племен, которые занялись выращиванием тропических культур и заготовками ценной древесины.

— Приятно слышать хорошие вести.

— А что гнетет вас, мой друг?

— Устал. Видимо, слишком долго живу в жарком климате.

— Сейчас подготовлю лекарства. Принимайте их регулярно и ни о чем не беспокойтесь. Прогресс и процветание придут и на берега Чада. В лондонском Сити очень заинтересованы в этом и приложат все усилия для того, чтобы какие-то глупые параграфы пыльных договоров не помешали завершить такое выгодное предприятие.

С пакетом лекарств Дмитрий вернулся домой, где с радостным шумом был встречен всеми его обитателями. Ахмед, все три жены, слуги и служанки бурно приветствовали своего господина и готовы были выполнить все его желания. После того как завершилось изъясление чувств и Дмитрий всех похвалил и сказал полагающееся милостивое хозяйское слово, все занялись своими обычными делами, а он отправился отдохнуть.

Но прошло совсем немного времени и в дверь его спальни тихонько постучали. С глубоким поклоном

спальни тихонько постукали. С глубоким поклоном Ахмед протянул небольшую плоскую коробку, обшитую грубой тканью и перетянутую шнуром, на котором висела печать одного из известных в Триполи торговых домов.

— Господин, только сейчас это принесли тебе из дворца. Посыльный сказал, что коробка получена вместе с другими грузами для хакима. Еще он передал, что хаким просит тебя никуда не отлучаться из дома.

В коробке оказалась аккуратно свернутая безрукавка, какие носят в Александрии солидные купцы, и богато расшитая феска. При внимательном осмотре под шелковой подкладкой безрукавки обнаружилась узкая полоска бумаги, исписанная крохотными цифрами. Из шкафа в стене пришлось доставать басни Крылова. Но после первых же расшифрованных строк, что-то стукнуло в затылке и какой-то кусок мяса задержался под ребрами.

Новости были краткими и неожиданными. В питерских канцеляриях решили свернуть операцию. Объяснили, что «заинтересованные стороны» достигли соглашения и обстановка в регионе теперь «не требует внимания». Следовательно, информация больше не нужна, а агенту «надлежит вернуться к прежнему месту службы и представить отчет о проделанной работе». Старательный канцелярист указал и срок возвращения — до 1 января 1900 года!

Вот она, истинно «шабная культура». Главное, чтобы все бумаги были в ажуре, а номера входящих и исходящих соответствовали друг другу и не вызывали никаких сомнений. Где находится человек, в Костроме или Дикве, не имеет разницы. Командуют, а сами за все это время денег не прислали ни копейки. Ведь кормлюсь тем, что сам добываю. Ну да об этом потом. Но как выбраться отсюда? Просить у Раббеха отпускное свидетельство, а у Идриса взять ссуду для найма верблюдов до Триполи?

А почему бы и не попросить? Год службы в Борну уже подошел к концу, все, о чем договорились, исполнено. Даже с лихвой! Сейчас кругом тишина и мир, самое время собираться домой. Тем более что сегодня утром сам Раббех упомянул о своем желании направить посольство в Россию. Как обычно, он поинтересуется, какие новости содержатся в послании из Триполи. Поэтому эту полоску бумаги надо сжечь, а ее содержание изложить как-нибудь помягче. Конечно, придется признаться, что отзывают домой, но добавить, что и ему пора писать послание в Санкт-Петербург. Наверное, в свое время и поручик Машков имел подобную беседу с эфиопским негусом, а потом доставил его письмо российскому императору.

Жен и домашних, конечно, придется оставить. Но вот как быть с Аминой? Пожили совсем немного, а вот расставаться жаль. Взять ее с собой в Россию? Или

позднее самому вернуться сюда? А что если прямо сейчас ускакать к ней! Эх, да ведь хаким велел оставаться в Дикве. Стража дальше городских ворот и не пустит.

Что это? Арест? Ну и дела! Попался, как волк на псарне, о котором написал дедушка Крылов. Но не надо спешить, надо обдумать все хорошенько. Сейчас все кругом выпядит слишком уж спокойно и благополучно. Но сам-то понимаешь, что так быть не должно. Поэтому который день что-то томит душу, не дает покоя.

57

В таких раздумьях и сомнениях прошло три дня. Сидел дома, ел, спал, а потом уже начал злиться. Но на четвертый день рано утром приехал Идрис. Сопровождавшие его всадники встали за воротами, а сам он уселся в комнате для гостей и жевал орехи кола. Для приличия вел пустой разговор, расспрашивал о здоровье и домашних делах. Наконец громко объявил, что приглашает Дмитрия поохотиться на ближних озерах. Выезжать следует немедленно.

Когда выехали из города, то свернули совсем в другую сторону, а Идрис велел всадникам приотстать и мрачно сообщил:

— Французы наступают с юга, их отряд вышел на

берега Шари.

Странно, но это сообщение не вызвало у Дмитрия волнения. Разом все слухи, обрывки новостей, намеки и догадки встали на свои места в единой картине. Обстановка прояснилась, и теперь надо было действовать.

— Это война? — спросил, чтобы окончательно внести ясность.

— Еще не знаю, но думаю, что еще хуже. Это измена.

— Объясни.

— Сейчас едем в мой загородный дом, там поможешь допросить французского купца. Мне достался молодой переводчик, он еще слаб в языке. Его старший находится сейчас во дворце при хакиме, где много чутких ушей и любопытных глаз. К нашему расследованию нельзя раньше времени привлекать внимание, оно не требует огласки. Лишний шум может все испортить. Хотя боюсь, что ты прав, к нам пришла война.

— Все к тому шло. Просто сами себе не хотели в этом признаться, мучились догадками и предчувствиями.

— Так ведь на нашей работе о многом приходится узнавать и многое решать, а меч власти тяжел. Ошибаться нельзя, этого не простят ни люди, ни Всевышний.

Француз сидел прямо на земле, в углу небольшого двора. Сжался в комок, так что трудно было судить о его росте и внешности. Весь он был какой-то серый, мятый полотняный костюм и лицо были одного цвета. Выделялись только глаза — белые и круглые. Перед ним стоял обнаженный до пояса мускулистый гигант и вытирал о шганы кривой нож. Посредине двора вздрагивала бесформенная куча кровоточащего мяса.

— Где переводчик?! — крикнул Идрис.

— Не выдержал, пошел поспать, — ответил верзила, и сплюнул оранжевую жвачку ореха кола. — Который день ведем допросы без перерыва. Если бы не орехи, я бы тоже...

— Это что такое?

— Когда переводчик ушел, француз начал что-то кричать, на меня махал руками. Но мы его и пальцем не тронули, просто с одного из его гребцов я заживо снял кожу. Теперь они оба молчат.

— Отойди! — приказал Дмитрий. Быстро подошел к серому господину, положил ему руку на плечо.

— Успокойтесь, месье. Вам ничто не угрожает, пойдемте со мной. Идрис, вели подать кофе.

Слуги подхватили француза, отнесли в одну из внутренних комнат. Сам он передвигаться не мог, руки и ноги волочились по земле. Казалось, что все его тело лишилось костей.

— Нельзя так обращаться с людьми — сердито

бросил Дмитрий. — Он же от испуга может совсем лишиться дара речи или просто сойдет с ума.

— Это Раббех чуть не лишился дара речи, когда узнал об этом купце. А потом мне чудом удалось сохранить на плечах собственную голову.

— Так что же случилось?

— Пока мы возились с Хайяту и султаном Сокото, а ты сражался в горах Мандара, французы побывали на озере Чад!

— Ну и что из этого? Озеро уже посетили многие европейцы.

— Это были путешественники или купцы и с ними всегда находились наши люди. На этот раз какой-то французский офицер на огненной лодке тайно прошел по реке Шари до Чада, а потом вернулся обратно на юг.

— Каким же образом он мог незаметно проплыть на пароходе? У того же машина стучит на всю округу и дым валит столбом.

— Это места дикие, и живут там мелкие племена рыбаков, которые платят дань султану Гаурангу. Среди них француз и нашел проводников, указавших путь среди многочисленных островов и протоков. Говорят, что судно у него было маленькое и по ночам мимо селений рыбаки тащили его своими пирогами. Ясно, что султан знал об этом.

— Тот самый Гауранг, что клялся в верности

хакиму?!

— Он же обещал послать своих дозорных на юг, чтобы они следили за французами на берегах Конго, и согласился на строительство нашей крепости у местечка Кусери, где сливаются Шари и Логоне.

— А этот купец в чем виноват?

— Он недавно объявился возле Кусери. Приплыл с юга на железной лодке, которую можно разбирать на части. На базаре расспрашивал, где какой товар продается, справлялся о запасах зерна и сушеной рыбы. Но когда завел речь о числе базингеров и пушек в крепости, староста рынка заподозрил неладное и дал нам знать. Француза схватили, но переводчик бежал, а гребцы с его лодки только и могли сказать, что их послал с купцом этот сын свиньи и обезьяны, султан Гауранг.

— Хорошо, я поговорю с французом, но обещаю, что никаких пыток не будет.

— Обещаю. Он всего лишь исполнитель, но все, что он скажет, поможет нам разобраться в обстановке.

— Пусть твой горе-переводчик ведет запись нашего разговора, а этот мясник со своими приятелями и близко не подходит.

Через некоторое время Дмитрий прошел в комнату, где находился задержанный. Представился арабским купцом, ведущим торговлю в Борну, пожаловался на строгость и подозрительность местных властей. Спокойно, со знанием дела поговорил о ценах на

различные товары, упомянул о дороговизне перевозок и хорошей прибыли, которую умелый торговец всегда может получить в Африке. Без нажима поинтересовался, что привело коммерсанта в эти дикие края, но упомянул и о щедрости эмира Борну в отношении тех, кто оказывает ему ценные услуги. Привел примеры и назвал имена, увидел, как зарозовели щеки собеседника, а глаза приняли осмысленное выражение.

В результате беседы выяснилось, что Эмиль Жантий, чиновник администрации колонии Французское Конго, действительно предпринял тайную экспедицию к озеру Чад. Его паровой катер в разобранном виде был доставлен в верховья Шари с берегов притока Конго Убанги, где французы уже прочно обосновались. С помощью местных рыбаков катер успешно миновал все мели и пороги, немного проплыл по озеру Чад и вернулся обратно. Этот чиновник встретился с султаном Гаурангом, обещал ему защиту от Раббеха, подписал оборонительный договор и очень выгодное торговое соглашение. На обратном пути захватил с собой несколько придворных султана, которые в Парике должны поведать о жестокостях правителя Борну и единодушном желании народов Чада избавиться от его ига. На прощание Жантий посоветовал Гаурангу угнать жителей с берегов Шари и сжечь их деревни, чтобы в случае войны базингеры Раббеха остались без носильщиков и запасов

продовольствия. А сейчас в верховьях Шари строится форт, в который уже прибыли первые французские отряды.

Сам месье Беагль, простой торговец, которого всего лишь попросили справиться о ценах на прибрежных базарах. Что касается заметок в его записной книжке, то они не имеют никакого отношения к империи Борну. Но если арабский коллега так настаивает, то их можно объяснить — это расчет пропускной способности дорог и стоимости перевозок грузов от Шари до берегов Бенуэ. Известно, что эти две реки протекают недалеко друг от друга, а в дождливый сезон их притоки превращаются в единую сеть озер. Если освоить этот торговый путь, мелкие негритянские торговцы им уже давно пользуются, то можно получить значительную прибыль и разрушить гнусную монополию Королевской компании Нигера. Англичане совсем обнаглели и никого не пропускают на Бенуэ и Нигер со стороны океана. Но что они скажут, когда французские коммерсанты зайдут им в тыл и повезут свои товары со стороны Чада! Тихий голос и по-восточному деликатные манеры Дмитрия произвели на месье Беагля определенное впечатление. После пережитого им ужаса, требовалась разрядка. Он осмелел и, как бы беря реванш, заговорил так, словно вновь стал хозяином положения.

— Жантий обязательно вернется! На берегах Шари

и чада будут стоять французские крепости, а в их водах плавать французские суда! — с пафосом произнес он. Затем ткнул пальцем в сторону склонившегося над бумагами переводчика. — Я уже пытался объяснить этому безграмотному идиоту, что следом за мной движется отряд капитана Бретоне. У него много пушек и винтовок, с ним идут тысячи воинов султана Гауранга. Если со мной что-нибудь случится, от всех вас ничего не останется!

Когда Идрис выслушал отчет Дмитрия и ознакомился с записью допроса и записной книжкой француза, он только тяжело вздохнул:

— Вот и кончились наши тайные игры. Поехали во дворец.

— Думаешь, опять будем вести ночные советы над той козьей шкурой?

— Нет, сейчас положение гораздо серьезнее. От низовьев Шари до Диквы пешей ходьбы три дня, а конный доскачет еще быстрее. В Кусери я уже послал гонцов, приказал усилить разведку и выслать дозоры на пирогах.

— Знаешь, ты поезжай с докладом к Раббеху, а я взгляну на своих арабов. Эти дни по его приказу сидел дома, теперь понимаю, с какой целью. Но сейчас мне надо проверить воинов самому. Им придется сражаться с войсками, обученными на европейский манер под командой французских офицеров и сержантов. Поверь

Но прежде, чем увидеть своих арабов, Дмитрий решил заехать домой, чтобы взять необходимое оружие и походное снаряжение.

— Как прошла охота, господин? — таким вопросом встретил его у дверей Ахмед.

Как обычно, подбежали слуги, приняли коня, принесли напиток. Из кухни, где готовился ужин, тянуло чем-то вкусным. Обитатели дома, услышавшие о приезде хозяина, высыпали из своих хижин, построенных во дворе. Началась шумная суэта, замелькали приветливые лица, посыпались вопросы. Дмитрий почувствовал, что приехал в дом, где ему рады и готовы о нем позаботиться. На сердце стало радостно и легко, с детских лет не испытывал такого чувства покоя и безопасности.

Озорной малец, сын кухарки, чтобы лучше рассмотреть хозяина — как-то раз Дмитрий разрешил ему потрогать свой наган и даже посадил в седло — быстро вскарабкался на растущее у ворот дерево. Свесился вниз головой, уцепившись за ветку. Весело скалился и строил рожи, хотел, чтобы и на него обратили внимание.

Такая озорная шутка понравилась хозяину, и

Также скалился труп пастушонка, повешенного за ноги из-за какой-то провинности по приказу лейтенанта Шанина.

Чувство покоя и безопасности мгновенно исчезло. Что-то опять дернулось в боку, вспомнились угрозы месье Беагля и все увиденное во французском лагере. Неужели мирной жизни пришел конец, всех этих людей ожидает судьба жителей деревень в саванне, которые были безжалостно разорены? А для тех, кто останется в живых, карьера Зизи или Вонючки станет пределом мечтаний? И все только потому, что у этих людей кожа другого цвета? А может быть, просто потому, что они еще не научились владеть современным оружием и не могут дать отпор?

Воистину, зло побеждается злом!

— Ахмед, распорядись, чтобы все занимались своими делами. Скажи, что я рад их видеть, а когда вернусь, то привезу подарки. Сейчас помоги мне собраться в дорогу. На ближних озерах не оказалось дичи, и мы решили поохотиться в дальних краях.

В кладовой Ахмед, складывая припасы в походные сумки, тихо произнес:

— Господин, все ценности, что есть в доме, лучше было бы передать на хранение старосте купцов из Триполи. Также поступить и с деньгами. Он даст расписку и все сбережет в целости и сохранности, чтобы не случилось. Остальное хорошо было бы послать

дочери эмира Лере, ее отец крепкий хозяин, знает цену деньгам.

Дмитрий молча кивнул и, ободренный его согласием, евнух продолжал:

— Еще возьми с собой кувшин с острым соусом. Там свежего мяса не всегда достанете, будете питаться одной рыбой.

Она же быстро надоест, а соус и поможет. Тебе будет казаться, что ешь баранину или говядину!

— О какой рыбе ты говоришь? Я же собираюсь на охоту, а не на рыбалку! — Только сейчас Дмитрий сообразил, что Ахмед знает больше, чем ему положено.

— Конечно, господин. Но в дальней дороге все может случиться. Будешь рад и куску сушеной рыбы.

— На что ты намекаешь? Говори прямо, что тебе известно!

— Не сердись, господин, но на базаре ходит слух, что французы появились на Шари. Об этом шепчутся солидные купцы, а не какой-нибудь нищий сброд. Еще слышал, что пойман важный французский начальник, который пробирался в наш город, чтобы убить хакима Раббеха. Сейчас его поймали и заперли в подвалах дворца.

— Кто тебе о нем сказал?

— Мой приятель евнух Бунсуру. Он служит у англичанина, у которого ты берешь лекарства.

— У мистера Кейнсона?

— Мы называем его просто Канса, или Бычья Голова. Когда он сердится или бывает чем-то недоволен, то опускает голову совсем как бык, который собирается забодать кого-нибудь.

— Что делает евнух в его доме?

— Там живут две очень красивых девушки из одного сахарского кочевья. У них удивительная кожа медного цвета, и им известно тайное искусство возбуждать страсть у мужчин. Их Бычья Голова никому не показывает, а Бурсуру охраняет их днем и ночью. Он слышал, как одна из них просила англичанина подарить ей духи из Парижа.

— Откуда?

— На прошлой неделе какой-то торговец из Туниса привез такие духи, и сейчас все женщины в гаремах сходят с ума, а о древних аравийских благовониях и слышать не хотят. Подай им духи из Парижа!

— Что еще говорил твой Бунсуру?

— Когда Бычья Голова услышал эту просьбу, то очень рассердился. Он кричал, что расправиться со всеми французами, которые хотят его разорить. Один из них уже пробрался в Борну, но его поймали, и Раббех не помилует незваного пришельца, — добавил англичанин.

Услышав все это, Дмитрий только выругался про себя. Верно говорят, нет в мире ничего тайного, чтобы не стало явным.

— Ох, прости меня, господин! За этими

— Ох, прости меня, господин! За этими внезапными сборами я забыл тебе сказать, что из Триполи прислали новую посылку!

— Стареешь, Ахмед!

Опять появилась обшитая тканью коробка, перетянутая шнуром, на котором висела знакомая печать. На этот раз прислали две пары туфель из тонкой кожи нежно лимонного цвета. Самые модные, с острыми, загнутыми вверх носками. С таким подарком пришлось повозиться некоторое время, прежде чем между подошвой и стелькой одной из туфель нашлось очередное зашифрованное послание.

Его содержание вначале обрадовало, а потом стало немного не по себе. Начальство требовало срочно разъяснить события в Судане. Видимо, телеграф донес вести об исчезновении французской воинской колонны и скандальном поведении офицеров, убивших своего командира. Надо полагать, что официальные объяснения парижских чиновников не удовлетворили многих лиц, кому по должности полагается изучать чужие секреты. Послание заканчивалось решительным требованием продолжать наблюдение и вовремя сообщать о происходящем. О прекращении работы и возвращении домой не было ни слова!

Все было бы хорошо, но оба послания посланы почти одновременно. Хотя, по понятным причинам, дата отправки на них и не указана. Лучшее всего сделать

вид, что первую посылку с безрукавкой и феской ты не получал и она затерялась где-то на караванных путях между оазисами Сахары. Тем более что согласно уставу положено исполнять последний приказ. Приказ — святое дело!

Но еще Петр Великий говорил: «Не держись устава, яко слепой стены». Опытный военный знает, что вслед за приказом часто следует новый, который меняет все. «Знай свой маневр!» — писал Суворов. И если ты видишь обстановку и способен взять на себя ответственность, то победа — твоя!

Неприятно то, что в далеком Санкт-Петербурге нет единого мнения о необходимости твоей работы. Не исключено, что между некоторыми департаментами и канцеляриями существует соперничество и ведется межведомственная борьба. Конечно, все делается с самыми лучшими намерениями и во имя соблюдения российских интересов, но тайны бюрократического мышления и поведения неисповедимы.

Не исключено, что в столице победит мнение авторов первого послания и тогда твое дальнейшее пребывание в Африке будет расценено как нарушение приказа. Но накануне вторжения врага Раббех не отпустит военного специалиста. Просто сочтет изменой, со всеми вытекающими из этого последствиями. Эх, не пошлешь телеграмму из Борну, да и голубя не пошлешь!

Придется действовать на свой страх и риск. Что

получится, разберемся потом, а сейчас твоя задача — сохранить офицерскую честь, верность России и выбраться из Африки живым. Но эти мысли следует держать при себе, а в шифровке ответить на поставленные вопросы и предупредить, что скоро на берегах Чада заварится крутая кровавая каша.

Однако написать ответ Дмитрий не успел. Ахмед просунулся в дверь с круглыми от страха глазами:

— Господин, за тобой прискакали из дворца! Конные, с факелами! Во имя всех святых Мекки и Медины не упоминай о нашем разговоре. Барде Идрис прикажет задушить меня, если узнает об этом! Клянусь, я верно служу только тебе!

— Знаю. Не скули и еще раз проверь, чтобы все было готово для дальней охоты на крупного зверя.

На этот раз совет происходил в более просторной зале дворца и на полу не лежала карта, нарисованная на козьей шкуре. Сам Раббех был мрачен, а немногочисленные приближенные молча сидели вдоль стен.

— Можете радоваться, сбылись ваши мечты — война у ворот! — зло произнес хаким. — Французы идут на нас со всех сторон, а среди пограничных султанов появились изменники. Один из них — Гауранг, но есть и другие тайные недоброжелатели и трусы. Сегодня враги окружили Борну!

— На большого слона и муху галит — произнес

...на большого сына и мужа гадит, — произнес старый вояка Абубакар. — Не беспокойся, отобьемся!

— Отец, отпусти меня на франков, — произнес Наби. Поднял свой громадный кулак и добавил: — Врагу пощады не будет.

— Если потребуется, то завоеванное тобой защитим своею жизнью, — негромко произнес Фадельалла.

— Ну я и сам еще не разучился воевать. — Выражение лица Раббеха немного смягчилось. — Только на этот раз предстоит война не с голопузыми дикарями, а с очень опасным противником. Идрис, что у тебя? Или твои разведчики опять рубят хвост змее, а про ее голову забыли?

— Это была моя ошибка, хаким! — Идрис достал из кармана листок бумаги и, заглядывая в него, продолжал: — Мы получили новые сведения. Сейчас вниз по Шари на больших лодках идет отряд капитана Бретонне. Под его командой шесть младших командиров и около сотни сенегальских стрелков. Они имеют три пушки и вооружены винтовками, везут с собой много патронов и снарядов. Их сопровождают мушкетеры Гауранга, которые разместились в пирогах, а по берегу движутся конные отряды. Стало известно, что через Сахару на нас идет полковник Нами, а на Нигере готовится новая колонна под командованием лейтенанта Жоалана. Наши английские друзья из Лагоса сообщили, что во французские порты постоянно прибывают новые

войска.

— Да, плохие новости, — согласился Раббех. — Но разведке надо верить. Если речная рыба скажет, что у крокодила один глаз, кто ее опровергнет.

— Барде, твои люди взяли французского купца, — сказал Фадельалла.

— Что он сообщил?

Идрис коротко изложил то, что стало известно во время допроса, и предложил собравшимся самим послушать, что скажет месье Беагль.

— Постойте, — произнес Раббех. На его толстых губах промелькнула зловещая усмешка. — В Дикве живет много иноземных купцов, так пусть их представители также послушают этого француза. Нельзя допустить, чтобы они подумали, что мы нарушаем законы гостеприимства. Они должны сами убедиться в том, кто прав, а кто виноват. Запомните — война может начинаться и кончаться, а торговля продолжается вечно. Тот, кто ее нарушает, сам и гибнет!

Вскоре в зал величаво вплыл дородный староста триполианских купцов Али аль-Хусейн, решительно прошагал мистер Кейнсон, бочком проскользнул афинский торговец Маридакис. Гостей усадили на почетные места, какое-то время поговорили с ними о

по тем же местам, какое то время поговорили с ними о здоровье, а потом от имени эмира Борну Фадельалла сообщил суть дела и просил быть беспристрастными свидетелями. Стража ввела месье Беагля.

За прошедшие сутки с ним произошли заметные перемены. Теперь он держался уверенно, даже несколько вызывающе, бойко отвечал на все вопросы и с откровенным презрением поглядывал на всех собравшихся в зале. Видя, как возбужденно горят его глаза и вздрагивают ноздри, Дмитрий невольно подумал о том, уж не добавили ли в пищу француза порошок из каких-нибудь «веселящих корешков»? А может быть, это и была его обычная манера поведения?

Так или иначе, но месье Беагль подробно рассказал о тайном плавание Эмиля Жантия к озеру Чад и сообщил много интересного о переговорах и договорах с султаном Гаурангом. Не менее откровенно высказался о целях собственной поездки. Признался, что, кроме сбора информации о запасах зерна и пристанях на реке, должен был определить количество войск Раббеха, осмотреть их укрепления и вооружение. В заключение добавил, что силы победоносной французской армии неисчерпаемы и эмиру Борну лучше прямо сейчас объявить о своей капитуляции.

— Мы не хотим войны, — ответил ему Раббех. — Я готов начать переговоры и направить послов в Париж и другие европейские столицы. Недавно ваша газета

«Фигаро» писала, что на основании англо-французского договора большая часть Борну переходит под власть Великобритании. Так пусть Франция берет причитающуюся ей часть, а с Лондоном мы сами договоримся. Зачем тогда посылать в нашу землю войска?

— Ах, не надейтесь на помощь коварного Альбиона! Он никогда не выполняет своих обещаний. А очень скоро ему будет не до проблем Чада — на юге Африки зреет серьезный международный конфликт. Там расположены самые ценные английские колонии, на территории которых добываются золото и алмазы. Но там же живут и буры, свободолюбивые потомки европейских переселенцев. Они хранят чистоту белой расы и свято чтут учение нашего Господа. Их храбрые бойцы уже много раз громили отряды англичан, а недавно французские инженеры построили неприступные фортификационные сооружения в городах буров и снабдили их мощными артиллерийскими орудиями. Все страны мира ненавидят произвол и лицемерие англичан и готовы послать на помощь бурам своих волонтеров. Пока англичане будут сражаться с бурами, Франция получит свободу действий в Западной Африке. Я верю, что скоро наша Марианна ²⁹ смоет водами Чада пятно нильского позора! — торжественно закончил месье Беагль.

К сожалению, его красноречие не произвело на

слушателей должного впечатления. Переводчик просто не разобрался в торопливой речи француза и не понял упоминавшихся в ней странных имен и понятий, касающихся высокой европейской политики. Поэтому собравшиеся узнали, что пока хитрый английский эмир аль-Бивун будет где-то на юге покорять богатые золотом и алмазами христианские земли, французский офицер Маршан, которого англичане недавно прогнали с Нила, завоюет все страны вокруг озера Чад.

Но мистер Кейнсон все отлично понял. Он стремительно вскочил и погрозил кулаком в сторону француза. От возмущения его седые бакенбарды встали дыбом, сам он недобро смотрел исподлобья и действительно был очень похож на разъяренного быка.

— Проклятый лягушатник! — проревел он и добавил несколько выражений, которые еще не украсили страницы ни английской, ни французской классической литературы. Облегчив таким образом свою душу, опытный англичанин обошелся без услуг переводчика и обратился к эмиру и его приближенным на смеси арабского и хауса.

— Уважаемые, вы сами видите, каков нрав у племени фарансава. Но нам нет дела до того, что даже в присутствии почтенных и мудрых людей они шумят, как базарные торговки. С таким прискорбным поведением еще можно смириться, если оно не наносит прямого убытка. Но плохо то, что у этого племени заведся

обычай убивать своих начальников. Совсем как у каких-нибудь язычников в горах Мандара. Всего сто лет назад фарансава, на глазах собравшейся на площади черни, отрубили голову своему султану и его любимой жене! Недавно вы сами слышали, как они недалеко от Кацины пристрелили собственного галадима и его помощников. Воевать фарансава любят, только у нас в Европе все их колотят. Мы на море, а немцы и русские на суше.

Мистер Кейнсон выдержал паузу и сокрушенно вздохнул:

— Но мы проявим выдержку и не будем по одному человеку судить о всем их племени. Среди фарансава есть много достойных и добрых людей, искусных мастеров и честных торговцев. Забудем лживые слова этого безумца. Разящий меч правды сияет вечно, а клевета гибнет в его лучах! Чтобы не каркали завистники, Британия сильна! С нашей королевой дружит турецкий султан и шах Ирана, а владыки Египта, Индии и других стран, где живут правоверные мусульмане, подписали договора о дружбе и помощи с могучей Британией! И еще не забывайте, что Британия не одинока — императоры Германии и России, под властью которых находятся тысячи народов и миллионы подданных, являются родственниками нашей королевы и всегда готовы прийти ей на помощь!

По резкому тону и угрожающим жестам

англичанина месье Беагль понял смысл сказанного и немедленно разразился потоком проклятий в адрес лицемерных англичан и чернокожих ослов, которые продались им за пучок сена. Мистер Кейнсон не стал молчать и вспомнил о некоторых проделках марсельских торговцев, но в ответ услышал о грязной и гнусной коммерции своей компании.

Эти базарные темы оказались близки и понятны переводчику и он буквально припал к уху Раббеха, а тот с откровенным удовольствием наблюдал за происходящим. Несомненно, вспомнил о письмах эфиопского негуса, в которых упоминалось о соперничестве и распрях официальных представителей и торговцев из европейских стран при его дворе. Решил и сам испытать столь редкое наслаждение и устроить подобную потеху перед собственными приближенными. Пусть знают, что выяснение отношений между грозными северными иноземцами мало чем отличается от недавнего спора за колодец между старейшиной одного из родов кочевников-туарегов и вождем племени муби.

Но когда француз громогласно высказал свое мнение о захватившем власть в Борну «кроважатном работоторговце» и «грязной своре» его соратников, улыбка исчезла с губ эмира. Подскочившие стражники тут же уволокли пленника, а Раббех сокрушенно развел руками:

— Ну что мне делать с таким безумцем?

Староста триполианских купцов, к которому и был обращен этот вопрос, тяжело вздохнул и прочитал молитву.

— Конечно, жара помрачила разум этого язычника, но ведет он себя недостойно, — наконец произнес Али аль-Хусейн. — К сожалению, мы знаем, как поступают его земляки в долинах Сенегала и Нигера. Сегодня просто опасно посылать караваны в эти края. Но хаким хозяин в своем доме и только он имеет право решать судьбу его обитателей.

В свою очередь и грек Маридакис посетовал на жару, которая не позволяет многим иностранцам лучше узнать Африку и характер ее жителей. С горестным видом он согласился с тем, что война разрушит торговлю, и умолял хакима сохранить мир. Мистер Кейнсон, на лице которого, как только увели француза, гнев сменился скорбью, был краток. Он выразил уверенность, что законная власть Борну сама решит, как поступать с тем, кто выведывает государственные тайны и оскорбляет правителей страны. Напомнил, что законы гостеприимства святы, но совершивший преступление гость позорит и хозяев дома, и своих земляков.

На этом совещание закончилось, и в зале остались немногие. Вот тогда-то на полу опять появилась карта и началось обсуждение настоящих государственных дел. Долго спорили и решали, жевали орехи кола, чтобы прогнать сонливость.

протавь солдатовъ.

— Передовой отряд французов на Шари надо остановить, — вынес окончательное решение Раббех. — Дать им бой и не отступить, показать нашу силу. После этого можно будет предложить начать переговоры о мире. Англичане обещали нас поддержать.

— Не исключено, что придется сражаться с тремя колоннами, — напомнил Дмитрий. — Но если они объединятся, то будет очень трудно.

— Действовать надо быстро, — кивнул Раббех и обратился к среднему сыну. — Ты, Наби, пойдешь со своими аламами на юг. Дам вам пушки и арабов Альхаджи Муса. Запомни, никаких боевых действий без его согласия не предпринимай. В твоей верности и храбрости не сомневаюсь, но опыта войны с фарансава у тебя еще нет. И вы оба помните — надо беречь патроны!

— Отец, твоя воля священна! Альхаджи Муса — ты рука, я твой меч!

— Хорошо, сейчас все расходитесь и принимайтесь за дела. Альхаджи Муса, подожди еще немного.

Когда остались вдвоем, Раббех понизил голос:

— Недавно ты получил два послания из страны Раша. Что можешь сказать мне об этом?

— Мои начальники просят срочно сообщить, что здесь происходит. Должен буду написать им ответ.

— Хорошо. Пиши правду. А ты сам останешься с нами?

— Останусь, эмир! — решительно произнес Дмитрий, а про себя подумал — «семь бед, один ответ»!

Внезапно распахнулась дверь, и поток воздуха резко качнул огни светильников. В зал стремительно вошел Фадельалла.

— Отец, со мной только что говорил Бычья Голова. Он требует казни француза. Немедленно. Так мы должны доказать верность Англии. Иначе он не сможет помочь нам.

— Тир! — громко произнес Раббех. — Не надо было мне ссраивать его с французом. Ну да теперь делать нечего. Суруру! Вылезай из-за ковра... Повесишь этого купца на главной площади, так чтобы это можно было видеть из лавки Бычьей Головы. Пусть соберут народ и судья скажет все, что полагается. Да, дайте французу что-нибудь, чтобы он выглядел здоровым, но скорбным и не вздумал орать перед простым народом. Иди!

— Вот она какова власть, Альхаджи Муса. Правитель должен думать и о таких делах. Пиши свое послание и отправляйся в путь.

С облегчением Дмитрий покинул зал. Дома заполнил колонками цифр бумажный квадратик и, свернув его трубочкой, засунул в срезанный конец одного из страусиных перьев. Связки этого ценного товара регулярно отправлялись через Сахару в города Средиземноморья. В Александрии Василий Ильич или

кто-то другой прочтет написанное, а потом перешлет текст в Питер. Что-то там скажут? Но больше времени на раздумья не было. Дмитрий засунул басни Крылова в походную сумку и, простившись только с Ахмедом, поскакал к своим арабам.

Солнце уже встало, когда он увидел весь аламам, выстроенный вдоль крепостной стены. В утренних лучах все радовало глаз — холодно светилося начищенное оружие и сверкала сбруя, лоснились сытые кони, сияли радостные улыбки воинов, увидевших своего командира. Лучше всякой музыки звучали хриплые команды Айчака, топот коней и восторженные крики людей. Хозяйство алама было в полном порядке, и в поход можно было выступать немедленно.

Но у стены Дмитрий увидел несколько ящиков, аккуратно перетянутых волосяными веревками. Подошел поближе и обнаружил на каждом из них пестрые бумажки с названием известной английской мыловаренной фабрики. Трое воинов старательно отскребали их кинжалами.

— Это что такое?

— Подарок Бычьей головы, — радостно оскалился Айчак. — Только что привезли. Сейчас все погрузим на быков.

— Собираешься в походе торговать мылом?

— Так в них же винтовочные патроны! Поэтому приказчик англичанина и просил заранее содрать все

Широкая река плавно струилась вдоль низких берегов. В ее бурой воде отражались красные глинистые обрывы, черные коряги, темно-зеленые заросли кустов, бесконечные серые ленты тростниковых зарослей. Над песчаными кусами белели громадные плоские камни, на поверхности которых, под напором паводка, крупные валуны выдолбили глубокие вмятины и теперь покоились в них, словно яйца в лукошке. При взгляде на эти берега можно было поверить, что в дождливый сезон вода поднимается на три-четыре человеческих роста и яростно кипит на перекатах, а река сметает все на своем пути и разливается так, что не видно берегов.

Но сейчас, в конце сухого сезона, Шари была спокойной, и тысячи птиц носились над ее бесчисленными островами и протоками. У дальнего мыса громадная стая пеликанов перекрывала реку и истребляла прижатые к берегу косяки рыб. Рядом в тихой заводи кормились утки, а по широким листьям плавающих растений перебежали и что-то быстро-быстро клевали длинноногие птички. Вдруг у берега взметнулся фонтан брызг, и все птицы взлетели с громкими криками. Но одна утка исчезла, а на ее месте

закрутился водоворот и блеснул черной чешуей хвост крокодила.

— Эти поганые твари даже в нашу заводь забрались! — возмутился стоявший рядом с Дмитрием Мей Араду. Альхаджи Муса, прикажи перестрелять крокодилов. Они же всех моих людей перекалечат!

Старичок воинственно задрал свою седую бородку и резво захромал вдоль берега, что-то замерял и указывал подручным, где втыкать бамбуковые вешки. Увидел входившие в заводь пироги и замахал им, показал место выгрузки. Начальник арсенала и главный пушкарь Раббеха не пожелал оставаться в столице. Объехавший множество стран от Испании до Индии, он заявил, что хорошо знает все повадки франков и родственных им племен и что в боях с ними не обойтись без его орудий. Под бдительным присмотром Мей Араду все медные пушечки и боеприпасы были благополучно доставлены в лагерь, и сейчас он создавал военную флотилию, устанавливал орудия на больших пирогах, на которых обычно перевозили верблюдов и тюки хлопка.

На берегу появился Наби. Его розовые одежды, словно паруса, развевались на ветру. Грузно ступая по хрустящему песку, он подошел к Дмитрию и спросил, где лучше разместить палатки гарема, который, как обычно, сопровождает его в походе. В разговор тут же вмешался Мей Араду и заявил, что место на прибрежном холме

занято. Там, куда не доходит речная сырость, он устроит склад боеприпасов. Начался спор, который пришлось решать Дмитрию. Боеприпасы приказал хранить в нескольких удаленных друг от друга местах и беречь, как самое ценное, что есть в лагере. Гарем же пусть устраивается на мысу, там его будет легче охранять, а жены смогут купаться на мелководье, где крокодилы не смогут к ним незаметно подобраться.

Старичок поворчал для порядка и ушел к своим пушкарям, а сын эмира разоткровенничался. Признался, что ему не терпится вступить в бой, броситься на врагов с доброй саблей в руке и рубать их одного за другим. А потом пировать с друзьями и проводить ночи с любимыми женами. Все эти военные совещания не для него, там всегда так много говорят лишних слов, но ничего определенного не могут решить. Он отлично понимает, что большинство их участников сами толком не разбираются в обстановке и совершенно не способны действовать самостоятельно. Они могут лишь исполнять чужие приказы, но боятся в этом признаться и, чтобы скрыть это, болтают чепуху или просто хвастаются и врут.

Дмитрий спорить не стал, но чтобы успокоить этого громадного ребенка, в глазах которого стояла давняя обида на грозного отца и его свирепых соратников, предложил все решения принимать только

вместе.

— Твое слово, Наби, будет последним и все приказы объявлять будешь только ты. Пусть Мей Араду ведает пушками и устройством лагеря, а всадники останутся под командованием Айчажа.

— Не беспокойся, помню, что приказал отец. Я же воевал с другими племенами, ходил в походы на кочевников, но такого большого войска не было под моим командованием. Знаю, что все делаю медленно и не люблю спешить. Но если что решу, то обязательно своего добьюсь. Как думаешь, у нас больше воинов, чем у франков?

— Их меньше, но их оружие сильнее нашего, а офицеры и сержанты хорошо обучены. На совете у твоего отца Бычья Голова сказал не всю правду — французы умеют воевать и в Европе их военное искусство очень высоко ценится. Сколько воинов у Бретонне мы узнаем, когда из разведки вернется Айчак. Сейчас пойдем посмотрим конное учение.

Сына эмира следовало занять чем-то дельным, чтобы он меньше проводил время со своими женами и всяким сбродом, который всегда крутится около важного начальника. В лагере таких толстобрюхих особ набралось уже довольно много. Все они величаво расхаживали среди воинов и даже пытались давать указания. Это только Раббеху с его беспощадной жестокостью удавалось заставить этих ленивых и

вороватых приближенных исполнять приказы и быть хоть чем-то полезным. Идрис предупредил, что среди них наверняка есть лазутчик Гауранга, который в свое время прислал очаровательную наложницу в гарем Наби. Еще барде посоветовал не верить никому из этих людей и выделил несколько своих проверенных слуг в помощь Дмитрию.

Конное учение проводилось на ровной поляне и не заключало в себе ничего необычного. Просто воинов надо было чем-то занять и еще раз освежить в их памяти необходимость безоговорочно исполнять приказы командира. Затем Дмитрий решил поработать и сам. За последнее время мало занимался со своим гнедым, который явно застоялся в конюшне. Поэтому сейчас использовал любую возможность для того, чтобы, как говорят кавалеристы, «ездить коня». Радовался, что подарок Раббеха оказался не только резвым и красивым, но и не был тупым. Все прошлые уроки он быстро вспоминал и охотно работал с хозяином. Вот и теперь Дмитрий приказал воткнуть в землю тонкие бамбуковые стебли и одеть на них пестрые матерчатые колпаки, в которых щеголяли гребцы и носильщики. Взял повод в зубы, а в каждую руку по сабле и, работая шенкелями³⁰, послал гнедого вперед. Стебли рубил один за другим и делал это так чисто, что верхняя их часть тихо соскальзывала вниз, а надетые на них колпаки не падали на землю. а аккуратно опускались на обнубки.

Глядя на такую рубку, Наби от восторга захолопал в ладоши, а воины разразились восторженными криками. Владельцы же колпаков изумленно замерли с открытыми ртами и потом долго не решались снова одеть их, явно опасаясь какого-нибудь колдовства. Но эти лагерные заботы не давали забыть о главном, и все с нетерпением ожидали вестей о приближающемся противнике. То и дело смотрели на юг, куда ушли дозоры Айчака. Но они появились только под вечер, усталые и довольные. Все, люди и кони, одинакового цвета, покрытые толстым слоем коричневой пыли. Айчак отправил воинов мыться и отдыхать, а сам, в сопровождении одного из тех людей, которых барде Идрис послал вместе с войском, пришел для доклада к Дмитрию.

Но не успели они еще и рта раскрыть, как в палатку ввалился Наби и с ним добрый десяток его приближенных. Явился даже карлик с подвязанной козлиной бородой, в обязанности которого входило развлечение обитательниц гарема и остальных придворных. Увидев таких гостей, Айчак нелюбезно оскалился, а его спутник поспешно прикрыл лицо концом ткани, намотанной на его голове в виде тюрбана.

— Пусть твои люди уйдут, — произнес Дмитрий как можно спокойнее, хотя внутри у него все клокотало.

видимо, сын эмира забыл о просьбе отца сообразить бдительность или просто не обратил на нее внимания.

— Успокойся, галадима, — произнес один из спутников Наби, дородный красавец в богато расшитом халате. — Все мы верные друзья сына нашего славного хакима и всем нам интересно узнать новости о франках, которые раздобыли эти разведчики.

— Наби, хаким приказал, чтобы военные советы проводили только мы вдвоем. Пусть остальные уходят.

Упоминание об отце заставило Наби тяжело засопеть и нахмуриться. Но прежде чем он собрался с мыслями и смог что-то произнести, шут громко испортил воздух и прокричал:

— Вот пушка стрельнула и всех франков разом сдуло!

Присутствующие замерли, ожидая реакции Наби, а Дмитрий просто оцепенел от такой наглости. Но прежде чем кто-нибудь успел сказать хоть слово, сидевший на ковре Айчак стремительно поднялся. В его руке блеснул широкий кинжал, и отсеченная голова карлика вылетела из палатки.

— Кто следующий? — тихо спросил Айчак.

Через малое время палатка опустела, но Наби еще долго продолжал хохотать и вспоминал выражения лиц

своих подчиненных. Только когда он успокоился, разведчики начали доклад. Рассказали, что имели несколько стычек с дозорными султана Гауранга и видели, как лодки, на которых размещались солдаты капитана Бретонне, подошли к местечку Куно. На прибрежном холме французы установили пушки и начали строить укрепление. Разведчики собрали точные данные об их численности и вооружении.

— Я побывал на базаре в Куно и встретил там нашего старого знакомого по имени Гарба, — произнес спутник Айчака. — Он старший повар султана и большой друг барде Идриса.

— Ну и что рассказал этот Гарба?

— Его стряпня очень понравилась капитану франков, и султан приказал ему остаться в Куно, чтобы все приготовить для торжественного пира. С юга скоро прибудет самый главный начальник франков по имени Джин... нет Джун...

— Жантий?

— Да, Жантий! С ним будет много войска и пушек. Он приказал капитану укрепить Куно, но самому в бой не вступать. Гарба слышал, что этот капитан хвастался, что сможет выдержать нападение и десятки тысяч врагов, которых его пушки смешают с грязью. Он уговаривал султана не сидеть на месте, а немедленно атаковать отряд.

Спросил он старшего повара, где живет барде Идрис.

— Спасибо за отличные вести, ты достоин большой награды, — сказал Дмитрий. — Сейчас иди и отдохни. Талеры получи у казначея. Завтра же возвращайся в Куно и скажи Гарбе, что прибыл сам Раббех и очень скоро его войска начнут наступление на франков.

Когда остались в палатке вдвоем, Наби опять наморщил лоб и произнес:

— Что будет, когда отец узнает о твоих словах? Он же находится в столице и не собирается ехать на берега Шари.

— Айчак, найди и приведи сюда Мей Араду. — Дмитрий повернулся к Наби. Этот могучий сын эмира явно не обладал остротой ума и ему требовалось заранее объяснить замысел операции. — Я хорошо знаю характер французских офицеров и уверен, что капитан Бретонне не будет ждать подхода главных сил под командованием Жантия. Он захочет лично разгромить войско Раббеа и сам получить все награды. Поэтому он поспешит навстречу, оставит крепость и вскоре встретится с нашим передовым отрядом.

— Я поведу его!

— Нет, лучше, если командовать им будет Мей Араду. После первых залпов франков, его воины обратятся в бегство, бросят на берегу пару медных пушек и шатер с шелковыми подушками, дорогой посудой и прочим барахлом, которое мы наберем в палатках твоих жен. Капитан решит, что захватил ставку Раббеа и

одержал победу. Как раз в это время ты со всеми аламами ударишь из засады, а я зайду с тыла и отрежу им пути отхода. Честь разгрома франков будет принадлежать тебе, и отец очень обрадуется, когда узнает о твоей победе. Только не вздумай раньше битвы обсуждать этот план со своими приближенными. Среди них слишком много любопытных и болтунов.

— Эх, Альхаджи Муса! Все они родня моих жен. Как я смогу им отказать? Опять они начнут расспрашивать и обижаться, если я ничего подробно не смогу ответить... А план сражения ты придумал великолепный!

— Считай, что победа уже твоя! Станешь первым военачальником во всем Судане — да не только в Судане — во всей Африке! — который разгромил вооруженный пушками отряд французов! Прославиться, как эфиопский негус, победивший итальянцев! После боя женам все расскажешь подробно.

— Хорошо, если будет так, как ты говоришь. Но вот сегодня вечером...

— Останешься ночевать в моей палатке. Чтобы тебе не скучать, Айчак приведет сюда любую из твоих жен. После того, как он прирезал этого шута, никто не осмелился послушаться его приказа. Согласен? Ну вот и отлично!

Тем временем явился Айчак с Меи Араду, и окончательный план боя был согласован во всех

деталях.

Через пару дней события развернулись в полном соответствии с этим замыслом. Словно партия в шахматы, которыми так увлекался Айчак. Французы двинулись вниз по реке, а конное войско Гауранга наступало по прибрежной равнине. Впереди плыли три большие плоскодонные лодки. У каждой на носу установлена пушка на колесах, так что в случае необходимости ее можно было сразу же выкатить на берег и открыть огонь. За ними следовало множество пирог с сенегальскими стрелками и мушкетерами султана. Навстречу этой силе из прибрежных кустов вынырнуло несколько лодок, с которых воины Борну немного постреляли, а потом поспешно отошли на главную позицию, обозначенную внушительным частоколом и свежевыкопанным рвом.

Высадке французов никто не мешал, и вскоре они пошли на штурм этого укрепления. Были встречены пальбой нескольких пушечек и нестройными мушкетными залпами. Потерь не понесли, но приостановились. Немного подождали, пока не рассеется густой пороховой дым, и сами начали обстрел. Но стоило лишь разорваться первым снарядам, как Меи Араду устроил взрыв склада боеприпасов. Не пожалел ради такого дела четырех мешков американского пороха. Громынуло со страшной силой, а столб дыма поднялся до самого неба и закрутился грибовидным облаком

до самого неба и заключился приоткрытым боком. Пожар мгновенно охватил соломенные хижины, которые должны были изображать лагерь Раббеха. Зрелище получилось весьма впечатляющим и завершилось паническим бегством защитников укрепления. В руки наступавших попали медные пушки, шатер, украшенный леопардовыми шкурами и шелковыми занавесками, сундуки с посудой и мешки с одеждой. Да еще и «шгандарт императора Борну», который изображало обвитое бусами копьё с привязанным к нему конским хвостом.

У французских офицеров просто не было времени, чтобы разобраться в этом маскараде. Во время штурма их стрелки потеряли боевой порядок и уже рыскали по укреплению в поисках добычи. Как раз в это время на них и обрушились из зарослей базингеры Наби. Одновременно с этим на левом фланге загремели винтовочные залпы и раздался устрашающий вой. Всадники Гауранга сразу же обратились в бегство, но сенегальские стрелки не растерялись. Они быстро построились и открыли беглый огонь. Базингеры на какое-то мгновение приостановились, но перед ними возникла громадная фигура Наби, что-то кричавшего и грозно размахивавшего саблей. В него стреляли почти в упор, но он не останавливался.

Что происходило дальше Дмитрий не видел. Со своими арабами на всем скаку он обошел стрелков и

оказался перед французскими пушками. Вид несущихся всадников, оскаленные морды коней и блеск обнаженных клинков смутили артиллеристов. Один из офицеров что-то кричал, указывая новую цель. Другой подбадривал прислугу, сам ухватился за лафет, пытался развернуть орудие. Всех их порубили на месте, до берега не добежал никто. Впрочем, там уже хозяйничал Май Араду, захвативший все лодки и постепенно расставлявший часовых для охраны захваченных трофеев.

— Я уже послал верных людей в Куно, — доложил он Дмитрию. — Они займут укрепление на холме, пока эти трусливые шакалы Гауранга и местные жители не разворовали все добро. Как думаешь, франки не успели заклепать пушки, которые я им оставил у частокола?

— Садись сзади меня. Поедем и осмотрим настоящие артиллерийские орудия, которые нам сегодня достались.

На французской батарее стояла тишина. Отдельные выстрелы доносились лишь из-за дымящихся развалин укрепления, за которым базингеры добивали отряд капитана Бретонне.

Только сейчас Дмитрий смог внимательно осмотреть эти самые ценные трофеи. Три восьмидесятимиллиметровые горные пушки были в отличном состоянии. Замки, прицелы и весь полагающийся при обслуживании орудий набор

инструментов — все оказалось на месте. А рядом лежали ящики со снарядами.

Взялся за рубчатую рукоять оружийного замка и вспомнил лекции по артиллерии, которые читались в Питере при офицерской кавалерийской школе. Тогда, после скучноватых рассказов о внешней и внутренней баллистике, рассеивании снарядов по дальности и по высоте и прочей пушкарской премудрости седоусый артиллерийский штабс-капитан предложил ознакомиться с материальной частью. Хитро взглянул на слушателей, щеголеватых гвардейских и армейских кавалеристов, и толстым пальцем указал на казачьих офицеров и черноглазого красавца из Императорского конно-мусульманского полка:

— Вам, господа офицеры, особо рекомендую обратить внимание на иностранные системы. На войне именно вам чаще всего придется гулять по вражеским тылам и добывать трофеи по милости ее величества Судьбы и собственной удачи. Так что такие знания могут оказаться очень и очень полезными. Спасибо, господин штабс-капитан, за науку!

Дмитрий уверенно чух подальше рукоятку замка, повернул ее вправо. Осмотрел казенник, заглянул в канал ствола, затем занялся прицелом. Таким образом обследовал и остальные два орудия. За ним по пятам следовал Мей Араду, повторял каждое движение. С лица старика не сходила восторженная улыбка.

лица старика не сходила восторженная улыбка.

— Это надо же, так суметь отполировать сталь! — с восхищением произнес он. — Такое видел только на клинках ручной выделки. А тут как заглянешь в ствол, так там все сияет, нарезы выются, как водовороты на речных порогах. Даже голова начинает кружиться! Какое нам досталось богатство!

— Немедленно отбери из своих пушкарей толковых ребят, по десять человек на пушку. Сегодня же начнем обучение, чтобы через неделю три расчета были готовы к работе. Кроме того, поставь охрану, посторонних и любопытных возле пушек быть не должно.

— На чем повезем пушки в Куно? Опять погрузим на лодки?

— Хорошо, что напомнил. Это горные орудия, их можно разобрать и навьючить на быков или верблюдов. Повезем по суше, на реке всякое может случиться. Если хоть один снаряд утонет, придется за ним к крокодилам нырять.

Желающих взглянуть на диковинные орудия оказалось очень много, но всем им было решительно предложено заниматься своими делами. Исключение было сделано только для одного Наби и его свиты.

Телохранители принесли сына Раббеха на носилках, с повязками, на которых выступали пятна крови. Рядом с ним шествовал малолетний слуга, разгонявший опахалом тучи мух, уже слетевшихся на поле боя. На его

голове красовалось французское офицерское кепи с алым верхом и пушистым белым султаном, а на руках были натянуты несколько испачканные белые перчатки. Вся свита также обзавелась различными предметами французского обмундирования и выглядела весьма воинственно.

— Мы победили! — глаза Наби восторженно сияли. — Положили всех до одного, вместе с капитаном! Отец будет доволен мной, а тебе спасибо за советы и захват пушек!

— Все видели, как ты первым бросился на врагов. Удивительная храбрость. Как сейчас себя чувствуешь?

— Француз ударил меня саблей по голове, а какой-то стрелок ткнул штыком в плечо. Плохо, что уже в самом конце боя пуля пробила ногу. Лекарь дал снадобье и боль прошла, но пока не могу ни стоять, ни ходить. Отлежусь, а ты принимай командование и жди приказов отца.

— Поправляйся, Наби. Сейчас будем укреплять Куно.

Через несколько дней прошли первые дожди, но еще до них вода в Шари начала подниматься. Местные жители подтвердили, что далеко на юге, там, где горные плато покрыты густыми песами, пивни уже илут

плато покрыты густыми лесами, живыми уже надолго непрерывно, а все речки и ручьи превратились в бурные потоки. Их воды и поднимают уровень Шари. Пройдет еще немного времени и грозовые тучи повиснут над долиной. Вот тогда река выйдет из берегов и все окрестности превратятся в вереницу озер, расположенные на возвышенностях селения станут островами, а их жители будут общаться друг с другом, передвигаясь на пирогах по протокам и узким каналам, прокопанным через песчаные мысы и полуострова.

Можно было ожидать, что разъяренный уничтожением своего авангарда губернатор Жантий попытается взять реванш за поражение Бретонне. Поэтому работы возле Куно велись непрерывно. Из толстых бревен сооружалось несколько рядов палисада, высота которого достигала трех метров, копались рвы и насыпались валы. На прибрежном холме, где покойный капитан еще до боя начал сооружать укрепленную позицию, спешно строили приземистый четырехугольный форт. Его стены обкладывали камнями и самыми толстыми бревнами. Сам городок превратили в отдельную крепость, на улочках устроили завалы. В палисаде и стенах укреплений делали бойницы для пушек и стрелков, и Дмитрий лично следил, чтобы простреливались все подходы и не было мертвых пространств, где могли бы укрыться нападающие.

В окрестностях Куно специальные дозоры несли

круглосуточную охрану, а в дальние дозоры, под видом рыбаков и бродячих торговцев, отправлялись расторопные и верные люди. Но самая ценная информация поступала от Гарбы, старшего повара султана Гауранга. Еще до начала сражения он выбрался из Куно и сейчас вместе со своим хозяином обосновался во французском укрепленном лагере в верховьях Шари. Султан старался заслужить расположение губернатора, а повар, уже узнавший кое-что из секретов французской кухни, умело угождал вкусам белых господ. Но не забывал и о тех, кто регулярно присылал ему мешочки с полновесными серебряными талерами. Хозяйственная жизнь на берегах реки не прекращалась, и это в значительной мере облегчало передачу ценной информации.

Новости от Гарбы поступали с завидным постоянством и были весьма полезны. Самое забавное было в том, что они посылались совершенно открыто и даже в письменном виде. Французским офицерам и колониальным чиновникам и в голову не приходило, что на гладко выструганных дощечках из твердой белой древесины, грибовидные ручки делали их очень похожими на кухонные доски, на которых хозяйки режут хлеб и овощи, могут содержаться секретные сведения.

Все знали, что местный святой имам писал на них красными и черными чернилами, классическим арабским почерком «наسخ» молитвы и заговоры,

помогающие от болезней и порчи. Достаточно было громко прочесть написанное или смыть чернила и выпить полученный раствор, чтобы полностью излечиться от всех напастей. Такие дощечки высоко ценились среди жителей долины Шари, их охотно покупали даже кочевники из далеких оазисов Сахары... О том, что к некоторым молитвам по просьбе Гарбы имам делал соответствующие приписки, французы и не догадывались.

Именно таким образом стало известно, что после боя у Куно всего лишь трое сенегальских стрелков смогли вернуться к Жантийю. Их рассказы вызвали всеобщую панику, тем более что в распоряжении губернатора оставалось всего лишь шестьдесят пять солдат и офицеров. Всем им базингеры Раббеха мерещились ночью и днем, а исчезновение со складов патронов, спиртного и других ценных вещей, так же, как и кражи скота, являлись бесспорным свидетельством действий вражеских разведчиков.

Страсти стали утихать, когда с юга подошли первые подкрепления, срочно посланные из гарнизонов, расположенных на берегу Атлантического океана. Стало известно, что ожидается прибытие новых частей, но для этого требовалось много времени. Старательный Гарба даже прислал кое-какие документы. Ничего особенного в них не было, но, судя по товарным накладным, поставка грузов из французского порта Борло на берега

Шари занимала почти двенадцать месяцев. Причем все грузы — судовые паровые двигатели, артиллерийские орудия, боеприпасы и многое другое — рекомендовалось разделить на части весом не более тридцати килограмм или на «транспортные места», каждое из которых мог нести один человек. Тысячи жителей окрестных деревень были мобилизованы для транспортировки этого имущества на расстояние двести сорок километров, через джунгли и горные кряжи.

Оценив обстановку, Дмитрий предложил совершить бросок на юг и развить успех. В ответном послании Раббех приказал воздержаться от наступления и добавил, что сам прибудет в Куно. Но первым появился барде Идрис. Он сообщил, что французские колонны топчутся на пустынных равнинах к северу от озера Чад и пока не представляют серьезной угрозы для Борну. На большом совете у эмира решено было добить Жантийя, и для этого собрать у Куно все лучшие аламы под командованием самого Раббеха. Идрису же поручено провести дальнюю разведку и как можно больше узнать о положении в долине.

— Есть сведения, что султан Гауранг разочаровался в силе французов, — барде произнес это едва слышно. Но потом не удержался и, с профессиональной гордостью взглянув на Дмитрия, добавил: — Кажется, он раскаивается в своем поведении и хотел бы

заслужить прощение Гаабеха. Но для того чтобы поезда была полной и произвела впечатление на всех окрестных правителей и вождей, нужно сделать кое-какие приготовления. С Гаурангом следует обговорить некоторые условия, подсказать ему подходящее время и место.

Раббех явился в Куно в сопровождении всей своей свиты и нескольких аламов. За последние недели он словно помолодел, был бодр и весел. На глазах у всех обнял Дмитрия, громогласно поблагодарил за то, что тот находился рядом с Наби в победоносном сражении с безжалостным и могучим врагом. Особо похвалил за хладнокровный расчет, который помог захватить бесценную военную добычу. Необычным было и то, что эмир при многочисленных свидетелях заговорил о делах своей семьи. Сказал, что Фадельалла надежно охраняет границу на западе и севере, а Наби залечивает раны и уже начинает вставать с постели. Вытащил из кармана никелированный бельгийский браунинг, показал его всем, кто стоял рядом, и сообщил, что эту игрушку подарила ему дочь Авва. Добавил, что оружие, к которому прикоснулась родная по крови и любящая женщина, в руках воина приобретает особую силу.

Затем последовал осмотр укреплений, строившихся вокруг Куно. Хотя многие работы еще не были завершены, Раббех пришел в восторг от увиденного. Он все рассматривал очень тщательно, дал несколько

дельных советов, а потом приказал, чтобы все прибывшие с ним воины немедленно приняли участие в возведении палисадов и земляных работах. Показательная стрельба из трофейных пушек потрясла эмира.

— Подобные орудия мне доводилось видеть в Египте, — сообщил он. — Но никогда не думал, что мои базингеры смогут так быстро научиться палить из них.

— Мы могли бы проводить учебные стрельбы и чаще, но бережем снаряды, — заметил Мей Араду.

— Не беспокойтесь, наши английские и немецкие друзья обещали прислать нам все необходимое. В этом местечке я решил собрать не меньше десяти тысяч воинов и разом прихлопнуть французов еще до начала сильных дождей. Однако предварительно нам надо заготовить достаточное количество продовольствия и пригнать много лодок и пирог. Войско ни в чем не должно испытывать нужды. Потом сделаем стремительный бросок на врага и с победой вернемся в столицу еще до начала паводка.

День шел за днем, в Куно прибывали все новые отряды воинов, грузы и стада скота. Тем не менее поход все время откладывался. Как-то, когда Дмитрий оказался наедине с эмиром, он осторожно напомнил, что время уходит, а сообщения разведчиков свидетельствуют о том, что Жантий также интенсивно готовится к наступлению на Куно.

На этот раз на лице Раббеха не было улыбки. Он тяжело вздохнул:

— Сам знаешь, что если наши люди собираются в большом количестве, то у них бывает много разговоров и танцев. Встречаются дальние родственники и начинается обмен новостями и воспоминания. С ними трудно работать быстро и четко, многие из них просто бездельничают и ожидают приказов начальников. А те и сами готовы тратить время на болтовню и пиво. Но если мы как следует не подготовимся, то поход окончится неудачей, а это будет хуже, чем поражение на поле боя.

— Неудачный поход еще не поражение. Если войско сохранится, то операцию можно продолжать.

— Так ведут войну в странах, где власть сильна, — резко возразил Раббех. — А у нас за неудачей часто следует измена всех подчиненных и союзников. Это означает бесславную гибель вождя. Лучше уж сразу погибнуть на поле боя, чем быть задушенным в собственном гареме.

Спорить Дмитрий не стал. Суть военного дела эмир и сам понимает отлично. И до него многие полководцы оказывались в тяжелом положении из-за слабой подготовки войск, бездорожья, нехватки припасов и других факторов. Но нельзя забывать о политической подготовке к войне. Паника и измена могут сокрушить самую сильную армию.

После полудня горы желто-розовых облаков

после полудня горы желто-розовых облаков поднялись на востоке. Их появление, а также сильная жара и духота, предвещали ночную грозу и приход настоящих ливней. Ветра не было, и гладкая, как стекло, поверхность реки казалась совершенно неподвижной. Даже все птицы куда-то подевались. Только на дальних отмелях виднелись серые туши крокодилов, распластавшихся на песке и широко раскрывших свои зубастые пасти.

Небольшая пирога стремительно вылетела из-за поворота реки и, подгоняемая течением, быстро направилась к пристани. Она буквально выскочила на берег, а мокрые от пота гребцы, без сил повалившись друг на друга, с трудом переводили дыхание. Один только барде Идрис выпрыгнул из нее и поспешно взбежал на берег и направился к шатру эмира.

— Французы выступили! — доложил он.

В этот час в шатре было малоллюдно. Порядок работ на следующий день с Раббехом обсуждали старик Абубакар, Меи Араду и Дмитрий.

— Опять все проспали? — с нехорошей усмешкой спросил эмир.

— Приказа о выступлении французы сами не ожидали. Как только подошла новая рота сенегальских стрелков, губернатор приказал немедленно выступать. Даже не стал ждать дополнительных караванов со снарядами.

— Видимо, он считает, что уже собрал достаточно сил. Гауранг идет с ними?

— Сам не пошел, сказался больным. Но послал небольшой отряд конных копейщиков и лучников. Я встречался с ним тайно, он говорит, что хочет искупить вину перед тобой.

— Трусит шакал. Выжидает, чьим трупом можно будет полакомиться.

— Он назвал имена двух торговцев, которые из Куно сообщают французам о наших делах. Один из них мой человек, а второго сегодня же прикончим. Еще Гауранг выкупил у губернаторского писаря полный список французского войска. Альхаджи Муса, переведи его.

На самом деле список оказался платежной ведомостью на офицеров и солдат, входивших в состав ударных сил под командованием капитана Робилье. Но писарь скопировал ее весьма старательно, так что теперь можно было многое узнать о противнике, который вскоре должен был появиться под стенами Куно.

Опуская суммы жалования, штрафов и наградных, Дмитрий перечислил:

— Три роты сенегальских стрелков, неполная рота пеших «африканских охотников», батарея горных пушек, батарея легких скорострельных орудий, саперно-ремонтный отряд, экипажи паровых катеров и барж речной флотилии, морские артиллеристы речной

батареи, взвод разведчиков, санитарный отряд, штаб губернатора и его охрана. С ними идут также вспомогательные отряды, как тут написано, «верных Франции султанов и вождей» и несколько колонн туземных носильщиков...

— Сколько же их будет всего?

— Думаю, что до тысячи. Но при них не менее двадцати орудий, и все стрелки вооружены дальнобойными винтовками.

— Когда подойдут последние аламы, у нас наберется не более восьми тысяч, — задумчиво произнес Раббех. — Винтовок будет тысячи полторы, да еще три пушки с необстрелянными расчетами.

— Хаким, не забывай, что на палисадах стоят и мои пушки! — воскликнул Мей Араду.

— Твоими игрушками только людоедов пугать, — проворчал Абубакар. — Если франки навалятся всей силой, то и палисады не спасут.

— Что же, теперь нам осталось только разбежаться по саванне? Или просто сложить оружие?

— Оружия не бросим, — ответил старый воин. — Будем сражаться. Нашим детям не будет стыдно за нас.

— Что, если встретить противника на подходе и нанести ему упреждающий удар? — предложил Дмитрий.

— Верно! Не дадим им напасть всеми силами одновременно! — живо поддержал его Абубакар —

одновременно. — Явно поддержал его Юсупов.

Затянем время до подхода остальных аламов.

— Объясни, что ты задумал, — сказал Раббех.

63

Следующее утро Дмитрий встречал на дальнем мысу вместе с расчетом одного из горных орудий и пятью десятками базингеров. Еще с вечера в нависших над водой кустах прорубили просветы для стрельбы, пушку прикрыли ветвями, а стрелки устроились на деревьях. Всю ночь страдали от укусов moskitov, мазались какими-то вонючими составами и дымили трубками, чтобы хоть как-нибудь отогнать от себя бесчисленных кровососов. Слушали, как плещется рыба и ворчат голодные крокодилы, один из них обнаглел до того, что выбрался на берег и цапнул за ногу присевшего в кустах базингера. Беднягу отправили в Куно, а мерзкого гада изрубили на мелкие куски.

Красный шар солнца появился из-за камышей противоположного берега, и туман начал рассеиваться. Звук по воде разносился далеко, поэтому резкие хлопки скорострельных пушек, а потом и винтовочные выстрелы стали слышны задолго до появления вражеской флотилии. Как назойливые жучки-водомерки крутились перед ней легкие пироги с дозорными Раббеха. Время от времени они стреляли по головным

судам и моментально исчезали в лабиринте протоков, как только в дело вступали пушки.

Перед мысом река просматривалась на несколько километров, и вскоре на ее плесе можно было видеть далеко растянувшийся караван. Впереди двигались пироги с разведчиками, которые лениво постреливали в сторону дозорных и длинными пестами замеряли глубину. За ними пыхтел паровой катер, на носу которого хищно задрала свой ствол скорострелка, а следом тянулись на буксире две широкие баржи с артиллерийскими орудиями. Далее следовали бесчисленные лодки и другие посудины, набитые людьми и грузами. Зрелище было устрашающее. Тем временем в лучах восходящего солнца стали видны тучи пыли, поднимавшиеся над холмами левого берега. Пешие колонии губернатора Жантия спешили использовать прохладные утренние часы, чтобы занять исходные позиции у самых стен Куно.

Видимо, разведчики заподозрили что-то неладное, потому что еще издали начали обстрел мыса. Напрасно Дмитрий приказывал затаиться, не отвечать на огонь и подпустить их пироги как можно ближе. С деревьев прозвучали первые ответные выстрелы, а затем все базингеры не выдержали и начали пальбу. Тут же с катера зачастила пушечка, и ее снаряды начали рваться в прибрежных зарослях. Пришлось, ругаясь последними словами повить в прицеп юркий катерок и сделать

словами, левить в прищел торжми катерок и сделать выстрел.

Эх! Из пушки стрелять — не саблей махать! Прежде чем правильно определил дальность и упреждение, промазал четыре раза. Но басовитый голос восьмидесятимиллиметровой пушки и высокие столбы разрывов ее фугасных гранат произвели самое сильное впечатление на всю флотилию. Паровой катер заметался и с перепуга выскочил на песчаную косу, а его экипаж резво бросился в заросли тростника. Теперь стрелять по неподвижной цели не составляло труда и следующий снаряд разорвался у самого борта. Видно было, как вверх полетели обломки, а из пробитого котла вырвалось облако пара.

Но теперь в сторону мыса стреляли все орудия флотилии, суда которой сбились в беспорядочную кучу. Они торопились и еще не успели пристреляться, но уже кричали первые раненные, и на базингеров дождем сыпались срубленные осколками ветви. Последний снаряд Дмитрий, не целясь, послал в середину каравана и приказал откатить пушку на другую сторону мыса, где уже поджидала баржа. Ее поспешно отправили в Куно вместе с тремя ранеными — слава Богу, обошлось без убитых! Сам Дмитрий, вместе с остальными базингерами, отошел к небольшому холму. Там его и встретил улыбающийся Айчак.

— Садись в седло, галадима. Здорово ты из пушки

стрелял! Я со своими разведчиками все видел.

— Плохо стрелял. Сколько раз промазал!

— Ха! Снаряд не пуля, его разрыв не каждого убивает, но всех пугает. Если бы не пушки из страны Раша, Менелик бы не разгромил итальянцев. Или ты забыл тот бой у эфиопского городка Адуа, фитауари?

— Рано радуется. Этот бой еще и не начинался. Который час?

— Восемь часов. — Айчак щелкнул крышкой своих массивных часов. — Смотри, франки остановились. Они сгружают пушки на берег и разворачиваются в боевом порядке.

— Главное, они остановились, а мы получили время до подхода новых аламов.

— Воистину, ты дал хороший совет эмиру. Уверен, что его подсказал тебе сам могучий Вака. — Хорошее настроение не покидало старого вояку. — Теперь франкам и их прихлебателям придется тащиться через заросли и многие из них останутся здесь долбить камень носом.

Дмитрий еще раз осмотрел местность. До первого ряда палисадов было не менее пяти километров. Противнику придется двигаться через густой кустарник, ручьи и болотистые низины, ставшие труднопроходимыми после недавних дождей. Базингеры будут подстергать их за каждым камнем и кустом. При таких условиях артиллерия не поможет. На заранее

расчищенное пространство перед палисадами французские офицеры выведут своих людей не раньше чем через два-три часа...

Дальше за ходом боя Дмитрий следил со стен форта, где находился и сам Раббех. Только после полудня разрозненные отряды Жантийя вышли к палисадам Куно, установили орудия, начали строиться к атаке. На реке появились баржи с пушками, а на левом фланге — пестрые толпы воинов Гауранга и других султанов.

Когда все приготовления закончились, французские пушки ударили разом. Фугасные снаряды крушили бревна палисада, шрапнель косила укрывавшихся за ним людей. Но последовавшая за артиллерийской подготовкой атака не принесла успеха. Базингеры открыли беглый огонь, а медные пушки Мей Араду встретили атакующих картечью. По команде Дмитрия установленные за стенами форта трофейные пушки посылали снаряд за снарядом на позиции французских батарей. На левом фланге Айчак набросился на союзников губернатора, и они моментально обратились в бегство. Чтобы не допустить прорыва в свой тыл, французам пришлось бросить в бой все резервы и срочно перенести артиллерийский огонь на новые цели.

На какое-то время стрельба затихла, и роты сенегальских стрелков откатились от палисада, оставив на поле боя много убитых и раненых. Базингеры исправляли повреждения, вносили своих раненых, а

самые отчаянные выскакивали за укрепления и подбирали оружие врагов. Со стен форта было видно, что французы стягивают силы в одну колонну на правом фланге

— Абубакар, видишь? — Раббех указал на новое построение противника. — Бери резервный алам и становись напротив. На этот раз они ударят не в центре, а вдоль реки. Там палисад разрушен больше всего.

Вторая атака началась после ожесточенного обстрела. Сенегальцы шли как на параде, плечом к плечу. Французские офицеры встали впереди и очень живописно смотрелись в своих синих мундирах с блестящими пуговицами и алых кепи с белыми султанами. На этот раз артиллерия поработала более старательно, и во многих местах бревна палисада были расколоты в щепки. Базингеры дрогнули.

— За мной, львы! — закричал Раббех. Он выхватил саблю и, призывно махнув своим телохранителям, бросился в самую гущу боя.

Когда рассеялись дым и пыль, стало ясно, что противника отбили, а на месте укрепления остались лишь обломки палисада и горы трупов.

— Пусть базингеры отходят за второй палисад, — приказал вернувшийся в форт Раббех. Его лицо было залито кровью, но глаза азартно блестели.

— Хаким ранен! — воскликнул кто-то.

После этого слова все замолкло. Не было

— Пуля только задела, кусок кожи сорвала. Но того стрелка я уложил! Еще не стар, рубиться могу даже и с больной рукой!

— Хаким, Умар Муби привел свой алам. Говорит, что за ним идут и другие. К заходу солнца все будут в Куно.

— Отлично! Пусть он займет укрепления в городе. Проследите, чтобы подобрали всех раненых, а базингерам принесли воды с медом и орехи кола. В такую жару трудно воевать.

— Абубакар убит.

— Знаю. Жалко старика, похороним вместе со всеми. После боя.

Второй палисад был выше первого, и с него простреливалось большее пространство. Его штурм происходил с еще большим ожесточением и потерями с обеих сторон. Атакующим удалось ворваться в Куно, где глинобитные дома с узкими оконцами и окружавшими их массивными оградами стали маленькими крепостями. Форт на холме подвергался ожесточенному обстрелу, но у французов не было гаубиц, а снаряды горных орудий и скорострелок не могли разрушить его сложенные из камня стены и уничтожить укрытые за ними орудия и воинов Раббеха. Все атаки на это укрепление оканчивались неудачей. Вскоре стало заметно, что число атакующих сократилось, а в их действиях нет прежней энергии. Артиллерийский огонь ослабел. И скоро

раздавались выстрелы только одной французской пушки.

Солнце уже склонилось к западу и до наступления темноты оставалось меньше двух часов, когда в форт пришел прихрамывая Айчак.

— Ты ранен? — с тревогой спросил его Раббех. — Почему оставил свой амам?

— Старая рана разболелась, — объявил с радостной улыбкой Айчак. — Мои разведчики прилипли к франкам, как мухи к медовой каше. Вижу, вы за казенными стенами хорошо устроились. Орехи кола жуете. Угостил бы кто-нибудь.

— Ты сюда шутить пришел? — В голосе эмира звучала угроза. — Разве не видишь, сколько людей убито и искалечено. Патронов совсем мало осталось. Альхаджи Муса, как у тебя со снарядами?

— Имею только семь шгук.

— Так сражение уже кончилось, французы начали отход.

— Врешь! — Раббех чуть не задохнулся от ярости. — Вон они сидят за палисадом. Всего в ста шагах от нас!

— Это тыловое прикрытие. Видел, что они отводят остатки рот, грузят на суда пушки и раненых. А чтобы вы поверили, что я говорю правду, послушайте одного из сотников султана Гауранга. Он сам пришел ко мне. Только вы покажите товар лицом. Выложите остатки боеприпасов на видное место и напустите на себя

свирепый вид.

Вскоре немолодой мужчина в кольчуге, перепоясанный французским солдатским ремнем, появился перед защитниками форта. Многочисленные вооруженные винтовками базингеры, штабель снарядных ящиков, верхний раскрыт, так что гильзы и головки снарядов ярко сверкают на солнце, ковер, заставленный кувшинами и походными закусками — все это произвело на него должное впечатление. Гость распростерся на земле перед орудийным лафетом, на котором восседал Раббех, и произнес длинные приветствия. Сообщил, что султан Гауранг больше не верит обещаниям французов. В этом бою его воины не сделали ни одного выстрела по доблестным базингерам. Сейчас они хотят оставить французский лагерь, просят пропустить их и готовятся заплатить выкуп.

— Что происходит у франков? Только не вздумай врать, — предупредил Раббех.

— Клянусь святынями Мекки и Медины...

— Нет! Вы со своим султаном закоренелые язычники. Клянись именем хозяина реки Шари!

— Пусть покарает меня и весь мой род властитель вод Маралега, если я скажу неправду! Все знаю от своего сына, который понимает язык франков. Он владелец одной из барж и все видел сам. У пушек неверных кончились снаряды, и от частой стрельбы половина из них сломалась. Все они говорят, что не ожидали такого

них сломалась. Все они говорят, что не ожидали такого отпора от войск Борну. Командовавший ими капитан Робилье тяжело ранен, а половина офицеров и стрелков перебита. Губернатор Жантий приказал уходить на берег и садиться в лодки. Нас они не берут, говорят, что нет места. Прикажи выпустить нас, мы не хотим больше воевать.

— Мне ваши головы не нужны, уходите с миром, — произнес Раббех и, когда сотник удалился, приказал: — Айчак, усиль дозоры. Идрис, пошли своих людей в лагерь франков. Всем быть наготове, отдыхать по очереди. Враг может обмануть и напасть на нас ночью.

Но опасения эмира не подтвердились. Утром 30 октября 1899 года вся французская флотилия ушла на юг.

64

Это была победа!

Но досталась она дорогой ценой. На палисадах Куно полегли многие верные соратники Раббеха, закаленные в прежних боях и походах, на обучение которых ушли долгие годы. Но сколько аламы потеряли на самом деле, не знал никто. Их командиры любым способом скрывали число погибших и требовали от казначейства продолжения выплат по старым спискам. Чтобы малочисленность подчиненных не бросалась в глаза начальству, в базингеров записывали всех

желающих, но одновременно платили им гораздо меньше. Разницу оставляли себе, чтобы покрыть собственные расходы. Война с французами не сулила ни пленных, ни богатой добычи. Похоже было, что после окончания дождей следовало ожидать нового похода губернатора Жантия и появления новых французских колонн с севера и запада. А все это обещало новые жестокие бои и большие потери.

Об этом и говорили на очередном совете во дворце Раббеха. Отсутствие Наби, Абубакара и еще нескольких старых соратников эмира подчеркивало всю серьезность положения. Впервые принявшие участие в подобном ночном совещании сын эмира Мухаммед и двое молодых командиров аламов больше молчали, сами говорили очень мало, зато главный казначей был даже слишком многословен. С бесстрастным лицом он докладывал о расходах за последние полгода, когда велась подготовка к отражению вторжения французов и начались боевые действия. Называя цифры предстоящих военных затрат, упоминал о стремительном опустошении денежных запасов и о том, что все большее число наместников эмира в пограничных областях и богатые купцы начинают уклоняться от уплаты налогов.

Раббех молча выслушал его доклад и сделал знак Идрису. Тот был краток, признал, что число

недовольных растёт и среди них всё чаще появляются трусы и изменники. Но простой народ очень гордится победой у Куно и считает, что франки получили хороший урок. Многие полагают, что они больше не осмелятся напасть на Борну.

— Вот-вот! Пусть так думают и дальше, — воскликнул эмир. — Власть слишком тяжёлая ноша, и она не по силам простому человеку. Сейчас мы должны продолжать обучение молодых базингеров и строительство новых укреплений. На Шари следует немедленно создать постоянную флотилию боевых пирог. Их должно быть не менее сорока — десять с маленькими пушками, остальные со стрелками. Деньги надо достать обязательно. Пусть все состоятельные люди, их списки есть у Идриса, кое-что дадут казне в долг. Им следует сказать, что таким образом они спасают собственное добро, ибо франки не знают пощады и ограбят их дочиста. Альхаджи Муса, знаю, что своего пороха и пуль у нас хватает. А как обстоит дело с другими боеприпасами?

— Винтовочных патронов будет не больше чем по три десятка на стрелка, а снарядов для пушек практически нет.

— Плохо. Нам стало известно, что под Куно французы израсходовали почти тысячу снарядов. В новых боях их огонь будет ещё сильнее, и наши пушки не должны молчать.

— Бычья Голова обещал помочь, — произнес Хасан.

— Вот и отправляйся к нему... Нет, погоди! — Раббех на минуту задумался. — Ты поедешь в Сокото. Еще раз предложишь им мир и союз. Скажешь, что Борну отказывается от своих прав на западные земли и готов не брать пошлин с их караванов, которые направляются в Триполи и Каир. Кроме того, постарайся раздобыть там займы хоть несколько миллионов каури... Эх, надо было укреплять с ними союз раньше, а не возиться с таким проходимцем, как Хайяту.

— Но тогда обстановка была другой и требовалась другая политика, — осторожно заметил Идрис.

— Тогда я ошибался, — тяжело вздохнул Раббех. Все заметили, как опустились его плечи и горько поджались губы. Но слабость продолжалась недолго. Вот он опять выпрямился и молодо блеснул глазами. — Политика дарит власть! Пусть говорят, что она — удел честолюбивых болтунов и бессильных старцев, которые сами не могут ничего создавать. С ее помощью сильный получит славу и успех и даст возможность остальным людям заниматься своими собственными делами. Нет ничего слаще власти! Ладно, поговорим об этом в другой раз... Альхаджи Муса, к англичанину пойдешь ты. Вы лучше поймете друг друга и быстрее договоритесь о боеприпасах.

Казалось, все последнее время мистер Кейнсон так и не покидал свой полутемную лавочку, в которой ничего не изменилось. Неужели он так и продолжал щелкать на счетах и делать записи в толстых бухгалтерских книгах, пока на Шари шли бои?

— О, Альхаджи Муса! Как прошла рыбалка? Хороший улов?

— Дожди пошли слишком рано, поэтому все пришлось закончить раньше времени, — в тон ему ответил Дмитрий. — Да еще крокодилы покусали кое-кого из рыбаков. Но все ваше мыло удалось очень выгодно сбыть. Так что расходы на поездку вполне оправдались.

— Рад слышать, что наш товар пользуется таким успехом. — Мистер Кейнсон с гордой улыбкой взглянул на находившихся в лавке приказчиков и покупателей. — Могу я предложить чашку чая? Потолкуем и о делах.

Низкий сводчатый потолок небольшой комнаты, где размещался кабинет хозяина, был окрашен в бледно-голубой цвет с нежно розовыми и белесыми просветами и оттого казался намного выше. Эти прохладные краски напоминали об утреннем рассвете где-нибудь под небом Северной Европы, а искусно изображенные у основания сводов ветви с дубовыми листьями и цветами шиповника усиливали это впечатление. Словно ты присел отдохнуть на лесной опушке где-то в старой лобной Англии

двором и т. п.

Развешанные на стенах географические карты и старинные литографии с видами Лондона и парусных кораблей дополняли убранство комнаты. Еще в ней стояли массивные шкафы с посудой и книгами, уютные кожаные кресла. Разлитый по прозрачным чашечкам из тончайшего китайского фарфора душистый цейлонский чай, хрустальный графин с темным португальским портвейном, бисквиты с сыром, брусничный джем и другие деликатесы, извлеченные из жестяных и картонных коробок, красовались на полированной поверхности широкого стола.

В комнате ничто не напоминало об Африке. Это было старательно оборудованное место отдыха от текущих дел и забот. Но сегодня разговор как раз и пошел на африканские темы.

Когда слуга накрыл на стол и удалился, хозяин убрал улыбку, его лицо стало напряженным и злым.

— Знаю, зачем вы пришли, мистер Димитри Иесолоф. Раббех уже напоминал мне о том, что английская сторона обещала ему прислать оружие. После боев на Шари в Париже разразился крупный скандал. Приобретение удаленной и не очень богатой колонии обходится слишком дорого. Но пока многие подробности о своих потерях французам удастся скрывать от мировой общественности. Расход боеприпасов большой?

— Очень большой. Но стрельба по плотным боевым порядкам весьма эффективна. Атакующие останавливались на половине дистанции, пытались укрыться, а потом отходили. Снаряды просто сметали целые секции палисадов вместе с их защитниками.

— Понимаю. — Англичанин долго молчал и рассматривал один из видов Лондона. Потом, не глядя в глаза собеседнику, произнес. — Высоко ценю ваши личные качества и знания, поэтому буду откровенным. В данный момент мы не можем предоставить Раббеху обещанной помощи.

— Как же так! — от возмущения у Дмитрия перехватило дыхание, но он взял себя в руки. Разговор шел деловой, и демонстрировать собственные чувства было бесполезно. Поэтому спросил как можно спокойнее: — У Англии пропал интерес к району озера Чад?

— В Южной Африке Англия начала войну с бурами. Вынужден признать, что в первых же боях британские войска потерпели неудачу и понесли огромные потери. Сейчас все силы Империи брошены на этот театр военных действий. Наши генералы и политики обделались с ног до головы и стараются как можно скорее оправдаться перед Сити. Началась мобилизация, все корабли и суда брошены на доставку войск и грузов в Кейптаун, промышленность получила срочные военные заказы. Великобритания не должна

потерять южноафриканские алмазы и золото.

— Но ваша компания имеет на Нигере собственные вооруженные силы.

— Беда не приходит одна. В Аккре, не без участия французских агентов, началась новая война с народом ашанти. Их воины осадили резиденцию британского губернатора, громят наши посты и склады товаров.

— Где эта Аккра?

— Порт на берегу океана, к западу от Лагоса. Административный центр британского протектората Золотой Берег. За последние девяносто лет Англия воевала с ашанти восемь раз, но так и не смогла расправиться с этими дикарями, обитающими в прибрежных джунглях. Золотого песка у них предостаточно, и наши конкуренты готовы, продать им любое оружие. Это в Дикву все товары надо тащить через пороги и перевалы, а на берегу океана ничего не стоит выгрузить несколько ящиков с винтовками и патронами. Сейчас все силы компании отправляются на помощь губернатору Золотого Берега.

— Раньше шла речь и о том, что Лондон поможет Раббеху начать мирные переговоры с французами. Долгой войны Борну не выдержит. Или в Сити больше не хотят иметь с ним дело?

— Фу, мистер Димитри! У вас настоящий славянский характер. Много чувств, но нет ни расчета, ни гибкости. Известно, что в любом случае большая

часть Борну станет частью обширной британской колонии на берегах Нигера. Мы дали Раббеху шанс, но время покажет, как он сможет его использовать. Нельзя же отвлекаться на поддержку отдельных личностей и забывать о главном. Африканских вождей, которые желают сотрудничать с Великобританией, более чем достаточно.

— Но обещания надо выполнять даже в политике. Сами знаете, как называется обман союзников!

— Не надо громких слов, мы же деловые люди. Это обычная практика, когда вчерашний враг становится твоим союзником, а союзник — врагом. Главное — надо соблюдать собственный интерес. Тогда живется легче: союзников больше, а врагов меньше, — на лице мистера Кейнсона вновь появилась довольная улыбка. — Тем не менее мы не бросаем Раббеха на произвол судьбы, и я припас новую партию мыла для его базингеров. Но вот о снарядах для пушек вам придется договариваться самому.

— С кем?

— В предгорьях Мандара объявилась немецкая археологическая экспедиция. Ее возглавляет какой-то сумасшедший тип, который называет себя профессором. Меня он уверял, что ищет там следы Атлантиды. Якобы в далеком прошлом озеро Чад занимало огромную площадь и соединялось с Атлантическим океаном.

поэтому древние атланты заплывали в эти края и строили города. Одним словом, обычная академическая чушь!

— Какое мне до этого дело?

— Профессор сказал, что встречался с вами во владениях ламидо Буба Джемала. Но я подозреваю, что этого немца больше всего интересуют действия французов. По крайней мере, о развалинах древних городов он осведомлен меньше, чем о путях снабжения и складах экспедиционных сил Жантийя. Не знаю, какие у него успехи в археологии, но слышал, что он нашел кое-что интересное для вас.

— Где его можно найти?

— Вы туда доскачите за сутки. И если сговоритесь, то скажите профессору, что моя компания полностью оплатит стоимость груза и его доставку в Дикву. Сожалею, но сейчас мы больше ничем не сможем помочь Раббеху. Спортсмен должен сам заработать свой приз.

65

Действительно, германская археологическая экспедиция располагалась довольно близко. Пока кругом гремели бои, ее участники не теряли время даром. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы определить характер их работы. На территории, которая

согласно международным соглашениям, должна была стать частью французской колонии, велась геодезическая съемка. Молодцеватый профессор лихо гарцевал на коне и с командирской хрипотцой уверенно распоряжался ассистентами и рабочими, которые устанавливали вешки и производили измерения высот и крутизны склонов.

— Здравия желаю, герр обер-лейтенант! — с гвардейским шиком Дмитрий откузырял старому знакомому. — Тебя и не узнать! Почему усы сбрил?

— Привет, казак! Видишь, приказали стать этим, как его, археологом! Докладывал, что под видом охотника на львов осмотрю весь район и составлю необходимые схемы. Так нет, в Берлине кому-то пришло в голову, что научная экспедиция звучит более солидно. Губернатор не посмел послушаться, а мне пришлось побриться и стать профессором. Вся батарея помирала со смеху, каждый день спрашивали — как пройти в Атлантиду?

— Обычный казарменный юмор.

— Тут еще и секретарь губернатора добавил неприятностей. Он сам захотел возглавить экспедицию, чтобы потом написать статью для научного журнала и прославиться. Но когда выяснилось, что он не умеет читать карту и не может привязать на местности ни один ориентир, ему отказали. Тогда он обиделся, решил, что я виноват во всем, и завел дело об оскорблении

монархии.

— Объясни, я ничего не понимаю.

— Помнишь подарок нашего кайзера, кровать из Гамбурга? Ламидо использовал его не по назначению и соорудил из кровати трон. Секретарь же обвинил меня в политической близорукости и бестактности, наносящей ущерб государственным интересам. К счастью, его вскоре свалила лихорадка, а губернатор не дал делу ход.

— Ну а в остальном визит к ламидо прошел успешно?

— Не хочу вспоминать об этом жеребце. Пиво пили до умопомрачения, а уж танторки эти... Едва оттуда выбрался. Хорошо, что подъехала какая-то французская миссия. Он ими и занялся, а я сбежал.

— Французы и там появились?

— Лягушатники повсюду лезут, спешат наверстать упущенное время. На Шари Раббех их здорово потрепал. Ты был там?

— Проезжал мимо. Случайно не знаешь, где здесь можно достать снаряды к горным пушкам?

От неожиданности обер-лейтенант начал так хохотать, что конь под ним присел, а подчиненные прекратили работу и испуганно уставились на своего начальника.

— Кто тебе о них сказал? — немец понизил голос. — Этот пройдоха Кейнсон?

— Он обещал оплатить все расходы.

— Денег не надо, товар достался даром. Просто несколько пирог со снарядами для французских пушек свернули не в ту протоку и оказались на территории немецкой колонии Камерун. Мы любим порядок и не можем допустить контрабандный провоз военных материалов. Поэтому груз мной конфискован и пироги стоят на приколе возле одного из наших постов. Можешь прислать за ними своих базингеров.

— Но если конфискация отмечена в документах, то как ты отчитаешься за этот груз?

— Составим акт, что паводок унес пироги и они разбились на речных порогах. Французы ничего расследовать не будут, им не до этого. Да и потом — война все спишет. Вождю местного племени передам муку и соль, которые также оказались на пирогах, и черные дикари будут молчать. Жалко, что у нас орудия другого калибра, а то бы и я смог подкинуть тебе сотню-другую снарядов. Всегда полезно сбить спесь с этих потомков Наполеона.

Поручение и доставка снарядов в арсенал потребовали не очень много времени. Но пока продолжалась эта работа, в доме Дмитрия произошли важные события. Вернувшись в Дикву, он узнал, что все три его жены разрешились от бремени. Гимбия и Сания порадовали дочерьми, но родившийся у Бабии мальчик скончался.

Как обычно Ахмед дал самый подробный отчет о

домашних делах. Сообщил, что младенца уже похоронили и сделали все, что полагается в таком случае. Но еще предстоит провести две важные церемонии, связанные с рождением дочерей. Родителям жен следует послать традиционное блюдо вареного мяса, лучше всего говядины, и подарки, публично поблагодарить за воспитание дочерей, которые принесли полноценное потомство. Затем в честь каждой девочки надо устроить праздник наречения, во время которого имам торжественно огласит имя младенца. Потребуется устроить угощение для гостей и послать новые подарки родне. Нельзя забыть и о женщинах, которые ухаживали за беременными, и о приглашенных на праздник музыкантах и певцах. Хозяин может не беспокоиться, все будет сделано согласно обычаям — торжественно, но и без лишних затрат. Съестные припасы, орехи кола и ткани для подарков — все закуплено по сходной цене. На все торжества уйдет не больше недели.

Евнух добавил, что недавно в Дикву прискакал советник эмира Лере, который желает видеть галадима по очень важному делу.

Вошедший в комнату седой мужчина в богатом одеянии распростерся на полу и восславил хозяина дома. Соблюдая обычай, Дмитрий лично помог ему подняться и терпеливо выслушал длинное приветствие. Затем посланец поздравил его с рождением сына

Затем посланец поздравил его с рождением сына, наследника древнего рода эмиров Лере. Мальчик весел и крепок, хорошо ест и спокойно спит. Ему дали имя, упомянутое в Коране — Адаму. Или просто Адо, что на хауса значит украшение. А чтобы он стал сильным и богатым, как его отец, нарекли и вторым именем — Батуре. Сам эмир ежедневно навещает внука, за которым присматривают знающие это дело женщины, любят его удивительно светлой кожей. Говорит, что глаза у него совсем как у матери...

— Как здоровье Амины?

— Она родила чудесного мальчика, но по воле Аллаха ее земной путь прервался. В установленный срок для каждого смертного наступает свершение его судьбы, и никому не дано изменить предначертанное свыше. Поэтому эмир был милостив к глупцу, который принес в город весть о твоей смерти...

От такого известия у Дмитрия опять что-то сжалось в груди. Казалось, на смерть насмотрелся во всех видах и должен был бы привыкнуть. Но вот сейчас стало пусто и холодно. Понял, что будет одиноко без взгляда ласковых глаз Амины, ее успокаивающих слов. И пожил-то совсем немного, а теперь... Надо обязательно увидеть сына, она оставила ему свои глаза...

Потом уже вполуха слушал рассказ посланца о том, что после первых боев на Шари один из слуг эмира Лере

на базаре в Дикве услышал о больших потерях в войсках Раббеха. Среди погибших кто-то назвал и Альхаджи Мусу. С этой вестью он и поспешил домой и сообщал ее всем встречным. Когда Амина услышала об этом, то не выдержала и забилась в рыданиях. Начались роды, и все усилия знахарей и самые верные снадобья не смогли спасти дочь эмира. Вскоре стало известно, что слуга все напутал и речь шла о другом человеке с таким же именем. Но эмир не велел казнить лживого гонца, его просто отвезли в горные леса и запретили приближаться к человеческому жилью... Пусть и Альхаджи Муса, носящий титул мадаваки Лере и отец наследника Лере, проявит милосердие и не велит казнить вестника, сообщившего ему о кончине жены...

С этими словами советник вновь упал к ногам Дмитрия. Но тот лишь молча указал ему на дверь. Вошел Ахмед и опять что-то забубнил о домашних делах, начал сочувственно вздыхать и охать.

Без лишних слов он был выставлен вон. Нужно было побыть одному, привести в порядок мысли, в которых перепутались внезапно свалившиеся домашние дела и государственные заботы. Да тут еще вспомнил, что за последнее время начальство из Питера не шлет никаких вестей... Вот сейчас сяду, спокойно все обдумаю и во всем разберусь...

Внезапно в дверь раздался поспешный стук и, прежде чем Дмитрий успел рассердиться, в ее проеме

показалось перекошенное ужасом лицо евнуха.

— Хозяин, к тебе... гость! — прохрипел он и исчез.

В комнату быстро вошел Раббех.

Его лицо осунулось, глаза смотрели сурово. Видно было, что перед выездом в город он не успел переодеться, и в гости приехал в своем обычном, заношенном до неприличия кафтане, перетянutom широким ремнем. Сел напротив Дмитрия, и стали видны стоптанные до дыр подметки комнатных туфель повелителя Борну.

— Приветствую тебя, Альхаджи Муса, — негромко произнес он. — Ехал мимо, решил навестить. Знаю о печали и радости в этом доме. Скорблю вместе с тобой и поздравляю тебя. Все происходит по воле Творца. Телесная оболочка людей обращается в прах, но сами они бессмертны и продолжают жить в своих делах и детях...

В дверь опять заглянул евнух:

— Все женщины дома ушли на свою половину, хаким. В соседних комнатах никого нет.

— Теперь и сам уходи к ним. Суруру, встань у двери!

Нарушая все законы гостеприимства, Дмитрий молчал. Ждал, что последует за столь внезапным появлением эмира. Что-то уж слишком много новостей пришлось узнать за последние часы.

— Французки заняли Нигими — чуть слышно

Французы заняли Триполи, путь слышно
прозвучало в комнате. — Еще никто не знает об этом.

Пояснять такую новость не надо. Противник вышел к озеру Чад. Он перерезал главный караванный путь на Триполи. Теперь эмир Борну лишен важнейшей коммуникации, по которой от друзей в Триполи и стран Ближнего Востока поступают оружие, боеприпасы, информация. Англия, единственный сильный покровитель, завязла в Южной Африке. Бельгийцы обещали помочь, кое-что прислали, но не хотят ссориться с Францией. Для немцев все интересы сосредоточены в Европе. Россия далеко и для нее главное это проблемы Дальнего Востока. Поэтому сейчас, в конце декабря последнего года XIX столетия, все заняты своими собственными делами и не обращают внимания на отчаянные попытки одного из последних независимых государств Африки защитить свое право на существование. Надо признать, что французские политики и военные весьма успешно исполнили задуманное. Борну оказалось в полной блокаде.

— Как это случилось? Кто прикрывал северное направление?

— Виноват я сам. Послал туда младшего сына, дал ему в помощь надежных советников и базингеров. Но сейчас узнал, что французы появились внезапно со стороны Сахары и были одеты как местные кочевники. Дозорные были застигнуты врасплох.

— Разве они думали, что французы будут маршировать по барханам в своих красных кепи? Или ничего не слышали о колонне полковника Лами, которая идет из Алжира?

— О колонне я приказал молчать, чтобы не пугать людей раньше времени. Мой Мухаммед молод, его советники стары, никто из них не имеет опыта войны с европейцами. Бери свой алам и выбей французов, пока они еще не успели укрепиться в Нигми, — голос Раббеха дрогнул, глаза увлажнились. Стало видно, как трудно старику держать себя в руках. Он наклонился вперед и, в знак высокого доверия, положил свою ладонь на плечо Дмитрия. — Очень прошу тебя, постарайся. Никто другой не спасет положения.

В последних боях алам арабов сильно поредел, но еще сохранял мобильность и огневую мощь. Форсированный марш на север прошел быстро и без потерь. Нападение на лагерь противника было хорошо организовано и грамотно исполнено. Энергичный обстрел завершился обходом и атакой в конном строю. Допрос пленных показал, что отряд возглавлял лейтенант, его маузер Айчак взял себе на память, а остальные воины являлись уроженцами Алжира и Марокко. Это была одна из конных частей французских колониальных войск, которые назывались спаги и носили бурнусы, шаровары, расшитые куртки и чалмы. Видимо, это обмундирование и ввело в заблуждение

дозорных базингеров.

— Рубятся эти спаги, как бешенные, — заметил Айчак, осматривая поле боя. — Еще один такой поход, и от нашего алама ничего не останется.

— Это был передовой отряд разведчиков, — ответил Дмитрий. — Следом идет большая колонна с пушками. Если она займет главные оазисы на караванной дороге, грузы из Триполи придется возить дальним путем.

— Ты заметил, что кони у спагов были местных пород? Они не измотаны переходами по пустыне.

— Пленные сообщили, что пограничные султаны продали им свежих лошадей и корма.

— Это измена!

Дмитрий промолчал, все и так было ясно.

— Фитаурари, — не унимался Айчак. — Мы с тобой побратимы и я буду говорить откровенно. Нашего хакима называют «победителем» и «добывающим прибыль», но время его успехов кончается. Не собираюсь кричать об этом на базаре, но в жизни, как и в шахматах, привык смотреть на несколько ходов вперед.

— Какой же ход ты собираешься теперь сделать?

— Воин дорожит своей честью и верно служит вождю, которому он присягнул. Негус отпустил меня и теперь я служу Раббеху. Останусь с ним до самого конца.

— Правильно говоришь, побратим. Для воина честь дороже всего.

В столицу возвращались без спешки, надо было дать отдых людям и коням. Своих раненых и пленных оставили на попечение сына эмира, чьи базингеры вернулись в освобожденный Нгигми. Посчитали свои потери и оказалось, что от прежнего числа арабов осталось не более тридцати человек. Конечно, каждый из них стоил десятка обычных воинов, но сам алам перестал быть боевой единицей. Для его восстановления требовались пополнения, время и деньги. А пока каждый вечер на привале Айчак развязывал свой мешочек с шахматными фигурами и начиналась игра. Она сопровождалась рассказами о прежних боях и походах и жаркими спорами. Порой в ней принимал участие и Дмитрий, так что разбор шахматной партии превращался в своеобразный урок тактики.

Когда до Диквы оставалось совсем немного, на привал прибыл Раббех. Его конвойные смешались с конниками, слышались приветствия, шутки, смех. От костров потянуло ароматом жареной баранины. На этот раз Дмитрий был гостеприимным хозяином, подробно рассказал о разгроме спагов и от всей души потчевал высокого гостя, хотя походное застолье было довольно

скромным.

Все это настроило эмира на несколько благодушный лад и он пустился в воспоминания. Рассказал, как в прошлые годы он, молодой и сильный, бродил по саванне вместе с такими же отчаянными сорвиголовами и не знал, у какого костра придется провести ближайшую ночь. Определяли свой путь по звездам, дня не проходило без стычек.

— То на нас нападали, то мы сами устраивали засады, — задумчиво произнес он. — Так вот звезды и довели нас до Борну. Тогда мы очень спешили, а сейчас те немногие, что остались живы, понимают, как важно уметь ждать.

— Ждать? — удивился Дмитрий. — По приказу эмира мы так спешили, что чуть не загнали коней.

— Ты молод и еще многого не понимаешь. Запомни — терпение удел всей жизни. Чем чаще к человеку приходит удача, тем меньше у него друзей и тем больше у него врагов. Ему все чаще приходится вступать в борьбу. Поэтому надо уметь ждать, беречь силы и упорно исполнять задуманное. Если все сделано правильно, то успех — твой! Лев потому и сыт, что не бросается в погоню за каждой антилопой.

— Покойный Абубакар говорил, что для воина есть один закон: если силен — нападай, если устал — обороняйся.

— Это верно. Воин запищит слабых своего пола.

он всегда обязан думать о том, как уничтожить врага. Вот и сейчас твоя победа поможет нам выиграть время. Англичане просили меня продержаться до начала больших дождей и обещали помочь, как только они разберутся со своими трудностями. Но пока заверили, что султан Соhoto не нападет на нас с запада, а французов они не пропустят через свои владения. Наш тыл будет прикрыт.

— Хорошая новость. Войскам Борну придется драться только на одном фронте, вдоль берегов Шари.

— Ты думаешь как военный человек, а мне еще предстоит сражаться и в самом Борну. Ты говорил, что кто-то дал спагам свежих коней. А я знаю, кто это сделал. Знаю и о других изменниках. Власть сильна, если следует правилу — виноватого убей или прости. Но повелитель не должен спешить с наказанием. Люди часто ошибаются, и прощать приходится очень многих. А потом долгие годы ждать, слушать лицемерные клятвы в верности и глупые покаяния.

— Нужны верные помощники.

— Молодец! Хорошо сказал. Они необходимы каждому вождю. — Раббех задумчиво смотрел на огонь костра. Потом опять заговорил: — Мои помощники обленились и зажрались. Что с них взять! Они же простые разбойники и ничему не учились, кроме охоты на рабов. Виноват и я сам, последние годы слишком

многое доверил этим старикам, забыл о молодых, которых надо было посылать учиться в другие страны. Да и сам слишком поздно понял, как опасно жить без знаний об окружающем мире. Даже у бабуинов вожак поднимается на холм и осматривает окрестности, пока вся стая собирает гусениц и съедобные корни.

— Если не допустим французов за Шари, то можно попытаться договориться с ними.

— Поэтому я и направляюсь туда, чтобы расставить аламы вдоль реки. Всех твоих арабов включая в число своих телохранителей. Останешься при мне, будем защищать восточную границу Борну.

Потянулись однообразные дни походной жизни, во время которых переходы из одного городка в другой сопровождались учениями войск, осмотром складов и укреплений, опросом разведчиков и проверкой дозорных. Пыльные и жаркие дни сменялись холодными ночами, а на зубах постоянно хрустела тонкая песчаная пыль, которую дувший в это время года харматан нес из Сахары.

Дмитрий уже давно перестал воспринимать красоты местной природы, ставшие для него всего лишь ориентирами на местности. Ослепительные краски заката напоминали о том, что нужно лично проверить часовых, а потом можно немного поспать. Огромные звезды на бездонном небе предупреждали о наступлении полуночи или приближении рассвета, а

пасущиеся на равнинах стада диких животных указывали на то, что в данном районе еще не появились отряды вооруженных людей. Экзотические костюмы и яркие украшения местных жителей помогали точно определить профессии и место рождения человека.

За всеми этими заботами даже пропустил наступление нового, 1900 года и начало нового века. Вспомнил об этом лишь после того, как получил от мистера Кейнсона посылку с лекарствами, к которой был приложен изданный в Лондоне календарь. Сам же Раббех и его приближенные не были озабочены проблемой новогоднего праздника. Как и все местные жители, они отсчитывали время по мусульманскому лунному календарю и вели летоисчисление с 622 года, когда пророк Мухаммед переселился из Мекки в Медину.

В своем письме англичанин поздравил с Рождеством и Новым годом, а еще сообщил, что полностью провалились все попытки уговорить французов начать мирные переговоры с правителем Борну. Объяснил, что в Париже все требуют реванша. Скандальная история с колонной Вулэ—Шануана, завершившаяся убийством старшего офицера и мятежом, а затем и неудачные бои на берегах Шари вызвали возмущение общественности. На военное командование и колониальную администрацию посыпался град депутатских запросов, и началось расследование.

Конечно, власти постараются многое замять, но на страницах газет уже опубликовано достаточно много неприятных подробностей. В Лондоне и Берлине публика ахает от негодования, а специалисты с удовольствием потирают руки. Дело осложняется еще и тем, что окончательно не завершилось завоевание Мадагаскара и Марокко, где Франция вынуждена содержать крупные вооруженные силы и нести значительные потери. Для Парижа приобретение колоний в Африке превратилось в длительную и весьма дорогостоящую операцию. Поэтому сейчас французам нужна решительная победа на поле боя, которая заставит замолчать всех критиков и скроет прошлые неудачи.

Такое откровенное письмо Дмитрий поспешил уничтожить, а про себя лишь горько усмехнулся. Хитрит Бычья Голова! Переговоры о мире с Раббехом не выгодны и самой Англии. Заключать официальные договора суверенное государство может только с равноправной стороной. Если допустить такое в отношении Раббеха, то тогда придется и в отношении других африканских владык признавать право на независимость и равноправие. Пока такое исключение западные державы сделали только в отношении эфиопского негуса. Да и то только после того, как к нему прибыли пароходы Добровольного флота с современным оружием из России.

Торжество по случаю наступления нового столетия

торжества по случаю наступления нового столетия не отвлекли от дела французских военачальников. За последний год они избавились от легкомысленного отношения к «туземной империи Борну» и, оценив силу сопротивления Раббеха, серьезно взялись за дело. К озеру Чад стянули значительные силы и начали действовать решительно и планомерно. Теперь их патрули непрерывно тревожили заставы базингеров, а нанятые отряды союзных султанов и пограничных шейхов и просто шайки разбойников совершали дерзкие набеги на города и селения Борну. Они грабили население, угоняли скот, сеяли панику. С различных направлений к Шари двинулось несколько войсковых колонн, которые 24 февраля соединились в местечке Гульфе на правом берегу реки. Общее командование над ними принял полковник Лами.

Через два дня его войско стремительно форсировало реку и с боем заняло торговый город Кусери, построенный у слияния Шари и Логоне. Видимо, данные о его укреплениях, когда-то собранные меусе Беаглем, все же попали по назначению и пригодились французскому командованию. Охранявший этот участок берега Фадельалла не ожидал атаки, и небольшой гарнизон городской крепости был перебит. Сын эмира попытался исправить положение, и целый день две тысячи его базингеров штурмовали позиции Лами. Но все их усилия не принесли успеха. Только

после того, как к крепости подошли главные силы под командованием Раббеха, французов удалось заблокировать в Кусери.

Началась осада. Однако взять крепость оказалось не просто. Французы не сидели сложа руки и кроме старых укреплений возвели целую сеть траншей и валов. Их точный артиллерийский и ружейный огонь наносил тяжелые потери наступающим. Но как-то на совете у Раббеха Айчак заметил, что все стадо скота, свой единственный источник снабжения мясом, французы разместили в загоне на речном берегу. Хотя он и находился в радиусе действия орудий, но охранялся всего лишь несколькими безоружными пастухами и четырьмя сенегальскими стрелками. Это сообщение эмир выслушал очень внимательно и молча кивнул.

Прошло несколько дней, и как-то ранним утром базингеры с ужасными воплями и барабанным боем поднялись в новую атаку. Вся французская артиллерия открыла по ним беглый огонь и не жалела снарядов. Однако вскоре стрельбу пришлось прекратить, так как стало ясно, что атакующие и не думают покидать свои укрытия. А вот на другом фланге позиции тем временем какие-то всадники добивают охрану и угоняют всех коров и овец. Стрельба в поднявшееся до неба облако пыли не дала никаких результатов, а из бросившихся в погоню спагов в крепость уже не вернулся никто.

Остается только добавить, что несколько дней

после этого в Кусери царило уныние, а из лагеря воинов Борну раздавались веселое пение, звуки дудок и барабанов и разносились ароматы мясных блюд.

Пока происходили эти события, Дмитрий руководил строительством укрепленного лагеря в шести километрах от Кусери.

На речном берегу, у подножия невысокого холма, воздвигался мощный палисад из вертикально вкопанных бревен и рылись неглубокие окопы для укрытия стрелков. На триста метров все подходы к этой позиции очищались от кустов и деревьев. Зная, что прицельный огонь из винтовок превышает эту дистанцию, Дмитрий требовал, чтобы открытое пространство перед палисадом было увеличено хотя бы до пятисот метров. Но столкнулся с упорным отказом старых военачальников, признававших возможность меткой стрельбы только на расстоянии восьмидесяти шагов. Делать дополнительную работу по расчистке зарослей они отказались наотрез. Сломить их упрямство не помогло и обращение за помощью к Раббеху.

Пробиравшиеся в Кусери лазутчики и бежавшие из него горожане в один голос сообщали о нехватке у французов продовольствия. Жидкая просяная каша и небольшая порция сушеной рыбы не способствовали поддержанию высокого воинского духа среди осажденных. Несколько фугасных гранат, выпущенных по городу из трофейных горных пушек также вселили

по городу по тропинкам горных пущ, также веселые уныние в их сердца. Тем более что ответный огонь из крепости заметно ослаб и можно было понять, что французские артиллеристы начали экономить свои снаряды.

Однако все осведомители предупреждали, что Лами и десятки его офицеров, не говоря уже о свирепых сержантах, строго следят за дисциплиной, не собираются сдаваться и очень рассчитывают на подход флотилии губернатора Жантийя.

Поступавшие с юга донесения разведчиков также свидетельствовали о том, что губернатор получил значительные подкрепления из колонии Французское Конго. Теперь у него огненных судов с пушками столько, что они перегородили всю реку, а баржи со снарядами, мешками муки и другими припасами невозможно пересчитать. Для размещения новых рот свирепых сенегальских стрелков не успевают строить бараки. Кроме того, французы набрали солдат и среди лесных дикарей. Эти настоящие людоеды — они молятся каким-то деревяшкам и пучкам соломы, грозятся выпустить кишки всем базингерам и не пропускают ни одну женщину, которая проходит мимо их лагеря. Еще губернатор щедро оплатил дружбу султана Гауранга и теперь имеет две тысячи отборных всадников и бесчисленные стада скота. Все это громадное воинство готовится двинуться вниз по Шари, чтобы снять блокаду

с французских экспедиционных сил.

Вскоре донесения дозорных с боевых пирог подтвердили, что паровые канонерки идут по реке на север. Огнем своих пушек они прикрывают передовые отряды, которые внимательно осматривают все острова, холмы и заросли на берегах, не забывают заглянуть и на соседние протоки и озера. Остановить их движение невозможно, и они занимают одно прибрежное селение за другим.

Через несколько дней флотилия Жантийя появилась у стен Кусери.

67

Ночь на 22 апреля 1900 года навсегда запомнилась Дмитрию. Коптящее пламя светильников освещало лица десятка военачальников, собравшихся в шатре Раббеха. Говорили мало, всем было ясно, что произойдет на следующее утро.

— Барде, рассказывай, что тебе стало известно, — негромко приказал Раббех. — Говори подробно, мы не испугаемся.

Идрис перечислил все роты и отдельные команды алжирских и сенегальских стрелков, конголезских охотников, конников Гауранга и другие отряды союзных султанов. Признался, что знает о пушках, установленных на укреплениях Кусери, но не может точно сказать

на укреплении пушек, но не может этого сказать, сколько орудий находится на паровых катерах и буксируемых ими баржах. Добавил, что после того, как флотилия прибыла и силы Лами и Жантийя соединились, противник имеет в избытке и боеприпасы и продовольствие.

— Все ясно. — Эмир оставался спокоен. — У нас пять тысяч базингеров, но только половина из них имеет винтовки. Лами выставит не более двух тысяч, но его стрелки не будут жалеть патронов. Против наших трех пушек... Да! Именно трех! Твои самопалы, Меи Араду, годятся только для стрельбы в упор, у французов наберется два, а может быть и три десятка орудий. Сотни трусливых собак Гауранга и остальных трупоедов я не считаю. Их Лами выпустит, чтобы рубить головы тем, кто побежит с поля боя.

— Этого они не дождутся! — воскликнул Меи Араду. Все решительно его поддержали.

— Французы очень хотят, чтобы мы отступили от города, поэтому их будет легко выманить из-за укреплений, — продолжал эмир. — Мы сами приведем их в чистое поле. Наши мушкетеры атакуют первыми, а потом быстро отступят и подставят врага под винтовочный огонь базингеров, которые будут оставаться за палисадом. Тогда и все наши пушки вступят в дело. Вам понятно, как мы проведем этот бой? Действуя таким образом, раньше мы всегда побеждали.

Все военачальники согласно закивали головами. Кивнул и Дмитрий, хотя днем заспорил с эмиром, сказал, что нельзя все время побеждать с помощью одних и тех же тактических приемов. Предлагал ему оставить укрепление и отойти в саванну, подальше от пушек флотилии. Французы наверняка начнут преследование. Так пусть они удалятся от своих складов с запасами, растянут боевые порядки. Тогда их можно будет обойти, внезапно атаковать, а укрепления построить и в другом месте. Тем временем подойдут аламы Фадельалла и Наби.

Но Раббех возразил, что сыновья охраняют столицу и важные участки и переправы на берегах Шари и Логоне. Продвижение французов в глубь территории Борну вызовет смятение среди населения. Это скажется и на некоторых молодых базингерах, которые не выдержат и разбегутся по домам. Возможно, что некоторые султаны даже поднимут восстание и открыто перейдут на сторону врага.

— Но сейчас наши силы разрозненны, а Лами все свои отряды собрал в мощный кулак. Да и с пушками канонерок мы не сможем справиться, — настаивал Дмитрий.

— Успокойся. Помнишь, сколько мы положили их перед палисадами Куно? За этот год я хорошо понял характер французов. Они яростно идут в первую атаку, на врагов бросаются, как леопарды. Но если она не

принесла успеха, их напор ослабевает. Я бы сказал, что они боятся крови, а это передается сенегальцам и остальным воинам. Поэтому мы должны выдержать первый удар, и сделать это легче под защитой палисада. Верю, что мои буйволы выстоят.

Спорить было бесполезно.

Когда наступило утро, Дмитрий находился на склоне холма, рядом с эмиром, и наблюдал начало сражения. Все начиналось так, как и задумал Раббех, но затем обстановка изменилась. Французы не послали своих бойцов на штурм палисада. Они не вышли на расчищенное пространство и, прикрываясь кустами, начали обход позиции. Одновременно паровые катера и баржи, с установленными на них орудиями, спустились вниз по течению, встали позади левого фланга Раббеха. Таким образом, она оказалась в «огневом мешке» и могла простреливаться с трех сторон.

В первую очередь, французские снаряды обрушились на позиции трех горных пушек. Их молодые расчеты успели сделать всего несколько выстрелов, но не выдержали поединка с несколькими батареями, огнем которых управляли кадровые офицеры-артиллеристы. Затем начался методический расстрел позиции Раббеха, продолжавшийся более двух часов. Разрывы фугасных снарядов швыряли вверх комья земли, обломки бревен палисада и тела его защитников. Их взрывы заглушали треск павшей в воздухе птицы. от которой

невозможно было укрыться в неглубоких окопах. Засевшие в кустах стрелки с близкой дистанции палили без передышки и посылали десятки пуль в каждого, кто попадался им на глаза.

Когда обстрел прекратился, казалось, что на позиции базингеров никого не осталось в живых. Густые шеренги стрелков бодрым шагом двинулись к развалинам укреплений, но были встречены нестройными залпами и звонкими выстрелами уцелевших пушечек. Это было настолько неожиданно, что наступавшие остановились. Но решительные команды офицеров и сержантов, которые сами бросились вперед, быстро привели их в чувство. Атака возобновилась.

У разбитого палисада закипел рукопашный бой. Часть базингеров отошла на вторую линию обороны и укрылась за колючими изгородями соседней деревни. Некоторые из них засели в зернохранилищах, трехметровых сооружениях из обожженной глины, и в упор расстреливали нападавших. Все перемещались, и сражение разбилось на несколько отдельных схваток, управлять которыми было уже невозможно.

За тем, что творилось на левом фланге, Дмитрий наблюдал, сидя на разбитой пироге, вытащенной на берег. Шрапнельная пуля пробила ему плечо, и теперь правая рука повисла как плеть. Опытный воин Меи

Араду быстро наложил плотную повязку и помог спуститься с холма в это не сильно простреливаемое место. Пообещал, что пришлет людей, которые отведут его подальше от поля боя. Но никто не пришел, и Дмитрий понял, что нужно выбираться самому. От боли и потери крови кружилась голова, но он уже почти добрался до задних ворот укрепления, когда увидел, что базингеры бегут.

Значит, плена не миновать.

Морщась от боли, стянул с себя ремень, на котором висели кобуры с наганами и полевая сумка. Бросил их в коричневые волны водоворота, крутившегося у прибрежных камней. Кое-как доковылял до разбитой пироги и без сил опустился на нее.

— Смотри, еще один сидит на берегу! — раздался близкий возглас.

— Сапоги на нем хорошие, — откликнулся кто-то.

Словно в тумане, Дмитрий различал то, что происходит вокруг. Заметил желто-красное шитье на голубых куртках подошедших людей. Отлегло от сердца — это алжирские стрелки. Не лесные охотники за черепами, которые не признают ни Христа, ни Мухаммеда.

— Аллах акбар! Да здравствует Франция! — поднял левую руку, показывая, что в ней нет оружия. — Я английский торговец, отведите меня к своему начальнику.

— Ты из людей Раббеха?

— Базингеры разграбили мою лодку с товаром, а ваша прапнелъ залетела и сюда. Остался жив по милости Всевышнего.

— Смотри, он весь в крови.

— Одет, как купец. Думаю, не врет.

— Правоверные, я заплачу вам, а начальник наградит.

Но разговора с командиром алжирцев не получилось. Лейтенант, с головой, повязанной окровавленным бинтом, и бурым от пыли и порохового дыма лицом, раздраженно отмахнулся от пленного.

— Отведи его к полковнику! — приказал он одному из стрелков. — Остальным занять оборону! Эти конголезские дикари занялись грабежом, а базингеры опять контратакуют. Пушку сюда! Встретим их картечью!

Опираясь на руку стрелка, Дмитрий с большим трудом дошел до группы французских офицеров. Здесь невысокий худощавый капитан бросил на него профессиональный взгляд и без лишней суеты обследовал карманы. Обнаружив лекарства в упаковке английских фирм, изданный в Лондоне календарь и другую мелочь, он попросил показать ему и наручные часы. После этого удовлетворенно усмехнулся.

— Прошу вас подкрепиться, сэр, — сказал он на отличном английском и протянул фляжку. — Это добрый старый коньяк с берегов Луары. Когда вы в

последний раз встречались с майором Мак-Клинтоком?

— Спасибо за угощение. Но вы, капитан, меня с кем-то пугаете. Я простой торговец, а из военных людей имел дело только с обер-лейтенантом фон дер Бемом.

— Эй, Лами, послушай! Кажется, мы напали и на немецкий след!

Окруженный офицерами полковник с интересом взглянул на Дмитрия, хотел что-то сказать. Но тут раздался оглушительный залп, и толпа базингеров выскочила из-за разрушенного палисада. Впереди всех, с саблей в руке, бежал Раббех.

Угощавший Дмитрия коньяком капитан схватился за грудь и рухнул на землю. Рядом повалилось еще несколько человек. Стрелок, на которого опирался Дмитрий, упал на него.

— Резерв, в атаку! — раздалась команда Лами.

Стрельба и рубка продолжались недолго, и, когда все стихло, Дмитрий попытался подняться. Но выбраться из-под убитого стрелка не хватало сил. На помощь пришел один из штабных сержантов.

— О месье, вам крупно повезло. Они напали внезапно и чуть не вырезали весь штаб, — сообщил он, принимая Дмитрия за одного из колониальных чиновников. — Говорят, среди нападавших был сам Раббех. Сейчас его ищут. О! Вы ранены!

— Помогите мне дойти до врача. Видишь, в руке у капитана рана? Я хотел поговорить с ним, но теперь они

капитана часы: я хотел подарить их ему, но теперь они твои.

— Спасибо, месье. Вы очень добры, я помогу вам... Смотрите, они нашли кого-то. Подождите меня здесь!

Бой еще продолжался, и в воздухе то и дело свистели пули, раздавались пушечные выстрелы. Но несколько офицеров и сенегальцев не обращали на это внимания и быстро обследовали заваленное трупами пространство возле остатков палисада. Их возглавлял полковник Лами. В некоторых местах он останавливался, о чем-то советовался со своими подчиненными и продолжал поиски. Шедшие за ним стрелки действовали без колебаний, всем лежавшим на земле, на ком были надеты кольчуги или нашиты алые нашивки младших командиров, они разбивали прикладами черепа.

Наблюдавшего эту картину Дмитрия замутило. Он наклонился и отстегнул фляжку с пояса капитана. Сделал долгий плоток. Отвернулся и увидел другую картину, от которой перехватило дыхание.

Шагах в двадцати от него на земле сидел эмир Борну Раббех ибн Файдулла. Лицо залито кровью, но взгляд спокоен. Осматривается вокруг, даже пытается встать на ноги. Лучи солнца играют на его начищенном шлеме.

— Раббех! Вон он! Это Раббех! — сразу же раздалось несколько голосов.

К эмиру со всех сторон бросились стрелки, но их остановил окрик полковника. Лами подошел к своему поверженному врагу и долго рассматривал его.

— Ты Раббех? — наконец спросил он. — Раббех?

Эмир молча кивнул и улыбнулся. В его руке сверкнул никелированный браунинг. В шуме боя выстрелов не было слышно. Лами повалился навзничь.

Стрелки палили в Раббеха до тех пор, пока их не остановили офицеры. Вскоре отрубленная голова эмира Борну была насажена на копье и выставлена на вершине холма.

На Дмитрия никто не обращал внимания, и он медленно побрел прочь, лихорадочно соображая, как подальше убраться от этого места и не нарваться на пальную пулю. Новая вспышка стрельбы, крики ужаса и разбегающиеся во все стороны люди заставили его остановиться. Надо было срочно найти где-то укрытие.

Голые всадники на неоседланных конях мчались по полю. Они молча перемахивали через кучи трупов и воронки от снарядов, не обращали внимания на выстрелы и лишь метали дротики в тех, кто оказывался на их пути. Что-то черно-желтое, словно крылья стервятников, взлетало за плечами каждого из них, а звериный оскал зубов и огромные белки глаз внушали ужас. Словно лица задушенных людей.

— Мертвое воинство!

— Мстители предков!

— Духи павших! — кричали вокруг.

Чьи-то сильные руки грубо схватили Дмитрия и бросили поперек конской спины. Страшная боль оглушила его, и свет солнца потух.

68

Сознание возвращалось медленно, болело все тело. Кто-то лил на лицо холодную воду и что-то говорил. Дмитрий открыл глаза и увидел над собой знакомый прап и веселую улыбку Айчака.

— Очнись, галадима! Всеблагой Вака позаботился о тебе и на этот раз. Легко отделался — пробито плечо, да ногу прострелили. Это югда нам стреляли вдогонку. От таких ран не умирают.

— Оставь его в покое, — над Дмитрием склонился Меи Араду. — Альхаджи, выпей этот настой, и боль утихнет. Я сам осмотрю твои раны. Мы, кузнецы, имеем дело с железом и огнем, если бы не умели врачевать, то давно бы все погибли.

— Да он просто пьян, — рассмеялся Айчак. — От него несет хмельным, как от жеребцов фити. Они их с ночи пивом поили, поэтому так и промчались через все французское войско!

— Это я во всем виноват. Людей за тобой послал и думал, что они тебя вынесут из боя. А их всех снарядам

накрыло. Когда мы отошли, кто-то из раненых мне сказал, что видел, как стрелки ведут тебя к французам. Тут Раббех повел базингеров в атаку, а следом подоспел Айчак со всадниками фити.

— Как только понял, что ты можешь попасть в плен, бросился на выручку. Там такая свалка была! Французы возле пушек попрятались, ни на шаг от них не отходили, а наши чернокожие резались друг с другом, да грабили все, что попадалось под руку. Но для меня разобраться во всем этом было не труднее, чем в шахматной игре.

— Убили Раббеха.

— Видел. Его голову выставили на холме.

— Дикий у нас народ. Считает, что если убили вождя, то все войско потерпело поражение, — заметил Меи Араду. — У других нет такого обычая.

— Но Раббех убил Лами, — сказал Дмитрий. После питья прибавилось сил и боль утихла. Его рассказ о смерти французского главнокомандующего все выслушали очень внимательно. Юноши фити, на плечах которых были накинуты гривастые шкуры львов, восхищенно щелкали языками и похлопывали в ладоши.

— Раббех был воином и умер достойно! Аллах наградил его — позволил лично убить вражеского вождя.

— Теперь мне понятно, почему французы нас не преследуют, — произнес Айчак. — Они приводят в

порядок свои части, хоронят убитых.

— Откуда здесь появились фити?

— Эмир Лере прислал их для твоей охраны. Но по дороге Фадельалла перехватил этих молодцов и послал в дозор. Поэтому они и опоздали к началу боя. Сам же он идет сюда и возглавит наше войско. Французам рано праздновать победу — большинство аламов сохранили свою силу. Ну а тебя вместе с другими ранеными отправят в Дикву.

Дома Дмитрия встретила непривычная тишина. Стоявший у ворот Ахмед только горестно развел руками.

— Родители твоих жен забрали их к себе, — со вздохом объяснил он. — Но я не бездельничаю, за домом присматриваю.

— Как это получилось? — поморщился Дмитрий. Хотя и относился к этим трем супругам прохладно, но обидно было слышать такое. Их забрали, как кухонные горшки, что соседи дают взаймы на время семейного праздника.

— Все они разом решили взять развод и, согласно закону, заплатили судебный сбор. Как ты должен знать, у нас для развода согласие мужа не требуется. Теперь они могут опять выйти замуж уже через три месяца.

— А мои дети?

— Вырастить таких смуглых красавиц, а потом выгодно выдать их замуж будет счастлив любой мужчина. Не беспокойся, у нас нет сирот и бездомных

мужина. Но все-таки, у нас нет секрет и осуждения детей. В большой семье все дети считаются родными и между ними нет различий.

— Но почему... — начал было Дмитрий, но тут же замолчал. Понял, что чуть было не задал глупый вопрос. В своих заботах о решении тактических задач и оперативных вопросов совсем забыл о том, что для большинства людей продолжается повседневная жизнь. Войну они воспринимают совсем по-другому и стараются держаться от нее подальше.

— Все ждут прихода франков и захвата города, — продолжал евнух. — Люди прячут свое добро, забирают детей и разбегаются по дальним селениям. Слуги хакима и зажиточные семьи исчезают друг за другом, остаются лишь бедняки, которым нечего терять. Сейчас в доме живу только я да сторож со своей семьей. Так что места хватит и для всех твоих молодцов.

— Бычья Голова в городе?

— Как только стало известно о гибели Раббеха, он сразу же исчез. Следом разбежались и остальные купцы, но у меня осталась расписка старосты триполитанских торговцев. Твое имущество спрятано в надежном месте, хотя наличных денег в доме совсем немного.

— Сейчас мне нужны лекарства. Опять трясет лихорадка. Рука не сгибается, нога прострелена.

— Я просил моего друга, евнуха Бунсуру, позаимствовать часть лекарств у Бычьей Головы. Твои

раны осмотрю немедленно. Но думаю, что лучше поскорее уехать к эмиру Нуху Лере. В горы Джос франки не дойдут, а с англичанами можно будет договориться.

Хинин помог, Ахмед смазал раны целебными мазями, наложил свежие повязки. Но состояние Дмитрия не улучшилось, боли и слабость оставались. Хотелось просто лежать и ни о чем не думать. Раздраженно отмахивался от евнуха, пристававшего с какими-то советами и вопросами. А тот, видя беспомощность хозяина, бестолково суетился и не решался принять окончательное решение.

Время шло, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в дом не явился Айчак.

— Что вы тут делаете?Г — прорычал он. — Почему до сих пор остаетесь в городе?!

— Так хозяин болен, трогать его нельзя. Да еще надо увязать в мешки посуду и решить, что делать с коврами...

— Ты холощенный дурак! Французов дожидаясь! Они его пулей в лоб от всех болезней вылечат. Немедленно собирайся в дорогу! А вы что смотрите?! — напустился он на подбежавших юношей фити. — Вас эмир послал сюда охранять своего мадаваки, верховного вождя! А вы обжираетесь в его кладовых. Сколько вас тут всего?

— Два с половиной десятка, — ответил старший.

— С одним десятком скачи в арсенал. Скажешь Меи

Араду, что я велел выдать вам тридцать винтовок и по две сотни патронов. Пора забыть о дротиках и научиться владеть современным оружием. Остальные пусть собирают запасы в дорогу, чтобы к вечеру вас тут не было!

— Но я должен записать, что они заберут, — возразил Ахмед. — Как потом отчитаюсь перед хозяином?

— Ты стал хуже баб! Они хотя и много болтают, но думают быстро. Бросай все, что не нужно в походе. Галадима дай укрепляющее питье и сажай на коня.

— Что ты так шумишь? — Эти крики вывели Дмитрия из забытья.

— Хозяин, выпей лекарство. Айчак требует, чтобы мы бросили дом и все имущество и уехали сегодня вечером. Но ты так слаб...

— Слушай меня, побратим, — старый воин наклонился к Дмитрию. — Наши дела плохи. Фадельалла сгоряча бросился прямо на французские пушки и положил больше половины базингеров. С Наби еще хуже, он попал в плен вместе со всеми своими женами и дармоедами советниками. Французам открыта дорога на Дикву. Завтра утром они уже могут быть здесь!

— Я все понял. Помогите мне сесть. Ахмед, подай мой клинок.

Некоторое время Дмитрий смотрел на переливающиеся взоры Черной молнии. Потом

поцеловал ее и протянул Айчаку.

— Прими мой подарок, побратим. Пусть теперь он служит тебе, а я отвоевался. Ахмед, делай, как он говорит. Уезжаем.

— Спасибо за бесценный дар. Да хранит тебя наш могучий прародитель Вака! — Айчак растроганно засопел. За длинную цепочку вытащил из кармана свои массивные серебряные часы. — Возьми мой подарок. Они звонят каждое утро, надо только не забывать их заводить.

— Куда ты теперь направляешься?

— Есть такая детская игра — «бей и прячься». Она мне всегда нравилась. Поэтому мы с Фадельалла решили поиграть в нее вместе с французами. За эти дни Идрис и Меи Араду успели в нескольких местах заложить тайные склады оружия и боеприпасов. Сын эмира твердо решил никому не уступать отцовский престол!

Как не спешили, но выехали лишь на закате. Все двери в доме Дмитрий приказал открыть настежь, а сторожу сказал — пусть приходят соседи, берут, что понравится. Быстро проскакали по пустынным площадям и улицам, мимо притихших домов и торговых рядов. Встретилось лишь несколько человек, поспешивших спрятаться при появлении всадников, да стаи бродячих собак. Миновали широко распахнутые городские ворота, возле которых не было обычной

стражи, и выехали на западную дорогу. Но проехали совсем немного, когда раздался страшный удар, встряхнувший всю округу. Над арсеналом поднялся высоченный столб дыма, а затем прогремела череда более слабых взрывов и пламя пожара охватило развалины. Меи Араду и его мастера уничтожили все свое хозяйство и накопленные за многие годы запасы.

69

До отрогов горного плато Джос ехали окружным путем. Лишенная центральной власти, страна стала опасной для людей. Мирные жители прятались по удаленным лесным и горным деревушкам, укрывались за стенами крепостей. Кругом гуляли дружины многочисленных султанов и мелких эмиров, решивших свести старые счета с соседями, и шайки разбойников, чьи вожаки пожелали стать самостоятельными правителями. Были среди них и такие, кто объявлял себя новыми пророками или доверенными лицами губернаторов Англии, Франции, Германии, Турции. Население грабили все.

Пройти без потерь через такие места было трудно. Получив винтовки, отважные фити решили, что стали обладателями абсолютного оружия, и рвались в бой. Ахмед не мог остановить их, только стонал и причитал. Он совсем пал духом после того, как затеял переговоры с

каким-то придорожным шейхом. Кончилась такая дипломатия ночным нападением, гибелью двух фити и угоном нескольких лошадей. Понимая, что при таком руководстве всему каравану грозит уничтожение, и чувствуя, что теряет последние силы, Дмитрий приказал повернуть прямо к источнику Вики.

— Дай мне самое сильное средство, чтобы унять боль, и в путь! — распорядился он. — Большие ни с кем не вступай в переговоры. Убивайте каждого, кто появится на вашем пути. Сам видишь, что раны гноятся и до Лере я не доеду.

— Тебе нельзя принимать такое лекарство, выпил его уже достаточно. Иначе будешь пить каждый день и джу-джу похитит твой разум. Ты лишишься сна, тело начнет дрожать, услышишь голоса покойников.

— Потом от этого можно будет избавиться?

— Очень трудно. Будет новая боль.

— Давай твое лекарство, а потом лечи все разом. Живая вода Вики нам поможет.

Прохладные струи потока ласково касались ран, смывали память о событиях последних месяцев. Стоило только закрыть глаза и казалось, что рядом на теплом камне сидит Амина, говорит что-то доброе, успокаивает, жалеет. Хотелось часами вот так сидеть в неглубокой ложбине, прорытой потоком, вырывавшимся из темной трещины в основании отвесной скалы, и перебирать на

дне чистый песок, перемешанный с цветными камешками и блестящими капельками топазов. Но приходил Ахмед, а с ним старый придворный охотник Дауд, охранявший источник по приказу эмира Лере. От Дмитрия требовали съесть то, выпить это, лечь спать, самостоятельно подняться по крутому склону, пробежать до баобаба на дальнем холме.

Лечение давало результаты. Боль уходила, и уже можно было забыть о сильных снадобьях и тревожных снах. Тело крепло, но правая рука оставалась неподвижной. Малейший толчок или неосторожное прикосновение вызывали резкую боль в плече. Мышцы стали словно ватными и их приходилось осторожно массировать, чтобы восстановить кровообращение.

Глядя на это, Ахмед тяжело вздыхал, предлагал новые мази. Но Дауд, вся жизнь которого прошла на войне и охоте, требовал не обращать внимания на боль и двигаться. Он был уверен, что рано или поздно застрявшая в плече пуля выйдет наружу и рука снова заработает.

Наконец пришел день, когда Дмитрий со своими спутниками смог продолжить путь. Все это время эмир присылал гонцов, справлялся о здоровье зятя. Приносил извинения за то, что не может навестить его лично: в такое тревожное время нельзя оставлять без присмотра государственные дела и своего единственного внука. Сопровождавший караван Дауд уверял, что благодаря

бдительности эмира в его владениях сохраняется спокойствие. Недавно какие-то бродяги решили, что после смерти Раббеха уже нет никаких запретов и сунулись в горы. Из них на равнину не вернулся никто. Ведь горцы не отказались от своих обычаев и с незванными гостями расправляются так же, как это делали и много сотен лет назад.

Во дворце Лере ничего не изменилось, лишь борода эмира Нуху стала совсем седой. Но держался он бодро и ласково встретил Дмитрия. Как и в прежние времена, назвал его своим сыном. Очень внимательно смотрел, как внук отнесется к своему отцу. Но смуглый мальщ, которому уже шел второй год, — глаза-то точно такие же, как у Амины! — смело пошел к Дмитрию. Сразу же уцепился за украшенную золотым узором рукоятку кинжала, радостно что-то залепетал. Запрыгал на коленях у отца, ткнулся в его плечо.

Почему-то Дмитрий совсем не почувствовал боли.

— Сразу признал тебя, — удовлетворенно произнес дед. — Глаза матери, а нос и губы — твои. Раз схватился за оружие, будет воином. Уже сейчас видно, что мальчик растет резвым и смышленным. Со временем будем учить его разным наукам.

— Отец, я отвоевался, многому уже не смогу его научить.

— Тело изранено, но дух крепок. Еще при первой нашей встрече понял, что ты создан для боя, умен и

упорен. Сейчас меняется вся наша жизнь, хотя многие этого не хотят или не могут понять. Знания турава или европейцев победили наше невежество. Ты — батуре и должен сделать так, чтобы твой сын оправдал свое второе имя — Батуре. Его надо будет послать на учебу в Европу.

— Это будет дорого стоить.

— Знаю. Сейчас отдыхай, не думай об этом. Не забудь нашу пословицу — «Быстрый владеет, а спокойный богатеет». Скоро тебе самому придется воевать с трудностями, но уже без помощи оружия.

— Как?

— О! Этому ты быстро научишься!

Потянулись недели тихой и спокойной жизни. Прохладный ветер с гор гнал по небу вереницы облаков, всеми красками радуги полыхали закаты, по ночам загорались огромные ночные светила. Крестьяне мотыжили землю, собирали урожай, охотники приносили добычу, трудились ткачи и кузнецы. Жизнь шла своим чередом, и Дмитрий все чаще принимал участие в советах эмира, посещал арсенал, выезжал для осмотра дальних крепостей. Но вместе с этим занимался хозяйственными и торговыми делами, внимательно выслушивал сообщения о том, что творится в долинах. В нем все больше крепла уверенность в том, что как ни прекрасны эти горы, он не сможет остаться здесь на всю

Старый эмир прав, надо крепко подумать, как жить дальше. Ты остался совсем один, связь с Россией утеряна и, выбраться домой можно будет очень не скоро. Да и не хочется возвращаться туда нищим калекой. Остаются знания и опыт, а в здешних краях есть полезные знакомства и родственники. Надеется только на них не стоит, но следует подумать, как все это можно использовать сейчас, когда кругом все сражаются друг с другом. Тем не менее ответ на главный вопрос ясен. Рано или поздно, но ты должен вернуться домой. Ну а пока внимательно следи за тем, что происходит вокруг.

Поэтому таким интересным был рассказ барде Идриса, неожиданно посетившего дворец. Эмир Нуху встретил его как старого знакомого и, под благовидным предлогом выслав Дмитрия из покоев, о чем-то долго беседовал наедине. Но сейчас сидели втроем, прихлебывали густой кофе и вели пустую беседу на изысканном арабском языке.

Дмитрию скоро надоели эти упражнения в красноречии, и он задал вопрос на хауса. Словно находился не во дворце, а у походного костра:

— Где сейчас Фадельалла?

— Ты все такой же, Альхаджи Муса, — покачал головой Идрис. — Раны не смирили твой нрав.

— Теперь он мой сын и главный советник. В нашем роду все воины, и ни раны, ни смерть их не страшат. Да

и у самого Раббеха рука была покалечена, но это не помешало ему создать сильное государство.

— Это верно. Французы до сих пор не могут утвердиться в Борну. Десять дней они жгли и грабили Дикву, и сейчас весь город лежит в развалинах. Решили строить новую столицу своей колонии на берегу Шари, напротив Кусери. Назвали ее Форт-Лами в честь полковника, убитого нашим хакимом.

— Кто сейчас правит в Борну? Слышали, что они восстанавливают власть прежних шейхов.

— На деле правит Фадельалла. Он не дает врагам покоя ни днем ни ночью. Вместе с Айчаком он прогнал Санда Кура, которого французы объявили шейхом Борну, и разгромил посланный отряд спагов. Сейчас Жантий хочет сделать шейхом его брата Абубакара, но требует, чтобы тот сделал ему подарок — заплатил восемьдесят тысяч талеров.

— Где он возьмет такие деньги? Страна разорена.

— Жантий торопится, пытается как можно больше содрать с Борну. Известно, что земли по левому берегу Шари переходят под власть немцев. Но те не торопятся, ожидают окончания переговоров Фадельалла с англичанами.

— Поэтому ты и приехал в Лере? — усмехнулся Дмитрий. — Знаю, что сюда едет наш старый знакомый — Бычья Голова.

— Видел, каков мой сын! — рассмеялся эмир. —

Он не потерял хватку, умеет узнавать чужие секреты! Иди, барде, отдохни с дороги, а мы тут побеседуем породственному.

— Как ты узнал о приезде англичанина, я не спрашиваю, — сказал эмир Дмитрию, когда они остались одни. — Об этом знают лишь двое самых надежных моих слуг. Наказывать их не буду. Даже рад, что один из них доверился тебе. Значит, он умеет смотреть вперед. Когда я умру, сделай его своим советником. И не обижайся на то, что я беседовал с барде наедине.

— Каждый правитель имеет свои тайны.

— Решение я должен был принять сам. В эти горы наши предки пришли из Аравии почти тысячу лет назад. Столетиями мы были союзниками многих великих держав. Они исчезли, а мы остались. Сегодня барде Идрис получил ответ на заданный ранее вопрос — согласен ли я стать союзником Англии?

— Что же ты ответил?

— Я согласен и сделаю все, чтобы мои подданные поддержали это решение. Они поймут, что небольшому народу выгоднее иметь сильного союзника, который живет вдалеке. Мы все видим, что французы сажают своих чиновников в каждом городе и суют нос во все дела. Они же объявляют султанами проходимцев, которым умный хозяин не доверит даже убирать навоз в конюшне. А у англичан один чиновник правит целой

конюшню. А у англичан один интеллигент правит целую округой. Он знает местный язык, уважает веру и обычаи людей, с ним всегда можно договориться. Тем более что все внутренние дела: охрана порядка, торговля и, главное, сбор налогов, остаются в руках эмиров и вождей, присягнувших на верность Великобритании.

— Так и Фадельалла решил дружить с англичанами?

— Ага! Главного ты и не знаешь! — старик хитро сощурился. — Сын Раббеха уже встречался с английским майором в Иби на берегу Бенуэ. Скоро ты сам встретишь этого майора.

Трое англичан приехали в Лере через несколько дней. Их сопровождали рослые хаусанские стрелки под командой сержанта, в котором Дмитрий узнал одного из десятников своего алама, отправленного домой залечивать раны. Но возглавлял отряд сутулый, лет под пятьдесят, майор с вислыми прокуренными усами. Ладно сидевший китель, потертые ремни амуниции, твердая посадка в седле — все выдавало в нем профессионального солдата. А замечание за небрежно уложенный выюк, сделанное одному из стрелков, говорило о том, что в Судане он провел уже не один год. Второй англичанин был необыкновенно высок и худ, его лысина и рыжая борода привлекали всеобщее внимание. Он с любопытством оглядывался вокруг и задавал самые неожиданные вопросы. Мистер Кейнсон

давал на них подробные ответы, которые его спутник заносил в толстую записную книжку.

Эмир торжественно встретил гостей. Его глашатай подробно упомянул все титулы своего владыки, не забыл перечислить наиболее известных его предков и их славные деяния. В ответ мистер Кейнсон сказал, что доктор Уоррен, член Британской медицинской ассоциации по поручению Королевского научного общества прибыл в горы Джое для изучения высокогорной разновидности тропического климата. Его сопровождает кавалер многих наград майор Приморского полка Королевской шотландской бригады Мак-Клинток.

Поскольку все титулы прозвучали на языках их носителей, мистер Кейнсон пояснил эмиру и его приближенным, что доктор — это «сильно ученый врач», которого приглашают лечить членов королевской семьи, а сутулый майор так любит войну, что от своих хаусанских солдат получил прозвище Горбатый Вояка.

— А он за это не обижается? — поинтересовался эмир Нуху.

— О нет, он гордится этим прозвищем. Знает, что таким же был и наш король Ричард³¹, — возразил мистер Кейнсон.

Эмир очень заинтересовался этим британским монархом, и мистер Кейнсон вынужден был поведать его историю. Упомянул о том, что Ричард то ли имел

горб, то ли просто ходил сутулясь, но много воевал, жестоко расправлялся с родней и обещал отдать половину Англии за боевого коня.

— Чем же он кончил?

— Он стал последним английским королем, убитым на поле боя.

— Такой храбрый вождь достоин уважения. С родственниками он правильно поступал, они всегда мешают управлять — много просят, но мало делают. А наказывать их опасно или просто жалко. Но вот запасного коня ему надо было иметь. Один из эмиров Кано чуть не погиб, как король Ричард. В бою под ним убили лошадь, и телохранители едва его спасли. С тех пор потомки эмира даже на праздники отправляются со вторым конем.

Приятная беседа продолжалась и за праздничным столом. Доктор Уоррен нахваливал климат Джоса, который так выгодно отличается от влажной жары Лагоса или Калабара, с большим интересом пробовал местные блюда. Но оловянная мисочка с ломтиками замаринованных с перцем бананов привлекла его особое внимание.

— Какой интересный узор. Но откуда здесь олово? — обратился он к мистеру Кейнсону.

— Несколько лет назад агенты нашей компании установили, что здешние племена разрабатывают залежи оловянной руды. Ее образцы мы послали в

залежи оловянной руды. Их образцы мы послали в Лондон и получили высокую оценку специалистов. Но из-за всех этих политических и военных потрясений невозможно даже начать геологическую разведку месторождения.

— На мировом рынке цены на олово все время растут. Оно широко применяется при получении бронзы, латуни и других сплавов, из которых изготавливают части паровых машин, насосов и механизмов, постоянно соприкасающихся с морской водой и паром. Молодая электротехника также нуждается в них. Я уж не говорю о произведениях искусства.

— Доктор, вы забыли о гильзах для патронов и артиллерийских снарядов, — заметил майор.

— О да, совсем забыл об этом. Но, мистер Кейнсон, теперь, когда британское правительство упразднило вашу компанию и провозгласило на ее территории протекторат Северная Нигерия, открываются большие возможности для освоения этих богатств. Климат Джоса и обилие воды позволяют строить здесь предприятия и города.

— Сейчас в Южной Африке наши войска сломали организованное сопротивление буров и ведут очистку территории от их банд. Поэтому можно будет обратить большее внимание на бассейн Нигера и Бенуэ. Лугард стал верховным комиссаром протектората и не будет

церемонится с Сокото. Уважаемый Идрис, где сейчас находится Фадельалла?

— Он разбил лагерь в предгорьях Мандара.

— Верховный комиссар просил меня еще раз встретиться с сыном Раббеха. — Голос бравого майора звучал, как на полковом плацу. — Джентльмены, заявляю при всех, что Фадельалла отличный парень и смелый солдат. Ему всего двадцать шесть лет, но он рассуждает как зрелый политик. Он достоин стать новым правителем Борну! Везу ему хорошие вести и подарок — самый последний образец нашего кавалерийского карабина!

Обед подошел к концу, и гости благодарили за радушный прием. Все это время Дмитрий скромно сидел рядом с эмиром, молчал и слушал. Запоминал все сказанное об изменениях в британской колониальной администрации и перспективах добычи оловянной руды. За все время застолья мистер Кейнсон ни чем не намекнул на их давнее знакомство. Четко знал правила игры, не выдал своих связей даже перед большим начальством.

— Что у вашего сына с рукой? — как бы между прочим спросил он эмира.

— Обычное дело. Ранен в стычке с разбойниками, пуля застряла в плече.

— Доктор Уоррен опытный хирург. Пусть он осмотрит рану.

Уважаемый представитель Британской медицинской ассоциации знал свое дело. На следующее утро Дмитрий был раздет и внимательно осмотрен. При операции присутствовал, в качестве переводчика, мистер Кейнсон, а ассистентом стал Ахмед, державший наготове все свои снадобья и ревниво наблюдавший за действиями иноземного целителя.

— Очень любопытный тип индо-средиземноморской подрасы, — высказал свое мнение о пациенте доктор Уоррен. — В Лондоне я бы принял этого парня за уроженца Корнуэлла. Потомка тех финикийцев, которые в древности приплывали в Британию.

— Его отец, эмир Лере, представитель одного из древнейших родов, берущих свое начало из стран Ближнего Востока.

— А мамаша была испанской пленницей или славянской рабыней?

— Доктор, это деликатная тема. Надо уважать монархические традиции.

— Но в высшем обществе бывает всякое. Слышали анекдот, о том как встретились два аристократа? У них вышел спор о древности родов, и один сказал другому:

«Маркиз, наш отец король, но чем меньше мы будем говорить о наших матерях, тем будет лучше для нас обоих!»

— Ха-ха-ха!

— Так что у него с рукой? Спокойно юноша. Мистер Кейнсон, скажите ему, надо будет немного потерпеть. Судя по шрамам на его теле, он уже побывал во многих переделках и не должен бояться боли. Что хочет этот кастрат?

— Он говорит, что у него есть средство, которое снимает боль. Оно совершенно безвредно.

— Дайте мне взглянуть на него. — Доктор понюхал содержимое поданной Ахмедом коробочки. Осторожно взял пинцетом несколько крупиц снадобья и лизнул. — Пусть даст немного. Это что-то из анальгетических средств, которые ослабляют ощущение боли. Мне придется в нем покопаться, пуля вошла сверху и застряла в мышцах руки, а теперь она давит на нерв.

Доктор работал быстро, шутил. Но Дмитрий запомнил лишь его последние слова:

— Скажите этому парню, что рука заживет, но силы и ловкости в ней не будет. Пусть разрабатывает ее, массирует. Если постарается, то сможет шевелить пальцами, может быть и писать. Кстати, мистер Кейнсон, кто его подстрелил?

— Точно не могу сказать. Видимо, какие-то дикари.

— О Боже! Ваше ведомство из всего делает тайну.

Эта пуля была изготовлена по рецепту нашего с вами земляка, капитана Генри Шрапнеля. Совсем недавно в Южной Африке я извлекал такие шутки в полевых госпиталях. За день их набралось не меньше ведра!

После операции потянулись долгие недели выздоровления. Боль отпустила, но подвижность руки восстанавливалась очень медленно. Хотя Дмитрий ежедневно делал упражнения, которые ему показал английский врач. Из окружающего мира до Лере доходили различные, порой самые невероятные слухи. Но однажды вечером в городские ворота постучал одинокий путник. Седая бороденка ключьями торчала на его обезображенном ожогом лице. Одет он был в лохмотья и вел за собой облезлого осла с кучей рванья на спине.

Стражники не хотели пускать бродягу в город, но он кричал о том, что идет к самому мадаваки. Не успокоился до тех пор, пока не пришел Дмитрий и не опознал в нем старого пушкаря Меи Араду. Встреча была радостной, но затем пришлось услышать и печальные новости. Сыновья Раббеха, Наби и Мухаммед, сосланы французами в Конго и содержаться в каком-то поселке среди джунглей. Дочь Авва скрывается среди кочевников, а Фадельалла убит.

— Как это случилось?

— Его предали. Запасы оружия кончились, и он поспал Илрису в один из наших тайников. Там оказалась

засада, барде погиб, а один из слуг сдался французам. От него они узнали место лагеря и напали внезапно. Многие из нас успели уйти через болото, но пуля настигла Фадельалла. Его похоронили, как и подобает, но враги нашли могилу, выкопали тело и отрубили голову. Потом выставили ее на главной площади в Дикве.

— Зачем вы полезли в тайник? Разве англичане не прислали вам оружие?

— Очень мало. Мы поняли, что на них надежда плохая. Люди начали расходиться по домам, не всякий выдержит трудности походной жизни. Она в радость только таким, как Айчак. Этого ничто не берет, словно он выкован из железа.

— Где он сейчас?

— Собрал оставшихся базингеров и нанялся к немцам. Сказал, что англичане слишком хитры и он не хочет иметь с ними дело. Да еще он не расплатился с их королевой за каких-то коров. Ну а немцы, как узнали, что базингеры служили у Раббеха, сразу приняли их в свою войско, выдали новые мундиры, обещали хорошо платить.

— Оставайся в Лере. Здесь арсенал небольшой, но работа найдется.

Опять потянулась череда тихих дней в этом горном приюте. Но вдруг она была нарушена появлением

мистера Кейнсона. Эмиру он привез подарок — настенное зеркало и часы с боем, а потом уединился с Дмитрием.

— Вижу, что рука заживает и уже может держать ложку. Поэтому хочу спросить, вы всю жизнь собираетесь прожить в горах Джоса?

— Здесь красивые места и умеренный климат, — осторожно ответил Дмитрий. Он сразу понял, что наступило время перемен.

— Не с вашим характером сидеть на одном месте. Прошу вас, мистер Димитри, оказать мне важную услугу. Выгода от этого дела будет взаимной.

— Слушаю.

Мистер Кейнсон разгладил бакенбарды и, проникновенно глядя в глаза собеседнику, поведал, что благодаря стараниям верховного комиссара Северной Нигерии, недалеко от впадения в Нигер реки Кадуна сложены штабеля строевого леса и поставлена паровая лесопилка. Ею пока управляет отставной сержант, уроженец Ирландии. К сожалению, он не справляется со своими обязанностями, а его рабочие, набранные среди местных жителей, бездельничают и тащат все, что попадаетеся им на глаза. Сам же он занимается тем, что гонит из плодов манго крепчайший самогон и обличает политику британского империализма. Объясняет простой лесопилки тем, что его родина много веков влачит жалкое существование под гнетом англичан и ее

сыны вынуждены искать себе пропитание в самых отвратительных местах нашей планеты. Руководство решило срочно выслать ирланда в метрополию вместе с парой молодых чиновников, усомнившихся в гуманизме колониальных властей и уже получивших диагноз, подписанный главным врачом протектората — «нервное расстройство, осложненное тропической депрессией».

Сыну эмира Лере предлагается место управляющего лесопилкой со всеми полагающимися выплатами, надбавками, наградными. Должность гражданская, но трудится придется под контролем капитана Гордона из инженерно-строительного управления. К работе надо приступить немедленно. Для прокладки узкоколейной железной дороги, которая пойдет в обход порогов на реке Кадуна, требуются шпалы. На строительство отпущено десять тысяч фунтов стерлингов и очень мало времени. Пока же все грузы доставляются с помощью носильщиков и нескольких присланных из Индии двуколок. Но люди не могут нести больше тридцати килограмм каждый, лошадидохнут от укусов мухи цеце, а двуколки ломаются на бездорожье. Транспортировка материалов идет очень медленно и с огромными потерями.

— Конечный путь доставки?

— Город Зунгеру, новая штаб-квартира верховного комиссара Северной Нигерии. Вы, мистер Димитри,

человек решительный и хорошо знаете местные условия, понимаете язык жителей. За Альхаджи Муса, лояльного африканца, я поручусь лично. Уверен, что его кандидатура не вызовет возражений в канцелярии Лугарда. Сам он, хотя и кадровый военный, но всегда очень чутко прислушивается к мнению специалистов по туземной политике. Поэтому и добился таких успехов в умиротворении ряда заморских территорий.

Дмитрий молчал, думал.

Действительно, Англия закончила войну с бурами и теперь имеет полную свободу рук для завершения операции в Северной Нигерии. Старый султан Сокото скончался совсем недавно, и на престол взошел его племянник Мухаммаду Агтахиру. Многим он пришелся не по нраву, влиятельные кланы придворных и могучие эмиры хотели бы видеть султаном кого-нибудь другого. Но среди них нет единства, идет яростная грызня за власть. Для всех ясно, что Сокото теряет последние признаки единого государства. Поэтому англичане и французы действуют все более решительно и старое соперничество переходит в открытую вражду.

Новые французские колонны появились на границах Сокото. Впереди них целыми взводами рыщут миссионеры, ботаники и прочие натуралисты. Недавно английский патруль перехватил крупную партию французских винтовок, которую везли в Сокото. Ее

хозяина так и не нашли. А потом трое сержантов Первого полка колониальной пехоты французской армии заблудились в саванне и значительно углубились на территорию протектората. Но когда встретили английский патруль, то совсем растерялись и приняли его за разбойников. В завязавшейся перестрелке несколько англичан было убито. Сейчас сержанты сидят в тюрьме, им грозит виселица, а французский консул в Лагосе отчаянно пытается замять скандал.

Из соседних эмиратов приходят неясные сообщения о том, что с их правителями встречаются какие-то личности и ведут долгие доверительные беседы. Известно, что обсуждаются степень верности султану Сокото и готовность присягнуть британской короне. После этих встреч у некоторых владык появляются лишние деньги, а в их гаремах видели удивительные ткани, дорогие духи и богатые украшения. Конечно, все это не более чем сплетни завистников и болтовня выживших из ума евнухов. Но сейчас речь идет о строительстве железной дороги. Ясно, что готовится военный поход на Север, на Сокото, Кано и другие хаусанские города. Поход должен быть быстрым, победоносным, с минимальными потерями. После кровопролитной и долгой войны с бурами Лондону нужна именно такая операция.

— Кто в новом протекторате будет владеть земельными участками, на которых ведется добыча

полезных ископаемых?

— Эта тема не подлежит обсуждению! — закричал мистер Кейнсон. Его лицо налилось кровью, он опять стал очень поход на разъяренного быка.

Дмитрий молчал, ждал ответа на свой вопрос.

Прошло некоторое время, и его собеседник взял себя в руки. На его лице появилось подобие улыбки.

— Ваш вопрос расцениваю, как наглое вымогательство. Но объясняю, чтобы потом не было никаких претензий. В протекторате Южная Нигерия местные жители безоговорочно уступают британским горнодобывающим компаниям все земельные участки, на которых обнаружены полезные ископаемые. Уверен, что это положение будет распространяться и на северный протекторат.

— В наших горах добыча оловянной руды ведется давно и население хорошо знает цену этого металла. Могут появиться недовольные.

— Их легко призвать к порядку. Но мне кажется, что мы уклонились от главной темы нашего разговора.

— Хочу заметить, что в настоящее время в горах Джоса укрывается много бывших базингеров Раббеха. Они имеют богатый боевой опыт, а горный театр идеально подходит для ведения партизанской войны. Большинство их изнывают от безделья и отсутствия денег. По горным тропинкам французские эмиссары с удовольствием перебросят в эти края излишки своего

вооружения. Ну а если кто-нибудь вздумает обратиться к нашим горцам с призывом встать на защиту истинной веры, иными словами, начать джихад, то активные боевые действия на плато Джое вполне обеспечены лет на пять.

— Вижу, что не оценил вас, мистер Димитри.

— Вспомните Афганистан. Англичане овладели Кабулом, но так и не победили. Если местные эмиры сочтут себя обделенными, то нет смысла строить эту железную дорогу. Я ничего не прошу и ни на чем не настаиваю. Просто считаю своим долгом проанализировать и такой вариант развития событий.

— Вот это пример азиатского коварства! — возмущению мистера Кейнсона не было предела. — Вы, русские, очень хитры и расчетливы!

— Мы всегда жили на границе Европы и Азии и за прошедшие столетия кое-чему научились. Много раз наши города и села иноземные захватчиком сжигали дотла. Когда ваши предки принимали Великую хартию вольностей³², русские князья каждую весну выводили конные рати в степь, чтобы предупредить набеги кочевников и дать своим мужикам спокойно засеять поля. За века у нас сложилось разное отношение к верховной власти. Для англичан король это чиновник, обязанный отвечать за свои действия перед народом, а для нас царь — военный вождь, чьи приказы надо

исполнять бесприкословно. у вас человек имеет ценность сам по себе и его охраняет закон, а у русских он в первую очередь член большой семьи или общины, которая и защищает его от произвола властей. Естественно, что в силу этих причин и сами власти в наших странах по-разному расценивают свою ответственность перед народом.

— Спасибо за откровенное объяснение. Признаться, никогда не думал о причинах, повлиявших на формирование самодержавия и русского национального характера. Может быть, вы и правы, за свою историю англичане имели больше возможностей для устройства своих домашних дел. Мы островитяне и от иноземного вторжения нас хранит сама природа.

— Еще и королевский флот.

— Ха! Один ноль в вашу пользу! Теперь о деле — согласится эмир Лере присягнуть британской короне?

— Если колониальные власти гарантируют ему арендную плату за участки с залежами оловянной руды. Он должен быть уверен, что его внук будет материально обеспечен.

— Иными словами, деньгами будете распоряжаться вы сами?

— Разумеется! — Дмитрий в упор взглянул на англичанина. — Сделаю все, чтобы приумножить капитал, и мой сын получит высшее образование в Англии.

— Два — ноль в вашу пользу!

— К исполнению обязанностей управляющего лесопилкой готов приступить немедленно. Только прошу ответить на такой вопрос — почему вы скрываете мою национальность от своих земляков?

Мистер Кейнсон с интересом, словно впервые, посмотрел на Дмитрия. Задумчиво покачал головой и вдруг улыбнулся:

— Черт возьми! Долго наблюдал за вами, но только сейчас понял, что вы обладаете не только русским характером, но и почти английским чувством здравого смысла. Это редкое качество даже среди моих земляков.

— Благодарю за профессиональную оценку.

— Я тоже буду откровенным. Сейчас нас с вами окружают военные и колониальные чиновники. Люди проникнутые идеями расового превосходства, для которых все иностранцы, вне зависимости от цвета кожи, являются соперниками или противниками. Но сам я прежде всего торговец и должен знать положение на рынке, спрос, цены и все остальное. Мне нужны реальные данные, а не вранье официальных отчетов и выдумки журналистов. Ради этого много лет прожил в Африке, изучил языки, перенял некоторые обычаи. Горжусь тем, что в ближайшее время моя старая добрая Англия получит новую богатую колонию. В этом будет некоторая доля и моей работы. Но мне совсем не нужно внимание публики. Знаю, что десяток достойных

джентльменов высоко ценят мои усилия. Они прагматично относятся к нашим с вами связям, но среди остальных мы не встретим такого понимания.

— Видимо, Фадельалла не понял этого.

— После того, как наш храбрый майор повстречался с ним, сын эмира переоценил свои возможности. Я советовал ему тихо сидеть в лагере и подождать, когда французы уберутся за Шари. Рано или поздно, но после разгрома Сокото области Борну будут заняты английскими войсками. Ему оставалось только принести присягу на верность британской короне.

— Значит...

— Значит для всех вы остаетесь сыном эмира Лере. Как только станет известна ваша национальность, вас обвинят в шпионаже со всеми вытекающими из этого последствиями. Я-то знаю, что вы уже давно не имеете связи со своим начальством, но зачем раскрывать другим секреты нашей профессии?

— Очко в вашу пользу.

— И еще — первое время в своем английском делайте побольше ошибок. Но изобразите, что усиленно изучаете язык, каждое слово ловите на лету. Многим нашим начальникам, особенно преклонного возраста, такое старание очень понравится. Вас снисходительно похвалят, а успехи будут подтверждать их любимое выражение — «эти негры сообразительны, как обезьяны».

— Но я же не негр.

— Неужели вы думаете, что эти напыщенные чиновники разбираются в таких тонкостях? Для них туземные территории начинаются сразу же за проливом Ла-Манш!

После такой беседы разговор со старым эмиром был кратким. Все действия Дмитрия получили полное одобрение, а на прощание он услышал и отеческое наставление:

— Сын мой, ты принял правильное решение. Пора из воина становиться купцом. В наши дни набеги и захваты уже не приносят прежней выгоды и торговля становится все более почетным занятием. В моей казне немного денег, но если потребуется, все отдам тебе. Только ты и сам будь осторожен. Как говорится, если охотишься за деньгами, не позволяй им охотиться за тобой!

— Будь спокоен, отец. Бычья Голова обещал хорошо заплатить. Да и у меня хранится доверенность на деньги, оставленные старосте триполитанских купцов в Дикве. Найду его через арабских торговцев, которые есть на Нигере.

— Он заплатит. Честь купца в его слове.

Лесопилка стояла на самом берегу Нигера. Вдоль реки, до самого устья Кадуна, тянулись причалы, навесы и склады самых разнообразных грузов. Раздавались зычные команды десятников, и вереницы людей с ящиками и мешками спешили сложить свой груз в указанных местах. Другие копали канавы, устанавливали столбы телеграфной линии, возводили новые склады и бараки. Время от времени весь этот строительный шум перекрывали гудки пароходов, тянувших по реке баржи и плоты из толстых бревен.

Плотный краснолицый капитан Гордон, которому Дмитрий представился по прибытии, просто изнывал от жары. Солнце поднялось еще невысоко и с Нигера тянуло прохладой, но в офисе двое чернокожих слуг уже усердно тянули за веревки, поднимали и опускали огромное опахало, подвешенное под потолком. Тонкая полотняная куртка старого служаки потемнела от пота, а сорванный постоянным криком голос чуть слышно сипел. Бледный, иссушенный лихорадкой секретарь подливал в бокал начальника содовую и, чтобы уничтожить кишевших кругом микробов, капал немного виски.

— Ты Муса? Бревна пилить! Каждый день. Военный закон! — произнес капитан короткие фразы, чтобы быть понятным новому подчиненному. Его решительный взгляд, окладистая черная борода, широкий ремешок с юбкой из которой торчала рукоятка

широкий ремень с кобурой, из которой торчала рукоятка нагана, не внушали особого доверия. — Работа — бревна пилить! Быстро — быстро! Понял?

— Понял, сэр! Работа — бревна пилить! Но нет еда, нет работа! — в тон капитану ответил Дмитрий, уже узнавший, что рабочие лесопилки несколько дней не получают положенного им пайка.

— Склад. Еда — получить. — Капитан устало махнул рукой куда-то в сторону и повторил: — Бревна пилить! Военный закон!

— Ну и прислали нам типа. Это же настоящий разбойник, сэр, — негромко произнес секретарь. Он заглянул в пухлую папку с бумагами. — В сопроводительных документах сказано, что он сын эмира и принимал участие в специальных операциях, сэр.

— В Индии я уже встречал таких висельников. Но за этого бандита поручился начальник разведки. Он знает языки этих дикарей и постоянно общается с подобной публикой. Поганая у него работа, Джим. По мне уж лучше торчать на этой проклятой пристани.

— Совершенно верно, сэр. Слава Богу, здесь хватает клерков и надсмотрщиков и не приходится иметь дело с туземцами.

Основное оборудование лесопилки оказалось на месте. К нему был приставлен машинист, юркий метис из Лагоса, и какие-то тощие охранники. Но татуировка и

амулеты свидетельствовали о том, что они принадлежат к речным кланам, которые не отличаются уважением к чужой собственности. Собранные перед небольшим конторским бараком рабочие являли собой самое жалкое зрелище. Сразу было видно, что большинство из них это крестьяне, пригнанные из соседних деревень. Все в рванье, имеют голодный вид и на нового начальника смотрят угрюмо. Выяснилось, что обитают они в самодельных шалахах, устроенных среди штабелей бревен. Там же на костерках варят то, что удастся раздобыть себе в пищу, так что пожара на лесном складе можно ожидать в любое время.

Распоряжения Дмитрия было быстрыми и краткими. Сторожей — прогнать, Меи Араду и базингерам, пришедшим вместе с ним на лесопилку, — взять на себя охрану. Рабочим — разбиться на десятки и начать расчистку места для постройки общего барака, кухни и склада для продовольствия. Его сообщение о том, что дважды в день все будут получать горячую пищу, было встречено недоверчивыми улыбками. Какой-то молодой парень смело выступил из толпы и заявил, что он кузнец и добровольно пришел на пристань. Хочет учиться работать на огненной машине, а не просто ворочать бревна.

— Меи Араду, возьми его к себе и проверь, — приказал Дмитрий. — Да и сам присмотришь к машине.

— Уже смотрел. Если с французской пушкой

сладил, то освою и ее. Там порох толкает снаряд, а в ней все делает пар.

На появление Дмитрия в длинном конторском бараке никто не обратил внимания. Клерки, все как один выходцы из южного протектората — приземистые, толстощекие и безбородые, сидели вдоль стен за столами, заваленными грудami бумаг. Что-то весело обсуждали на английском языке. Как свидетельство собственной образованности и причастности к мировой цивилизации, многие из них носили очки и нагрудные крестики, а над своими столами прикрепили листки с библейскими изречениями и вырезки из лондонских журналов.

На вопрос Дмитрия, где найти старшего клерка, последовали нагловатые ухмылки и пренебрежительные кивки в пустое пространство. По замусоренному и заплеванному земляному полу прошел в конец барака, к невысокой дощатой перегородке. Там за широким столом величаво восседал полный мужчина, чем-то напоминавший дремлющего на солнышке кабана. Увидев бороду и костюм Дмитрия, он недовольно поднял брови. С невозмутимым видом выслушал вежливую просьбу выделить, согласно распоряжению капитана Гордона, просо, гвозди, котлы для варки пищи и еще кое-какие мелочи, необходимые для лесопилки.

— Из саванна пришел? — ласково спросил он. — Полярник принес? Золотой песок? Слоновая кость?

Подарок принеси. Солдат песок. Словная кость.

— Подарок нет. Капитан говорить — бревна пилить. Военный закон.

— Тогда слушай. Порядок есть — для получения вышеназванных материалов надлежит заполнить в трех экземплярах требование на казенное имущество и, отдельно, на продовольствие, указав при этом, согласно параграфам «би» — восемь, «джи» — четыре и «эйч» — шесть Уложения по материальному обеспечению строительных работ их целевое использование и завизировать у младшего финансового инспектора. Завтра. Бумага. Приходи. Подарок неси. Понял?

От услышанного на Дмитрия пахнуло почти забытым духом родных казенных палат и канцелярий, в которых чиновники умели виртуозно утопить в бумагах любое дело. Вспомнились и полковые писаря, стремившиеся блеснуть образованностью и писавшие в накладных вместо «щетки половые», «щетки сексуальные». Один знакомый гусарский ротмистр совсем одурел от этих казенных параграфов и циркуляров, но проявил решимость и получил-таки для своего эскадрона новые седла, пригрозив изрубить в капусту всю канцелярскую братию. Правда, после этого вышел скандал и его отправили служить на Кавказ. Ну а куда может сослать капитан Гордон?

— Я понял. Ты пиши бумага. Быстро. Военный закон.

— Иди. Бумага. Завтра, — прозвучало в ответ.

— Уважаемый старший клерк! Требую немедленно оформить накладные на вышеуказанные материалы. Без них лесопилка не может начать работу. Иначе буду действовать согласно законам военного времени.

От удивления толстяк даже не заметил, что с ним заговорили на нормальном языке. Его глаза стали совсем круглыми и он заорал:

— Пошел вон, дикарь! В саванну!

За перегородкой раздалось хихиканье. Там с чисто «канцелярским восторгом» оценили всю пикантность ситуации, в которую попал грозный начальник.

— Это же настоящий европеец!

— Даже не пьяный.

— Наш бегемот влип!

Понимая, что публично оказался в глупом положении, старший клерк потерял самообладание и поднялся из-за стола:

— Вон отсюда!

— В последний раз прошу оформить...

— Убирайся вон!

Дальше продолжать разговор не имело смысла.

Левая рука сохранила твердость, и пуля прошла точно в двух дюймах от уха рассвирепевшего начальника. Но последствия выстрела оказались самыми неожиданными. Дмитрий и сам растерялся, когда увидел, как толстяк стремительно опустился на

четвереньки и, волоча живот по полу, резво двинулся к выходу. Его подчиненные с открытыми ртами так и застыли за своими столами. Возможно, он бы и покинул барак таким образом, но в дверях его остановил сопровождавший Дмитрия базингер. Слегка придержал ногой и, взявшись за рукоятку кинжала, деловито спросил:

— Галадима, ему что отрезать? Голову или?..

— Не сегодня. Уважаемый старший клерк, садитесь за стол и подписывайте накладные. Извините за нецензурные выражения моего охранника, он много лет служил у Раббеха. Вместе со мной. Поставьте печать. Большое спасибо.

Через три дня после случившегося капитан Гордон был вынужден лично появиться на лесопилке. Он просто изнывал от жары, был буро-багров, взмок от пота и тяжело дышал. Бегло взглянул на гудевшую пилораму и напустился на управляющего.

— Ты что, Муса, вытворяешь! Этот чернокожий бегемот чуть от страха не околел! Почему нарушаешь приказ и не являешься, когда тебя вызывает начальник!

— Работа, сэр! Много быстро бревна пилил! — бодро отрапортовал Дмитрий.

— Как смеешь в людей стрелять?! — продолжал капитан, но тут на раму подали новое бревно, и пронзительно завизжали пилы.

— Лействовал согласно законам военного времени.

сэр! — заорал ему в самое ухо Дмитрий. — Люди устроены и накормлены. Работа пошла, сэр!

Оглушенный всем этим капитан смотрел, как под зубьями пил фонтанами брызжут опилки, а бревно разделяется на толстую шпалу, доски и горбыли.

— Ты, разбойник, стал довольно правильно объяснять на нашем языке, — сказал капитан, когда смолкли пилы. На управляющего он уже смотрел более благосклонно.

— Люблю английский речь, сэр! Каждый вечер машинист-метис мне учить помогать.

— Сэр, взгляните, у них уже готовые шпалы лежат и целый штабель досок, — доложил подошедший секретарь. — Он успел поставить кухню, строит барак для рабочих.

Доклад секретаря был прерван выстрелом и громкими криками. Из-за бревен показались Меи Аралу и базингеры, которые тащили за собой трех человек.

— Галадима, эти двое украли со склада лопату и гвозди! Обменяли на буркуту³³ вот у этого торговца. Он принес целую кварья³⁴ такого пойла.

— Отраву и ее хозяина в Нигер! — приказал Дмитрий. — Воров на первый раз прощаю, дать им по двадцать плетей и поставить катать бревна. Попадутся еще раз — отрежу уши! Тому, кто их поймал, выдать новые рубахи. Прошу прощения, сэр. Разрешите показать

производства.

Но в ответ капитан лишь довольно ухмыльнулся и покачал головой:

— Далеко пойдешь, парень! Смотри, Джим, с какими крутыми ребятами имеют дело мистер Кейнсон и некоторые наши земляки, любители туземной лингвистики и этнографии. К сожалению, только таким путем мы сможем создать Империю, над которой никогда не будет заходить солнце.

72

Вскоре лесопилка уже гудела с восхода до заката. Меи Араду со своим подручным кузнецом освоили работу на паровике, а к пилораме были поставлены самые проворные парни, так что метису оставалось лишь вести общее наблюдение за состоянием машин. Теперь партии шпал регулярно направлялись на строительство железной дороги, а другие пиломатериалы использовались для сооружения зданий прибрежного поселка. В контору Дмитрий входил как в клуб, выслушивал приветствия клерков, вежливо здоровался и шутил с их начальником. О недавнем недоразумении никто и не вспоминал.

Капитан Гордон всем ставил в пример такого подчиненного, проезжим чиновникам и офицерам

рассказывал о его удивительных способностях и благотворном влиянии английской культуры на туземцев. Секретарь Джим охотно вступал в разговор, расспрашивал о местных обычаях, делал заметки в записной книжке. Говорил, что собирается написать рассказ и послать его в какой-то литературный журнал.

Как-то у дверей конторы Дмитрию низко поклонился невысокий человек с солидным брюшком.

— Приветствую тебя, Альхаджи Муса! Мы встречались в Кацине, в тот день, когда ярима сгорел в красильной яме.

— О, Ассад ибн Рашид! Отважный купец из Туниса. Сколько времени прошло со дня нашей встречи! Что привез на этот раз? Шелк, бархат, дорогие халаты?

— После Кацины я торговал в разных местах, сейчас обосновался в Лагосе. Место бойкое, торговля идет отлично. Узнал, что у вас на стройке собралось много народа и привез баржу сушеной рыбы. Только ее не разрешают продавать. Старший клерк говорит, что для этого нужна особая бумага из Лондона.

— Покажи мне твой товар, — предложил Дмитрий, который сообразил, что расторопный купец может быть очень полезен.

Мешки из плотной ткани, с клеймами известной английской рыболовецкой компании, доверху заполнили баржу. Каждый набит, связанными попарно и пересыпанными крупной солью, безголовыми

тушками трески. Это неплохая добавка к рациону рабочих. На одном просе они долго не выдержат, а казенных денег только на него и хватает.

— Я забираю весь твой товар. Подожди, не благодари. Знаешь Али аль-Хусейна? В Дикве он был старшиной купцов из Триполи.

— Очень хорошо знаю. Сейчас он живет в Лагосе, веду с ним дела.

— Передай ему мое письмо, пусть переведет мои деньги в надежный банк. Из них возьмешь себе стоимость рыбы и расходы на дорогу. Согласен?

— Ты опять мне помог, Альхаджи Муса! Я твой должник! Все сделаю, как ты пожелаешь. Буду счастлив и дальше вести с тобой торговые дела.

— А что ты можешь предложить? — поинтересовался Дмитрий, но разговор был прерван появлением секретаря Джима.

Дрожащим голосом тот сообщил, что случилось нечто чрезвычайное и капитан Гордон срочно зовет Дмитрия на совещание.

Кроме хозяина в кабинете собрались двое офицеров, казначей и скромный почтовый чиновник, редко появлявшийся на пристани и часами просиживавший у своего телеграфного аппарата. Но сейчас именно он, ссылаясь на информацию штаба верховного комиссара, сообщил об активизации шаек эмира Ибрагима Нагвамаце.

С несколькими десятками всадников этот известный воин спустился в долину реки Кадуна и теперь громит и жжет все деревни, угоняет в горы их жителей. Со всех сторон к нему сбегаются любители легкой наживы и уже совершенно несколько нападений на поселки строителей железной дороги, разграблены склады и убиты люди. По последним данным, войско эмира достигло нескольких тысяч и движется к пристани, где скопилось много всякого добра.

Дмитрию вспомнился худощавый мрачный мужчина лет сорока, дальний родственник султана Сокуто. Несколько лет назад он унаследовал власть после кончины своего отца, который до семидесяти лет занимался исключительно охотой за рабами и регулярно поставлял их на все невольничьи рынки Западного Судана. Боевой клич — «На гвамаце» — «Я раздавил врага» — стал его вторым именем. Сын продолжил отцовскую традицию и как-то посетил эмира Нуху. Предложил объединить силы и устроить большую охоту на жителей южных равнин.

Но старый эмир Лере лишь покачал головой, вспоминая прошлые лихие набеги. Сказал, что времена изменились и сегодня такой товар, как рабы, не находит сбыта. На юге некоторые правители занялись выгодными делами — они договорились с англичанами и устраивают плантации масличной пальмы и какао. Люди сами приходят к ним в поисках работы и совсем

Люди сами приходят к ним в поисках работы и совсем нет необходимости возиться с захватом и охраной рабов. Но в ответ эмир Ибрагим только упрямо сжал губы и спросил: «Разве может кот перестать ловить мышей?»

— Чем же мы защитимся от такого огромного войска? — с плохо скрытой тревогой спросил капитан Гордон. — У меня только взвод морской пехоты Северной Нигерии и туземная полиция. Но они годятся только для охраны складов и разгона пьяных драк. Есть еще пятьдесят конных стрелков под командованием нашего храброго лейтенанта.

— Вы забыли, что у нас есть пулемет, сэр! — горячо воскликнул молодой офицер.

— Это сооружение весит почти сто килограммов, — с насмешливой улыбкой возразил капитан. — Как вы собираетесь управляться с ним в полевых условиях?

— На учениях пулеметная команда действовала отлично. Мы отобьемся, сэр!

Казначей и второй офицер, пожилой саперный капитан, только покачали головами, услышав такую глупость. Сам капитан Гордон побагровел еще больше. А секретарь Джим еще больше побледнел и совсем тихо произнес, что на причалах работают сотни дикарей, готовых немедленно присоединиться к разбойникам.

— Я слышал, что вы имеете военный опыт. — Почтовый чиновник вопросительно взглянул на

Дмитрия. — Что сможете предложить в данном случае?

С этим неприметным господином управляющему лесопилкой почти не приходилось общаться. Знал, что каждое утро он приносит капитану Гордону свежие новости, а вечерами играет в бридж в крохотном клубе на берегу Нигера. Интересно, от кого и что именно он еще слышал об Альхадже Муса?

— Ибрагим Нагвамаце не воин, а охотник за рабами, — ответил Дмитрий. — Его отряды не являются организованной силой, не имеют запасов и вынуждены все время передвигаться. Они попытаются совершить внезапное нападение на поселок, но не смогут вести осаду. Необходимо выслать дозоры и укрепить окраины. Конных стрелков лучше держать в резерве и выпустить для решительной контратаки. Энергичного огневого воздействия отряды эмира не выдержат.

— Поддерживаю это мнение! — Глаза лейтенанта азартно блеснули. — Полиция и морячки обеспечат оборону складов. Их поддержит «Сарацин», со своей допотопной гаубицей. А мои хаусанцы ударят в конном строю!

Капитан Гордон шумно втянул в себя воздух, остальные молчали. Пауза затянулась.

— Я не военный человек, сэр, — обратился к капитану почтовый чиновник. — Но считаю, что следует отдать предпочтение активным действиям. Желательно, чтобы наш противник поспешил со своей

атакой. Поэтому предлагаю устроить эвакуацию управления со всеми клерками, бумагами и столами на пароходы и баржи. Получится отличное шоу, и эмир Ибрагим быстро узнает о нашей панике. Вы опытный военачальник, сэр. Думаю, что в своем приказе по гарнизону вы профессионально сформулируете наши сумбурные идеи.

Дальнейшие события развивались по этому плану. Паника прошла в разумных пределах и в основном коснулась обслуживающего персонала. Большая часть рабочих осталась на месте, понимая, что вдали от реки они тут же станут добычей охотников за рабами. Первое нападение всадников эмира было довольно легко отбито пальбой морских пехотинцев и полицейских, засевших на окраине. На всех большое впечатление произвели оплушительные, хотя и абсолютно безвредные, выстрелы с «Сарацина».

Но эмир Ибрагим оказался хитрее, чем все предполагали. Его главные силы перешли Кануну выше по течению и оказались в тылу английской позиции. Об этом маневре вовремя сообщили дозорные и пятьдесят конных стрелков во главе с лейтенантом двинулись наперерез врагу. С ними отправился и Дмитрий, который в такой день просто не мог усидеть на своей лесопилке.

Маленький отряд быстро форсировал кишевшие крокодилами протоки в качестве предосторожности

проходившим протоки, в качестве предосторожности пристрелив несколько этих тварей. Но как только он выбрался на низкий поросший редкими кустами берег, подскакавший дозорный сообщил, что громадное войско эмира движется к переправе.

Молодой лейтенант не растерялся, действовал энергично и толково. Его отряд спешил на вершине небольшого песчаного холма и построился в каре — квадрат по десять стрелков с каждой стороны, лошади и коноводы в центре. Массивную треногу с пулеметом вынесли на угол, обращенный в сторону наступающего противника. Рядом поставили коробки со снаряженными лентами и кожаные мешки с водой для охлаждения пулеметного ствола.

Войско Нагвамаце наступало нестройными толпами, конные воины перемещались с пешими, копейщики с лучниками. Зрелище было внушительное — из зарослей вырастала щетина копий, развевались пестрые флаги и перья на шлемах, блестела сталь и зловещий оскал воинов, уже предвкушавших победу над немногочисленными стрелками. Гудели рога и гремели барабаны, раздавался грозный клич — «На гвамаце»!

Тем не менее английский лейтенант оставался спокоен. С выражением презрительного превосходства он рассматривал эмирское воинство и хладнокровно раскуривал толстую сигару.

— Что они кричат? — обратился он к Дмитрию,

который в отряде взялся исполнять обязанности переводчика. — Я плохо понимаю их язык. Почему мои солдаты недовольны?

— Враги знают, что большинство стрелков родилось в Кано и нанялось на службу к англичанам. Называют их ослиами, ворами, детьми шлюх.

— Боже! Правила приличия надо соблюдать даже на войне. наших парней следует подбодрить. Пусть врагам ответит сержант.

Мордастый верзила, на груди которого красовались медали за войну в Южной Африке и бои на Золотом Берегу, исполнил приказ и гаркнул что-то очень похожее на боевой клич эмира. Услышав такое все стрелки дружно загоготали, засвистели и затопали, хором повторяя его слова. А передние ряды наступающих смущенно замолчали и даже приостановились на некоторое время.

— Что он сказал? — удивился лейтенант.

— Он немного иначе произнес имя их вождя, сэр. И вместо «я раздавил врага», получилось «я вляпался в дерьмо».

— Черт возьми! Ему не откажешь в остроумии. Обязательно в будущем выучу язык хауса. Ну а сейчас приступим к работе.

Длинная пулеметная очередь скосила весь передовой отряд наступавших. На таком расстоянии ни одна из пуль снаряженной ленты не прошла мимо цели.

Остальные воины попятились, немногие из них взяли за свои мушкеты, но ответный огонь стрелков заставил их отойти еще дальше. Перестрелка продолжалась до тех пор, пока из-за кустов не пошла в атаку новая группа конных воинов. Они помчались вдоль берега и попытались напасть с тыла.

По приказу лейтенанта четверо стрелков подхватили треногу с пулеметом и быстро перенесли ее на новую позицию. Две ленты были выпущены в упор, из пулеметного кожуха, со свистом вырывался пар, а весь речной берег оказался завален трупами людей и лошадей.

— Сегодня крокодилы поедят досыта, — ухмыльнулся сержант. — Не зря Кадуну называют Крокодильей рекой.

— Кончай болтать. Проверь стрелков.

— Уже проверил, сэр. Ранены только двое.

— Лейтенант, противник деморализован и отступает, — негромко произнес Дмитрий. Азарт боя овладел и им. Эх, если бы здесь был алам его арабов!

Но англичанин словно угадал его мысли. Через пару минут все хаусанцы были в седлах и отряд начал преследование. Еще через час от захваченных пленных стало известно, что эмир устроил свой лагерь в соседней долине. Кони устали, но смогли выдержать стремительный бросок и вынести стрелков к подножию холма, на котором возвышался похолный пшатен грозного

Нагвамаце. Неудачные атаки у реки и тяжелые потери сломили боевой дух его войска, и охрана велась из рук вон плохо. На появление чужих всадников вблизи ставки никто не обратил внимания, и стрелки, безжалостно работая шпорами и плетьюми, чудом взяли крутой склон.

Лейтенант, Дмитрий, сержант и несколько хаусанцев внезапно ворвались в шатер и увидели Ибрагима Нагвамаце в окружении советников и слуг. Прежде чем кто-нибудь из них пришел в себя, лейтенант подскочил к эмиру и ловко одел на него наручники. Стрелки разоружили охрану, а горластый сержант уже кричал с вершины холма, что все воины могут расходиться по домам.

— Англичане взяли в плен эмира, до остальных им нет дела! — разносилось над долиной.

— Скажи, что мы сохраним ему жизнь и все имущество, — обратился лейтенант к Дмитрию. — Если он прекратит набеги и будет вести себя смирно, то вскоре сможет вернуться в свой дворец.

— Я узнал тебя, Альхаджи Муса, — сказал эмир, выслушавший перевод Дмитрия. — Этот хитрец Нуху Лере оказался прав, жизнь очень быстро меняется. Сегодня псы затравили кота, и он уже не будет ловить мышей.

Участие в боевых действиях не отвлекло Дмитрия от хозяйственных дел, и он оказался готов к появлению представителей горнорудных компаний. К тому времени эмир Нуху уже принес присягу и получил официальную бумагу с признанием его прав на владение землями, сбор налогов и другие не менее важные функции. К нему же отошла изрядная часть соседнего эмирата, владыка которого вздумал развлекаться тем, что на горных перевалах постреливал в сторону английских геологов. Джентльмены из Лондона благожелательно выслушали Дмитрия, ознакомились с его рекомендациями, полученными в горном департаменте протектората и канцелярии верховного комиссара, но окончательного решения не приняли.

Дело сдвинулось с мертвой точки после того, как они встретились с мистером Кейнсоном. Быстро выяснилось, что серьезные переговоры можно вести лишь с одним из них, и только его компания получила самую полную информацию об уникальных качествах местной руды, содержащей, кроме олова, еще и колумбит, вольфрам и другие редкие минералы. Вскоре эмир Нуху был признан привилегированным пайщиком вновь созданной горной компании, а с Дмитрием, как с его представителем, заключен договор на поставку стальной материалов и проловольствия для будущего

рудника. Полученный кредит позволил заказать более мощное оборудование для собственной лесопилки и кирпичного завода, приобрести несколько земельных участков и на берегу Кануны, где верховный комиссар Лугард решил строить новую столицу Северной Нигерии.

Железная дорога вступила в строй вовремя и на ее открытие прибыло множество важных гостей. Среди них был и эмир Нуху в своем красочном традиционном наряде. Увидев названного сына, чисто выбритого и одетого в полувоенную форму управления транспортных работ, он удовлетворенно улыбнулся и не без гордости взглянул на других вождей. Но сам Дмитрий чувствовал себя отвратительно. За эти годы совсем отвык от европейской одежды и сейчас тесный френч, узкие брюки и тяжелые армейские ботинки сковали все тело. А тут еще оголенная кожа лица воспалилась и отчаянно чесалась, обдуваемая влажным и теплым ветерком.

Но приходилось терпеть. Вчера мистер Кейнсон провел с Дмитрием долгую беседу и предупредил, что на торжество прибудет верховный комиссар, упомянул о некоторых фактах и особенностях его характера.

Родившийся в Индии, в семье миссионера, Фредерик Джон Лугард решил посвятить свою жизнь созданию Британской империи. Блестяще окончил Королевский военный колледж и начал службу в одном

из самых привилегированных полков. Но избыток энергии не позволил ему спокойно делать карьеру в столичном гарнизоне. Да тут еще случился бурный, и довольно скандальный, роман с одной замужней леди. Так что молодому офицеру пришлось покинуть Лондон и отправляться в Афганистан. Он отлично проявил себя во время похода на Кабул, а затем храбро сражался с махдистами на берегах Нила и отличился во время операций в Бирме и Восточной Африке.

Услышав этот рассказ, Дмитрий не удержался и фыркнул. Настолько некоторые моменты в судьбе Лугарда показались похожими на его собственную историю.

— Не вижу в этом ничего смешного, — проворчал мистер Кейнсон. — Лугард смелый офицер и расчетливый администратор. К подчиненным относится справедливо, но не терпит своеволия и лени.

— У меня нет таких качеств.

— Последнее время вы ведете себя слишком самостоятельно. Поступают жалобы на вызывающее поведение наглого араба, который слишком успешно увеличивает свое имущество. К счастью, все эти жалобы исходят от чернокожих, а их верховный комиссар очень не жалуется. Недавно на нижнем Нигере какой-то местный Робин Гуд проткнул его отравленной стрелой. Лугард выжил, но после этого возненавидел туземцев, больше чем арабов. Теперь он лучше относится даже к

французам!

Дмитрий промолчал, но англичанин продолжал свои наставления.

— Вы еще молоды, мистер Димитри, но уже должны знать, что комиссары и губернаторы, короли и президенты, меняются, а экономика и торговля остаются. Джентльмены из «Англо-ориентал Найджирия лимитед» и других солидных компаний вложили свои капиталы в руду, лес, пальмовое масло и заинтересованы в получении прибыли. Вы и я стали пайщиками некоторых из них и также заинтересованы в том, чтобы административный идиотизм не мешал торговле. Настоятельно рекомендую принять европейский вид, чтобы не раздражать верховного комиссара. Тем более что за старание на работе и боевую доблесть будете награждены медалью.

Церемония открытия железной дороги прошла очень торжественно — говорились речи, звучала музыка, гремели салюты. Лугард, невысокий лысеющий мужчина средних лет, был одет по-деловому — в куртку с засученными рукавами, из карманов которой торчали карандаши, блокноты и сигары. Он пристально осмотрел подчиненных, подергал свои висячие усы и в краткой речи дал понять, что власть Британской администрации несет мир и процветание, а те, кто с этим не согласен, будут наказаны. Под колючим взглядом его глубоко посаженных глаз, все

почувствовали себя довольно неуютно. Приглашенные на церемонию эмиры и вожди племен сразу же поняли, что надо проявить покорность и стали кланяться до самой земли и бормотать здравицы в честь нового повелителя. Однако эмир Нуху и тут превзошел своих коллег. Он сделал вид, что только сейчас обратил внимание на малый рост верховного комиссара и, как бы по сердечной простоте, громко изумился:

— Этот малец — грозный молодец!

Стоявший рядом с Лугардом мистер Кейнсон перевел слова эмира и пояснил, что в торжественных случаях местные жители именно таким образом выражают восторг и восхищение.

— Туземцы весьма эмоциональны, сэр, — добавил майор Мак-Клинтон. — Порой наивная искренность этих детей природы не знает границ.

Естественно, что после таких объяснений, эмиру Нуху было оказано благосклонное внимание.

Торжества закончились вручением наград, и на груди Дмитрия заблестели медаль на пестрой ленточке. Лугард критически взглянул на награжденного и заявил, что для хозяйственного освоения колонии нужны именно такие энергичные люди. Командовавший конными стрелками лейтенант за доблесть на поле боя получил высшую британскую боевую награду — Крест Виктории. Ордена и медали получили и другие лица, а верховный комиссар объявил, что это почетный малец

верховный комиссар объявил, что это пока лишь малая часть щедрот, которые хлынут на доблестных строителей Британской империи после полного умиротворения султаната Сокото.

Недовольным остался один лишь майор Мак-Клинтон, которому достался орден «За боевые заслуги».

— Сопливый мальчишка, в Африке служит недавно, а такую награду отхватил, — жаловался он мистеру Кейнсону. — Некоторые здесь годами пыль плотают, а он только из пулемета пострелял и сразу Крест Виктории получил. Если эта награда будет раздаваться всем молокососам, то скоро и русских пушек не хватит!

— Прошу прощения, сэр. Но причем здесь русские пушки? — удивился Дмитрий. Его, вместе с майором и почтовым чиновником, мистер Кейнсон пригласил к себе, чтобы обмыть награды в узком кругу.

— Согласно воле нашей обожаемой королевы Виктории, высшая боевая награда Великобритании чеканится из бронзы русских пушек, захваченных нашими солдатами во время Крымской войны, — торжественно произнес майор. — Здоровье Ее Величества!

Все встали и выпили за здоровье королевы.

— Не расстраивайтесь, майор, — успокоил его мистер Кейнсон. — Вы так же получили достойную награду.

— О подвиге лейтенанта напишут все наши газеты, — произнес почтовый чиновник. — Их прочтут в городских кварталах и сельской местности, и тысячи молодых людей захотят поехать в колонии за славой и почетом. На вербовочных пунктах выстроятся целые очереди желающих. А стоит ли рассказывать публике о нашей работе?

Больше этой темы никто не касался, и застольная беседа завершилась в обстановке полного согласия и профессионального взаимопонимания. Но Дмитрию стало окончательно ясно, что ему навечно отводится роль инструмента, полезного для «хозяйственного освоения новой колонии». Принимать такую судьбу не хотелось.

Но чтобы изменить положение и добиться успеха, чтобы не подставить себя под удары разгневанных врагов и обиженных друзей — тот же мистер Кейнсон никогда не одобрит подобной самостоятельности — надо было действовать обдуманно и спокойно. Сейчас наступил подходящий момент, все англичане заняты походом на Сокото, заранее готовятся вступить в спор о разделе добычи, новых должностей и наград.

Телеграмма из Лагоса сообщила о прибытии нового набора пил для лесопилки. Это означало, что деньги переведены в надежный банк. Молодец Ассад!

Прошло еще некоторое время и Дмитрий очутился на борту парохода «Зария». Огромное гребное колесо,

приспособленное на его корме, вспенивало бурую воду, а могучее течение Нигера удваивало скорость ветхого суденышка. Мимо проплывали крутые лесистые холмы и черные скалы, капитан ругал руководство компании, которое за многие годы так и не удосужилось отметить на реке опасные для судоходства места. Недобрым словом вспоминал прибрежную деревушку Аджакуту, где местные жители перебили экипаж и разграбили груз севшей на камни баржи.

Наконец горы отступили и сменились низкими песчаными берегами. Течение реки стало плавным, она разлилась на добрых три километра. Вскоре «Зария» повернула к городку Локоджа, что лежит у слияния Нигера и Бенуэ.

Здесь, у причала из массивных бревен сгрудились многочисленные пароходы и баржи, на берегу встали конторы и склады, окруженные кварталами соломенных хижин и навесов. Именно сюда в 1841 году пришли первые четыре парохода, только что принятые на вооружение британского военно-морского флота. На небольшом участке земли, с разрешения султана Сокото, были построены торговая контора и полицейский пост. Полноводные реки открывали широкий путь на север, запад, восток и территория британских владений в глубинах Западной Африки постоянно расширялась. В Лондоне им давали самые различные названия — Протекторат Масличных рек, Колония Лагос, Нигерский

протекторат на западном берегу, колония Уганде, Нигерия, Судан, Нигриция... Так продолжалось до тех пор, пока супруга Лугарда, журналистка лондонской «Таймс» Флора Шоу, не начала использовать в своих статьях новое название — Нигерия.

Об этих событиях Дмитрий слышал уже много раз. Сейчас его интересовал один вопрос, как, не привлекая к себе внимания, покинуть пределы протектората и перебраться в Лагос. Знал, что где-то в Локодже обосновался один из родственников Хасана, но совсем не ожидал встретить его самого.

— Думал, что сейчас ты находишься в Сокото или Кано, — удивился он, увидев старого приятеля.

— Там уже все кончено, — грустно произнес Хасан. — Яйцом камень не разбить! Сам видел, сколько пушек и пулеметов у англичан. Да еще они пускали ракеты, которые поджигали дома и посеы. Даже ночью к их лагерю было не подступиться — какие-то машины ревели, как сотни львов, и все вокруг освещали мертвым светом.

— Это они включали сирены и прожектора, чтобы вас напугать.

— Больше всего пугала пулеметная стрельба. Звучало, вроде и не очень громкое, та-та-та, а люди падали один за другим. Да и пушки делали свое дело. Городские ворота Кано, окованные железом, они разнесли за малое время, так что сопротивление было

бесполезным.

— Слышал, что эмир Кано бежал из города.

— Он долго колебался и не знал, что предпринять. Потом собрал своих телохранителей и отправился в Сокото, чтобы посоветоваться с султаном и поклониться могилам предков. Англичане узнали, что в городе нет власти и тут же появились у ворот. Но тебе я могу сказать откровенно, многие горожане не хотели воевать.

— Думаю, именно ты это им подсказал?

— Не только я. Про нас, жителей Кано, говорят, что «утром они красильщики, днем переписчики книг, вечером торговцы»... Дураков среди нас нет, власть глупых и своенравных эмиров всем надоела. Люди хотят спокойно жить и работать.

— В других местах шли бои?

— Были мелкие стычки. Но около Сокото произошло целое сражение. Там живет много тех, кто больше привык командовать, а не работать. Вот они и решили вместе с султаном скакать прямо на пулеметы. Кто остался живым, быстро одумались и разбежались по домам.

— А султан Аттахиру?

— Он бежал на восток, в горы Баучи. Тамошним дикарям, которые так и не поняли разницу между Аллахом и своими деревьяшками, объявил, что поведет их в паломничество к святыням Мекки и Медины. Они поверили и собрались в городке Бурми, с копьями и

луками встали на его стенах слуги султана связали их за ноги, что бы кто-нибудь не передумал и не бежал. Потом они целый день пускали стрелы, а к вечеру англичане подвезли пушки. Агтахиру сам поднялся на стену, призвал всех стоять до конца. Погиб как воин, пуля ему попала прямо в лоб. На следующий день в самом Бурми и окрестностях насчитали тысячи трупов его защитников.

— Англичане умеют быть беспощадными, — кивнул Дмитрий. Услышанное только укрепило его решимость. — Куда же делся эмир Кано?

— Бежал в глухую деревушку, но свои же придворные выдали его англичанам. Сейчас сидит в тюрьме Локоджи. Хочешь взглянуть на него?

— Не имею желаний. Боюсь, как бы самому в ней не оказаться. Срочно надо быть в Лагосе, а пропуск получить не успел. На пароход без него не пустят.

Какое-то время Хасан внимательно смотрел на Дмитрия, потирал толстый нос. Потом его рябое лицо озарилось широкой улыбкой.

— Понимаю тебя, брат Муса, — негромко произнес он. — Мы с тобой всю Африку прошли с востока на запад, послужили и негусу и хакиму. В каких только переделках не бывали. Пришло время подумать и о своих делах. Тебе пора возвращаться домой. Для англичан ты чужой и скоро станешь ненужным Бычьей голове. Даже опасным. потому что слишком много

знаешь о его делах. Тебе нужна помощь?

— Нужна

— Слышал, что за это время ты успел обзавестись кое-какой собственностью. Кому ее оставляешь?

— Все записано на эмира Нуху Лере.

— Очень разумно. Скоро верховный комиссар начнет назначать новых эмиров, верных королеве. Сейчас им подбирают надежных помощников. Так что казначейство Кано уже можно назвать моим.

— Поздравляю.

— Без таких, как я Лугард, не сможет управлять. Но и мы не будем терять время даром, узнаем все тайны англичан и еще скажем свое слово. Это наша страна... Ты пока на пристани без пропуска не появляйся: военное положение еще действует. Ночью тебя отвезут к дальним островам. Завтра моя баржа отплывает в Лагос с грузом кож и хлопка, она и подберет тебя. Передашь привет Ассаду, он уже собственный магазин открыл!

В Лагосе пришлось задержаться. В этом городе, раскинувшимся на болотистых островах между океаном и лагуной, влажная жара не ослабевала крупный год. Только после захода солнца ветерок с Атлантики приносил некоторую свежесть. Часто солнце скрывалось

за низкими серыми облаками и часами моросил дождь. К ночи он переходил в ливень, и долгие вечерние часы можно было слушать, как крыша легкого домика гудит под ударами водяных струй. В перерывах между дождями оглушительно орали огромные бурые лягушки, а на стенах, покрытых зелеными пятнами плесени, резвились крупные усатые тараканы. Тучи насекомых летели на свет настольной лампы, гроздьями повисали на mosquito сетке, ища самую маленькую дырочку, чтобы дорваться до укрывшегося за ней потного тела.

Купец Ассад, у которого остановился Дмитрий, только вздыхал, вспоминая благодатный климат родного Туниса. Тем не менее он часто повторял, что Лагос это город, в котором улицы вымощены фунтами стерлингов.

— Надо только уметь их подбирать и тратить с умом, — говорил он. — Каждый день на эти острова с материка приходят десятки новых людей. Они не имеют ни знаний, ни денег. Умеют только копать землю и таскать мешки. Потому и живут в лачугах на окраинах. Но ты взгляни на дома амаро!

— Кто это?

— Дети и внуки рабов, которых когда-то увезли в Бразилию. Те, кому удалось там выжить и разбогатеть. Теперь вернувшись на родину своих предков, они взяли всю торговлю в свои руки. Миллионами ворочают, в лондонских банках имеют собственные счета. Какие дома в центре города построили — два и в три этажа с

колоннами, резными оградами на балконах, с фигурами и росписью. Детей посылают на учебу в английские колледжи!

— Как на это смотрят колониальные власти? — поинтересовался Дмитрий. На Севере доводилось видеть совершенно другое отношение к способностям африканцев.

— Сейчас колония Лагос имеет особый статус и не подчиняется верховному комиссару. В такой жаре англичане долго не живут. Очень скоро уезжают домой, кто сам, а кто и в гробу. Для них главное, чтобы продолжалась прибыльная торговля. Знают, чтобы сделка совершилась успешно, местный купец-посредник должен получить комиссионные. Так что в этой лагуне ловкая ящерица очень скоро превращается в матерого крокодила!

— Слышал, что англичане выгнали африканских представителей из Торговой палаты.

— Это было несколько лет назад. Сейчас все переменялось — амаро объединились с нами, арабскими торговцами, и устроили настоящую забастовку. Банковские операции прекратились, вся торговля встала. Теперь палата в наших руках, и губернатор Лагоса не хочет новых ссор. Некоторые из этих амаро даже получили паспорта, стали британскими подданными. Один из них, Китойе Аджаса, за особые

заслуги королевским указом возведен в рыцарское достоинство, и теперь все к нему обращаются со словом «сэр»!

С тем, что Ассад говорит правду нельзя было не согласиться. Стоило только взглянуть на работы в морском порту, где возводились новые причалы и землечерпалки углубляли дно. Или на строительство вокзала и железной дороги, которая должна была соединить Лагос с внутренними районами, а в будущем протянуться и до самого Кано. Освещенные электрическими фонарями центральная набережная Марина и главная улица Бродстрит, а также телефон, в крупных конторах и банках, говорили сами за себя. Все это ясно свидетельствовало о действительно огромных перспективах для бизнеса на африканском земле.

Своеобразные условия этого торгового центра давали возможности для осуществления давно задуманной операции — получения британского паспорта.

Новое дело Дмитрий начал расчетливо и хладнокровно. Заводил знакомства с нужными людьми, тщательно собирал информацию, терпеливо обивал пороги канцелярий. Приходилось терпеть откровенное презрение старших чиновников и вымогательство младших клерков. Тем не менее, не без помощи Ассادا и его знакомых, обзавелся несколькими важными бумагами.

Однако еще оставался визит к заведующему канцелярией губернатора. Именно от этого, обиженного на жизнь господина, годы службы в тропиках не прибавили ему ни наград, ни денег, ни здоровья, зависело — стоит ли занимать высшее руководство такой ничемной проблемой. Опытные люди предупреждали, что этот сноб требует самого тщательного оформления бумаг, подарков не принимает и, как представитель одной из старейших дворянских фамилий графства Глостершир, с большим трудом переносит общение с нетитулованными особами, не говоря уж о представителях других национальностей.

В ожидании приема Дмитрий несколько часов просидел в душном коридоре... Рядом томились другие просители, сжимавшие в потных ладонях свои бумаги. Первыми, согласно заранее составленному списку, прошли на прием англичане. Многие из них вышли из канцелярии, нервно кусая губы и бормоча проклятия. Два итальянца, грек и прочая цветная публика, в их числе и Дмитрий, терпеливо ожидали своей очереди.

В коридор, громко стуча сапогами, весь в нашивках и наградах, вошел старший сержант стрелков, несших охрану у ворот губернаторского дворца. Привычно покрутил ручку массивного телефонного аппарата на столе у дежурного клерка и приказал кому-то приготовиться сопровождать губернатора в поездке за город. Говорил на хауса.

Когда он проходил мимо, Дмитрий встал и отдал честь левой рукой.

— Здравия желаю, старший сержант! Прости, не могу салютовать, как положено. Плечо прострелено.

— За что получил медаль?

— Брал эмира Нагвамаце. Да еще за разные дела под командой Горбатого вояки.

— О, да ты воевал на востоке! Мой брат в войске Раббеха стал десятником.

— В чьем аламе?

— Умара Муби.

— Знаю его, это муж дочери Раббеха Аввы. Ходил с ним в горы Мандара.

— Ха! Вижу, ты послужил королеве Викторри и в чужом войске. Что привело тебя в Лагос?

— Душно здесь. Мне надо побыть в тени³⁵.

Во дворе старший сержант внимательно выслушал Дмитрия, задал несколько вопросов. Потом рассмеялся и протянул свою громадную ручищу.

— Давай сюда бумаги, земляк. Правильно решил, что только в Лондоне вылечат твою руку. Сейчас мой знакомый писарь все сделает. У него таких паспортов целая коробка.

— Земляк, пусть он выпишет паспорт на имя Дмитрия Есаулова. — Дмитрий решил, что успех следует развивать немедленно. — Это греческое имя. В

Лондоне к христианам относятся лучше, чем к мусульманам.

— Хорошо придумал! Потом замолишь этот грех. В городе обезьян, сам будь обезьяной. Напиши имя по буквам и жди меня.

— Земляк, прими мою скромную благодарность, — Дмитрий вынул серебряные часы Айчака. — В Кадуне мой отец эмир Нуху строит свой дворец. Покажи там эти часы и тебя встретят там как самого дорогого гостя.

Через несколько дней Дмитрий стоял на палубе парохода и полной грудью вдыхал соленый океанский ветер. Смотрел на зеленую стену мангровых зарослей, голубую ленту лагуны и сверкающую под солнцем беспредельную водную гладь Атлантики. За спиной оставались дымные причалы, шумные улицы и площади Лагоса и долгие годы, проведенные на африканской земле. В кармане лежал британский паспорт, белоголубая чековая книжка «Барклиз банка», доверенность на получение акций «Англо-ориентал Найджирия лимитед».

Выдержал все испытания и домой в Россию возвращаюсь не нищим бродягой!

Но к чувству радости примешивалось и другое. Жизнь продолжается и предстоят новые дела. В Африке остается сын, живая память о первой любви. Надо думать о том, чтобы продолжить его обучение в Англии. Для этого нужны деньги. Они нужны и для того, чтобы

полностью оплатить покупку мануфактурного магазина в Лагосе. Пока за него внесен только первый взнос.

Нельзя забывать и о вчерашнем разговоре с мистером Кейнсоном. Он все-таки появился в Лагосе. Распушил свои бакенбарды и не скрывал удивления:

— Не ожидал от вас такой резвости, мистер Иесолоф! Вы сделали неожиданный ход.

— Разве я нарушил правила игры? Теперь занимаюсь только коммерцией. Никакой политики!

— В таком случае, я вас поздравляю! Рад, что Великобритания получила еще одного энергичного предпринимателя, имеющего солидный опыт работы в Африке. Желаю удачи!

Расстались выпив мировую. Мистер Кейнсон вспомнил житье в Дикве, расчувствовался. Даже написал рекомендательное письмо и просил показать его одному хорошему человеку в Сити. Признался, что теперь, когда стал обеспеченным человеком, решил расстаться с государственной службой. Собирается купить дом где-нибудь на юге Англии и разводить голубей...

Ветер с океана ерошил пальмы на берегу, кричали чайки. Палуба под ногами дрожала, и пароход медленно выходил из лагуны.

Экспресс Кале — Париж прибыл точно по расписанию и встречающие заполнили перрон. Носильщики и извозчики занялись багажом пассажиров, продавцы газет и цветов предлагали свой товар. Дмитрий неторопливо вышел из вагона, встал на ступеньках вокзальной лестницы, в стороне от шумной толпы.

Осторожно натягивал перчатку на больную руку. Лондонские врачи более или менее восстановили ее подвижность, но после переправы через штормивший Ла-Манш и сквозняков в поезде старая рана опять заныла. Впрочем, холодная и сырая погода осталась на севере и в это солнечное июньское утро Париж был прекрасен.

— Такси, сэр?

Весь затянутый в кожаные одеяния шофер распахнул дверцу машины. Его ярко красный полморисс, с квадратным радиатором, высокими колесами с деревянными спицами и множеством начищенных бронзовых деталей, был просто великолепен. Это чудо современной техники — на сияющей табличке была выбита и дата его создания (1906 год) — затмевало элегантные экипажи извозчиков, и нельзя было отказать себе в удовольствии осмотреть французскую столицу с его высокого сидения. Ради первого знакомства с Парижем, цена такой поездки не имела значения.

Уловив иностранный акцент пассажира и услышав название одного из довольно дорогих отелей, а затем и точный маршрут поездки — Елисейские поля, Лувр, Эйфелевая башня и Дом инвалидов, в соборе которого находится гробница Наполеона, шофер по-военному вытянулся и взял под козырек.

— Служили в Индии, сэр?

— В Африке.

— О, Африка! Несравненная земля! Мне довелось служить в Сенегале и на Нигере, сэр.

Но Дмитрий не стал вступать в разговор, лишь молча кивнул. Он с интересом рассматривал город, о котором так много слышал и в который его привели дела московских текстильных фирм.

За последние два с лишним года многое пришлось пережить.

В Лондоне оказался совсем один. На все запросы родное начальство отвечало странным молчанием. Через знакомых узнал, что дядя Семен и тетушка скончались, а их дочери повыходили замуж и разлетелись по всей Российской империи. Обращение в посольство ничего не дало. Пришлось выкручиваться самому. Ради первого знакомства благообразные джентльмены из лондонского Сити круто обошлись с приезжим из Африки, пожелавшим заняться бизнесом. Ободрали как липку и только сочувственно разводили руками, удивлялись — как такое могло случиться? Но

стиснул зубы и выдержал первый удар. Хорошо, что не сразу пустил в дело весь капитал. Свои ошибки учел, чужие хитрости понял и научился не верить вежливым улыбкам. Увидел, что в этом деле, так же как и на войне, нельзя падать ни самого себя, ни других. Но, чтобы вернуть свои деньги, а потом получить и прибыль, работать пришлось много.

Отчасти помогло рекомендательное письмо мистера Кейнсона, хотя сам он так и не смог вернуться в Англию — сердце не выдержало долгих лет пребывания в Африке. Главную ставку Дмитрий сделал на компанию «Англо-ориентал Найджирия лимитед», которая быстро устранила конкурентов и прибрала к рукам месторождения оловянной руды в горах Джоса. Скоро ее руководство оценило энергию и знание страны своим акционером, направило его в командировку для разрешения на месте некоторых организационных вопросов, приняло к сведению предложенные рекомендации. Его доклад на совете директоров произвел хорошее впечатление.

Русско-японская война резко повысила спрос на продукцию компании. Патронная латунь и другие сплавы олова подскочили в цене, обе воюющие стороны делали крупные закупки. Шквальный огонь русских пулеметов подчистую выкашивал японские батальоны на подступах к фортам Порт-Артура, и расход патронов

оказался чудовищным. Генеральные штабы всех стран делали срочные заказы на изделия Максима, Люиса, Шоша и других производителей автоматического оружия. Судостроительные, электротехнические, консервные и другие предприятия требовали все новых партий олова, и акции компании росли.

Тем не менее Дмитрий понимал, что опасно класть все яйца в одну корзину. Знакомство с производителями красителей помогло установить деловые контакты на рынке тканей. Прошло некоторое время и в его магазинах, один в Лагосе и два в Кадуне, под присмотром Ассада началась продажа «британики», «Гвиней» и других хлопчатобумажных тканей, производившихся на фабриках Манчестера специально для африканских колоний. Родилась мысль о расширении посевов хлопка на нигерийском Севере и строительстве ткацкой фабрики в Кано.

Но пока это были планы на будущее. Сейчас гораздо больший интерес представляли контакты с земляками. Стабильный — золотой! — российский рубль и благоприятная таможенная политика открыли широкие возможности для национального капитала. За последние годы в Российской империи строительство железных дорог, металлургических заводов и шахт, ткацких фабрик и других промышленных предприятий шло невиданными темпами. Активно обновлялся их машинный парк, а многие московские текстильные

мануфактуры по своему оборудованию вышли на самый современный уровень. Именно о них, как о серьезных конкурентах английским текстильщикам, писала лондонская «Таймс». Газета предупреждала, что согласно мнению экспертов, российские мануфактуры — лучшие в мире, не только с точки зрения устройства и оборудования, но также в смысле организации их работы и управления.

В Англии Дмитрию доводилось сталкиваться с представителями Прохоровых, Морозовых и других российских промышленников. Оказывал им некоторую помощь в получении заказов на новое оборудование, помогал встретиться с нужными людьми. Но, кажется, теперь такие контакты будут строиться на постоянной основе. Это и должен выяснить разговор с одним из их доверенных лиц в Париже.

Этим лицом оказался Григорий Павлович, тот господин с российским дипломатическим паспортом, что когда-то в Александрии предложил Дмитрию сопровождать груз оружия для эфиопов. За эти годы он еще больше раздался вширь, отпустил окладистую бороду, но его серо-голубые глаза по-прежнему смотрели бодро и весело. После того как по добром русскому обычаю отметили встречу и перешли на «ты», он не стал скрывать своего изумления:

— Вот послушал тебя и подумал — истинно русский человек нигде не пропадет, ни в Африке, ни в

Европе. Многие из наших неплохо устроятся, только не любят болтать об этом. Но как ты, казак отчаянный, после всех своих приключений с французами, можешь жить в парижском отеле под собственным именем?

— Мне бояться нечего, — усмехнулся Дмитрий. — Тогда я был арабом, а сейчас подданный Британской империи, консультант и член совета акционеров солидной фирмы. Англия и Франция кончили делить Африку и, чтобы осадить своего общего врага Германию, создали союз Антанту. Есть слух, что представители их генеральных штабов уже обсуждали возможность сотрудничества в новой войне. Слышал, что и Россия собирается вступить в Антанту.

— Вижу, интересуешься не только изготовлением ситца.

— В таких делах следует разбираться. Как вести дело, если не понимаешь ничего в политике, экономике и военном деле? Лучше скажи, Григорий Павлович, как меня дома числят? Сколько бумаг написал, а ни ответа, ни привета.

— В канцеляриях бумаги всегда долго лежат, а тут еще случилась война с японцами и революция. Во всех умах смятение, великих князей и губернаторов бомбами рвут, усадьбы палят дотла, в Москве бои на баррикадах... И тут твои бумаги. Кто такой? Из какой-то Нигерии? Чем там занимался? А может ты бомбист-революционер или японский шпион? V

осмон-революционер или японский шпион? У чиновников и без тебя голова идет кругом.

— Что же, теперь вся моя служба забыта? В шифровках благодарили, упоминали о наградах.

— Эх, хорунжий! Службу ты сослужил бесценную. Люди знающие просили сказать тебе большое спасибо. Сейчас подожди, а за наградами дело не станет.

— Да не в них дело!

— Сидел бы ты в Гатчине, у начальства на виду, так уже имел бы их целый воз. Ну, забыли о тебе! За эти годы сколько всего переменялось. Раньше наши горячие головы в Зимнем дворце рвались на юг, к теплым морям, чтобы было где нашему флоту развернуться. Ашинов со своей Новой Москвой на Красном море был лишь первой ласточкой. Потом, после того, как не удалось получить гавань Масан на юге Корейского полуострова, обстраивали Порт-Артур на Тихом океане да еще хотели арендовать персидский порт Чахбехар на Индийском. Собирались протянуть к нему железную дорогу через Афганистан от самого Ташкента, возвести там причалы, доки и батареи. Активно действовали и в Южной Африке. Там на стороне буров сражалось несколько сотен наших добровольцев, был даже создан конный отряд русских разведчиков. Ну а про Эфиопию все знаешь и сам.

— Общей картины не знал.

— Война с японцами многих отрезвила. Она еще

раз доказало, что военное счастье ненадежно и для проведения активной политики прежде всего надо иметь сильную экономику. Да еще нельзя забывать и о разведке. Не даром матушка Екатерина повелела в свое время учредить «секретную экспедицию» и посылала ее агентов в соседние страны. Наказала, чтобы они заблаговременно получали «из заграниц» достоверные известия о всех важных происшествиях.

— Кажется, твой интерес к прежним делам не угас?

— На досуге занимаюсь историей. Сейчас всем приходится перестраиваться, подрабатываем, кто чем может, — Григорий Павлович замолчал, плотно сжал губы. Некоторое время смотрел на подернутое дымкой вечернее небо. Но вот его глаза задорно сверкнули. — А с Эфиопией у нас получилось! Не позволили макаронникам ее раздавить! Сейчас Менелик прочно сидит на троне.

— Ну, а с Борну не вышло, — вздохнул Дмитрий.

— Это не твоя вина. Недавно в Париже вышла книга известного тебе Жантийя «Падение империи Раббеха». Он довольно объективно оценивает его деятельность и признает, что тот стремился преобразовать страну и установил в ней разумный порядок. Пишет, что народ поддерживал эмира и если бы французы еще немного промедлили, то не смогли бы его победить.

— Когда-то господин Леонтьев посоветовал мне

написать книгу о поездке в Борну. Кстати, где он сейчас?

— Не могу точно сказать. Знаю, что не ужился с нашими дипломатами, которые объявили его авантюристом. Во время войны с японцами имел дело с нашей разведкой, потом видели его в одной из европейских столиц. А книгу, на основании его дневников и походных документов, написал некий господин Елец и назвал ее «Император Менелик и его война с итальянцами».

— Обязательно прочту ее на досуге!

— Так ты и сам можешь вернуться домой и взяться за перо. Паспорт российский я тебе помогу получить, выйдешь в отставку, купишь дом в Москве. Смута пошла на убыль, царь издал манифест, объявил о создании Государственной Думы, свободах и неприкосновенности личности. Савва Морозов положит тебе хороший оклад, будешь поставлять его ситцы в Аравию или Персию. Согласен?

— Не сейчас. В Лондоне бросать дело нельзя, оно мне досталось дорогой ценой. Обратно на свой рынок англичане уже не пустят. Опять же сын у меня растет, в этом году привез его в Англию, отдал в пансион. А с господином Морозовым готов сотрудничать. Со временем можно и дом в Москве купить.

— Правильно решил, казак! Нам свой человек в Англии очень нужен. Ну а если России-матушке опять,

послужить придется?

— Это в каком смысле? Шашкой махать уже не получится.

— Так для такого дела есть ребята помоложе. Вот если надо будет дать совет или узнать где, что, по какой цене и куда идет? Мне, например, сейчас приходится иметь дело с парижскими журналистами. Ребята шустрые, пишут бойко, все наши заказы выполняют отлично, по шести франков за строчку получают. Плачу, конечно, не свои, а из сумм, предназначенных, как говорится, на «известное господину министру внутренних дел употребление».

— С журналистами дела иметь не привык. Но для российской пользы интересной коммерческой информацией всегда поделюсь.

— Вот и отлично. А сейчас поехали-ка к моей хорошей знакомой, художнице Елизавете Сергеевне Крутиковой. По четвергам она устраивает приемы в своем салоне. Собираются интересные люди, поэты и писатели, русские и французы, знаменитые и не очень. Тебе это будет интересно и полезно, а то совсем отвык от общения с земляками.

Салон художницы не произвел на Дмитрия сильного впечатления. Публика собралась разная, разговор шел легкий, ни о чем и обо всем. Многие суждения о политике и финансах были просто наивны, а

осуждение последних новостей из России и страстная полемика не вызывали интереса.

Григорий Павлович заметил, что его гость скучает и как бы случайно завел разговор об Африке. Недавно кто-то из французских художников привез из Конго целую коллекцию ярко раскрашенных масок и деревянных статуэток. Теперь весь артистический Париж увлеченно обсуждал экспрессию и ритмику негритянской скульптуры. Дмитрия тут же втянули в общий разговор и засыпали вопросами. Пришлось кое-что рассказать о своих африканских впечатлениях. Но старался не сказать лишнего, больше вспоминал о природе и животном мире. На фоне других красноречивых собеседников получилось довольно серо. Слушатели вежливо улыбались и больше вопросов не задавали.

Только одна девушка, с синими-пресиними глазами и русой косой, заинтересовалась, как размещаются такие скульптуры в жилищах африканцев. Рассказ о типах домов и их внутреннем убранстве слушала внимательно, задала дельные вопросы. Дмитрий оживился, вспомнил интересные подробности. Из дальнейшего разговора узнал, что ее зовут Маша и что она слушает лекции по французской истории в Сорбонне. Нарушая все приличия, не отрываясь смотрел на нее, с удовольствием слушал бойкий московский говор и чувствовал, что гибнет. Совсем как герой какого-нибудь бульварного романа.

Но действовать решил немедленно и несколько церемонно спросил, не будет ли Маша так любезна и не покажет ли она, вместе с кем-нибудь из своих подруг, Лувр и другие достопримечательности Парижа.

— Хочу через некоторое время привезти сюда своего маленького сына, чтобы показать ему город, — сказал Дмитрий и добавил: — Я вдовец.

Девушка почему-то вспыхнула и стала необыкновенно хороша. Кивнула в знак согласия.

Дмитрий понял, что теперь сделает все для того, чтобы Маша стала хозяйкой в его доме. В Лондоне или в Москве, это уже не имеет значения.

— Вот он где, наш африканский казак! — произнес подошедший Григорий Павлович. — Привел тебе слушателя. Этот молодой человек очень интересуется Африкой. В прошлом месяце получил аттестат зрелости Николаевской императорской гимназии в Царском Селе и прибыл в Париж, чтобы продолжать образование в Сорбонне.

Стоявший рядом с ним юноша не обладал заметной внешностью: невыразительные черты лица, толстые бледные губы, немного косящие глаза. Как и положено недавнему гимназисту, стрижен под бобрик. Нервно потирая руки и краснея, он довольно невнятно произнес свое имя.

— Да вы, молодой человек, спрашивайте, не стесняйтесь. — Григорий Павлович ободряюще

улыбнулся. — Наш казак всю Африку насквозь прошел, знает ее не по книгам. Беседуйте, а я вас оставляю.

— Что вас интересует? — Дмитрий приветливо кивнул юноше. Живо представил себе царскосельские дворцы и парки, Гатчину и другие живописные пригороды Санкт-Петербурга...

И вдруг его осенило! То, что раньше мелькало где-то в смутных мечтах, да порой грезилось в зыбких снах, теперь вылилось в четкое решение — пришла пора возвращаться домой! Настало время! Теперь, имея опыт, собственный капитал и зарубежные связи, а при таких условиях получить кредит в любом солидном лондонском банке не составит проблемы, можно начинать и свое дело. Торговое, а то и промышленное. Знакомство с рынками Египта, Эфиопии, Судана, знание о потребностях их народов и повадках местных властей позволят поставлять туда и российские товары!

— Простите, я опоздал и не слышал ваш рассказ. В Царском Селе встречался с офицерами, которые сопровождали первое российское посольство в Аддис-Абебу. Готов был без конца слушать их воспоминания.

— Николай, а Дмитрий Михайлович оказывается побывал еще на Нигере и озере Чад, — сказала Маша.

— О! Так вы побывали в самом сердце Африки! Неужели были и на берегах таинственного Чада! — у юноши не осталось и следа от былой неуверенности. Его

лицо оживилось, глаза восторженно засверкали. — Значит, словно конкистадор или пилигрим, прошли через пропасти и бездны гор и раскаленный ад пустынь, испытали битвы и бури на диких просторах Черного континента. Своими глазами видели не только Аддис-Абебу, но и Борну и Сокуто! Очень прошу, расскажите об этих неизвестных мирах!

— Охотно отвечу на все ваши вопросы, но не сейчас. Сразу же хочу предупредить — я не мастер на красочные описания. В тех краях меня интересовали весьма прозаичные вещи. Думаю, что придет время и вы сами побываете в Африке. Буду рад встретиться — вот моя визитная карточка. Найдете меня в отеле «Континенталь» в любое утро от восьми до десяти. В Париже буду всю эту неделю.

Когда молодой человек раскланялся, Дмитрий спросил Машу:

— Кто это? Очень интересный юноша, но в таком шуме я не расслышал его имя.

— Это Николай Гумилев. Молодой, но очень талантливый поэт. Его стихи уже получили признание знатоков, и он собирается издавать свой литературный журнал «Сириус».

— Могу его понять, Африка действительно прекрасна. Только настоящий поэт способен прославить ее красоту и сказочное очарование... Вот если вы, Маша, когда-нибудь захотите побывать в Африке, то покажу

вам водопады и закаты в горах Джоса, могучий Нигер и джунгли на его берегах, саванну со стадами слонов и зебр. Увидите древние города и дворцы правителей Судана. Такое запоминается на всю жизнь!

— О, Дмитрий! Вы сейчас заговорили совсем не как деловой человек! — рассмеялась девушка. — Не будем гадать о будущем, но завтра я готова познакомить вас с коллекциями Лувра.

Лаптухин В. В. Африканский казак: Роман. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 448 с. — (Живая проза истории).

ISBN 5-275-00060-X

notes

Примечания

1

десятина равна 1, 09 гектара, 10 000 квадратных метров

2

перевод О. Румера

3

Омар Хайям (ок. 1048—1123), персидский поэт и философ

4

разновидность длинной рубашки с широкими рукавами и без пояса

5

в XIX веке на Ближнем Востоке так обычно называли любого европейца

6

сто градусов по Фаренгейту — около пятидесяти градусов по Цельсию

7

рас — один из высших феодальных титулов в
Эфиопии

8

малам — учитель, образованный человек

9

зериба — укрепленная резиденция торговца рабами

10

факих — правовед, знаток Корана

11

суя — вид пашлыка

12

бабу коме (язык хауса) — «ничего», «не обращайтесь
внимания»

13

галадим— одно из высших воинских званий вБорну

14

аю — тропический вид морской коровы, ламантин

15

на арабском языке «прибыль» — «риба», «получающий прибыль», «добивающийся успеха», «победитель» — «раббех»

16

хаким — управляющий, глава области

17

батуре — турок, человек со светлой кожей, европеец

18

19

Билад-эс-Судан — на арабском «страна черных». Область Африки от Атлантического океана до Абиссинского нагорья, простирается между Сахарой и зоной тропических лесов

20

харамта барадей — Всадники, приготовиться!

21

тир — восклицание, выражающее крайнее возмущение

22

додо (язык хауса) — злой дух, леший

23

фатальва (язык хауса) — призрак, «оживший»
покойник, зомби

24

ламидо — титул правителя, по значению равный
эмиру

25

Джамус — Германия

26

оба — титул правителя государства Бенин,
существовавшего в XII—XIX веках в дельте Нигера

27

«турава» — англичане, турки, также «люди с белой
кожей», «фарансава» — французы, «джамусава» —
немцы

28

ярима — титул наследника эмира

29

Марианна — символический женский образ, олицетворяющий Францию

30

шенкель — часть ноги от колена до щиколотки, помогает всаднику управлять конем

31

Ричард III — английский король (1452—1485)

32

великая хартия вольностей принята в 1215 году. Она ограничивала власть английского короля, обязывала его соблюдать законы страны, запрещала вводить налоги без согласия Верховного совета, в который входили представители дворян, церкви и городов, признавала право подданных оказывать вооруженное сопротивление королю, если он нарушит хартию.

33

буркуту — смесь пива и самогона, иногда с добавлением наркотиков

34

кварья — сосуд из тыквы, до 5 и более литров

35

в языке хауса слово «тень» также означает «защита», «поддержка»